

ИСТОРИЯ КУЗБАССА
В ТРЕХ ТОМАХ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КУЗБАССА
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА УГЛЯ И УГЛЕХИМИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ИСТОРИЯ КУЗБАССА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

КЕМЕРОВО
2021

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КУЗБАССА
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА УГЛЯ И УГЛЕХИМИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

КУЗНЕЦКИЙ КРАЙ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ в 1890-х — начале 1940-х годов

КНИГА 2

Под научной редакцией А. Н. Ермолаева

КЕМЕРОВО
2021

УДК 94(571.17)
ББК 63.3 (2Рос — 4Ке)
И 90

Редакционная коллегия:

Александр Юрьевич Просеков, чл.-корр. РАН, председатель,
Владимир Васильевич Бобров, доктор исторических наук,
Мария Геннадьевна Леухова, кандидат исторических наук,
Ольга Сергеевна Советова, доктор исторических наук

Авторы:

д-р ист. наук А. Н. Ермолаев,
канд. ист. наук А. Ю. Карпинец,
канд. ист. наук Н. М. Морозов,
канд. ист. наук И. Ю. Усков

Рецензенты:

д-р ист. наук В. П. Зиновьев,
д-р ист. наук В. И. Исаев

И90 **История Кузбасса: в трех томах. Т. 2. Кн. 2.** — Кемерово, 2021. — 380 с.

ISBN 978-5-202-01486-4
ISBN 978-5-202-01486-4 (т. 2)

Т. 2, кн. 2: Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х — начале 1940-х годов / А. Н. Ермолаев, А. Ю. Карпинец, Н. М. Морозов и др.; под науч. ред. А. Н. Ермолаева. — Кемерово: Кузбасская медиа-группа; ArtAvis, 2021. — 380 с.

Представлена история Кузбасса 1920–1930-х годов. В регионе сформированы и начали действовать новые органы власти — советы, произошли кардинальные изменения в промышленности, сельском хозяйстве и социальной сфере. Завершился процесс трансформации местного общества из аграрной стадии в индустриальную. Созданная на востоке страны вторая угольно-металлургическая база впоследствии способствовала победе СССР в Великой Отечественной войне.

Книга рассчитана на историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Кузбасса и Сибири.

Книга подготовлена по заказу Правительства Кемеровской области – Кузбасса и в рамках государственного задания (проект № 0286-2021-0012).

УДК 94(571.17)
ББК 63.3 (2Рос — 4Ке)

ISBN 978-5-202-01486-4
ISBN 978-5-202-01486-4 (т. 2)

© Ермолаев А. Н., текст, 2021
© Карпинец А. Ю., текст, 2021
© Морозов Н. М., текст, 2021
© Усков И. Ю., текст, 2021
© Кузбасская медиагруппа, 2021
© ArtAvis, дизайн, 2021

Вступительное слово

Вторая книга II тома «Истории Кузбасса» охватывает исторический период 1920–1930-х годов. После завершения Гражданской войны на территории современной Кемеровской области начался непростой процесс формирования советских органов власти и управления. Он сопровождался острой внутривластной борьбой и таким феноменом, как красный бандитизм, — внесудебными расправами с бывшими белыми офицерами, священниками, «буржуями» и другими классовыми врагами нового государства.

Первыми органами власти стали революционные комитеты — ревкомы. Возникали они по мере захвата территории Кузбасса регулярной Красной армией. В конце весны 1920 года прошли выборы в Кузнецкий, Щегловский и Мариинский уездные советы, которые приняли власть от ревкомов. Особенности социально-экономического развития Кузбасса, наличие устойчивых очагов промышленности повлияли на складывающуюся систему государственного управления. Помимо уездных советов были образованы районные: Кольчугинский, Анжеро-Судженский и Тайгинский.

Политика военного коммунизма, проводимая в годы Гражданской войны, почти не затронула Кузбасский регион. В марте 1921 года X съезд РКП(б) провозгласил переход к новой экономической политике, предполагавшей частичное возвращение рыночных методов хозяйствования в экономику. Кузбасс оказался уникальным полигоном, где одновременно существовали промышленные предприятия, действовавшие на принципах НЭПа (это прежде всего АИК «Кузбасс») и находящиеся под полным государственным управлением («Кузбасстрест»). Обе структуры занимались добычей угля в одно и то же время и на одной и той же территории. Сравнительные показатели их эффективности продемонстрировали преимущества рыночных форм хозяйствования.

Однако советскую власть не устраивали темпы роста промышленного производства, демонстрируемые НЭПом. Был взят курс на индустриализацию страны с помощью командно-административных методов в рамках плановой экономики. В Кузбассе созданы десятки угольных предприятий, построен гигантский Кузнецкий металлургический комбинат, выдававший чугуна, железа и стали больше, чем некоторые отдельно взятые страны Европы, вступили

в строй крупные химические предприятия, глубокой модернизации подверглась цветная металлургия.

Индустриализация велась ускоренными темпами, часто строительство того или иного объекта начиналось без утверждения проектной документации, по ходу строительства проекты менялись по нескольку раз, причем всегда в сторону увеличения мощности. Нехватка квалифицированных кадров, жесткий административный нажим, нарушение технологии строительства приводили к поломкам и авариям. Были месяцы, когда на Кузнецком металлургическом комбинате аварии происходили буквально каждый день. Все это послужило благоприятной средой для поисков «вредителей» и «врагов народа». По Кузбассу прокатилась волна репрессий, погубившая десятки тысяч людей.

Основным источником индустриализации стало сельское хозяйство. В стране оно было представлено мелкими индивидуальными производителями, которые не могли дать достаточно средств для индустриализации. Именно поэтому был взят курс на коллективизацию, сопровождавшуюся раскулачиванием. Первые коммуны появились в Кузбассе еще в начале 1920-х годов. Первоначально они не могли составить конкуренцию индивидуальным хозяйствам. Только с помощью мощного командно-административного давления, часто насильственного обобществления имущества была создана сеть коллективных хозяйств. К концу I пятилетки в регионе действовало уже более 1 600 колхозов. Для обеспечения сельскохозяйственной техникой созданы машинно-тракторные станции. В сельском хозяйстве начался переход от ручного труда к машинному. Это имело определенный эффект, дало ресурсы для строительства крупных промышленных предприятий.

Индустриализация и коллективизация коренным образом повлияли на социальную структуру населения Кузбасского региона. В течение нескольких десятилетий произошел процесс перемещения населения из села в город, из деревни на промышленные стройки. Он сопровождался притоком людей из других регионов. В 1930-е годы Кузбасс представлял собой настоящий социальный плавильный котел, когда сотни тысяч людей кардинально меняли свой образ жизни, переходя из одного состояния в другое, из одной категории в другую. Все это происходило в условиях острой нехватки материальных ресурсов, коммунальных

благ и жилья. Большая часть городского населения и рабочих вынуждены были проживать в очень стесненных жилищных условиях, зачастую в бараках и полуземлянках. Это приводило к ухудшению санитарного состояния и вспышкам инфекционных заболеваний, с которыми с большим трудом справлялась система здравоохранения.

Вклад авторов:

А. Н. Ермолаев. Глава 5. § 1, 2–3 (совместно с Н. М. Морозовым), § 4 (совместно с И. Ю. Усковым). Глава 6. § 1–4 (совместно с Н. М. Морозовым). Глава 8. § 3, 5. Подбор иллюстративного материала.

Н. М. Морозов. Глава 5. § 2–3 (совместно с А. Н. Ермолаевым). Глава 6. § 1–4 (совместно с А. Н. Ермолаевым). Глава 8. § 1 (совместно с И. Ю. Усковым).

А. Ю. Карпинец. Глава 5. § 5. Глава 7. § 1–3.

И. Ю. Усков. Глава 5. § 4 (совместно с А. Н. Ермолаевым). Глава 8. § 1 (совместно с Н. М. Морозовым); § 2, 4. Составление раздела «Источники и литература», составление приложений.

Глава 5

**МЕСТНЫЕ
ЭКСПЕРИМЕНТЫ НЭПа**

§ 1. Политическая борьба в начале 1920-х годов

Чрезвычайные органы — ревкомы. По мере освобождения Сибири от власти А. В. Колчака начали создаваться советские чрезвычайные органы управления. Высшим органом власти стал Сибирский революционный комитет (Сибревком), созданный на основе постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 27 августа 1919 года «Об организации гражданского управления в Сибири». В его составе сначала были всего три человека: И. Н. Смирнов (председатель), В. М. Косарев и М. И. Фрумкин. Первоначально Сибревком находился в Челябинске, с 23 ноября 1919 года — в Омске, с 1921 года — в Новониколаевске. 7 октября 1920 года председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин утвердил «Положение о Сибирском революционном комитете», согласно которому Сибревком стал высшим органом центральной власти РСФСР в Сибири. Он руководил всеми административно-хозяйственными органами региона и занимался поддержанием «революционного порядка». В его составе создавались различные отделы и подотделы¹.

На местах власть принадлежала губернским революционным комитетам. Постановлением Сибревкома от 23 декабря 1919 года был создан Томский губернский революционный комитет. Его председателем стал большевик Марк Филиппович Левитин. С 23 декабря 1919 года по 14 марта 1920 года Томский губревком находился в Новониколаевске — официальном центре Томской губернии². Томский губревком просуществовал до октября 1920 года. 25–28 октября в Томске состоялся первый губернский съезд Советов, на котором был выбран исполком. 29 октября исполком распорядился прекратить деятельность губревкома

А. К. Сорокин // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 78

в связи с переходом власти Советам и их исполкомам³. Хотя Томский губревком был ликвидирован, Сибревком продолжал действовать до 1925 года.

Одновременно стали создаваться уездные ревкомы. На территории современного Кузбасса в декабре 1920 года созданы три таких ревкома: Мариинский, Щегловский и Кузнецкий. Приказом военного комиссара 35-й дивизии от 25 декабря 1919 года организован Щегловский уездный ревком. Председателем назначен работник политотдела дивизии Павел Никифорович Старостин⁴, членами ревкома были Ермолаев и Шувалов, секретарем — Николаев.

24 декабря, после того как в Кузнецк вошли части 312-го полка 35-й дивизии Красной армии, по решению военных вместо прежнего ревкома, созданного в период восстания гарнизона, образован новый революционный комитет. Его председателем стал рабочий Афанасий Никифорович Иванов, активный участник и один из руководителей восстания в ночь с 1 на 2 декабря. В апреле 1920 года в качестве председателя ревкома упоминается Плюснин. Членами ревкома стали Зиновий Иванович Извеков и Роман Тимофеевич Тагаев⁵.

Мариинский уездный ревком образован на третий день после занятия Красной армией города, то есть 31 декабря 1919 года. Первоначальный состав его был полностью из военных 27-й стрелковой дивизии, но постепенно их заменили политические работники⁶. Известно, что первым председателем ревкома был назначен Яцевич, потом на этой должности был А. К. Сорокин, членами являлись

1 Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 г. — декабрь 1925 г.: сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 53–54.

2 Сибирский революционный комитет... С. 36.

3 Куренков А. В. Томский губревком — чрезвычайный орган государственной власти (декабрь 1919 г. — октябрь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 61–64.

4 Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово, 2011. С. 181–182.

5 Халиулин Г. Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда // Разыскания. Вып. 2. Кемерово, 1992. С. 49.

6 Уездный съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Луч красного солнца. 1920. № 55. 8 июня.

Съезд председателей и секретарей волостных ревкомов Щегловского уезда. 1920 // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

Всеволод Алексеевич Черных и Я. К. Пономаренко (в мае стал председателем) при секретаре П. И. Святочевском.

Помимо уездных были созданы волостные революционные комитеты. В промышленных центрах создавались собственные ревкомы, которые обычно именовались районными. Иногда это происходило еще до занятия населенного пункта Красной армией. Так случилось с Анжеро-Судженским угольным районом. До прихода регулярных частей красных 21 декабря Сибревком назначил местный революционный комитет. В его составе были Г. А. Абрамов (заместитель председателя реввоенсовета 5-й армии), Глущенко и Скоков (оба окончили Центральную школу партийной и советской работы в Москве). Фактически работа Анжеро-Судженского ревкома началась с 1 января 1920 года¹. В начале января 1920 года ревком и районный комитет партии возглавил Елисей Фёдорович Глущенко (Севергин — секретарь парткома, Дёмин — зам. председателя парткома, Бурдуков — казначей и Горбачёв — член комитета)².

¹ Кокоулин В. Г. Создание революционных комитетов в Томской губернии (декабрь 1919 — январь 1920 г.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3 (8). С. 96–97.

² Мазюков А. С. К истории Анжеро-Судженской парторганизации // Из истории рабочего класса Сибири: Доклады и сообщения на научной конференции (март 1965 г.). Кемерово, 1965. С. 81.

Иная ситуация сложилась в селе Кольчугино, занятом анархистами Г. Ф. Рогова и И. П. Новосёлова, устроившими резню десятков мирных жителей, заподозренных в лояльности прежней власти. Только после их ухода в Щегловск (по словам Рогова, «добивать колчаковцев и золотопогонную свору») местный подпольный комитет 23 декабря 1919 года смог организовать собрание и выбрать Совет рабочих депутатов Кольчугинского рудника (председатель Г. Ф. Бесков-Муратов). Впрочем, уже 27 или 28 декабря приехал представитель Сибревкома М. Рютин, отдавший распоряжение распустить избранный совет и назначивший ревком во главе с тем же Г. Ф. Бесковым-Муратовым и его заместителем А. В. Ролико-Виноградовым³. 29 декабря на совместном заседании принято решение о передаче функций и дел Совета рабочих депутатов революционному комитету.

Помимо уездных в начале 1920 года создавались также сельские и волостные ревкомы. По данным на февраль, в Мариинском уезде было образовано 48 волостных ревкомов, в Кузнецком и Щегловском уездах — по 19 в каждом.

³ Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. I. Новосибирск, 2013. С. 132–133.

Сельских было еще больше. В каждом уезде действовало от 300 до 400 сельских ревкомов¹.

Ревкомы занимались самыми разнообразными делами, в их компетенции было школьное образование, здравоохранение, народное хозяйство, финансы, сбор налогов и многое другое. Они решали важнейшие кадровые вопросы, занимались агитацией и пропагандой среди населения. Имели ревкомы и чрезвычайные полномочия: могли предать суду революционного трибунала лиц, замеченных в преступлениях.

С момента образования уездные ревкомы стали обрастать огромным количеством отделов, подотделов и секций, из числа которых выбирались комиссии, подкомиссии, комитеты. В состав ревкомов входили следующие отделы: продовольственный, биржа труда, почта и телеграф, отделы здравоохранения, народного хозяйства, социального обеспечения, земледелия, военный, экономический, финансовый, транспортный, народного просвещения, печати, а также милиция и следственная комиссия. Структура ревкомов постоянно менялась: одни отделы упраздняли, другие создавали, подотделы сливали и разделяли. Часто отделы состояли из одного человека — заведующего. При этом они просто сидели в отделе и не знали, что делать, так как не были специалистами в своем деле².

О том, как работали уездные ревкомы, можно узнать из доклада председателя Щегловского ревкома П. Н. Старостина от 14 апреля 1920 года, пестрящего типичными для того времени терминами и оборотами. Старостин вернулся из Новониколаевска, где присутствовал на заседании всех председателей уездных ревкомов губернии. Собранным он доложил, что, по мнению губернских властей, политическая работа наиболее хорошо поставлена в Томском уезде, на втором месте находится Новониколаевский уезд, на третьем — Щегловский. Одним из самых неблагонадежных в этом отношении оказался Кузнецкий уезд, «где уже замечено брожение среди несознательной части населения под влиянием преступной агитации темного элемента, который главным образом свил себе гнездо в Кузнецкой тайге». Чтобы пресечь влияние этого «темного элемента» на население Щегловского уезда, Старостин предложил поставить на границах уезда кордон из лучших работников ЧК и милиции³.

9 апреля 1920 года на совещании представителей уездных ревкомов Томской губернии было принято решение о переходе на советскую систему управления. С этой целью решили немедленно развернуть избирательную кампанию, разъяснить массам смысл перехода от ревкомов к постоянно действующим советам. Мобилизовали все наличные партийные организации и всех коммунистов, пе-

Титульный лист Конституции РСФСР 1918 года

ребросив в деревни большинство ответственных работников. Планировали завершить предвыборную кампанию по всей губернии к 20 мая, а в июне должны были заработать выбранные горюездные советы, заменившие ревкомы⁴.

Выборы в советы проводились на основе Конституции РСФСР, принятой на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 года в Москве. Согласно основному закону государства, в выборах могли участвовать все граждане, достигшие 18 лет, независимо от вероисповедания, национальности и оседлости, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом» (то есть рабочие и крестьяне), а также военнослужащие. Ответственно, лишались избирательных прав те, кто использовал наемный труд, жил на нетрудовой доход, частные торговцы, монахи, бывшие полицейские и жандармы, душевнобольные и осужденные. Кроме того, согласно разработанной Сибревкомом весной 1920 года временной инструкции, права голоса в Сибири лишались бывшие

1 Куренков А. В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919 г. — 1925 г.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 73.

2 Халиулин Г. Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда... С. 51.

3 Протокол № 47 заседания Щегловского уездного революционного комитета от 14 апреля 1920 года // ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 39 «А». Л. 12.

4 Сибирский революционный комитет... С. 45.

офицеры, чиновники и служащие разных учреждений колчаковского правительства, армии, милиции и контрразведки¹.

Конституция 1918 года устанавливала многоуровневую систему местной государственной власти. Сельские советы выбирались во всех селениях. Они посылали по депутату от каждых 10 членов сельсовета на волостной сельский совет. Уездные (районные) съезды советов формировались по принципу: депутат на тысячу жителей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд (район). Губернские (окружные) съезды советов составлялись из представителей городских и волостных съездов из расчета: один депутат от 10 тысяч сельских жителей или от 2 тысяч городских жителей, но не свыше 300 депутатов от всей губернии. Каждый съезд советов (волостной, уездный, губернский) избирал исполнительный комитет (исполком), который был постоянно действующим органом, имевшим всю полноту власти на своей территории².

Переход на советскую систему власти проходил под наблюдением и даже вмешательством ревкомов, которые не желали проникновения в советы меньшевиков, левых эсеров и представителей других политических сил. Так, председатель Щегловского ревкома П. Н. Старостин на заседании 14 апреля 1920 года настаивал на том, что если при голосовании в исполкомы советов проникнут «нежелательные элементы», то «ревком революционной властью изменяет создавшееся положение». Чтобы крестьяне голосовали так, как надо, Старостин предложил бросить 75 процентов всех партийных сил уезда на работу в деревню для агитации. Председатель Щегловского ревкома считал: «Необходимо поставить на все ответственные должности партийных товарищей. Неважно то, что они будут малограмотны и неопытны, — для этого у нас есть спецы, а нужно только то, чтобы эти товарищи политически были бы вполне благонадежны»³.

Выборы в советы начались 10 мая 1920 года. Ревкомы обратились к населению с заявлением, что в новых органах власти «не должно быть места кулакам, явным и тайным спекулянтам, контрреволюционерам, настоящим и бывшим сторонникам царской и колчаковской власти. В советах также не место эсерам и меньшевикам, обещавшим народу учредительное собрание и дающим на деле колчаковщину, семеновщину и атамановщину»⁴.

В Щегловском уезде победу на выборах одержали большевики. 23 мая 1920 года начал работать I съезд Щеглов-

ского горуездного (объединенного) Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором присутствовали 172 делегата. Сначала выслушали доклады избирательной комиссии, ревкома и представителей волостей. Потом были проведены выборы в исполком. Председателем горуездного исполкома избран П. Н. Старостин. Его заместителем стал рабочий Андрей Андреевич Бутолин. Всего в исполком избрали 17 человек⁵. Одну из ключевых ролей в нем играл Константин Георгиевич Ермолаев. Фактически он являлся председателем, замещая Старостина и Бутолина, которые часто находились вне пределов Щегловска. В августе 1920 года К. Г. Ермолаев подал прошение об увольнении с должности председателя горуездного исполкома, мотивируя это тем, что «работает непрерывно в течение 8 месяцев со времени учреждения уревкома <...> что в уезде его знают мало». Но это ходатайство было отклонено⁶.

Работа Мариинского уездного съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов началась 30 мая 1920 года. Председателем съезда избран Алексеевский. На первых заседаниях были заслушаны доклады председателя ревкома Пономаренко и некоторых заведующих отделами. Потом в течение нескольких дней проводились дискуссии и обсуждения докладов, разрабатывались проекты будущего устройства исполкома совета. Наконец, на заседании 4 июня был избран исполком Мариинского совета. Список был представлен один — от РКП(б). Единогласно (при трех воздержавшихся) список утвержден. Председателем президиума избран Алексеевский, товарищем председателя — Буров, секретарем — Пономаренко. Членами президиума избраны Человечкин и Черных. Кроме указанных лиц в состав исполкома избраны еще 10 человек при трех кандидатах⁷.

В Кузнецком уезде также прошли выборы в советы в мае 1920 года. В начале июня начал работу I уездный съезд Советов. На заседании 7 июня выбран исполнительный комитет. Председателем стал кузнец Кольчугинского рудника Григорий Никифорович Филипенко. Известно, что он окончил Томское железнодорожное училище, в 1906 году был арестован за распространение политической литературы, воинскую службу проходил в артиллерии с 1909 по 1911 год. Потом участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году, будучи на фронте, вступил в РСДРП, был председателем солдатского комитета. В 1918 году вернулся в Томскую губернию и работал на Кольчугинских копях. Его товарищем избран горнорабочий Семён Михайлович Мозоленко, вторым товарищем — крестьянин Николай Варламович Камбалин. Всего в состав исполкома были избраны 17 человек⁸.

1 Куренков А. В. Выборы в местные органы государственной власти на территории Томской губернии в 1920 году // Вестник ТГУ. 2014. № 382. С. 108.

2 В 1922 году был образован СССР, его Конституция была принята II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. В целях приведения российского законодательства к общесоюзному Постановлением XII Всероссийского съезда Советов 11 мая 1925 года принята новая конституция РСФСР. Однако сущность избирательной системы и местных органов власти практически не изменились.

3 Протокол № 47 заседания Щегловского уездного революционного комитета от 14 апреля 1920 года // ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 39 «А». Л. 12–12 об.

4 Выборы в Советы // Луч красного солнца. 1920. № 44. 5 мая.

5 Усков И. Ю. Кемерово: рождение города... С. 186.

6 Протокол заседания Щегловского горуездного исполкома, 15 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.

7 Уездный съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Луч красного солнца. 1920. № 55. 8 июня.

8 Список членов Кузнецкого горуездного исполкома по занимаемым должностям, 1920 года // ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 1, 2; Опросный лист Филипенка, 1920 года // ГАК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 2. Л. 165–166 об.

Мариинский уездный съезд Советов, май 1920 // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

ЩЕГЛОВСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. С приходом советской власти начались поиски контрреволюционеров и врагов коммунистов. Чекисты искали бывших колчаковских офицеров и карателей, которых ждала незавидная участь: трибунал выносил, как правило, очень суровые наказания. Поиски проводились всеми возможными способами: путем сбора агентурной информации, перлюстрации писем, изучения доносов жителей. Списки бывших офицеров составлялись оперативно, вся милиция занималась их поисками. Самым страшным было обвинение в контрреволюции.

Одной из первых организаций контрреволюционеров, которую раскрыли томские чекисты, была артель Гавриловича. Гаврилович — член партии РСДРП с 1904 года, но придерживался меньшевистских позиций. При Колчаке он состоял в добровольческих батальонах, воевавших с партизанами. Когда в конце 1919 года через Томский уезд проходили войска белых, их отступление прикрывали Ижевская и Воткинская дивизии. Разбитые частями Красной

армии, многие «ижевцы» и «воткинцы» спаслись и попрятались в селах и деревнях, используя при этом поддельные документы¹. Гаврилович сумел организовать этих людей вокруг себя, создав легально действующую артель, занимающуюся заготовкой леса. В Томске и других населенных пунктах он поддерживал связь с некоторыми противниками советской власти, многие из которых работали в таких учреждениях, как райлеском, уездный отдел здравоохранения, продовольственный комитет, военкомат и даже ЧК, где канцелярскую должность замещала некая Колмакова. В деревне Яшкино была создана база этой организации, где хранилось оружие, бомбы, гранаты и боеприпасы. В ночь с 14 на 15 мая 1920 года томское ЧК арестовало около 300 человек, причастных к артели Гавриловича. По решению ревтрибунала 44 человека были расстреляны, многие получили длительные сроки заключения. Необходимо

¹ Ефимов А. Ижевцы и воткинцы // Великий Сибирский Ледяной поход. М., 2004. С. 323–325.

отметить, что по делу Гавриловича проходили 32 человека с высшим образованием, 44 — со средним, а также 4 инженера, 3 доктора, 2 техника, 15 других специалистов. Изъято около 100 винтовок, 17 револьверов, 6,5 тысячи патронов, бомбы и гранаты¹.

В июле 1920 года чекистами перехвачено письмо крестьянина Ивана Андреевича Черкасова жене Татьяне Ивановне Жолобовой (Желобовой, Жалобовой). Накануне Черкасов бежал из Томского дома принудительных работ, где отбывал наказание как «политический преступник»². В письме он просил помочь с приобретением оружия и боеприпасов³.

После этого начались аресты. Технология была отработана, арест одного человека приводил к аресту всех тех, с кем у него были контакты. Щегловское политбюро смогло привлечь по этому делу более трех десятков человек. Главным среди них оказался бывший колчаковский служащий, начальник 5-го милицейского участка Щегловского уезда, секретарь исполкома деревни Березовки Николай Николаевич Щеглов. На допросе он показал, что его заставили работать секретарем против воли. Это привело к тому, что он «затаил вражду против власти и <...> задумал всех недовольных собрать и сделать восстание». Мыслями поделился с некоторыми крестьянами, и они вместе стали готовить выступление, искать оружие, подбирать людей. Планировали поднять всю Сибирь и «соединиться с буфером» (видимо, с Дальневосточной республикой). Планировалось, что у восставших будет флаг, состоящий из двух полос, белой и зеленой, а внутри красный круг⁴.

Щегловское политбюро квалифицировало действия Н. Н. Щеглова как создание контрреволюционной организации, ставившей целью свержение советской власти. Некоторые подробности выяснены при допросе других участников дела. Так, по показаниям Василия Григорьевича Новикова, подпольная организация была создана в середине июня. Якобы в деревню Березовку из Щегловска приехал гражданин Николай Александрович Аргентов. Он поделился сведениями с Михаилом Кукшеновым, что в Щегловске есть организация, готовая восстать против советской власти. В нее входят бывшие офицеры, уфимские стрелки и рабочие химического завода. Оружие планировали прятать у Михаила Кукшенова⁵. Другие свидетели и арестованные утверждали, что восстание было запланировано на 2 августа. В организацию привлечены от 40 до 120 человек (показания сильно разнились). Почти все участники организации были бывшими колчаковскими служащими

Е. Н. Пахомов с однополчанами (сидит слева в фуражке).
Ноябрь 1915 // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 34

или кулаками. У организации якобы были склады с оружием в Щегловске и некоторых близлежащих селах. Кстати, ни одного склада милиция так и не нашла. Единственным оружием всей организации был револьвер, изъятый у бывшего унтер-офицера императорской армии Евгения Николаевича Пахомова (есть его фото в деле). Правда, Пахомов не признал свою причастность к организации⁶.

17 августа 1920 года в городе Щегловске состоялось заседание местного политбюро по делу о контрреволюционной организации, действовавшей в уезде. К этому времени были арестованы и допрошены 34 человека. Политбюро вынесло мнение о вине каждого из них. Главным организатором заговора признан Н. Н. Щеглов. Поскольку дело сочли важным с политической точки зрения, его передали на рассмотрение Томскому губернскому революционному трибуналу⁷.

1 Общее собрание Томской организации РКП(б). Доклад губчека // Знамя революции. 1920. № 148. 18 июля.

2 Карательный подотдел Томского губернского отдела юстиции — ведущему секретно-оперативным отделом ЧК, 9 июля 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 73 об.

3 Протокол допроса И. А. Черкасова, 10 августа и письма // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 10–13.

4 Протокол допроса Н. Н. Щеглова, 9 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 4–6.

5 Протокол допроса В. Г. Новикова, 3 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 56–56 об.

6 Протокол допроса Е. Н. Пахомова, 7 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 36–36 об.

7 Заключение Щегловского политбюро, 17 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 151–153 об.

Заседание ревтрибунала проходило в Щегловске 19 и 20 августа. Председательствовал Александровский, члены — Скворцов и Мараев, секретарь — Доброхотов. Всем арестованным предъявлены обвинения. Практически никто из фигурантов дела не признал себя виновным в участии в контрреволюционной организации. Они признавались только в очевидных вещах: сокрытии своего происхождения и побегах из мест заключения. Только Н. Н. Щеглов признал себя виновным, но пояснил, что его деятельность была направлена не против советской власти, а только против партии коммунистов. После этого проводился длительный опрос свидетелей. Почти все показания были запутанными и противоречивыми. Никто из свидетелей так и не смог назвать конкретных действий обвиняемых, направленных на свержение советской власти, они только передали трибуналу разные факты, услышанные из бесед с обвиняемыми, о попытках приобретения оружия, укрывательстве от властей и пересказали разговоры о недовольстве советской властью. Несмотря на явную нехватку улик, приговор ревтрибунала был очень суров. Николай Николаевич Щеглов признан организатором контрреволюционной организации, его главными сподвижниками были признаны Алексей Иванович Жуков, Иван Андреевич Черкасов, Иван Васильевич Шерин, Аким Иванович Черданцев (Чердынцев), Николай Семёнович Наумов, Абдулла Ахметов, Николай Александрович Аргентов, Евгений Николаевич Пахомов, Андрей Назарович Новиков, Иван Иванович Черданцев (Чердынцев). Все приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Еще 21 человек приговорен к различным срокам заключения, и только двое оправданы¹.

Утром следующего дня Александровский позвонил в Томск и доложил председателю губернского трибунала Познанскому и члену губревкома М. И. Сумецкому о вынесенном приговоре. Он пояснил, что осужденные «являются злейшими врагами рабоче-крестьянской власти», поэтому заслуживают самого сурового наказания. Александровский сказал, что осужденные подали просьбу о помиловании, в которой ходатайствовали об отправлении их на фронт для борьбы с Врангелем или о замене расстрела бессрочным лишением свободы. При этом он заявил, что эту просьбу нужно «не пропускать». Познанский принял к сведению все доводы трибунала и, учитывая, что осужденные совершают преступления не в первый раз, распорядился отклонить ходатайство и привести приговор в исполнение немедленно².

КУЗНЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРОЙКА И НОЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ГОРОДЕ. Новая советская власть была очень непрочной. Давление на нее оказывали не только внешние силы — различные повстанческие отряды анархического и белогвардейского толка, но и внутренние — сопротив-

ление крестьянства и даже противоречия в самой системе власти. Об этом ярко свидетельствуют ноябрьские события 1920 года в Кузнецке. 13 ноября уездный воинский комиссар Алексей Осипович Белов получил сведения от помощника командира караульной роты Медведева и командира взвода Пермякова о готовящемся в городе заговоре. Белов начал собирать сведения, проводить переговоры и тайные совещания. Он пришел к выводу, что некоторые члены уездного политбюро (Илларион Николаевич Ходоразе (Ходоразе), Константин Васильевич Пономарёв, по прозвищу дядя Костя, и Захар Андреевич Аржаных) готовят захват власти в городе. Они якобы намерены арестовать и убить ответственных советских работников, составить повстанческий отряд и уйти на соединение с бандами Рогова и Новосёлова. Их опорой была милиция, состоявшая преимущественно из бывших роговцев. Мятежники предполагали, что смогут вовлечь в свои ряды до двух тысяч человек по всему уезду, вместе с партизанами взять губернию, а в случае неудачи уйти в тайгу. Основными информаторами Белова были Медведев и Пермяков, которые ему сказали, что лично вовлечены в заговор, но, поняв его сущность, решили сдать заговорщиков³.

После сбора и анализа информации А. О. Белов принял решение создать в городе революционную тройку, захватить власть и арестовать всех предполагаемых заговорщиков. В тройку вошли сам Белов, председатель горуездного исполкома Николай Варламович Камбалин и ответственный секретарь уездного комитета РКП Фёдор Андреевич Комаров. В ночь на 22 ноября революционная тройка объявила о захвате власти в городе. Приказом № 1 в Кузнецком уезде объявлено военное положение. Командующим вооруженными силами назначен Степан Дмитриевич Шинков, его помощником — Галкин. Им приказано принять все необходимые меры к охране города⁴.

Эти меры заключались в том, что везде были выставлены военные патрули, перемещение граждан ограничено. По сведениям начальника Кузнецкого политбюро Алексева, 22 ноября большая часть войск, находившихся в городе, заняла улицы, оцепила помещение политбюро и уездной милиции. На вооружении были не только винтовки, но и пулеметы. Красноармейцы вламывались в дома, срывали замки, переворачивали все вверх дном. С арестованными обращались в высшей степени жестоко, избивали, срывали одежду и тут же надевали ее на себя, грабили имущество⁵.

Одновременно проведены аресты предполагаемых участников контрреволюционного заговора. С этой целью на квартиры некоторых политических работников посланы красноармейцы караульной роты. Ходоразе пытался

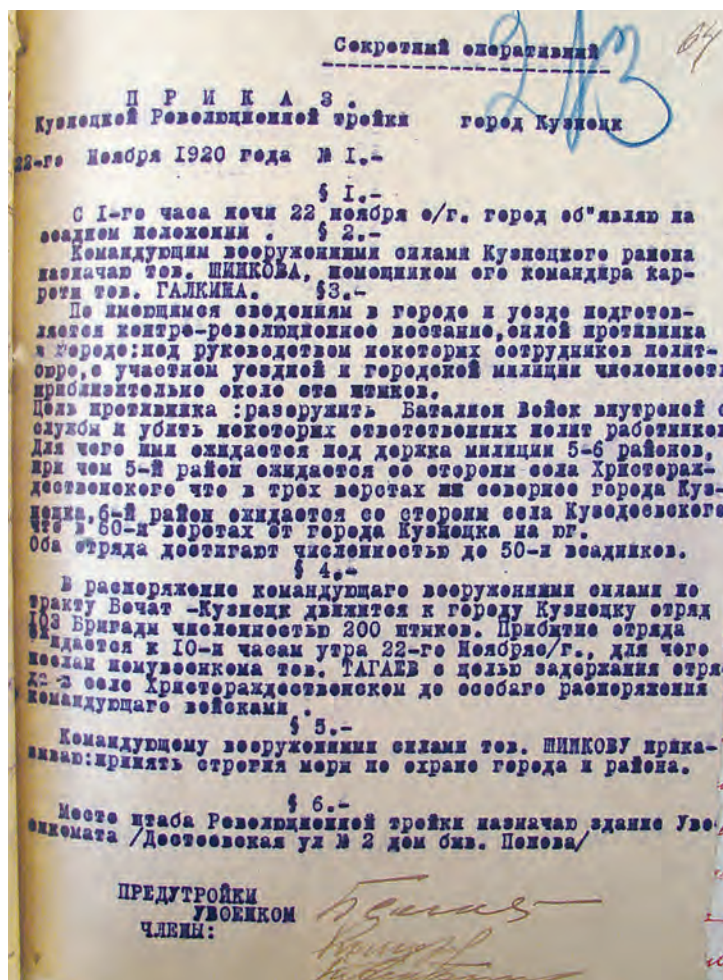
1 Приговор Томского губернского ревтрибунала, 20 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 170–175 об. Приговор приведен в исполнение 22 августа 1920 года. В 2000 году прокуратура Томской области реабилитировала всех осужденных по этому делу.

2 Разговор по прямому проводу между Александровым и Познанским, 21 августа 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 328. Л. 183–189 об.

3 Заключение о предании суду революционного трибунала участников событий, произошедших 22 ноября 1920 года в городе Кузнецке, 7 марта 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 158.

4 Приказ № 1 Кузнецкой революционной тройки, 22 ноября 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 64.

5 Доклад заведующего Кузнецким политбюро Алексева председателю Томского губчека, 4 декабря 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 87. Л. 117 об.

Приказ Кузнецкой революционной тройки от 22 ноября 1920 № 1 // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 64

оказать сопротивление, а его жена даже выстрелила из револьвера, но промахнулась. Аржаных сдался без сопротивления, а Пономарёв был задержан, когда возвращался из командировки в Кольчугино. Судя по рапорту Шинкова, у арестованных найдены различные контрреволюционные бумаги, оружие и бомбы. Одним из первых арестован начальник кузнецкой милиции Фёдоров. У него на квартире в это время находились четыре сотрудника Томского губернского ЧК, которых арестовали заодно с ним. Потом им заявили, что они арестованы фиктивно, чтобы другие ничего не заподозрили¹.

Помимо главных участников предполагаемого заговора, арестованы еще некоторые политические работники, обезоружена уездная и городская милиция. Более того, вошедший во вкус начальник вооруженных сил С. Д. Шинков приказал арестовать нечего не подозревающих мирных граждан. Всего были арестованы около 150 человек. По приказу Шинкова устроена охота на начальника кузнецкой милиции Ананчика. Для этого караульные войска

¹ Рапорт командующего всеми вооруженными силами Кузнецкого уезда Шинкова революционной тройке, 22 ноября 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 65–66.

окужили Народный дом, что вызвало страх у жителей города. Позднее выяснилось, что между Шинковым и Ананчиком была личная неприязнь, так как начальник милиции отказался уничтожить компрометирующие Шинкова документы, имевшиеся в отделении².

23 ноября уездный военком Белов послал секретную телеграмму в Томский губернский военкомат. Он сообщил, что вынужден создать революционную тройку и захватить власть в городе, чтобы предотвратить предполагаемое восстание³. Революционная тройка аккуратно вела делопроизводство, составляла акты, издавала приказы, писала рапорты и отчеты. Под арест каждого задержанного были подведены основания. Подведя итоги по «раскрытию» заговора, 24 ноября 1920 года уездный военком А. О. Белов приказал распустить революционную тройку и всем советским работникам приступить к исполнению своих обязанностей. При этом он считал, что опасность уезду уже не угрожает, так как основные «заговорщики» арестованы и в ближайшее время будут переданы в губернскую чрезвычайную комиссию⁴.

Между тем прибывшая в Кузнецк команда губернского ЧК арестовала всю революционную тройку и тех лиц, которые участвовали в раскрытии «заговора». Сначала было проведено предварительное следствие, а в марте 1921 года состоялась выездная сессия Томского губернского революционного трибунала в городе Кузнецке. На скамье подсудимых оказались и участники предполагавшегося заговора (члены политбюро), и революционная тройка со своими исполнителями. Членам революционной тройки вменялось в вину создание незаконного органа власти, в организации которого не было никакой необходимости; объявление города и уезда на осадном положении; организация незаконных арестов, сопровождавшихся изъятием имущества и издевательствами; дискредитация советской власти. По приговору трибунала, состоявшемуся 14 марта, самое суровое наказание получил Шинков, его приговорили к заключению на 10 лет в доме принудительных работ. Белов получил год принудительных работ и «общественное порицание». Наказание для Камбалина и Комарова свелось только к «порицанию через прессу». Участники арестов Галкин, Прусов и Счастливец получили разные сроки принудительных работ. Предполагаемые заговорщики Аржаных и Пономарёв приговорены к заключению в доме принудительных работ на 5 лет каждый. Ходорадзе был только лишен права занимать должности в органах ЧК сроком на год⁵.

² Заключение о предании суду революционного трибунала участников событий, произошедших 22 ноября 1920 г. в городе Кузнецке, 7 марта 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 159.

³ Копия шифрованной записки по прямому проводу кузнецкого военкома томскому губернскому военкомату, 23 ноября 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 87. Л. 15.

⁴ Рапорт Белова томскому губернскому комиссару по военным делам, ноябрь 1920 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 74–75.

⁵ Приговор Томского губернского революционного трибунала, 14 марта 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 234. Л. 176–176 об.

Ф. И. Николаев. Октябрь 1918 // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 457

КОНТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ЛИГА КРАСНОГО ЦВЕТКА». В феврале 1920 года отпущенный из-под ареста Иван Панфилович Новосёлов прибыл в деревню Протопопово Барачатской волости. Новая власть была ему не по душе. Убежденный анархист Новосёлов стал собирать вокруг себя недовольных крестьян. В результате около него сплотилась группа единомышленников, в которую вошли Павел Протопопов, Афанасий Девятков, Филипп Николаев, Фёдор Чечулин, Василий Зимин, Пётр Конев, Алексей Уфимцев, Пётр Томилин, Иван Полозов и другие. В беседах они высказывали недовольство советской властью, планировали мероприятия по захвату оружия. Новосёлов считал, что лучший способ это сделать — вступить в коммунистическую ячейку, где можно получить его легально. Постепенно им удалось установить контакты с крестьянами соседних деревень. Окончательно организация оформилась в мае — июне 1920 года, когда начались активные боевые действия отряда Новосёлова против советской вла-

сти. Штаб ее находился в Кольчугине. В архивных документах организация именовалась «Лига красного цветка»¹.

В феврале 1921 года чекистам удалось внедрить в организацию агентурного сотрудника Рубинсона. От одного из активных деятелей организации Василия Осиповича Зимина тот получал ценные сведения о перемещениях отряда Новосёлова, планах организации по захвату оружия, совещаниях и других мероприятиях. Рубинсон лично присутствовал на нескольких совещаниях, проходивших в деревне Трекино в доме у Зимина. Позднее в организацию внедрили еще одного секретного агента, под фамилией Краснов². Агенты установили, что члены организации запланировали съезд на февраль 1921 года. Но он не состоялся³. 10–17 апреля члены организации все-таки собрались, присутствовали 27 человек. Восстание было назначено на 1 мая. При этом агенты не участвовали в этом съезде и даже не знали, где он проходил. Все их показания строились на косвенных данных⁴.

Чтобы предотвратить восстание, 30 апреля начались аресты. В разных местах арестованы около двух десятков человек. Некоторые из них позже были отпущены. Один из арестованных, Василий Зимин, бежал 24 июня, и следствие по нему было приостановлено. Любопытной фигурой был Константин Пономарёв, известный как дядя Костя. Он проходил по делу Кузнецкой контрреволюционной организации, после разгрома которой в марте 1921 года был осужден на пять лет принудительных работ. Следуя из Кузнецка в Томск в апреле того же года, он сумел уговорить начальника ЧК станции Кольчугино Штрайфеля о посещении деревни Трекино, чтобы «помыться в бане». В Трекине он не только попарился в баньке, но и умудрился склонить своего конвоира Василия Максимова остаться в деревне навсегда и не этапировать его к месту наказания, то есть в Томск. Там они и остались жить⁵.

Следствие по делу велось в течение лета — осени 1921 года. На очных ставках все арестованные отрицали контрреволюционную деятельность, признавались только в очевидных вещах: встречах, обсуждениях, высказывании недовольства. Но следствие нарисовало совсем иную картину. В воображении следователей «Лига красного цветка» представляла собой очень разветвленную структуру, ее ячейки были в городе Кузнецке, на станции Кольчугино, в деревнях Пестерево, Горскино, Трекино, селах Брюханово, Лебедево и других. Общее количество людей, способных

1 Обвинительное заключение, 2 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 1. В документах нет объяснения этому названию. Непонятно даже, кто именно его придумал — сами противники советской власти или следователи. Можно предположить, что оно связано с приключенческим романом баронессы Эммы Орци «Лига Красного цветка», в котором рассказывается о борьбе с Французской революцией в конце XVIII века.

2 Общий доклад об организации анархистов под названием «Лига красного цветка», б. д. // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 239.

3 Обвинительное заключение, 2 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 1.

4 Общий доклад об организации анархистов... Л. 239 об.

5 Обвинительное заключение, 2 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 3.

к восстанию, насчитывалось до 700 человек. Правда, следователи признавали, что организация «не была построена на строго централизованной системе», «главная ее работа проводилась в подготовке масс к ее моменту выступления и простой вербовке членов»¹.

7 декабря в Щегловске выездным отделением Томского ревтрибунала состоялось рассмотрение этого дела. Председателем отделения был Стефановский, членами — Сухоруков и Поморцев. Ревтрибунал установил, что контрреволюционная деятельность организации заключалась в «распространении прокламаций, воззваний и провокационных слухов, агитации и пропаганды анархических идей с целью вербовки новых членов, как равно установленной подготовку указанными подсудимыми вооруженного выступления против Советской власти». Трое самых активных участников организации — Филипп Иванович Николаев (являлся членом компартии, по профессии сапожник), Константин Васильевич Пономарёв и Алексей Иванович Уфимцев (бывший советский милиционер) — были приговорены в высшей мере наказания — расстрелу. Иосиф Ильич Зройчиков был приговорен к 5 годам принудительных работ, Пётр Фёдорович Конев и Иван Матвеевич Полозов — к 3 годам, Василий Михайлович Максимов — к 2 годам (срок сокращен до года), Павел Дмитриевич Протопопов, Афанасий Илларионович Девятов, Фёдор Герасимович Чечулин — к 2 годам условно. Пётр Кондратьевич Томилин освобожден от наказания².

Приговоренные к смертной казни Пономарёв, Николаев и Уфимцев подали жалобу в Верховный трибунал. Они заявляли: «...мера репрессий не соответствует инкриминируемому нам деянию. Все мы боролись за Соввласть, жертвуя своей жизнью». Пономарёв утверждал, что был приговорен к смерти при Колчаке, но спасся. В феврале 1919 года он якобы организовал восстание рабочих в Тюмени. Уфимцев и Николаев были активными борцами с колчаковским режимом, а последний даже скрывал у себя в мастерской комиссара Красной армии Кира Башмакова³.

Однако жалоба была отклонена. 22 декабря того же года президиум Томского губисполкома распорядился привести приговор в исполнение. Но тут в защиту приговоренных выступили некоторые из их бывших знакомых, в том числе проходивших по этому же делу. Пока шло разбирательство, 24 декабря Алексей Уфимцев бежал из Щегловской тюрьмы. В ночь на 22 января 1922 года Филипп Николаев и Константин Пономарёв были расстреляны⁴.

КРАСНЫЙ БАНДИТИЗМ И ТЕРРОРИЗМ. Феномен красного бандитизма и терроризма — внесудебных расправ над так называемыми контрреволюционерами — был обыч-

ным явлением после Гражданской войны. Первые факты красного бандитизма в Кузбассе изложены в докладе заведующего Мариинским политбюро Константина Зыбко в марте 1921 года. Пробыв в должности всего месяц, он обнаружил, что в Мариинском уезде «широкой волной производится партизанский террор, руководителями которого до некоторой степени являются начраймилиции, так как почти все они руководители бывших партизанских отрядов». Зыбко описал типичный способ террора. Он утверждал, что руководители комячейки и милиции заранее выбирали себе жертву из числа тех лиц, которые были замечены в контрреволюционной деятельности, но отпущены по суду или амнистии на свободу. Потом они разыгрывали целый спектакль. Одна группа милиционеров играла роль представителей советской власти, другая — бандитов. Около дома, где проживала выбранная жертва, происходила «перестрелка» между двумя этими группами. Побеждали «бандиты», которые вламывались в дом, допрашивали хозяина, отбирали вещи, а его самого расстреливали. Спектакль нужен был, чтобы подозрение пало на неизвестных бандитов, а не на милицию. Второй способ расправиться с так называемыми контрреволюционерами — простое похищение. Под видом бандитов милиционеры хватали кулаков, попов, бывших белых и просто увозили их в неизвестном направлении. Потом обнаруживались трупы этих людей. Для запугивания населения милиция и коммунисты постоянно распускали слухи о деятельности банд численностью от 300 до 500 человек⁵.

Вскоре сам К. Зыбко был впутан в репрессивную деятельность мариинской милиции. 25 марта 1921 года в селе Суслово Мариинского уезда был арестован давно находившийся в розыске крестьянин Пётр Степанович Скворцов. Чекистам было известно, что он служил в колчаковской контрразведке. Во время ареста у него были изъяты прокламации и воззвания, адресованные «народу Суловской и Рубинской волостей». В этих документах новая власть называлась «несносным коммунистическим игмом», представители пролетариата — «негодьями», которые в царское время занимались лишь «грабежами» и «распитием вина». Утверждалось, что коммунисты «заправляют советской властью, подставляя вместо таковой диктатуру пролетариата, то есть неграмотную власть босяков и мерзавцев». Гражданам был брошен призыв немедленно выйти из коммунистической партии, выдвигалось требование прекратить продрозверстку, реквизиции, конфискации и эксплуатацию чужого труда⁶.

На допросе Скворцов признался, что действительно служил в колчаковской контрразведке, но при этом вел себя пассивно и не причинял никакого вреда. Отступая с войсками Колчака от Красной армии, он остался в Мариинске. В городе и уезде он перебивался случайными зара-

1 Общий доклад об организации анархистов... Л. 239 об.

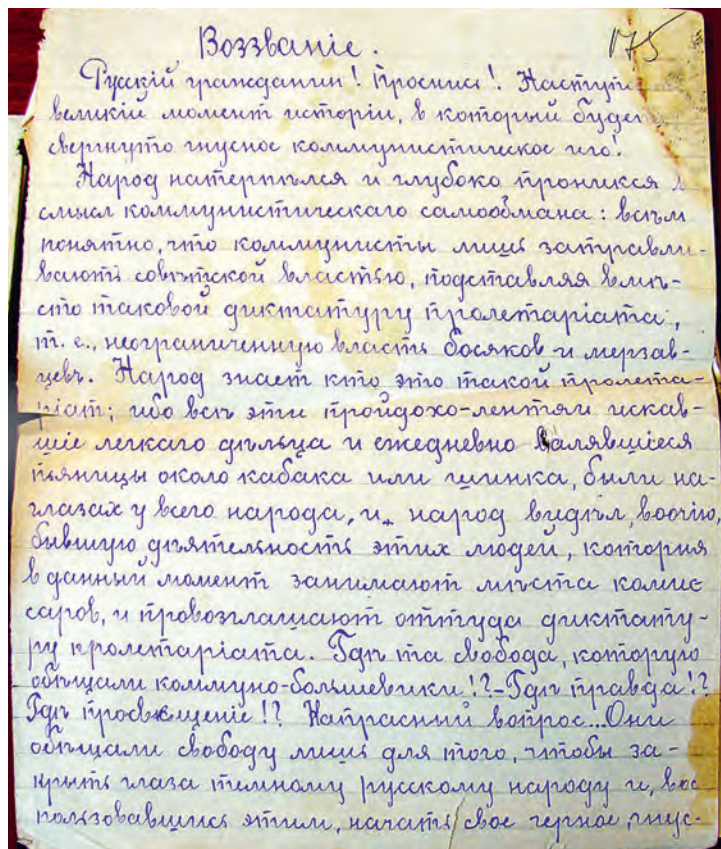
2 Приговор выездного отделения Томского ревтрибунала, 7 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 128–128 об.

3 Кассационная жалоба, 8 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 83–83 об.

4 Акт об исполнении, 22 января 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 105. В марте 2003 года все участники этого дела были реабилитированы Томской областной прокуратурой.

5 Доклад заведующего Мариинским политбюро председателю Томского губчека, март 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 38.

6 Приказ № 1 народа по Суловской и Рубинской волости. Воззвание // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 269. Л. 175–180

Одно из «воззваний», сочиненное П. С. Скворцовым. 1921 // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 269. Л. 175

ботками, скрывался от властей, но иногда работал официально, устраиваясь через биржу труда. На его иждивении были жена, старуха мать и трехмесячный ребенок. Будучи под арестом, он написал подробную автобиографию, в которой попытался объяснить хранение у себя антикоммунистических листовок и прокламаций. Скворцов утверждал, что писал воззвания «по бессознательности», что он был распропагандирован «буржуазным фанатизмом» и сильно раскаивается в этом¹.

Однако, несмотря на чистосердечное признание, уполномоченный Мариинского политического бюро по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями К. Зыбко предъявил ему обвинение в создании «подпольной организации, выражающейся в вооруженном свержении советской власти». По делу Скворцова началось масштабное следствие. Всего были арестованы 17 человек. Среди них оказались не только те, у кого он скрывался после отступления белых, но и посторонние лица, даже не знавшие его лично. Следствие считало, что кроме Скворцова наиболее активными участниками «контрреволюционной» организации были агроном Франц Андреевич Шапфер, бывший военный чиновник Алексей Герасимович Геренцук и крестьянин Алексей Леонтьевич Собачкин. Они якобы прятали в Мариинске склад с оружием, строили планы поднять восстание, набирали в свою подпольную

организацию новых членов и распространяли антикоммунистические воззвания.

Однако собранных следствием доказательств было недостаточно. В ноябре 1921 года уполномоченный по политическим делам Томской губернской чрезвычайной комиссии Розенфельд подписал заключительный акт по делу Скворцова. Он признал, что «суть дела осталась нераскрытой», а само оно составлено «с топора». По делу проходят совершенно посторонние лица, которые «хватались и сажались без разбору». Что же касается прокламаций, то они представляют собой «бред психически ненормального человека». В результате он постановил прекратить следствие, а дело сдать в архив. Пострадавшим оказался лишь сам Скворцов, еще до оглашения приговора при попытке к бегству он был убит².

Между тем мариинские милиционеры продолжали поиски «контрреволюционеров». В июле 1921 года от нескольких информаторов были получены сведения о том, что многие крестьяне деревни Константиновки Суловской волости имеют при себе оружие и собираются поднять антисоветское восстание. Так, полуграмотный Фёдор Зизевский донес, что его пытались вовлечь в организацию, но он «испугался этой войны и выказал всю эту тайну <...> и отказался от ихней ангоризации» (видимо, организации). Далее он продолжал: «Хочю все развезснить, что это было у нас против Советской власти. Аружие сдал добровольно. И хочю раскаица чисто сердечно и хочю рассказать, кто был в онгоризации». Он также привел пофамильный список жителей деревни, включающий его собственных родственников³.

Милиционеры подготовили целую спецоперацию по аресту «контрреволюционеров», которой руководил председатель сельсовета Петухов. Был составлен список из 17 человек с указанием наличия у каждого из них оружия. В списке оказались крестьяне Кустовы (4 человека), Афанасьевы (тоже 4 человека), Зизевские (3) и другие лица⁴. Всех их под разными предлогами пригласили в сельсовет 7 августа 1921 года. Некоторые крестьяне были в поле, им пришлось бросить работу и приехать. В сельсовете их арестовали, допросили и отправили в Сулово. В волостном селе допросы продолжались. При этом арестованных избивали и угрожали расстрелом. Так, Семён Зизевский показал: «Помощник начальниками милиции свалил меня на пол и начал бить пинками, в побоях принимали участие очень много милиционеров. После битья меня утащили в темный и грязный подвал. Я там лежал без сознания»⁵. Арестованный Анфиноген Каширин утверждал, что его сначала оглушили обломком кирпича, а потом избивали ногами

2 Заключительный акт, 2 ноября 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 269. Л. 175–180

3 Дознание Фёдора Зизевского // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 9–9 об.

4 Список подпольной организации села Константиновки // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 8.

5 Протокол допроса Семёна Зизевского, 16 августа 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 49.

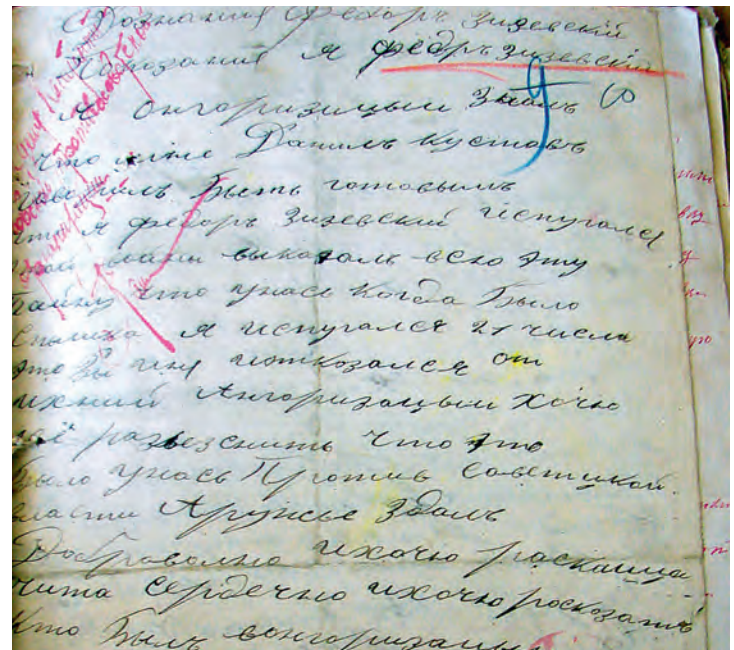
1 Биография жизни Скворцова // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 269. Л. 4–7.

«до беспамятства»¹. Больше других участвовали в избииении милиционеры Иван Лебедев, Митрошин, Киселёв, Набойченко.

Аресты в селе продолжались около недели. К 14 августа было арестовано 37 крестьян. У 14 из них нашли оружие, в основном трехлинейные винтовки, которые были изъяты². Все крестьяне утверждали, что подобрали оружие при отступлении белых, кто в поле, кто в лесу, кто на покосе. Запасливые жители села прятали оружие кто где мог: в сене, наземе, зерне и даже в воде. Винтовки они использовали, чтобы «убивать волков, которые таскали у них овец». Против советской власти они не собирались использовать оружие.

Через несколько дней после ареста всех отпустили, взяв с них «подписки о неотлучке». Вскоре дело было передано на рассмотрение представителей губернской чрезвычайной комиссии. 4 декабря 1921 года уполномоченный по экономическому отделению Томской губернской ЧК подписал заключительный акт, в котором признал, что дело было раздуто Мариинским политическим бюро. Никакого основания для ареста такого большого числа крестьян не было. В результате дело было закрыто, а заведующий Мариинским политбюро Зыбко арестован и отправлен в Томск для разбирательства³. Истинные причины арестов были не только в раздувании дела. Некоторые арестованные прямо указывали, что со стороны властей была личная неприязнь и даже вражда к участникам процесса. Так, Захар Воров дал показание, что еще в 1915 году Петухов сжег у него плотину. Воров неоднократно пытался заставить Петухова отремонтировать ее, но тот, став председателем сельсовета, начал мстить⁴. Степан Зизевский утверждал, что его пытались завербовать председатель комячейки Суменков и Поликарп Немцов. Они предлагали Зизевскому сделку, чтобы его арестовали за хранение оружие, потом устроили бы побег. Сбежав, он вышел бы на бандитов, а потом сдал их властям. Но Зизевский отказался. За это на него затаили личную злобу члены комячейки и милиция⁵.

Но на этом дело не закончилось. Уполномоченные Томского губчека продолжили расследование деятельности мариинских милиционеров. К концу 1921 года накопилось много странных случаев гибели советских работников, священников, простых граждан. Постепенно стали выясняться шокирующие подробности. По распоряжению губчека были арестованы почти все руководящие работники Мариинского политбюро и милиции. Следствие доказало,

Протокол дознания Фёдора Зизевского. Июль 1921 // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 9. Фрагмент

что все они причастны к убийствам, разбоям, грабёжам. Даже выдавшие виды томские чекисты признали, что «мариинское дело» должно классифицироваться как «красный бандитизм».

Расследование велось в конце 1921 — начале 1922 года. Было доказано 19 эпизодов преступной деятельности. Оказалось, что еще 23 апреля 1921 года в селе Колеул милиционер Алексей Комаровский и уполномоченный продорганов Алексей Агейченко под руководством уполномоченного политбюро Крутицкого незаконно арестовали и убили секретаря волисполкома Юрия Наткина и делопроизводителя волостного земельного отдела Владимира Гольденберга. Имущество убитых было роздано гражданам села⁶. 28 мая при конвоировании арестованного Льва Михлина милиционер Алексей Куц убил последнего, заявив, что тот пытался бежать. В ночь на 7 июня милиционеры А. В. Комаровский, Зиновий Степанов и Иван Кривенко убили секретаря Мариинского уездного трибунала Павла Святочевского. В тот же день по распоряжению начальника каталажной камеры Михаила Буторовского и Александра Могилевчика был расстрелян арестованный Леонтий Мейзеров якобы при попытке к бегству. В июле милиционер Никита Пушилилин убил вблизи деревни Туенда конвоированного дезертира Трофима Красникова, заявив, что тот пытался бежать⁷.

В ночь на 7 июля начальник районной мариинской милиции Сергей Калиняк-Гричановский, его помощник Михаил Набойченко, милиционеры Василий Бедрин, Николай Пучков, Андрей Дмитриев, Иван Ведяшкин и Овчаров убили в деревне Константиновке священни-

¹ Протокол допроса Анфиногена Каширина, 16 августа 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 63.

² Список граждан дер. Константиновки Суловской волости Мариинского уезда, заключенных под стражу как заподозренных в участии в подпольной организации и незаконном хранении оружия // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 92–92 об.

³ Заключительный акт, 4 декабря 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 121–21 об.

⁴ Протокол допроса Захара Ворова, 16 августа 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 90 об.

⁵ Протокол допроса Степана Зизевского, 16 августа 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 163. Л. 81 об.

⁶ Ярославский Е. М. О красном бандитизме (мариинское дело). Томск, 1922. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

ка Шевелёва и его жену. Убийство планировалось очень тщательно. Было выяснено, что у Шевелёвых имеется 12 сундуков различного имущества. С целью сокрытия преступления заранее были вырыты могилы. Убийство совершено с особой жестокостью, попадью убивали прикладами и добивали штыками. Все имущество священника (мануфактура, одежда, обувь, серебряные изделия) было поделено между милиционерами¹.

Кроме совершения перечисленных убийств, милиционеры и работники политбюро арестовали в общей сложности 54 невинных крестьян села Константиновского, избивали их и незаконного удерживали в течение двух или трех месяцев. А когда из Томска приехали представители губернского ЧК для выяснения обстоятельств незаконных арестов и странных смертей в Мариинском уезде, был составлен заговор с целью убийства этих людей. Заговором руководили заведующий политбюро уезда Константин Зыбко, начальник уездной милиции Александр Замятин, начальник районной милиции Сергей Калиняк-Гричановский, его помощник Константин Набойченко. Рядовыми исполнителями заговора были милиционеры уездной и районной милиции. Однако заговор был раскрыт и всех причастных к нему лиц арестовали².

23–25 января 1922 года в открытом судебном заседании Томского революционного трибунала был вынесен приговор по мариинскому делу. К смертной казни приговорены 14 человек, в том числе руководители политорганов и милиции К. А. Зыбко, А. П. Замятин, С. А. Калиняк-Гричановский, М. К. Набойченко и 10 милиционеров. При этом Набойченко и еще пятерым милиционерам предусматривалось смягчение наказания, учитывая их происхождение и «политическую недоразвитость». Четверо фигурантов получили три года принудительных работ условно, еще четверо освобождены от наказания, ввиду того что действовали «без разумения совершаемого ими преступного деяния»³. Приговор Томского революционного трибунала не был приведен в исполнение. Осужденные подали прошение о смягчении участи. В результате Постановлением ВЦИК от 21 апреля 1922 года расстрелы заменены тюремными заключениями на разные сроки. В частности, Зыбко был осужден на пять лет заключения «со слабой изоляцией»⁴.

По мнению В. И. Шишкина, часть обвинений была явно сфабрикована томскими чекистами, чтобы придать большую солидность делу⁵. Советские деятели пытались оправдать такой феномен, как «красный бандитизм», политической неграмотностью, а в некоторых случаях — ре-

Титульный лист брошюры Е. Ярославского «О красном бандитизме (Мариинское дело)». Томск, 1922

волюционной необходимостью. На последнем настаивали и сами фигуранты дела. Они считали, что раздавать вещи попов и кулаков бедным — вполне нормальное явление.

Странные убийства происходили не только в Мариинском уезде. После окончания Гражданской войны было неспокойно на всей территории Кузбасса. Одним из самых опасных мест стала железнодорожная станция Топки. Убийства здесь начались в июле 1921 года. Сначала были застрелены бывший колчаковский офицер Веселов и женщина, случайно оказавшаяся свидетельницей преступления. В начале августа убит дорожный мастер Кутека. Почти сразу после этого преступления найден мертвым ревизор движения железной дороги Миллихонц. Установлено, что он застрелен из браунинга. Буквально через несколько дней убит командир 8-й роты 182-го полка Мухин (Шишов). В сентябре преступления продолжились. Застрелен инспектор по продовольственному налогу Пожидаев. 14 декабря совершено покушение на священника Лукьянчука, но оказалось неудачным. Сначала в окно дома, где он жил, были сделаны выстрелы из револьвера, потом поступался незнакомый человек, назвавшийся начальником милиции. Священник открыл дверь, полагая, что милиционер

1 Постановление уполномоченного по общим делам Мариинского политбюро Томской губЧК, 24 августа 1921 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 152. Л. 106–109.

2 Ярославский Е. М. О красном бандитизме... С. 12.

3 Ярославский Е. М. О красном бандитизме... С. 16.

4 Прощение К. Зыбко сибпрокурору, 6 февраля 1923 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 409.

5 Шишкин В. И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 64.

будет разбираться с происшествием. Но вошедший напал на Лукьянчука с кинжалом. Служитель культа оказался человеком не робкого десятка, обезвредил нападавшего, сорвал накладную бороду и узнал местного коммуниста Константина Болдырева. На следующий день священник написал жалобу начальнику оперпункта ЧК Н. И. Трофимову. Но ЧК не торопилась разбираться в деле, более того, она стала покрывать преступника, подделывать бумаги и допрашивать лиц, которые не имели к делу никакого отношения. В Топки прибыла группа томских чекистов, 26 декабря проведены массовые аресты местных коммунистов¹.

Следствие по делу длилось несколько месяцев. К нему были привлечены более трех десятков человек. В результате вскрылись многочисленные факты преступной деятельности топкинских чекистов. По мнению следователя Томского революционного трибунала С. Шарнина, на станции Топки была создана анархо-террористическая группа, поставившая цель убивать «контрреволюционеров», спецов, священников и других неугодных им лиц. Главой организации признан начальник оперативного пункта ЧК Николай Иванович Трофимов. Его сподвижниками были уполномоченные того же оперпункта Георгий Леонтьевич Коптяев и Яков Андреевич Гилев, все — члены РКП(б). Пользуясь тем, что в обществе много недовольных амнистией бывших заключенных, они смогли привлечь на свою сторону более полутора десятков рабочих и служащих железной дороги, которые выполняли тайные приказы чекистов. Задания на убийства выдавали руководители группы на особых совещаниях. Они же определяли, кто «контрреволюционер», а кто нет, вели списки врагов революции. Обязанности между членами группы были строго распределены. Одни отвечали за оружие, другие — за подделку документов, третьи убивали.

Следователь Шарнин попытался объяснить причины возникновения террористической организации. В обвинительном заключении он написал: «Здесь, в Кузбассе, обстановка наиболее благоприятная для анархизма создавалась тем, что в городе Щегловске живет вождь партизан Шевелёв-Лубков Василий, заявляющий, что его партизаны теперь должны быть анархистами, и он сам анархист, так как пропала его работа. В районе находится много партизан, мешающих работе нормальной госучреждений своей разнузданностью, и действуют шайки Новосёлова и Сизикова, Щербакова и других». Шарнин пришел к выводу, что в Топках обстановка была настолько накалена, что многие коммунисты и работники советской власти ходили «с револьверами на взводе». По мнению следователя, топкинские террористы планировали убить даже председателя Сибревкома Смирнова, так как считали его контрреволюционером².

1 Заключительный акт по делу Топкинской анархо-террористической организации, 29 марта 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 288. Л. 99–100.

2 Обвинительное заключение по делу о Топкинской анархо-террористической организации, 22 апреля 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 306. Л. 1 об., 4 об. — 5.

В результате группе бывших сотрудников топкинского ЧК предъявлено обвинение в том, что они «организовали подпольную группу анархистов с целью производства террора путем убийств из-за угла контрреволюционного элемента и представителей высшей администрации как примазавшихся к РКП и Соввласти». Для реализации цели они «совершили ряд политического характера террористических актов, убийств и покушений на таковые, тем самым произвели подрыв Соввласти и дискредитирование РКП»³.

Суд революционного трибунала состоялся 12 июня 1922 года в Томске. Председательствовал на нем Макаренко, членами являлись Стефановский и Соколовский, секретарь — Смеловский. Суд признал факт существования на железнодорожной станции Топки группы анархистов, совершивших ряд убийств «политического характера» и «террористических актов». Руководителями группы были признаны Н. И. Трофимов, В. Н. Лукьянов, Маслов (его дело выделено в отдельное производство) и Г. Л. Коптяев (умер в тюремной больнице до суда). Остальные участники процесса вовлечены в организацию как «политически неразвитые». Никто из обвиняемых не признал себя виновным либо признал вину с оговорами. Главный фигурант процесса Н. И. Трофимов вообще заявил: «Я предполагал, что приношу пользу, приказывая убивать буржуев и интеллигентов, этих гадов, всех тех, кто служил при Колчаке, но теперь сознаю, что это было бесполезно, сознаю свою вину»⁴.

Трибунал приговорил бывшего начальника оперпункта Н. И. Трофимова к высшей мере наказания — расстрелу, техника-чертежник Василия Никитича Лукьянова — к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на три года без зачета предварительного заключения. К трем годам условно были приговорены Я. А. Гилев и Николай Алексеевич Чудов. Всех остальных обвиняемых в количестве 17 человек трибунал «обязал загладить свою вину перед рабоче-крестьянской властью честным и упорным трудом по восстановлению экономической мощи пролетарского государства, занявшись усиленным самообразованием». Изпод стражи их немедленно освободили. При этом трибунал принял во внимание чистосердечное раскаяние Трофимова и смягчил ему высшую меру наказания, заменив лишением свободы со строгой изоляцией сроком на пять лет⁵. Через месяц после вынесения приговора в больнице исправительного дома умер Лукьянов.

В отличие от мариинского процесса приговор по топкинскому делу был изначально мягким. Непосредственные исполнители убийств вообще освобождены от наказания. Организаторы красного террора получили относительно небольшие тюремные сроки. В какой-то

3 Обвинительное заключение по делу о Топкинской анархо-террористической организации, 22 апреля 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 306. Л. 14.

4 Протокол судебного заседания, 12 июня 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 288. Л. 75 об.

5 Приговор Томского губернского ревтрибунала по военному отделению, 12 июня 1922 года // ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 288. Л. 80–82 об.

степени красный бандитизм стал продолжением Гражданской войны, когда озлобленные красные уничтожали своих противников, живущих с ними в одних селениях. Война провела черту между лицами разных положений и статуса, превратив обычных соседей в недругов и даже врагов. При этом проблемы решались с революционной бесцеремонностью: убийствами и расстрелами. Не случайно почти никто из мариинских милиционеров и топкинских чекистов не признал себя виновными, считая, что они вправе решать судьбы людей и даже лишать их жизни, если это необходимо¹.

Действия бандитов нередко вызывали сочувствие и поддержку у местных партийных ячеек. Так, 12 июля 1921 года члены Пачинской волостной комячейки Томского уезда С. А. Климович, А. Ф. Лукьянов и П. И. Подонин на основании ими же составленной подложной записки арестовали девять человек, семь из которых тут же расстреляли. По итогам работы комиссии, направленной Томским губкомом РКП(б), убийцы были арестованы и преданы суду ревтрибунала. В ответ пачинские коммунисты и советские работники, не согласившиеся с таким ходом дела, в начале октября 1921 года создали волостную партийную конференцию с участием представителей сельсоветов и волисполкома и потребовали освободить Климовича до суда на поруки как бывшего активного подпольщика при Колчаке. В противном случае они грозили снять с себя всю ответственность перед советской властью, РКП(б) и даже распустить комячейку. Реакция губкома последовала незамедлительно. Пачинским коммунистам было указано на недопустимость ультимативного тона в таком вопросе, а также объявлен за это выговор².

15 августа 1921 года трое коммунистов села Усть-Сосновка Тарьминской волости Щегловского уезда (Пахомов, Пшеничников и Тетерин) ограбили и зверски убили семью своих односельчан Калмаковых, а затем, скрывая следы содеянного, сожгли их дом. Сессия Томского ревтрибунала приговорила всех подсудимых к высшей мере наказания³.

Уголовные преступления совершали некоторые известные участники партизанского движения. В марте 1923 года губернский суд рассматривал дело «кузнецких бандитов» в количестве 9 человек. Среди них выделялись бывшие активные участники кольчугинского подполья Степан и Семён Погребные, Иван Ломов, Павел Тузовский, известный под партизанской кличкой Громов. Под прикрытием организованной ими промыслово-охотничьей артели они с декабря 1921 по июль 1922 года организовали ряд ограблений и убийств частных лиц, в большинстве кулаков, в районе сел Кольчугино и Салаирское, в Мариинской тайге и по Чулымскому тракту. В защите подсудимых участвовал из-

вестный в Кузбассе партизанский командир В. П. Шевелёв-Лубков. Учитывая прежние заслуги и лояльность советской власти, преступники отделались очень мягким приговором: 1–1,5 года заключения, братья Погребные и Ломов за недоказанность были оправданы⁴.

Советские деятели пытались оправдать красный бандитизм политической неграмотностью органов власти, а в некоторых случаях — революционной необходимостью. На последнем настаивали и сами фигуранты мариинского дела. Они считали, что раздавать вещи попов и кулаков бедным — вполне нормально. В какой-то степени это было продолжением Гражданской войны, когда озлобленные красные уничтожали своих противников, живущих с ними в одних селениях. Война провела черту между людьми разного социального положения и статуса, превратив обычных соседей в недругов и даже врагов. При этом проблемы решались с революционной бесцеремонностью — убийствами и расстрелами. Не случайно практически никто из мариинских милиционеров не признал себя виновным, считая, что они вправе решать судьбы людей и даже лишать их жизни, если это необходимо.

Красный бандитизм на территории современного Кузбасса имел типичные для этого феномена корни, описанные в историографии: реакция представителей советских властей на колчаковский режим; продолжение политической и социальной борьбы после окончания Гражданской войны; низкая политическая культура новых властей; возникновение чувства вседозволенности и безнаказанности; сильное влияние партизанщины и ее методов борьбы с противниками. Можно отметить и некоторые новые черты красного бандитизма, проявившиеся в Кузбассе. К ним можно отнести простой грабеж с целью завладения чужим имуществом, а также сведение личных счетов. Гражданская война тяжелым бременем легла на российское общество, последствия ее сказывались еще долгие десятилетия.

1 Ярославский Е. М. О красном бандитизме (мариинское дело). Томск, 1922. С. 9.

2 ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 594. Л. 121.

3 По нашей губернии. Борьба с бандитизмом // Красное знамя. 1922. № 3. 4 января.

4 Суд. Дело кузнецкой банды // Красное знамя. 1923. № 70. 30 марта. В 1927 году за конокрадство и разбой Степан Погребной вновь был арестован.

§ 2. Становление советских органов власти

Советы Кузбасса в первой половине 1920-х годов. Выбранные весной 1920 года волостные и уездные советы и их исполкомы приступили к деятельности в условиях политики военного коммунизма. Сущность ее сводилась к следующему: крайняя централизация управления экономикой; национализация крупной, средней и даже мелкой промышленности; государственная монополия на торговлю; свертывание товарно-денежных отношений; уравнивание в распределении материальных благ; милитаризация труда; введение продразверстки (фактического изъятия всех излишков сельскохозяйственного производства за исключением продуктов для личного потребления).

Политика военного коммунизма была встречена крестьянством враждебно. Она могла привести к новому этапу Гражданской войны. Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года вместо продразверстки был введен продналог. Он взимался в виде процентного или долевого исчисления от произведенных в хозяйстве продуктов исходя из учета урожая, числа едоков и наличия скота. Продналог устанавливался как прогрессивный: чем больше хозяйство давало продукции, тем выше был налог. Бедняки вообще освобождались от него. О сборе налога крестьяне информировались заранее, он был фиксированным и меньше продразверстки примерно в два раза. Продналог стал первым шагом к новой экономической политике (НЭП).

В течение 1921 года было принято несколько декретов, которые разрешали свободу внутренней торговли, поощряли развитие кооперации, позволяли аренду земли и использование наемного труда (в ограниченном объеме), передачу в частные руки или аренду мелких и средних промышленных предприятий. Кроме того, была проведена финансовая реформа, в оборот вошли серебряный рубль и золотой червонец.

Агитационный плакат 1920-х годов «Новое положение о правах волисполкомов»

После завершения основных боев Гражданской войны Всероссийский центральный исполнительный комитет приступил к планомерному выстраиванию советской власти на местах. Циркулярным постановлением ВЦИК от 8 февраля 1921 года было предписано проводить регулярные перевыборы сельских, городских и поселковых советов через каждые три месяца. Съезды волостных советов необходимо было созывать также через каждые три месяца, а съезды уездных и губернских советов — не реже двух раз в год. 26 января 1922 года ВЦИК утвердил целый пакет документов о местных выборах: «Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа», «Положение об уездных съездах советов и уездных исполнительных комитетах», «Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах, положение о сельских советах». Через несколько дней, 31 октября, было принято «Положение о губернских Съездах советов и губернских исполнительных комитетах». По этим законам сельским и волостным советам при-

Агитационный плакат 1920-х годов «Сельсоветы выбирай – только маху не давай!»

давалось особое значение, они должны были обеспечивать социальную стабильность крестьянского мира (не случайно они постоянно переизбирались). Уездные и губернские съезды советов представляли собой территориальный уровень государственной власти, транслировавший все решения вышестоящих органов на места¹.

На территории Кузбасса сложилась сложная иерархия советской власти, не соответствующая административно-территориальному делению региона. В деревнях и селах существовали сельсоветы. В волостных селениях выбирались волостные советы, которые избирали из своей среды волысполкомы (ВИКи). Кроме того, действовали городские советы и рудничные советы со своими исполкомами. Далее следовал уездный уровень, на котором созывались уездные съезды советов и уездные исполкомы (УИКи). Здесь уже возникала первая особенность. Первоначально

в 1920–1921 годах в Щегловске, Кузнецке и Мариинске действовали не уездные исполкомы, а объединенные горуездные. С 1922 года они были разделены. Вторая особенность заключалась в том, что губернские власти учредили районные советы и райисполкомы (РИКи), которые действовали на правах уездных исполкомов. Создание их было связано с желанием усилить рабочий элемент. Районные советы создавались в местностях с развитой промышленностью, при этом их влияние распространялось на несколько близлежащих сельских волостей.

На территории Кузбасса в 1920–1921 годах были созданы три районных совета со своими исполкомами: в Кольчугине, Анжеро-Судженске и Тайге. При этом подведомственные райисполкомам волости выводились из компетенции уездных исполкомов. Например, в компетенции Кольчугинского райисполкома находилось девять волостей, изъятых из управления Кузнецкого горуездного исполкома: Кольчугинская, Урско-Бедаревская, Салаирская, Телеутская, Бачатская, Николаевская, Караканская,

¹ Яшук Т. Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // Lex Russica. 2017. № 10(131). С. 173–174.

Мариинский уездный исполнительный комитет. Начало 1920-х // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 50

Кара-Чумышская и Ускатская. В 1921 году на территории Кузбасса действовали три уездных (горуездных) исполкома: Кузнецкий, Щегловский и Мариинский, три райисполкома: Кольчугинский, Анжеро-Судженский и Тайгинский.

Первые итоги строительства советской системы власти в Кузбассе были подведены на пленуме Томского губисполкома в сентябре 1921 года, заслушаны доклады о деятельности местных исполкомов. В докладе Анжеро-Судженского районного исполкома отмечено, что исполком начал работать с 22 марта, обслуживал район с населением 130 тысяч человек. Все члены исполкома состояли в РКП(б). При исполкоме было пять отделов: управления, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения (собес) и земельный. Из всех отделов нормально работал только собес, который вовремя обеспечивал две тысячи инвалидов продуктами и товарами. Все остальные отделы были недокомплектованными, не имели нужного количества материальных средств. Но самой главной проблемой исполкома были натянутые отношения между его членами. Никакого единства в понимании решения разных проблем не было¹.

Кольчугинский районный исполком состоял из пяти отделов: управления, собес, здравоохранения, труда и коммунального. Проблемы у него были такие же: не хватало ответственных работников и даже канцелярских служащих; отсутствовали контакты между различными учреждениями, в особенности с райуглем. В отчете было подчеркнуто: «Положение отделов плачевное, нет служащих, а имеющиеся — разуты и раздеты, то же и с милицией». Работа

коммунального отдела была настолько слабой, что его хотели просто закрыть. Губернские власти планировали создать в селе Брюханово свой исполком, чтобы тот занимался крестьянами, но Кольчугинский исполнительный комитет был против такой реорганизации, так как это «вызовет распыление сил»².

Кузнецкий уездный исполком был выбран в июле 1921 года и сразу же приступил к работе. Исполком имел все положенные по закону отделы, но деятельность их была слабой. В докладе отмечено, что самой главной проблемой было выделение Кольчугинского района из состава Кузнецкого уезда. Между двумя исполкомами никак не могли наладить сотрудничество. В целом по уезду отношение к советской власти было хорошее. Работа волисполкомов была

нормальная, а вот сельсоветов — очень слабая, так как не хватало служащих и канцелярских работников³.

В Щегловском уездном исполкоме более или менее успешно работали отделы народного образования, социального обеспечения и труда. Отдел коммунального хозяйства «хромал на обе ноги». Взаимоотношения между отделами были довольно хорошими. Но общей проблемой было «манкирование служащих своими обязанностями из-за недостатка продовольствия и снабжения». Остро не хватало не только ответственных работников, но и технических сотрудников⁴.

В докладе Тайгинского райисполкома, действия которого распространялись не только на город, но и на восемь близлежащих волостей, отмечалось, что «работа отделов в общем удовлетворительна, за исключением милиции, которая не имеет до сего времени полного штата». Сельсоветы работали намного хуже, не хватало кадров⁵.

Постепенно стала налаживаться система выборов в сельские и волостные советы. Губернский центр требовал, чтобы в состав местных советов избирали «наиболее работоспособный элемент». В целях улучшения выборов проводились организованные предвыборные кампании, которые начинались, как правило, в декабре, а выборы проходили в начале следующего года. Например, с 25 декабря 1922 года начала действовать губернская избирательная

2 Там же.

3 Там же.

4 Пленум губисполкома. Доклад Щегловского исполкома // Знамя революции. 1921. № 205. 14 сентября.

5 Там же.

1 Пленум губисполкома. Доклад Анжеро-Судженского исполкома // Знамя революции. 1921. № 204. 13 сентября.

Местная власть по результатам выборов 1923 года

Уезд	Кол-во членов съезда	Из них		Избрано в уездный исполком	Из них	
		коммунисты	беспартийные		коммунисты	беспартийные
Томский	97	79	18	13	11	2
Мариинский	135	93	42	17	17	-
Кузнецкий	33	23	10	11	11	-
Щегловский	78	59	19	11	11	-

Источник: К перевыборам Советов. О важнейших организационных мероприятиях, проведенных в 1922–1923 годах // Красное знамя. 1924. № 29. 3 февраля.

комиссия, которая занялась формированием уездных и волостных избирательных комиссий. С 1 по 20 января 1923 года эти комиссии провели ревизию деятельности всех сельсоветов и волисполкомов. Повсеместно наблюдались следующие проблемы: «Недостаток опытных работников, их материальная необеспеченность, недостаток денежных знаков, продуктов и канцелярских принадлежностей и хаотическое состояние делопроизводства». С 20 января по 1 февраля проведены партийные и беспартийные конференции, на которых обсуждались проблемы общегосударственного и даже мирового уровня. Перевыборы прошли с 1 февраля по 1 марта 1923 года.

В результате предпринятых мер произошло усиление влияния РКП(б) на сельсоветы и волисполкомы. Если в 1922 году в сельсоветах было только 4% коммунистов, то в 1923 году их стало 12%. В волисполкомах численность членов партии увеличилась с 37,7 до 67%. Кроме того, в местных органах власти значительно увеличилась доля бедняков и середняков. В волисполкомах она выросла с 42,5% (1922) до 77% (1923). Уездные съезды советов и выборы исполкомов прошли в октябре–ноябре 1923 года. Еще одна важная тенденция — сокращение числа сельсоветов за счет их укрупнения. Например, в Кузнецком уезде в 1922 году было 111 членов сельсоветов, а после перевыборов их стало 607 человек. При этом количество членов волисполкомов не изменилось: 60 человек¹. Влияние РКП(б) на советские органы власти было очевидным. Члены партии занимали большинство мест на уездных съездах советов.

В 1923 году на территории Кузбасса были организованы нестандартные органы исполнительной власти — поселковые исполнительные комитеты (ПИКи). Их появление связано с особенностями состава населения некоторых промышленных районов. Проанализировав работу местных органов власти, Томский губисполком пришел к выводу, что она не соответствовала текущим потребностям. Так, в районе Прокопьевска и в Бачатах существовали сельские волисполкомы, которые фактически «не обслуживали нужды и запросы жизни рабочих». В поселке Ленино

(бывший Кольчугино) одновременно существовал сельсовет со своим волисполкомом и рудсовет со своим рудисполкомом. Причем волисполком подчинялся Кузнецкому уездному исполкому и обслуживал сельское население, а рудисполком находился в ведении губернского исполкома и в своей деятельности охватывал рабочих. Некоторые органы власти, в частности милиция, оказались в двойном подчинении, отчего происходили злоупотребления и невообразимая путаница в делах.

По мнению губисполкома, такая ситуация «губительным образом влияла на местную жизнь и дальнейшее развитие этих районов». В деятельности органов власти наблюдались «мелкие расхождения», которые «порождали крупные недоразумения, доходившие почти до кровавых столкновений». Авторитет советской власти падал на глазах. В 1923 году было решено в Ленине, Прокопьевске и Бачатах упразднить волисполкомы и рудисполкомы, а вместо них создать поселковые исполнительные комитеты со своими бюджетами. Анжеро-Судженский рудисполком был также переименован в поселковый исполком, с расширением его компетенции на железную дорогу. По результатам выборов (февраль 1923) оказалось, что в поселковых исполкомах рабочие стали преобладать над крестьянами².

Уездные и районные исполнительные комитеты постоянно находились в состоянии реорганизации и реформирования. Одни отделы ликвидировались, другие создавались. Практически после каждого уездного Съезда советов проводились те или иные реорганизации. Например, в сентябре–октябре 1923 года отдел управления Щегловского уисполкома был ликвидирован, а его функции переданы милиции. Кроме того, отделы коммунального хозяйства, здравоохранения, народного образования и социального обеспечения были слиты в единый уездный отдел местного хозяйства (уместхоз), в котором бывшие отделы стали подотделами. При сокращении штатов в первую очередь увольняли неэффективных работников. Результаты такой

¹ Доклад по отделу управления Кузнецкого уисполкома, 21 июня 1923 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 122.

² К перевыборам Советов. О важнейших организационных мероприятиях, проведенных в 1922–1923 годах // Красное знамя. 1924. № 29. 3 февраля.

Таблица 45

**Председатели уездных исполкомов
в первой половине 1920-х годов**

Уезд	Председатель	Нахождение в должности
Щегловский	Старостин Павел Никифорович	23 мая 1920 г. – март 1921 г.
	Ковешников Михаил Иванович	Март 1921 г. – январь 1922 г.
	Партин Венедикт Васильевич	Январь 1922 г. – 21 февраля 1923 г.
	Залмаев Яков Васильевич	21 февраля 1923 г. – март 1925 г.
Мариинский	Алексеевский	30 мая 1920 г. – ?
	Пономаренко	Январь 1921 г. – 21 март 1921 г.
	Крылов Ф.	21 марта 1921 г. – ?
	Ланге Борис Иванович	Август 1921 г. – ноябрь 1921 г.
	Стародубов Василий Тимофеевич	Ноябрь 1921 г. – 1922 г.
	Андреев	Июль 1922 г. – 13 августа 1922 г.
	Ямпольский	13 август 1922 г. – ?
	Нагорнов Кузьма Иванович	1923 г.
	Попов	Упомянут в январе 1924 г.
Кузнецкий	Филипенко Григорий Никифорович	7 июня 1920 г. – ноябрь 1921 г.
	Камбалин Николай Варламович	20 июля 1921 г. – 24 ноябрь 1921 г.
	Федосеев	Ноябрь – декабрь 1921 г.
	Максимов	Январь 1922 г. – июнь 1922 г.
	Залмаев Яков Васильевич	Июнь 1922 г. – 21 февраль 1923 г.
	Партин Венедикт Васильевич	21 февраль 1923 г. – март 1925 г.

Источники: ГАК. П-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 18; Протокол № 4 от 21 марта 1921 г. // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 665. Л. 82; Приказ № 99 от 13 августа 1922 г. // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 665. Л. 111; Усков И. Ю. Кемерово... С. 345; Список членов Кузнецкого уездного исполнительного комитета, избранных на 3-м съезде Советов 18–20 июля 1921 г. // ГАК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

деятельности были признаны положительными. Щегловский уисполком также вел постоянную работу с сельсоветами и волисполкомами. Всего в уезде было 210 сельсоветов с 1 057 членами; волисполкомов было 19 с 57 членами. В целях эффективного руководства волисполкомами осуществлялись объезды инструкторами уисполкома волостей, в свою очередь секретари волисполкомов ежемесячно объезжали сельсоветы¹.

Председатели уисполкомов и райисполкомов менялись очень часто. Иногда в течение года в одном исполкоме происходило несколько смен руководящих работников. Что касается отделов, то текучесть кадров в них была еще больше. Часто отделы вообще работали без руководства. Но были противоположные случаи, когда весь отдел составлял его начальник, без сотрудников. Иногда один руководитель заведовал несколькими отделами.

К середине 1920-х годов сложилась многоуровневая система власти, которая не всегда была привязана к административно-территориальному делению. Требовалось привести все к единому знаменателю. Руководство страны видело решение проблемы в укрупнении волостей и уездов.

На совещании в Новониколаевске в марте 1923 года были выработаны три принципа объединения волостей и создания районов:

- 1) естественно-историческая и бытовая однородность внутри района;
- 2) однородность организационных форм хозяйствования;
- 3) торгово-промышленная и экономическая связанность.

Все эти принципы были утверждены президиумом Сибревкома. Методика районирования выглядела следующим образом: в группе волостей выделялся один населенный пункт, являвшийся центром экономического тяготения; определялись состав и численность населения района из расчета 20–40 тысяч человек; рассчитывалось среднее расстояние от сельских поселений до центра; учитывались природно-климатические условия, водные, земельные и транспортные возможности².

Постановлением ВЦИК от 4 февраля 1924 года Сибревкому было предоставлено право проводить на территории Сибири низовое районирование. Само районирование проводилось летом того же года. Президиум Томского губисполкома 4 сентября 1924 года утвердил порайонный состав Томской губернии. Всего был создан 41 район, 25 из них на территории Кузбасса. В составе Томского уезда это были Юргинский, Поломошинский, Тайгинский, Судженский и Ишимский районы. В Мариинском уезде к кузбасским относились Малопесчанский, Ижморский, Троицкий, Мариинский, Сусловский, Тисульский, Тяжинский, Итат-

1 Советский аппарат в Щегловском уезде // Красное знамя. 1923. № 288. 22 декабря.

2 Александровский М. Г. Волостное районирование Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии. Томск, 1925. С. 46–53.

ский и Верх-Чебулинский районы. Щегловский уезд был разделен на Усть-Сосновский, Краснинский, Топкинский, Щегловский, Кемеровский и Крапивинский районы. Наконец, в Кузнецком уезде были образованы Ленинский, Бачатский, Прокопьевский, Кузнецкий и Кондомский районы. Кроме того, часть селений Болотнинского и Коларовского районов Томского уезда располагались на территории современной Кемеровской области¹.

В январе 1925 года во исполнение постановления декабрьского пленума Сибкрайкома бюро Сибирского крайкома совместно с губкомами предприняло одновременное широкое всестороннее обследование сибирской деревни. Для этой цели в уезды разослали 11 комиссий. Во главе комиссий были поставлены наиболее опытные работники областных партийных и советских учреждений. На территории Кузбасса обследованы два уезда. Комиссию, изучавшую Мариинский уезд, возглавлял заместитель заведующего агитотделом крайкома Алексей Викторович Перимов. Кузнецкий уезд изучал председатель Сибирского бюро ВЦСПС Абрам Моисеевич Гинзбург со своей группой. Методика изучения была простая — определялся наиболее типичный район уезда, комиссия выезжала в него с целью исследования всех сторон социально-экономического развития.

Отчет о работе комиссии А. В. Перимова, обследовавшего Тяжинский район, представляет особый интерес. Этот район был выбран как наиболее типичный, так как в нем было смешанное население (старожилы и переселенцы) и по его территории проходила Сибирская железная дорога. В Мариинском уезде таких районов было 8 из 12. Комиссия побывала почти во всех селах района и собрала «гору фактов административных нелепостей, игнорирования крестьянского общественного мнения и неумения вести партийную и советскую работу». Со всех сел и деревень приходили крестьяне, которые сообщали о безобразиях, которые творили коммунисты, приводили пример многочисленных ошибок и незаконных советской власти. Система местной власти, изученная членами комиссии, выглядела просто ужасно. В отчете было сказано, что «ни одна из обследованных партийных ячеек сколько-нибудь значительным авторитетом среди населения не пользовалась». Всего в районе было 8 ячеек с 35 коммунистами и 23 кандидатами. Все они возникли в 1920 году, ни одной новой создано не было. При этом вся полнота власти принадлежала именно ячейкам. В отчете говорится: «Ячейки прика-

Я. В. Залмаев // *Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта.* Харьков, 2011. С. 201

П. Н. Старостин // ГАК. Ф. Фотонд. Оп. 8. Д. 181

зывали Советам, Советы безропотно исполняли. Функции партии и Советов в деревне не размежеваны». Коммунисты в деревнях полностью бесконтрольны и безответственны. Многие из них замешаны в хулиганстве, насилии над женщинами, кражах и постоянных пьянках. В селе Успенка секретарь РКП(б) был настоящим уголовником, грабившим кредитное товарищество, совершавшим подлоги и мошенничество. Секретарь ячейки РЛКСМ был главным хулиганом, державшим в страхе всю молодежь. Крестьяне называли коммунистов «наши князья» и «наши бары». Советская власть в Тяжинском районе также была очень слабой и неавторитетной. Сельсоветы просто не знали своих функций. Члены комиссии были поражены повестками заседаний сельских советов. Большинство вопросов касалось глобальных международных проблем: «Титанические замыслы коварной Антанты», «Об ударе по капиталистической системе», «О проклятии Колчаку и его Террорам» и тому подобное. Вопросы местного хозяйства занимали 2–3 процента от всех рассматриваемых проблем. В работе сельсоветов была замечена «мания штрафовать». Штрафы выписывали за самые нелепые поступки: передачу папиросы из уст в уста, что способствовало распространению венерических заболеваний; выгул коров без провожатого; выпущенные из уст сквернословия и т. д. Штрафы никто не платил, но их все равно выписывали, в результате получалась «игра в бирюльки». Крестьяне избегали участия в работе сельсоветов и всячески уклонялись от дарованной им же власти. Членов сельсоветов фактически назначали коммунисты, предлагавшие заранее подготовленные списки.

Результаты проверки Тяжинского района были рассмотрены на пленуме Мариинского уездного исполкома и расширенном заседании Мариинского парткома РКП(б). Перимову и другим членам комиссии с большим трудом удалось убедить местных коммунистов, что методами работы в деревне должны быть «не командование, назначение и принуждение», а тщательная проработка вопросов и «убеждение». Комиссия также постановила арестовать двух комсомольцев и коммуниста, замешанных в уголовных преступлениях, а также рекомендовала сменить секретаря Мариинского укома РКП(б) товарища Малькова и райинструктора².

Первоначально районирование не отменяло уезды, они по-прежнему продолжали существовать, только теперь

¹ Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса (1920–2000 гг.): справочник. Кемерово, 2000. С. 5–6.

² Краткий доклад председателя комиссии Сибкрайкома РКП по обследованию Мариинского уезда, 1925 года // ГАК. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–6.

VI Мариинский уездный съезд советов. 1 апреля 1925 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 103

делились не на волости, а на районы. Самым крупным уездом Кузбасса, в котором на 1925 год проживало более 340 тысяч человек, был Мариинский. В отличие от Кузнецкого и Щегловского уездов, где имелись относительно крупные промышленные предприятия, в Мариинском до 92% населения были крестьянами. Всего в уезде было 12 райисполкомов и 194 сельсовета.

Очередная перевыборная кампания в советы прошла с 15 февраля по 25 марта 1925 года. Из Мариинска в каждый район были направлены ответственные работники для организации предвыборной кампании. Им в помощь прислали несколько человек из Томска, еще около 100 человек для агитации были мобилизованы райкомами. В отчете отмечено, что они провели «солидную работу как по перевыборам, так и по разъяснению и внедрению в сознание крестьянства сущности советской власти». Любопытно, что коммунистические ячейки вели себя в целом пассивно, еще меньше проявляли себя комсомольцы. В Акимо-Анненке комсомольцы вообще не участвовали в предвыборном собрании, а во время его проведения «с гармошкой гуляли по улице». Предвыборные собрания по уезду прошли довольно активно, крестьяне задавали много вопросов, участвовали в прениях, в том числе с резкой критикой.

Право голоса имели 131,5 тысячи человек. В выборах приняли участие 53,5 тысячи человек (41%). Лишенных права голоса было 827 человек. Партийные власти объясняли малое количество принявших участие в выборах тем, что во многих селениях просто не было помещений для голосований; что женщины вели себя пассивно, утверждая, будто «это не бабьего ума дело»; что отсутствовали пригласительные билеты. Перевыборы сельсоветов показали неожиданный результат. В состав советов прошли только 1,8% коммунистов и 1,1% комсомольцев, остальные были беспартийные. Однако при выборах районных исполнительных комитетов, проведенных на съездах советов, влияние коммунистов значительно увеличилось, райисполкомы состояли на 31% из членов ВКП(б), а остальные были беспартийными. Из 12 председателей райисполкомов 10 были коммунистами.

В перевыборах Мариинского горсовета приняли участие всего 23,9% имеющих право голоса. В состав горсовета были выбраны 52 человека, из них 47 — от профсоюзов, 3 — от красногвардейцев и 2 — от горожан. Коммунистов в горсовете было 28, комсомольцев — 2. Уездный съезд советов прошел с 1 по 4 апреля 1925 года. На нем присутствовали 156 человек. В уездный исполком выбраны 21 человек,

Мариинский уездный исполнительный комитет. 5 апреля 1925 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 51

все — члены ВКП(б). Перевыборы советов весной 1925 года продемонстрировали падение авторитета коммунистической партии в три раза. В 1924 году в составе сельсоветов было 6,8% членов ВКП(б), в составе райисполкомов — 94,7%¹. Возможно, это стало одной из причин ликвидации Мариинского уезда и разделения его районов между Томским и Ачинским округами.

Советы Кузнецкого округа (Кольчугинского уезда). После укрупнения волостей было проведено укрупнение уездов, оно проводилось центральными органами власти. Постановлением ВЦИК от 27 октября 1924 года Щегловский и Кузнецкий уезды были объединены в один — Кольчугинский уезд, с центром в поселке Ленино (бывший Кольчугино). Сразу же после этого началась выборная кампания. Сначала проводились выборы в сельсоветы. Пресса отмечала, что они прошли «при слабом участии и малой активности населения», кроме того, был «допущен ряд неправильностей». В результате выборы в нескольких уездах, в том числе в Кольчугинском, отменены правительством и назначены новые. Они прошли в начале 1925 года, насе-

ление участвовало в них активнее. В Кольчугинском уезде более половины лиц, имеющих право голоса, участвовали в них. В марте прошли районные съезды советов, на которых были выбраны исполкомы².

25 марта 1925 года в профклубе города Щегловска открылся I съезд Советов Кольчугинского уезда. В президиум съезда выбраны 13 человек. Первым делом делегаты отправили приветственные телеграммы губкомку РКП, губисполкомку, Сибкрайкомку РКП(б) и другим ведомствам. Потом были заслушаны разные доклады, в том числе В. Л. Орлеанского о районировании уездов и развитии советской системы власти³.

Кольчугинский уезд просуществовал недолго. 25 мая 1925 года президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края с разделением его на округа (вместо уездов) и районы. Томский уезд вошел в состав Томского округа; Кольчугинский уезд — Кузнецкого округа. Мариинский уезд упразднен. Западная его часть (Верх-Чебулинский,

¹ Доклад о выборах советов (вторично) по Мариинскому уезду, 1925 год // ГАК. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17 об.

² Орлеанский В. Л. Итоги избирательной кампании и наши задачи // Кузбасс. 1925. № 47. 25 марта.

³ Первый съезд Советов Кольчугинского уезда // Кузбасс. 1925. № 48. 27 марта; № 49. 28 марта; № 50. 29 марта; № 51. 31 марта.

Зырянский, Ижморский, Малопесчанский, Мариинский, Троицкий районы) вошла в состав Томского округа, восточная (Боготольский, Итатский, Сусловский, Тисульский, Тюхтетский и Тяжинский районы) — в состав Ачинского округа. Постановлением ВЦИК от 26 марта 1926 года центр Кузнецкого округа был перемещен в Щегловск¹.

После проведения всех реформ территория Кузбасса оказалась в разных административных округах: центральная и южная части — в Кузнецком, северная — в Томском и восточная — в Ачинском. Большая часть современного Кузбасса входила в состав Кузнецкого округа. Административные реформы привели к некоторым изменениям системы власти. Низовой формой остался сельский совет, который избирался во всех крупных селениях или в группе мелких. Его деятельность регулировалась «Положением о сельских советах», принятым постановлением ВЦИК 16 октября 1924 года. В выборах сельских советов участвовали все граждане, имеющие избирательные права. В составе сельсовета должно было быть не менее 3 и не более 100 делегатов, избранных из расчета один делегат на 100 избирателей. Возглавлял сельсовет председатель. Сельсоветы избирались сроком на год. Мелкие селения, где было менее 300 избирателей, присоединялись к выборам в соседних селах. Сельсовет заседал регулярно, не менее одного раза в две недели. В пределах своей территории он обладал всей полнотой власти, обсуждал и решал все вопросы, связанные с «устройством жизни и хозяйства». Основными его задачами были: борьба с невежеством, темнотой, болезнями и другими неурядицами сельской жизни; защита прав трудящихся; проведение в жизнь законов рабоче-крестьянского правительства; широкое вовлечение населения в управление государством.

Следующим звеном власти был районный съезд Советов. При этом его деятельность регламентировалась «Положением о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетов» от 16 октября 1924 года. Казус произошел из-за того, что районы считались укрупненными волостями, поэтому их деятельность регулировалась законами о волостях. Районный съезд Советов составлялся из депутатов от сельских советов из расчета один депутат на каждые 10 членов сельсовета. Съезд Советов созывался раз в год, выбирал исполнительный комитет, который тоже действовал в течение года, до новых выборов. Вся полнота власти в районе принадлежала съезду Советов и его исполкому. Компетенции этих органов были самые широкие, в их ведении находилось все хозяйство и социальная сфера.

Деятельность окружных органов власти Сибири регламентировалось «Положением о Сибирском крае», принятом ВЦИК 24 октября 1925 года. Окружной съезд Советов составлялся из представителей районных съездов Советов из расчета один депутат на 4 тысячи жителей (от села) и депутат на 800 жителей (от города). Собирались они раз в год, после районных съездов. Окружной съезд выбирал из своей

среды окружной исполнительный комитет (окрисполком), который должен был состоять не более чем из 27 человек. Окрисполком выбирал президиум в составе 5–9 человек. Главными членами президиума были председатель исполкома, его заместитель и секретарь. Обязанности исполкома охватывали фактически все сферы экономической и общественной жизни округа. По закону окрисполком должен был состоять из таких отделов, как: 1) общий; 2) административный; 3) земельный; 4) финансовый; 5) внутренней торговли; 6) местного хозяйства; 7) народного образования; 8) здравоохранения; 9) военный (военный комиссариат). Кроме того, при окружке были уполномоченный государственного политического управления (ГПУ), камеры инспекции труда, статистическое бюро, уполномоченный краевого отдела рабоче-крестьянской инспекции.

Выборы в Кузнецком округе прошли осенью 1925 года. В ноябре открылся I Кузнецкий окружной съезд Советов. Владимир Леонидович Орлеанский, 1895 года рождения, был чуть ли не единственным представителем власти уездного уровня, который имел высшее образование. В РСДРП он вступил в 1917 году². Орлеанский был уволен с должности председателя окружного исполкома по решению президиума 8 февраля 1926 года. Вместо него принят Лобахин. Видимо, назначение последнего не одобрил Кузнецкий исполком. Поэтому уже 1 марта на заседании президиума окрисполкома в должности председателя был утвержден В. В. Базанов³ (табл. 46).

Не успела закончиться одна выборная кампания, как тут же началась другая. В декабре 1925 года был разработан план проведения перевыборов сельсоветов. Выборы сельсоветов необходимо было провести с 20 января по 15 февраля, районные съезды Советов — с 15 февраля по 1 марта 1926 года. Срок проведения выборов по Горно-Шорско-

Таблица 46

Председатели исполкомов Кузнецкого округа в 1925–1930 годах

Председатель	Нахождение в должности
Орлеанский Владимир Леонидович	25 марта 1925 г. – 8 февраля 1926 г.
Базанов Виктор Васильевич	1 марта 1926 г. – сентябрь 1928 г.
Скрипкин Фёдор Васильевич	Сентябрь 1928 г. – 31 марта 1930 г.
Воронин Иван Макарович	31 марта 1930 г. – 1 сентября 1930 г.

Источники: Усков И. Ю. Кемерово... С. 347; Список ответработников Кузнецкого окрисполкома на 1 августа 1926 г. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 121. Л. 99; Протокол № 14 заседания Президиума Кузнецкого окружного исполкома, 8 февраля 1926 г. // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 84; Сведения на работников Президиума ОИК и Председателей райисполкомов, 1930 г. // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 359. Л. 1.

² Список партийного актива, 1925 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.

³ Протоколы № 14 и № 17 заседания Президиума Кузнецкого окружного исполкома, 8 февраля и 1 марта 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 103.

¹ Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса... С. 6.

Знамя Кузнецкого окружного исполнительного комитета, подаренное подшефной организации — Томской артиллерийской школе РККА // Из фондов Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова

му району был увеличен. В целях агитации проведено 516 предвыборных собраний, сделано 299 докладов райисполкомами. Все силы партии и комсомола были брошены на агитацию, но охватить удалось только 50–60% населения. Главной задачей, поставленной окрисполкомом, была консолидация бедняков и середняков против кулачества. Выборы прошли в намеченные сроки. Всего в 11 районах Кузнецкого округа было 237 сельсоветов, охватывающих 958 селений. Право голоса имели около 151 тысячи человек, около тысячи были лишены этого права. Приняли участие в выборах 81 тысяча человек (54%). Никаких серьезных выступлений кулачества не было. Всего в сельсоветы избраны 3 038 человек, из них 63% — впервые. Подавляющее большинство из них происходили из бедняков (51%) и середняков (39%). Выборы райисполкомов также прошли в срок. В их составе оказались около 48% членов ВКП(б) и ВЛКСМ¹.

В октябре 1926 года штат Кузнецкого окружного исполкома состоял из председателя, ответственного секретаря, канцелярии (12 человек), архивного бюро (1), плановой комиссии (6), организационного отдела (5). Таким образом, в аппарате окрисполкома числились 26 человек (25 мужчин и женщина), из них кандидатами и членами ВКП(б) были 19; по сословному составу: из рабочих — 14, крестьян — 10, служащих — 2; от станка пришли — 4, от сохи — 5. Кроме них, в составе окрисполкома числились 7 кандидатов (6 мужчин и женщина), в том числе членов ВКП(б) — 4, беспартийных — 3².

Районные исполкомы были разнообразны по количеству как отделов, так и служивших в них людей. Самые крупные РИКи — Ленинский, Кузнецкий, Прокопьевский и Бачатский. В них работали 25–30 человек, в остальных — 15–20. В связи с принятием «Положения о Сибирском крае»

Карта Сибирского края 1929 года. Фрагмент с Кузнецким округом и частями Томского, Ачинского и Хакасского округов

с 1 октября 1926 года все РИКи приведены к единому знаменателю. В каждом из них учредили по пять отделов: административный, общий, финансово-налоговый, земельный и военный³.

В Кузнецкий округ входило 11 районов (Горно-Шорский, Бачатский, Кемеровский, Прокопьевский, Краснинский, Кузнецкий, Ленинский, Крапивинский, Топкинский, Усть-Сосновский и Щегловский), 3 города (Щегловск, Ленинск-Кузнецкий и Кузнецк), 7 поселков (Топки, Прокопьевск, Бачаты, Кемерово, Белово, Гурьевск, Сад-город), 246 сельсоветов, 1 288 населенных пунктов. Население округа составляло около 405 тысяч человек, большинство из которых были крестьяне. Сравнивая перевыборные кампании в сельсоветы 1926 и 1927 годов, в отчетах отметили, что наблюдался рост числа рабочих. Так, в 1926 году

1 Доклад об итогах перевыборной кампании Советов по Кузнецкому округу за 1926 год. Секретно // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 130. Л. 48–55.

2 ГАК. Р-22. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–77.

3 Доклад о состоянии работы на местах, 1926 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 88. Л. 34–35.

в составе РИКов было 6,9 % рабочих, а в следующем году — уже 19,1 %. В городских и поселковых советах этот показатель был еще выше. В 1926 году в них было 48,2 % рабочих, а в 1927 году — 60,4 %. Наблюдался также постепенный рост членов ВКП(б) в органах советской власти. В 1927 году он составлял 48,1 % в райисполкомах и 41,8 % в горисполкомах. Незначительную прослойку составляли члены ВЛКСМ (6–8 %). Остальные были беспартийными. В сельских советах до 90 % всех членов были беспартийными¹.

Деятельность райисполкомов была довольно интенсивной. В среднем за полугодие они решали до 250 вопросов. Сельсоветы за это же время выносили решение в среднем по 44 вопросам. Основные дела, которыми занимались райисполкомы, касались финансово-налоговых, сельскохозяйственных и социокультурных вопросов. В сельсоветах главными были разборы заявлений граждан. В качестве недостатков в работе РИКов и сельсоветов Кузнецкий окрисполком называл незначительное внимание вопросам экономического характера и почти полное отсутствие планирования. В целях стимулирования деятельности райисполкомов и их контроля Кузнецкий окружной исполком стал практиковать выездные заседания на местах и регулярные обследования их деятельности².

Для решения проблемы кадрового дефицита советская власть использовала так называемые переброски, когда ответственных партийных и советских работников переводили с одного места службы на другое, причем, как правило, в другую губернию или область. Поэтому руководители тех или иных учреждений часто занимали должность год-два, а иногда и всего несколько месяцев. В биографиях первых советских работников значатся места службы в нескольких, порой очень отдаленных друг от друга, регионах. В качестве примера можно привести биографию председателя Кузнецкого окрисполкома Фёдора Скрипкина. Он был членом партии с 1908 года, происходил из рабочих. В 1918 году работал по военной линии в качестве агитатора. С 1919 по 1922 год работал в продовольственных органах уполномоченным, а затем был уездным продкомиссаром Костромского уезда. В 1923–1924 годах работал в Вотской области (ныне Удмуртия) заведующим финансовым отделом. С 1925 по 1928 год был заместителем председателя Вотского облисполкома и председателем областной плановой комиссии. В сентябре 1928 года переброшен в Кузбасс и стал председателем Кузнецкого окружкома. В его характеристике написано следующее: «В политических и хозяйственных вопросах ориентируется хорошо. Инициатива имеется. Настойчив. Работает над выполнением поставленных задач упорно, требуя точности, аккуратности и ответственности каждого сотрудника аппарата»³.

¹ Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Третьему Кузнецкому окружному съезду советов. Щегловск, 1929. С. 7–10.

² Там же. С. 13–14, 17.

³ Деловая характеристика на Скрипкина, 1930 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 305. Л. 4, 14.

Из-за нехватки кадров органы власти часто заполняли представители обычных трудовых профессий: слесари, чернорабочие, шахтеры, чулочницы, шляпницы, плотники, колесники, литейщики — с начальным и в редких случаях средним образованием. Если среди них попадались счетоводы и писмоводители, это уже было большим достижением. Встречались среди представителей новой советской власти и совсем неграмотные, у которых в анкетах было записано: «Самоучка».

По данным на 15 марта 1928 года, представителями органов власти были следующие люди. Секретарь окружкома ВКП(б) Захар Яковлевич Новиков получил образование в сельской, а затем в фельдшерской школе. Прибыл из Красноярской организации, имея за спиной партийный стаж восемь лет. Заведующий орготделом окружкома Эмиль Андреевич Генгер прибыл из Псковской организации ВКП(б) в 1926 году, окончил одноклассное министерское училище. Заведующим административно-политическим управлением был присланный в 1927 году из Новосибирска Вадим Иванович Вронченко, окончивший гимназию и высшую партийную школу в Ленинграде. Секретарями горкомов и райкомов были люди, получившие начальное, в лучшем случае среднее образование. Многие из них не местные: кто-то остался после службы в Красной армии в 1919 году, кто-то был командирован из Новосибирска или Томска. Заведовал отделом народного образования Михаил Прокопьевич Глазков, имевший среднее образование. Политпросвещением в округе руководил крестьянин с начальным образованием, но окончивший курсы Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова Иннокентий Иванович Чудинов. Председателем окрисполкома был командированный из Новосибирска бывший рабочий, окончивший двухклассное училище, Виктор Васильевич Базанов. Крестьянин с церковноприходским образованием за плечами Иван Иванович Зыкин — окружной военком. Заведующим окружным отделом здравоохранения работал Василий Григорьевич Крамаренко, окончивший четырехклассное городское училище. Председатель окружного суда — рабочий с начальным образованием Семён Фёдорович Клещук. Прокуратурой руководил бывший бухгалтер Евгений Михайлович Лепендин, окончивший городское училище. Управляющий отделом Государственного банка — крестьянин, окончивший двухклассное училище, Максим Родионович Лаишев. Государственным страхованием в округе заведовал крестьянин Василий Петрович Поплаухин⁴.

Компетенция окрисполкома была самой разнообразной и разносторонней. Ежедневно принимались решения практически по всем аспектам социально-экономического развития региона и жизни населения: от сбора налогов и регистрации торгово-промышленных предприятий до сроков открытия охоты на дичь и борьбы с хулиганством. Окрисполком разрабатывал и утверждал различные пра-

⁴ Список ответственных работников, входящих в номенклатуру окружного комитета ВКП(б) по Кузнецкому округу, 15 марта 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 312. Л. 16–26.

Форма милиционеров образца 1923 года // Токарь Л. История российского форменного костюма. Советская милиция 1918–1991. СПб., 1995. Ил. 6, 7

вила, обязательные к выполнению: торговли продуктами, соблюдения санитарных норм, движения транспорта по улицам и другие.

Окружная система недолго существовала в Сибири. Постановлением ВЦИК от 23 июля 1930 года округа были упразднены. 30 июля ВЦИК постановил разделить Сибирский край на два: Западно-Сибирский, с центром в городе Новосибирске, и Восточно-Сибирский, с центром в Иркутске. Теперь районы, составляющие Кузбасс, напрямую подчинялись Запсибкрайисполкому.

Правоохранительные и судебные ведомства. Правоохранительные органы, созданные советской властью, играли чрезвычайно важную роль в управлении государством и регулировании всех аспектов общественной жизни. Слом старой системы правового и общественного уклада жизни населения и установление новой приводили к тому, что в деятельности правоохранительных органов была большая политическая составляющая. При этом нередко доминировал принцип «революционной целесообразности», который позволял нарушать и без того не всегда справедливые законы, принятые советской властью. Помимо этого, правоохранительным органам приходилось бороться с преступностью, уровень которой превосходил все мыслимые и немыслимые пределы¹.

Деятельность **советской милиции** регламентировалась несколькими декретами, принятыми советским правительством, причем первоначально милиция представляла собой добровольные отряды, занимающиеся охраной общественного порядка. Декретом Совета народных комиссаров от 3 апреля 1919 года милиция была подчинена Народному комиссариату внутренних дел и введена в штат НКВД. В милиции вводилось обязательное изучение военного искусства и воинская дисциплина. При обучении во-

енному делу применялись уставы и законы, принятые для Красной армии. Руководящий состав милиции считался находящимся на военной службе. Снабжение милиции всем необходимым брало на себя государство, причем обеспечение ее было приравнено к военному.

Формирование милиции в Томской губернии началось в январе 1920 года. Первоначально управление губмилиции находилось в Новониколаевске, при нем были созданы административный отдел и отдел уголовного розыска, а также два подотдела: железнодорожный и речной милиции. В 1920 году в Мариинске, Кузнецке и Щегловске были созданы уездные бюро уголовного розыска, переименованные в следующем году в уездные отделения. В Анжеро-Судженске и Тайге образовались участковые следственные столы, занимавшиеся уголовными преступлениями. Первые задачи милиции — ликвидация многочисленных банд и поиск бывших белогвардейцев. Состав милицейских подразделений был пестрым. В Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах в милиции было до 90% бывших красных партизан. Кроме того, в Мариинском уезде в милиции служили десятки мадьяр (венгров) и даже китайцы. В 1921 году проведена реструктуризация на военный манер. Вся милиция Томской губернии получила статус бригады, уездная милиция — батальона, районная — роты².

После ликвидации главных бандформирований в 1922 году проведена реорганизация милиции, направленная на значительное сокращение штатов. Уездная милиция испытывала такие же трудности, как и все советские органы в начале 1920-х годов. Кадровый потенциал был слабый. В милицию шли работать в основном бывшие партизаны, не знавшие твердой дисциплины. Не хватало элементарных вещей: обмундирования, вооружения, канцелярии и т. д. Жалованье выплачивалось нерегулярно. Не были

¹ Подробнее см.: Исаев В. И., Узрватов А. П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск, 2006. 294 с.

² Страничка из истории милиции Томской губернии // Красное знамя. 1923. № 253. 11 ноября.

Сотрудники ОГПУ и милиции Щегловска. 1924 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 431

налажены отношения с другими ведомствами: исполкомами, народными судьями, прокурорами¹.

В первой половине 1920-х годов милиция постоянно подвергалась реформированию и реорганизациям. В августе 1923 года отделы управления уездных исполкомов, которым подчинялась милиция, были ликвидированы. Вместо них созданы уездные управления милицией. Они просуществовали всего несколько месяцев. С 1 февраля 1924 года их переименовали в уездные административные отделы, которым стала подчиняться милиция². С образованием Кузнецкого округа в 1925 году создан административный отдел Кузнецкого окружного исполкома, в его ведение перешла милиция.

В течение почти всех 1920-х годов положение кузнецкой милиции оставалось сложным. Самая острая проблема — кадровая. По данным на 1926 год, насчитывалось 27% подготовленных к работе начальников районных отделений милиции Кузнецкого округа, требовали переподготовки 55%, неспособных, требующих замены, было 18%. Ситуация с рядовыми милиционерами была еще хуже. Более 50% — слабо подготовлены к работе или требовали замены. Наблюдалась текучесть кадров. Среди командующего состава в 1926 году она составила 50% (половина начальников сменились), среди рядовых милиционеров — 153%, в течение года полностью менялся личный состав отделов, а потом происходила смена еще половины этого состава.

1 Народное хозяйство Томской губернии. Отчет Губэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год. Томск, 1923. Ч. 2. С. 319–321.

2 Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 249.

Главные причины увольнений: несоответствие служебным обязанностям, злоупотребления по должности, материальная необеспеченность. Профессиональные качества милиционеров можно назвать довольно низкими, многие из рядовых были неграмотными. Специальной литературой (кодексами, инструкциями, правилами и т. д.) обеспечивались только старшие милиционеры³.

Тем не менее, несмотря на все сложности, милиция занималась охраной общественного порядка и раскрытием преступлений. Самые распространенные преступления: кражи, самогоноварение, хулиганство, самовольные лесные порубки, растраты денежных средств должностными работниками. Так, с 1 апреля по 1 октября 1926 года в Кузнецком округе милицией зафиксировано 4 907 преступлений, из них раскрыто 2 858 (раскрываемость составляла около 58%).

Штрафы наложили на 3 455 человек (24 098 рублей), из них за самогоноварение — на 1 315 человек (11 779 рублей), хулиганство — на 798 человек (6 889 рублей)⁴.

При наложении штрафов применялся классовый принцип. Это значит, что за одно и то же преступление штрафы были разными для разных категорий населения. Например, за порубку леса на бедняка налагался штраф в 1–3 рубля, середняка — 4–6 рублей, кулака — 6–15 рублей, «нетрудового элемента» — 10 рублей. В зависимости от интенсивности преступлений штрафы могли расти. Если, например, увеличивалось количество хулиганских проступков, то на них штрафы поднимали в два раза. Милиция регулярно проводила так называемые ударные недели или месяцы, когда работа концентрировалась на каком-то одном виде преступления, чаще всего борьбе с самогоноварением или хулиганством. Для этого устраивались рейды и облавы, конфискации самогонных аппаратов. В ведении милиции находились тюрьмы, которые были переименованы в дома заключения (домзаки). Из-за сложной криминогенной обстановки они постоянно были переполнены. Например, в Щегловском домзаке, рассчитанном на 65 заключенных, постоянно находились 170–175 человек. Максимальная норма Кузнецкого домзака была всего 35 арестантов, но в нем находились до 80 человек. Халатность охраны домзаков приводила к постоянным побегам.

3 Отчет Кузнецкого окружного исполкома по административной работе за 1926 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 88. Л. 20–22.

4 Доклад о состоянии и деятельности Кузнецкого окружного административного отдела и милиции Кузнецкого округа за 1 апреля — 1 декабря 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 92. Л. 302–303.

Начальствующий и оперативный состав ОГПУ Кузнецкстроя. 1930–1932 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 423

За 1926 год сбежали 32 человека, из которых потом удалось поймать 10, еще 3 вернулись сами¹.

Наиболее ответственной была работа уголовного розыска. В его компетенции находились самые серьезные преступления: убийства, бандитизм, крупные кражи. В течение 1926 года в пределах Кузнецкого округа действовали три банды, в каждой из которых насчитывалось до полутора десятков человек. Наиболее дерзкими были банды Челбышева и Бабонакова. Деятельность банд заключалась в налетах и грабежах артелей, магазинов, продовольственных лавок, потребительских обществ и кооперативов². Все банды имели связи с другими округами: Новосибирским, Томским, Барнаульским, куда они сбывали награбленное имущество. В ходе специальных операций Кузнецкого уголовного розыска бандам нанесен существенный урон, несколько человек были задержаны и несколько — убиты. Кроме того, сотрудники угрозыска раскрыли ряд случаев конокрадства, задержали пятерых человек из шайки конокрадов³.

Объединенное государственное политическое управление. Государственное политическое управление (ГПУ) образовано в феврале 1922 года вместо упраздненной Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Главной функцией ГПУ было соблюдение «социалистической законности». В ноябре 1923 года ГПУ преобразовано в Объ-

единенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР. В Томской губернии также существовал сначала отдел ЧК, а потом ОГПУ. При создании округов в Сибири произошла и реорганизация ОГПУ. В каждом округе образован окружной отдел ОГПУ. В 1925 году в Кузнецком округе также создан отдел. Он состоял из трех человек, один из которых был в штате народного комиссариата, а двое других содержались за счет местного бюджета. Все сотрудники Кузнецкого ОГПУ имели льготы. Специальным постановлением Кузнецкого окрисполкома в 1926 году семьи сотрудников милиции, ОГПУ и военнослужащих освобождались от уплаты налогов на скотину из расчета одна голова на семью. Обязательным постановлением окрисполкома

от 12 февраля 1926 года учету не подлежали все автомобили и любые двигатели, находящиеся в военном ведомстве и ведомстве ОГПУ⁴. Первым начальником Кузнецкого окружного ОГПУ (с 17 ноября 1924 г.) стал Гавриил Дмитриевич Долгов. Он имел среднее образование, состоял в партии с 1920 года, по профессии писмоводитель⁵. С 1 октября 1925 года эту должность занял Михаил Николаевич Коновалов⁶.

С декабря 1926 года должность начальника Кузнецкого ОГПУ занял бывший эсер, вступивший в ряды РКП(б) в 1920 году, Николай Николаевич Баранов⁷. Первым делом он занялся наведением порядка в штатах вверенного ему управления. Твердой номенклатуры должностей не существовало, поэтому Баранов ее разработал и представил на утверждение в Кузнецкий окружной ВКП(б). Окружной отдел ОГПУ состоял из начальника, заведующего информационным отделом (он же замначальника), секретаря, четырех уполномоченных отделений, шести их помощников и двух районных (участковых) уполномоченных (один из

1 Отчет Кузнецкого окружного исполкома по административной работе за 1926 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 88. Л. 23–27.

2 Климова О. Г. Милиция Западной Сибири: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. С. 200.

3 Доклад о состоянии и деятельности Кузнецкого окружного административного отдела и милиции Кузнецкого округа за 1 апреля — 1 декабря 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 92. Л. 305–306.

4 Обязательное постановление № 15 Кузнецкого окружного исполкома, 12 февраля 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 17. Л. 29. То же № 42 от 7 мая 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.

5 Списки аппарата окружного РКП, 1925 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 10 об.

6 Список ответработников Щегловской горрайорганизации, 1926 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 121. Л. 169 об.

7 Список ответственных работников, входящих в номенклатуру окружного комитета ВКП(б) на 15 марта 1928 года // ГАК. Ф. П-8. ОП. 1. Д. 312. Л. 21 об. Баранов прибыл из Барнаула в 1926 году, имел среднее образование.

них был в Ленинске, другой — в Кузнецке). Новый штат вводился с 1 января 1927 года¹.

В октябре 1928 года начальник Кузнецкого ОГПУ Юлий Анатольевич Новак выступил с инициативой расширения штатов отдела². На закрытом заседании бюро Кузнецкого окружкома партии он представил свое видение штатного состава ОГПУ. Новак подчеркнул, что в Кузнецком округе имеется «большое количество различных антисоветских элементов различных оттенков, как то: бывшие каратели белых армий, бывшие офицеры старой и белых армий, бывшие дружинники колчаковской армии, бандиты белых армий, административно ссыльные, перебежчики иностранных государств и армий, бывшие торговцы и спекулянты, кулачество и т. д.», а еще есть «бывшие партизаны» с «уклоном анархизма». Для спешного выполнения своих задач Кузнецкое отделение ОГПУ разделило округ на восемь участков. Однако три сотрудника были не в состоянии следить за социалистической законностью по всему округу. Ю. А. Новак считал необходимым увеличение штата отдела до 11 человек, из которых 8 были бы участковыми (районными) уполномоченными. Бюро окружкома поддержало его инициативу и поручило секретарю Прокофьеву лично обратиться в Сибкрайком при ближайшем посещении Новосибирска³.

Советский народный суд. Ко времени занятия территории Кузбасса Красной армией в РСФСР действовали народные суды, учрежденные в стране по декретам о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года и 15 февраля 1918 года. Согласно этим декретам, отменялась вся судебная система Российской империи, в том числе институты мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат. Вместо этого провозглашалось создание народного суда. Народные судьи были выборными или назначаемыми местными советами (их исполкомами). Они действовали в пределах тех мировых судебных участков, которые существовали при царизме. Законодательством предусматривались съезды народных судей в пределах своего уезда. Вышестоящей инстанцией был губернский (окружной) суд. Все судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам велось на основе судебных уставов 1864 года. Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 года было принято «Положение о народном суде РСФСР». В нем конкретизировались функции и компетенции народного суда. Каждый участковый народный суд состоял из народного судьи и двух или шести переменяемых заседателей. Выборы народных судей осуществляли местные советы или их исполкомы.

Для организации народного суда в марте 1920 года из Новониколаевска были командированы инструкторы в Мариинский, Щегловский и Кузнецкий уезды. Всего в течение месяца они вместе с уездными ревкомами организовали народные суды в кузбасских уездах. Первоначально в Мариинском уезде было создано 7 судебных участков, Кузнецком — 6, Щегловском — 5. В апреле в Новониколаевске был создан губернский суд, который позднее перенесли в Томск. В мае 1920 года в Томске начал действовать губернский отдел юстиции (губюст) Томского губернского исполкома в составе общего, административно-хозяйственного, судебнo-следственного и карательного подразделов. Правда, уже в июне общий и административно-следственные отделы упразднили, а вместо них создали консультационный подраздел. Одновременно с ним в каждом из уездов созданы уездные бюро юстиции (убюсты), входившие в состав местных исполкомов. В результате преобразований в первой половине 1920 года в Томской губернии сложилась советская система судопроизводства⁴.

Созданные народные суды в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах разбирали уголовные, гражданские и бракоразводные дела. По данным за 9 месяцев 1921 года, в Мариинском уезде в народные суды ежемесячно поступало около 350 дел, из которых 230 были уголовными (65%), в Кузнецком уезде — 380 дел, из них уголовных 220 (56%), в Щегловском уезде — 340 дел, из них уголовных 207 (60%). В нарсудах преобладали дела о кражах, присвоениях и мошенничестве. Объектами хищения выступали продукты и предметы одежды и обуви. Среди подсудимых было много тех, кто имел возможности воровать: сторожа, грузчики, перевозчики, работники магазинов и складов, сиделки в больницах, матросы на пароходах. Затем шли дела об оскорблениях. Около половины всех осужденных нарсудами преступников подвергались лишению свободы на разные сроки, затем шли штрафы и общественные порицания⁵.

Немало среди них было дел с политической окраской, например о контрреволюционной агитации. В январе 1921 года народный суд рассматривал дело парикмахера Афанасия Ивановича Беденко. На стенах его парикмахерской были расклеены афиши антисоветского содержания. Суд оправдал Беденко, так как не удалось доказать, что это именно он расклеил афиши, к тому же за него заступились местные жители. В ноябре 1921 года в Анжеро-Судженске рассматривалось дело некоего Андрея Яковлевича Марьи-на, который, будучи пьяным, призывал убивать всех коммунистов, а советскую власть отменить. Народный суд его тоже оправдал за недостатком свидетельских показаний, к тому же он не смог определить, кого конкретно из коммунистов призывал убивать обвиняемый. В январе 1922 года народный суд в Мариинске рассмотрел дело о дезертирстве, которое тоже квалифицировалось как политическое. Обвиняемый — крестьянин Яков Дмитриевич Суздальцев,

1 Кузнецкое окружное отделение ОГПУ — Кузнецкому окружкому ВКП(б), декабрь 1926 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 121. Л. 192.

2 Новак был австрийцем по национальности, по профессии — чернорабочим. В должности начальника Кузнецкого отела ОГПУ он был минимум до мая 1930 года. См.: Персональный список вновь избранного состава Кузнецкого окружного комитета партии, май 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.

3 Протокол № 17 закрытого заседания Бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), 17 октября 1928 года. Строго секретно // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 284. Л. 42–47.

4 Народное хозяйство Томской губернии. Первый отчет Губэкономсовета Совнаркому и СТО. Томск, 1922. Ч. 2. С. 239–243.

5 Народное хозяйство Томской губернии... С. 244–247.

Плакат «Суд народный». Художник Д. С. Моор. 1919

проходивший военную службу в Мариинске, был командирован в Красноярск, но туда не явился, сбежав к родителям в село Бекет. Народный суд приговорил Суздальцева к возвращению на службу и конфискации коровы и двух овец¹.

В 1922 году Томское губернское экономическое совещание провело масштабную кампанию по экономии денежных средств, сделанную в основном за счет сокращения штатов разных учреждений. Бюджетное сокращение коснулось и судебной системы. В Мариинском и Кузнецком уездах были ликвидированы по три ставки народных судей, в Щегловском — две. Соответственно, участки оставшихся народных судов были пересмотрены в сторону расширения. Также значительному сокращению подверглись ставки народных следователей. В Кузнецком и Щегловском уездах их осталось всего по одной, в Мариинском — две. Помимо ставок судей были сокращены расходы на канцелярии и вспомогательные должности (секретари, курьеры, машинистки и т.д.). Все это негативно повлияло на процесс решения дел, стали накапливаться нерешенные дела².

Первые годы деятельности народных судей вскрыли массу проблем нового советского судопроизводства. На-

родные судьи и технический персонал получали жалованье нерегулярно. В губернский отдел юстиции неоднократно поступали жалобы от нарсудей, что они не могут хорошо питаться, не имеют возможности купить одежду. Еще хуже обстояло дело с канцелярией. Пишущих машинок практически не было. Нарсудьи писали сотни повесток от руки, тратя на это много времени, бумаги не хватало, приходилось использовать газеты, обои, папиросную бумагу. Особенно острой эта проблема была в Кузнецком и Щегловском уездах. Второй большой проблемой были народные заседатели, которые просто не являлись в суд. Томскому губюсту пришлось даже налагать штрафы на заседателей, что, впрочем, мало помогало. Третьей важнейшей проблемой было плохое взаимодействие судов с милицией, исполкомами советов всех уровней и органами ОГПУ. В Мариинском уезде был даже такой случай, когда народный суд приговорил гражданку к двум годам принудительных работ, но местный уполномоченный ОГПУ приказал ее освободить, так как она была сотрудницей этого ведомства³.

В ноябре 1922 года ВЦИК утвердил «Положение о судопроизводстве РСФСР», которое вводилось с 1 января 1923 года. Губернские отделы юстиции и уездные бюро юстиции ликвидировались. Участковые народные суды могли состоять из судьи или из судьи и двух заседателей.

¹ Право судить. Хроника Кемеровского областного суда. Кемерово, 2003. С. 33–34.

² Народное хозяйство Томской губернии: Отчет Губэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год. Томск, 1923. Ч. 2. С. 342–343.

³ Народное хозяйство Томской губернии... С. 344–345.

Народным судьей мог стать гражданин, отвечающий следующим требованиям:

а) иметь право избирать и быть избранным в советы;

б) иметь не менее двух лет трудового стажа ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя.

Народные судьи избирались на должности губернским исполнительным комитетом по представлению губернского суда. Вышестоящим органом для народных судов был губернский суд, а также Верховный суд и его коллегии, которые выступали в качестве кассационных органов.

После проведения административной реформы, создания краев и округов была проведена и реформа судостроительства. Положением ВЦИК от 19 ноября 1926 года вместо ликвидированных губернских судов были созданы краевые и окружные суды. Они выступали в качестве кассационной инстанции народных судов. В Новосибирске был создан Сибирский краевой суд, Кузбассе — Кузнецкий окружной суд. В его состав входили семь человек: председатель, заместитель председателя, четыре заседателя и запасной судья. По данным на 1926 год, все члены Кузнецкого окружного народного суда, за исключением одного человека, были партийными. Помимо кассационной деятельности Кузнецкий окружной суд рассматривал наиболее важные дела, занимался ревизией народных судов, отвечал за реализацию постановлений правительства. Для координации его деятельности учреждена должность уполномоченного Сибирского краевого суда по Кузнецкому округу, в штате — секретарь, счетовод, машинистка, курьер и сторож.

Выборы членов Кузнецкого окружного суда проводились на заседаниях президиума Кузнецкого окружного окрисполкома обычно в конце года, сроком на год. Например, на заседании президиума 23 декабря 1927 года членами Кузнецкого окружного суда были выбраны Ф. А. Друсевич (председатель), Павел Фёдорович Жаров (заместитель председателя), Фёдор Иванович Алексеев, Александр Ксенофонтович Шикин, Егор Васильевич Долматов (все трое — члены суда) и Когаловский (запасной судья). Точно так же избирали народных судей и следователей¹. В случае неудовлетворительной работы исполком запросто мог снять любого народного судью или даже окружного судью с должности и выбрать на его место другого. Такие смены регулярно происходили на заседаниях президиума окрисполкома. На заседании президиума окрисполкома 17 марта 1928 года от должности был освобожден председатель Кузнецкого окружного суда Друсевич, а вместо него выбран С. Ф. Клещук как человек, рекомендованный Сибирским краевым судом².

¹ Протокол № 42 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 23 декабря 1927 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 161. Л. 6.

² Протокол № 57 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 17 марта 1928 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 161. Л. 82.

Из практики Кузнецкого окружного суда можно выделить одно важное дело, разбирательство по которому длилось много лет. Начато оно было еще в 1921 году и касалось строительства Кольчугинской железной дороги. После нескольких лет разбирательства дело передано Кузнецкому окружному суду. Слушания по делу начались в июне 1927 года. Главным фигурантом был начальник Кольчугинской новостройки инженер Маковский, обвиненный в бесхозяйственности, еще два инженера, Мамаев и Писарев, обвинялись во вредительстве. В должностном преступлении обвинялся инспектор Рабоче-крестьянской инспекции Шумахер. Всего по делу проходили семь человек. Считалось, что фигуранты дела нанесли ущерб в размере 80 тысяч рублей³. Рассмотрение дела растянулось более чем на год. В октябре 1928 года председатель Кузнецкого окружного суда Клещук сделал доклад на закрытом заседании бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), в котором заявил, что окрсуд считает целесообразным отказаться от дальнейшего расследования этого дела, так как прошло много времени с момента предполагаемого преступления, было объявлено несколько амнистий, денежные расходы на продолжение дела могут оказаться неоправданно высокими. Кроме того, дело могло оказать негативное влияние на инженеров-специалистов, работающих в промышленности. В результате обсуждения этого вопроса решено дело прекратить. Любопытно, что бюро парткома фактически руководило окружным судом, решая, какие дела ему рассматривать, а какие нет⁴.

В декабре 1925 года на заседании президиума Кузнецкого окрисполкома была сформирована сеть участков народных судей по округу. Всего было девять судебных участков, из которых семь совпадали с административными районами, а два участка включали в себя сразу по два административных района — 6-й судебный участок включал в себя Топкинский и Усть-Сосновский районы, а 9-й — Кузнецкий и Горно-Шорский. Участков народных следователей было учреждено шесть, то есть почти все следователи заведовали двумя административными районами. Прокурорских участков было создано три (Кемеровский, Ленинский и Кузнецкий), каждый из них объединял по несколько административных районов. На этом же заседании президиума были утверждены нарсудьи и нарследователи всех участков, а также запасные судебные деятели. Ввиду того что селения Горно-Шорского района были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, президиум ходатайствовал о создании в этом районе самостоятельного участка нарсудьи и нарследователя⁵.

Первые месяцы деятельности судебной системы показали, что судьи и следователи завалены работой. В марте 1926 года на заседании президиума Кузнецкого окрисполкома принято решение немедленно задействовать всех за-

³ По Сибирскому краю. Судебный процесс Кольчугинских железнодорожников // Красное знамя. 1927. № 121. 29 мая.

⁴ Протокол № 16 закрытого заседания бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), 2 октября 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 284. Л. 40.

⁵ Протокол № 6 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 18 декабря 1925 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–42.

пасных судей, чтобы рационально распределить судебную работу. Главными причинами чрезвычайной загрузки судебных участков были признаны неаккуратные доставки из домов заключения арестованных, несвоевременное вручение повесток, невыезд к местам преступлений экспертов. Все эти недостатки было решено устранить в ближайшее время. Народным судьям и следователям предложено разбирать дела, связанные с хулиганством, шинкарством и сельхозрасходами «ударным порядком», то есть максимально быстро и оперативно. В качестве защитников на судебных процессах решено использовать представителей профсоюзных организаций¹.

Однако принятые меры не разгрузили судей и следователей. В июле 1926 года президиум окрисполкома выступил с ходатайством об увеличении судебных участков до 12 и следственных участков до 7. Кроме того, решено увеличить количество технических работников в судах и учреждениях трех должностей судебно-медицинских экспертов. С целью повышения квалификации нарсудей и нарследователей были запланированы мероприятия по обучению на краевых юридических курсах. Всем райисполкомам предписано снабдить судей и следователей помещениями, так как некоторые их не имели².

В сентябре 1926 года в целях ускорения рассмотрения некоторых дел решили создать передвижную камеру народного суда, которой поручалось оперативно решать дела о хулиганстве и порубках леса. Также подтвердили намерение расширить сеть судебных и следственных участков³. В 1927 году число судебных участков было увеличено до 14, а следственных — до 7. В каждом районе учрежден собственный участок, кроме того, в каждом городе был свой участок (Щегловск, Ленинск-Кузнецкий, Кузнецк). В городах имелись также нотариальные конторы. Щегловская нотариальная контора распространяла деятельность на Щегловский, Кемеровский, Топкинский и Усть-Сосновский районы; Ленинская — на Ленинский, Крапивинский и Бачатский районы; Кузнецкая — на Кузнецкий, Прокопьевский и Горно-Шорский районы. Уполномоченный Сибирского краевого суда ежегодно обследовал несколько судебных участков. По его мнению, сложившаяся система из 14 наручастков была вполне оптимальной. Все народные судьи справлялись с задачами, хотя ежемесячно они решали до ста дел каждый. Только Прокопьевский участок был в числе самых загруженных, но на помощь местному судье туда отправлен добавочный народный судья⁴.

Несмотря на увеличение количества участков, загруженность народных судей оставалась одной из самых главных проблем. В 1926 году по Кузнецкому округу в нарсуды

поступило 13 974 дела, в 1927-м — 19 823, в 1928-м — 23 420. Ежемесячно народным судьям приходилось решать до 140 дел. Но были такие участки, например Бачатский, где ежемесячно в суд поступало до 240 дел. В 1928 году встал вопрос о создании еще нескольких участков, в частности, предлагалось выделить станцию Белово в отдельный участок. Кроме того, требовалось значительно расширить штат секретарей судебных участков, особенно в Горно-Шорском районе, где народному судье приходилось часто ездить по отделенным улусам и селениям.

Второй важнейшей проблемой была кадровая. Оплата труда народных судей была невысокая, а квалификация их низкая. В 1928 году заработная плата народного судьи составляла 71 рубль в месяц, а квалифицированного рабочего — 100–120 рублей. Поэтому наблюдалась большая текучесть кадров. Обычно в течение двух лет полностью менялся состав всех народных судей округа. При этом новые нарсудьи не успевали даже поверхностно ознакомиться с действующим законодательством, что приводило к судебным ошибкам⁵.

Нельзя забывать о вмешательстве партийных органов в деятельность народных судов. Нередко оно переходило всякие границы. От судей требовали вынесения приговоров, не предусмотренных уголовным законодательством. Именно по этой причине многие приговоры были слишком суровы. Порой за незначительные проступки или мелкие упущения по работе виновных приговаривали к лишению свободы⁶. На VI Всероссийском съезде работников юстиции, состоявшемся в Москве в феврале 1929 года, народный судья Беликов из Кузнецкого округа заявил: «Местные партийные организации не руководят порой, а дергают, и из этого получается коверкание законности». Судья посетовал на то, что приходится подчиняться партийному нажиму, что нельзя считать правильным⁷.

В 1930 году в связи с упразднением окружной системы Кузнецкий окружной суд был ликвидирован. После этого в Кузбассе продолжила существовать система участковых народных судов, которые в основном распространяли свою компетенцию на административные районы, а также города. Кассационной инстанцией стал Западно-Сибирский краевой суд, учрежденный в Новосибирске вместо Сибирского краевого суда.

1 Протокол № 18 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 5 марта 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 104–104 об.

2 Протокол № 41 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 31 июля 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 175–176.

3 Протокол № 49 заседания Президиума Кузнецкого окрисполкома, 24–25 сентября 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 204.

4 Доклад о работе уполномоченного Сибирского краевого суда по Кузнецкому округу, 1927 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 92. Л. 288–290.

5 Объяснительная записка к штатам и ставкам заработной платы судебных работников, 1929 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 311. Л. 68, 72–74.

6 Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2014. С. 219.

7 Исаев В. И. Суды Сибири в условиях «великого перелома» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8. История. С. 176.

§ 3. Партийная власть на территории Кузбасса в 1920-е годы

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК И КОМИТЕТОВ РКП(б). Весной 1918 года Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков была переименована в Российскую коммунистическую партию большевиков (РКП(б)). Под этим названием партия прошла через всю Гражданскую войну. Когда в декабре 1920 года Красная армия разбила войска А. В. Колчака и вошла на территорию Кузбасса, повсеместно стали формироваться ячейки РКП(б). Многие бывшие партизаны и подпольщики тут же поспешили вступить в ряды коммунистов. Согласно уставу партии, существовала определенная иерархия, привязанная к административно-территориальному делению страны. Низовой считалась ячейка РКП(б), которая должна была состоять не менее чем из трех человек. На волостном уровне высшим органом было волостное собрание, собирающееся не реже раза в месяц, оно могло выбирать волостной комитет из трех-пяти человек. На уездном уровне собирались уездные конференции, которые имели право выбирать уездные комитеты (укомы) численностью пять-девять членов. Во главе укома стояло бюро из трех человек, которым руководил секретарь. На губернском уровне действовали губернская конференция и губернский комитет. Верховным органом партии был Всероссийский съезд, избиравший Центральный комитет (ЦК) из 19 человек (12 кандидатов).

Численность членов РКП(б) в Кузбассе быстро росла, особенно заметно это было в промышленных районах. Летом 1920 года в Кольчугине была проведена так называемая партийная неделя, в ходе которой в партию вступили до 700 новых членов из числа рабочих. При Кольчугинском парткоме были созданы немецко-австрийская, литовско-белорусская и мусульманская секции. Партком за два месяца организовал шесть митингов, несколько субботников и воскресников. На одном из митингов 27 июня была выработана грозная резолюция, осуждающая «зверства белогвардейской Польши», разрушившей целые города и обрекшей на нищету сотни тысяч невинных людей. Собравшиеся призвали к «скорейшему уничтожению разбойничьих правительств» буржуазных стран Антанты и «мировой революции»¹.

¹ На копиях (Кольчугинские копии) // Знамя революции. 1920. № 148. 18 июля.

В целях агитации за советскую власть и налаживания производства Кузбасс регулярно посещали разные политические деятели. Так, в августе 1920 года на Судженку приехал заместитель председателя Сибирского совета народного хозяйства член РСДРП с 1904 года Сергей Миронович Франкфурт. По случаю его приезда провели совещание партийных и советских работников Анжеро-Судженского района. Собравшиеся торжественно поклялись «бороться против разгильдяйства и лодырничества»².

28 ноября 1920 года на крупных станциях (Тайга, Анжерка) на два-три часа останавливался агитационный поезд «Октябрьская революция», на котором председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин совершал поездку по Сибирской магистрали. Заблаговременно извещенные рабочие и красноармейцы на вокзалах до отказа заполняли залы агитпунктов. Всесоюзный староста выступал с небольшой речью о значении воскресников как пути к коммунизму, кровной связи заброшенных в леса и сугробы железнодорожников и шахтеров Кузбасса с рабочими центра.

Важную роль в освещении жизни страны, ситуации на фронтах борьбы с белополяками и частями барона Врангеля, местной партийной, советской и хозяйственной жизни, информировании населения о позитивных процессах в стране играли газеты, которые стали издаваться в Тайге («Знамя коммуниста», с 1920), Мариинске («Известия Мариинского ревкома», «Луч красного солнца», «Пахарь», с 1920), Кузнецке («Крестьянская правда», с 1920), Анжеро-Судженске (с февраля-марта 1920 — «Искра коммунизма», с мая 1920 — «Коммуна»), Кольчугино («Кузбасс», с 1922).

В первой половине 1920 года значительный рост членов РКП(б) наблюдался в Кузнецком уезде. В прессе уезд даже получил название — «Коммунистический». За полгода создано около 100 сельских ячеек. В каждой волости было 300–400 членов РКП(б). Общее количество членов партии и сочувствующих доходило до 7 тысяч человек. Все волостные сельские исполкомы полностью состояли из коммунистов. Однако большим недостатком было то, что все эти партийцы были, так сказать, из числа новой волны, «рвущейся к новой жизни». Среди кузнецких коммунистов

² На копиях // Знамя революции. 1920. № 181. 27 августа.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ЛУЧ КРАСНОГО СОЛНЦА

Орган Мариинского ревкома и партии.

Адрес редакции и конторы: Мариинск, Советская ул., д. № 3, нижний этаж.

№ 43

Среда 28 апреля 1920 года

№ 43

Милитаризация труда.

Во всех областях нашей Советской страны в настоящее время, в то время, когда мы делаем шаг вперед в борьбе за коммунизм, в то время, когда мы делаем шаг вперед в борьбе за коммунизм, в то время, когда мы делаем шаг вперед в борьбе за коммунизм...

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Орган Работы, Исследования и Ком. Р. К. П. (Большевиков).

Каменск-Угловский район.

№ 56. — 1920 —

О Камчатских концессиях

В статье "Правды" о Камчатских концессиях мы говорили о том, что вопрос о концессиях является одним из основных вопросов борьбы за национализацию промышленности. Мы говорили о том, что вопрос о концессиях является одним из основных вопросов борьбы за национализацию промышленности...

Святую весть

Освобожденья,

Каменск-Угловский район.

№ 56. — 1920 —

Кровавое столкновение в Италии.

После кровавых столкновений в Болонии, в связи с открытием новизбранного городского совета, из разных мест Италии поступают сообщения о целом ряде таких же столкновений.

КОММУНА,

в мир неси екорей!

ЧЕТВЕРГ 16 ДЕКАБРЯ

— год — № 56.

Digital Library (Institution) of Tomsk State University, http://lib.tl.su.ru

Кузбасс

Выходит ежеднвно утром для читателей, в пос. Ленинск, Кузнецкого округа, Томской губ. Адрес редакции: барак № 105.

№ 10 (605).

Среда, 14-го января 1925 года.

Цена 3 к.

Восстание крестьян в Японии.

Восстание крестьян в Японии. В Японии в настоящее время наблюдается острое социальное напряжение. Крестьяне требуют улучшения условий жизни, снижения налогов и прекращения эксплуатации со стороны помещиков.

Война

Война. Окончилась война. Западная фронт. В Мюнхене. В Берлине. В Париже. В Лондоне. В Вашингтоне. В Москве. В Петербурге. В Варшаве. В Будапеште. В Бельграде. В Софии. В Афинах. В Иерусалиме. В Багдаде. В Мадриде. В Барселоне. В Милане. В Вене. В Будапеште. В Бельграде. В Софии. В Афинах. В Иерусалиме. В Багдаде. В Мадриде. В Барселоне. В Милане. В Вене.

Значение съезда.

Значение съезда. Съезд имеет большое значение для нашей партии. Он позволит нам лучше организовать нашу работу и укрепить единство нашей партии.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Год издания четвертый.

Еще об интервенции.

Еще об интервенции. Интервенция является одним из основных вопросов борьбы за национализацию промышленности. Мы говорили о том, что интервенция является одним из основных вопросов борьбы за национализацию промышленности...

Нужны ли юристы?

Нужны ли юристы? Юристы являются одним из основных кадровых ресурсов нашей страны. Мы говорили о том, что юристы являются одним из основных кадровых ресурсов нашей страны...

Обзор печати.

Обзор печати. Обзор печати за последнее время показывает, что в нашей стране наблюдается острое социальное напряжение. Мы говорили о том, что обзор печати за последнее время показывает, что в нашей стране наблюдается острое социальное напряжение...

Материалы к отчету.

Материалы к отчету. Материалы к отчету за последнее время показывают, что в нашей стране наблюдается острое социальное напряжение. Мы говорили о том, что материалы к отчету за последнее время показывают, что в нашей стране наблюдается острое социальное напряжение...

Титульные страницы газет «Луч красного солнца». 1920. № 42. 28 апреля; «Коммуна». 1920. № 56. 16 декабря; «Кузбасс». 1925. № 10. 14 января

наблюдалось много случайных и посторонних лиц. Опытных партийных деятелей, способных правильно организовать работу уездного комитета партии, в уезде не было¹. Последующие события показали, что успехи партийного строительства в Кузнецком уезде сильно раздуты, а в ячейках оказалось много посторонних лиц.

В течение 1920 года значительно усилилась Щегловская уездная организация РКП(б). Лучшие члены парткома прошли обучение в Томске, где прослушали лекции по текущей работе, политической обстановке, ведению статистики, работе в деревне. В целях агитации за советскую власть многие партийные активисты направлялись в деревню. Партконференция была проведена в Щегловске 10–14 сентября. Присутствовавшим на ней представителям местных ячеек разъяснена политика партии, функции ячеек, «степень их вмешательства в факт производства обысков». На польский фронт отправлен со всего уезда 81 человек (все коммунисты-добровольцы). Только за сентябрь в Щегловске проведено пять субботников, а всего по уезду — около 300. В субботники коммунисты занимались ремонтом мостов, дорог, тротуаров, школ, общественных зданий. Большая работа проделана по распространению периодической печати среди населения, вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь. Постепенно РКП(б) стало вмешиваться во все сферы общественной деятельности. Под руководством коммунистов проводились волостные и уездные съезды беспартийных избирателей².

Экономика также находилась под постоянным наблюдением РКП(б). В декабре 1920 года в Щегловске прошла уездная партконференция, заслушан доклад заведующего экономическим отделом, принята резолюция, в которой заявлялось, что все силы необходимо бросить на «фронт хозяйственной разрухи, лучшие партийные силы влить в экономические органы и всемерно способствовать намеченному плану в развитии промышленности». Резолюция заканчивалась типичным для того времени лозунгом: «Рабочие и крестьяне, тесно сплотившись в единую мощную трудовую армию, сокрушат последнего опасного врага — хозяйственную разруху!»³

Типичными для того времени были мобилизации коммунистов на какие-либо виды работ. В Кузбассе членов РКП(б) призывали обычно на работу на угольных предприятиях. Так, в декабре 1920 года по постановлению Томского губкома были мобилизованы до тысячи коммунистов Томского и Щегловского уездных парткомов с целью работы на угольных копях Анжеро-Судженского и Кольчугинского районов. Коммунисты на рождественских праздниках помогали шахтерам грузить уголь. Газеты писали о том, что коммунисты своим самоотверженным трудом «одержат

победы над топливным кризисом»⁴. Работы по погрузке велись при 30-градусном морозе и сильном ветре, но энтузиазм коммунистов был такой, что, несмотря на отсутствие теплой одежды и даже обморожения рук и ног, никто работу не бросил. Погрузка закончилась митингом-концертом, который дали приехавшие в Анжерку и Судженку коммунисты⁵.

Помимо мобилизаций Томский губком и местные партийные комитеты использовали такую форму организации труда, как недели ударной работы. Каждая из объявленных недель была нацелена на решение какой-либо конкретной задачи. Частыми были акции под такими названиями: «Неделя ремонта», «Неделя крестьянина», «Неделя помощи селу», «Неделя помощи армии», «Неделя ребенка», «Неделя сбора тары». В ходе проведения таких недель коммунисты брали на себя повышенные обязательства при решении насущных проблем, участвовали в ремонте техники, посеве полей, сборе урожая или организации благотворительных инициатив — сборе вещей и продуктов для сирот, голодающих, бездомных. Так, в декабре 1920 года на Кемеровском руднике по инициативе РКП(б) была проведена Неделя ребенка, в ходе которой собрано много пера, подушек, шерсти, вязаных вещей, хлеба и продуктов. На Кольчугинском руднике проведена Неделя красноармейцев тыла, коммунисты взяли на себя обязательство поднять производительность труда на 200 %⁶.

Быстрый рост численности членов партии вскоре обеспокоил центральные и губернские власти. По мнению некоторых партийных лидеров, в члены РКП(б) вступало много случайных людей, карьеристов и даже врагов, которые тем самым хотели скрыть свое контрреволюционное прошлое. Для избавления партии от подобных людей периодически проводились так называемые чистки. Первая такая чистка в Томской губернии прошла осенью 1920 года. Она носила ограниченный характер, чистке подверглась только часть партийных организаций. На территории Кузбасса она затронула Тайгинскую и Кольчугинскую районные организации, химический завод и рудники Щегловского уезда. Известно, что в Кемеровском районе (на химзаводе и руднике) перерегистрацию прошли 916 коммунистов, из них исключили из партии 302, 53 на чистку не явились и их тоже исключили, 8 переведены в кандидаты. В Тайгинском и Кольчугинском райкомах исключенных из партии лиц было намного меньше⁷.

Первые итоги партийного строительства в сельской местности подведены в январе 1921 года на Томском губернском съезде работников деревни. Лучшее дело обстояло в Щегловском уезде, где партийное строительство шло хорошо. Главная заслуга принадлежала опытным

1 Проезжий. По Томской губернии. Г. Кузнецк (Коммунистический уезд) // Знамя революции. 1920. № 121. 17 июня.

2 В Щегловской организации РКП // Знамя революции. 1920. № 221. 14 октября.

3 Партийная жизнь. Щегловская уездная конференция Р.К.П. // Знамя революции. 1921. № 6. 1 января.

4 На угольном фронте. Коммунисты — на угольный фронт // Знамя революции. 1921. № 4. 6 января.

5 Коммунисты на копях // Знамя революции. 1921. № 13. 19 января.

6 По губернии. На красную доску; Работа среди женщин. Кемеровский рудник // Знамя революции. 1921. № 7. 12 января.

7 Гузаров В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг. // Вестник ТГУ. 2014. № 379. С. 120.

коммунистам 5-й Красной армии, которых осталось много после ухода войск. В уезде было 35 комсомольских ячеек, в которых числились до тысячи человек. В докладе сказано, что «уезд выделяется в губернии постановкой работы на местах и революционным отношением населения к основным задачам момента». Партийная работа в Мариинском и Кузнецком уездах признана удовлетворительной. В селах Мариинского уезда насчитывалось 72 ячейки РКП(б) и 13 — в самом городе. Всего в партии состояли 1 087 человек. Сильное влияние на сельское население оказывала лубковщина, поэтому численность коммунистов там росла медленно. В Кузнецком уезде была другая проблема: почти полное отсутствие инструкторов. Худшим признано партийное строительство в Юргинском районе, охватывающее пять волостей. Там было закрыто много мельниц, это отрицательно сказалось на отношении крестьян к советской власти. Партийная работа в этом районе признана «вялой». Население испытывало острую нужду во всем. Продразверстка не выполнялась, трудовая мобилизация была проведена слабо¹.

По мере укрепления советской власти и переходу к новой экономической политике продолжилось усиление роли РКП(б) в социально-экономической жизни региона. По данным на август 1921 года, самой крупной была Мариинская уездная партийная организация. В Мариинском уезде числилось 106 ячеек, из которых 92 находились в сельской местности. Всего в уезде числились 2 037 членов партии. Большая часть из них — крестьяне (1 222 человека), затем шли рабочие (366), красноармейцы (299) и служащие (150). Для более успешного разъяснения политики партии в уезде была создана партшкола с шестимесячным курсом обучения. К каждой партячейке были прикреплены наиболее опытные и ответственные члены РКП(б), которые регулярно проводили агитационную работу².

В Кольчугинском районе в августе 1921 года числились 958 коммунистов, 461 — в городе, 497 — в уезде. В области организационно-инструкторской были проведены подготовительная работа по созыву волостных партконференций, учет ответственных работников уезда, выработаны инструкции для фракций профсоюзов. В области пропаганды главное внимание уделено агитации среди крестьян по разъяснению продналога и кооперации, для чего проводились беспартийные крестьянские конференции.

В Кузнецком уезде на август 1921 года числились 734 коммуниста и кандидата в члены партии (122 — в городе при 27 кандидатах и 411 — в уезде при 174 кандидатах). Главная работа уездного комитета партии сводилась к разъяснению новой экономической политики и продналога³.

1 Партийная жизнь. Губернский съезд работников деревни // Знамя революции. 1921. № 19. 28 января; № 20. 29 января.

2 Партийная жизнь. Мариинская организация // Знамя революции. 1921. № 193. 31 августа.

3 По организациям губернии. В Кольчугинском райкоме РКП. В Кузнецком уезде // Страничка партийного работника: Приложение к газете «Красное знамя». 1921. № 219. 1 октября.

В Тайгинской партийной организации на август 1921 года состояли 579 членов партии. Соотношение рабочих и крестьян было примерно одинаковым: 237 и 241 человек. Остальные были служащими и кустарями. В Тайгинском районе имелось 49 ячеек, из которых 23 были сельские, 14 — рабочих, 10 — красноармейских и милицейских, 2 — в советских учреждениях. В отчете отмечалось, что партийная дисциплина в сельской местности была слабее, так как многие крестьяне пропускали собрания по причине занятости в домашнем хозяйстве⁴.

Осенью 1921 года проведена так называемая генеральная чистка партии, инициированная Центральным комитетом РКП(б). Главными ее задачами были избавление партии от выходцев из других партий (эсеров, меньшевиков и т. д.) и освобождение партийных рядов от кулацко-собственнических и мещанских элементов. Особую строгость необходимо было проявить к «буржуазной интеллигенции» и бывшим белым офицерам, проникшим в партию. Разработан целый ритуал генеральной чистки. Каждый член партии предстал перед «комиссией по чистке», состоящей, как правило, из трех человек, присланных вышестоящей организацией и уже прошедшей чистку. Он должен был положить на стол партбилет и ответить на все вопросы комиссии, доказывая не только знание нормативных документов партии (устава и т. д.), но и показывая личный вклад в дело построения коммунизма. Если имелись характеристики или жалобы на человека, то их подробно разбирали. Прошедшему чистку партийцу возвращали партбилет.

В целом по стране из РКП(б) исключили до 30 % членов. Несколько громких исключений из партии было в Кузбассе. Партбилета лишился председатель Мариинского уездного исполкома Борис Ланге, бывший юнкер, сотрудничавший с земской газетой «Звено». Формально его обвинили в «мягкотелости» и слабом руководстве исполкомом. Из партии был исключен начальник отряда по борьбе с бандитизмом Мариинского уезда Франс Габра. Его заподозрили в любовной связи с «бандиткой», взяток и вымогательствах. В Кузнецком уезде из партии выгнали политрука воинской части Ивана Лозицкого, который когда-то состоял в партии эсеров и служил в армии Колчака. Целую группу бывших эсеров обнаружили в Мариинском уезде. Из партии исключили заведующего потребительским обществом Евграфа Васильевича Сажина, участника карательных экспедиций белых Василия Иглина, заведующего уездным отделом образования Павла Макарова. Любопытно, что в условиях чистки партии многие из ее бывших членов добровольно сдавали партбилеты или просто не являлись на процедуру, их исключали «механическим способом». Так, в декабре 1921 года Анжеро-Судженский райком партии подвел итоги чистки, и оказалось, что из партии исключены 78 человек, а еще 80 выбыли «механически» или добровольно. Главными причинами неудовлетворительной

4 Партийная жизнь. Тайгинская организация // Знамя революции. 1921. № 193. 31 августа.

работы коммунистов в райкоме названы пассивность, трудовое дезертирство, шкурничество, пьянство, совершение религиозных обрядов (крещение, отпевание), взяточничество, казнокрадство. Были вопиющие случаи чистки, когда из партии исключали целые ячейки. В Томской губернии насчитывается 11 таких случаев, 7 из них — в Кузнецком уезде¹.

Однако даже после генеральной чистки партийный кадровый состав местных организаций РКП(б) оставался весьма слабым и неустойчивым. В июле 1922 года один из ответственных партийных работников Мариинска составил заявление на секретаря уездного комитета РКП(б) Ведягина, в котором привел массу фактов злоупотребления. Он утверждал, что секретарь укома несправедливо распределяет продукты, снабжая ими прежде всего собственную семью; содержит дома кухарку, хотя его жена коммунистка; использует арестованных для работы на своем огороде. Кроме того, он постоянно пьянствует и носится на лошадях по всему городу. Такие «шкурные» действия партийного руководителя приводят к тому, что в парторганизации зреет недовольство, грозящее расколом. По словам заявителя, в мариинской парторганизации «верхи отошли от низов»².

Морально-политическая атмосфера, сопровождавшая процесс возрождения экономики региона, формировалась под влиянием ряда факторов. С одной стороны, люди на производстве переживали период подъема революционного энтузиазма, когда в рабочей массе зарождалось ощущение приближения эпохи равенства, после изнурительных военных лет наступили мирные времена с начинающим движением общества в сторону формирования общегосударственной собственности, повседневное наращивание которой воспринималось как путь к материальному благополучию всех жителей Советской республики. Члены РКП(б) и им сочувствующие, следуя учению вождей, благодаря результатам достигнутых политических побед начинали воспринимать себя активными творцами в раздувании «пожара мировой революции», и эти настроения стали действенным инструментом мобилизации трудовых коллективов. С другой стороны, центральные органы власти быстро распространяли на шахты и транспорт методы военной дисциплины и чрезвычайные меры, формирующие атмосферу страха и режима принуждения. В наказание за снижение показателей производительности труда проводились судебные процессы.

Из-за нехватки квалифицированных кадров в РКП(б) постоянно практиковались плановые горизонтальные «перевоски» ответственных работников, нередко на аналогичные должности, из одного города (поселка) в другой. Указанная мера должна была предотвратить нежелательное «обюрокращивание» кадров. Секретари укома или рай-

кома партии работали в течение нескольких месяцев до очередной замены на конференции другим кандидатом. За отпущенное время следовало быстро войти в курс событий местной жизни, адаптироваться на новом месте, подобрать дееспособных помощников в лице заведующих отделами, изучить актив. Качества личности секретаря во многом предопределяли результативность работы райкома. Такие управленцы не успевали обрастать связями, часто мешающими бескорыстному служению во имя революции. Самую многочисленную группу в партийной иерархии составляли секретари волостных комитетов РКП(б) и ячеек. В большинстве своем это были выходцы из крестьянской среды, нередко обремененные личным хозяйством, в лучшем случае получившие домашнее образование, вступившие в партию в 1920 году и позже.

После проведения генеральной чистки численность рядов кузбасских коммунистов сократилась. Однако сведения об этом противоречивы. Так, в январе 1922 года в Томске прошла 5-я губернская конференция РКП(б). Судя по материалам прессы, в комитетах партии, относящихся к Кузбассу, числились 6 419 человек. На конференции присутствовали 45 делегатов от кузбасских комитетов партии³. В официальных документах Томского губкома численность кузбасских коммунистов на март 1922 года значительно меньше. Самой крупной была Щегловская уездная организация (1 981 человек), далее идет Мариинская уездная (1 058), Анжеро-Судженская районная (1 030), Кольчугинская районная (643), Тайгинская районная (274), Кузнецкая уездная (183). Всего в парторганизациях Кузбасса числилось 470 ячеек с 5 169 членами⁴.

Так или иначе, чистка партийных рядов сократила плюрализм мнений. Например, из Кемеровской парторганизации исключили около 40 человек. Один из ее членов писал, что это повлияло на райком, так как прекратились споры и распри, наладились связи с ячейками, а главное, «повеяло совершенно другим духом». Этот «другой дух» заключался прежде всего в том, что большинство кампаний, проводимых райкомом, поддерживалось практически единогласно: кампания по изъятию церковных ценностей; реорганизации профсоюзов и переходу на хозрасчет; единому рабочему фронту. Противоречия вызвала только сельскохозяйственная кампания, которая в какой-то степени была навязана райкому⁵.

Одновременно с этим усилилась критика Томского губкома в отношении деятельности местных райкомов и укомов. В мае 1922 года Тайгу посетила агит-инструкторская группа губкома. Один из ее представителей — Л. Кацнельсон — думал, что близость этого города к губернскому центру будет способствовать образцовой партийной работе. Однако оказалось, что Тайгинский райком партии

1 Гузаров В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг... С. 121–124. Иногда в газетах публиковали списки лиц, исключенных из партии с указанием причин. См.: Постановления Томской губернской контрольной комиссии РКП(б) // Красное знамя. 1922. № 190. 27 августа.

2 Заявление Башкирова, совершенно секретно, июль 1922 года // ГАК. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 «а» — 8 «а» об.

3 5-я губпартконференция // Красное знамя. 1922. № 22. 31 января.

4 Подсчитано по кн.: О состоянии партийных организаций на 20 марта 1922 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг. Кемерово, 1966. С. 99–102.

5 Партийная работа. Партия на шахтах (Кемеровская организация) // Красное знамя. 1922. № 124. 19 июня.

Плакат «Неразрывный союз рабочих и крестьян». 1920-е

далек от идеала. Связь с центром была настолько слабой, что инструкции и циркуляры приходили в Тайгу с большим опозданием. Многие общегубернские кампании либо вообще не проводились, либо проводились не так, как требовалось. Слабость работы объяснялась дефицитом партийных кадров, во все отделы райкома требовались хорошие руководители. Один из партийных деятелей Тайги Е. Глушков напечатал в газете «Красное знамя» ответ на критику Каценельсона. Он категорически отверг все обвинения в адрес тайгинского райкома. В ответном письме Каценельсон продолжал настаивать на том, что требуется усилить контроль со стороны центра над деятельностью тайгинского райкома партии¹.

Под действием критики центра Тайгинский райком попытался усилить работу. При райкоме открыты партшкола и кружок по изучению марксизма. Рядовым членам партии стали поручать подготовку докладов по серьезным темам, что способствовало их саморазвитию. Во всех ячейках регулярно проводился партдень, самые активные коммунисты вели агитацию среди беспартийных рабочих².

Успешно развивалась Кемеровская парторганизация. Отличительной ее особенностью была тесная связь с иностранцами, особенно американцами, которые работали на предприятиях АИК «Кузбасс». В связи с этим при парторганизации создали американскую секцию. Иностранцев представителей интересовала политика НЭП, о которой

подробно рассказывали на заседаниях марксистского кружка³.

Агитационная работа усилилась и в других парторганизациях. В 1922 году Анжеро-Судженский райком РКП(б) организовал школу практической инструкции и информации, поставив цель обучить всех секретарей ячеек партийной работе. Программа школы была рассчитана на три месяца, занятия проводились два раза в неделю по два часа, причем программа включала в себя не только лекции, но и практические занятия. Через три месяца секретари ячеек переизбирались, и обучение проходили новые. В результате такого цикла были задействованы в учебном процессе все члены коммунистических ячеек⁴.

20 августа 1922 года в Мариинске состоялась 6-я уездная партконференция. На ней был сделан доклад о работе уездного комитета партии. Подчеркну-

ли, что партийное строительство идет медленно потому, что уезд является сельским, промышленных предприятий нет, опора у компартии слабая. Крестьяне легко поддаются контрреволюционной агитации. В целях укрепления партийной дисциплины в феврале и марте была проведена работа по усилению связи с сельскими ячейками. Для этого уезд разбит на районы, охватывающие по пять-восемь волостей, в каждый район назначен инструктор. Одновременно устроена партшкола, в которой обучение проходили секретари ячеек. В апреле и мае уком провел две кампании: помощь голодающим (помгол) и посевную. В рамках первой кампании было проведено 109 митингов, две двухнедельки сбора средств. Во время второй кампании проводились собрания крестьян с разъяснением политики партии. В течение июня — июля уком все силы бросил на «продовольственный фронт», то есть сбор продналога и обнаружение скрываемых крестьянами объектов налогообложения. В докладе также отмечено, что Мариинская парторганизация окрепла, в ней не наблюдается уклонов ни вправо, ни влево⁵.

Примерно так же проходила партийная работа в других уездных парторганизациях. Так, в Щегловском уезде партийная чистка оказалась одной из самых серьезных из всей губернии. Корреспондент газеты «Красное знамя» писал, что в уезде было 4 тысячи членов партии, а после чистки 1922 года осталось 2,5 тысячи. Это облегчило работу укома, избавившегося от лишних элементов, в числе которых

1 Каценельсон Л. Партийная работа. Письмо из Тайги // Красное знамя. 1922. № 123. 9 июня; Глушков Е. Письмо из Тайги // Красное знамя. 1922. № 150. 11 июля; Каценельсон Л. Ответ т. Глушкову // Там же.

2 Партийная работа. В Тайгинской организации // Красное знамя. 1922. № 153. 14 июля; Мошук И. Партийная работа. Равняйтесь по Тайге // Красное знамя. 1922. № 176. 10 августа.

3 Партийная работа. Кемерово // Красное знамя. 1922. № 160. 22 июля.

4 Луканин Л. Партийная работа. Школа инструктирования и информирования (Анжеро-Судженск) // Красное знамя. 1922. № 186. 23 августа.

5 Партийная работа. Мариинский уком // Красное знамя. 1922. № 195. 3 сентября.

были «заядлые кулаки», приникшие в компартию. «Уком наладил работу в ячейках, где установлены единые партийные дни. На собраниях обсуждаются самые насущные вопросы, принимаются решения по ним. В целях ликвидации политнеграмотности читаются лекции и проводятся занятия»¹.

Агитационная работа была одной из самых главных в деятельности Анжеро-Судженского райкома партии. 19 августа 1922 года проведена внеочередная районная конференция членов РКП(б), заслушан доклад о деятельности райкома. В августе открыт марксистский кружок на Судженских копях, ему даже выделили помещение, установили рояль и устроили библиотеку. Райком партии был втянут в конфликт между профсоюзом и хозяйственными органами управления промышленностью. Коммунисты поддерживали профсоюз, так как считали, что хозорганы «обюрократились» и стали вести политику «бесхозяйственности»².

Оживление агитационной работы наблюдалось и в Кузнецком уезде. Местный уком партии отмечал, что в 1922 году в связи с политикой НЭПа и отступлением угрозы голода местные крестьяне стали активнее включаться в партийную жизнь. Авторитет советской власти постепенно рос, укреплялись сельские ячейки, началась работа с инородцами, которые ранее совсем не участвовали в общественно-политической жизни уезда. Уездная конференция РКП(б) подтвердила, что парторганизации Кузнецкого уезда теперь «спаяны единой волей»³.

Однако, несмотря на агитационную работу, уровень политической грамотности оставался крайне низким. Многие коммунисты не отличались от обывателей своей подготовкой в политической сфере. Естественно, это беспокоило руководство Томского губкома РКП(б). В начале 1922/23 учебного (в системе политобразования) года его комиссия провела в Тайгинском райкоме фронтальную проверку знаний у 87 слушателей, занимавших номенклатурные должности, выявившую серьезные пробелы, которые предстояло исправлять. У 9% слушателей уровень политграмотности был оценен как «выше удовлетворительного», у 29,9% — «удовлетворительно», 25,3% — «менее удовлетворительно», 20,7% — «плоховато и неважно», 17,2% — «плохо»⁴.

В течение 1922 года влияние РКП(б) в Кузбассе постепенно усиливалось. Помимо трех уездных парторганизаций (Мариинской, Щегловской и Кузнецкой), активно действовали три районные (Анжеро-Судженская, Кольчугинская и Тайгинская). В указанном году появились еще две районные организации (Кемеровская и Прокопьевская). В результате генеральной чистки, проведенной осенью 1921 года, численность коммунистов сократилась,

партячейки стали однородными и более сплоченными, а демократические начала постепенно стали сходить на нет. Успеху партийной работы способствовали: политика НЭП, отступление угрозы голода, активная пропаганда и агитация.

В 1923 году развитие партийной системы Кузбасса проходило примерно по тем же направлениям, что и ранее. Укрепилась работа в Прокопьевском райкоме. Первые итоги деятельности этого райкома были подведены на партконференции, прошедшей в марте 1923 года. Отмечено, что «организация за это время окрепла и встала на самостоятельный путь». Главными проблемами были отсутствие библиотеки-читальни и клубной работы, наличие политически неграмотных членов партии⁵. Продолжался рост численности членов РКП(б). Например, в Анжеро-Судженской партийной организации в 1923 году ежемесячно принимали в партию по несколько десятков человек. Правда, отбор велся намного строже, чем ранее. Анжерский райком отмечал, что значительно увеличилась доля беспартийных, которые посещали заседания ячеек РКП(б)⁶.

Организованная в 1923 году аттестация секретарей местных парторганизаций РКП(б) в Томской губернии показала скромные их квалификационные возможности и уровень исполнительности. Так, в Прокопьевском районе из десяти секретарей ячеек трое были аттестованы как «более или менее подходящие». Остальным даны характеристики примерно в тех же выражениях: «обнаруживаются малые инициативы», «слабо усваивает работу ячейки и не вполне ориентируется»; «в работе ячейки ориентируется недостаточно»; «очень вялый и неповоротлив; политразвит, но слабо»; «работает слабо, но терпим <...> политразвит слабо»⁷. В июне работники организационно-инструкторского отдела Щегловского укома отмечали уже ставшее традиционным упорное невыполнение или небрежное выполнение секретарями волкомов поручений по предоставлению отчетности о количественном и качественном составе местных ячеек РКП(б), то есть результатов их работы по укреплению рядов партии⁸.

Аналогичные проблемы внутрипартийной жизни испытывали Мариинская и Кузнецкая уездные парторганизации. Их руководство, скрывая организационную беспомощность, нередко вставало на путь искажения информации о состоянии партийной работы, представления в губернский центр благостной картины выполнения заданий и инструкций Томского губкома. По этой причине в начале 1923 года был полностью обновлен состав президиума Мариинского укома РКП(б). Его возглавил новый секретарь Е. М. Глушков, бывший секретарь Тайгинского райкома ВКП(б), который приехал в Мариинск с членами

1 А. К. Партийная работа. В Щегловской организации // Красное знамя. 1922. № 196. 5 сентября.

2 Партийная работа. В Анжеро-Судженском районе // Красное знамя. 1922. № 200. 9 сентября.

3 Партийная работа. Кузнецкая организация // Красное знамя. 1922. № 217. 29 сентября.

4 ЦД НИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 534. Л. 121.

5 Партийная работа. Прокопьевский угольный район // Красное знамя. 1923. № 62. 21 марта.

6 Парторганизация в Анжеро-Судженском районе // Красное знамя. 1923. № 130. 16 июня.

7 Олех Л. Г. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 82.

8 ГАК. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 228. Л. 6.

команды, избранными затем в президиум укома, занявшими ключевые посты в уездном исполкоме. В сентябре за очковитательство снят с должности и исключен из партии секретарь Кузнецкого укома РКП(б) Ф. Травников и также полностью заменен состав президиума укома¹.

Для ликвидации политической неграмотности летом 1923 года в Томске созданы совпартшколы 1-й и 2-й ступени. Согласно уставу, школа 1-й ступени была рассчитана на подготовку партийных работников первичных партийных организаций и работников волостного уровня, срок обучения — год. Школа 2-й ступени занималась подготовкой партийных работников уездного масштаба с двухлетним сроком обучения. Обучающиеся в школах члены РКП(б) гордо назывались курсантами. Основные критерии приема в совпартшколу — социальное происхождение, партийность, активная деятельность, при этом уровень общей грамотности курсантов играл «второстепенную роль», достаточно было уметь читать и писать. В совпартшколы командировали слушателей местные укомы и райкомы, снабжая их соответствующими характеристиками, по специальной разверстке. Каждый кузбасский уком или райком командировал от пяти до девяти человек в школу 1-й ступени и от двух до семи человек в школу 2-й ступени. Численность курсантов зависела от количества членов РКП(б) в уезде или районе².

Партийное строительство происходило путем экстенсивного расширения сфер работы РКП(б). С охватом большего количества сфер жизнедеятельности населения неизбежно разрастался партийно-государственный аппарат на всех уровнях: в уездах, районах и волостях, кадровая проблема по-прежнему оставалась острой, а квалификация руководителей — чрезвычайно низкой. При отсутствии управленческих навыков и профессиональных знаний они пользовались исключительно житейским опытом, природной сообразительностью и интуицией. Исследователь советской номенклатуры 1920-х годов С. А. Папков заметил, что переход людей из обездоленных слоев общества (крестьян-бедняков, рабочих, мелких служащих, для которых изгойство во времена царизма было нормой жизни) во власть и в категорию управленцев стал внезапным скачком — подарком судьбы. Мало кто реально к этому был подготовлен. Поэтому их появление во власти явилось не чем иным, как началом необычного эксперимента, в ходе которого маргиналы превращались в творцов новой политической и социальной реальности, общественной культуры³.

Сохранялась чрезмерная загруженность аппарата. Так, в общем отделе Кузнецкого укома РКП(б) вся важнейшая работа ложилась на заведующего, недавно прибывшего из деревни, прямо от сохи, еще не усвоившего суть прямых обязанностей. Новоиспеченный функционер одно-

временно являлся завхозом, бухгалтером, казначеем, кладовщиком и часто — делопроизводителем при отсутствии канцелярских принадлежностей не только в укоме, но и во всем городе. В самом укоме многомесячная задержка в выдаче продовольственного пайка и денежного жалования невольно становилась причиной саботирования сотрудниками возростающего объема поручений или перехода в другие учреждения⁴. В рядовом райкоме РКП(б) Томской губернии в конце 1923 года служащие получали жалование, в 1,5 раза меньшее, чем у профсоюзных активистов, в 1,7 раза — чем у ответработников советских органов, и в 3,25 раза — чем у хозяйственных руководителей районного уровня. Примерно в тех же пропорциях технический персонал райкома проигрывал в размере зарплаты техническим работникам указанных учреждений. Если руководители райкома РКП(б) получали не более 24 золотых рублей в месяц, то, например, квалифицированные шахтеры-забойщики — 35 рублей. Еще ниже была зарплата секретарей крупных партячеек — около 18 рублей⁵.

Материальное положение рядовых членов партии обуславливалось родом их занятий. В Кузнецком уезде, например, 15 членов РКП(б) были бездомными и батраками, 150 — бедняками, 303 — середняками, 7 — зажиточными, 22 — служащими с домашним хозяйством. Дополнительной нагрузкой на хозяйство коммуниста было комплектование лошаадьми и имуществом отрядов ЧОН (частей особого назначения), порой длительное участие в поисках банд и уголовников. За отвлечение по этому поводу от сельхозработ льготы по налогам не предусматривались, что нередко служило причиной для выхода из партийных рядов. Собрания деревенских партячеек проходили обычно при 50-процентной посещаемости (в Кузнецке в среднем около 80%). В городе 11 членов РКП(б) служили в расквартированных частях Красной армии, 61 — жили за счет заработка и 1 — за счет домашнего хозяйства. В уезде среди членов РКП(б) 9% считали себя грамотными, 18% — малограмотными и 73% — неграмотными. По мнению уездного комитета РКП(б), лишь 10% из них пользовались авторитетом среди крестьян⁶.

Ликвидация партии эсеров. В 1923 году окончательно была решена судьба единственной сохранившейся после Гражданской войны оппозиционной силы: партии социалистов-революционеров. Гонения на эсеров начались еще летом 1922 года, когда в Москве открылся процесс над лидерами партии. По всей стране началась антиэсеровская кампания, охватившая в том числе Кузбасс. Например, в бывшем центре эсеровского движения городе Мариинске 28 мая 1922 года созван многолюдный митинг, на котором присутствовали около тысячи человек. На митинге был заслушан доклад о предстоящем суде над лидерами ПСР. Собравшиеся вынесли резолюцию, в которой потребовали смертной казни эсерам, объявленным «наймитами

1 ГАК. Ф. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Ф. П-6. Оп. 1. Д. 170. Л. 2 об.

2 Партийная работа. Совпартшколы 1-й и 2-й ступени. Разверстка мест совпартшколы // Красное знамя. 1923. № 139. 27 июня.

3 Папков С. А. Руководящие кадры Кузнецкого (Щегловского) округа 1925–1930 гг. // Кузбасс-75: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 2018. С. 77.

4 ГАК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

5 Олех Л. Г. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.... С. 83.

6 ГАК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 121. Л. 51.

империализма». В Анжерке на митинге бывшие союзники социал-демократов эсеры были названы «убийцами вождей пролетариата», которые заслуживают «позорной казни». Антиэсеровские митинги прошли также на Кольчугинских копах¹.

Верховный трибунал ВЦИК в августе 1922 года приговорил лидеров ПСР к расстрелу, но потом смертную казнь заменили разными сроками заключения. Обезглавленная партия эсеров некоторое время продолжала существовать. В марте 1923 года в Москве состоялся Всероссийский съезд бывших рядовых членов партии социалистов-революционеров, который объявил о роспуске партии.

2 декабря 1923 года в Щегловске состоялся уездный съезд бывших рядовых членов ПСР. На нем присутствовали 27 бывших эсеров и до 200 жителей, в том числе коммунистов. В президиум выбраны старейшие члены партии Фёдор Павлович Калинин (с 1898) и Плетнёв (с 1902). В докладе Плетнёв сообщил, что в Щегловском уезде проведена большая работа по «выявлению» членов партии, проведению собраний и приглашению их на уездный съезд. После этого были выступления бывших рядовых членов ПСР, которые высказали отношение к советской власти. Вынесено решение о поддержке новой власти. В посланных В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому телеграммах заявлено о готовности «по первому зову встать в ряды Красной армии на защиту мировой пролетарской революции». Любопытно, что на Щегловском уездном съезде эсеров присутствовала американская пресса. Для иностранных журналистов решения съезда были переведены на английский язык².

Такие же съезды бывших рядовых членов партии эсеров были проведены в Анжеро-Судженске, Мариинске и поселке Ленино. В Анжеро-Судженске выявлены 27 бывших членов партии, в Мариинске их оказалось 10 человек. Ленинская группа состояла из 12 человек. Многих членов ПСР разбросала по Сибири Гражданская война, многие погибли. Из числа членов партии, оказавшихся в Кузбассе, было много неместных лиц. Так, старейший член партии всей губернии шахтер Кемеровского рудника Ф. П. Калинин состоял во Владивостокской, Благовещенской и Читинской организациях партии.

В декабре 1923 года состоялся губернский съезд, от групп, располагавшихся на территории Кузбасса, присутствовали: Андрей Замятин, Василий Иглин, Николай Калугин, Дмитрий Игонин (Мариинск), З. Ф. Лукиных, В. И. Юдин, В. Е. Пичкалёв, А. А. Литвиненко, И. В. Малахов, И. Гарабуржа (Анжеро-Судженск), Ф. П. Калинин, П. А. Плетнёв, А. В. Михайлов, М. Н. Мишуринов, Ф. Н. Бараксанов (Щегловск), Т. А. Игнатов и В. Петерсон (Ленинск). Съезд единогласно осудил «контрреволюционную деятельность» руководящих органов партии, высказался за поддержку советской власти и самоликвидацию партии социалистов-революционеров³.

Плакат «Лучшие работницы и крестьянки – в ленинскую партию». 1920-е

Ленинский призыв. Смерть В. И. Ленина в январе 1924 года была воспринята многими коммунистами как личная трагедия. Партийные ячейки со всего Кузбасса отправили в Москву траурные телеграммы. На пленуме ЦК РКП(б) 29–31 января было принято постановление «О приеме рабочих от станка в партию», получавшее неофициальное название «Ленинский призыв». Приоритет для приема в партию отдавался именно рабочим. Руководство РКП(б) заявило о пополнении рядов коммунистов убежденными добровольцами из числа молодых рабочих. Однако были и другие скрытые причины ленинского призыва, корни в назревающей политической борьбе между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Оба лидера рассчитывали использовать новую волну партийцев, которые в своей массе имели низкий уровень политической грамотности, в пропаганде идей и политической борьбе.

¹ К процессу правых эсеров // Красное знамя. 1922. № 118. 2 июня; Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск, 2002. С. 295–296.

² Среди бывших эсеров. Щегловский уездный съезд // Красное знамя. 1923. № 278. 11 декабря.

³ Томская губконференция бывших рядовых членов ПСР // Красное знамя. 1923. № 288. 22 декабря; № 289. 23 декабря.

В середине февраля 1924 года во всех уездах и райкомах Кузбасса начался массовый прием заявлений о вступлении в партию. Процедура предусматривала, что после рассмотрения и принятия заявления человек переходил в разряд кандидатов в члены РКП(б), а через шесть месяцев вступал в ряды коммунистов.

В Анжеро-Судженском райкоме в течение первых двух недель подано 723 заявления, а всего поступило 961. Для их разбора и предварительного просмотра создана комиссия из пяти самых уважаемых коммунистов. Комиссия отклонила 77 заявлений, так как они были не от «производственных рабочих», а от «милиционеров и домохозяек», потребовала переоформить 242 заявления, еще несколько десятков претендентов отклонили на партсобраниях. В результате по ленинскому набору приняли 641 человека. Большинство — молодые рабочие, со стажем работы от 5 до 10 лет¹.

Примерно такой же ажиотаж наблюдался в других райкомах Кузбасса. К 15 апреля в Ленинский райком подано 612 заявлений, принято 234, 20 отклонено, получили кандидатские карточки 186 человек. По Тайгинскому райкому подано 430 заявлений, принято 177, 51 отклонено, получили кандидатские карточки 142 человека. По Прокопьевскому (Артёмовскому) райкому подано 363 заявления, принято 77, 62 отклонено. Томский губком РКП(б) был доволен ленинским набором, так как он превысил ожидаемые результаты в два раза².

Получившие по ленинскому призыву карточки кандидатов РКП(б) молодые люди стали официально именоваться «ленинцами». Среди них была организована пропагандистская работа. Например, в Анжеро-Судженской организации созданы кружки по изучению марксизма, школы для обучения грамоте (14% всех ленинцев не умели читать и писать), бесплатные библиотеки-читальни, школы политграмотности. Все занятия велись по упрощенной и ускоренной схеме. В качестве практики использовалось вовлечение ленинцев в массовую работу в общественных организациях или им выдавались индивидуальные задания³. В Щегловской организации были созданы 10 кружков, каждому ленинцу поручено изучить брошюру «Что должен знать каждый, вступающий в РКП». Только 25% щеглов-

ских ленинцев были «политически развитыми», но и они «требовали обработки, чтобы привести их запас знаний в определенную систему мировоззрения»⁴.

В августе 1924 года первые претенденты, получившие кандидатские карточки в феврале, были переведены в полноправные члены РКП(б). Газета «Красное знамя» писала: «Переход ленинца в члены должен показать, что призыв был не мимолетным движением чувства в дни траура партии, а глубоким сдвигом огромных пролетарских шеренг ближе к партии пролетарской диктатуры, ближе к передовым отрядам, расчищающим путь к коммунизму!»⁵ Все же в Томской губернии в 1924 году в партию по ленинско-

Здание клуба им. товарища Артёма в Прокопьевске. Фото 1920-х // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея. Здесь проводились партийные собрания, уроки политграмотности и т. д.

му призыву были приняты 1 738 человек. Большая часть из них приходилась на уезды и райкомы Кузбасса. Доля рабочих в томской партийной организации выросла с 41 до 52%⁶.

Такой мощный приток новых коммунистов фактически ликвидировал все предыдущие достижения, направленные на повышение политической грамотности. Специальная проверка показала, что в Тайгинской районной парторганизации 84% членов и кандидатов в РКП(б) были «политически неграмотными», остальные 16 процентов — «малограмотными». В Мариинской уездной парторганизации политическими неграмотными были 75%, а малограмотными — 25% кандидатов. В Анжеро-Судженском районе политнеграмотными были 57,5% кандидатов. При этом партийное руководство Сибири практически не скрывало,

1 Из материалов докладов делегатов губпартконференции. Ленинский призыв (Анжеро-Судженские копии) // Красное знамя. 1924. № 97. 26 апреля.

2 Результаты ленинского набора по организациям (Томская губерния) // Красное знамя. 1924. № 108. 13 мая.

3 Толен. Работа среди ленинцев (Анжеро-Судженская организация) // Красное знамя. 1924. № 186. 15 августа.

4 Участие ленинцев в партработе (Щегловская организация) // Красное знамя. 1924. № 193. 24 августа.

5 Шесть месяцев истекает (о Ленинском призыве) // Красное знамя. 1924. № 197. 29 августа.

6 Девятая губернская партийная конференция. Состояние партийной организации // Красное знамя. 1924. № 289. 17 декабря. Есть данные о том, что в Кузбассе по ленинскому призыву в партию вступили 1 666 человек. См.: Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. 1–2. Кемерово, 1973. С. 195.

что коммунисты ленинского призыва являются удобным инструментом для транслирования и послушного проведения на местах линии ЦК РКП(б)¹.

Партийное районирование. В связи с административным районированием в 1924 году было проведено и партийное районирование. В июле Томский губком предписал провести подготовительные работы по ликвидации волкомов и созданию райкомов по принципу объединения коммунистических ячеек в районные организации по территориям райисполкомов. Директива не предусматривала сроков проведения реформы, но предлагала примерные штаты партийных организаций.

В сентябре 1924 года сложилась следующая партийная сеть:

1) Мариинская уездная организация РКП(б) включала в себя 12 райкомов партии, 828 членов партии и кандидатов, из которых 78 % были из сельских мест, а 22 % — из числа рабочих, горожан и служащих;

2) Щегловская уездная организация объединяла 6 райкомов и 7 отдельных ячеек, числились 1 256 человек (52 % сельских жителей и 48 % рабочих и городских);

3) Анжеро-Судженская районная организация не имела райкомов, состояла из 6 сельских и 18 рабочих ячеек, 1 312 членов партии и кандидатов (97 % рабочих и 3 % сельских);

4) Тайгинская районная организация объединяла 6 сельских и 18 рабочих ячеек с 460 членами партии (8 % сельских и 92 % рабочих);

5) Прокопьевская районная организация объединяла 8 сельских и 10 рабочих ячеек с 442 членами (20 % сельских и 80 % рабочих);

6) Ленинская и Бачатская районные организации (данные приведены общие) имели в своем составе 28 сельских и 17 рабочих ячеек с числом членов партии 1 206 человек (25 % сельских и 75 % рабочих);

7) Кузнецкая партийная организация, имевшая раньше статус уездной, фактически превратилась в районную, так как почти все ячейки из нее были переданы в другие организации. На ее территории осталось лишь семь сельских и одна городская ячейка партии с 149 членами партии.

В связи со сложившейся ситуацией Томский губком предложил объединить Кузнецкий и Щегловский уезды в один округ с центром в городе Щегловске. Такого же мнения придерживался Щегловский уком партии, считавший, что город находится в более выгодном географическом положении и в нем имеются крупные предприятия (химзавод и правление АИК «Кузбасс»). В этом случае окружком объединял бы 139 сельских и 35 рабочих ячеек с общим количеством членов партии 3 053. Всего же на территории Кузбасса числились 5 653 члена и кандидата в члены РКП(б)².

Кузнецкий (Кольчугинский) окружной комитет партии. Постановлением от 27 октября 1924 года Щегловский и Кузнецкий уезды объединены в Кольчугинский с центром в поселке Ленино. 29 ноября 1924 года состоялась первая Кузнецко-Щегловская окружная партконференция, на которой присутствовал секретарь Томского губкома РКП(б) Василий Степанович Калашников, обсуждалось несколько вопросов, связанных с созданием Кольчугинского уезда и выбора его центра. 29 ноября прошли выборы в Кольчугинский окружком РКП(б), состоящий из 27 человек. Секретарем стал Владимир Филиппович Комаров, член партии с 1918 года, по профессии счетовод с начальным образованием. Заведующий организационным отделом стал Константин Фёдорович Старостин. Заведующим агитотделом выбран электрик со средним образованием, член партии с 1919 года Николай Демидович Демидов³.

В течение 1925 года сформировалась партийная сеть Кольчугинского (с мая — Кузнецкого) округа. Кузнецкий окружной комитет РКП(б) объединял 12 райкомов партии: Щегловский горрайком, Щегловский сельрайком, Крапивинский, Кузнецкий, Топкинский, Бачатский, Кемеровский, Усть-Сосновский, Красный, Горно-Шорский, Ленинский и Прокопьевский райкомы. Всего, по данным на ноябрь 1925 года, в партии по округу состояли 2 240 членов и 1 301 кандидат. Все они были объединены в 157 ячеек. На II Кузнецкой окружной партконференции в ноябре 1925 года подвели некоторые итоги партийного строительства в округе. Как показала проверка политических знаний коммунистов, Кузнецкая окружная организация «никаких достижений не имеет». Более того, политически неграмотными были признаны 57 % членов и кандидатов партии, малограмотными — 33 %, только 10 % признаны грамотными. Из более чем 3,5 тысячи членов и кандидатов в члены партии 400 человек не умели читать и писать (признаны «азбучно неграмотными») ⁴. Секретарь Кольчугинского окружкома РКП(б) В. Ф. Комаров в марте 1925 года так оценил неудовлетворительный состав партийных кадров: «Худосочные райкомы, где секретарь райкома почти неграмотный, безусловно, он не в силах справиться с той работой, которая стоит перед партией. И немудрено, что наша политика до сих пор еще не внедрена в деревню. Отсутствие активных работников, твердого аппарата служит причиной слабости работы» ⁵. В связи с этим первой задачей окружкома стала организация политучебы, которая должна была охватить всех коммунистов округа.

В декабре 1925 года XIV съезд партии провозгласил курс на построение социализма, что потребовало разработки новой программы партии. В связи с объединением советских республик в СССР была переименована и партия. Теперь она стала называться Всесоюзной коммунистической

1 Морозова Т. И. Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 196.

2 Петровский Ф. О партийном районировании // Красное знамя. 1924. № 221. 26 сентября.

3 Протокол I-й партийной конференции Щегловско-Кузнецкого округа, ноябрь 1924 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–15.

4 Протокол II партийной конференции Кузнецкого округа, 12–15 ноября 1925 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об. — 11, 41 «а».

5 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 18. Л. 37 об.

Первая Кузнецко-Щегловская окружная конференция РКП(б). Ноябрь 1924 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 214

партией большевиков (ВКП(б)). В 1926 году принят новый устав партии. Как и раньше, низовой единицей партии считалась ячейка. На районном уровне созывались общие собрания членов партии или конференции выборных лиц от ячеек не реже раза в три месяца. Районный комитет партии (райком) избирался на срок шесть месяцев. Окружная конференция созывалась не реже раза в год, а окружной комитет партии — не реже раза в месяц. Для текущей работы окружком избирал бюро в составе не менее пяти человек. Примерно такая же схема была на губернском (краевом) уровне. Верховным органом партии оставался съезд. Центральный комитет руководил партией в перерывах между съездами.

В целях повышения уровня образования и квалификации партийных кадров в стране была создана система обучения. Для секретарей партячеек, избачей, представителей партийного и советского актива в районных центрах при райкомах ВКП(б) открывались партшколы, в которых они без отрыва от производства с помощью работников райкома обучались политграмоте. Кандидаты на работу в низшем звене партийного аппарата (заведующими парткабинетами и отделами райкомов, инструкторами) в течение нескольких месяцев по направлению зачислялись слушателями губернских совпартшкол в Томске, Новониколаевске или Омске. Кадровый резерв на замещение более высо-

ких должностей (секретаря райкома, укома (окружкома), ответственного работника в аппарате губкома) направлялся в Москву на курсы партработников при ЦК ВКП(б), а будущие руководители крупных предприятий — в Академию красных директоров.

Выезжая за пределы местожительства, слушатели чаще имели скудные материальные возможности, чтобы окончить учебу. Многие нуждались в дополнительной поддержке деньгами и вещами в той мере, какую, например, в мае 1925 года в своем письме к товарищам в Мариинский уком РКП(б) обрисовал недавний заведующий орготделом М. И. Ефименко. Их бывший сослуживец, находясь на двухгодичных курсах партработников в Москве, сообщал о совершенно обветшавшей одежде и обуви, отсутствии средств на покупку необходимой литературы и просил помощи¹.

На III партийной конференции Кузнецкого округа, прошедшей в марте 1927 года, были подведены некоторые итоги партийного строительства. Они оказались неоднозначными. Численность членов ВКП(б) Кузнецкого округа, подсчитанная по документам, на 1 января 1926 года составила 3 406 человек (2 228 членов и 1 178 кандидатов). На 1 января 1927 года в Кузнецком округе по документам

¹ ГАК. Ф. Р-603. Оп. 2. Д. 10. Л. 69.

Вторая Кузнецкая окружная конференция РКП(б). 1925 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 206

числились 4 117 коммунистов (2 853 члена и 1 264 кандидата). Прирост составил 711 человек. Однако когда в феврале 1927 года провели перепись коммунистов, то оказалось, что в реальности их меньше, чем на бумаге. Перепись дала численность партийной организации в 3 850 человек (2 739 членов и 1 111 кандидатов). Не явились на перепись 123 человека, их исключили из партии механически. Еще 101 человек был исключен за разные проступки, более 30 добровольно вышли из партии. Самым распространенным проступком было пьянство, около 40 % всех исключенных из партии покинули ВКП(б) именно из-за этого. Далее следовали нарушение партдисциплины и этики, халатность, уголовные преступления и растрата денег. На этой же конференции состоялись перевыборы Кузнецкого окружного комитета, в который вошли 45 человек¹.

¹ Протокол заседания III Кузнецкой окружной конференции ВКП(б), 5 марта 1927 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 180. Л. 66–73, 107–108.

Большим вопросом оставалась высокая текучесть кадров. С образованием округов зона ответственности секретарей окружкомов ВКП(б) значительно расширилась, поэтому они, как и многие заведующие отделами, много времени проводили в разъездах в ущерб текущей работе с райкомами. Запредельный ритм работы выдерживали единицы.

Ежегодно обновлялся руководящий состав Кузнецкого округа. За пять лет (1925–1930 гг.) там сменились шесть секретарей окружкома ВКП(б), пять председателей окрисполкома, три начальника ОГПУ, три прокурора, четыре окружных судьи, четыре начальника окружной милиции. В Кольчугинском окружкоме только в течение 1926 года сменились семь заведующих орготделом. Укомплектованность других отделов была настолько слабой, что многие из них месяцами фактически не работали².

² ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 89. Л. 49.

Таблица 47

Секретари РКП(б) – ВКП(б) Кольчугинского – Кузнецкого окружкома

Секретарь	Нахождение в должности
Комаров Владимир Филиппович	29 ноября 1924 г. – 15 ноября 1925 г.
Иванов Александр Александрович	15 ноября 1925 г. – 27 декабря 1926 г.
Новиков Захар Яковлевич	27 декабря 1926 г. – 21 декабря 1928 г.
Прокофьев Григорий Васильевич	21 декабря 1928 г. – 1 января 1930 г.
Икс (Самойлов) Михаил Самуилович	1 января 1929 г. – 1 сентябрь 1930 г.

Источники: Списки партийного актива на 1926, 1928 гг. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 312. Л. 2; Д. 386. Л. 3; Папков С. А. Руководящие кадры Кузнецкого (Щегловского) округа в 1925–1930 гг. // Кузбасс-75: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посв. юбилею Кемеровской области (Кемерово, 25 января 1918 г.). Кемерово, 2018. С. 75–78; Протокол организационного заседания пленума Кузнецкого окружного комитета РКП(б), 15 ноября 1925 г. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 508. Л. 77 (Иванов; Протокол вечернего заседания V партконференции Кузнецкого округа, 21 декабря 1928 г. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 276. Л. 103; Список делегатов V партконференции // Там же. Л. 118 об.; Персональный список членов и кандидатов Бюро Кузнецкого окружного комитета партии, избранных на VI окрпартконференции, май 1930 г. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 467. Л. 5.

Официально выборы секретарей окружного комитета проходили на партийных конференциях. При этом выбранный секретарь должен был занимать должность до следующей конференции, когда производились переборы. Однако иногда секретаря по решению вышестоящих партийных органов могли перебросить на другой «ответственный участок» работы. В этом случае назначался новый секретарь, который утверждался в должности на ближайшей партконференции путем выборов. Например, товарищ Михаил Самуилович Икс указан в должности секретаря Кузнецкого окружного комитета партии с 1 января 1930 года, но официально на эту должность он был избран на VI окружной партконференции, состоявшейся 20–25 мая 1930 года. Кстати, Икс был членом партии с 1905 года. Биография этого человека весьма типична для того времени. Родился в 1887 году в Ковенской губернии, после получения образования занимался репетиторством в Мелитополе Таврической губернии. С началом Первой мировой войны призван в армию и несколько месяцев служил. Во время революционных бурь был партработником в Геническе, при белых правительствах сидел в тюрьме как политзаключенный, работал в подполье в Крыму и Херсонской губернии. В первой половине 1920-х годов работал на разных советских и партийных должностях в Харькове и Запорожье. В 1925–1928 годах был инструктором ЦК Коммунистической партии Украины, в 1928–1929 годах — секретарем Запорожского окружкома КП(б)У. Потом его перебросили в Сибирь. После работы в Щегловске был ответственным инструктором ЦК ВКП(б) в Москве, секретарем Уральского обкома ВКП(б),

2-м секретарем Дальневосточного крайкома ВКП(б). В 1937 году арестован и расстрелян¹.

Частая ротация происходила и в райкомах. Сложившаяся ситуация в условиях непрерывного расширения партийно-государственного аппарата не способствовала обеспечению преемственности в кадровой работе. Причины выдвижения партийного или иного чиновника на другой пост чаще имели контекст дисциплинарного взыскания и шанса завоевать доверие на новом месте, чем констатации его заслуг и поощрения более высоким назначением. От этого на фоне материальных трудностей, возникавших вследствие неумелого хозяйственного руководства, которые ежедневно продолжало испытывать население, в местном сообществе девальвировался социальный статус члена ВКП(б). Среди горожан и сельских жителей имели место протестные явления, которые, как правило, усиливались в случаях несвоевременной выплаты зарплаты, как это случилось в 1925 году на Емельяновской шахте в поселке Ленино². Партаппаратчики и сотрудники ОГПУ в ежемесячных и ежеквартальных отчетах вышестоящему руководству постоянно фиксировали непрерывающуюся волну открытых высказываний недовольства людей работой органов власти всех уровней. В атмосфере недоверия к партийцам возникали робкие попытки перемещения центра управления местной жизнью в сторону советов. Весной 1925 года, к примеру, в Кузнецке во время выборной кампании в горсовет члены РКП(б) сами выдвинули лозунг: «Советы — без коммунистов»³.

С конца 1920-х годов в ВКП(б) начинает разворачиваться политическая борьба. В 1928 году многие видные деятели партии, такие как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и другие, выступавшие за увеличение закупочных цен у крестьян, ослабление давления на кулаков и нэпманов, были обвинены И. В. Сталиным в «правом уклоне». Отражение этой политической борьбы нашло свое место и в Кузнецкой окружной организации ВКП(б). 1928–1929 годы прошли под лозунгами «борьбы с правым уклоном» и «рецидивом троцкистских загибов». Для этой цели была проведена массовая чистка партии. Правоуклонистов нашли сразу в нескольких ячейках на разных предприятиях в Топках, Щегловске, Кузнецке, Прокопьевске. К 1 октября

В. Ф. Комаров // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 1159

1 Список избранных окрпартконференцией руководящих органов Кузнецкой парторганизации, май 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 451. Л. 70; Персональный список членов и кандидатов Бюро Кузнецкого окружного комитета партии, избранных на V окрпартконференции, май 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 467. Л. 5; Филиппов С. Г. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М., 2016. С. 516–517.

2 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

3 Доклад окружкома РКП(б), 1925 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об.

1929 года «за конкретные правые дела» (в основном связь с кулачеством) из Кузнецкой парторганизации был исключен 181 человек. А всего к 1 января 1930 года партбилета лишились 1 079 коммунистов (16,7% от всего числа, или каждый шестой член партии). В ходе чистки выявлены факты пьянства, хулиганства, денежных растрат, которые совершили члены ВКП(б).

Самый возмутительный пример — расформирование всей Силинской ячейки партии (Кемеровский район). Она состояла из семи человек и кандидата. В отчете Кузнецкого окружкома сказано, что «ячейка была форменным образом хулиганской банды, пугалом для бедноты и батрачества. Секретарь ячейки Денисов был первым хулиганом в деревне, пьянствовал, избивал население, связан с кулачеством». Когда его спросили, как он докатился до такой жизни, то он объяснил все так: «Райком пьянствовал, и мы по его примеру шли». В отчете Кузнецкого окружкома отмечено, что моральное состояние сельских ячеек в округе было «неблагополучным»¹.

В этих условиях партия продолжала пополняться новыми членами. Причем количество принятых в конце 1920-х годов было примерно таким же, как число исключенных или выбывших механически. Сохранялись важные условия для рекрутирования во власть. Во-первых, это участие в революционной деятельности или какой-либо антиправительственной акции с неременным сроком тюремного заключения или ссылки. Иногда обычное уголовное преступление (убийство полицейского, ограбление кассы в интересах партии), совершенное в прошлом, в советских условиях позволяло присвоить статус «участника борьбы с режимом». Во-вторых, участие в Гражданской войне. Закалка войной в составе Красной армии или партизанского отряда была пропуском в номенклатуру, как и нелегальный стаж в партии. Поэтому любой партийный или советский работник ясно сознавал, что советская власть завоевана в отчаянной борьбе, в том числе с его личным участием, и его должность не только награда, но и обязанность, долг укреплять и защищать эту власть.

Массовое недовольство политикой партии наблюдалось в деревне. Крестьяне были запуганы распространенной практикой командования, которую вместо разъяснительной работы культивировали местные коммунисты, усвоившие ее во времена военного коммунизма. Недовольство подогревалось насильственным насаждением элементов городской культуры (запрет посиделок, разгон молодежи, гуляющей в праздники с гармоникой, и даже запрет балетных постановок); бесконтрольным самоснабжением местных управленцев — членов ВКП(б); «дармоедством», как считали обыватели, части коммунистов вместо занятия своим хозяйством; возведением ими бедности в принцип коммунизма; увлечением закрытыми партийными собраниями и тем самым отрывом ячеек от масс; распространенным среди членов партии пьянством и выгонкой самогона;

¹ Отчет о работе Кузнецкого окружного комитета ВКП(б) с 1 января 1929 по 1 января 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 462. Л. 45–55, 89–91.

неприкрытой лояльностью правоохранительных органов к нарушителям закона с партийным билетом².

Когда в июле 1930 года было принято постановление ВЦИК о ликвидации окружного управления в Сибири, на следующий же день, 24-го числа, состоялось заседание бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), было принято решение о необходимости разъяснения населению административной реформы, что было поручено райкомам и профсоюзам. В первую очередь планировали ликвидировать все окружные кооперативные учреждения, а окончательную ликвидацию всех структур необходимо было произвести к 1 сентября. Всех окружных партийных работников решили перераспределить между крайкомом и райисполкомами³.

Рождение кузбасского комсомола. Первые комсомольские организации стали появляться в Кузбассе по мере его занятия Красной армией. В последних числах декабря 1919 года в Мариинске под руководством политработников 27-й дивизии было избрано исполнительное бюро Мариинского уездного комитета комсомола во главе с секретарем Петром Заборским. В середине января первые собрания местных организаций Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) прошли в Анжерке (12 января), Тайге (9 января, секретарь бюро А. Кутепов). Комсомольские организации создавались на Кольчугинском и Кемеровском рудниках, в Щегловске (17 января), Гурьевском заводе (1 февраля, председатель Е. Д. Тешев), станции Яшкино (9 февраля). В январе 1920 года в Кузнецке организован Дом юношества. В апреле того же года возникла местная организация РКСМ. Первыми ее руководителями были Анна Рожкова, Яков Журавлёв, Леонид Приходько⁴.

В комсомол вступали представители рабочей молодежи, от них не отставали и некоторые учащиеся городских и сельских училищ (школ). Однако часть новых членов первоначально по примеру функционировавших в 1917 году юношеских рабочих клубов представляли свой союз в качестве организации, нацеленной на повышение только культурного уровня.

Структура объединения комсомольских организаций по территориям с их подчинением райкомам РКСМ и уездным комитетам РКСМ копировала вертикаль партийной власти.

14–15 мая 1920 года прошла I Томская уездная конференция, на которой отмечены результаты работы ряда территориальных организаций РКСМ. В Анжеро-Судженском районе к этому времени насчитывалось 5 ячеек, объединивших 600 комсомольцев, 468 юношей и 132 девушки. Активистами прочитана 41 лекция, прошли 37 занятий литературного кружка, 52 — драматического, 40 — музыкального, 18 — спортивного, 12 вечеров-митингов, проведено 85 субботников⁵.

² ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

³ Протокол № 9 заседания Бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), 24 июля 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 458. Л. 3–4.

⁴ Халиулин Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда... С. 53.

⁵ Нас водила молодость...: сборник документов и материалов: Из истории комсомольской организации Кузбасса. Кемерово, 1968. С. 74.

Первые комсомольцы Анжерки и Судженки // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 334

В апреле 1920 года в Тайгинской районной организации уже насчитывалось 179 комсомольцев, в том числе 50 девушек, 131 — из рабочих и крестьян, 33 — учащихся. Большинство членов хотя и имели образование, но считались малограмотными, впрочем, 5 из них могли писать стихи, 17 являлись селькорами и рабкорами, 6 рассматривались как толковые организаторы молодежи, а 15 человек могли выступать с беседами и докладами. С первых дней комсомольцы вместе с коммунистами занимались такими неотложными делами, как восстановление транспорта, особенно ремонт паровозов и вагонов; чистка путей; захоронение сотен людей, умерших от тифа; заготовка дров для паровозного депо и учреждений города.

Комсомольцы вступали в ряды частей особого назначения (ЧОН) — «коммунистических дружин», создававшихся при районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных промышленных и гражданских объектов и др. «Днем мы работали, а ночью по очереди несли караульную службу, охраняли город от белогвардейских банд», — писал впоследствии один из первых комсомольцев Тайги Павел Шубин.

Первые комсомольцы Кузбасса принимали активное участие во всенародной помощи Красной армии, окружали заботой семьи красноармейцев. Грандиозный День интернационала молодежи был проведен в Тайге 24 июня 1920 года.

Комсомольцы-рабочие Мариинска, Анжеро-Судженска, Щегловска, Тайги и Кольчугино организовывали выезды в деревни для оказания помощи сверстникам. В проведенную в начале сентября неделю крестьянина они поставили десятки стогов, молотили хлеб и участвовали в других сельскохозяйственных работах. По окончании недели в селениях, где работали комсомольцы, организованы многолюдные концерты-митинги, проведены воскресники по ремонту мостов и домов бедняков¹.

По состоянию на январь 1921 года в Мариинском уезде числилось 55 комсомольских ячеек с 1 087 членами РКСМ. В Щегловском уезде существовало 35 ячеек с тысячей членов. Хорошо работали комсомольцы Кузнецкого уезда². В октябре 1920 года в Кузбассе насчитывалось уже 147 ячеек

¹ Ко всем комитетам, ко всем активным работникам РКСМ // Знамя революции. 1920. № 209. 30 сентября.

² Партийная жизнь. Губсъезд работников деревни // Знамя революции. 1921. № 20. 29 января.

Первые комсомольцы Кузнецка. Начало 1920-х // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 323

РКСМ, объединявших 3 787 членов¹, в том числе в Анжеро-Судженске — 180, Кольчугино — 100, Тайге — 580, Прокопьевске — 110. Осенью 1920 года на всех уездных и районных партийных и комсомольских конференциях делегаты приняли решение о мобилизации членов своих организаций на борьбу с белополяками и частями барона Врангеля на южном фронте. Повсеместно шло формирование добровольческих отрядов. Тайгинский райком, создав Ударный добровольческий отряд коммунистической молодежи имени Карла Либкнехта в количестве 16 человек, торжественно под звуки оркестра проводил его на передовую линию в составе 450-го полка 51-й дивизии, проезжавшего станцию, на Западный фронт. «На первом месте по количеству красных бойцов, — писала газета „Знамя революции“, — был Щегловский уезд. Оттуда ушло большое количество добровольцев, почти все обутые и одетые, многие со своими лошадьми»².

Комсомольцы не забывали выражать солидарность с пролетариатом западных стран, так как искренне верили в разгорающийся «пожар мировой революции», в котором они видели себя первопроходцами, обязанными оказывать всяческую помощь соратникам за рубежом. Для желающих иметь специальную подготовку к этой миссии в осенние месяцы 1920 года открылись курсы изучения французского языка³. В следующие годы были популярны кружки по изучению искусственного языка эсперанто. Предпола-

галось, что в будущем на нем будут общаться все жители планеты.

В начале 1921 года в связи с победой над Польшей в ЦК партии разрабатывались планы экспорта революции в Европу и другие страны мира. С мест были запрошены сведения о численности потенциальных интернациональных бойцов. В свою очередь, Томский губком РКСМ затребовал списки активистов, в совершенстве владеющих иностранными языками. В Тайге, например, таких оказалось девять: Пётр Ланге (немецкий); Людгер, Романа, Леокадия и Леонард Квапинские (польский); Альфред и Адольф Янайт, Сергей Чупахин (венгерский) и другие⁴.

В течение 1920 года в рядах комсомольских вожakov наблюдалась высокая текучесть кадров, что было естественно. Молодые люди, зарекомендовавшие себя хорошими ор-

ганизаторами, направлялись на рабфак для подготовки к поступлению в вузы, комвузы (Томск, Новониколаевск, Омск) и другие краткосрочные курсы повышения квалификации партийных и комсомольских работников, готовивших инструкторов и заведующих отделами райкомов и укомов РКСМ и ВКП(б). Не всегда посланцы возвращались на прежнее место. На уездных и районной конференциях, проводившихся раз в полгода, существенно обновлялись составы бюро уездных и районных организаций, в рядах местного комсомольского актива появлялись новые лица. При этом до середины 1921 года все, кроме секретаря, члены районных комитетов РКСМ, включая зав. отделами, трудились в свободное от рабочей смены время. Были случаи, когда члены райкома добровольно уходили из комсомольских органов, сосредоточиваясь на производственной деятельности.

Нельзя не отметить колоссальную общественную нагрузку, которую несли комсомольские вожаки. Кроме того что каждый из них на производстве был членом первичной комсомольской организации с определенным постоянным поручением, они вдобавок являлись заведующими отделами райкома, членами многочисленных комиссий, создаваемых в различных учреждениях, закреплялись за школьными советами для участия в собраниях преподавателей и учащихся⁵.

Периодически под руководством работников райкома партии проводились чистки рядов РКСМ. Комсомольцы на страницах местных газет публиковали «черные доски» с фамилиями провинившихся товарищей, уклонявшихся от исполнения обязанностей члена союза. Резко осуж-

¹ Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1973. С. 164.

² Гоберман. Щегловский уезд // Знамя революции. 1920. № 235. 30 октября.

³ Знамя коммуниста. 1920. № 90. 26 сентября.

⁴ ЦД НИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.

⁵ ЦД НИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 99. Л. 46 об.

дались случаи участия в бытовых вечеринках с танцами и играми в карты, которые считались мещанским времяпрепровождением¹.

Оценку поступкам с позиций коммунистической морали, как ее понимали комсомольцы, осуществляли товарищеские суды, действовавшие при райкомах РКСМ. Весной 1921 года была проведена очередная перерегистрация членов всех территориальных комсомольских организаций, и в местных газетах были опубликованы ее результаты². Таким образом кузбасский комсомол освободился от пассивной массы.

Развитие комсомольского движения шло не всегда гладко. Были случаи, когда комсомольские ячейки распались после нескольких месяцев существования. В Кемеровском районе к весне 1922 года распались ячейки в селах Мазурово, Ишаково, Андреевка, Крапивино. Реально действовали только две ячейки: на химзаводе и в Кемерове, правда, активность их оставляла желать лучшего. Только после того, как из Томска весной 1922 года прибыли опытные комсомольцы, деятельность их возродилась. Стали проводиться регулярные собрания, работать кружки (спортивный, драматический, музыкальный, английского языка)³.

Среди постоянно проводимых комсомольцами кампаний наиболее позитивные результаты имели те, которые касались детей и подростков. Например, летом 1922 года Кольчугинская, Кемеровская, Анжеро-Судженская районные организации союза молодежи организовали поголовный медицинский осмотр рабочих-подростков. После завершения этой кампании началась следующая — по улучшению быта детей и подростков. Комсомольцы занимались прикреплением учеников к опытным мастерам, переводом их с неквалифицированного труда в квалифицированный, определением срока отпусков. После работы устраивались беседы у костра, чтение литературы для политического просвещения подростков⁴.

Для привлечения в ряды новых членов комсомол организовывал так называемые беспартийные конференции среди рабочей молодежи. Первая такая конференция прошла в июле 1922 года на Анжеро-Судженских коях. На ней присутствовали 16–17-летние юноши и девушки, было зачитано много докладов о работе РКП(б), РКСМ, профсоюзов. Обязательным ритуалом на таких конференциях было пение революционных песен и «Интернационала»⁵.

На протяжении 1922 года постепенно увеличивалась сеть комсомольских ячеек по всему Кузбассу. Характерная особенность — они объединяли по 50–60 человек. Поми-

мо этого, важной тенденцией было укрепление связи между ячейками РКП(б) и РКСМ. Культпросветработа комсомольских ячеек сосредоточивалась обычно в клубах. Так, на Анжеро-Судженских коях в 1922 году было два клуба, руководимых РКСМ. В клубах проводились лекции, беседы, вечера драматического искусства, спортивные соревнования. С их помощью комсомольцы пытались привлечь новых членов. Эта работа приносила плоды. За сентябрь 1922 года в комсомол Анжеро-Судженского района вступили 120 человек⁶.

Со временем практически вся культурная работа оказалась в руках комсомола. В 1923 году в Мариинском уезде культработа велась в 15 клубах, находящихся в ведении РКСМ. Ставились спектакли, проводились лекции и беседы на политические темы. В том же году определенных успехов в борьбе с пьянством и хулиганством добился Анжеро-Судженский комсомол. Газеты писали, что недисциплинированность среди членов РКСМ значительно уменьшилась, «ячейки организованно окрепли благодаря организованному пересмотру состава»⁷.

После смерти В. И. Ленина в 1924 году Российскому коммунистическому союзу молодежи было присвоено имя вождя мирового пролетариата, и он стал называться Российский ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ). В 1925 году после образования Кузнецкого округа комсомольские организации бывшего Щегловского и Кузнецкого уездов были объединены в окружной комитет РЛКСМ, который возглавил чернорабочий с начальным образованием Николай Алексеевич Конопкин. В марте 1926 года в связи с образованием СССР комсомол вновь был переименован — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). На 1 января 1926 года в Кузнецком округе числилось 305 комсомольских ячеек, в которых состояли 4 730 членов⁸.

В отчете о деятельности Кузнецкого окружкома за 1929 год отмечено, что рост членов ВЛКСМ идет быстрыми темпами и намного опережает рост членов ВКП(б). На 1 октября 1928 года в комсомоле состояли 7 254 человека, а через год — 9 480. Большинство комсомольцев были из числа рабочих, батраков и бедняков.

Многие комсомольские организации являлись инициаторами проведения социалистических соревнований. На угольных и других предприятиях, где существовали комсомольские бригады, производительность труда в них была выше на 25% по сравнению с другими бригадами. Партия постоянно проводила так называемые мобилизации комсомольцев и их переброски на отстающие участки работы. Так, во время хлебозаготовок были мобилизованы 379 комсомольцев для работы в деревне. Комсомольцы регулярно проводили различного рода акции и кампании: по ремонту

1 ЦД НИТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8. Л. 13.

2 Знамя коммуниста. 1921. № 24. 17 апреля.

3 Кузбасс. Работа РКСМ в Кемеровском районе // Красное знамя. 1922. № 151. 12 июля.

4 Комсомол на шахтах. Кольчугинский район // Красное знамя. 1922. № 163. 26 июля.

5 Володин П. Комсомол на шахтах. Анжеро-Судженка. Первая беспартийная конференция рабочей молодежи // Красное знамя. 1922. № 151. 12 июля.

6 На коях Анжеро-Судженска // Красное знамя. 1922. № 236. 21 октября.

7 Комса. Комсомольцы в деревне // Красное знамя. 1923. № 86. 22 апреля.

8 Протокол заседания III Пленума Кузнецкого окружного комитета ВКП(б), 24 марта 1926 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

сельскохозяйственной техники, сбору металлолома и т. д. Определенные успехи отмечались и в руководстве пионерией. Всего по Кузнецкому округу в пионеры были вовлечено до 8% детей. Правда, пионерская организация была нестабильной, наблюдались притоки и оттоки детей.

Политическая жизнь комсомольцев практически копировала партийную. В ВЛКСМ, как и в ВКП(б), велась борьба с троцкизмом, правым уклоном, «хвостизмом» (плелись в хвосте), пьянством, хулиганством. Самым ярким примером правоуклонистов был Крапивинский районный комитет, бюро которого полностью распустили. Однако это был не единственный случай. Признаки правого уклона имелись в нескольких комсомольских организациях Ленинска и Щегловска. Как отмечалось в докладе, в некоторых ячейках наблюдалась «есенинщина и связанное с ней упадничество», нежелание брать ответственность на себя. Были случаи халатности и разгильдяйства, например в коммуне Ворошилова (Щегловский район) по вине комсомольцев были испорчены трактора¹.

ВОССОЗДАНИЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. Коммунисты, уже имевшие дореволюционный опыт, а также практику работы в профсоюзах в 1917–1919 годах, понимали, что без привлечения рабочего актива, профессиональных организаций будет трудно решить задачи восстановления хозяйства, укрепления советской власти. В. И. Ленин рассматривал профсоюзы как школу, где рабочие учатся азам самоуправления, приобретают навыки организованной борьбы, стараются понять демократические процедуры и механизмы, которые обеспечивают выражение воли трудящихся через выборное руководство, не допуская при этом перерождения рабочих лидеров. Он отмечал: «Это организация воспитания, вовлечения, обучения, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма. Место профсоюзов, так сказать, между коммунистической партией и государственной властью. Своеобразие все в сочетании профсоюзами двух черт: убеждение масс, резервуар власти»².

Выполняя указания ЦК партии и Томского губкома, во второй половине января 1920 года уездные и районные парткомы приступили к восстановлению профсоюзных организаций, ранее разогнанных колчаковцами. 17–20 января 1920 года состоялась конференция горнорабочих Кузбасса, которую открыл секретарь Всероссийского

Комсомольцы Щегловска. 1925 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 407

центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) А. А. Андреев. На конференцию прибыли 57 делегатов от разных промышленных предприятий Кузбасса. В президиум конференции выбрали Андреева и Беленького (представители ВЦСПС), Мокрушина и Лосева (от Судженских копей), Сай (от Анжерских копей). После заслушивания нескольких докладов принята резолюция, в которой предложены меры по успешной организации угольной промышленности и борьбе с разрухой. Делегаты выступили за создание крепкой и сознательной дисциплины, принятие производственной программы, установление единой схемы управления угольной промышленностью во всероссийском масштабе, объединение всех угольных копей Кузнецкого бассейна под одно общее управление в лице центрального правления в составе трех человек (представителей Сибревкома, Главугля и Союза горнорабочих). На заседании 20 января было объявлено, что впредь до организации всероссийского объединения горнорабочих создается Союз горнорабочих Кузнецкого бассейна с вхождением в его состав трудящихся копей Анжерки, Судженки, Кольчугина, Кемерово, Новосудженки, Шестаковских, Проккопьевских, Абашевских, Киселёвских, Богословских, Мариинских, Гурьевского завода, Кемеровского химического завода, Надеждинского рудника. Объявили о создании районного управления союза горнорабочих Кузнецкого каменноугольного бассейна в составе семи человек. При районном управлении предполагалось создать тарифный, организационный, культурно-просветительский и другие отделения, на местах (копях и рудниках) — отделения районного управления в составе трех-пяти человек. Высшим руководящим союзным органом в районе Кузнецкого бас-

¹ Отчет о работе Кузнецкого окружного комитета ВКП(б) с 1 января 1929 по 1 января 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 462. Л. 42–43, 101–103.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 388.

сейна стала союзная конференция, избираемая из расчета один делегат от 50 членов союза горнорабочих¹.

Первый съезд Совета союза горнорабочих Кузнецкого бассейна состоялся под председательством Матузова 11 марта 1920 года. На нем присутствовал районный комитет в полном составе и 12 делегатов от рабочих рудников и копей. Участники съезда обсудили трудности становления профсоюзного движения в шахтерских и горняцких коллективах, а также неудовлетворительное руководство их предприятиями со стороны «Сибугля». В докладах с мест подчеркивали, что многие предприятия разрушены, имущество расхищено, специалисты и технический персонал разбежались. Объявили, что «горнорабочие должны взять на себя организацию своего производства и нести ответственность за работы на рудниках». На заседании 15 марта объявили, что завершается создание 25 производственных союзов горнорабочих в Томском, Щегловском и Кузнецком уездах².

Кроме горнорабочих началось возрождение и других профессиональных организаций. В январе 1920 года был образован участковый комитет профсоюза железнодорожных рабочих и служащих (учкпрофсож) во главе с первым председателем В. И. Гибиным и его заместителем Д. И. Докшиным, который из Тайги руководил первичными профорганизациями на линии от Болотной до Мариинска. Затем в городе был восстановлен профсоюз деревообделочников, объединивший всех работников лесозаготовок в Тайгинском районе. Для успешного проведения работы по воссозданию аналогичных объединений в феврале 1920 года оргбюро местного парткома выделило инициативную группу из трех коммунистов, которая приступила к формированию профсоюзов на других предприятиях и в учреждениях.

С середины февраля в Кузбассе профсоюзы стали появляться у печатников, учителей, связистов, строителей. 27 марта началась неделя профдвижения, которая конкретными делами оживила деятельность новых организаций. К маю создание местных отраслевых профсоюзных организаций в основном было закончено.

Следующим шагом стало формирование в мае территориальных объединений. В Кузнецке уездное бюро профессиональных союзов возглавил товарищ Колтуков. Тайгинский партком 10 мая созвал совещание представителей всех профорганизаций, обсудили важнейшие задачи этого движения. Участники избрали бюро (председатель Н. Д. Перекрестов), объединившее все организации района. Вначале новый орган занимался налаживанием связей с Томским губпрофсоветом и центром, но потом все смелее и решительнее стал включаться в хозяйственную работу. По его инициативе в городе были отремонтированы электростанция, баня, кинотеатр и другие социально значимые объекты.

1 Конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна // Сибирский коммунист. 1920. № 14. 22 января; № 16. 25 января.

2 В Кузнецком бассейне // Знамя революции. 1920. № 51. 20 марта; Съезд горнорабочих // Знамя революции. 1920. № 54. 24 марта.

Успешно развивалась деятельность союза горнорабочих Кузнецкого бассейна. 17–19 июня 1920 года состоялась вторая районная конференция. Ее открыл председатель Томского райкома горнорабочих Метельский. В президиум были избраны Кудрявцев, Беленький, Алфимов, Митраков и Параев, секретарями — Ридель, Ревиякова. На конференции выступали с приветственными словами Познанский (от Губревкома), Шергов (от Софпрофсоюза), Матузов (от правления «Сибугля»). В докладе Метельского о деятельности райкома союза горнорабочих было сказано, что сделано немного, так как работа только разворачивается. Потом заслушали около десяти докладов с мест. С докладом о деятельности «Сибугля» выступил Чугурин, который попытался оправдаться в ответ на многочисленные нарекания в адрес «Сибугля». После активных прений и обсуждений докладов было принято несколько резолюций, касающихся в основном тарифной политики, оплаты труда, снабжения горнорабочих специальной одеждой и обувью, культурно-просветительской деятельности³.

После организационного оформления Союза горнорабочих на территории Кузбасса стали возникать и другие профсоюзы. С конца 1920 года в Кузнецке стало действовать уездное отделение союза строительных рабочих. Оно объединяло шесть комитетов с общим количеством рабочих около 2,5 тысячи человек. Комитеты находились в следующих пунктах: Кольчугино, Усятское, Гурьевск, Кузнецк, Кузедеево и Бачаты. Местными силами строительных рабочих организованы школы первой ступени в нескольких населенных пунктах и открыты народные дома, где ставились спектакли и проводились вечера и чтения⁴.

В течение 1920 года во всех трех кузбасских уездах — Кузнецком, Щегловском и Мариинском — созданы органы управления профсоюзами — уездные профессиональные бюро (упрофбюро). Их деятельность была довольно широкой, они контролировали все профсоюзы в уезде, занимались снабжением, культурно-просветительской работой. Так, в начале 1922 года Мариинское упрофбюро прикрепило 11 работников к профсоюзам⁵. В марте того же года оно обратило особое внимание на местный отдел социального обеспечения (усобеса). Как оказалось, собес не выполнял своих обязанностей, фактически бездействовал. На соцобеспечении в уезде состояли 3 тысячи семей красноармейцев и 1 885 инвалидов войны и труда. Снабжение их было налажено плохо. Упрофбюро потребовало от нового заведующего собесом Яковлева немедленно наладить работу отдела⁶. Кстати, Мариинское упрофбюро действовало довольно активно, в прессе регулярно появлялась информация о его деятельности, сборе средств для голодающих, культурно-массовых мероприятиях. Щегловское упрофбюро, наоборот, часто критиковали в печати. Его деятельность

3 Конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна // Знамя революции. 1920. № 123. 19 июня; № 124. 20 июня; № 125. 22 июня.

4 Профессиональная жизнь // Знамя революции. 1921. № 2. 4 января.

5 В Мариинске // Красное знамя. 1922. № 27. 6 февраля.

6 Мариинск. Социальное обеспечение // Красное знамя. 1922. № 57. 14 марта.

Шахтеры Кемеровского рудника на фоне здания шахты Центральной. Начало 1920-х // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

характеризовалась как вялая, инертная, безынициативная¹. Также слабо работало Кузнецкое упробюро. В газетах писали, что оно не проводило перерегистрации членов профсоюза, не занималось социальным страхованием, не боролось с задержками заработной платы. На общегородские мероприятия ему удавалось собирать всего 40–60 человек².

Первоначально профсоюзы пользовались популярностью у рабочих, поскольку они на самом деле защищали их интересы, занимались улучшением условий труда и быта. Любопытный случай произошел на одном из заседаний работников Судженских копей весной 1922 года. Один из руководителей профсоюза Сосин неожиданно объявил о ненужности профессионального союза. Выступив с критикой в адрес ЦК профсоюзов, он заявил о необходимости роспуска всех профсоюзов. Однако его речь была встречена негативно. Потом он признался, что специально спровоцировал собравшихся, чтобы развязать дискуссию и луч-

ше выяснить их мнение³. О популярности говорит и тот факт, что почти все рабочие вступали в профсоюз. Так, на 1 августа 1922 года из 2,5 тысячи рабочих Кемеровских копей 1 898 человек вступили в профсоюз (из них 200 — американские рабочие АИК «Кузбасс»)⁴. В течение нескольких месяцев 1922 года профсоюз горнорабочих Анжеро-Судженского района вел борьбу с рудоуправлением за ликвидацию задолженности. Конфликт разгорелся еще в августе. Рудоуправление пообещало вернуть долги по зарплате к 15 октября. Кроме того, профсоюз добился перевода копей на хозрасчет и проведение реформирования хозяйственного управления⁵.

С образованием в 1925 году Кузнецкого округа был создан Кузнецкий окружной совет профессиональных союзов (ОСПС), который координировал деятельность всех проф-

¹ Профессиональная жизнь // Красное знамя. 1922. № 110. 23 мая.

² Лебедев Ник. Кузнецкое упробюро // Красное знамя. 1922. № 143. 3 июля.

³ Анжеро-Судженка. Дискуссия о профсоюзах // Красное знамя. 1922. № 88. 26 апреля.

⁴ Жизнь на копях. Профсъезд в Кемерово // Красное знамя. 1922. № 188. 25 августа.

⁵ На копях. Конфликт на Анжерке // Красное знамя. 1922. № 241. 27 октября.

союзов округа. В его состав входили представители разных профсоюзов, пленум состоял из 17 человек, а президиум — из 7 человек. Ежегодно окружной совет проводил до 70 совещаний и разрешал до 350 различных вопросов. Для координации деятельности профсоюзов он регулярно проводил обстреливания обследования низовых ячеек и окружных выборных органов, инструктировал профсоюзы, участвовал в перевыборных кампаниях.

С развитием промышленности в Кузнецком округе росло и количество рабочих, большая часть из которых входила в различные профсоюзы. По данным на 1 января 1926 года, в профессиональные союзы были вовлечены 16 089 рабочих. На 1 января 1927 года таковых было уже 23 384 человека. В округе существовали союзы горняков, строителей, железнодорожников, сельхозрабочих, медиков, работников просвещения, печатников, металлистов, советских торговых работников. Все они были объединены в низовые ячейки, в 1927 году таких ячеек было более 700. Союзы регулярно проводили съезды, на которых происходили перевыборы руководящих органов. Обычно на перевыборах состав правлений менялся на 40–60%. По подсчетам ОСПС, посещаемость рабочими общих профсоюзных собраний колебалась в пределах 20–30%. При этом собрания часто были плохо организованы, не имели повестки, затягивались на три-пять часов. Членские взносы собирались специальными сборщиками и уполномоченными, часто недобор составлял 25–30%. Большинство сборов шло в кассы взаимопомощи, которые были практически при всех ячейках.

Весьма любопытна статистика по разбору конфликтов между профсоюзами и администрацией. В 1926 году всего по Кузнецкому округу произошло 3 628 конфликтных ситуаций, из них в пользу рабочих разрешен 2 131 случай, в пользу администрации — 686, в вышестоящую инстанцию ушла информация о 282 конфликтах, остальные были сняты либо по ним вынесено примирительное решение. Таким образом, примерно две трети конфликтных случаев решалось в пользу членов профсоюзов¹.

По данным на 1 октября 1929 года, в Кузнецком округе числились около 41,9 тысячи рабочих, из них 36,5 тысячи входили в профсоюзы. Главными объединениями рабочих были союзы горняков и строителей. К концу 1920-х годов профсоюзы практически утратили самостоятельность. Даже в отчете Кузнецкого окружкома ВКП(б) за период с 1 января 1929 года по 1 января 1930-го сказано, что «профсоюзы не ведут решительной борьбы за повышение реального уровня заработной платы». Ежегодно в конфликты между рабочими и хозорганами были втянуты до 30% членов профсоюзов. При этом конфликты разрешались большей частью в пользу хозорганов. В 1929 году было много случаев нарушения коллективных договоров по та-

ким важнейшим вопросам, как охрана труда, техника безопасности, задержки заработной платы².

Профсоюзные организации стали важным звеном системы мобилизации населения на решение неотложных задач: восстановления хозяйственных объектов и благоустройства посредством многочисленных субботников и воскресников; организации технических совещаний с обсуждением вопросов о перестройке работы цехов, участков; обеспечения охраны труда и распределения поступившего по разнарядке продовольствия и товаров первой необходимости. После очередного массового воскресника организаторы устраивали культурный вечер, в программе которого были постановки местных самодеятельных театральных трупп, разнообразные литературные и музыкальные номера. Все заседания профсоюзных организаций, как и все проводимые в тот период собрания общественности, традиционно заканчивались пением «Интернационала». Однако со временем профсоюзы стали терять самостоятельность, превращаясь в одно из звеньев партийно-государственного аппарата.

¹ Отчет о работе Кузнецкого окружного совета профессиональных союзов за 1926 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–14, 34–36.

² Отчет о работе Кузнецкого окружного комитета ВКП(б) за период с 1 января 1929 года по 1 января 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 462. Л. 41.

§ 4. Урало-Кузнецкий проект: на пути к реализации

Угольный трудовой фронт. По мере освобождения Сибири от колчаковщины важнейшей задачей государства становилась проблема восстановления промышленности. 20 января 1920 года съезд профессионального союза горнорабочих Кузнецкого бассейна послал председателю Совнаркома В. И. Ленину резолюцию, в которой отмечал: «Все силы горнорабочих будут направлены для победы на внутреннем фронте для бесконечного увеличения производительности труда, для всемерно-го укрепления Советской власти»¹.

Постановлением Урало-Сибирской комиссии Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) от 19 февраля 1920 года все угольные предприятия Западной Сибири с имуществом и капиталами объявлялись собственностью государства и передавались в подчинение Правления угольных копей Западной Сибири («Сибуголь»), базирующегося в Томске². Председателем правления «Сибугля» был назначен профессиональный революционер И. Д. Чугурин (1883–1947). Сын сормовского рабочего, окончил церковноприходскую школу, в РСДРП с 1902 года. В 1911 году был слушателем партийной школы в Лонжюмо. В 1916 году избран членом Выборгского районного комитета РСДРП(б), по поручению которого 3 (16) апреля 1917 года на Финляндском вокзале вручил вернувшемуся из эмиграции В. И. Ленину партийный билет № 600. В 1918–1919 годах находился на политработе в Красной армии, член президиума и ответственный секретарь ВЧК (выбыл из состава правления 25 сентября 1920 г.³).

Правление «Сибугля» утвердило территориальную структуру объединения (райуголь). Были образованы следующие районные управления:

1) Анжеро-Судженский район (бывшие копи Михельсона: Льво-Александровская, Щербинская, Судженская; Том-

И. Д. Чугурин. 1920-е // Из фондов Государственного исторического музея

ской железной дороги — Анжерская; бывшая семья Ельдештейн — Ново-Судженская);

2) Северо-Кузнецкий район (местопребывание — город Кемерово), в состав которого вошли Кемеровский рудник, строящийся коксохимзавод, Мазурово, Ишаново, Крапивино, Балахонские разведки и штольни бывшего Богословского горнозаводского общества (Бирюлинская, Центральная, Южная);

3) Центральнo-Кузнецкий район (село Кольчугино) с Кольчугинским рудником, а также Плотниково и Шестаково. Наиболее крупной шахтой рудника являлась «Капитальная». Две другие 6 ноября 1920 года переименованы по резолюции торжественного заседания горняков рудника, посвященного третьей годовщине революции: шахта «Николаевская» стала носить имя Карла Маркса,

а «Жури́нская» — имя Ленина⁴);

4) Южно-Кузнецкий район (Кузнецк), в состав которого вошли рудники Киселёвский, Прокопьевский, Осиновский, Абашевский и Араличевский;

5) Гурьевские центральные мастерские (село Гурьевский завод) с принадлежавшими им железнорудными месторождениями и известковыми карьерами, обслуживавшими нужды всех сибирских угольных копей⁵.

Районами руководили свои правления, состоявшие из трех человек. Перед руководителями угольных шахт и объединений стояла жизненно важная задача — в условиях обрушившегося на страну топливного кризиса обеспечить бесперебойную добычу угля. На открывшемся 1 апреля в Москве I Всероссийском учредительном съезде профессионального союза горнорабочих председатель правительства молодого Советского государства В. И. Ленин особо отметил, что «без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немыслимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности...» Речь руководителя правительства о важности от-

1 С Лениным в сердце: сб. документов и материалов. Кемерово, 1976. С. 67.

2 ГАК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3 об.

3 ГАК. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1459. Л. 2.

4 Трудящиеся Томской губернии — В. И. Ленину: [Сб. док.]. Томск, 1966. № 42. С. 27.

5 ГАК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 10–10 об.

Правление «Сибугля», начало 1920-х // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 683

расли для Советской республики слушали 14 горняков из Кузбасса¹.

Борьба за уголь в начале 1920-х годов именовалась в директивах того времени не иначе как «трудовым фронтом», и это действительно был трудовой фронт. Состояние рудников Кузнецкого бассейна после ликвидации колчаковского режима было сложным. Шахты Кемеровского рудника во время прохождения фронта совершенно прекратили добычу угля, поскольку военные увели всех лошадей и отобрали теплую одежду у значительной части рабочих. Приведение рудника к нормальным условиям тормозилось размещением в рудничных помещениях 700 сыпнотифозных больных. Шахты Анжеро-Судженского рудника требовали капитального ремонта и замены оборудования. Исключительно тяжелым в этом районе было продовольственное положение, а также жилищный вопрос. На Прокопьевском и Киселёвском рудниках добыча угля становилась невозможной из-за отсутствия железнодорожной ветки до Кольчугинской железной дороги².

2 июля 1920 года на заседании коллегии Главугля утвердили ударную группу предприятий, которые играли большую роль в топливном балансе. По Кузнецкому бассейну к ним были отнесены Анжерка, Судженка, Кольчугино, Кемерово³.

Первоочередной задачей стало обеспечение предприятий рудников рабочей силой. Еще 16 апреля Советом труда

и обороны (СТО) было принято постановление, согласно которому все лица в возрасте от 18 до 50 лет, работающие и работавшие ранее забойщиками, крепильщиками, откатчиками и другими рабочими шахтерских профессий, объявлялись мобилизованными и подлежали переводу на угольные предприятия. По этой мобилизации около 500 горнорабочих влились в кадровый состав шахтеров Кузнецкого и Черемховского угольных бассейнов⁴.

Приходилось искать внутренние источники пополнения горняцких кадров. С этой целью правление «Кольчугинского райугля» 1 мая 1920 года приняло решение, обязывающее всех жителей домов, находящихся на территории копей, приступить к работе на них. Всех самовольно отлучившихся с работы считали дезертирами. В мае по линии губчека всем волостным исполкомам была разослана депеша, в которой приказывалось принять меры к розыску и доставлению на Кольчугинский рудник 90 рабочих. Только в июне от работ стали освобождать детей до 14 лет, а подростки до 16 лет принимались на работу только с согласия отдела труда. В августе 1920 года райуголь ходатайствовал об отсрочке от призыва на военную службу бывших офицеров, фельдфебелей, унтер-офицеров и военных чиновников (всего таких набралось 86 человек), так как «никого без ущерба для дела снять с работы не имеем возможности»⁵.

Еще одной мерой увеличения численности рабочих стали трудовые мобилизации крестьян в возрасте от 18 до 45 лет сроком на шесть месяцев. Однако мобилизованные работали плохо, так как не были приучены к горняцкому труду. В декабре 1920 года «Сибуголь» вынужден был констатировать, что из всех принятых по Сибири 3 950 крестьян

1 С Лениным в сердце... С. 24, 210–211.

2 Из доклада председателя правления Сибуголь И. Д. Чугурина Урало-сибирской комиссии ВСНХ, 24 февраля 1920 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 22–26.

3 Главный угольный комитет ВСНХ (Главуголь) осуществлял руководство и контроль за деятельностью предприятий каменноугольной промышленности в республике. См.: Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 42.

4 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 29–30, 43.

5 Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1... С. 146–147.

Празднование 1 Мая 1920 года у Народного дома в селе Гурьевском (бывший магазин купца Н. П. Ермолаева) // Из фондов Гурьевского городского краеведческого музея

по горным работам размещены 1 840 человек, остальные из-за отсутствия обуви, спецодежды временно не использовались. Срок мобилизации был рассчитан до 1 мая 1921 года, но фактически из-за начала сельскохозяйственных работ крестьян стали отпускать с копеек с 1 апреля¹.

Не менее важной была задача обеспечения на шахтах рудника трудовой дисциплины. Меры к нарушителям принимались различные, в том числе товарищеские дисциплинарные суды, в основном же решено было бороться «самыми строгими репрессивными мерами», предусматривавшими наказания в виде использования вооруженной силы, запрета на выход рабочих из шахты раньше времени или до выполнения нормы, увеличением числа выходов для слабосильных.

8 ноября 1920 года из-за острой необходимости в шахтовом инструменте (кайлах, топорах, лопатах, пилах и т. п.) Томский губисполком постановил произвести его реквизицию у населения на территории, прилегающей

к Судженским, Кузнецким, Кольчугинским и Кемеровским копам. Реквизиция проходила за плату, по ценам, установленным Сибнархозом².

Однако одними репрессивными мерами повысить производительность труда оказалось невозможно. Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов в телеграмме от 14 октября 1920 года обращался к председателю СТО В. И. Ленину с просьбой приравнять снабжение рабочих копеек Сибири к снабжению Красной армии³.

Совет труда и обороны неоднократно обращал внимание на проблему, связанную с быстрейшим ростом добычи угля восточными каменноугольными районами страны. 20 октября и 24 ноября в СТО рассматривался вопрос о преодолении жилищного кризиса в рабочих поселках Кузбасса, 17 ноября — о снабжении угольных копеек рабочей силой. 15 декабря СТО принял постановление о создании комиссии для обследования угольной промышленности Урала и Сибири, выяснения действительного положения дел на местах и принятия мер для усиления до-

¹ Сарин Д. П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64). Т. 1. С. 30.

² Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 50.

³ Там же. С. 47.

бычи и погрузки угля. В частности, предполагалась проверка заявления «Главтопа» и «Главугля» о неисполнении постановления СТО о снабжении рабочих Кузнецкого и Анжеро-Судженского районов жирами, крупой и овощами, об образовании двухмесячного запасного фонда, обеспечивающего непрерывное снабжение продовольствием, и премиального фонда, который должен быть представлен в распоряжение администрации соответствующих копей¹.

Большое распространение в ряду мероприятий по увеличению производительности труда получили субботники и воскресники. Так, в отчете Анжеро-Судженского района РКП(б) отмечалось: «В июне по сравнению с маем увеличилось число субботников, возросло и количество лиц, участвующих в них. Вместо 61 субботника с 2 тысячами участников июнь дал 103 субботника с количеством работающих — 2 900 и приблизительным числом часов — 12 903, или 1 613 дней. Бодрым шагом на путь коммунистического труда в июне вышли женщины-работницы. Они провели 12 субботников, в них приняли участие 171 человек, отработано часов 1 371, или 171 день»².

Проводились различного рода идеологические кампании. Так, 2 июля на Гурьевском заводе началась Неделя добровольцев, во время которой рабочий день увеличивался на два часа. Заработок от сверхурочных часов предоставлялся на обмундирование красноармейцев. С 20 сентября на Кольчугинском руднике проводилась Неделя ремонта и крестьянина с увеличением рабочего дня также на два часа в сутки. Три слесаря и два кузнеца с инструментами, выработавшие план производственной программы, были посланы в деревни для ремонта сельскохозяйственных машин³.

Всего в 1920 году в Кузнецком бассейне было добыто 896,1 тысячи тонн угля, что только на 9,2 процента превысило показатель за 1919 год. По районам показатели были следующими: Анжеро-Судженский — 597,9, Северо-Кузнецкий — 85,2, Центрально-Кузнецкий — 162,2, Южно-Кузнецкий — 50,8 тысячи тонн⁴.

1921 год оказался не менее трудным, чем предыдущий. «Организация самого процесса добывания угля все еще неудовлетворительная», — отметил в докладе 31 мая 1921 года на III сессии ВЦИК представитель Сибревкома Чуцкаев. В докладе говорилось о взятой на себя задаче к концу года снабдить Урал коксом в количестве 1,5–2 млн пудов⁵. Однако выполнена эта задача будет только через три года.

В конце 1920 — начале 1921 года шел процесс реформирования органов управления сибирской промышленности. «Сибуголь» был переименован в «Центральное правление угольных копей Кузнецкого бассейна». 24 марта 1921 года журнал № 139 впервые зафиксировал заседание Центрального правления Кузбасса⁶. Таким образом, аббревиатура

«Кузбасс» (от «Кузнецкий бассейн») впервые была применена в обозначении органа управления угольными предприятиями региона.

20 мая 1921 года СТО постановил признать ударными строительство Киселёво-Прокопьевских копей, железнодорожной линии Кольчугино — Прокопьевские копи с ветвью Белово — Гурьевский завод, Кемеровского химического завода (с пуском 1-й батареи в 50 коксовых печей), оборудование Гурьевского литейного завода и пуск доменной печи на нем⁷.

Фактически борьба за уголь опять обернулась поиском источников пополнения рабочей силы, налаживанием трудовой дисциплины и эксплуатацией ненормированного рабочего труда в форме субботников и воскресников. С целью использования массовой организованной рабочей силы военнослужащих и мобилизованного по трудовой повинности гражданского населения в январе 1921 года была создана Сибирская трудовая армия. В марте 1921 года на Кольчугинских копиях были размещены 1-я и 2-я роты (307 человек), в апреле на Кемеровском руднике — 6-я рота 13-го Сибирского трудового батальона (286 красноармейцев)⁸.

В мае 1921 года на стройках Кузнецкого бассейна было зафиксировано максимальное количество трудовых частей Сибтрудоармии с общей численностью группировки 14 176 человек, что составляло от штатной численности 64,7%, из них — 11 744 трудармейца, остальные были командным составом, административно-хозяйственным и медико-ветеринарным персоналом. Трудовые войска Кузбасса были укомплектованы 1 799 лошадьми, а для производственных целей имели 722 повозки и 1 220 саней⁹.

Главным достижением производственной деятельности трудармейцев стало строительство железной дороги Кольчугино — Прокопьевские копи (Новостройка). 25 октября 1921 года состоялся торжественный митинг, посвященный окончанию работ на Новостройке, соединившей Южно-Кузнецкий угольный район с Транссибирской магистралью¹⁰. Сибревком признал произведенные работы интенсивными и продуктивными, в знак благодарности принято решение станцию Тырган Кольчугинской железной дороги переименовать в станцию Трудармейская¹¹.

В конце декабря 1921 года все трудовые части расформированы, хотя отдельные трудармейцы, переведенные в состав Всероссийского объединения государственных рабочих артелей, трудились в регионе до ноября 1922 года на принципах хозрасчета.

Еще одним источником притока рабочей силы на копи Кузбасса и Кольчугинскую новостройку стали партии рабочих из Татарской АССР, которые, спасаясь от голода, переезжали вместе с семьями. Всего по нарядам НКТ РСФСР

1 С Лениным в сердце... С. 30–33, 198–199.

2 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 42.

3 Там же. С. 44, 46.

4 Кузнецкий угольный бассейн: стат. справочник. М., 1959. С. 98–99.

5 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 67–68.

6 ГАК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

7 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 65–66.

8 Там же. С. 64; Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941)... С. 148.

9 Сарин Д. П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса... С. 31.

10 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 85–86.

11 Сарин Д. П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса... С. 33.

Рабочие в забое шахты № 1 Анжерских копей. 1924 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 1365

с июня по сентябрь 1921 года в Кузнецкий бассейн прибыли 4 369 человек, причем удельный вес рабочих составлял только 31,1%, остальные не участвовали в производственной деятельности, став дополнительной нагрузкой для рудуправлений по вопросам обеспечения их продовольствием и жильем¹.

Трудовые мобилизации стали существенным источником пополнения рабочих ресурсов Кузнецкого бассейна. По подсчетам исследователей, в 1920–1921 годах среднемесячное число шахтеров в регионе доходило до 10,5 тысячи человек, удельный вес трудмобилизованных в ноябре 1920 года составлял 30–35%, в мае 1921 года увеличился до 45%, осенью на рудниках Прокопьевска и Киселёвска количество трудармейцев достигло 52,7%. Однако трудовые мобилизации стали промежуточным решением проблемы дефицита кадров в угольной промышленности, мобилизованные возвращались в места постоянного проживания сразу после демобилизации².

В 1921 году уровень добычи угля составил в Анжеро-Судженском районе — 419,3, Северо-Кузнецком — 101,6, Центрально-Кузнецком — 165,4, Южно-Кузнецком — 95,0, все-

го — 781,3 тысячи тонн угля³. По сравнению с предыдущим годом произошло падение добычи на 12,8%. 1921-й стал годом максимального падения уровня добычи угля в регионе, достигнув показателей 1913 года и всего 62,2% от добычи в 1917 году. Произошло это из-за резкого падения (на 30%) добычи угля в Анжеро-Судженском районе, который давал больше половины всего кузбасского угля. Острый топливный кризис вызвал к жизни Южно-Кузнецкий район. Мощные пласты и возможность открытых работ толкали на форсирование эксплуатации Прокопьевского и Киселёвского месторождений (рост добычи угля — 87%). Отличавшиеся от других по своим качествам южные угли использовались лишь как рядовое топливо на железных дорогах Сибири.

Основной причиной падения добычи угля в Анжеро-Судженском районе стало истощение запасов существующих шахт, необходимость их переоборудования и строительство новых. Кроме того, была низкой производительность труда, которая во многом предопределялась значительным удельным весом трудмобилизованных, не имевших навыков горняцкого труда. На Кольчугинском руднике в 1921 году добыча на горнорабочего составляла 7 539 пудов против 11 563 пудов в 1917 году. Значительная

¹ Сарин Д. П. Миграции трудовых ресурсов в Кузбасс... С. 137–138.

² Сарин Д. П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса... С. 33.

³ Кузнецкий угольный бассейн: стат. справочник... С. 98–99.

Рабочие шахты 5-7 Судженских копей. 1924 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 1329

часть трудармейцев не могла быть использована в шахтах из-за отсутствия необходимого обмундирования, отмечались случаи саботирования работы.

С целью налаживания трудовой дисциплины и выполнения плана применялись и репрессивные меры. Так, управляющий А. Н. Буйских издал приказ, в соответствии с которым на Кольчугинском трудовом фронте объявлялось наступление, во время которого не выходящие на работу считались дезертирами и привлекались принудительно. Создана чрезвычайная тройка, которая постановила всех сделавших менее шести упряжек за первую половину июня передать в распоряжение ЧК для принудительных работ, а остальным не выполнившим нормы выходов — отработать их до конца месяца.

Обыденной практикой стали объявление тех или иных дней «ударными» с целью выполнения плана угледобычи, организация образцовых групп ударного труда, а также проведение субботников и воскресников. Все невыполнившие приказы объявлялись «не сочувствующими Советской власти».

Несмотря на принимаемые меры, на 1 декабря 1921 года на Кольчугинских коях невыходы на работу составляли 33%, из них только 8% приходилось на больничные. Для роста добычи угля предлагалось увеличить комплект рабочих на 200–300 человек, гарантировать рабочим вы-

дачу одежды и обуви согласно тарифному положению, предоставить возможность реализовывать часть угля на рынке для приобретения предметов первой необходимости¹.

Продовольственный вопрос решался очень трудно. Для обеспечения своих семей продовольствием шахтеры по-прежнему оставались связаны с сельским хозяйством. Секретарь комитета РКП(б) Кольчугинского рудника в 1920–1921 годах М. А. Червонный (Усатенко) позже так писал об этом: «Голодные, почти без спецодежды шахтеры восстанавливали хозяйство. Семьи рабочих сносно обеспечить продовольствием было невозможно. Кормили лишь самих шахтеров в столовых, перед спуском под землю <...> За перевыполнение плана добычи угля мне удалось в качестве премии получить в Сибревкоме табак для шахтеров и ажурные дамские чулки для работниц (других не было). И смех, и грех с этой премией. А что оставалось делать?»²

В начале 1922 года снова обострилась проблема транспорта. Недостаток продовольствия в центральных губерниях России и, как следствие, вывоз хлеба из Сибири и Средней Азии по Транссибирской магистрали вызвали необходимость дополнительного обеспечения ее

¹ Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941)... С. 148, 151.

² Цит. по: Лакисов А. И. Ленинск-Кузнецкий. Кемерово, 1984. С. 57–58.

Погрузка угля на телеги. Судженские копи. 1924 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 1316

топливом. Для премирования рабочих за выполнение программы погрузки комиссия СТО приняла решение о выделении хлеба (в количестве одного-двух вагонов). Система поощрения продовольствием за выполнение ударных заданий вводилась и на коях. Сибревком принял постановление об образовании на шахтах Кузбасса шестимесячного запаса продовольствия¹.

Гурьевскому заводу выпала честь сказать новое слово об использовании сырого каменного угля для выплавки чугуна в деле русской металлургической промышленности. Обычно для доменной плавки используется кокс — горючее, обладающее максимальным количеством твердого углерода, необходимого для восстановления железа из руд и для обуглероживания его при получении чугуна. Каменный уголь, идущий для приготовления кокса, должен быть тщательно размолот и подвергнут сухой перегонке в коксовых печах. В 1916 году проведенные опыты выявили свойства угля Волковского пласта Кемеровского рудника, которые позволяли использовать минеральное топливо в доменной печи Гурьевского завода. Тем самым устранялась промежуточная операция в применении топлива.

¹ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 92–94.

С 1917 года началось техническое переустройство доменной печи, которое в результате общественно-политического и вызванного им экономического кризисов порядком затянулось. Домна была пущена в марте 1922 года первоначально на древесном угле (выплавили около 15 тыс. пудов чугуна), а затем переведена на сырой волковский уголь. Расход угля составил около двух пудов на пуд чугуна. Гурьевский завод был соединен со станцией Белово веткой в 28 верст, что позволило регулярно снабжать завод сырьем². Старейшее металлургическое предприятие Западной Сибири вновь вступило в строй.

В честь столь знаменательного события одна колонка (обелиск) первого выпуска чугуна вместе с приветственным письмом от 2 мая 1922 года была отправлена гурьевскими металлургами на память «Вождю мирового пролетариата товарищу Ленину»³.

² Федорович И. И. Пути развития Кузнецкого бассейна // Кузнецкий бассейн: сб. статей. М., 1924. С. 47–48; Гурьевский металлургический завод // Красное знамя. 1922. 26 апреля.

³ Подарок рабочих Гурьевского завода находится в кабинете-музее В. И. Ленина в Кремле. См.: С Лениным в сердце... С. 81, 208.

18 мая 1922 года шахтеры Кольчугинского рудника и Кольчугинской организации РКП(б) направили письмо В. И. Ленину, в котором выражали радость в связи с успешной операцией по извлечению пули, оставшейся в теле вождя после ранения в 1918 году. Шахтеры также сообщили о решении переименовать Кольчугино в Ленино, а Центральную группу копей Кузбасса в Ленинскую группу копей. Предложение горняков было утверждено постановлением ВЦИК 10 июля 1922 года¹.

В 1921–1922 годах стало заметно влияние новой экономической политики (НЭП). В октябре — ноябре 1921 года в Кузбассе с целью повышения производительности труда стала вводиться сдельная его оплата. При существовавшей системе часть зарплаты выплачивалась продуктами, не учитывались качество и производительность. Новая форма оплаты труда создавала заинтересованность рабочих в производстве, так как зарплата и выдача натурального фонда ставились в зависимость от выполненной нормы. Топливный голод на транспорте был ликвидирован. Началась реорганизация системы управления промышленностью в стране, переход предприятий на хозяйственный расчет. Заканчивался первый этап восстановления промышленности Кузбасса, во время которого, по словам одного из первых советских хозяйственников-руководителей В. М. Бажанова, «последовали многочисленные (и зачастую бестолковые) реорганизации в управлении Кузнецким бассейном, когда фактически был развал каменноугольной промышленности бассейна, когда был острый недостаток топлива вообще, а угля в частности, и копи работали только под нажимом, постоянным и упорным»².

Перспективы развития Кузнецкого бассейна. Урало-Сибирский проект. Одной из ключевых задач промышленной политики молодого Советского государства стало решение урало-кузнецкой проблемы. Среди причин обращения большевиков к этому народно-хозяйственному проекту следует отметить:

– создание второй угольно-металлургической базы на востоке страны относилось к принципиальным основам экономической политики советского правительства, составной частью которой было развитие крупной машинной индустрии на основе производства металла и добычи угля;

– национализация промышленности (к весне 1918 г.) создавала фундамент для практического осуществления социалистического строительства;

– обращение к идее перемещения промышленности в восточные районы страны диктовалось потерей металлургического производства на европейском юге в результате заключения Брестского мира с Германией (3 марта 1918 г.)³.

В современной историографии преобладает мнение о геополитическом факторе, связанном с потерей Россией южного промышленного района и необходимостью возмещения недостатка металла как главной причине обращения к урало-кузнецкой проблеме⁴.

Партийные лидеры В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий в годы Гражданской войны высоко ценили ресурсный потенциал Урала, его экономическую и политическую значимость в жизни молодого Советского государства, вплоть до перенесения туда в случае утраты Москвы (в результате германского наступления) политического центра.

В 1924 году Л. Д. Троцкий в воспоминаниях о В. И. Ленине отметил, что последний в феврале 1918 года сформулировал идею образования в восточных районах страны Урало-Кузнецкой республики: «Отступим дальше на восток, на Урал, заявляя о готовности подписать мир. Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой. Будем держаться. В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург.

В тот период Урало-Кузнецкая республика занимала большое место в аргументации Ленина. Он иногда прямо-таки огорошивал оппонентов вопросом: „А вы знаете, что в Кузнецком бассейне у нас огромные залежи угля? В соединении с уральской рудой и сибирским хлебом мы имеем новую базу“. Оппонент, не всегда ясно себе представлявший, где находится Кузнецк и какое отношение имеет тамошний уголь к последовательному большевизму и революционной войне, тарасил глаза или смеялся от неожиданности, полагая, что Ильич не то шутит, не то хитрит. А на самом деле Ленин нисколько не шутил, а — верный себе — продумывал обстановку до ее крайних последствий и наилучших практических выводов. Концепция Урало-Кузнецкой республики ему органически необходима была, чтобы укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места»⁵.

Подтвердить высказывания В. И. Ленина об Урало-Кузнецкой республике невозможно, так как по другим источникам они неизвестны, однако косвенное им подтверждение можно встретить в секретной записке в ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 года того же Л. Д. Троцкого. В документе среди прочего шла речь о создании производственной базы на Урале: «Надо возродить идею, которая была у нас весной

1 С Лениным в сердце... С. 81; СУ РСФСР. 1922. № 44. Ст. 541.

2 Бажанов В. Кузнецкий бассейн // Кузнецкий бассейн: сб. статей. М., 1924. С. 4.

3 Панькин И. Д. Историки о причинах появления урало-кузнецкой проблемы в промышленной политике Советского государства весной 1918 года // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4–1. С. 50–51.

4 Панькин И. Д. Историки о причинах появления урало-кузнецкой проблемы... С. 53.

5 Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Д. Вокруг Октября // Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 78–79.

прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала»¹.

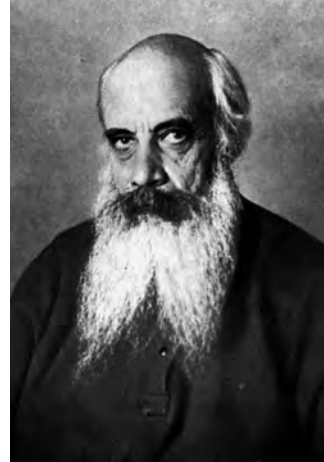
В марте-июне 1918 года вопрос о перспективах развития промышленности на востоке страны не сходил с повестки дня заседаний Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), при этом Урал и Кузнецкий бассейн рассматривались как единая хозяйственная единица.

Профессор Н. Я. Новомбергский // *Российский Д. М. Николай Яковлевич Новомбергский // Природа. 1950. № 5. С. 85–86*

Профессор Н. В. Гутовский // *Томский технологический институт за 25 лет своего существования (22 октября 1900–1925): юбилейный сборник. Томск, 1928. Вклейка в начале сборника*

Металлург В. Е. Грум-Гржимайло // *Уральский государственный технический университет. 1920–1995 гг.: Исторический очерк / отв. ред. Б. В. Личман. Екатеринбург, 1995. С. 19*

15 апреля горно-металлургический отдел ВСНХ утвердил положение о проведении конкурса «на проект создания единой хозяйственной организации, охватывающей горно-металлургическую промышленность Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна». К разработке проекта были привлечены Академия наук, петроградские, уральские и сибирские ученые. Урало-кузнецкая проблема заняла ведущее место на Первом всероссийском съезде совнархозов (26 мая — 4 июня 1918 г.). Съезд отверг нападки на проект пессимистов, «левых коммунистов» и принял резолюцию, в которой призвал обратить серьезнейшее внимание на развитие производительных сил России и, в частности, на создание прочной металлургической базы на Урале путем организационно-технического объединения промышленной жизни Урала и Западной Сибири².

Однако выполнение практических работ стало невозможным вследствие развернувшейся в стране Гражданской войны, прихода к власти на Урале и в Сибири белогвардейских правительств.

С восстановлением советской власти в Сибири исследования по хозяйственной интеграции Урала и Кузнец-

кого бассейна возобновились. Весной 1921 года Президиумом ВЦИК был одобрен последний вариант Урало-Кузнецкого проекта, подготовленного Обществом сибирских инженеров, работа над которым началась еще в 1918 году (Общество получило разрешение ВСНХ на его разработку в сметном порядке). Коллектив ученых и инженеров возглавил профессор Томского технологического института

Н. В. Гутовский. Предусматривалось строительство трех современных металлургических заводов на кузбасском коксе на Урале и одного — в Кузбассе (с выплавкой по 50 млн пудов чугуна ежегодно) на тельбесских рудах; перевод уральской металлургии на минеральное топливо, строительство новых железнодорожных линий и водных путей, соединяющих два региона. Работы планировалось выполнить в течение 11 лет³.

Урало-сибирский проект видного уральского металлурга В. Е. Грум-Гржимайло объединял Урало-Кузнецкий и Северный (по которому развитие уральской железодобывающей промышленности осуществлялось исключительно на древесном топливе)

проекты — предполагалась плавка на кузнецком коксе только сернистых уральских руд. Существовали и другие варианты комбинирования урало-сибирского хозяйства.

Сибирскими экономистами выдвигались и более реальные, на их взгляд, проекты социально-экономического развития региона. Профессор Н. Я. Новомбергский вопросы экономической политики связывал с сельскохозяйственным, а не промышленным развитием Сибири. «Пока что идея Урало-Кузнецкого комбината, — писал ученый, — преждевременна. Ее реализация требует слишком больших затрат, что в ближайшие годы и при настоящих условиях неосуществимо. Возможен подвоз кузнецкого угля на Урал, но было бы наивно предполагать, что при настоящей разрухе возможно в ближайшее время развить металлургическую промышленность в Сибири»⁴.

Для всех выдвинутых проектов были характерны определенные технологические недостатки, которые ограничивали возможность их практического осуществления (например, расчеты на доставку кокса на Урал водным путем или северным железнодорожным путем и др.). Но самый главный недостаток, по мнению исследователей, состо-

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 182–183.

² Подробно см.: Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966. С. 39–44; Гаврилов Д. В. У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург, 2010. С. 69–74.

³ Подробно см.: Федорович И. И. Пути развития Кузнецкого бассейна // Кузнецкий бассейн: сб. статей. М., 1924. С. 68–86; Федорович И. Урало-Кузнецкая проблема. М.; Л., 1926. С. 23–46.

⁴ Цит. по: Тимошенко В. П. Урало-Кузнецкая проблема в дискуссиях и решениях советского правительства в 1920-е годы // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации... С. 156–157.

ял в том, что урало-кузнецкая проблема рассматривалась в отрыве от планов экономического развития других районов страны¹.

Новый этап в разработке урало-кузнецкой проблемы был связан с планом ГОЭЛРО (одобрен на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г.), научная концепция которого состояла в рассмотрении народного хозяйства как целостной системы. При этом ключевым фактором развития должна была стать электрификация страны. В плане определялись тенденции, структура и пропорции развития не только отраслей народного хозяйства, но и конкретных регионов, предложен принцип экономического районирования России исходя из соображений близости источников сырья, сложившегося территориального разделения и специализации труда, а также удобно организованного транспорта².

Идея комплексного развития Урала и Кузбасса нашла прямое отражение в документе: «До настоящего времени единственным известным угольным месторождением, которое во всех отношениях могло бы удовлетворить Урал, является Кузнецкий бассейн <...> Электрифицируя Кузнецкий район и усиливая параллельно с ним угольные разработки, мы одновременно даем потребное количество кокса на Урал и тем самым разовьем там металлургическую промышленность в виде готовых изделий, в которых так нуждается Сибирь; Урал отдаст ей свой долг и этим облегчит дальнейшее развитие Сибири»³. В плане ГОЭЛРО Кузнецкий бассейн охарактеризован как «район каменно-угольно-железной промышленности с широкими перспективами дальнейшего развития»⁴.

В документе особо подчеркнута, что «постройка электрических центральных в Кузнецком районе является вполне целесообразной». В Кузнецком районе было запроектировано строительство трех тепловых электрических станций первой очереди: Кемеровская (установленная мощность 60 тыс. кВт, 4 генератора; должна была охватить Томский и Мариинский районы), Горловская (60 тыс. кВт, 4 генератора; — Новониколаевский и Барнаульский районы) и Южная (75 тыс. кВт, 3 генератора; Бийский район)⁵. На осуществление программы строительства электростанций в Западной Сибири отводилось 10 лет. Необходимые для этого средства планировали получить путем доставки на внешние рынки естественных ресурсов Сибири (хлеб, масло, лес), поэтому ставилась первоочередная задача для ре-

гиона — развитие водных и железнодорожного путей сообщения, в частности, предполагалось оборудовать водный путь Кузнецк — Тюмень для связи Южной Сибири с Уралом, а также строительство Южно-Сибирской магистрали с восточной веткой Кузнецк — Минусинск⁶.

Таким образом, план ГОЭЛРО включил Урало-Кузнецкий проект в рамки общего социально-экономического развития страны.

ОБРАЗОВАНИЕ АВТОНОМНОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КОЛОНИИ «КУЗБАСС». Однако до модернизации народного хозяйства Советской республики ключевой проблемой стало его восстановление после изнурительных и разрушительных войн (Первой мировой и Гражданской). В восстановительный период допускалась возможность предоставления на определенных условиях концессий иностранному капиталу как одно из средств привлечения технической помощи Советской России со стороны передовых в техническом отношении капиталистических стран. В плане ГОЭЛРО Кузнецкий бассейн намечался в качестве объекта концессии: «Колоссальное богатство этого района самыми ценными углями, близкое соседство с довольно значительными рудными месторождениями (Тельбес) и общее богатство этого края требуют здесь самой широкой постановки предприятий и привлечения к сотрудничеству заграничного капитала»⁷.

В это же самое время появилась иная возможность в организации технической помощи. Международный пролетариат выразил искреннее желание помочь молодой республике в восстановлении хозяйства. В адрес советского правительства поступали многочисленные заявления иностранных рабочих и инженеров, в которых они предлагали свои услуги; многие приезжали в Советскую Россию стихийно.

Прибывшие на III конгресс Интернационала и I конгресс Профинтерна Себальд Рутгерс, Герберт Кальверт и Уильям (Вильям) Хейвуд обсудили с некоторыми делегатами и членом президиума ВСНХ инженером Л. Мартенсом предложения по оказанию экономической помощи Советской России в восстановлении и развитии предприятий Кузбасса, о чем известили в письме (на английском языке) от 12 июня 1921 года председателя СНК В. И. Ленина⁸.

22 июня 1921 года Совет труда и обороны принял постановление, имевшее целью удовлетворить желание рабочих зарубежных стран принять участие в строительстве промышленности, а также использовать промышленную эмиграцию рабочих для поднятия производительных сил Советской России. С. Рутгерсу и его сотрудникам (12–16 человек) предоставлялась возможность немедленно выехать на Урал и в Кузнецкий бассейн для выяснения на месте предприятий и источников сырья, которые могут быть

1 Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс... С. 75–76.

2 Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 105–106.

3 План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955. С. 604, 615.

4 План электрификации РСФСР... С. 600–601.

5 План электрификации РСФСР... С. 609–611. В приложенной к плану карте Кемеровская электростанция названа Усть-Искитимской, Южная — Кузнецкой, Горловская — Ургунской. Последняя проектировалась на территории современного Искитимского района Новосибирской области (Горловское месторождение каменного угля выявлено в северо-западной части бассейна, в 60 верстах к юго-востоку от г. Новониколаевска).

6 План электрификации РСФСР... С. 611–614.

7 План электрификации РСФСР... С. 209. См. также: Рутгерс С. Встречи с Лениным // Историк-марксист. 1935. № 2–3. С. 94.

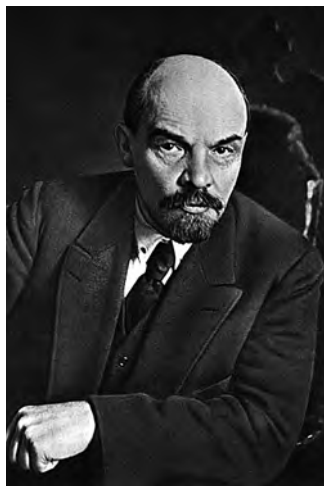
8 Перевод письма см.: Организация автономной колонии американских рабочих «Кузбасс» (1921–1923 гг.) // Исторический архив. 1961. № 2. С. 71–74. В публикации датировка письма ошибочна — 21 июня.

предоставлены американской промышленной эмиграции¹.

Так было положено начало уникальному международному проекту, равного которому не было не только в нашей стране, но и во всем мире, — Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». По наблюдению исследователя проблемы Л. Ю. Галкиной, АИК «Кузбасс» явилась результатом «слияния стремления Советского государства укрепить свое международное положение и экономику, используя помощь зарубежных трудящихся, с идиллическо-романтическим стремлением части радикалов Европы и Америки отдать личные сбережения и труд стране первой социалистической революции, которая пробудила надежды широких масс на достижение социального и экономического равенства»².

Активное участие в создании АИК «Кузбасс» принял председатель СНК и СТО РСФСР В. И. Ленин. В его наследии — около двух десятков писем, телеграмм, записок различным адресатам, отражающих процесс организации колонии³. 25 октября 1921 года на заседании СНК был утвержден проект договора СТО с организационной группой американских рабочих об эксплуатации ряда предприятий Кузбасса и Сибири. 22 ноября после некоторых редакционных поправок и перевода на английский язык текст договора был подписан инициативной группой С. Рутгерса, а 26 ноября — В. И. Лениным⁴.

Согласно договору, организационная группа создает с целью эксплуатации ряда предприятий «промышленный коллектив». Коллектив образует советское государственное предприятие, вся продукция которого принадлежит советскому правительству. Одним из важных пунктов договора было обязательство коллектива поднять производительность труда не менее чем вдвое против фактической выработки текущего года. В Кузбассе колонисты получали Кемеровский район с угольными копями, строящимся коксохимическим заводом, а также большим земельным участком для организации сельскохозяйственной фермы. Передача сибирских предприятий правлению колонии была осуществлена 1 октября 1922 года; начиная

В. И. Ленин

С. Рутгерс в день его 47-летия (25 января 1926 г.) // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

с этого дня государственное предприятие АИК «Кузбасс» считалось учрежденным⁵.

В 1923 году был разработан и утвержден устав АИК «Кузбасс». Согласно одному из пунктов устава, автономной колонии «присваивается в отношении однородных предприятий исключительное право пользования наименованием „КУЗБАСС“». Организация имела свою печать и была юридическим лицом, действующим на основе хозяйственного расчета. Уставной капитал составлял 8 406 187 золотых рублей. АИК «Кузбасс» имела право «распоряжаться предоставленным ей имуществом для осуществления хозяйственных и торгово-промышленных задач с целью извлечения прибыли и обязана существовать на счет средств, предоставленных по уставу, и сохранить предоставленный ей уставной капитал». Для управления АИК было создано правление из трех человек, назначаемых СТО СССР, один из них был председателем. Правление отчетывалось непосредственно перед Советом народного хозяйства СССР. Оно имело право вести всю хозяйственную деятельность, заключать любые договора, нанимать персонал. Для финансирования предприятий правление имело право привлекать государственный, кооперативный и даже частный капитал путем выпуска облигаций⁶.

2 марта 1924 года в 12 часов в Кемерове в присутствии полутора тысяч рабочих и крестьян под звуки «Интернационала» был торжественно открыт первый в Сибири химический завод, произведен первый выпуск кокса. В телеграмме в Сиббюро ЦК РКП(б) и в Сибревком, отправленной по этому пово-

ду, отмечалось: «Рабочим классом при помощи центральных местных органов власти, профсоюзных организаций, иностранных пролетариев — членов колонии АИК „Кузбасс“ одержана значительная победа на трудовом фронте»⁷.

Открытие Кемеровского химзавода положило начало осуществлению Урало-Кузнецкого проекта. 4 марта был заключен первый договор с «Уралметом» о поставке 35 тысяч тонн кемеровского кокса. 13 июня переведена на кузнецкий кокс первая доменная печь на Урале, на Нижнесалдинском заводе. В декабре в доменной печи Нижнетагильского завода произведена опытная плавка чугуна на каменном угле пласта Мощного Прокопьевского месторождения. В 1924—

¹ Постановление СТО РСФСР «Об американской промышленной эмиграции», 22 июня 1921 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 69, 71.

² Галкина Л. Ю. Уникальный международный проект в Сибири // Балибаловские чтения. Кемерово, 2011. Вып. 6. С. 25.

³ С Лениным в сердце... № 17–25, 27–36, 39–42.

⁴ Текст договора по подлиннику опубликован в: Организация автономной колонии американских рабочих «Кузбасс» (1921–1923 гг.) // Исторический архив. 1961. № 2. С. 87–90.

⁵ Договор СТО РСФСР «Об организации «АИК «Кузбасс»». 25 декабря 1922 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 114 (п. 3).

⁶ Устав АИК «Кузбасс», 1923 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–17.

⁷ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 133.

1925 годах уже ряд доменных печей Урала был переведен на минеральное топливо Кузнецкого бассейна¹.

После восстановления топливной промышленности и транспорта первоочередное внимание со стороны государственных и партийных органов стало уделяться металлургии. XIV конференция ВКП(б) (апрель 1925) признала сооружение новых заводов металлопромышленности первоочередной задачей. В тезисах доклада председателя

И. И. Федорович на прогулке со своими собаками. Томск, 1916 // Волкова З. Ф. Герой не нашего времени // Красная горка. Вып. 8. Кемерово, 2007. С. 33

ВСНХ Ф. Э. Дзержинского были указаны три района строительства новых заводов черной металлургии: юг (Запорожье), Урал и Кузбасс². В декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) поручил ЦК партии в области экономической политики «держат курс на индустриализацию страны»³.

Поворот к новому этапу в истории Советского государства — периоду социалистической индустриализации — вызвал широкую общественную кампанию по ее реализации. Так, в полемике за исключительное право на развитие черной металлургии имели место попытки противопоставить украинскую и сибирскую угольно-металлургические базы⁴.

В резолюции I Всесоюзного съезда президиумов Госплана СССР и госпланов союзных республик с участием местных плановых органов (март 1926) по докладу председателя Уральской плановой комиссии Гольдича подчеркнуто: «Учитывая огромную важность проблемы объединения уральских железных руд с углями Кузнецкого бассейна, съезд считает необходимым принятие мер к разработке и практической постановке урало-кузнецкого проекта как одного из крупнейших капитальных сооружений Союза»⁵.

Одним из активнейших ратателей проекта был бывший директор-распорядитель АО «Копикуз», сотрудник Госплана Иосиф Иосифович Федорович (1875–1937). Он окончил реальное училище в городе Николаеве, а в 1900 году — Горный институт. Служил на рудниках Донецкого бассейна, в 1913 году стал директором-распорядителем, председателем временного правления АО «Копикуз». С января 1920 года заведовал горнотехническим отделом «Сибугля». В июне 1920 года по распоряжению председателя ВСНХ Рыкова был откомандирован в «Главуголь». В апреле 1928 года его арестовали по шахтинскому делу, одновременно он проходил по делу промпартии, обвинен в «подрыве государственной промышленности» и осужден на 10 лет лишения свободы. В 1932 году после пересмотра дела оставлен в ссылке в Караганде, работал в тресте «Карагандауголь». Повторно арестован 20 января 1937 года по обвинению в «контрреволюционной террористической диверсионной организации, проводившей вредительскую работу, направленную на сдерживание темпов развития Карагандинского угольного бассейна». В ходе следствия и на суде вины не признал, приговорен к расстрелу. Реабилитирован 21 сентября 1957 года Верховным судом СССР за отсутствием состава преступления⁶.

Для развертывания Урало-Кузнецкого проекта Федоровичем И. И. была представлена возможная программа действий. Составной ее частью должно было стать создание Кузнецкого металлургического комбината, включающего в свой состав горнозаводские единицы (месторождения магнитного железняка, каменных углей, Гурьевский металлургический завод, подсобные предприятия: кирпичный завод, лесопильный завод, Сад-город). Задачи комбината: выплавка чугуна (в 1934/35 году — до 20 млн пудов), производство стали, добыча руд, каменного угля и прочих ископаемых, необходимых в процессах металлургии, производство кокса с улавливанием побочных продуктов. Необходимо было первую доменную печь задуть не позднее 1929 года, а в 1935–1936 годах — не менее четырех доменных печей. «Кузнецкий бассейн, получив столь мощный комбинат с вполне современным заводом и всеми

1 Павлов М. А. О выплавке чугуна на минеральном горючем на Урале // Журнал Русского металлургического общества. 1925. № 1. С. 197–228.

2 Дзержинский Ф. Э. Очередные задачи промышленной политики: сб. статей. М.; Л., 1925. С. 89.

3 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. С. 429.

4 Сибирь на пороге нового тысячелетия. Новосибирск, 1999. С. 13.

5 Цит. по: Полянская Е. М. Из истории социалистической индустриализации Сибири // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 21.

6 Подробнее: ГАК. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1384 (личное дело 1920 г.); Калишева Г. Иосиф, сын Иосифа // Кузбасс XXI век. 2007. № 8. С. 6–9; Копикуз. Кемерово, 2012. С. 115–116. В 1933 году к Федоровичу в Караганду приезжал писатель А. А. Бек, издавший в 1939 году биографическую повесть «Курако» (первоначальное название «Копикуз»), в которой образ И. И. Федоровича выведен в персонаже по фамилии Кратов.

вспомогательными предприятиями, могущий давать наиболее дешевый в Союзе металл, — заключал И. И. Федорович, — явится основой для крупной сибирской промышленности, для индустриализации сельского хозяйства. Дешевый металл, удовлетворив все местные нужды, может выйти на рынки Туркестана, Персии, Монголии и Китая и будет способствовать развитию сношений с дружественными нам народами Востока»¹.

Восстановление угольной промышленности. Начиная с операционного 1922/23 года новая экономическая политика качественно повлияла на развитие каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна, был вызван к жизни новый фактор, определяющий производственные процессы, — конъюнктура топливного рынка, что обусловило необходимость перевода угольных предприятий на хозрасчетную основу.

Управление угледобычей стало осуществляться Государственным объединением каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна «Кузбасстрест» и Автономной индустриальной колонией «Кузбасс».

Государственное объединение «Кузбасстрест» действовало на правах общесоюзного хозрасчетного треста, находилось в подчинении Главного управления по топливу ВСНХ (с 11 августа 1923 г. — Главного горного управления ВСНХ). На него было возложено управление каменноугольными и металлургическими предприятиями Кузнецкого бассейна, структурно это угольные районы: Анжеро-Судженский, Ленинский (Кольчугинский), Южнокузнецкий, Минусинский и Гурьевский завод. «Кузбасстрест» осуществлял организационное руководство и контроль над ведением геологических разведок залежей полезных ископаемых, производством кокса и металла, ведением эксплуатационных работ². Первым управляющим «Кузбасстрестом» стал В. М. Бажанов (1889–1939). Он состоял в РСДРП(б) с 1910 года, был выпускником Горного института (1917). С 1918 года был председателем правления Главугля ВСНХ, с 1922 по 1924 год — председателем правления, управляющим «Кузбасстрестом», затем — заведующим промышленной секцией Госплана РСФСР, главным редактором журнала «Уголь». Арестован в мае 1937 года, приговорен к расстрелу. Реабилитирован 28 января 1956 года.

Рудники Кемеровского района перешли в ведение АИК «Кузбасс» (председатель правления С. Рутгерс). Основная задача колонии состояла в налаживании коксового производства для металлургической промышленности. Подготовительный период в организации деятельности АИК «Кузбасс» прошел с августа 1922 по март 1923 года, когда были проведены работы по принятию Кемрудника под оперативный контроль (передаточный акт между «Кузбасстрестом» и правлением АИК «Кузбасс» подписан 4 марта).

Отсутствие необходимости развивать добычу угля в авральном режиме (как в 1920–1921 гг.) и стремление привести горные работы в эксплуатационных шахтах в надлежащее состояние позволили провести концентрацию угольных предприятий.

В 1921–1922 годах в Кузбассе действовало 39 шахт и штолен, большинство (почти 80 %) имели годовую добычу менее 3 млн пудов. В 1924–1925 годах число угольных предприятий в бассейне сократилось до 15, но более половины из них обеспечивали добычу свыше 48 тыс. тонн (3 млн пудов), а три шахты — свыше 80 тысяч тонн (5 млн пудов) в год. С 1921 по 1924 год среднегодовая нагрузка на одну шахту выросла в два с лишним раза — с 23 до 48 тыс. тонн. Остановлены те шахты, которые носили разведочно-эксплуатационный характер и были нагружены добычей в годы острого топливного кризиса, трудовых мобилизаций и широкого применения неквалифицированной рабочей силы. Проводимые мероприятия были связаны и с сокращением числа рабочих³.

В таблице 48 представлена динамика добычи угля в 1922–1928 годах. Реорганизация угольной промышленности в регионе положительно отразилась на уровне добычи угля, в 1922 году рост составил более 16 %. Топливный кризис в Сибири был ликвидирован. В 1923 году кризис сбыта (из-за дороговизны угля и нехватки транспорта) привел к падению добычи угля почти на 2 %.

Основным потребителем кузнецкого угля оставалась железная дорога (в 1922 году — 80 % добытого угля⁴). Задача состояла в том, чтобы организовать более широкий сбыт минерального топлива. С этой целью в январе 1924 года был введен льготный тариф на перевозки кузнецкого угля и кокса до всех станций Пермской и Самаро-Златоустовской железных дорог со ставкой 1/150 коп. с пудо-версты (0,38 коп. с тонно-километра) при маршрутных перевозках⁵. Это имело большое значение как для реконструкции (минерализации) уральской металлургии, так и для развития промышленности Кузнецкого бассейна. Кузнецкий уголь начал выходить за Урал и в европейскую часть страны. Удельный вес промышленности в потреблении кузнецкого угля увеличился, что создавало предпосылки для роста угледобычи в Кузбассе.

Сорт (марки) добываемого угля определил основных потребителей минерального топлива. Так, паровичные угли Анжерки и Судженки снабжали сибирский транспорт, промышленность и города; Ленинский район, дающий газовые угли, ориентировался на развитие коксового производства на месте и на Урале; Южно-Кузнецкий район поставлял высокосортные флотские угли. В 1924–1925 годах спрос на кузнецкий уголь со стороны внесибирских потребителей повысился по сравнению с предыдущим годом на

1 Федорович И. И. Роль Кузнецкого бассейна в промышленности Союза // Федорович И. И., Лепешинский В. В., Главацкий А. А. Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. Харьков, 1926. С. 81–87.

2 Дерюшев А. В., Гузьяева Е. А. Управление угольной промышленностью Кузбасса в 1920–1990 гг. // Вестник КузГТУ. 2010. № 2. С. 143.

3 Бажанов В. Кузнецкий бассейн // Кузнецкий бассейн: сб. статей. М., 1924. С. 15–16; Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 50.

4 Федорович И. И. Роль Кузнецкого бассейна в промышленности Союза... С. 9.

5 Там же. С. 10–11.

Добыча угля в Кузбассе в 1922–1928 годах, тыс. тонн

Год	Анжеро-Судженский		Кемеровский		Ленинский		Южнокузбасский		Всего	
	факт	%	факт	%	факт	%	факт	%	факт	%
1922	401,3	44,1	131,0	14,4	191,7	21,1	185,1	20,4	909,1	+16,3
1923	437,4	49,0	111,4	12,5	163,8	18,3	180,2	20,2	892,8	-1,8
1924	473,4	49,7	152,3	16,0	178,6	18,7	147,4	15,5	951,7	+6,6
1925	547,1	55,7	173,6	17,7	180,2	18,3	81,9	8,3	982,8	+3,3
1926	874,0	50,9	264,3	15,4	371,9	21,7	205,3	12,0	1715,5	+74,5
1927	1020,2	43,8	350,6	15,1	548,3	23,5	409,8	17,6	2328,9	+35,7
1928	1032,5	43,2	338,5	14,2	577,1	24,2	438,9	18,4	2387,0	+2,5

Источник: Кузнецкий угольный бассейн: стат. справочник. М., 1959. С. 98–99. Процентное соотношение высчитано авторами.

Таблица 49

Распределение сбыта угля по категориям потребителей в 1922–1925 годах, тыс. тонн

Год	Железная дорога	Водный транспорт	Промышленность	Коксование	Волосвет	Военвед	Прочие	Итого
1922/23	547,1	22,9	59,0	18,0	19,7	8,2	49,1	724,0
1923/24	440,6	37,7	114,6	98,3	26,2	4,9	34,4	756,7
1924/25	529,1	27,8	162,2	131,0	32,6	4,9	81,9	969,7

Источник: Федорович И. И., Лепешинский В. В., Главацкий А. А. Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. Харьков, 1926. С. 10. В источнике показатели приведены в млн пудов.

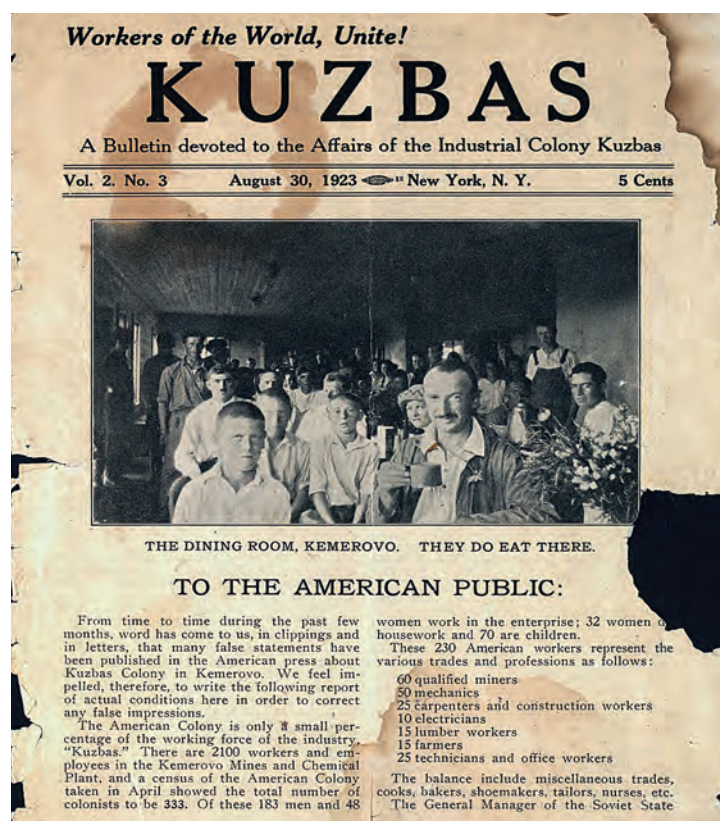
82,4 %¹. Постоянными потребителями кузнецких углей стали Балтийский флот, химическая промышленность Урала и зарождавшаяся сибирская промышленность.

В АИК сложился интернациональный состав служащих и рабочих (более 30 национальностей). Крупнейшими зарубежными группами были финская, американская, немецкая и югославская. В профессиональном отношении наиболее многочисленными были шахтеры, слесари и механики, строители. Около 80 % прибывших в колонию рабочих имели высокую квалификацию. Значительную часть колонистов составляли инженерно-технические работники. Всего за годы существования АИК из-за рубежа приехали не менее 635–640 человек (более трети приходилось на иждивенцев)².

Деятельности АИК уделялось внимание в заграничной печати. В Нью-Йорке организационный комитет предприятия издавал специальный бюллетень Kuzbas, где пи-

¹ О состоянии сибирской промышленности в 1924/25 г. Из доклада Сиббюро ВСНХ. Октябрь — ноябрь 1925 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 164.

² Галкина Л. Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Кемерово, 2011. С. 136, 198.

Титульный лист бюллетеня «Kuzbas». 1923. № 3. 30 августа

сали не только об индустриальной колонии, но и вообще о строительстве в Советской России.

6 июня 1924 года СТО СССР поручил комиссии, организуемой Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ), обследовать положение дел на предприятиях АИК и «Кузбасстреста». Поводом послужило неблагоприятное для АИК заключение, составленное в марте в НКРКИ. Необходимо отметить, что деятельность индустриальной колонии встретила сопротивление определенной части старых специалистов как в центральных учреждениях (член Госплана И. И. Федорович), так и в Кемерово. Так, С. Рутгерс в заявлении в комиссию СТО СССР сообщал об исчезновении планов сооружения химического

завода (убывший из города инженер И. И. Лоханский передал их бывшему управляющему Кемеровского района Р. Э. Ангевичу, который вывез документы в Новониколаевск), а также о диверсии накануне пуска химзавода (в январе 1924 г. в подшипниках трансмиссии здания дробилки и подшипниках турбогенератора обнаружен песок). Имел место факт отказа со стороны «Кузбасстреста» в отпуске АИК кольчугинского угля, идущего в состав смеси, необходимой для кокса; чтобы не останавливать печи, пришлось выпустить брак¹.

Обследование комиссией СТО СССР (председатель Н. П. Растопчин) деятельности двух хозяйственных субъектов позволило прийти к заключению об эффективности АИК «Кузбасс».

Таблица 50

Результаты обследования АИК «Кузбасс» и «Кузбасстреста» комиссией Совета труда и обороны в 1924 году

Критерий проверки	АИК «Кузбасс»	«Кузбасстрест»
Административные штаты	«Не преувеличены»	«Раздутые»
Организация труда	Прогрессивная сдельщина и премирование; разделение труда	«Повышающие производительность труда факторы отсутствуют»
Средняя зарплата горнорабочего (Х.1923–VI.1924)	32,35	19,85
Выходы на работу горнорабочих	93 %	62–74 %
Производительность труда забойщика (1922/23–1923/24)	+28 %	– 9 %
Финансовое состояние (на 1.X.1923)	589 тыс. руб. без задолженности и необходимости в оборотных средствах	1 млн 369 тыс. руб. при потребности в 2 млн 200 тыс. руб.

Источник: Из доклада председателя комиссии СТО СССР Н. П. Растопчина в СТО и НКРКИ СССР об итогах обследования предприятий Кузбасса. 18 сентября 1924 года // Исторический архив. 1961. № 3. С. 148–150.

Следствием работы комиссии СТО СССР стала реорганизация «Кузбасстреста». Из его ведения АИК «Кузбасс» с 1 января 1925 года были переданы Ленинский и Южный угольные районы, а также Гурьевский завод². Шахты Минусинского района, объединенные в трест «Хакуголь», были подчинены Красноярскому губсовнархозу.

¹ Деятельность «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» и ее оценка в документах СТО СССР (1922–1926 гг.) // Исторический архив. 1961. № 3. С. 147, 151–152.

² Постановление СТО СССР о передаче «АИК Кузбасс» Ленинского и Южного районов Кузнецкого каменноугольного бассейна и Гурьевского завода. 12 ноября 1924 года // Исторический архив. 1961. № 3. С. 157–158.

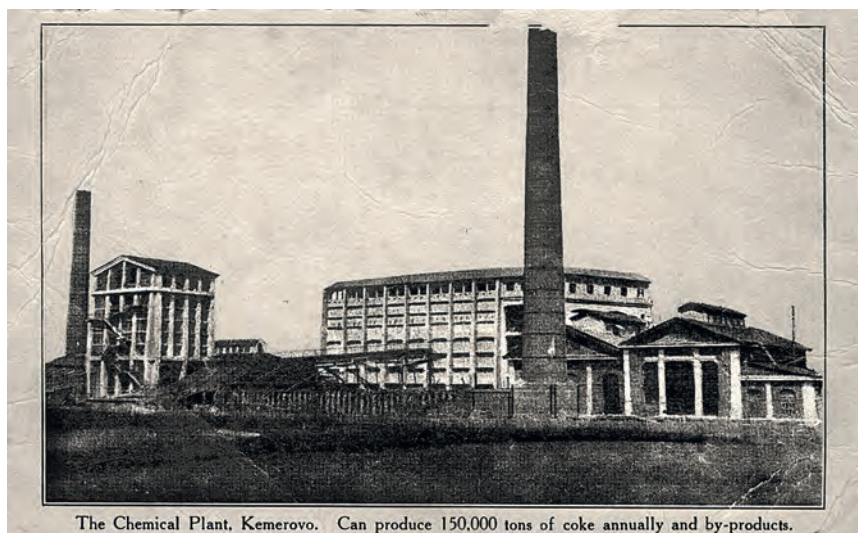
Доменная печь Гурьевского завода (Домна Гурьевна). 1920-е // Гурьевский городской краеведческий музей. ОФ. № 3202

В ведении «Кузбасстреста» остался только Анжеро-Судженский район. В. М. Бажанов был отозван в Москву, управление треста переведено из Новониколаевска в Анжеро-Судженск.

В первой половине 1920-х годов Гурьевский завод стал самостоятельной металлургической единицей. Были построены огнеупорная фабрика, литейная мастерская, котельно-мостовой цех, сооружены мартеновская печь и прокатная мастерская с двумя среднесортными станами. В 1924 году доменная печь (Домна Гурьевна) перешла к плавке на угле пласта Мощный Прокопьевского рудника. Домна давала хорошего качества передельные и литейные чугуны и закончила кампанию плавкой на ферромарганец без резкого повышения расхода топлива. Таким образом, переустройство Гурьевского завода давало возможность Кузнецкому бассейну снабжать себя чугуном, сортовым железом, рудничными рельсами, железными конструкциями и оборудованием³.

Присоединение из «Кузбасстреста» финансово построенных предприятий сказалось на производственных показателях АИК в 1925 году. Для восстановления финансового положения потребовалась государственная дота-

³ Федорович И. И. Пути развития Кузнецкого бассейна... С. 48; Федорович И. Урало-Кузнецкая проблема... С. 73–75.

Общий вид Кемеровского коксохимзавода. Почтовая карточка. 1920-е

ция в 250 тысяч рублей. Большие остатки добытого угля на Ленинском и Прокопьевском рудниках (около 20%) вызвали кризис сбыта, что заставило пойти на снижение добычи (в Южном районе на 45,3%¹). Это вызвало и сокращение числа рабочих на 22%, их численность составила 3 450 человек. Сокращение произведено было равномерно по группе вспомогательных рабочих и производственной группе горнорабочих. Среди принятых мер — поднятие трудовой дисциплины. Прогулы в Прокопьевском руднике удалось снизить к концу года с 4,5 до 1,2%. Рост производительности труда на 24% отстал от роста зарплаты, что объяснялось повышением заработка во II квартале по Ленинскому и Прокопьевскому рудникам после присоединения, без соответствующего увеличения норм выработки. Себестоимость угля в отчетном году удалось снизить на 11%: с 8,08 до 7,16 рубля за тонну.

В коксохимическом производстве число рабочих составило 513 человек против 274 в 1923/24 году. Выжжено было 76 тысяч тонн, что составило 90% от программы и 116% от 1923/24 года. Выход кокса несколько повысился: 68,9 против 68%. Себестоимость кокса за тонну снизилась с 19,90 до 16,50 рубля.

На Гурьевском металлургическом заводе была произведена выплавка 3,5 тыс. тонн чугуна, что составило 82% от программы и 91% от предыдущего года. Недовыполнение плана произошло вследствие затянувшегося капитального ремонта домны. Выход чугуна составил 57%, превысив на 10% выход 1923/24 года. Себестоимость одной тонны чугуна снизилась с 66,4 до 57,7 рубля, то есть на 13%².

В целом уровень добычи угля в Кузбассе в 1925 году несущественно (3,3%) превысил показатели предыдущего года.

В провозглашенном курсе на индустриализацию весьма существенная роль отводилась угольной промышленности Сибири, что определило рост ее финансирования. В 1926 году вливания в отрасль составили 6,9 млн рублей, что втрое превысило показатель 1925 года. Это позволило в 1926–1927 годах в Кузбассе развернуть строительство нескольких новых и осуществить реконструкцию действующих шахт. Стала расти и численность шахтеров. Количество горняков в течение одного года (июль 1925 — июнь 1926) на шахтах в Ленинском районе увеличилось на 44%, в Анжеро-Судженском — на 99%. Кадры пополнялись из оказавшихся временно безработными рабочих и крестьян. Как следствие этого — опережающие темпы роста

добычи угля в регионе. В 1926 году объем добытого угля впервые превысил показатель пикового 1917 года. В 1927–1928 годах 76,5% всей добычи угля в Сибири добывалось в Кузбассе³.

Острой оставалась проблема производства кокса. Недостаток топлива задерживал дальнейшее развитие уральской металлургии. Поэтому в Кемерове развернулось строительство второй батареи коксовых печей. С ее пуском выжиг продукта в 1925–1926 годах достиг 128 500 тонн против 76 400 тонн за предыдущий год. Несмотря на это, потребности уральской металлургии были удовлетворены только наполовину. Центральные организации обязывали АИК «Кузбасс» «срочным образом провести мероприятия по улучшению качества кокса и последовательному поднятию выжига до 40 млн пудов» (655,2 тыс. тонн)⁴.

Производственная программа предприятия в 1925–1926 годах была выполнена по добыче угля (180,2% от предыдущего года) и производству химпродуктов. Однако не достигли программных производительность труда (88,4%) и заработная плата (99,2%). Выше установленных заданием оказались себестоимость угля (117,9%) и кокса (106%), число трудящихся (115%). Из отпущенных на капитальное строительство средств было освоено только 68,7 процента. В результате убытки АИК по углю составили 264 тысячи рублей, коксу — 186 тысяч рублей, химпродуктам — 78,9 тысячи рублей, продукции Гурзавода — 115 тысяч рублей. Работа колонии за год была признана неудовлетворительной⁵.

1 О состоянии сибирской промышленности в 1924/25 гг. Из доклада Сиббюро ВСНХ. Октябрь — ноябрь 1925 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 164.

2 Доклад ВСНХ СССР в СТО СССР о деятельности «АИК Кузбасс» в 1924/25 операционном году и о его финансовом положении на 1 октября 1925 года. 24 мая 1926 года // Исторический архив. 1961. № 3. С. 159–163.

3 Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996... С. 52, 139.

4 Полянская Е. М. Автономная индустриальная колония «Кузбасс» (1921–1927 гг.) // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957. С. 134.

5 Галкина Л. Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс»... С. 129. См. также: О промышленном плане АИК на 1925–26 гг. Из протокола заседания Сибревкома. 12 авг. 1925 года // Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 159–162.

Прокопьевская спаскоманда. Фото Н. Г. Кусенко. 1927 // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

АИК «Кузбасс» явно не справлялась с возросшими производственными задачами. Одной из причин падения эффективности работы стала фактическая смена руководства правления. В июне 1926 года С. Рутгерс, нуждавшийся в лечении и отдыхе, выехал в Голландию. В апреле того года его заместителем по рекомендации Г. Л. Пятакова был назначен К. Н. Коробкин, который фактически взял курс на превращение АИК в обычное советское предприятие. Коробкин резко критиковал работу иностранного руководства колонии, выражал неуверенность в ее рентабельности. Новый руководитель окружил себя привезенными из Донбасса специалистами (около 40 человек), льстившими ему и получавшими взамен разные льготы. 5 ноября 1926 года С. Рутгерс, обеспокоенный жалобами колонистов, послал подробное письмо В. В. Куйбышеву, настаивая на снятии Коробкина¹. В срочном порядке С. Рутгерс прибыл в Москву на совещание в ЦК. Требование готовы были удовлетворить лишь при условии взятия Рутгерсом на себя полного руководства и ответственности за вхождение АИК в общую хозяйственную систему. Это не устроило уже самого С. Рутгерса².

19 ноября 1926 года СТО СССР принял постановление о реорганизации АИК «Кузбасс» на началах его подчинения ВСНХ СССР, но 22 декабря в дополнение к нему объ-

1 1 мая 1927 года К. Коробкин был освобожден от должности председателя правления (исполнять обязанности поручили П. Э. Бегеману) и с некоторыми своими приближенными предстал перед судом. Суд установил убытки колонии в 4 917 550 руб. и приговорил бывшего председателя правления к 8 годам лишения свободы.

2 Галкина Л. Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс»... С. 123, 130–131, 195.

явил договор с предприятием расторгнутым и предложил ВСНХ разработать проект устава треста, объединяющего все заведения, находящиеся в ведении АИК. В сентябре 1927 года этот трест получил новое название «Государственное объединение каменноугольной, металлургической и химической промышленности» («Кузбассуголь»)³. Его управление разместили в Новосибирске (руководители — И. Н. Котин, затем Я. К. Абрамов).

Однако существование двух трестов («Кузбасстрест» и «Кузбассуголь») на территории Кузнецкого бассейна затрудняло управление. Постановлением ВСНХ СССР от 29 июля 1928 года два треста были объединены в единый Государственный трест каменноугольной промышленности Сибири («Сибуголь»). Трест начал функционировать с 1 октября этого года⁴.

Энергетическое строительство в Кузбассе разворачивалось медленно в силу взятого в это время курса на сооружение разобщенных электростанций средней мощности для нужд отдельных предприя-

тий. В 1924 году вошла в строй ТЭЦ Кемеровского химического завода мощностью 1 тыс. кВт, на электростанции Ленинского рудника введен в действие турбогенератор мощностью 500 кВт. В 1927 году выдал энергию первый генератор Анжерской электростанции мощностью 1 300 кВт. К началу I пятилетки суммарная мощность электростанций Кузбасса достигла 8 тыс. кВт. Электростанции оснащались преимущественно импортным оборудованием: фирм «Лаваль», «Леснер-Шуккерт», «Вольф», «Метро Виккрес»⁵.

Восстановительный период угольной промышленности Кузбасса завершился. Уровень добычи угля в регионе с 1921 по 1928 год увеличился в три раза, возросли производительность труда и уровень заработной платы⁶. Среди негативных процессов этого периода отмечается недостаточное финансирование геологоразведочных работ, значительные колебания годовых заданий по угледобыче, маломощные рудничные электростанции, не позволившие развернуть механизацию горных работ. Удельный вес кузбасского угля в масштабах страны оставался еще весьма скромным — чуть более 7%.

3 Деятельность «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» и ее оценка в документах СТО СССР (1922–1926 гг.) // Исторический архив. 1961. № 3. С. 135, 163.

4 Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996... С. 123.

5 Алексеев В. В. Электрификация Сибири: Историческое исследование. Новосибирск, 1973. С. 97–98.

6 По сведениям С. Рутгерса, с 1922/23 по 1925/26 год в Кемеровском районе производительность труда рабочего увеличилась на 300%, горнорабочего — на 233%, заработная плата увеличилась вдвое. См.: Рутгерс С. Встречи с Лениным... С. 96–97.

В конце 1920-х — 1930-х годах популярным жанром периодики стал очерк. Строго ориентированный на современность и оперативность, он сочетал в себе черты публицистичности и документализма. Многие произведения в этом стиле презентации актуальной повседневности были выполнены М. А. Никитиным (1902–1973)¹, которого, по мнению Л. Якимовой, можно назвать летописцем Кузбасса². В апреле 1929 года М. Никитин побывал в шахте «Центральная» Кемеровского рудника и оставил превосходный материал о повседневном труде горняков 1920-х годов.

* * *

«Раскомандировка» — популярное горняцкое слово. Оно одновременно означает наряд на работу и помещение, в котором смена проводит свои тридцать минут ожидания перед спуском в шахту.

Раскомандировочная Центральной Кемеровской шахты ходит на второстепенный вокзал.

Серый свет дня скудно процеживается сквозь запыленные окна. Блеклые плакаты висят над квадратными оконцами, соединившими раскомандировку с комнатой десятников.

— Не кури в забое! — кричит первый плакат.

— Проверь крепления! — зовет другой.

Несоблюдение подземных законов приводит к катастрофам. Но шахтерам, конечно, известен подземный кодекс. Не обращая внимания на плакаты, они толпятся у свежей стенгазеты, бичующей прогульщиков.

Молодые, в большинстве случаев, шахтеры одеты в брезентовые куртки и брезентовые же штаны, заправленные в голенища огромных сапог. Засаленные рукавицы и мятые фуражки, с металлическими пластинками над козырьком, дополняют костюм шахтера. Смена, готовая к спуску в шахты, напоминает военный отряд.

Время от времени из соседней комнаты выходит очередная десятник. Тогда от толпы отделяется пять-шесть шахтеров, и небольшая стайка, гремя сапогами, покидает раскомандировочную.

Раскомандировочная постепенно пустеет. Мы, то есть я и мой спутник поэт Шеренгин, остаемся в полном одиночестве. Нас треплет полубредовая лихорадка ожидания.

Наконец приходит тот самый штейгер, который любезно вызвался быть нашим проводником в подземном городе.

Он ведет нас в раздевальную, мы получаем полный шахтерский костюм, включительно до рукавиц и фуражек с металлической пластинкой.

После этого мы идем в ламповую. Веселые краснощечные девушки выдают нам три аккумулятора. Каждый из нас прикрепляет к своему поясу трехкилограммовую банку аккумулятора. Лампочка Вольфа укрепляется над ко-

зырьком фуражки. Провода, питающие лампочку энергией аккумулятора, заключены в резиновую трубку.

Наше снаряжение закончено. Мы покидаем шахтовый двор. В шахту, как в любой дом, можно войти с парадного или же с черного входа. Парадный ход — это спуск в клетки. Черный ход — спуск через угольные люки. Мы избираем люки. Штейгер ведет нас унылым полем, изрытым глубокими выемками. В этих выемках берут глину для забучивания выработанных проходов.

По дороге мы узнаем от штейгера, что он бывший военнопленный, теперь — выдвигенец. В Кемерово он приехал из Черембасса.

— Все шахтеры — бродяги, — говорит нам штейгер, улыбаясь в унтер-офицерские усы, — у нас часто бывает так: поживет человек, допустим, в Кемерово год или два, и вот какой-нибудь старатель напишет ему, что на Алдане самородки на земле валяются. Он тогда бросает все и идет на Алдан. С Алдана, понятно, в другое место подается — под конец же прет обратно. От этого в шахте народ текучий.

Занятые рассказом штейгера, мы незаметно подходим к небольшому шалашу, стоящему среди ровных штабелей крепильного леса.

Мы стоим у черного хода шахты. Люк, ведущий в подземелье, ходит на собачий лаз. Я с некоторым беспокойством думаю о том, как проберемся мы по этому подземному коридору к основному штреку шахты

— Есть ли у вас спички? — спрашивает штейгер, вступая под кров шалаша.

— Есть, — отвечает мой спутник.

Штейгер, улыбаясь, отбирает у него спички. Коробок летит к бревнам, штейгер ныряет в собачий лаз. Мы следуем за ним.

Люк, в который мы влезает, узок, как рукав пальто. Мы не идем по нему и даже не лезем. Мы ползем, придерживаясь за стенки. Дневной свет постепенно пропадает. Вокруг нас смыкаются сумерки.

Мы ползем, неся на фуражках лампочки. Эти лампочки делают нас похожими на светляков.

Ползти все труднее. Теперь нам часто приходится повисать в пустоте, цепляясь за железные скобы, вбитые в осклизлое дерево креплений. Мы беспомощно висим в воздухе, пока нога не нащупает следующую скобу.

Наконец, лаз расширился настолько, что нам можно идти согнувшись вдвое. Тогда из-под наших ног стали сползать глубокие осыпи угля.

Штейгер объяснил, что люк, по которому мы идем, имеет почти вертикальное падение. Нижний его конец выходит в основной штрек. Уголь, добываемый в проходках, отгружается в люк и по крутому уклону сползает до выхода в штрек.

Мы шли к основному штреку по пути угля.

В течение пятнадцати минут мы не встретили ни одного подземного существа. Наконец, где-то поблизости слышались отчетливые удары.

— Кайлят! — сказал штейгер.

¹ См., например: *Никитин М.* Шаги великана. М., 1948; Его же. *Кузбасские записки.* М., 1953.

² *Якимова Л.* Вчера, сегодня, завтра (к 70-летию М. А. Никитина) // *Сибирские огни.* 1973. № 4. С. 173.

Мы прошли подземную комнату, заваленную бревнами. Впереди замерцали светлячки чужих ламп.

Через минуту мы увидели двух забойщиков. Они сидели в угольной пещере, тусклый свет их лампочек слабо озарял сизо-черный пласт угля, нависший над их головами.

Штейгер вошел в пещеру. Мы последовали за ним. Я с удовольствием выпрямил затекшую спину, но тут же боязливо поглядел на сизую кровлю пещеры.

Штейгер вынул рулетку и измерил ширину и высоту подвесной комнаты. Мы приготовились к дальнейшему путешествию.

— Крепить надо, ребята! — сказал штейгер забойщикам.

Внезапно послышался шорох. На какую-то часть секунды я потерял представление о месте и времени. Штейгер стоял рядом со мной. Я видел, как он покачнулся. Угольная глыба упала ему на голову.

Я это понял по тому движению, которым штейгер сорвал фуражку.

— Крови нет? — опросил он, наклоня голову к коренастому забойщику.

Спутник встревоженно поглядел на меня. Я поглядел на спутника. Пещера нам не понравилась.

Но уйти было нельзя. Черные пальцы прошли по голове штейгера.

— Шишка! — объявил забойщик.

— Значит, крови не будет! — спокойно отозвался штейгер. Он пощупал шишку.

Инцидент, по-видимому, был исчерпан. Штейгер надел фуражку.

— А ну покличь! — сказал штейгер коренастому забойщику.

Забойщик наполовину высунулся из пещеры и, сведя рупором ладони, прокричал в темноту:

— У-у-у!

— Зачем он кричит? — спросил я штейгера.

— Предупреждает, — ответил штейгер, — может ведь сверху кто-нибудь пойти, уголь посыпется и, может случиться, нас собьет. Недавно одного десятника таким разом ушибло до обморока. Он так и свалился в люке и пролежал пока забойщики на него не напали.

Мы переглянулись со спутником.

Забойщик снова свел ладони и снова завыл:

— У-у-у!

Мы затихли. Сверху упал отклик:

— У-у-у!

Он прозвучал замогильно. Но штейгер успокоился. Потерев ушибленную голову, он вышел из пещеры.

— Можно идти! — сказал он нам.

Мы последовали за ним.

Путь был столь же труден. Мы переходили через провалы по узким дощечкам, цеплялись за скобы, взбирались на склизлые лестницы, затем спускались по лестницам и снова шли по дощечкам.

Загон для лошадей на шахте № 1 Анжерских копей. 1924 // Анжеро-Суджеский городской краеведческий музей. ОФ. № 1340

Раза два штейгер останавливался, показывая нам сланцевые прослойки в угле. Мы узнали, что эти прослойки — зло. Они обуславливают высокую зольность угля.

Так мы вышли к основному штреку. Здесь нас подстерегала неожиданность: широкий коридор штрека был безлюден, как тот угольный люк, по которому мы прошли.

Гирлянда электрических груш тускло зрела во влажном воздухе подземного города.

Мы зашагали по рельсовому пути, уводящему в коридорный сумрак.

Цепкая сырость обняла нам плечи. Коридор был бесконечен. Мы прошли один квартал, другой, третий.

Впереди послышался грохот. Из черного сумрака выскочила вагонетка. Черный откатчик остановил ее у деревянного лотка одного из люков, выходящих в штрек. Лоток пришелся как раз над вагонеткой.

Откатчик открыл заслонку, укрепленную в лотке. Тогда из люка посыпался уголь.

Мы прошли еще два квартала. Впереди послышался пронзительный свист.

— Коногон! — сказал штейгер, схватив меня за руку.

Я почувствовал, что он тянет меня назад. Мы забежали в боковой коридор.

Пронзительный свист приближался. Скоро к нему присоединился грохот колес. По рельсовому пути мчался подземный поезд. Рельсы потрескивали.

Внезапно мы увидели лошадь. Черная, с прядяющими ушами, она промчалась, словно виденье. Коногон стоял на площадке переднего вагончика. Голова его проплыла под потолком коридора. Я заметил, что плечи у него были подняты. Корпус он наклонил вперед. По-видимому, он напряженно вглядывался вдаль.

Пропустив поезд, мы прошли к врубовой машине. К сожалению, мне не пришлось увидеть в действии ее узкого и длинного стального тела. Пять-шесть шахтеров ходили вокруг нее, готовя буры к нападению на уголь.

Мы не дождались этого нападения. Было уже поздно. Натруженные ноги ныли. Штейгер повел нас к главному отводу. По дороге мы осмотрели конюшню. Тоскующие шахтовые лошади выглядят очень сытыми. Неожиданный запах конюшен приятен, как вещественная память о деревне.

Главный ствол находится неподалеку от конюшни. По стволу беспрестанно движется клеть. Когда клеть опускается на дно, рабочие вкатывают в нее вагонетку с углем. После этого клеть запирается и по звонку идет вверх. Клеть поднимает до восьми человек. Подъем в клетки ничем не отличается от подъема в лифте. Клеть выносит вас на поверхность. Порадовавшись солнечному свету, вы начинаете наблюдать путь угля.

На помост эстакады брошен рельсовый путь. Рельсы идут к барабану. Вагонетка, выскочив из клетки, катится по рельсам. Ее вводят внутрь барабана и там закрепляют.

Барабан опрокидывается. Уголь высыпается в железный ковш. Под ковшом стоит вагонетка канатной дороги.

Вагонетка наполнена углем. Ведущий канат подхватывает ее и мчит через Томь. На левом берегу уголь превращают в кокс. Таков путь угля...»¹

Золотопромышленность. После окончания Гражданской войны одна из основных отраслей экономики Кузбасса — золотопромышленность — оказалась в полном упадке. Ситуация в ней была намного хуже, чем в угольной, которую правительство Советской России поддерживало и видело перспективы ее развития. Сама политика военного коммунизма исключала интерес государства к драгоценным металлам, так как товарно-денежные отношения были сведены к минимуму. Небольшой спрос на золото в стране реализовался путем конфискации ценностей у бывших владельцев предприятий и Русской православной церкви.

В Кузбассе добыча золота требовала огромных капиталовложений, поскольку в Мариинском и Кузнецком уездах выработка приисков была значительной. Большинство рабочих ушли с приисков на угольные копи. Для получения трудноизвлекаемых золотых руд необходимо было ис-

пользовать сложные механизмы, которые фактически отсутствовали. С установлением советской власти в феврале 1920 года для управления национализированными рудниками и приисками в Томске было создано «Сибирское райзолото». Ему подчинялись территориальные отделения, управлявшие группами приисков в Мариинском, Кузнецком, Егорьевском (Салаирском), Бийском и Змеиногорском подрайонах.

В октябре 1920 года на совещании представителей Народного комиссариата внешней торговли и Высшего совета народного хозяйства в Москве было решено перейти к милитаризации золотопромышленности, принудительному возвращению на прииски рабочих, полной централизации управления и снабжения. Потом в Томске была разработана программа золотодобычи. В 1921 году в Мариинском подрайоне планировали добыть 7 пудов 10 фунтов, Егорьевском — 3 пуда 25 фунтов, Кузнецком — 4 пуда 15 фунтов, Бийском — 7 пудов 15 фунтов, в Змеиногорском — 4 пуда 15 фунтов. Система распределения товаров и оборудования была максимально централизована, посчитано все вплоть до рукавиц. Забегая вперед, скажем, что план по добыче золота в 1921 году полностью провалился. В Мариинском районе было добыто всего 14 фунтов, в Кузнецком и Егорьевском районе добыча вообще не велась².

В апреле 1921 года председатель «Марзолото» Горновенко сделал доклад о состоянии приисков на заседании президиума Мариинского уисполкома. Добыча золота проводилась в ограниченном объеме, состояние рудников и приисков было критическое. Дорогостоящее оборудование, приобретенное компанией «Ивмарзолото», уничтожено во время Гражданской войны и расхищено местными крестьянами. Добычу производили только группы старателей, которые сдавали драгоценный металл государству. Доклад вызвал бурную дискуссию. Многие члены Мариинского уездного исполкома обвинили в развале золотопромышленности «специалистов-инженеров», которые в интересах своего «шкурничества» давали ложную информацию о запасах золота на рудниках, неправильно организовывали его добычу. Досталось и старателям-золотникам, на снабжение которых продуктами и одеждой ушло денег больше, чем они добыли золота. В результате было принято решение о прекращении добычи золота вообще и сосредоточении сил на разведках. Соответствующее ходатайство было послано в губернский центр³. Весной 1921 года были ликвидированы не только все подрайонные управления («Марзолото» и другие), но и управление в Томске («Сибирское райзолото»). Управление золотопромышленностью перешло в руки Сибирского промышленного бюро (Сибпромбюро). Бериккульский и Центральный

² Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 51–52.

³ Протокол № 17 заседания президиума Мариинского уисполкома, апрель 1921 года // ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 665. Л. 108–110; В Томской губернии. На Мариинских золотых приисках // Советская Сибирь. 1921. № 117. 1 июня.

¹ Никитин М. Кемерово. Город, не отмеченный на карте // Сибирские огни. 1929. № 4. С. 152–156.

рудники были поставлены на консервацию, для их охраны имелся небольшой отряд из 30–40 человек.

Переход к Новой экономической политике привел к постепенному росту интереса государства к золоту. В ноябре 1921 года В. И. Ленин опубликовал статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма», в которой утверждал, что наступит время, когда из золота будут делать «общественные отхожие места на улицах». А пока это время не наступило, нужно золото беречь, продавать подороже и покупать на него товары подешевле. Скорее всего, вождь мирового пролетариата имел в виду международную торговлю, которая невозможна без золота¹.

В том же 1921 году Совет народных комиссаров издал два основополагающих декрета: «О распределении золота и платины» от 23 июня и «О золотой и платиновой промышленности» от 31 октября, которые существенно меняли прежнюю политику государства в отношении золотопромышленности. Согласно этим декретам, сохранялись государственная монополия на все операции с золотом и запрет торговли этим металлом, но в целях пополнения золотого запаса разрешалась частная золотодобыча, организованная кооперативами, артелями и другими организациями на договорных началах².

Первые шаги НЭПа в золотопромышленности были скромными. В 1922 году золотодобыча в Кузбассе вообще не велась. Один из корреспондентов «Красного знамени», побывавший летом 1922 года в Кузнецкой тайге, обратил внимание, что все прииски по Кондоме и Мрассу заброшены и поросли мелким кустарником³. Ставка была сделана на покупку золота у населения. Для этой цели Сибпромбюро организовало в Тисуле и Кузнецке пункты скупки благородных металлов. Скупка производилась путем обмена золота на товары (лопаты, пилы, спирт, ведра и т. п.). Это привело к тому, что в тайге стали действовать нелегальные артели, ведущие хищнический способ добычи золота. Вместе с тем были разработаны правила сдачи в аренду приисков и рудников частным лицам и организациям. К весне 1923 года в аренду были сданы несколько приисков по рекам Балыкса и Лебедь⁴.

Самым крупным был договор Главного управления горной промышленности с гражданином Николаем Григорьевичем Яковлевым, утвержденный Президиумом ВСНХ 23–24 марта 1923 года. Яковлев получил в аренду Берикольский рудник, которым он ранее владел, но потерял из-за национализации. Рудник состоял из нескольких отводов — приисков Первая и Шестая Берикольские площади, прииска Берикольские утесы и прииска Еленинского общей площадью более 486 десятин. Рудник сдавался в аренду сроком на 12 лет. В первый год аренды Яковлев обязывался

добыть не менее 2 пудов золота, во второй и третий годы — не менее 3 пудов, в четвертый, пятый и шестой годы — не менее 4 пудов, в седьмой и последующие годы — не менее 6 пудов. Арендная плата устанавливалась обратно пропорционально добытому золоту, то есть снижалась по мере добычи каждого пуда с 4 % (с первых двух пудов), до 2,5 % (с седьмого и последующего пудов). Плата взималась натурой в Тисульской золотосплавочной лаборатории. Все переданное арендатору имущество он должен был сохранить и застраховать. Яковлев обязывался соблюдать все существующие в стране законы, в том числе по оплате труда рабочим, обеспечивать их безопасность, снабжать всем необходимым. В качестве компаньонов арендатор имел право приглашать других лиц, в том числе иностранцев⁵. Советская власть стала вести примерно такую же политику, как Кабинет Его Императорского Величества полвека назад.

В 1923 году Сибпромбюро открыло несколько золотопромышленных контор по всей Сибири. Томская контора «Томскзолото» распространяла деятельность на весь Кузбасс. В ее ведении находились следующие районы: Мариинская тайга (система рек Кия и Яя), Салаирский район и Кузнецкая тайга (системы рек Томь, Кондома, Мрассу, Балыкса). В каждом из указанных районов имелись старатели. Контора могла самостоятельно организовывать добычу золота, а также контролировала работу артелей старателей. В 1923 году она самостоятельно организовала работы на Центральном руднике. На Салаирском кряже «Томскзолото» выдало 40 дозволенных свидетельств на поиски золота, причем 20 из них были выданы Салаирскому золотопромышленному товариществу, которое фактически к концу 1923 года распалось. Помимо разведок на Салаирском кряже в 1923 году велись старательские работы на нескольких приисках, расположенных по реке Балыкса, Воскресенка, Казанка. Всего на территории Кузбасса в этот период действовало более 10 артелей рабочих численностью до нескольких десятков человек в каждой. Были также единоличные старатели, занимавшиеся промывкой. В 1923 году всеми способами (собственным производством, артельным промыслом и скупкой) «Томскзолото» получило 8 пудов 10 фунтов золота⁶.

В 1924 году работы «Томскзолото» велись в Мариинской тайге, на реке Балыкса и Салаирском кряже. Добыча шла главным образом с помощью гидравлических установок артелями рабочих. Единственным крупным предприятием «Томскзолото» был Центральный рудник, но из-за пожара, случившегося в феврале, добыча на нем фактически не велась. Рудник был законсервирован и поставлен на охрану. На сданном в аренду Берикольском руднике добыча золота осуществлялась в ограниченном объеме. За январь–май 1924 года там добыли всего пуд золота⁷. Плани-

1 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 225–226.

2 Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921) // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 39–42.

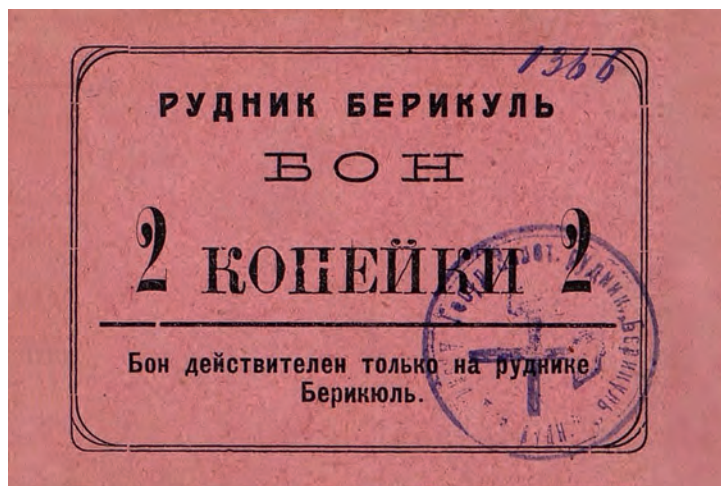
3 По нашей губернии. Заброшенный край // Красное знамя. 1922. № 217. 29 сентября.

4 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 56–57, 59–60.

5 Копия договора Главного управления Горной промышленности с гражданином Н. Г. Яковлевым, 1923 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2055. Л. 34–38.

6 Наша золотопромышленность // Красное знамя. 1924. № 78. 4 апреля.

7 Госрудник «Бериколь» // Красное знамя. 1924. № 165. 20 июля.

Боны для оплаты товаров на Берикюльском руднике

ровалось, что в 1924 году золотодобыча составит 11 пудов и 8 фунтов, но реально было добыто только 8 пудов 27 фунтов. Причем большая часть (6 пудов 2 фунта) намыли артели рабочих¹.

В сентябре 1924 года группа тисульских крестьян убила арендатора Берикюльского рудника Н. Г. Яковлева, украв при этом все деньги, которые он вез для оплаты труда рабочих. Арендные права перешли его сыну Григорию Николаевичу Яковлеву, который проживал в Москве. Всеми делами на руднике заведовал инженер А. И. Пашенко². В тот же месяц арендатор Берикюльского рудника Яковлев, не имевший наличных денег, выпустил так называемые бонны для оплаты труда рабочих. Сначала эти бонны принимались местными крестьянами один к одному, то есть за 1 бон — 1 рубль. Но вскоре они стали продавать хлеб из расчета за 1 рубль — 1,5 бона. Более того, крестьяне стали пытаться оплачивать этими боннами причитающийся сельхозналог. В результате цена бона быстро стала снижаться. В октябре рабочие рудника начали вести переговоры с арендатором с целью изменения коллективного договора и повышения заработной платы. Переговоры велись почти два месяца, но Яковлев на уступки не пошел. Тогда в декабре рабочие объявили о забастовке и прекратили работу. В Тисуль был направлен представитель рудничного комитета, который объявил о требованиях рабочих в Тисульском РИКе. Районные власти вынесли постановление об изъятии боннов и возвращении оплаты труда деньгами. 11 декабря арендатор принял все пункты требований рабочих и забастовка была прекращена. Вскоре начался обмен боннов на рубли, который, правда, продолжался недолго. Наличных денежных средств у арендаторов не хватало, поэтому обмен приостановили³.

1 Томская золотопромышленность // Кузбасс. 1925. № 6. 9 января.

2 Рассказимов А. А. Арендно-концессионная политика на Берикюльском руднике (1923–1926 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Четвертой всерос. науч. конф. Новосибирск, 2015. С. 171–172.

3 Мусатов А. Берикюльское дело // Правда. 1925. 20 июня.

В целях выхода из сложившейся ситуации и привлечения дополнительных денежных средств Г. Н. Яковлев решил привлечь иностранный капитал. В январе 1925 года Главный концессионный комитет рассмотрел заявление Яковлева о привлечении в качестве компаньона германского гражданина Гуго Штольценберга. Комитет разрешил Яковлеву привлечь к участию в деле иностранцев, но при условии создания с ними полного товарищества и пересмотре условий концессии⁴.

В октябре 1925 года в Москве наследники Н. Г. Яковлева в лице его сына Григория Николаевича Яковлева, Марии Николаевны Яковлевой (матери) и еще одной Марии Николаевны Яковлевой (дочери) создали товарищество с германской фирмой Штольценберг в лице ее поверенного Юлиуса Карловича Наста. Товарищество получило такое название «Полное товарищество Г. Штольценберг и наследники Яковлева». Правление конторы находилось в Москве. Складочный капитал составлял 21 тыс. рублей, из которых 15 тыс. вносил иностранный компаньон, а остальное — наследники. Коммерческие дела вели совместно Гуго Штольценберг и Григорий Яковлев, техническое руководство эксплуатацией рудника вели только представители германской фирмы. Предполагаемая прибыль делилась следующим образом: если добыча золота не превышала 8 пудов в год, то она делилась пополам (50 % Штольценбергу и 50 % наследникам Яковлева); если она составляла более 8 пудов в год, то доля Штольценберга вырастала на 2,5 % с каждого добытого сверх нормы пуда. Но при этом общая прибыль иностранцев не должна была превышать 75 процентов⁵.

Через несколько дней после этого товарищество заключило новый концессионный договор. Согласно его условиям, арендаторы обязаны были добывать в течение первого и второго года не менее 5 пудов золота, в третий,

4 Выписка из Протокола № 91 заседания Главного концессионного комитета от 29 января 1925 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2055. Л. 40.

5 Копия договора о создании товарищества Штольценберга и наследников Яковлева, 10 октября 1925 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2039. Л. 25–27.

четвертый и пятый годы — не менее 6 пудов, в шестой год и далее — не менее 8 пудов в год. В случае продления срока договора на новые 12 лет арендаторы обязаны были добывать не менее 10 пудов золота в год. В течение трех лет со дня подписания договора товарищество обязано было произвести капитальный ремонт рудника, восстановив все производственные мощности. Кроме того, арендаторы обязаны были выстроить новый иловый завод производительностью не менее 500 тыс. пудов в год, новые помещения для рабочих и т. д. На все строительные работы они должны были затратить не менее 160 тыс. рублей¹.

Однако, несмотря на некоторые финансовые вливания, организовать добычу золота на руднике в полном соответствии с концессионным договором немецкая фирма не смогла. Судя по отчету начальника Томско-Алтайского горного округа, фабрика отремонтирована не была, на ней по-прежнему функционировали две пары сильно изношенных бегунов. Фундаменты под бегунами дали осадку, крыша протекала. Добыча руды велась в старых штольнях, новые открыты не были, никакие меры по выкачке воды из затопленных штолен не предпринимались. Поскольку руду добывали в очень незначительном объеме, фабрика работала всего три-четыре дня в месяц. Все строительные работы ограничились ремонтом зданий и помещений для рабочих. Добыча руды велась без какого-либо плана при полном отсутствии руководства со стороны концессионеров, а лишь по личной инициативе управляющего рудником. Никакие новые разведки золота тоже не велись. За первую половину 1926 года было добыто всего 13 фунтов золота².

В мае 1926 года инженер А. И. Пашенко уведомил Сибкрайсовнархоз о том, что фирма Штольценберга приказала ему прекратить добычу золота на Бериккульском руднике. Гуго Штольценберг уехал в Гамбург и не оставил в СССР поверенного. В это время на руднике работали около 50 рабочих, из которых 18 были старателями. Всем им задержали выплату заработной платы, денег в Московской конторе товарищества не было, а на требования прислать средства из Германии ответа не последовало. Общая задолженность составляла около 10 тыс. рублей. В июле в правительстве начали прорабатывать вопрос о расторжении концессионного договора. Первым делом на имущество фирмы Штольценберг в городе Троицке Самарской губернии (ныне Чапаевск) был наложен арест. Тем временем большая часть рабочих выехала из рудника, а меньшая часть решила остаться там зимовать. 24 сентября 1926 года на заседании Главного концессионного комитета приняли решение о расторжении договора с фирмой Штольценберга в связи с тем, что она не выполнила взятые на себя обязательства³.

¹ Копия концессионного договора, 17 октября 1925 года // Там же. Л. 5–17.

² Сибкрайсовнархоз — Горному отделу ВСНХ СССР, 3 июня 1926 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2039. Л. 103–103 об.

³ Выписка из протокола № 30 заседания Главного концессионного комитета от 24 сентября 1926 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2039. Л. 124.

Герб рода Штольценбергов

Рудник поставлен на консервацию, имущество передано под охрану Тисульскому райисполкому⁴.

В октябре это постановление было утверждено на заседании Совета народных комиссаров. При этом заявлено о подаче иска в суд в целях компенсации убытков, причиненных немецкой фирмой. В июле 1927 года Московский губернский суд вынес решение о взыскании с фирмы Штольценберга 164 210 рублей с копейками. Большая часть этой суммы (160 тыс.) представляла собой невыполненные работы, а остальное — долги по заработной плате и пени. Потом по линии иностранного ведомства выяснилось, что дела фирмы в Германии сильно пошатнулись и взыскать с нее иск не представляется возможным. В ноябре 1928 года Главный концессионный комитет принял постановление о непредъявлении иска фирме Штольценберга из-за бесперспективности взыскания⁵.

К середине 1920-х годов советское правительство пришло к пониманию того, как именно нужно действовать в золотодобывающей отрасли. Было решено провести полное трестирование, то есть создание государственных трестов на принципах коммерческого хозрасчета. 1 августа 1925 года создан трест «Сибзолото» с главной конторой в Новониколаевске. Ему были подчинены все мелкие и средние золотодобывающие предприятия Сибири. В Кузбассе трест планировал восстановить добычу на Центральном руднике, доведя добычу до нескольких десятков пудов в год. Планировали закупить дорогое оборудование для переработки рудного золота. Егорьевский и Кузнецкий районы считались второстепенными, на них собирались до-

⁴ Рассказимов А. А. Арендно-концессионная политика на Бериккульском руднике... С. 176.

⁵ Выписка из протокола № 82 заседания Пленума Главного Концессионного комитета, 1 ноября 1928 года // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2039. Л. 150.

бывать всего 4–5 пудов золота. Получив большой кредит в Госбанке, трест «Сибзолото» начал работать в I квартале 1926 года¹.

Несмотря на некоторые успехи, золотопромышленность Сибири в целом и Кузбасса в частности находилась в плохом состоянии. В апреле 1926 года в Москве состоялся I Всесоюзный съезд золотопромышленности, который констатировал «тяжелое положение золотого промысла». В резолюциях съезда была запись о необходимости принятия «радикальных мер для восстановления и дальнейшего развития золотопромышленности»². В марте 1927 года в Новосибирске состоялось совещание работников треста «Сибзолото» с московскими специалистами и управленцами. Оно констатировало, что старательским артелям и мелким арендаторам не под силу производство крупномасштабных геологических работ, обустройство центров золотодобычи, содержание инфраструктуры приисков и рудников. Требовались кардинальные изменения в золотопромышленности, которые выдвинулись в усилении роли государства, укрупнении артелей, развитии механизации добычи³. В результате в июле 1927 года было образовано Всесоюзное золотопромышленное акционерное общество «Союззолото». Акционерами его стали ВСНХ, наркомат финансов, Госбанк. В его состав вошел трест «Сибзолото». Был взят курс на значительное усиление роли государства в золотопромышленности.

На территории Кузнецкого округа с начала января 1928 года было создано Кузнецкое отделение «Союззолото». В его ведение были переданы четыре группы приисков:

- 1) Алтайская по рекам Кондома, Мрассу, Лебедь;
- 2) Егорьевско-Салаирская;
- 3) Кельбесская по рекам Золотой Китат и Барзас;
- 4) Терсинская по притокам Томи рекам Верхняя, Нижняя и Средняя Терсь и Тайдон.

Добыча золота на всех приисках была организована путем старательских работ. Причем большая часть работ велась мускульным трудом, выдававшим до 72% всей золотодобычи. Лишь 28% золота добывали с помощью гидравлических установок, которых было около 10 штук по всем приискам. Всего на приисках работали более 400 человек. По плану на 1927/28 операционный год было запланировано добыть 236 кг золота. Однако этот план скорректировали в сторону увеличения, добавив к нему еще 48 кг. Помимо этого, планировалось скупить от вольных старателей 19 кг. Себестоимость золота должна была составить 1,8 тыс. рублей за килограмм. План золотодобычи был полностью провален. Подконтрольные Кузнецкому отделению «Союззолото» артели смогли намыть только 88,9 кг золота. Вольнопринесители сдали 32,8 кг. Всего за операционный год было получено 121,7 кг золота, или 34% от плана⁴.

Столь низкие показатели привели к тому, что для проверки Кузнецкого отделения «Союззолото» была направлена инспекция из Новосибирска. Пытаясь разобраться в причинах провала выполнения плана, инспектор Тарасов обратил внимание на бюрократизацию конторы, волокиту и многочисленные нарушения в деятельности. Он указал на то, что в конторе расцвела семейственность. Управляющий Кузнецким отделением товарищ Гребень пригласил к себе на работу родственников и знакомых чуть ли не со всего Советского Союза, многие из них заняли ответственные должности, несмотря на то, что ничего не понимали в золотопромышленности. Тарасов указал также на другие недостатки: бесхозяйственность, раздутость административного аппарата, нехватку квалифицированных кадров, отсутствие контроля артелей, которые тайком намывали золото и сдавали его в виде вольнопринесителей; плохое содержание гидравлических установок, постоянно ломавшихся. Все недостатки было предписано исправить в кратчайшие сроки. При этом план золотодобычи был увеличен до 600 кг в год⁵.

В Мариинской тайге, где большая часть золота добывалась на Бериккульском и Центральном рудниках, восстановление производства шло также довольно сложно. После прекращения арендного договора с компанией Штольценберга Бериккульский рудник фактически бездействовал, некоторые работы на нем вело «Союззолото». Центральный рудник, оставшийся под управлением государства, сильно пострадал во время пожара в 1924 году. На восстановление рудника ушло несколько лет. Лишь в 1928 году технологический процесс, включавший в себя добычу руды, размельчение ее на бегунной фабрике и амальгамацию на заводе, был запущен заново⁶. В результате добыча золота в Мариинской тайге в 1928 году составила 286,9 кг. В следующем году она увеличилась почти вдвое, до полутонны⁷.

Необходимо отметить, что золотопромышленность Кузбасса в период НЭПа восстанавливалась гораздо медленнее, чем угольная промышленность. Сказывались почти полная выработка месторождений россыпного золота, управленческая чехарда, нехватка квалифицированных кадров, неудачная деятельность иностранной концессии в лице фирмы «Штольценберг». В результате к концу 1920-х годов добыча золота в Кузбассе не достигла даже половины от дореволюционного уровня.

1 Тульчинский К. Н. Золотопромышленность Сибири // Сибирские огни. 1926. № 1–2. С. 172.

2 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 82.

3 Давыдов В. М. Первый золотой промысел Кузбасса // Золото Кузбасса. Кемерово, 2000. С. 254–255.

4 Доклад о произведенном обследовании Кузнецкого отделения «Союз-

золото» за 1927/1928 операционный год, 1929 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 410. Л. 1–2, 10–12.

5 Там же. Л. 22–24, 26–29.

6 Кудряшов И. В. Обработка золотых руд на Центральном руднике Мариинской тайги. М.; Л., 1932. С. 5–8.

7 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 108.

§ 5. Реализация аграрной политики РКП(б) в условиях НЭПа

АГРАРНЫЙ КРИЗИС НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ. В стране еще продолжалась Гражданская война, бушевал мощнейший продовольственный кризис. К весне 1920 года в целом ряде губерний Центрального региона страны, Поволжья, Северного Кавказа, Украины наметились признаки того угрожающего социально-экономического явления, который по терминологии того времени именовался «голод». Не благоволили в это время России и погодные условия. Ко всему прочему в мае 1921 года в Поволжье и ряде губерний центра страны началась жестокая засуха, уничтожившая все посевы и усугубившая народное бедствие.

В результате совокупности негативных политических, социально-экономических и природно-климатических факторов к маю 1922 года в стране голодали по разным оценкам от 22 до 27 миллионов человек. К этому времени от морально-физического истощения, а также заболеваний, обострившихся в результате перманентного недоедания (цинга, дизентерия, сыпной и брюшной тиф), погибли около миллиона крестьян, столько же были эвакуированы из пораженных продовольственным кризисом губерний страны¹. За Урал, в том числе на территорию Кузбасского региона, хлынул поток голодобеженцев. В соответствующих условиях Сибирь в целом и Кузбасс в частности, по убеждению большевиков, должны были сыграть ключевую роль в спасении России от голода. В частности, Томский уревком со страниц своего печатного газетного органа «Советский коммунист» декларировал следующее: «Сибирь богата хлебом и вообще всякими продуктами питания. Теперь наша основная, наша святая обязанность накормить голодающую Россию и тем самым помочь великому делу коммунистической революции. Голодающая Россия очень ждет от освобожденной Сибири хлеба, и наше крестьянство должно дать этот хлеб добровольно без каких-либо принуждений и промедлений. Все излишки — голодающим братьям, рабочим и крестьянам России! Все наши силы и средства — на борьбу с голодом!»²

К началу 1920-х годов Кузбасс являл собой аграрный край с очагами индустриального развития. В первой половине 1920-х годов Кузбасский регион пространственно оставался в составе Томской губернии, в той или иной мере включая волости из четырех уездов: Томского, Мариинского, Щегловского и Кузнецкого. В 1920 году была проведена перепись населения РСФСР. Именно она содержит основные статистические сведения о населении Кузбасса на тот момент³. На территории Кузбасса располагалось около полутора тысяч сельских населенных пунктов, в которых было сосредоточено около ста тысяч крестьянских домохозяйств с более полумиллионом сельских жителей. Ординарная семья состояла из пяти членов. В среднем в одном селении в 65 домохозяйствах проживало около 350 человек. Сельские населенные пункты Кузбасса были в основном мелкими селениями, до сотни дворов. Таковых было 75 % от всех сельских населенных пунктов кузбасского региона; 23 % селений относились к разряду средних, лишь 2 % — к категории крупных. Основная масса сельского населения (70 %) концентрировалась в средних и крупных селениях. В мелких населенных пунктах была сосредоточена треть сельского населения региона (30 %), в средних — 55 %, в крупных — 15 %.

В «кузбасских» волостях Мариинского уезда 95 % населения проживали в сельской местности, лишь 5 % — в городах и поселках городского типа. К последним в Кузбасском регионе относились город Мариинск (12,8 тыс. жителей) и железнодорожная станция Мариинск (548), в которых проживали 13 389 человек. На территории Томского уезда «кузбасскими» городами и поселками городского типа были город Тайга (9 468), железнодорожная станция Тайга (2 939) и рабочий поселок Анжеро-Судженского каменноугольного рудника (23 360). В указанных населенных пунктах проживали 35 767 человек.

В Щегловском уезде 94 % населения проживали в сельской местности, лишь 6 % — в городах и поселках городского типа. К последним в регионе относились город Щегловск (5 845), рабочий поселок Кемеровского рудника (2 828), рабочий поселок Кемеровского химического заво-

¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. М., 2010. С. 119–120.

² Сибирский коммунист. 1920. № 3. С. 1.

³ Народное хозяйство Томской губернии: Отчет Томгубэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год. Томск, 1923. Ч. I. С. 1.

Плакат «Красный пахарь». 1920-е

да (1 702) и железнодорожная станция Топки (724), в которых проживали в общей сложности 11 099 человек.

В Кузнецком уезде 90% населения проживали в сельской местности, а 10% — в городах и поселках городского типа. К последним в Кузбасском регионе относились город Кузнецк (4 548), рабочий поселок Кольчугинского рудника (5 493), рабочий поселок Гурьевского железодобывающего и чугуноплавильного завода (3 098), рабочий поселок Шестаковского рудника (917), станция Бачаты (404) и станция Кольчугино (575), на совокупной территории которых проживали 15 035 человек¹.

На 1920 год 88% населения Кузбасса (566 624 человека) проживали в сельской местности и занимались преимущественно сельским хозяйством, лишь 12% населения региона (75 290 человек) проживали в городах и рабочих поселках городского типа, были заняты в основном в промышленности. Нельзя не отметить, что городские жители Кузбасса не были полностью оторваны от сельского хозяйства и занимались скотоводством, огородничеством, промыслами и ремеслами. Аналогичными были показатели и по Сибири (11% городского населения), и по всей России (14%). Россия к 1920 году была государством аграрного типа², а Кузбасс — регион в основном сельский, с отдельными очагами индустриального развития, которые только ждали своего часа.

Кузбасс начала 1920-х годов как регион преимущественно аграрный, по представлениям коммунистов, был впол-

не способен организовать «на борьбу с голодом» и помочь «голодающим братьям, рабочим и крестьянам России» в решении продовольственного вопроса. Прежде всего требовалось обеспечить продуктами питания местных рабочих. Поэтому органы власти призывали сельхозпроизводителей сдавать излишки продовольственных продуктов. Взамен власть обещала распространять в крестьянской среде мануфактурные товары по твердым ценам, но обещания не выполняла³. Стоит ли удивляться тому, что крестьяне не спешили сдавать произведенное продовольствие, напротив, «несознательные», с точки зрения коммунистов, крестьяне его укрывали, защищая свои семьи от голода в условиях крайней социально-экономической и общественно-политической нестабильности. Немаловажно отметить, что крестьян волновали не только вопросы элементарного физиологического выживания, но и проблемы морально-психологического плана. В кузбасской деревне небезосновательно ходили слухи о том, что политика больше-

виков нацелена на полное обобществление имущества, поэтому крестьянское население региона заняло, насколько это было возможным, выжидательную позицию, охраняя имевшиеся небольшие запасы продовольствия.

В результате в стране и регионе назревала патовая ситуация, когда крестьяне приостановили аграрное производство и не спешили расставаться с имеющимися запасами сельскохозяйственного труда, в то время как рабочие промышленных заведений отказывались выходить на работу голодными. Например, в июне 1920 года рабочие горняки Федоровского рудника Анжеро-Судженского каменноугольного района отказались спускаться в забой, требуя увеличения продовольственного пайка⁴. Подобные случаи были явлением повсеместным. Дополнительно следует учесть, что в Кузбассе голодали не только рабочие, но и непашенные жители сельской местности, ранее обменивавшие товары неземледельческого труда на зернопродукты. К примеру, жители таежных и притаежных селений региона, не имевшие в своем распоряжении достаточного количества пахотных земель и занимавшиеся в основном промысловой деятельностью, потеряли возможность покупать хлеб. В условиях перманентного недоедания население Кузбасса поразил извечный спутник ослабленного организма — тиф.

К началу 1920-х годов прежняя нормальная хозяйственная деятельность приостановилась, от новой власти требовался максимум усилий, чтобы хоть в какой-то мере как минимум наладить товарообмен между городом и деревней.

1 Народное хозяйство Томской губернии: Отчет... за 1922 год. Ч. I. С. 1–4.
2 Труды Центрального статистического управления. Т. I. Вып. 3. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1921. С. 8.

3 Сибирский коммунист. 1920. № 7. С. 1; № 16. С. 3; № 17. С. 3.

4 Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 37.

Пользуясь терминологией того времени, требовалось про-извести их «смычку». Сформированные повсеместно органы новой власти (сельские, волостные и уездные революционные комитеты) частью агитационными, а порой принудительными методами по мере сил и возможностей оперативно решали сложные вопросы. Партия большевиков была сильна своими агитаторами, поэтому одной из важнейших задач виделась агитационная (просветительская) работа в деревне с целью разъяснения «темному и невежественному» крестьянству преимуществ коммунистического строя. Оперативники местной ЧК в июле 1921 года докладывали ВЧК: «Крестьянская масса в целом не осведомлена ни о задачах Советской власти, ни о программе партии коммунистов. Это обстоятельство прекрасно учитывают кулачество и спекулянты»¹. В этой связи идеологи РКП(б) стремились красноречиво убедить (как они хорошо умели это делать) крестьян сполна и «от души» выполнить мероприятия по продовольственной разверстке, призывали потерпеть сейчас ради светлого коммунистического будущего. Основная ставка в деревне делалась, конечно же, на самую маргинальную, в этой связи наиболее поддающуюся влиянию и одновременно с этим перспективную часть сельского населения — молодежь. Ведь именно за ней было то самое «светлое коммунистическое будущее».

Местная ЧК в июле 1920 года докладывала ВЧК: «Некоторая часть деревенской молодежи начинает заметно перерождаться. Прежний образ жизни, бытовой уклад за короткое время изменился до неузнаваемости. В прежние времена молодежь только и знала, что ходить в церковь да хулиганить. Она была погружена в беспросветную тьму и невежество, и некуда было девать ей свои буйные силы. Теперь деревенская молодежь постепенно отстает от церкви и перестает хулиганить, хотя еще не может совершенно отвыкнуть от своей старой привычки — хождения с гармоникой по деревне. Но можно ожидать, что в скором будущем она найдет другие пути для проявления своих кипучих сил и возьмется наконец за дружную культурно-просветительскую работу. Это ожидание подтверждается тем, что молодежь в настоящее время уже не поет прежних хулиганских частушек, а поет частушки пролетарские»².

Секретарь Мариинского уездного комитета РКСМ С. В. Заборский давал рекомендации массового внедрения среди сельской молодежи нового («красного») частушечного жанра:

*Вы ругайте — не ругайте,
А по-вашему не быть.
На собрания ячейки
Не закажете ходить»³.*

Организационно-агитационная работа в молодежной среде приносила плоды в оперативном решении продовольственного вопроса. К примеру, на XI собрании ячеек РКСМ Красной (Касьминской) волости было оформлено «постановление провести усиленную агитацию среди населения за добровольное пожертвование картофеля для посева в пользу Красной армии». Агитация имела большой успех: крестьяне отдали около 200 пудов семенной картошки. На следующий день почти все члены Союза (РКСМ) выехали в поле для посадки картофеля. «В работе помогали сознательные крестьяне, работали два дня. Ночевали на пашне»⁴.

В условиях не вполне удовлетворительного выполнения плана продовольственных заготовок и продразверстки власть сочетала агитационные мероприятия с мерами более решительными. Местные партийцы в мае 1920 года с целью изъятия у кулаков продуктов начинают испрашивать вооруженные силы⁵. Председатель Сиббюро ЦК РКП(б) И. Н. Смирнов рекомендовал партийно-советскому руководству на местах применять репрессивные меры в отношении лиц, которые уклонялись от разверстки⁶. Губпродкомиссару было предоставлено право заключать в концентрационные лагеря председателей волревкомов и волисполкомов, не справившихся с планами хлебазаготовок, а также кулаков, игнорирующих выполнение продразверстки⁷.

Необходимость выполнения плана продовольственных заготовок способствовала принятию вынужденных и крайне непопулярных мер. Так, земельные пространства Томской губернии, составной и большей частью которой к началу 1920-х годов являлся Кузбасс, были отнесены Губпродкомом к территории, где площадь общей пашни волонтаристски объявлялась вдвое большей, нежели официально зарегистрированная площадь крестьянского посева. Дело в том, что к началу 1920-х годов земельные угодья губернии не были в точности определены, и, рассчитывая размеры налогообложения сельского населения, губернский продовольственный комитет без специальных детальных обследований объявил, что площадь реальных пашенных угодий в регионе в два раза превышает площадь документально задекларированного посева. В результате в Кузбассе, как и по всей Сибири, по сути дела, вдвойне увеличивался размер хлебного налога. Эта мера способствовала увеличению крестьянской запашки, но одновременно с этим дополнительным грузом легла на плечи и без того ослабленного крестьянского хозяйства.

Другая ошибка продовольственных органов заключалась в следующем. Одним из первостепенных регуляторов хозяйственной жизни является система государственного налогообложения. Чрезвычайная система налогообложения в виде грабительской продовольственной разверстки была заменена в регионе в 1921 году на продовольственный налог. Таким образом, продовольственная кампания 1921–

1 Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: 1918–1939: Документы и материалы. Т. I: 1918–1922. М., 2000. С. 300.

2 Там же. С. 264.

3 Нас водила молодость... С. 47–48.

4 Там же. С. 17.

5 Сибирская Вандея... Т. I. С. 21–22.

6 Там же. С. 24.

7 Там же. С. 24–25.

1922 годов была первой ординарной налоговой кампанией советской власти в Кузбассе. На смену разверстки пришел налог по 11 разновидностям сельскохозяйственных продуктов: хлебу, мясу, маслу, яйцу, птице, меду, волокну, шерсти, сене, кожсырью и пушнине. Преимущество продналога заключалось в заранее и твердо установленных нормах взыскания продуктов с населения. Проблема заключалась в том, что эти нормы были определены 15 июля 1921 года, когда посевы в Кузбассе находились еще в более или менее удовлетворительном состоянии. Только в августе, когда регион уже был отнесен к категории высокого разряда по обложению, выяснилось, что грядет очередной неурожай. Проливные дожди второй половины лета не позволили убрать иссушенный жарой первой половины вегетационного периода урожай. В результате Кузбасс второй год подряд оставался без ключевого продовольственного и фуражного продукта — хлеба. Урожайность зерновых в Кузбасском регионе в 1921 году составила в среднем 22 пуда с десятины, что было в три раза ниже ординарного уровня. Например, в период революции и Гражданской войны она составляла в среднем около 65 пудов с десятины¹.

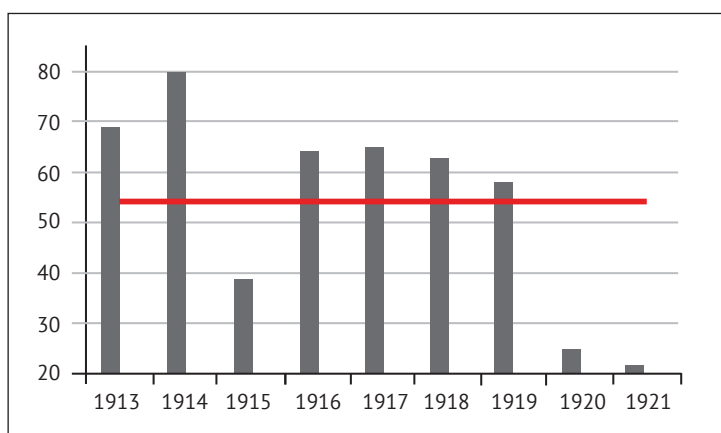

Рис. 1. Динамика урожайности зерновой триады (пшеница / рожь / овес) в Кузбасском регионе в 1913–1921 годах, пуд/дес.

Примечательно то, что кузбасская урожайность в 1920–1921 годах как в зеркале отразила аналогичные события 20-летней давности. В 1900–1901 годах неблагоприятные погодные условия, повторившись дважды подряд, послужили причиной сельскохозяйственного кризиса. Вместе с тем между 1900–1901 и 1920–1921 годами была и существенная разница. В первом случае продовольственный кризис не осложнялся социально-политическими противоречиями вследствие правительственных дотаций, не был столь глубок и был достаточно быстро и безболезненно преодолен.

К началу 1920-х годов продовольственных запасов в регионе не имелось: хлебозапасные магазины были пусты. Правительственных дотаций (продовольственных и семенных) тоже не было, напротив, имело место повы-

шенное налогообложение. Как результат — в регионе до минимума сократились как размеры индивидуального потребления («нечего было есть»), так и площади земельной запашки («нечего было сеять»). Указанные тезисы в полной мере иллюстрируются статистическими данными.

Таблица 51

Состояние продовольственных хлебов в Кузбасском регионе вследствие неурожая 1920–1921 годов, пуд.

Территория	Наличность	Потребление	Недостаток	На душу
Мариинский уезд	1 195 861	4 566 498	3 370 637	11
Щегловский уезд	281 430	2 521 510	2 240 080	13
Кузнецкий уезд	384 567	2 102 000	1 717 433	12
Кузбасский регион Σ	1 861 858	9 190 008	7 328 150	12
Кузбасский регион \bar{x}	620 619	3 063 336	2 442 717	12

Источник: Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчет Губэкономсовещания Совнарком и СТО. Томск, 1922. С. 113.

Таблица 52

Размер посевной площади в «кузбасских» уездах Томской губернии в 1917–1922 годах, га

Территория	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Мариинский уезд	165 911	158 223	166 974	169 459	100 912	103 000
Кузнецкий уезд	105 986	111 115	99 156	81 314	36 786	41 000
Щегловский уезд	54 656	40 949	91 479	115 675	87 205	64 000
Кузбасс	325 553	310 287	357 609	366 448	224 903	208 000

Источники: Народное хозяйство Томской губернии... С. 103; Народное хозяйство Томской губернии: отчет Томгубэкономсовещания Совнарком и СТО за 1922 год. Томск, 1923. С. 195.

Не столько социально-политические события Гражданской войны, сколько погодные катаклизмы послужили первостепенной причиной сельскохозяйственного кризиса в Кузбассе в начале 1920-х годов. Первые лишь в значительной степени осложнили его. За 1920–1922 годы посевная площадь в Кузбассе сократилась почти наполовину. Наибольшее сокращение посевов произошло в Щегловском уезде, который выполнил первый сельскохозяйственный налог 1921–1922 годов лишь на 65%. Посев домохозяйствами производился исключительно в размерах, способных

¹ Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчет Губэкономсовещания Совнарком и СТО. Томск, 1922. С. 111.

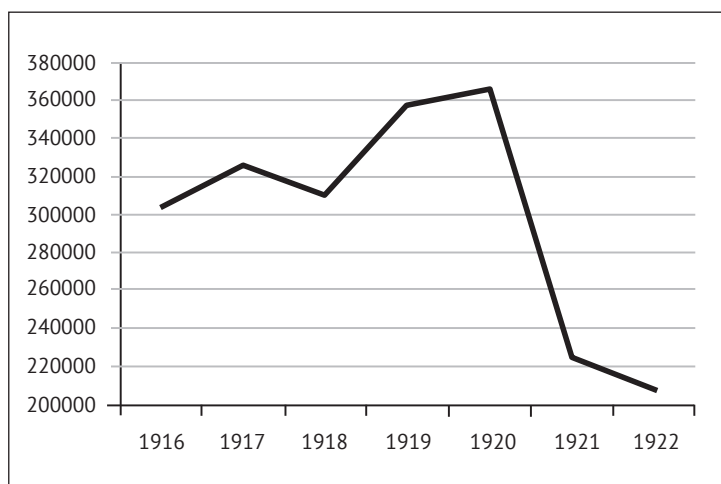

Рис. 2. Динамика объемов посевных площадей в Кузбасском регионе в 1916–1922 годах

обеспечить собственное прокормление. Если еще в 1920 году в Мариинском уезде пашню минимального размера (до двух десятин) засевали 15% домохозяйств, то к 1922 году таковых стало 55%, в Кузнецком уезде — 50%, в Щегловском — 40%¹. Таким образом, до половины крестьянских домохозяйств региона засевали минимальную пашню, способную обеспечить лишь витальные потребности домохозяйства и не более того. Ни о каком «товарном» хлебе здесь не могло идти и речи.

Селяне Кузбасса в 1921–1922 годах практически перестали заниматься «товарным» производительным трудом, обеспечивая лишь собственное пропитание. Об этом свидетельствует и изменение структуры посевов в указанные годы. Если ранее крестьяне сеяли в основном «товарные хлеба», то есть пшеницу, рожь, овес, излишки которых можно было продать на рынке, то в 1921–1922 годах в основном перешли на просо (пшено), которое обычно производилось для индивидуального потребления. Кроме всего прочего, к 1922 году в крестьянских хозяйствах вследствие износа и обветшания сократилось количество сельхозинвентаря. Минимальное сокращение произошло в Мариинском уезде — на 5%, максимальное — в Щегловском — 20%. В Кузнецком уезде он сократился на 10%².

Сельское хозяйство региона в 1922 году «приблизилось к тому роковому пределу, на котором оканчивается хозяйственная деятельность населения и начинается его деятельность по борьбе с голодом, когда хозяйствующий субъект не думает уже о расширении производства и не может сохранить его хотя бы на одном уровне, а разрушает основной капитал для удовлетворения потребностей текущего дня». Вслед за сокращением запашки значительно уменьшилось и поголовье скота. Отчет Томгубэкономсовета Совнаркому и СТО за 1922 год констатировал факт «разрушения стада, частью съедаемого самим населением, частью сдаваемого в виде продналога, что свидетельствует

о печальном состоянии скотоводства». Особенно остро процесс сокращения коневодства проявился в Кузнецком уезде, ранее славившемся производством качественных лошадей кузнецкой породы. Более чем в половину сократилась численность птицы в домашних хозяйствах региона³. Поголовье скота к 1922 году сократилось на 25% от уровня 1916 года.

Таблица 53

Количество птицы в крестьянских хозяйствах Кузбасского региона в 1920–1922 годах

Территория	1920	1921	1922	% сокращения
Мариинский уезд	295 574	240 462	151 026	50
Щегловский уезд	282 691	196 096	112 584	60
Кузнецкий уезд	201 486	103 229	78 119	60
Кузбасс	779 751	539 787	341 729	55

Источник: Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 209.

Таблица 54

Динамика и структура поголовья кузбасского стада в первой половине 1920-х годов

Год	Лошадь	КРС	МРС	Свинья	Итого	Динамика к 1916 г., %
1916	327 887	385 247	367 259	187 520	1 267 913	100
1920	305 029	308 446	357 611	167 643	1 138 729	90 (↓)
1921	305 749	311 915	314 447	123 820	1 055 931	85 (↓)
1922	275 713	308 705	285 799	70 603	940 820	75 (↓)

Источники: Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года. Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 года, собранные и разработанные под руководством и ред. В. Я. Нагнибеда. Томск, 1927. С. 122–181; Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 234–235.

Кузбасская деревня начала 1920-х годов, как и повсюду в России, находилась в плачевном состоянии. Значительная часть пахотных земель не обрабатывалась, пребывая в запустении. Селяне, производившие продовольственные ресурсы, в условиях социально-экономической и общественно-политической нестабильности предпочитали укрывать их в ожидании наступления лучших времен. Значительная часть зерна отправлялась на курение самогона — единственной «твердой валюты» на тот момент.

Среди проблем сельской жизни начала 1920-х годов отдельно следует упомянуть проблему самогонварения и его распространения среди селян. Указанная проблема таила в себе тройное зло. Во-первых, на выгонку алкого-

1 Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 197.

2 Подсчитано по: Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 204.

3 Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 198–199, 207–210.

ля уходило значительное количество продовольственно-го зерна, во-вторых, пьяные люди склонны к совершению насильственных актов, пьянство представителей партийных и советских органов дискредитировало всю систему. В-третьих, массовое пьянство способствовало нарушениям трудовой дисциплины, снижая производительность труда. Борьба с самогонварением и его распространением была характерной чертой того времени¹.

В стране и регионе назревал голод. В начале 1920-х годов в силу ряда обстоятельств общественно-политического, социально-экономического и погодного характера (неурожаи, отсутствие посевного материала, последствия Гражданской войны, продовольственная разверстка, износ и обветшание сельскохозяйственного инвентаря, дороговизна кредита, хаотичность рынка, общая неуверенность в завтрашнем дне и опасения отъема или обобществления результатов труда) крестьяне существенно сократили запашку. Общую негативную ситуацию в кузбасской деревне осложняло значительное количество крестьян-переселенцев, к началу 1920-х годов еще недостаточно адаптировавшихся к местным условиям хозяйствования. На момент Октябрьской революции добрую половину всех сельских жителей региона составлял именно этот маргинальный контингент, не имевший прочных основ хозяйствования и являвший собой, по сути дела, сельский пролетариат².

В этой связи актуальным представляется исследование вопроса о продовольственной безопасности населения региона. В течение 1921 года губернское статистическое бюро осуществляло оперативный мониторинг «О питании населения Томской губернии в голодных условиях 1921 года». Расчет минимальной «потребительской корзины» на тот момент производился специалистами Губстатбюро следующим образом. Минимальные потребности населения в продовольствии исчислялись в среднем в 20 пудов хлебных продуктов на едока ежегодно: 13 пудов — на личное потребление, 7 пудов — на прокорм скота. В принципе в среднем столько и оставалось хлебных продуктов на душу населения после вычета семян в Кузбасском регионе в ординарном 1912 году³.

В 1922 году наличный чистый сбор хлебов (без семян) составил в среднем 13 пудов на едока, из них около 3 пудов изъято в виде налога. Остаток в виде 10 пудов на едока был вдвое меньшим минимально определенной потребности населения в хлебных продуктах. По статистическим данным, на 1913 год рядовой сельский обыватель региона потреблял в среднем 20–25 пудов хлебных продуктов ежегодно. Констатируем, что в начале 1920-х годов уровень потребления в 10 пудов на едока был менее обычного как минимум вдвое. Другие продовольственные расчеты комиссии заключались в следующем. В довоенное время сельское население региона потребляло в среднем

порядка 50 пудов различной пищи: 35 пудов растительной пищи (в том числе 20–25 пудов муки) и 10–15 пудов продуктов животного происхождения. В феврале 1922 года общий объем потребляемой пищи сократился до 35 пудов, в том числе до 10 пудов хлебных продуктов в переводе на зерно⁴. В таких условиях продовольственная безопасность населения явно оказалась под угрозой. В 1922 году голодающими (употребляющими в пищу различного рода хлебные суррогаты) были признаны 7% населения Кузбасса. По всем расчетам, очевидным было в среднем 50-процентное сокращение обычной потребительской корзины в регионе⁵.

В отечественной историографии достаточно хорошо исследована проблема голода в России в начале 1920-х годов. Зимой-весной 1919/20 года в целом ряде губерний Центрального региона страны, Поволжья, Северного Кавказа, Украины наметились его первые признаки⁶. В Кузбасском регионе продовольственная ситуация была не менее напряженной. Согласно обследованию питания сельского населения, проведенному в начале 1920-х годов, в зимне-весенний период 1920 года в Европейской России на одного взрослого едока приходилось в среднем 3,5 тыс. калорий, тогда как в Кузбасском регионе в феврале 1922 года — около 3 тыс.⁷ Вместе с тем стоит признать, что если в ряде губерний европейской России не удалось избежать массового голода и даже случаев каннибализма⁸, то на территории Кузбасса таких сверхнегативных проявлений продовольственного кризиса обнаружить не удалось. Однако же развился масштабный кризис сельскохозяйственного производства, и власть обязана была приложить все усилия, чтобы способствовать скорейшему восстановлению крестьянской запашки в полном объеме и в целом нормализовать аграрную экономику.

На селе было крайне неспокойно. Информационная сводка Щегловского уездного политбюро за вторую половину мая 1921 года характеризовала настроение всех слоев крестьянского населения в уезде как «угрожающее», что было связано с отсутствием семян для сева, элементарных продуктов питания и предметов первой необходимости. Особо подчеркивалось, что без удовлетворения насущных витальных потребностей крестьян «никто и ничто их дух поднять не сможет». Причем отмечалось, что вследствие затруднительного продовольственного положения «бедняки все больше и больше спаивались с кулаками». Весной — летом 1921 года в Щегловский уездный партийный комитет из Красной, Смолинской, Баяновской, Подонинской и других волостей Щегловского уезда поступали сообщения о крайне негативных настроениях крестьян: «крестьянское население сильно волнуется, так как сильная голодовка и весенний сезон подходит, а семян нет <...> партийные выписываются

1 Неизвестный Кузбасс: сборник архивных документов. Вып. 3: Крестьянство Кузбасса (1925–1941). Кемерово, 2005. С. 12–13.

2 Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчет... С. 66–67.

3 Обзор Томской губернии в 1912 году. Томск, 1914. С. 11.

4 Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 219–223, 226, 287–288.

5 Там же. С. 225.

6 Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. М., 2010. С. 119.

7 Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 285.

8 Гернет М. Н. Голод и преступность // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. II. С. 114–127.

из партии»; «население требует семена и угрожает прод-агентам и представителям власти»; отношение крестьян к советской власти «неблагонадежное», а «на партию крестьяне озлобленные»; «беднота страшно смущена от голоду и есть угроза голодного бунта, которому противостоять вряд ли будет возможность, поскольку голодают семьи вооруженных коммунаров, а комячейки не уверены в том, что кто-то не сделает на них нападение и не перебьет их».

27 мая 1921 года заведующий Кузнецким политбюро докладывал в Томскую ГубЧК: «Недостаток отпущенного для посева из Госфонда зерна, голод и господство кулаков толкают крестьянские массы на преступление. По Кузнецкому уезду крестьянские массы самочинно разгрузили из вспомогательных ссыпунктов десять тысяч пудов забронированного зерна. Агитационные пути и аресты зачинщиков не смогли предотвратить самочинных действий».

В начале июля 1921 года председатель Щегловского уездного исполкома «по прямому проводу» докладывал председателям губисполкома и Сибревкома: «Хлеба нет, население — преимущественно беднота, нетрудоспособные инвалиды и семьи красноармейцев — голодает. Практически все излишки продовольствия в этом районе, пораженном частично засухой и кобылкой, были взяты по разверстке, проводившейся весьма жестко, а остатки собраны вначале бандой Олиферова, потом преследующими ее красноармейцами. Похоже, что хлеба не было даже у кулаков, обычно с успехом его прятавших. При этом неподалеку от села Крапивино располагался принадлежавший Гублескому склад, в котором зерно портилось на глазах у голодных. Рядом в тайге находились банды, которым сочувствовали члены комячеек, одни сознательно, другие — под страхом смерти (семьи коммунистов не менее остро нуждались в продовольствии, поэтому надеяться на вооруженные партиячки особенно не приходилось). Организованные для борьбы с бандитами комотряды, состоявшие преимущественно из бывших партизан, участвовали в массовых грабежах и убийствах. Члены Баяновского и председатель Крапивинского волисполкомов спаслись бегством в Щегловск, туда же направилась и часть населения — требовать хлеба у уездных властей».

В качестве единственно возможного способа избежать «махновщину» особое совещание уездных руководителей рекомендовало выдать нуждающимся часть хлебных запасов (две тысячи пудов ржи и овса) со складов Гублескома¹.

Справедливости ради стоит отметить, что крестьянство, будучи в массе своей аполитичным, выступало не против коммунистической власти, но исключительно за собственное пропитание. В тех местах, где было что сеять и виды на урожай представлялись благоприятными, общественная обстановка оставалась стабильной. К примеру, инструктор Щегловского комитета РКП(б) по Вагановской волости в середине июля 1921 года сообщал в местный

уездный комитет: «Все изменилось потому, что после неурожая на полях показался хлеб, и все взоры крестьян устремлены на него как на счастье, и больше ни об чем не думая хоть бы что»². Решение продовольственного вопроса без преувеличения можно назвать сохранением коммунистами завоеванной на фронтах Гражданской войны власти. Ситуация требовала серьезных правительственных регулирований в аграрной сфере: и в области производства, и в области его учета³.

С целью снижения остроты социальных противоречий и налаживания хозяйственной жизни в деревне в 1923–1924 годах был предпринят значительный шаг. После нескольких лет грабительской для крестьянских хозяйств продовольственной разверстки и переходного периода (1921–1923) смешанного налогообложения на селе был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), в значительной мере унифицировавший и стабилизовавший всю систему сельских налоговых сборов⁴. По сути дела, это знаменовало собой завершение периода чрезвычайных мер в экономике страны и означало своего рода упрочение ее социально-экономической сферы. С 1924 года налог был переведен на деньги. В результате сумма налога исчислилась в среднем в 17 рублей на домохозяйство, что составило около 11% от его чистого дохода и была меньше налогообложения 1922–1923 годов на 20%. До революции сумма налогового тягла составляла в среднем 13 рублей на двор⁵. Сумма в 17 рублей была посильной и, главное, неизменной, что, безусловно, способствовало активизации процесса возрождения сельского хозяйства региона.

Газета «Кузбасс» разъясняла преимущества ЕСХН следующим образом: «Во-первых, он определяет сразу весь налог, во-вторых, дает право крестьянину вносить установленную часть налога деньгами, в-третьих, берется в твердо установленные, известные крестьянам сроки»⁶. Более того, для облегчения уплаты сельхозналога в ряде случаев предоставлялись льготы и скидки. Например, преференции по уплате ЕСХН распространялись на переселенцев, беднейшие слои крестьянства, а также хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий. Кроме того, с целью поощрения расширения посевных площадей, выращивания и распространения особо ценных сортов семян, технических и кормовых культур, создания и функционирования опытно-показательных участков на указанные хозяйства распространялись льготы⁷. Льготный страхо-

² Там же. С. 90.

³ Карпинец А. Ю., Леухова М. Г. Сельское хозяйство кузбасского региона в начале 1920-х гг.: особенности развития в контексте аграрной политики РКП(б) и последствий гражданской войны // Научный диалог. 2020. № 2. С. 353–368.

⁴ Законы об едином сельскохозяйственном налоге. 1923–1924 гг. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13870> (дата обращения: 24.10.2021).

⁵ Народное хозяйство Томской губернии: сборник статистических и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 года. Томск, 1924. С. 73.

⁶ Кузбасс. 1923. № 53. С. 1.

⁷ Кузбасс. 1923. № 55. С. 1.

¹ Шуранова Е. Н. «Голод аннулирует наши распоряжения...»: Власть и крестьянство Сибири при переходе к НЭПу // Сибирь. XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. IV. Кемерово, 2002. С. 88–89.

вой фонд на 1923–1924 годы в Кузбасском регионе соответствовал тысяче пудов хлебов¹. При взимании налога учитывалась сельскохозяйственная специфика отдельно взятых районов. К примеру, на территории Горно-Шорского района в счет натуральной части продналога взымалась пушнина, в горно-таежных (неполеводческих) районах Кузбасса — мясо². Итоговая сумма ЕСХН на каждое домохозяйство определялась по количеству имевшихся облагаемых объемов земли, выраженных в десятинах пашни, едоков и скота. Ставки налога на каждый окладной год устанавливались по районам в зависимости от общего состояния сельского хозяйства и урожая текущего года, на основании чего район относился к тому или иному разряду по обложению. Налог был прогрессивным. В этой связи устанавливались три различные ставки обложения³.

1923/24 сельскохозяйственный год в целом стал спасительным для аграрной сферы региона. По уровню урожайности он был достаточно благоприятным. Урожайность ржи составила 58 пудов с десятины, пшеницы — 55, овса — 69; картофеля собрали 526 пудов с десятины. Все это способствовало тому, что в 1924 году в регионе в прежнем объеме были восстановлены посевные площади, увеличилась площадь посевов ценных товарных культур — пшеницы и овса. Посевная площадь 1924 году в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах совокупно составила почти 353 тыс. десятин, что было сопоставимо с 1917–1919 годами, когда она колебалась в пределах 310–350 тыс. десятин⁴.

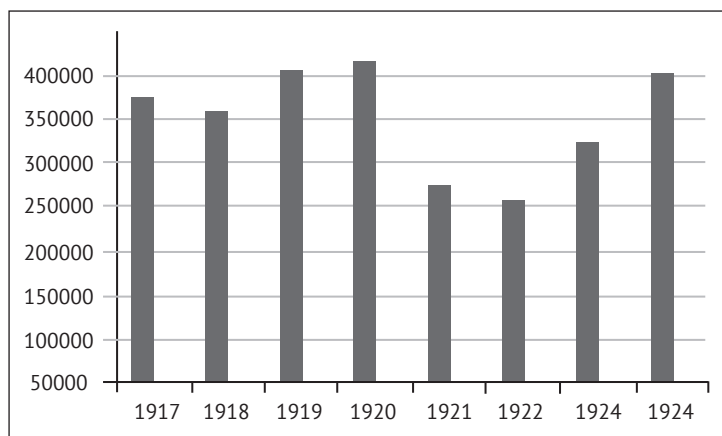

Рис. 3. Динамика посевных площадей в Кузбасском регионе в 1917–1924 годах, десятин

Источники: Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчет... С. 103; Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 195; Народное хозяйство Томской губернии: сборник статистических и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 года. Томск, 1924. С. 78.

1 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 74.

2 Кузбасс. 1923. № 53. С. 1.

3 Положение о едином сельскохозяйственном налоге. 30 апреля 1924 г. Ст. 10–11. URL: <http://музейреформ.рф/node/13870> (дата обращения: 24.10.2021).

4 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... Томск, 1924. С. 78–79.

В 1924 году в основном восстановилось поголовье скота, более того, почти вдвое по сравнению с 1916 годом возросло количество овец. Этому способствовали два обстоятельства. Овцы быстро растут, требуют мало кормов, но дают столь необходимые мясо и шерсть. Кроме того, овцеводство с 1923–1924 годов не облагалось налогом⁵.

Таблица 55

Динамика и структура поголовья кузбасского стада в первой половине 1920-х годов

Год	Лошадь	КРС	МРС	Свинья	Итого	Динамика к 1916 г., %
1916	327 887	385 247	367 259	187 520	1 267 913	100
1920	305 029	308 446	357 611	167 643	1 138 729	90 (↓)
1921	305 749	311 915	314 447	123 820	1 055 931	85 (↓)
1922	275 713	308 705	285 799	70 603	940 820	75 (↓)
1924	280 990	384 621	610 370	182 165	1 458 146	115 (↑)
1925	308 820	416 113	610 289	210 117	1 545 339	120 (↑)

Источники: Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года... С. 122–181; Народное хозяйство Томской губернии: отчет... С. 234–235; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. Томск, 1928. С. 26–65.

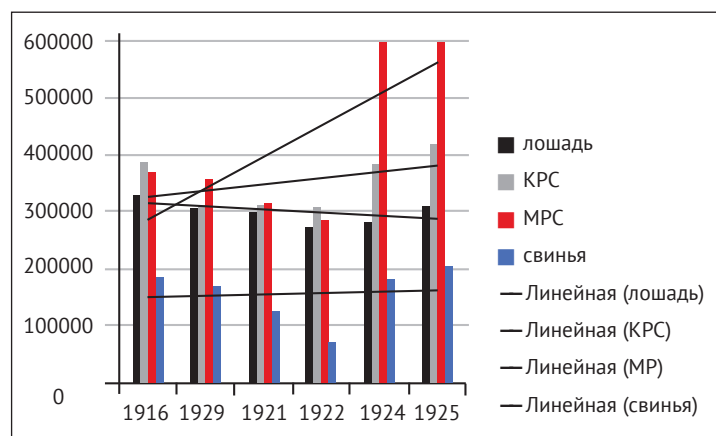

Рис. 4. Структура поголовья кузбасского стада в 1916–1925 годах

В 1924–1925 годах налогообложение было еще в большей мере облегчено за счет отмены системы двойного обложения хлебных посевов, действовавшей в Сибири с 1921 года⁶. Соответствующее налоговое законодательство стало выражением новой политики коммунистов, осуществлявшейся под лозунгом «лицом к деревне». Приоритетное внимание уделялось посильности налога для крестьянского домохозяйства. В этой связи особая роль была возложена на районные налоговые комиссии. Непосредственно

5 Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1983. С. 123.

6 Кузбасс. 1924. № 100. С. 3.

перед проведением налоговой кампании они должны были внимательно рассматривать все жалобы и заявления крестьянства с просьбами уменьшения ставок налогообложения и предоставления льгот. Представители налоговых комиссий, в том числе выезжая на места, должны были в деталях рассматривать хозяйственное положение каждого «трудного» домохозяйства с целью оптимизации налоговых сборов. До революции соответствующие функции находились исключительно в ведении земельных общин и сельских правлений. В каждой из волостей и в каждом отдельно взятом селении наблюдалась местная раскладочная специфика, в которую органы центральной власти предпочитали не вмешиваться. Теперь же государственные налоговые комиссии как представители центральной власти на местах должны были объективно определять налоговые возможности населения, а также следить за 100-процентным выполнением «твердых» налоговых заданий¹.

Состояние аграрной сферы в середине 1920-х годов. Около 50 процентов чистого дохода крестьянского домохозяйства формировались в результате занятия растениеводством: полеводством, луговоедством, огородничеством. Другая половина прибыли складывалась от занятия животноводством (25%) (скотоводством, птицеводством и пчеловодством) и промыслами (25%). Основной статьей дохода крестьянского домохозяйства региона было растениеводство. По сути, вспомогательными отраслями являлись (примерно в равной мере) животноводство и промыслы².

Общие условия сельскохозяйственного развития Кузбасса в указанный период, как и в предшествующее время, в целом оставались неизменными. Несмотря на обилие плодородных почв и относительное многоземелье, территория Кузбасского региона в принципе относилась к зоне рискованного земледелия. В ряде горно-таежных районов случались майско-июньские или августовские заморозки. В некоторых районах Кузбасса редко в полной мере вызревала яровая пшеница, не говоря уже о плодово-ягодных садовых культурах, которые и не культивировались. В горно-таежной зоне региона значительная часть (до 70%) годовых осадков приходилась именно на вегетационный период, что весьма затрудняло занятие земледелием. Зачастую проливные дожди во время созревания или, того хуже, в период уборки урожая резко понижали количество и качество даже хороших по предварительным оценкам урожаяев, как это случилось, например, в самом начале 1920-х годов.

Компенсацией рискованного земледелия отчасти здесь служили животноводство и промыслы. Признанный специалист по аграрной истории России академик РАН Л. В. Милов генеральным фактором российского исторического процесса, значительно замедлявшим темпы экономического развития России, считал краткость вегетационного периода, что значительно уменьшало количество сово-

купного прибавочного продукта в стране. Вегетационный период в Кузбассе был меньше, чем, скажем, в юго-восточных районах центральной части страны. Однако урожайность здесь была не меньшей, более того, стабильней. Это объясняется наличием целинного земельного фонда, который и в 1920-х годах не потерял своего значения.

Период полевых работ в регионе продолжался в общей сложности около полугода. К концу апреля земля в основном окончательно освобождалась от снега, неделю она прогревалась, и в начале мая начинались пахота и сев. Сев начинался обычно с ярицы (яровой ржи) и яровой пшеницы. К середине мая сеяли ячмень и овес, затем, к концу — с интервалами в один-два дня высаживали картофель, сеяли просо, лен, коноплю, гречиху. Последовательность сева объясняется чувствительностью культур к заморозкам.

Через неделю после сева обычно появлялись первые всходы. В середине июня начиналось колошение озимой ржи, с конца июня — ярицы. В первую неделю июля заколашивались пшеница, ячмень и овес. Период колошения злаков продолжался в среднем около двух-трех недель. В самом начале июля озимая рожь зацветала, и ее цветение продолжалось до двух недель. К середине июля зацветали яровые хлеба, их цветение длилось около десяти дней. В середине июля начинался налив озимой ржи, во второй половине — яровых. Период налива продолжался в среднем около месяца. В горно-таежных районах региона в силу чуть более сурового климата и менее плодородных почв все сроки указанных сельскохозяйственных явлений обычно сдвигались на несколько дней вперед. В середине июля, пока готовились хлеба, приступали к сенокосам. Сенокосный период продолжался около месяца. В начале второй недели августа начиналась уборка озимой ржи и продолжалась примерно две-три недели. Уборка яровых культур обыкновенно стартовала в середине августа и продолжалась в течение месяца. Открывался уборочный процесс яровых хлебов ярицей и льном, 20 августа начиналась уборка пшеницы и ячменя, во второй половине двадцатых чисел августа начинали убирать овес, просо и гречиху.

К концу первой недели сентября обычно принимались за уборку конопли, наконец, в середине сентября собирали картофель. К исходу первой недели сентября завершалась уборка ячменя, льна, ярицы и пшеницы, к середине сентября — овса, гречихи, проса и конопли, к середине двадцатых чисел сентября — картофеля. Во второй половине августа сеяли озимую рожь, что сочеталось с уборкой озимого урожая предшествующего года³. Вот таков приблизительно (год на год не приходился) был период полевых работ, который продолжался в регионе в течение пяти месяцев и был максимально сжат по срокам. Общий уровень урожайности в Кузбассе оставался в целом сравнительно невысоким, тем не менее относительно стабильным.

1 Неизвестный Кузбасс. Вып. 3... С. 6–7.

2 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 106.

3 Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края: 1920–1928 гг. Вып. I: Полеводство и луговоедство. Новосибирск, 1930. Л. XV–XLV.

За 1924–1928 годы средняя урожайность ржи составляла сам-6,2, ярицы — сам-3,9, пшеницы — сам-4,8, ячменя — сам-4,3, овса — сам-4,8, картофеля — сам-5,2¹. Средняя урожайность главных культур в 1920-е годы не претерпела изменений в сравнении с периодом конца XIX — начала XX века, составив в среднем сам-5 (пять зерен сбора на одно зерно посева). Полеводство в регионе было практически свободным от какого-либо общественно-общинного регулирования. Обязательного севооборота, как в условиях трехполья Европейской России, здесь за редкими исключениями не было. Чередование пара и посева, хлебов в посевах, продолжительность возделывания культур до отправления почвы в залежь, как и сроки залежности, варьировались даже в пределах одного селения и зависели от воли отдельно взятых домохозяев. Общинные традиции не имели здесь господства. Вот почему так максимально сложно приживались в регионе навязанные коммунистами коллективные формы сельского хозяйствования.

Чередование пара и посева обычно складывалось либо по трехпольному, либо по двухпольному типу в зависимости от качества почв и степени их истощения. Иногда севооборот начинался по трехпольному типу, а затем, перед забрасыванием участка в залежь, переходил к двухпольному, что позволяло дольше удерживать полосу в культуре. Навозное удобрение применялось лишь в отдельных селениях Мариинского уезда, в Щегловском и Кузнецком уездах унавоживание почв и к середине 1920-х годов не производилось.

Содержание домашнего скота, как и прежде, осуществлялось на самом примитивном уровне. Несмотря на достаточно суровый климат, животные содержались зимой в холодных помещениях, нередко даже в открытых стайках. Лишь новорожденные на несколько дней заносились в избу или баню, а после размещались в холодных пригонах вместе с остальным скотом. В том числе и поэтому местная животины зачастую была слабой и худосочной, легко подверженной периодическим эпизоотиям. Главной кормовой базой служили сено и солома. «Сильные» корма (клевер с тимофеевкой и масленичные жмыхи) давались на прикорм лишь рабочему скоту в период тяжелых полевых работ, а также продуктивному скоту после отела и перед заколом².

В условиях неразвитости или даже отсутствия к середине 1920-х годов инновационных агротехнологических методик ведения сельского хозяйства главенствующую роль в аграрном производстве продолжал играть естественно-природный физико-географический фактор. Именно от него в первую очередь зависела специфика сельскохозяйственной деятельности местного населения. Кузбасс лежал в пределах четырех физико-географических районов (ФГР). На западе Кузбасского региона полосой с се-

ра на юг протянулся Кузнецкий степной ФГР. Территориально ему соответствовали Юргинский и Поломошинский районы Томского уезда, Усть-Сосновский, Краснинский, Топкинский, Щегловский, Ленинский, Бачатский, половина Крапивинского и значительная часть Прокопьевского районов Щегловского уезда. В северо-восточной части раскинулся Мариинско-Чулымский ФГР: Малопесчанский, Ижморский, Троицкий, Мариинский, Суловский, Тисульский, Тяжинский, Итатский, Верх-Чебулинский районы Мариинского уезда. Между ними также полосой с севера на юг протянулись Томский подтаежный ФГР (Ишимский район Томского уезда) и Кузнецкий горно-таежный ФГР: Тайгинский и Судженский районы Томского уезда, Кемеровский, половина Крапивинского и незначительная часть Прокопьевского, а также Кузнецкий и Кондомский районы Щегловского уезда.

Специфика регионального полеводства в соответствии с ФГР Кузбасса представляется в следующем виде. В Кузнецком степном ФГР главной продовольственной зерновой культурой была пшеница, занимавшая треть всех посевных площадей (35%). Второстепенной продовольственной культурой была рожь, в общей посевной площади занимавшая около 25% посевов. Ключевой продовольственно-фуражной культурой был овес (25%). Таким образом, 85% всех посевных площадей в середине 1920-х годов, как и в дореволюционный период, принадлежало зерновой триаде: пшеница, рожь и овес. Остальные культуры — ячмень, гречиха, просо, горох, лен, конопля, картофель — занимали 15%. Обширные черноземные степи позволяли местным крестьянам распахивать значительные земельные пространства, засевая их ценной пшеницей. Поскольку пшеница была самым дорогостоящим товарным хлебом, занятие полеводством приносило здешнему крестьянству хороший доход³. Почти во всех районах Кузнецкого степного ФГР посевы пшеницы преобладали над посевами ржи: Юргинском, Усть-Сосновском, Щегловском, Крапивинском, а в Краснинском, Ленинском и Бачатском районах в совокупности соотношение пшеница — рожь равнялось трем к одному. Только в Поломошинском, Топкинском и Прокопьевском районах (по статистическим данным на 1925 г.) посевы ржи ненамного превосходили посевы пшеницы. Средний посев, незначительно варьируясь от 2,2 га на домохозяйство в Бачатском районе до 3,6 га в Юргинском районе, в среднем составлял 2,7 га на домохозяйство.

В Мариинско-Чулымском ФГР посевные площади пшеницы и ржи были равны (около 30% каждая культура), в общей сложности занимая около 60% всех посевных площадей. Посевная площадь овса занимала 20%. Зерновая триада пшеницы, ржи и овса составляла около 80% посевных площадей, и около 20% занимали второстепенные культуры ячменя, проса, гречихи, гороха, картофеля, льна и конопли. Классическими «ржаными» были Малопесчанский и Ижморский районы, в которых соотношение

1 Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике... 1930. С. 50–69.

2 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 79–87.

3 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 112.

рожь — пшеница равнялось трем к одному. Площади посевов ржи преобладали над посевами пшеницы в Троицком районе, а вот «пшеничными» здесь были Верх-Чебулинский, Тисульский, Итатский и в некоторой степени Тяжинский районы, поскольку части указанных территорий представляли собой степной остров, окруженный лесами, горами и тайгой.

Томский подтаежный и Кузнецкий горно-таежный районы были в основном «ржаными». Здесь посевы ржи вдвое превышали по площади посевам пшеницы. Классическим «ржаным» был Ишимский район. Посевы ржи вдвое превышали по площади посевам пшеницы в Судженском и Тайгинском районах. В Кемеровском и Кузнецком районах также отдавали предпочтение ржи. Здесь, как и в Мариинско-Чулымском ФГР, 80 процентов всех посевных площадей принадлежало зерновой триаде ржи, пшеницы и овса, но их соотношение было несколько иным: рожь — 35 %, овес — 25 %, пшеница — 20 %.

Таблица 56

Соотношение основных зерновых культур в физико-географических районах Кузбасского региона в хронологическом срезе на середину 1920-х годов, %

Район	Пшеница	Рожь	Овес	Остальные
Кузнецкий степной	35	25	25	15
Мариинско-Чулымский	30	30	20	20
Томский подтаежный и Кузнецкий горно-таежный	20	35	25	20

Степень развития земледельческой культуры зависит от состояния почв. Классических черноземов в Кузбассе было не так много: всего лишь два острова. Первый располагался в центральной части Кузнецкого степного ФГР и соответствовал территории трех административных районов: Краснинского, Ленинского и Бачатского. Второй находился в юго-восточной части Мариинско-Чулымского ФГР и охватывал пространства Тисульского, Верх-Чебулинского и Итатского районов. Указанные районы были «пшеничными» в плане соотношения главных продовольственных зерновых культур. Самым «пшеничным» районом Кузбасса был Краснинский район. Здесь соотношение пшеница — рожь соответствовало 85 % к 15 %, в Бачатском районе — 80 % к 20 %, в Тисульском районе — 75 % к 25 %, в Ленинском, Верх-Чебулинском и Итатском районах — 70 % к 30 %. В целом на черноземном острове Кузнецкого степного ФГР соотношение пшеница — рожь было в среднем 80 % к 20 %, на черноземном острове Мариинско-Чулымского ФГР — 70 % к 30 %.

Вокруг черноземного острова в пределах всего Кузнецкого степного ФГР (Юргинский и Поломошинский районы Томского уезда, Топкинский, Усть-Сосновский, Щегловский, частично Крапивинский и Прокопьевский районы Щегловского уезда) почвы представляли собой деградиро-

ванные черноземы с лесными сутлинками. Здесь соотношение пшеница — рожь составляло 50 % к 50 %. Аналогичные почвы располагались к северо-западу и северо-востоку от черноземного острова Мариинско-Чулымского ФГР, занимающая районы Мариинского уезда: Малопесчанский, Ижморский, Троицкий, Мариинский, Суловский и Тяжинский. Здесь соотношение пшеница — рожь равнялось 40 % к 60 %. Самыми «ржаными» районами здесь были Малопесчанский район, в котором посевные площади ржи в 3,5 раза превышали соответствующие площади пшеницы, и Ижморский район, где посевы ржи вдвое превышали посевам пшеницы.

Горно-таежной полосой между Кузнецким степным ФГР и Мариинско-Чулымским ФГР с севера на юг протянулись районы Томского подтаежного ФГР (Ишимский район Томского уезда) и Кузнецкого горно-таежного ФГР (Тайгинский и Судженский районы Томского уезда, Кемеровский, частично Крапивинский и Прокопьевский, Кузнецкий и Кондомский районы Щегловского уезда). Здесь почвы представляли собой подзолы как типичные почвы хвойных лесов. Здесь соотношение пшеница — рожь было еще меньшим и равнялось 30 % к 70 %. Наиболее «ржаным» здесь был самый северный — Ишимский район, в котором посевные площади ржи в 3,5 раза превышали соответствующие площади пшеницы. Также в северных Тайгинском и Судженском районах посевы ржи вдвое превышали посевам пшеницы. В Кемеровском районе, как и Кузнецком, соотношение пшеница — рожь составляло 35 % к 65 %.

Соотношение посевов земледельческих культур зависело не только от качества почв, но и от ряда природно-климатических факторов. Немаловажное значение имел температурный режим. Кузбасский регион в силу местных климатических условий в принципе относился к зоне рискованного земледелия. Средняя температура года составляла здесь чуть более 0° С (от -0,5° на севере до +1° на юге), а средняя температура вегетационного периода равнялась немногим более +15° С (от +15° на севере до +18° на юге). Агрономическая наука констатирует, что подобные климатические условия автоматически зачисляются территорию в зону земледельческого риска. Границей неблагоприятных термических условий для занятия продуктивным земледелием в регионе считалась 56-я параллель северной широты. Вот как раз на ней и расположились Тайга и Мариинск. Вместе с тем все не так прямолинейно просто. Тайга находится на высоте 259 м над уровнем моря, а Мариинск значительно ниже — на высоте 137 м над уровнем моря. Соответственно, если в Тайге средняя температура года составляла -0,5° С, а вегетационный период длился в среднем 145 дней, то в Мариинске средняя температура была уже плюсовой, составляя +0,1° С, а вегетационный период продолжался в среднем 150 дней. Так же и на юге Кузбасса. Если Салаир, расположенный на высоте 378 м над уровнем моря, имел среднюю температуру года +0,5° С и продолжительность вегетационного периода 150 дней, то Кузнецк, находясь на высоте 221 м над уровнем моря, имел средне-

годовую температуру $+1^{\circ}\text{C}$ и вегетационный период 160 дней. Кузнецк разместился на 53-й параллели.

Таким образом, Кузбасский регион, раскинувшись в пределах 53-й на юге и пограничной 56-й параллели на севере, по своим термическим параметрам находился как бы на границе продовольственной безопасности. Повышение высоты над уровнем моря в еще большей степени понижало температурный режим. В этой связи в Ишимском, Тайгинском и Судженском районах Томского уезда, которые, во-первых, лежали в границах 56-й параллели, а во-вторых, находились на возвышенности, посевы ржи втрое превышали посеы пшеницы. Дело в том, что отрицательные средние температуры весны и осени при довольно значительной влажности способствовали большой вероятности поздних весенних и ранних осенних заморозков, повреждавших такой чувствительный злак, как пшеница. В то же время озимая рожь, успевая налить зерно до наступления осенних заморозков, была здесь наиболее подходящим продовольственным злаком. Среднегодовая температура Мариинско-Чулымского ФГР находилась на уровне $+0,5^{\circ}\text{C}$. Температуры весны и осени здесь были положительными. Вообще климат Мариинского уезда был в большей мере теплым и сухим в сравнении с «кузбасскими районами» Томского уезда. В Кузнецком степном ФГР лето было в среднем теплее на 1° , чем в Мариинско-Чулымском, несколько большей была здесь и продолжительность вегетационного периода, меньшим — количество осадков в вегетационный период. Таким образом, качества почв и природно-климатические условия делали Кузнецкий степной ФГР наряду с Мариинско-Чулымским наиболее привлекательными с точки зрения сельскохозяйственного производства. Земледелие и скотоводство здесь были достаточно развиты.

Удачно продемонстрировал различие между пшеничными и ржаными районами Кузбасса М. Г. Александровский в своих «Очерках природных условий сельского хозяйства Томской губернии», опубликованных в середине 1920-х годов. «Что касается полевых культур, — писал он, — то большее или меньшее развитие главных из них обуславливается продолжительностью вегетационного периода и характером почвы и снегового покрова. Поэтому в Мариинском уезде преобладающее место в полевом посеве занимает озимая рожь как мирящаяся со сравнительно суровыми условиями климата и бедными почвами, но требующая прочного снегового покрова и поэтому удающаяся лишь в закрытых местах, где снег не сдувается с поля ветром. В Кольчугинском же уезде главным хлебом является яровая пшеница, требующая много тепла, открытых мест и плодородной почвы. Поскольку в северных уездах пшеница удается не всегда и не на всех почвах, постольку озимая рожь в степи плохо удается из-за выдувания снега на полях»¹. Таким образом, исключительно

в силу специфики почвенно-климатических условий северо-восток, восток и юг Кузбасса были преимущественно ржано-пшеничными, а северо-запад и запад — пшенично-ржаными.

К середине 1920-х годов половина всего поголовья лошадей (151 731 голова) была сконцентрирована в пределах Кузнецкого степного ФГР. Особенно в плане коневодства выделялись Краснинский, Бачатский, Ленинский, Прокопьевский и Щегловский районы — здесь размещалась почти треть всего поголовья лошадей Кузбасса (95 699 голов). Другая треть поголовья (102 105) концентрировалась в Мариинско-Чулымском районе. Особо выделялись степные Тисульский, Итатский и Верх-Чебулинский районы. Только чуть более 15% поголовья лошадей (51 589 голов) размещались в Томском подтаежном и Кузнецком горно-таежном районах. Здесь похвастать значительным поголовьем мог разве что только Кузнецкий район.

Аналогичная картина рисуется и в отношении поголовья крупного рогатого скота. Ровно половина его поголовья (208 108) концентрировалась в Кузнецком степном ФГР. Особенно отличались Ленинский, Крапивинский, Щегловский и Прокопьевский районы: 20–25 тысяч голов на район, в Краснинском районе — более 35 тысяч голов. Треть поголовья крупного рогатого скота Кузбасса размещалась в Мариинско-Чулымском ФГР. Здесь стадо в размере 20 тысяч голов крупного рогатого скота на район фиксируется только в Итатском районе. В остальных районах Мариинско-Чулымского ФГР поголовье крупного рогатого скота варьировалось от 10 до 20 тысяч голов. В Томском подтаежном и Кузнецком горно-таежном районах концентрировалась пятая часть кузбасского поголовья, более 20 тысяч голов на район фиксируется только в Кузнецком районе. В остальных районах поголовье крупного рогатого скота немного превышало 10 тысяч голов.

В середине 1920-х годов наиболее многочисленным в Кузбасском регионе было поголовье мелкого рогатого скота. В шестерку лидеров входили Краснинский, Ленинский, Щегловский, Топкинский, Бачатский и Тяжинский районы. В каждом из них поголовье превышало 30 тысяч голов, а в Краснинском районе — 60 тысяч (40% всего поголовья мелкого рогатого скота Кузбасса). Если по поголовью лошадей, крупного и мелкого рогатого скота первые места держали районы Кузнецкого степного ФГР, то по поголовью свиней — районы Мариинско-Чулымского ФГР. В числе пяти районов с самым большим поголовьем свиней входили Суловский, Тисульский, Тяжинский, Мариинский и Малопесчанский районы. В них содержалась треть всего поголовья свиней Кузбасса.

В среднем в середине 1920-х годов в Кузбассе держали 13 голов скота на домохозяйство. В шестерку районов с наибольшим количеством домашнего скота на хозяйство входили Тяжинский, Суловский, Малопесчанский, Итатский, Троицкий и Краснинский районы. В них количество скота варьировалось от 16 до 19 голов. В общем поголовье скота преобладали овцы, 40% от всего поголовья. Треть стада составлял крупный рогатый скот, а пятую часть —

¹ Александровский М. Г. Очерк природных условий сельского хозяйства Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии. Томск, 1925. С. 43.

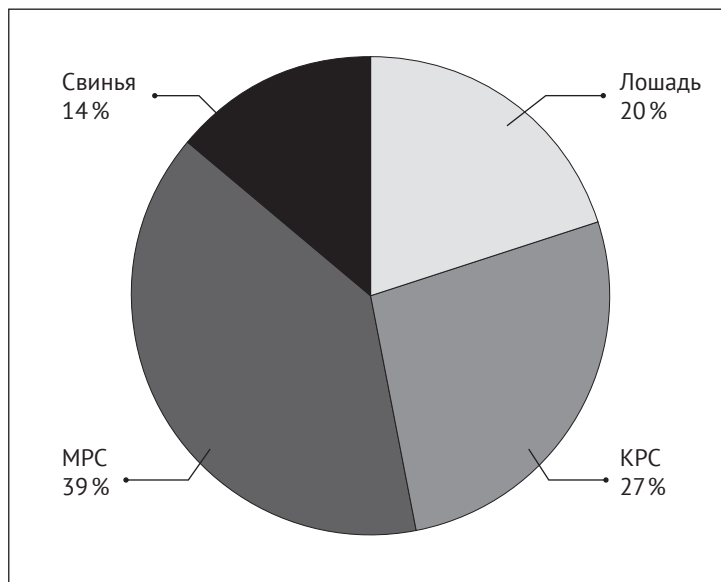

Рис. 5. Структура кузбасского поголовья скота в хронологическом срезе (середина 1920-х)

лошади. Традиционно минимальное значение имело свиноводство (рис. 5).

Многие селяне Кузбасского региона занимались отхожими промыслами, например приисковым, но лишь 1% от общего количества домохозяйств был занят в сфере кустарных промыслов (ремесел). На рис. 6 представлена распространенность различных производящих промыслов.

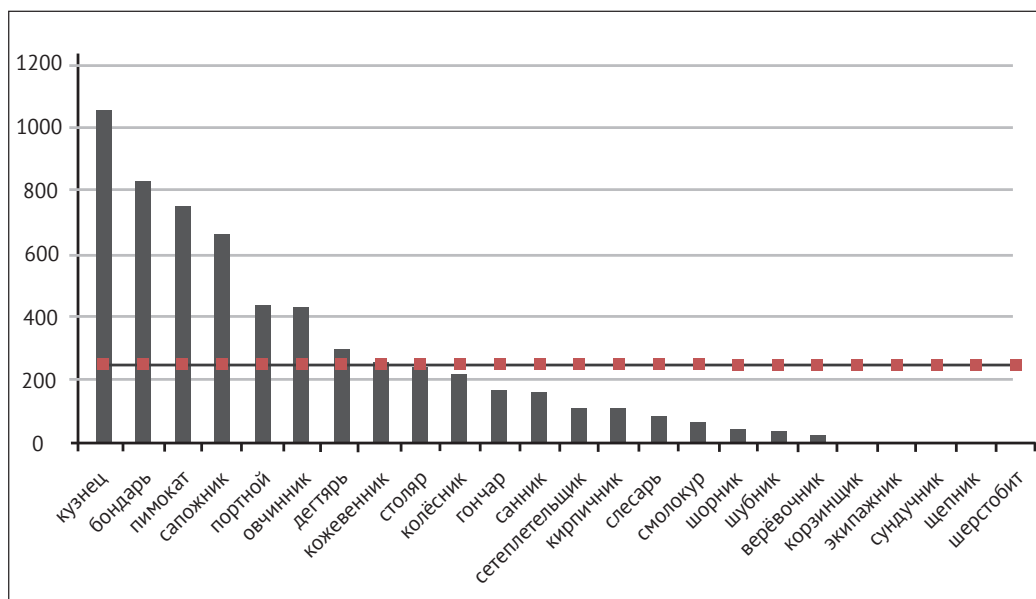

Рис. 6. Количество промысловиков в Кузбасском регионе (середина 1920-х)

В Кузнецком районе на середину 1920-х годов наиболее распространенными были кузнечный и бондарный промыслы. Наибольшее количество кузнецов проживали в Бачатском, Щегловском и Кемеровском районах; в последнем преобладал бондарный промысел. Если доверять статистическим данным, в Кемеровском районе проживали около полутысячи бондарей. Здесь же насчитывалось

наибольшее число шубников и колесников. Больше всего гончаров, санников и шорников проживали в Бачатском районе. Ленинский район отличался своими кирпичниками. Смолокурами, колесниками и санниками славилась селения Краснинского района, дегтярями — селения Крапивинского, Бачатского и Кемеровского районов. Также достаточно распространенными в степной и переходной от степи к тайге зонах были промыслы по производству одежды и обуви (сапожный, пимокатный, портняжный). Менее распространенными были промыслы, связанные с обработкой животных продуктов (овчинный и кожевенный). Столярное дело развивалось примерно в равной мере во всех административных районах рассматриваемой географической зоны. Наименее развитыми здесь были слесарный, веревочный, корзинный, экипажный и сетеплетельный промыслы. Наибольшее число слесарей проживали в Кемеровском и Краснинском районах. В последнем работали 14 веревочников и один мастер сетеплетения. В Краснинском районе жили пять корзинщиков. В Бачатском районе был единственный специалист экипажного дела. Совершенно не было здесь специалистов шерстобитного, сундучного и щепного дела.

В Мариинско-Чулымском районе в середине 1920-х годов промыслами и ремеслами был занят 1% населения. Наиболее распространенными промыслами здесь были кузнечный, пимокатный и сапожный, также среди приоритетных — овчинный, бондарный, дегтярный и столярный промыслы. Шубники работали в основном в Ижморском, Малопесчанском и Тяжинском районах. Кожевенниками славилась селения Мариинского, Итатского, Ижморского и Тяжинского районов. В последнем в основном были сконцентрированы шорники. Гончарами славилась селения Малопесчанского и Ишимского районов. В последнем было больше всего кирпичников. В Мариинском районе жили наибольшее число колесников. Своими санниками славилась селения Ижморского, Мариинского, Тяжинского и Малопесчанского районов. Веревочники проживали в основном в селениях Мариинского района. Слесарное дело было развито примерно в равной мере во всех административных районах рассматриваемой географической зоны. Знатный шерстобит трудился в Итатском районе, корзинщик — в Мариинском, смолокур — в Ижморском. На всю Мариинско-Чулымскую географическую зону приходились два сундучника и пара экипажников, проживавших в Ишимском, Малопесчанском и Тисульском административных районах.

Специалистов щепного и сетеплетельного дела в рассматриваемом субрегионе не было.

В принципе аналогичная ситуация наблюдалась и в горно-таежной зоне Кузбасса. Отличительной особенностью здесь было развитие сетеплетельного промысла в Кузнецком районе. В целом же по Кузбассу десятью наиболее популярными, как и в 1914 году, были (по степени убывания): кузнечный, бондарный, пимокатный, сапожный, портняжный, овчинный, дегтярный, столярный, кожевенный и колесный промыслы.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РКП(б) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ. К середине 1920-х годов сельскохозяйственный и продовольственный кризисы начала десятилетия в целом удалось преодолеть. Восстановились объемы запашки, поголовье домашнего скота, сельская хозяйственная жизнь в принципе вошла в свое прежнее русло. Постепенно возвращался к докризисному положению уровень благосостояния населения, но тем не менее процент бедняцких хозяйств все еще оставался достаточно высоким. В 1923 году, по статданным Кузнецкого окружкома, в сельской местности Кузнецкого округа социальный расклад по уровню благосостояния был следующим: бедняцких хозяйств — 25%, середняцких — 68%, зажиточных — 7%. В 1925 году соответствующий расклад выглядел более благополучно: бедняцких — 15%, середняцких — 75%, зажиточных — 10%. Очевидно, что за два года (1923–1925) 10% домохозяйств преодолели порог бедности, выйдя из кризиса¹.

Единый сельскохозяйственный налог 1926–1927 годов исчислялся и взимался «в зависимости от наличия в хозяйстве едоков и доходов, получаемых от полеводства, луговодства, крупного рогатого скота, перезимовавших овец и коз, табаководства и пчеловодства, неземледельческих заработков, каковыми являлись: мельницы, крупорушки, маслобойки, угольная промышленность, гончарное производство, плотничные и столярные работы, кузнечные и слесарные мастерские, шерстобитки, кожевенные, овчинные и пимокатные производства, ямская и извозная промышленность, рыболовная и охотничья промышленность, лесные разработки и поставки, сепараторы, молотилки, сенокосилки, жнейки и куклеотборники, кирпичники, каменщики, печники, сапожники, портные, сбор ореха, заработная плата». Исполкомам на местах было предоставлено право варьирования размеров налогообложения тех или иных объектов. В обязательном порядке от уплаты налогов освобождались заработки «в порядке трудовой повинности, в сельском хозяйстве батраков, выборных на советских должностях, медперсонала, агрономов и лесничих и их помощников, учителей, нарсудей и сельской милиции»².

Налог был подоходным и прогрессивным. Его размер определялся в зависимости от суммы дохода в хозяйстве и количества «едоков»:

с первых 20 рублей дохода на едока взималось 2 копейки с каждого рубля;

с излишка дохода 20–30 рублей — 3 копейки с рубля;

от 30 до 40 рублей — 5 копеек с рубля;

от 40 до 50 рублей — 10 копеек;

от 50 до 60 рублей — 17 копеек;

от 60 до 80 рублей — 21 копейка;

от 80 до 100 рублей — 23 копейки;

сверх 100 рублей — 15 копеек с каждого рубля.

В число едоков включались все граждане домохозяйства, в том числе военнослужащие и учащиеся совпартшкол, рабфаков, комуниверситетов и других вузов. Коллективным и кооперативным хозяйствам предоставлялась скидка: 25 и 10%. Временные льготы полагались переселенческим хозяйствам, семьям красноармейцев, хозяйствам, пострадавшим от стихийных бедствий. Формировались соответствующие институциональные структуры в виде налоговых комиссий с целью сбора налога (окружных при окрисполкомах и районных при РИКах) и учетных комиссий с целью составления поселенных списков учета источников дохода, едоков и предварительного определения размера доходов от неземледельческих занятий³.

Преимущественной целью региональной власти было развитие на селе коллективных и кооперативных форм хозяйствования. Во второй половине 1920-х годов развивалась зародившаяся еще в начале столетия потребительская кооперация. Потребительские кооперативные общества Кузнецкого округа объединялись в союз, главная контора которого в середине 1920-х годов располагалась в Ленинске, вспомогательная — в Щегловске. Союз имел представительские пункты в Прокопьевске, Топках, Бачатах и Плотникове, а также перевалочный пункт в Шишине. Главной задачей союза оставалось снабжение крестьян товарами первой необходимости по приемлемым ценам через сеть специальных складов. Наибольшим спросом пользовались текстильная мануфактура, бакалейно-пищевые товары, изделия из железа, на которые приходилось в общей сложности около 75% всего товарного оборота складов потребительской кооперации⁴. С горем пополам функционировали отдельно взятые коммуны, созданные в начале 1920-х годов.

Стабилизация налогообложения и преодоление последствий Гражданской войны и неурожайных лет позволили коммунистам приступить в полной мере к реализации своей аграрной программы. РКП(б) позиционировала себя как партия беднейших слоев российского общества — городского и сельского пролетариата. Повышение производительности сельскохозяйственного труда партия видела в объединении отдельно взятых мелких крестьянских домохозяйств в экономически более эффективные коммуны сельхозпроизводителей. Главной тенденцией сельскохозяйственного развития второй половины 1920-х годов стала модернизация аграрного производства, которая

1 Протокол № 4 объединенного IV пленума Кузнецкого окружкома ВКП(б) и III окружной контрольной комиссии, 11–12 июня 1926 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 91. Л. 33.

2 Там же. Л. 1–2.

3 Там же. Л. 3–4.

4 Доклад тов. Потапова о потребительской кооперации на V пленуме ОК и ОкрКК, 6 ноября 1926 // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 92. Л. 137, 143.

Контора Гурьевского рабоче-крестьянского общества потребителей. 1929 // Гурьевский городской краеведческий музей. ОФ. № 3079

заклучалась, по видению большевиков, в переходе от низкопродуктивного единоличного крестьянского хозяйства к высокопродуктивному коммунальному. Идеологи РКП(б) представляли аграрную коммуну как «единственный светлый луч беднейшего крестьянства»¹.

Воззрения большевиков были законодательно закреплены в постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 года: «Для организации сельского хозяйства на основах социализма необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие»².

Советская власть способствовала организации коллективных форм сельского хозяйствования. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1920 года зарегистрировала в Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах 213 коммун, в которые были организованы в общей слож-

ности 1 348 человек, 77 артелей на 529 человек и 4 совхоза на 90 человек³. Таким образом, следует констатировать факт существования в регионе на 1920 год примерно 300 коллективных сельскохозяйственных объединений, включивших в свой состав около двух тысяч крестьян. Зачастую с целью повышения показателей в категорию коммун статисты включали простейшие товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), не предполагавшие обобществления земли, имущества и средств производства. Многие из коммун существовали только на бумаге. К тому же аграрный кризис 1920–1922 годов внес коррективы в реализацию коммунистической политики в деревне. К 1924 году в регионе осталась лишь пара десятков коммун с четырьмя сотнями участников, влачивших, по сути дела, жалкое существование. В Кузнецком уезде значилось 3 коммуны с 56 членами, в Мариинском — 4 с 79 членами, в Щегловском — 13 с 263 членами⁴.

23 марта 1920 года на месте домохозяйства купца коннозаводчика Степана Николаевича Пьянкова, разоренного вихрем Гражданской войны, 12 семей в 70 душ образовали коммуну со звучным названием «Коминтерн». Новое хозяй-

1 Сибирский коммунист. 1920. № 12. С. 1.

2 Известия ВЦИК Советов от 14 февраля 1919 года № 34. URL: <https://istmat.info/node/35545> (дата обращения: 25.10.2021).

3 Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчет... С. 66–67.

4 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 60.

ство на момент создания состояло из трех десятков лошадей, двух десятков коров, 70 овец, 15 свиней. Из инвентаря в коллективном хозяйстве было две жнейки, три сенокосилки, несколько плугов; из построек — три избы и два амбара. Коммунарам удалось пережить кризис начала 1920-х годов и с лета 1922 года, когда к «коминтерновцам» присоединились семьи из распавшихся близлежащих сельских коммун, хозяйственная жизнь стала постепенно налаживаться. Коллективное имущество коммуны возросло до 30 лошадей, 60 коров, 300 овец, 50 свиней. Толчком к развитию коммуны стало освобождение от сельхозналога в 1923 году. В результате на сэкономленные денежные средства к 1924 году были выстроены два дома для общежития коммунаров, складские помещения, устроены хлебопекарня, шорная и сапожная мастерские. Весной 1924 года в ознаменование четырехлетия коммуны за пару недель выстроен просторный народный дом и приобретен двухлещный двадцатисильный трактор «Фордзон»¹. Несмотря на относительный прогресс, коммуна в середине 1920-х годов пребывала на грани банкротства, будучи чрезмерно закредитованной.

Другой типичный пример — коммуна «Труд». Она была создана, как и большинство подобного рода организаций, в 1920 году в составе восьми семей, в основном бедняцких, близлежащих селений. Коммуна располагалась на берегу реки Ини рядом с деревней Тарабарино. Местность степная, открытая, с черноземной почвой, развитым земледелием и скотоводством. Земельный надел для пользования коммуной формально был отграничен в одном отрубе, заключавшем в себе усадебный надел (2,5 десятины), огород (0,5), пашню (329), заливные луга (24), выгон (30), кустарники и болото (52), а всего в отрубе было 438 десятин. Относительное развитие коммуна получила в 1924 году, когда вследствие реализации государственной политики укрупнения коммун к ней была присоединена соседняя коммуна «Пчёлка». Тогда коммунарами была оборудована 12-сильная паровая мельница, приобретены трактор и молотилка. В то же время к 1926 году это была самая закредитованная коммуна Кузнецкого округа, что дало основание инспекции Кузнецкого отделения Селькредита произвести комплексную проверку эффективности работы коммуны. Проверка показала непродуктивность ее деятельности, как в зеркале высветив экономические проблемы подобного рода предприятий.

Таких коммун в Кузбассе к середине 1920-х годов осталось всего два десятка. Это была социалистическая капля в море деревенского рыночного хозяйствования, что позволило местным аграриям констатировать неутешительный факт: «Преобладающим типом организации сельскохозяйственного предприятия в данное время является единоличное хозяйство. Сельское хозяйство сегодня раздроблено на десятки тысяч отдельно взятых производственных ячеек, мелких единоличных хозяйств, не связанных между собой иначе, как через рынок, и управляемых волей одного домохозяина, подчиняющегося в построе-

нии хозяйственного плана, с одной стороны, хотя и регулируемым советской властью, но все же в значительной мере стихийным процессам рынка, а с другой — своей хозяйственной смекалке. Среди этого огромного моря единоличных хозяйств, как маяки на островах, виднеются то там, то здесь сельскохозяйственные коллективы, но роль их в настоящее время еще очень невелика»².

Система сельского хозяйствования, преобладавшая к середине 1920-х годов и базировавшаяся на рыночных принципах, шла вразрез с коммунистической политикой большевиков. Если крупная промышленность была в основном национализирована и в общем и целом подчинялась единому государственно-хозяйственному плану, то сельскохозяйственное производство оставалось, по сути дела, на дореволюционном уровне. Это вносило противоречие в экономическую жизнь страны и препятствова-

Трактор «Фордзон»

ло реализации индустриализационно-модернизационных планов РКП(б). Выход — совершенствование и углубление коммунистических форм и методов хозяйствования в деревне, что было не так просто сделать. Коммуны как новые и вследствие этого неотработанные модели аграрного производства имели целый ряд недостатков, которые отмечали органы руководства регионом.

Во-первых, наблюдалась неорганизованность внутреннего хозяйственного распорядка в коммунах. Ряд коммун не имел определенной производственной специализации, что способствовало нерациональному расходованию и без того ограниченных денежных средств сельхозпредприятий. В коммунах недостаточно выполнялась задача перевода сельского хозяйства на научные основы его ведения. Во-вторых, фиксировался факт закредитованности коммун, что свидетельствовало о финансовой неграмотности и экономической неопытности руководителей предприятий. В-третьих, отмечалась общественно-политическая и социкультурная несознательность коммунаров, которые практически ничем не отличались от своих сельчан, в то время как они должны были служить образцом поведения на селе. Отдельной критике подвергалась недостаточная

1 Кузбасс. 1924. № 81. С. 1; № 82. С. 2; № 84. С. 2.

2 Народное хозяйство Томской губернии: сборник... С. 61.

феминизация коммунарок, которые вели себя как традиционные сельские бабы, не принимая непосредственного участия в управлении коммуной. Наконец, руководящие органы коммун критиковались за недемократичность в управлении вверенными им сельскохозяйственными организациями. В частности, руководители крайне редко отчитывались как перед советом коммуны, так и перед рядовыми коммунарами. Совет коммун собирался редко; еще реже проходили общие собрания всех членов коммуны. Руководители коммун мало заботились о повышении престижа вверенных им сельскохозяйственных организаций¹.

Периодически на заседаниях президиума Кузнецкого укома РКП(б) обсуждались вопросы неэффективности работы коммун. К примеру, на заседании от 3 января 1924 года указывались хозяйственные проблемы коммуны «Париж». Отмечалось, что в указанном году она не выполнила продналоговое задание даже в пятидесятипроцентном объеме. Причинами объявлялись, во-первых, недород хлебов, во-вторых, прибывшие в коммуну поволжцы, бежавшие от голода и ничего не имевшие, наконец, чрезмерная закредитованность коммуны. Аналогичные проблемы отмечались в коммуне «Коминтерн». Все это были типичные недочеты, связанные с несовершенством новой системы хозяйствования. Как результат — требовалась большая и кропотливая работа партийных органов по повышению эффективности деятельности коммунистических коллективных хозяйств в кузбасском селе. Коммуны создавались как образцово-показательные сельскохозяйственные предприятия. В этой связи местные органы власти должны были оказывать всемерную поддержку коммунарам, предоставляя им в пользование лучшие земельные угодья, снабжая чистосортным семенным материалом, помогая административной опекой. Вместе с тем ресурсы государства были крайне ограничены, и коммуны постоянно балансировали на грани банкротства².

* * *

Выгодное положение коммун доказывают лишь отдельные документы личного происхождения в виде воспоминаний участников событий тех лет, собранных студентами КГМА в конце 1990-х годов под руководством Л. Н. Лопатина и Н. Л. Лопатиной. Елена Малофеевна Рейник (1904 г. р.), уроженка одной из деревень современного Яшкинского района Кузбасса, вспоминала:

«У нас была коммуна. Ее названия я не помню. Нам с мужем в коммуне удалось даже новый дом справить. Коммуна состояла из 25 дворов. Туда вошли хозяева со средним достатком. Те, кто был зажиточным, в коммуну не вошли. Бедняков в нашей деревне не было вообще. Земли мы объ-

единили свои да еще брали внаем у зажиточных, потом зерном отдавали. Работали сообща. Лодырей в нашей коммуне не было. Мы на коммуну даже две грузовые машины купили. Машины работали на березовых дровах (тогда бензиновых не было). Бревна пилили на небольшие чурочки, снимали бересту, кололи на мелкие полена, сушили на специальной печке. Как проедет наша машина, так вся деревня в дыму стоит. Мы на этих машинах много грузов возили. Все помощь лошадям. Наша коммуна просуществовала лет пять или шесть. А потом большевики коммуну распустили. Стали нас в колхоз сгонять»³.

Все-таки положительные воспоминания о коммунах были единичными, большинство из них имели негативный характер. Александр Павлович Рейник (1913 г. р.) вспоминал, что в селе Глубоком (Топкинский район) была коммуна «Путь к социализму»:

«Люди в ней не хотели работать, каждый надеялся на другого. Да к тому же она стояла на горе, а воду надо было таскать издалека. В выходной день животных вообще не кормили и не поили. Очень скоро заморили всю скотину».

Вера Михайловна Тюпина (1914 г. р.), уроженка одной из деревень побережья реки Итыкусы, вспоминала:

«В коммуну согнали всех хозяев, забрали и лошадей, и коров. Звали и нас, но мы в коммуну не заходили. В коммуне каждая семья получала в день всего по литру молока. Подумать только! Бабы в коммуне ругались, еды не хватало. Коровы сталидохнуть. Коровы мычат, бабы кричат и плачут. Разобрали потом каждая свою корову. Увели домой. Коммуну бросили».

Евдокия Павловна Распопова (Аксёнова) (1922 г. р.), уроженка села Ариничево (Ленинск-Кузнецкий район), вспоминала детские ощущения от происшедшего:

«В коммуну пришли кто? Да те, которые работать не хотели! Лишь бы пожрать да нажиться! Там были всякие шаромыги. Это были бедняки. Все знали, что они лодыри! Они-то и раскулачивали людей. И вовсе не богатых раскулачивали. Это были обычные крестьяне. Моя мама их сильно жалела»⁴.

К октябрю 1927 года в Кузнецком округе насчитывался десяток укрупненных коммун, в которых числились около 400 участников, засевавших в общей сложности 818 десятин пашни и имевших около 2 тысяч голов скота, в основном овец. Кредитная задолженность коммун была достаточно высокой, составляя в совокупности около 60 тысяч рублей (табл. 57).

К началу реализации первого советского пятилетнего народно-хозяйственного плана коммунистический сектор в региональной деревне был минимален. 3 декабря 1927 года политический отчет ЦК ВКП(б), доложенный на XV съезде ВКП(б) генеральным секретарем партии И. В. Сталиным, констатировал: «Темп развития наше-

¹ Циркулярное письмо и. о. секретаря Кузнецкого окружкома РКП(б) Демидова и и. о. заведующего орготделом Кузнецкого окружкома РКП(б) Коробченко райкомам РКП(б) // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 57. Л. 16–16 об.

² ГАК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–2; Бикметов Р. С. К вопросу о роли коммун и методах коллективизации сельского хозяйства на территории Кузбасса // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков. Кемерово, 2001. С. 30–31.

³ Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М., 2006. С. 18–19.

⁴ Там же. С. 97, 103, 154, 181, 182, 266.

Таблица 57

Состояние коммун Кузнецкого округа на октябрь 1927 года

Коммуна	Кол-во членов	Посев, дес.	Скот, шт.	Задолженность, руб.
«Марсель»	80	110	339	3 500
«Боевая»	59	100	195	8 500
«Труд»	30	110	120	17 000
«Красная поляна»	82	140	392	5 000
«Первые всходы»	17	37	129	160
«Искра»	34	90	156	4 811
«Свобода»	37	53	93	3 347
«Париж»	18	36	163	1 436
«Коминтерн»	35	142	306	15 754
«Октябрь»	Сведения отсутствуют			
Кузнецкий округ	392	818	1893	59 508
Среднее значение	43	90	210	6 612

Источник: Доклад заведующего Кузнецким ОкрЗУ Филимонова на заседании бюро Кузнецкого окружка ВКП(б), 4 октября 1927 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 238. Л. 14, 19.

го сельского хозяйства нельзя признать достаточно удовлетворительным, в отличие от промышленности». Сталин определял и главную причину низких темпов развития сельского хозяйства: «Наше распыленное сельскохозяйственное производство не имеет тех преимуществ, которыми обладает наша крупная объединенная национализированная промышленность. Наше сельскохозяйственное производство не национализировано и не объединено, а распылено и разбросано по кусочкам. Оно не ведется в плановом порядке и подчинено пока что в огромной своей части стихии мелкого производства». В стране образовался дисбаланс между промышленностью и сельским хозяйством. Сталин видел выход в «переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, а также научных приемов интенсификации земледелия». «Других выходов нет!»¹ — констатировал он.

Цели партии в области аграрного производства были максимально благородны и ясны, задачи четко определены, оставалось главное — претворить благие установки в жизнь, что, собственно, и было самым трудным. Дело

в том, что крестьянское население страны и региона было живым организмом, но не машинным механизмом, в связи с чем ему было сложно по взмаху правительственной руки за пару-тройку дней отбросить выработавшиеся веками принципы сельского хозяйствования и прочно встать на абсолютно новый путь развития.

Представитель Сибкрайкома ВКП(б), выступая на Кузнецкой окружной партийной конференции в марте 1927 года, однозначно заявил: «Крестьяне не идут в коммуны, поскольку наши коммуны не являются образцовыми». Одного стремления и голого энтузиазма в создании общественных хозяйств с полным или частичным обобществлением труда и имущества было явно недостаточно для оптимальной жизнедеятельности коммун. Поэтому одни из них закрывались сразу, едва возникнув, другие, поддерживаемые государством, держались все 1920-е годы, постоянно пребывая на грани разорения.

В любом случае путь насаждения в деревне коммун как сельскохозяйственных предприятий с полным обобществлением труда и имущества был тупиковым. Поэтому основная ставка сделана на создание и развитие коллективных хозяйств с частичным обобществлением труда, имущества и средств производства — артелей — будущих колхозов. Таковых в Кузнецком округе на момент 1926–1927 годов органы статистики насчитывали 285, объединявших 3 696 домохозяйств. В 1927–1928 годах их количество увеличилось до 380, 6 952 семьи. По сути дела, это были простейшие коллективные объединения крестьянских хозяйств типа ТОЗов, которые объединяли свои земельные наделы в земельный массив, обрабатываемый коллективным трудом. Рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные постройки и другие орудия и средства производства не обобществлялись и оставались в личной собственности членов товарищества. Сложных колхозов типа реальных сельскохозяйственных артелей было совсем немного, объединяли они в основном бедняков. Средняки предпочитали входить в простейшие колхозы, не углубляя степень обобществления имущества и средств производства.

На 1927–1928 годы лишь единичные «сложные» колхозы — артели — на 75% состояли из бедняцких хозяйств, на 25% — из середняцких. Простейшие же колхозы — ТОЗы — на 40% состояли из середняков, на 60% — из бедняков. Зажиточные хозяйства все еще продолжали дистанцироваться от участия в коллективных формах сельского хозяйствования. Государство активно поддерживало процесс коллективизации посредством льготного кредитования. Аналогичную роль играла система кредитных товариществ. Если в 1925–1926 годах колхозам Кузнецкого округа было выдано льготных кредитов на сумму в 447 тысяч рублей, а в 1926–1927 годах — 771 тысяча рублей², то в 1927–1928 годах размер суммы достиг 1,8 млн рублей². Однако система льготного кредитования стала палкой о двух концах.

¹ XV съезд ВКП(б). 2–19 декабря 1927 года. Политический отчет ЦК. 3 декабря // Сталин И. В. Сочинения. Т. X. М., 1949. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/10-13.html> (дата обращения: 25.10.2021).

² Некоторые итоги по выполнению Постановления ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1926 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 291. Л. 29 об. — 30.

Закредитованность колхозов была одной из их главных проблем.

В отличие от коллективизации, процесс кооперирования крестьянских хозяйств развивался поступательно, а в 1928 году — форсированно. За 1928 год количество пайщиков сельской сети потребкооперации возросло на 10%, число пайщиков сельскохозяйственной кооперации — на 63%, молочной кооперации — на 163%, кустарно-промышленной кооперации — на 300%. В итоге общее количество пайщиков всех видов кооперации в Кузнецком округе за 1928 год выросло на 41%, достигнув 134 856 человек, что составило 30% к общей численности населения округа и 60% к числу трудоспособного населения. Более половины трудоспособного населения Кузнецкого округа к концу 1928 года было охвачено различными видами кооперации. Средний паевой взнос возрос с 4 до 8 рублей¹. Таким образом, в плане кооперирования крестьянских хозяйств партийные установки в регионе выполнялись вполне успешно.

Тем временем государство стояло на пороге реализации первого пятилетнего плана народно-хозяйственного развития СССР, который, по задумке его авторов, должен был «обеспечить значительный шаг вперед в деле превращения СССР из страны аграрно-индустриальной в страну индустриально-аграрную на основе широкого усвоения новейших достижений мировой техники и дальнейшего упрочения режима планового хозяйства». В результате решалась «великая задача в ближайший исторический период догнать и перегнать уровень передовых капиталистических стран и тем самым обеспечить торжество социалистической системы хозяйства в ее историческом соревновании с хозяйственной системой капитализма»². По этому плану в Кузбассе уже в 1927–1928 годах должна была начаться постройка крупнейшего Тельбесского металлургического завода (г. Кузнецк), цинкового дистилляционного завода (г. Белово) и коксовой батареи № 3 (Кузнецкий округ)³.

Для практического выполнения столь грандиозных замыслов нужны были значительные финансы, которые в аграрно-индустриальной стране могло бы дать сельское хозяйство. В условиях самого начала реализации этого фундаментального индустриального проекта произошел ни больше, ни меньше как срыв государственного плана хлебозаготовок. Выяснилось, что к 1 января 1928 года государство заготовило зернопродуктов на 128 млн пудов меньше, чем в прошлом году. Неопределенность селян в связи с начавшейся коллективизацией и низкие государственные закупочные цены на зерно заставляли крестьян придерживать хлеб, чтобы реализовать его весной на рынке по более выгодным ценам⁴. По Сибирскому краю в целом

Плакат «Ты еще не член кооператива — запишишь немедленно!». 1926

с 1 октября по 10 декабря 1927 года годовое задание хлебодачи было выполнено лишь на 20% вместо запланированных 35%. Кузнецкий округ к этому сроку выполнил государственный план хлебозаготовок только на совсем мизерные 7,77%.

Дальнейшие события получили стремительное развитие. 6 января 1928 года на места последовала директива ЦК ВКП(б), обязывавшая парторганизации добиться «решительного перелома» в хлебозаготовках в недельный срок (!) со дня получения директивы. В числе мер разрешения проблемы ЦК предлагал и репрессивные, в первую очередь в отношении так называемого сельского кулачества, не желавшего сдавать имевшийся в запасах хлеб по низким государственным заготовительным ценам.

14 января 1928 года Политбюро ЦК разослало местным парторганизациям телеграммы «Об усилении мер по хлебозаготовкам». Отдельное внимание в телеграмме уделя-

1 Протокол V Кузнецкой окружной конференции ВКП(б), 15 декабря 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 276. Л. 179–180.

2 Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Изд. III. Т. I: Сводный обзор. М., 1930. С. 13, 20.

3 Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33): Приложение к III тому пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР. М., 1929. С. 31.

4 Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Се-

верный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009. С. 20.

лось Уралу и Сибири. Ее текст гласил: «Здесь у нас имеется два с половиной — три месяца срока до распутицы. Нажим нужен здесь отчаянный, так как это последний резерв. На Урал выехал уже Молотов. В Сибирь выезжает сегодня Сталин. Если не нажмем всю на все рычаги власти и партии, дело с нашим хозяйством в целом может затормозиться на весь год или даже на весь ближайший период»¹. Таким образом, вследствие провала урало-сибирских хлебозаготовок ставилась под вопрос реализация всего пятилетнего народно-хозяйственного плана, а вместе с ним, по всей вероятности, и дальнейшая судьба ВКП(б).

В январе 1928 года Сталин выступал перед совпартактивом в разных районах Сибири, говорил о состоянии и «перспективах развития сельского хозяйства и плане развертывания в крае колхозов и совхозов». В докладе генсек ЦК ВКП(б) «предложил», во-первых, «потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам», во-вторых, «в случае отказа кулаков подчиниться закону — привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье УК РСФСР и конфисковать хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и малоимущих середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита»².

Выступление Сталина, а также директивы ЦК и Сибкрайкома о хлебозаготовках обсуждались на закрытом заседании Кузнецкого окружкома ВКП(б) 23 января 1928 года. Принято решение об организации чрезвычайной «окружной тройки» по руководству процессом хлебозаготовок, которая должна была еженедельно отчитываться перед окружкомом об их выполнении. Подобные тройки были созданы и при райкомах и включали секретаря райкома, председателя райисполкома и уполномоченного ОГПУ или начальника райадмтдела. Таким образом, во время хлебозаготовительной кампании зимы 1928 года были узаконены чрезвычайные органы власти на местах.

В циркулярном письме от 25 января секретарям райкомов предписывалось:

- «1) применять статью 107 УК РСФСР к особо злостным держателям хлеба вплоть до конфискации всех запасов зерна;
- 2) наметить в районе кулацкие хозяйства для их привлечения по указанной статье;
- 3) произвести впечатление на всех незаконных держателей хлеба».

С этого времени местные органы ОГПУ для окружкома регулярно составляли сводки политических настроений «в связи с прохождением хлебозаготовок, реализации займа и самообложения». Одна из таких сводок рисовала картину социальных настроений в региональной де-

ревне в 1928 году. Кулаки, как и следовало ожидать, встретили чрезвычайные меры враждебно, бедняки, напротив, их «организованно приветствовали». К примеру, собрание бедноты с. Островского вынесло решение, признававшее совершенно правильным применение статьи 107 УК РСФСР к скрывающим хлеб «спекулянтам». Одобрило проводимую ВКП(б) политику в деревне и общее собрание граждан деревни Сосновки. В протоколе собрания зафиксировали: «Собрание считает необходимым напрячь все силы, чтобы эти кампании закончить в ближайшие дни, добиваясь первого места по району». Аналогичные заявления были сделаны по результатам подобных собраний и в других деревнях и селах округа. Поэтому общий вывод политической сводки гласил: «Проводимые кампании внесли живую струю в жизнь деревни, значительно сплотили блок бедноты и середнячества, консолидировали эти элементы вокруг партии и власти»³.

В деревне с начала 1928 года властью разжигалась настоящая гражданская война между бедняцкими и зажиточными слоями населения. Промежуточное положение между ними занимал средний класс, зачастую попадавший в категорию кулаков. С бедняками и кулаками было все ясно: первых государство всячески поддерживало, вторые в условиях новой системы хозяйствования были фактически обречены. Бои шли за середнячество. Коммунистической власти как воздух был необходим союз с деревенским середняком, но с условием, чтобы он безоговорочно принял новые правила грандиозного государственного проекта под названием «Абсолютная хлебосдача ради реализации плановых показателей первой советской пятилетки»⁴. Между тем власти решительно переходили от слов к делу, и в регионе началось развертывание кампании по практическому применению указанных выше административно-судебных директив.

В феврале 1928 года прошли первые показательные судебные процессы над кулаками, из материалов которых становится ясным, кто попал в кулаки. Приведем несколько иллюстративных примеров, например, по Ижморскому району.

«Гражданин поселка Ижморского Юдин Увар имеет обмолоченного и необмолоченного хлеба 810 пудов. Хлеб продает только весной для того, чтобы взять наиболее высокие цены. Есть два дома и флигель, последний сдается в аренду. Дом снят Госспиртом под лавку; сам состоит приказчиком, когда, имея крепкое хозяйство, без этого мог вполне обойтись. В рабочую пору имеет поденных работников для сельского хозяйства, точно так же нередко имеет и постоянных работников. Юдин пока что находится на свободе. Имеются сельскохозяйственные машины».

1 Генина Е. С. Хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 гг. как пролог коллективизации (по материалам Кузбасса) // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков... С. 27–28.

2 О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (краткая запись) // Сталин И. В. Сочинения. Т. XI. 1928 — март 1929. М., 1949. С. 4.

3 Генина Е. С. Хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 гг. ... С. 28–29.

4 Членам Политбюро ЦК. Ответ Фрумкину (по поводу письма Фрумкина от 15 июня 1928 г.) // Сталин И. В. Сочинения. С. 126.

Другой пример:

«Гражданин поселка Ижморского Тузов Тит имеет запасов хлеба обмолоченного и необмолоченного 1 250 пудов. С 1925 года имеется кожзавод, при котором имеется постоянный наемный рабочий. С момента существования завода наблюдается задержка сдачи Тузовым хлеба. Есть случаи сбыта хлеба в летнее время беднякам по высоким ценам, а также и выявляется недовольство на тяжесть налога. Хозяйство мощное, имеются сельскохозяйственные машины».

Еще один пример:

«Гражданин села Постниково Щипачёв Василий Павлович. Имеется хлеба обмолоченного и необмолоченного 777 пудов. В 1925 году судился за укрытие объектов обложения. Имеет косилку-куклеотборник. Признаки эксплуатации есть»¹.

Итак, к признакам причисления селянина к социальной категории «кулак» в 1928 году относилось следующее:

- 1) значительное количество запасов хлеба;
- 2) укрывательство от хлебосдачи;
- 3) «спекуляция» хлебом;
- 4) «нетрудовые» доходы;
- 5) эксплуатация рабочей силы.

Таким образом, НЭП окончательно сворачивалась, с этих пор рыночные условия хозяйствования объявлялись делом подсудным.

Несмотря на жесткие меры, принятые в отношении зажиточных и середняцких хозяйств, в 1927–1928 годах в целом отмечается поступательное развитие сельского хозяйства региона. В 1928 году в Кузнецком округе наблюдался рост почти по всем показателям аграрного производства по сравнению с 1927 годом. Комплекс специальных мероприятий, реализованный окружными партийными и советскими органами, способствовал не только сохранению посевной площади в прежних объемах, но и ее увеличению в 1928 году на 8% по сравнению с 1927 годом, по крайней мере, об этом свидетельствует официальная статистика. В среднем на 7% увеличилось поголовье лошадей, коров и овец. Позитивным тенденциям способствовал и хороший урожай 1928 года².

Итак, в 1920-х годах в сельском хозяйстве начался переход от индивидуальных, частных форм хозяйствования к коллективным, коммунальным. Протекал он необычайно тяжело. Дело в том, что в аграрной стране, какой оставалась Россия в 1920-е годы, победивший пролетариат и национализированная им промышленность оказались в полной зависимости от огромного количества частных мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, ориентированных на вольный рынок и слабо связанных с интересами государственной промышленности. Между

тем вся логика «индустриальной» политики большевиков требовала, во-первых, модернизации и развития госпромышленности по единому народно-хозяйственному плану, во-вторых, материальных средств для указанных нужд, которые в аграрной стране могло предоставить только крестьянство. В этой связи ставка была сделана на скорейшую модернизацию отечественной аграрной сферы, чтобы она стала главным источником индустриализационных мероприятий в промышленности.

¹ Протокол № 5 заседания «тройки» по хлебозаготовкам при Ижморском райисполкоме, 13 февраля 1928 года // ГАК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 143. Л. 19–19 об.

² Протокол V Кузнецкой окружной конференции ВКП(б), 15 декабря 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 276. Л. 165, 190.

Глава 6

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

§ 1. Угольная промышленность

Отставание СССР от передовых капиталистических стран серьезно беспокоило правящую партию ВКП(б). В стране победившего социализма должна быть самая передовая экономика. Кроме того, промышленное развитие способствовало увеличению доли рабочего класса — главной опоры коммунистической партии. Решить эти задачи можно было с помощью индустриализации — форсированного наращивания промышленного потенциала путем создания тяжелой промышленности и превращения СССР из аграрного государства в индустриальное. Курс на индустриализацию обозначился еще на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года. Однако в течение нескольких лет велись внутрипартийные дискуссии по этому вопросу. Наконец, на XV съезде партии в декабре 1927 года были приняты «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», в которых предусматривались сбалансированные методы индустриализации без максимализма и высоких темпов. Разработанный на основе директив первый пятилетний план (1 октября 1928 — 1 октября 1933 года) был одобрен задним числом в апреле 1929 года на XVI конференции ВКП(б). В мае его утвердили на V съезде Советов Союза ССР. План предусматривал строительство целых отраслей промышленности (преимущественно тяжелой), увеличение производства всех видов продукции, сооружение новых заводов, электростанций, рудников, шахт. Причем планировалось увеличение объемов производства кратно уже существовавшим. Кузбасс, с его природными богатствами, рассматривался партией и правительством как один из ведущих регионов будущего индустриального развития.

Одной из ведущих отраслей региона должна была стать угольная промышленность. В 1930 году угольные бассейны, расположенные восточнее Волги, были подчинены Государственному союзному объединению каменноугольной промышленности Восточной Сибири — «Востокуголь», образованному Постановлением СТО СССР от 28 июля 1930 года, с местонахождением правления сначала в Томске, затем в Новосибирске. С марта 1931 по декабрь 1932 года все предприятия «Сибугля» перешли в управление «Востокугля» (управляющий Моисей Львович Рухимович). Сложилась многозвенная система управления: шахта-рудуправление → трест → «Главуголь» → Народный комиссариат

Плакат «Дашь индустриализацию!»

тяжелой промышленности (Наркомтяжпром). На каждой крупной шахте существовало до 20–25 отделов, подотделов, секторов, имевших представителей в забоях. В таких условиях заведующий шахтой, главный инженер, начальник участка, десятник и бригадир перестали быть центральными фигурами на производстве, полностью отвечавшими за добычу угля.

Наркомтяжпром в 1934 году принял решение о разукрупнении «Востокугля» и создании четырех трестов:

Горняки Судженских копей. 1930-е // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 27243

«Кузбассуголь», «Хакуголь», «Карагандауголь» и «Черембасуголь». Так, в 1935 году было образовано Государственное всесоюзное объединение каменноугольной промышленности Кузнецкого и Минусинского бассейнов — «Кузбассуголь», объединившее 33 шахты¹.

Однако уже через год, в декабре 1936 года, на базе объединения «Кузбассуголь» образован Кузнецкий угольный комбинат «Кузбассуголь» (управляющий Леонид Иванович Плеханов, затем В. Я. Принцев, с 1938 года — В. Г. Постутенко), в состав которого вошли восемь государственных трестов: «Анжероуголь», «Ленинуголь», «Кемеровоуголь», «Кагановичуголь», «Куйбышеуголь», «Молотовуголь», «Прокопьевскуголь», «Сталинуголь», образованные на базе бывших рудоуправлений, механические заводы в Кемерове, Томске, Киселёвске, Новокузнецке, а также научно-исследовательские институты угольной промышленности. Шахты переводились на самостоятельный баланс. Созданная структура управления — шахта → трест → комбинат — просуществовала до середины 1960-х годов. В 1940

году начальником «Кузбассугля» был назначен Александр Николаевич Задемидко.

Угольная промышленность в I пятилетке. Накануне принятия первого пятилетнего плана, несмотря на огромные запасы угля, в бассейне детально изученными были лишь 3,7% от их общего баланса, что затрудняло закладку новых шахт. Суммарная годовая проектная мощность предприятий по районам составляла всего 4,485 млн тонн. В Анжеро-Судженском районе находились шахты: № 1 бис «Анжерская», № 9–10 «Анжерская», № 5–7 «Судженская», № 9–10 «Судженская»; в Кемеровском районе — № 1 бис «Центральная» (объединенная с шахтой «Диагональная»); в Ленинском — № 1 бис «Емельяновская», им. К. Маркса, «Ленинская»; в Прокопьевском — «Центральная» с шахтой № 4, № 2–2 бис, штольня «Голубевская», штольни «Поварнихинские».

В планах I пятилетки угольная промышленность рассматривалась в качестве одной из базовых отраслей экономики СССР, ее индустриализации и обеспечения независимости от внешних рынков. В течение пятилетия прирост добычи твердого топлива в стране должен был возрасти почти в два раза: по отправному варианту на 75–92%, по

¹ Дерюшев А. В., Гузяева Е. А. Управление угольной промышленностью Кузбасса в 1920–1990 гг. С. 144.

оптимальному — на 93,7–111,8%¹. После неоднократных изменений показателей объем добычи в Кузбассе был определен в размере 5,2 млн тонн, по оптимальному варианту — 6 млн тонн. Темпы роста (200–230%) оказались выше общесоюзных (175–230%). Впрочем, в связи с переходом к стратегии форсирования индустриального строительства и значительного увеличения мощностей возводимых металлургических гигантов прежние плановые показатели по углю вскоре перестали устраивать высшее партийное руководство. По его настоянию уже в 1929 году объем добычи в Кузбассе к концу пятилетки был определен на уровне 8,2 млн тонн, а в 1930 году доведен до 10,5 млн тонн².

Первоначально предусматривалось сооружение нового Осинниковского рудника, кроме того, закладка в бассейне 14 новых шахт общей мощностью до 3,2 млн тонн угля в год, другим действующим предприятиям следовало обеспечить добычу на уровне 2,8 млн тонн. Программа выглядела сверхнапряженной, если учесть, что в 1928 году в Кузбассе из механизмов имелось всего 37 врубовых машин, 6 отбойных молотков, 3 электролебедки и 2 погрузочные машины, на-гора было поднято только 2,38 млн тонн. Декларируемые темпы роста существенно превосходили аналогичные показатели по Донецкому бассейну, на развитие которого направлялось три четверти всех ассигнований по отрасли на пятилетку, в то время как Кузбассу выделялось лишь 70–75 млн рублей, или 6,4%. При этом проблем в реализации намеченного здесь было несравнимо больше, чем на Украине: недостаточная геологическая изученность угольных полей бассейна, отсутствие необходимых объемов свободных мощностей электроэнергии, слабая техническая база шахтного строительства и хроническое отставание в его проектировании, дефицит рабочих кадров и квалифицированного технического персонала.

В дальнейшем попытки решения этих проблем осуществлялись на фоне частой смены конечных показателей в сторону завышения, оправданного лишь политическими соображениями. Списки на капитальные работы только в 1928–1929 годах менялись 13 раз, а план угледобычи — 6. Результаты первого года пятилетки показали недостаточное внимание к Кузбассу со стороны ВСНХ и Госплана, отсутствие четкого понимания мер планомерного развития всех угольных районов, мирившихся с распылением капиталовложений по многочисленным основным и второстепенным объектам. Несомненно, руководителям указанных учреждений, как и специалистам на местах, еще предстояло познать основы социалистической экономики и овладеть методами комплексного планирования сложно-шахтного хозяйства Кузбасса.

Еще осенью 1928 года краевое партийное совещание обратилось в ВСНХ с предложением ускорить разработку

Плакат «Выполним пятилетку в четыре года». 1929

пятилетнего плана и запретить угольным трестам Кузбасса бесплановое строительство.

Между тем в осуществлении индустриализации в СССР произошел резкий поворот в сторону форсирования темпов. В условиях обострившихся противоречий с капиталистическими странами, в частности Англией, и разразившегося конфликта на КВЖД, возникла угроза войны. В такой ситуации Политбюро ЦК ВКП(б) 15 июля 1929 года приняло Постановление «О состоянии обороны СССР», на основании которого начался пересмотр пятилетних планов по всем важным отраслям с целью увеличения объемов продукции крупной промышленности.

В декабре 1929 года на съезде ударников был выдвинут лозунг: «Пятилетку в четыре года!» Обосновывая этот призыв, И. В. Сталин заявил: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. <...> Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы

¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Ч. I. Сводный обзор. М., 1930. С. 33–34.

² Угольная промышленность Кузбасса. 1971–1996. Кемерово, 1997. С. 53–54.

сделаем это. Либо нас сомнут»¹. Это означало, что должен быть совершен поистине гигантский рывок.

В 1929 году в Кузбассе началось строительство сразу шести крупных шахт мощностью более 1 млн тонн в год: на Прокопьевском руднике — «Коксовая-1» и № 5–6 имени Ворошилова, в Кемерове — шахты «Елькаевская» (позже названная «Пионер»), в Осинниках — «Капитальной», на Араличевском руднике — им. Орджоникидзе. В Кемерове проводилась реконструкция «Центральной», а в Прокопьевске шахты № 3 и 4 были объединены в шахту № 2–2 бис, ставшую самой мощной в бассейне. Проходка стволов и капитальных горных выработок проводилась без машин и механизмов, откатка осуществлялась конными вагонетками.

Классификация местных шахт по размерам добычи отличалась от донбасской. Так, средняя мощность мелких шахт определялась в 300 тыс. тонн угля в год, в Донбассе — 50 тыс. тонн; мощность средних — соответственно 300–1000 тыс. тонн и 50–300 тыс. тонн; крупных шахт — свыше 1 млн тонн и свыше 300 тонн. Для кузнецких шахт была характерна небольшая глубина: от 200 м (шахта № 5–7 «Судженская» до 100 м в Прокопьевском районе. В то же время средняя глубина донецких шахт была 330 м².

На 1930 год задание по добыче угля вместо ранее установленных 4,03 млн тонн было вновь увеличено до 5,03 млн тонн, а на 1931 год — соответственно с 4,92 до 7,38 млн тонн. Службы планирования работали в напряженном режиме, едва успевая обсчитывать новые варианты лимитов необходимых всевозможных ресурсов, которых и так не хватало. Такая лихорадочная обстановка порождала перебои с финансированием и материально-техническим снабжением, частую смену титульных списков пусковых объектов и нередкие просчеты в определении мест закладки новых шахт с неизбежными финансовыми и другими потерями, приводила к срыву сроков строительства. В течение пятилетки было заложено значительно больше шахт, чем предполагалось, а их суммарная мощность превышала запроектированную в 18 раз. К таким форсированным темпам индустриализации Кузбасс не был готов.

На отсутствие программы развития угледобычи, а также плана обеспечения строящихся металлургических и химических заводов коксующимися углями было указано в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1930 года «О положении угольной промышленности в Кузнецком бассейне»³. В текущем году даже первоначально установленное задание было выполнено лишь на 80%, а задание по капитальному строительству по отдельным районам — на 50–60%. Недопоставки минерального топлива потребителям создавали угрозу не только их дальнейшему развитию, но также порождали в районах их местонахождения цепную реакцию замедления темпов роста для других промышленных предприятий. Двумя месяцами ранее по-

становлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 года были намечены конкретные меры по изменению обстановки в Кузбассе, в частности, партийным организациям Кузбасса надлежало обеспечить ликвидацию в отставании геологоразведочных работ, перевести шахты на трехсменный режим работы, улучшить организацию труда и повысить механизацию угледобычи до 40%.

В связи с ускоренным вводом в эксплуатацию Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов острой стала проблема существенного увеличения объемов добычи углей коксующихся марок. Если на 1932–1933 годы добыча была определена на уровне 2,1 млн тонн, то в связи с повышением проектной мощности комбинатов уже требовалось 3,8 млн тонн.

В начале пятилетки намечалось заложить 11 шахт: по 4 — в Ленинском и Прокопьевском районах, 2 — в Кемеровском и 1 в Анжеро-Судженском. Однако к 1932 году их было заложено 49: 7 шахт — в Ленинском районе, 17 — в Прокопьевском, 5 — в Кемеровском, 7 — в Киселёвском, 6 — в Осинниковском, 3 — в Араличевском, 2 — в Минусинском, по 1 — в Анжеро-Судженском и Беловском районах⁴. Таким образом, половина предприятий оказалась в Прокопьевско-Киселёвском районе с залеганием углей коксующихся марок. Мощность большинства будущих шахт колебалась от 200 до 360 тыс. тонн в год. Возведение мелкого предприятия, как правило, в течение 1–1,5 года не требовало больших затрат и обеспечивало быстрый ввод новых мощностей по добыче коксующихся углей. Вместе с тем были заложены и 4 крупные шахты с ежегодной средней мощностью 1,43 млн тонн.

В этот период начинаются смелые эксперименты по производству из барзасских сапропелитов жидкого топлива для двигателей внутреннего сгорания. С этой целью в Кемерове началось строительство углеперегонного завода, а на Барзасском месторождении заложена шахта по добыче газовых углей — основного сырья для этого завода.

В марте 1931 года план развития угольной промышленности Кузбасса, переработанный объединением «Восток-уголь», одобрен в ВСНХ. Его строительная программа содержала мероприятия со сроком выполнения до 1935 года. Предусматривалось почти полное обновление шахтного фонда, а также закладка шахт преимущественно средней мощности — 1,25 млн тонн в год, 92% от всей добычи возлагалось на новые шахты. В 1932 году в Кузбассе намечалось добыть уже 13,9 млн тонн, из них 64% отводилось новым предприятиям. В целях повышения уровня механизации забоев к уже имеющимся небольшим механическим заводам в Томске, Анжеро-Судженске и Кемерове намечалось строительство заводов горного машиностроения в Новосибирске, Прокопьевске и Киселёвске⁵.

1 Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 38.

2 Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957. С. 95.

3 История индустриализации Западной Сибири. (1926–1941 гг.). Новосибирск, 1967. С. 127–133; 141–142.

4 Рухимович М. Л. Перспективы развития каменноугольной промышленности Кузбасса и Минусинского бассейна // Доклады Кузбассугля второй Всесоюзной топливной конференции. М. — Новосибирск, 1932. С. 10–12.

5 История Кузбасса. Ч. III. Кемерово, 1970. С. 14.

Рабочие шахты им. Карла Маркса. 29 июля 1930 // Из фондов Ленинск-Кузнецкого краеведческого музея. ОФ. № 4979

Для обеспечения строек отрасли проектной документацией в 1929 году в Новосибирске создали проектное бюро, реорганизованное в 1930 году в самостоятельную проектную организацию «Сибугля», и филиал Харьковского института «Гипрошахт» в Томске. Большинство проектировщиков — молодые инженеры со стажем от года до трех лет, многие еще не бывали в Донбассе и не видели модернизированных шахт в качестве примера. С 1931 года для проработки рабочих чертежей привлекались иностранные специалисты. Все это приводило к довольно большим срокам изготовления проектов — до трех лет, проекты поступали с большим опозданием. Отсутствовали генеральные сметы. Вначале разрабатывалось 15 типов шахт, что влекло за собой многотипность требуемого оборудования и, как следствие, задержку строительства. Только в 1932 году встал вопрос о проектировании типовой шахты.

К комплексному проектированию угледобычи в Кузбассе приступили только к концу I пятилетки, когда и был разработан первый комплексный проект для Прокопьевского района, включивший в себя геолого-геодезический

материал и карты, способы вскрытия пластов, расположение обогатительных установок, мастерских, складов угля и материалов, железнодорожных путей и дорог, гаражей, подстанций, водопроводных и канализационных магистралей, жилищных кварталов.

Ежегодные изменения строительной программы в сторону увеличения объемов сопровождались увеличением капиталовложений, которые по итогам I пятилетки исчислялись уже в сумме 322 млн рублей вместо ранее запланированных 77 млн¹. Освоение выделенных средств осуществлялось в условиях острого недостатка квалифицированных работников строительных специальностей. Использование большого количества завербованных крестьян, часть из которых приходили только на сезонные работы, а также спецконтингента в лице осужденных лиц сказывалось на качестве работ. Даже с учетом существующих технических достижений на возведение каждой крупной шахты устанавливались неоправданно короткие сроки —

1 Угольная промышленность Кузбасса. 1971–1996. Кемерово, 1997. С. 56.

Добыча угля на шахтах Кузбасса с помощью отбойного молотка // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

Добыча угля на шахтах Кузбасса с помощью электросверла // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

1,5–2,5 года, хотя для этого требовалось не менее 3,5–4 лет, в которые строители в основном и укладывались.

В феврале 1929 года по инициативе рабочих шахт № 1 Горловского рудоуправления (Донбасс) и № 5–7 Анжеро-Судженских копей зародилось соревнование между шахтерами Кузбасса и Донбасса, ставшее впоследствии на десятки лет традиционным. В мае 1929 года шахтеры Прокопьевска, Кемерова и Ленинска подписали первый в Кузбассе договор о социалистическом соревновании между рудниками.

Несмотря на трудности в строительстве предприятий, в течение I пятилетки были введены в эксплуатацию полностью или частично 24 шахты. Шахтный фонд Кузбасса обновился на 57%, потенциальная мощность суммарно увеличилась с 3 до 9,7 млн тонн в год. Первенцами пятилетки стали такие крупные шахты, как «Капитальная-1», «Комсомолец», «Журилка», «Пионер», № 5–6, «Коксовая-1», шахта им. 7 Ноября, «Манеиха», «Черная гора»¹.

К концу 1932 года существенно изменилась география добычи топлива, а также удельный вес рудников в добыче угля внутри бассейна: появились новые рудники — Киселёвский (3,5%), Араличевский (4,7%) и Осинниковский (6,4%). В сравнении с 1928 годом в общей добыче угля снизился удельный вес Анжеро-Судженского (с 42,4 до 26,6%), Кемеровского (с 13,3 до 7,45%) и Ленинского (с 22,2 до 20,2%) рудников, зато поднялся у Прокопьевского (с 17,2 до 27,5%)². Итоги оказались иными, чем планировалось в начале пятилетки, — сохранить первенство за Анже-

ро-Судженским рудником (43,5%), Кемеровским и Ленинским (в сумме 33,6%). В СССР Кузбасс вышел на первое место по концентрации добычи: на шахтах мощностью от 200 до 500 тысяч тонн в год — 49,9% от общей добычи по бассейну, на шахтах свыше 500 тысяч тонн — 26,9%.

Наряду с ростом угледобычи для обеспечения отрасли современной техникой в стране начинают строить машиностроительные заводы. В связи с их ограниченными возможностями в течение I пятилетки ставилась задача повышения уровня механизации преимущественно добычи топлива. На остальных, таких же трудоемких, производственных процессах (подготовка очистного фронта, откатка и др.), не менее опасных для жизни, по-прежнему господствовал тяжелый физический труд.

Вследствие разнообразия условий залегания углей на каждом руднике проводились эксперименты по выбору оптимального типа механизации и технологии добычи, способного обеспечить повышение производительности забоев. Примерно 25% техники поставлялось из-за рубежа. Наиболее благоприятным для широкого применения врубовых машин и конвейеров оказался Ленинский рудник с его пологопадающими пластами. Там к началу I пятилетки забои были механизированы на 30,9%. На других рудниках, где преобладали крутопадающие пласты, оказалось выгоднее применять отбойные молотки, электросверла и взрывной метод.

В течение 1929–1932 годов шахты Кузбасса интенсивно оснащались новыми механизмами. Количество тяжелых врубовых машин увеличилось с 21 до 55, легких врубовых машин — с 22 до 44, отбойных молотков — с 68 до 1 314, возросло количество электросверл — 33 до 263, конвейе-

¹ Волченко А. В. Промышленное развитие Кузбасса в 1926–1940 годах // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1965). Кемерово, 1966. Вып. II. С. 58.

² Там же. С. 57.

Добыча угля на шахтах Кузбасса с помощью врубовой машины // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

ров — с 41 до 337, электровозов — с 0 до 28¹. Их использование позволило поднять долю механизированной добычи в бассейне с 1,8 (1928 г.) до 43,4%. Доставка угля из забоя производилась конвейерами, лебедками и по старинке — на саях. Вместе с тем полностью отсутствовала механизация перемещения угольной массы на поверхности, погрузка в вагоны, забутовка выработанного пространства под землей. Подземные конвейеры обеспечивали транспортировку лишь 32,3% угля из забоев. Пятилетний план механизации был выполнен на 91%.

Имеющаяся техника использовалась крайне неудовлетворительно. Пришедшие с заводов механизмы еще следовало смонтировать под землей, обеспечить эксплуатацию в соответствии с техническими нормативами, что далеко не всегда удавалось в связи с недостатком электроэнергии и специалистов. Запасные части приходилось изготавливать кустарным способом в шахтовых мастерских, сроки ремонта часто затягивались. Многие инженеры, техники и рабочие не умели обращаться с новыми машинами и механизмами. По этим причинам на Ленинском руднике, к примеру, тяжелые врубовые машины типа «Самсон» использовались только на 37,2%, легкие — на 31,7%². Механизированная добыча обходилась дороже, чем ручная: на очистных работах — на 36%, на подготовительных — на 32%³.

Высокой оставалась аварийность механизмов. Летом 1931 года на шахтах бассейна только около 50% отбойных

молотков были в исправном состоянии. Дальнейшее повышение эффективности работы врубовых машин в очистных и подготовительных забоях связывалось с использованием скребковых конвейеров, самопередвигающихся и саморазгружающихся конвейеров, изобретенных инженером М. Строиловым. В течение всей пятилетки шел поиск типов механизмов, оптимальных для применения в особенных условиях угольных районов Кузбасса.

Благодаря введению в строй новых шахт и повышению уровня механизации средняя производительность труда рабочего по добыче в Кузбассе в течение I пятилетки возросла, но незначительно — с 19,7 до 24,2 тонны в месяц, то есть на 22,8% против 92,5% от запланированного по оптимальному варианту пятилетнего плана. Добыча по бассейну возросла с 2,62 млн тонн в 1928 году до 7,26 млн тонн в 1932 году, или в 2,7 раза. Несмотря на трудности, достигнутые темпы роста были гораздо выше, чем в Донбассе (163,6%) или в целом по стране (182%). На фоне общесоюзных показателей удельный вес Кузбасса также вырос с 7,4 до 11,3%. Опережающими темпами шла добыча коксующихся углей, которая увеличилась в 8,6 раза, их доля в общем объеме по бассейну выросла с 9,9 до 30,8%.

Однако высокие затраты на строительство шахт и механизацию, увеличение численности шахтеров на 96,3% при низком уровне выработки неизбежно способствовали росту себестоимости угля на 281,1%, существенно превысившему средний показатель по стране (76,7%). Лишь вливание в отрасль колоссальных капиталовложений, превысивших ранее запланированный показатель в 4,2 раза, позволило превзойти первоначальный оптимальный вариант добычи на конец I пятилетки (6 млн тонн в 1932 г.) на 1,26 млн тонн. Все последующие варианты директивного планирования более высоких темпов роста угледобычи оказались несостоятельными. Несмотря на это, Кузбасс сделал серьезную заявку на вхождение в состав ведущих угольных бассейнов страны.

Угольная промышленность во II пятилетке. Обсуждение и принятие плана II пятилетки (1932–1937) проходило в обстановке острой борьбы в руководстве ВКП(б). Ее экономический аспект заключался в противоборстве позиции руководства Госплана и его сторонников с позицией бюро крайкома и Запсибкрайплана. Первые были настроены на взвешенный подход к перспективному планированию и координации развития приоритетных отраслей промышленности. Главными задачами тяжелой промышленности на 1937 год ведомство считало «подтягивание отстающих отраслей, резкое повышение качества продукции, сокращение незавершенного производства и уменьшение потерь на этой основе»⁴.

Бюро крайкома и Запсибкрайплан были нацелены на форсированное развитие Кузбасса. Выполнение контрольных показателей осложнялось усилением массовых репрессий, в определенной мере парализовавших инициативу управленцев всех уровней власти, включая промышленные

1 Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932). Новосибирск, 1934. С. 37.

2 Московский А. С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1975. С. 174–175.

3 Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 84.

4 Там же. С. 56.

Канатная дорога через реку Томь для перевозки угля из Кемеровского рудника на коксохимический завод // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 749

предприятия, сокративших и без того малочисленную группу квалифицированных и социально активных работников.

Во II пятилетке намечалось завершение строительства Урало-Кузнецкого комбината, успешная работа которого была невозможной без существенного наращивания добычи кузнецких коксующихся углей. В программе увеличения в 2,8 раза производства электроэнергии по стране, в первую очередь — в перспективных промышленных районах Сибири, значительное место отводилось повышению объемов добычи энергетических углей Кузбасса. Басейн в течение пяти лет с приростом добычи твердого топлива до 20 млн тонн в год, или на 284,1%, должен был выйти на первое место в сравнении с Донбассом (182%) и в целом по стране (237%)¹.

На выполнение этого задания намечалось вложить в отрасль региона 545 млн рублей. Основными источниками роста угледобычи считались дальнейшее увеличение количества и мощности шахт, численности трудящихся. Только на строительство новых 25 шахт (преимущественно крупных) общей мощностью 44 млн тонн выделялось 230 млн рублей. Ударными стройками объявлялись шахты: № 16 (мощностью 2,1 млн тонн), № 3–3 бис (1 млн тонн) Прокопьевского рудоуправления, № 5–6 (1,7 млн тонн) Анжеро-Судженского рудоуправления. В Прокопьевском рудоуправлении в 1935 году намечалась реконструкция шахты им. Рухимовича (до 500 млн тонн), в 1936 году — шахт № 5–6 и № 10. Кроме того, в Кемерове закладывались новые шахты: «Крохалевская-1» (1,5 млн тонн), «Капиталь-

ная-3» (2,8 млн тонн), в Ленинске-Кузнецком — «Журильская-4» (700 тыс. тонн).

Недополучив от обещанного всего 7,3 млн рублей, в Кузбассе в 1933–1937 годах было построено 20 шахт с проектной мощностью 13,4 млн тонн в год, среди них шахты имени Р. И. Эйхе (3–3 бис) в Прокопьевске, имени С. М. Кирова в Ленинске мощностью 1,5–1,8 млн тонн. Были заложены крупные шахты в Кемерове («Северная») и Киселёвске («Капитальная»). В свою очередь, мелкие шахты закрывались. Среди 32 действующих предприятий шахты мощностью 500 тысяч тонн и более в год в 1937 году составили 60%, из них с годовой производительностью свыше 1 млн тонн — 45%².

25 декабря 1935 года правительственная комиссия в составе заместителя председателя Гос-

плана Г. И. Ломова, академика Л. Д. Шевякова, инженеров Н. Финкельштейна, И. Карасёва и других приняла вторую в мире по мощности (первая — американская шахта «Орион») шахту «Коксовая-1» с проектной мощностью 3,25 млн тонн в год. В разные годы свой вклад в ее развитие внесли А. С. Кузьмич, впоследствии зам. министра угольной промышленности СССР, Н. И. Линденау, главный инженер (1935–1951 гг.), профессор Н. А. Чинакал, И. А. Бачурин.

В течение II пятилетки продолжали обновляться производственные фонды. За пять лет на действующих шахтах количество конвейеров возросло с 337 до 600, отбойных молотков и электросверл — с 1 314 до 1 800, повсеместно развивался подземный электротранспорт с увеличением парка электровозов — с 28 до 102. К концу 1937 года механизация отработки пластов врубовыми машинами, отбойными молотками и буровзрывным способом достигла 94,9%, причем большая доля из этого (69,9%) приходилась на отпалку (дробление). Доля механизированной откатки достигла 55,6%, навалки — 44,7%, погрузки на поверхности — 69,8%, то есть была выше, чем в целом по стране и особенно в Донбассе. Стопроцентной механизированной добычи достигли шахтеры Прокопьевского, Араличевского, Осинниковского и Киселёвского рудников.

В конце II пятилетки добыча угля тяжелыми врубовыми машинами производилась только на шахтах треста «Ленинскуголь», где план их внедрения был выполнен на 80%. Использование отбойных молотков преобладало на предприятиях трестов «Кемеровоуголь» и «Анжероуголь».

¹ Угольная промышленность Кузбасса. 1971–1996... С. 60–61.

² Московский А. С. Промышленное освоение Сибири... С. 223–224.

Канатная дорога через реку Томь для перевозки угля из Кемеровского рудника на коксохимический завод // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 749

Несмотря на общий рост технической оснащённости шахт Кузбасса, процент механизации горных работ был еще низок. В отчете по «Кузбассуглю» за 1937 год отмечалось, что тяжелые врубовые машины использовались на 76,4%, легкие — на 16,7%, отбойные пневматические молотки — на 60,5%, электрические — на 30,4%, электроверла — на 71,1%, подземные транспортеры — на 76,8%, скреперные погрузчики — на 37,3%. Некоторые механизмы поступали недоукомплектованными моторами, техника эксплуатировалась непрерывно без профилактического обслуживания, поэтому механизмы часто выходили из строя и подолгу простаивали в условиях узкой ремонтной базы. Проблема нередко объяснялась «антимеханизаторской деятельностью руководства шахт, вредительской работой разоблаченных врагов народа, направленной на дискредитацию машин, и недооценкой хозяйственно-политического значения механизации и отсутствия большевистской борьбы за их внедрение»¹.

Во II пятилетке с обнаружением на шахтах Кемерово, Прокопьевска и Анжеро-Судженска метана бензиновые лампы были заменены аккумуляторными электролампами, а внутришахтные транспортные линии оборудованы стационарным электрическим освещением. В Прокопьевске построена фабрика инертной пыли. На шахтах создавалось современное вентиляционное хозяйство. Во взрывобезопасном исполнении стали поступать электродвигатели и электроаппаратура.

Для бесперебойного снабжения лесом шахт Кемеровского и Анжеро-Судженского рудников в районах сплавных

рек (Томь, Яя, Кия) были образованы леспромхозы: Тайгинский, Барзасский, Кататский и др. К середине II пятилетки в Кузбассе для нужд шахтостроителей построили 12 кирпичных заводов, создавалось карьерное хозяйство для добычи песка, гравия, бутового камня. Расширились мощности Яшкинского цементного завода.

Принятые меры в совокупности способствовали опережающему росту угледобычи в Кузбассе (245,4%) в сравнении с общепромышленным показателем (199%), по Сибири (243,1%) и Донбассу (173,2%). В 1937 году, последнем году пятилетки, в общем объеме поднятых на-гора кузнецких углей коксующиеся марки составили более 38%, при этом Прокопьевско-Киселёвский район, ставший жемчужиной Кузбасса, обеспечил 32,2% их добычи.

По стране вклад Кузнецкого бассейна вырос с 7,4 до 13,9%. Если в 1923 году железнодорожный транспорт потреблял 60% добытого там угля,

а промышленность — лишь 17%, то в 1937 году уже 50% объемов потребления угля приходилось на промышленность, причем 55% из них направлялось за пределы Западной Сибири. В стране Кузбасс вышел на первое место по среднемесячной производительности труда одного рабочего (41,2 тонны), значительно опережая Донбасс (23,7), Подмосковский (28,3) и другие бассейны.

Наряду с ростом производительности труда отмечалось и повышение заработной платы. В 1935 году она составила у рабочих по эксплуатации — 185 рублей 91 копейку, ИТР — 719 рублей 99 копеек, десятников — 432 рубля 17 копеек, младшего обслуживающего персонала — 97 рублей 47 копеек.

В этой связи у отдельных рабочих резко повысилось материальное благосостояние: появились меблированные квартиры, спецпродуктовые пайки, автомобили, особенно у стахановцев. Так, забойщик в Ленинске получал 701 рубль, в Кемерово — 720, в Анжерке — 699, Прокопьевске — 850. Стахановцы получали свыше тысячи рублей².

Вместе с тем на шахтах ежегодно рост зарплаты превышал рост производительности труда. Такой разрыв объяснялся большими выплатами сумм сверхурочных, нарушением тарифной дисциплины, занижением норм, приписками, что в итоге приводило к перерасходу фонда оплаты труда.

Несмотря на успехи развития, преимущественно экстенсивного характера, угольная отрасль Кузбасса в финальном году пятилетки не достигла намеченного рубежа

¹ ГАК. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 20. Л. 17–18.

² Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны... С. 180–181.

Общий вид Прокопьевского рудника. 1932 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8 доп. Д. 263

добычи — 20 млн тонн, остановившись на отметке 17,8 млн тонн. Отставанию в шахтном строительстве сопутствовало распыление средств по большому числу объектов второстепенной важности. В результате на 17 шахтах не были завершены капитальные работы по вскрытию нижних горизонтов. Укоренилась практика корректировки в течение календарного года невыполнимых в сложившихся условиях плановых показателей в сторону уменьшения с последующими инициативами по поводу их перевыполнения. Наметилось отставание геологоразведочных работ, уже не полностью обеспечивавших бурные темпы нового строительства обоснованным выбором шахтных полей и расчетами проектных запасов угля.

Угольная промышленность в III пятилетке (1938 — первая половина 1941 года). В течение первых двух пятилеток угольная промышленность превратилась в одну из базовых отраслей, обеспечивших создание индустриальной базы советской экономики. При обсуждении программы развития отрасли на III пятилетку в Госплане уже выдвигались задачи иного плана: уменьшения объемов перевозки угля на дальние расстояния, сокращения темпов наращивания угледобычи в Донбассе и Кузбассе, ориентация Кузбасса на обеспечение коксующимися марками только Кузнецкого, Магнитогорского, Ново-Тагильского, Халиловского металлургических комбинатов, заводов «Востокстали» и Дальневосточного края¹. В этой свя-

зи предусматривался дальнейший рост добычи кузнецких углей лишь на 43,2%, то есть несколько меньшими темпами, чем в соседней Восточной Сибири (на 98%) или в целом по стране (на 90%).

На 1942 год устанавливался план в объеме 25,5 млн тонн. В течение пятилетия в бассейне предусматривалось строительство 26 новых шахт средней и малой мощности с суммарной добычей 13 млн тонн в год. С этой целью лишь в первые три года было вложено 241,3 млн рублей, что позволило в 1938–1940 годах ввести в эксплуатацию 10 шахт, производственные мощности кузнецких предприятий выросли на 4,6 млн тонн и достигли 28,1 млн тонн. Впрочем, этот показатель пока был значительно ниже суммарной проектной мощности, которая по бассейну определялась в объеме 50,6 млн тонн в год². Планируемые и достигнутые результаты оказались явно недостаточными, чтобы Кузбасс можно было считать полноценным дублером Донбасса, фактические мощности которого, как и прежде, в четыре раза опережали мощности кузнецких шахт. Высшее руководство готовило страну к возможным военным действиям, поэтому значительные средства были направлены на укрепление боеспособности Красной армии, разработку и наращивание выпуска военной продукции.

Шахтеры продолжали наращивать уровень механизации на добычных работах. В 1940 году появились первые три добычных комбайна, росло количество тяжелых и лег-

¹ Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С. 3.

² Волченко А. В. Промышленное развитие Кузбасса в 1926–1940 годах... С. 59.

Шахта «А» Ленинск-Кузнецкого рудника. 1930-е // Из фондов Ленинск-Кузнецкого краеведческого музея

ких врубовых машин, электросверл и отбойных молотков, электровозов — до 205. Правда, более четверти единиц техники постоянно находилось в ремонте, и все-таки уровень механизации добычи угля незначительно опережал аналогичный показатель по Донбассу и стране в целом.

На шахте «Коксовая им. Сталина» инженер Н. А. Чинакал с конца 1937 года проводил первые опыты по внедрению более производительной щитовой системы добычи угля на крутопадающих пластах.

Итоги первого года III пятилетки вновь обнажили хронические проблемы угольного Кузбасса. В сравнении с предыдущим годом в 1938 году добыча снизилась до 16,75 млн тонн, или на 3,7%, страна недополучила 2,8 млн тонн угля. В числе отстающих оказались все тресты, из 39 шахт план выполнили только 5. Из выделенных на капитальное строительство 15 млн рублей освоено только 6 млн, в эксплуатацию принята одна шахта — «Северная» (Кемерово).

В результате политических процессов «разоблачения врагов народа» только в 1937 году на 70% был обновлен руководящий состав трестов и шахт. Пришедшие на смену передовики производства не обладали необходимыми техническими и административными знаниями и навыками. Многие недостатки являлись следствием некомпетентного руководства, стремления к администрированию и безжалостного отношения к кадрам со стороны наркома топливной промышленности Л. М. Кагановича. Текущая рабочая по добыче оставалась предельно высокой. Так, на комбинате «Кузбассуголь» при общей численности

этой группы на начало 1938 года в 34 687 человек за год поступили на работу около 26,8 тысячи человек, а уволились 25,2 тысячи¹. Четверть из них оказались прогульщиками. Аналогичное положение переживали многие угольные бассейны.

Критическая ситуация в отрасли требовала принятия экстренных мер. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 20 октября 1938 года на предприятиях отрасли укреплялось партийное руководство: на 22 крупных предприятиях вводились должности партторгов ЦК ВКП(б), на участках создавались парткомы, в бригадах — партгруппы. Предписывалось обеспечить рост темпов подготовительных работ и не менее чем на 50% увеличить добычу врубовыми машинами.

Постановлением ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года был принят еще ряд мер по стабилизации трудовых коллективов. Устанавлива-

лась ответственность работников за нарушение трудовой дисциплины. Уволенные по этому основанию или по собственному желанию лишались права на служебную жилплощадь, существенно расширялся перечень социальных льгот за непрерывный стаж работы, с 15 января 1939 года на всех предприятиях вводились трудовые книжки.

В мае 1939 года решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР заказы угольной отрасли на технику и материалы были приравнены к оборонным. В октябре 1939 года Наркомат топливной промышленности разделен на Наркоматы нефтяной и угольной промышленности. Наркомом угольной промышленности СССР стал энергичный организатор В. В. Вахрушев.

Проведенные организационно-технические мероприятия и установление жесткого ежедневного контроля способствовали выравниванию положения в одной из главных отраслей Кузбасса и перевыполнению плана добычи в 1939 году на 11,2 процента. В 1940 году Кузбасс продолжил наращивание угольного потока, в основном за счет шахт, введенных в эксплуатацию до 1938 года. По итогам Всесоюзного соревнования за I квартал 1940 года среди трех лучших предприятий по наркомату звания «Лучшая шахта Советского Союза» была удостоена прокопьевская шахта «Коксовая-1».

¹ Угольная промышленность Кузбасса. 1971–1996... С. 32, 66.

Таблица 58

Добыча угля в районах Кузбасса в 1929–1940 годах, тыс. тонн

Год	Анжеро-Судженский		Кемеровский		Ленинский		Южно-кузбасский		Всего	
	факт	%	факт	%	факт	%	факт	%	факт	%
1929	1 253,0	43,5	343,5	11,9	688,9	24,0	592,5	20,6	2 877,9	+20,6
1930	1 356,7	38,8	338,5	9,7	881,0	25,2	915,9	26,3	3 492,1	+21,3
1931	1 750,5	34,4	385,5	7,6	1 134,7	22,3	1 813,0	35,7	5 083,7	+45,6
1932	1 871,2	27,6	525,5	7,7	1 420,5	21,0	2 962,5	43,7	6 779,7	+33,7
1933	1 795,2	20,2	708,3	8,0	1 784,4	20,0	4 608,8	51,8	8 896,7	+31,2
1934	2 056,9	18,4	700,0	6,3	2 050,1	18,4	6 353,9	56,9	11 160,9	+25,4
1935	2 702,7	19,7	764,0	5,6	2 301,6	16,8	7 937,3	57,9	13 705,6	+22,8
1936	2 985,1	17,9	743,4	4,5	2 801,2	16,8	10 145,3	60,8	16 675,0	+21,7
1937	2 780,5	16,2	688,7	4,0	3 071,2	17,8	10 663,9	62,0	17 204,3	+3,2
1938	2 685,9	16,0	626,2	3,7	2 977,7	17,8	10 451,6	62,5	16 741,4	-2,7
1939	2 810,0	15,0	967,4	5,2	3 319,4	17,8	11 559,3	62,0	18 656,1	+11,4
1940	3 222,0	15,3	1 336,0	6,3	3 843,5	18,2	12 702,7	60,2	21 104,2	+13,1

Источник: Кузнецкий угольный бассейн: Стат. справочник. М., 1959. С. 98–99. Процентное соотношение высчитано авторами.

Таблица 58 демонстрирует две важнейшие тенденции угольной отрасли. Во-первых, на протяжении 1929–1940 годов происходил стабильный рост угледобычи, составлявший около 20% в год. При этом самым удачным был 1931 год, когда прирост составил 45% по отношению к прошлому году. Единственным годом, когда роста не было, а наблюдалось незначительное снижение (2,7%), являлся 1938-й. Накануне Великой Отечественной войны темпы прироста угледобычи снизились до 11–13% в год. Во-вторых, в предвоенные пятилетки произошло перемещение центра угледобычи из Северного Кузбасса в Южный. Если в 1929 году Анжеро-Судженский район выдавал до 43% угледобычи всего Кузбасса, то в 1940 году его доля снизилась до 15%. Южнокузбасский район, наоборот, увеличил долю с 20 до 60%. Кемеровский и Ленинский районы в доле в отношении были стабильными и выдавали на-гора от 10 до 20% от всего угля Кузбасса.

ШАХТЕРСКИЕ КАДРЫ. С начала I пятилетки пополнение шахтерских кадров шло за счет притока крестьян, в основном батраков и отходников, не имевших собственного хозяйства или временно порывавших с ним. К концу пятилетки выходцев из рабочих насчитывалось 30,7% от общего количества шахтеров, из крестьян — 64%.

Только в 1928–1930-е годы из 11 431 горняка, прибывших в Кузбасс, около 9 тысяч (79,5%) были выходцами из Сибири. Причиной их преобладания, по мнению исследователя угольной промышленности К. А. Заболотской, был организованный набор из районов Восточной и Западной Сибири, в большей степени — из Новосибирской области и Алтайского края¹.

¹ Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 — начало 1990 гг.). Кемерово, 1995. С. 153.

В сентябре 1931 года проводился специальный месячник профпропаганды, закончившийся призывом в угольную промышленность Кузбасса 7 тысяч колхозников. Неоднократно проводились партийные, профсоюзные и комсомольские мобилизации для пополнения отрасли рабочими кадрами. В том же году для шахт Кузбасса Новосибирский крайком ВЛКСМ создал резервный ударный комсомольский батальон в количестве 2 470 человек.

Шахтерские кадры активно пополнялись красноармейцами, уволенными в запас. В связи с завершением коллективизации Кузбасс начал испытывать дефицит рабочей силы, доходивший до 40%. Ставился вопрос о вербовке в Китае 60–70 тысяч рабочих, с Наркоматом тяжелой промышленности в сентябре 1930 года было заключено соглашение о вербовке 17 тысяч рабочих в Поволжье. Приня-

тые в этом году 21,2 тысячи горняков (из них 63,7% поступили по договорам) не покрыли потребности отрасли в рабочей силе.

В этих условиях стали использоваться принудительные меры закрепления людей из числа спецпереселенцев (с 1934 г. — трудопереселенцев) — бывших крестьян, находившихся под надзором комендатур НКВД. В течение 1930–1932 годов из разных регионов СССР в Кузнецкий бассейн прибыла 61 тысяча человек, а в 1933 году — 41 512 трудопереселенцев, что составляло 40% всей рабочей силы, занятой в угольной промышленности Западной Сибири². На некоторых шахтах их удельный вес среди рабочих составлял до 77%. Люди размещались в спецпоселках, представлявших собой «большие массивы мало приспособленных для жилья помещений без окон и печей, сделанных наспех засыпных барачков, а то и просто шалашей и землянок»³.

Несмотря на декларируемое равенство условий труда, бытовое обслуживание и продовольственное обеспечение наравне с вольнонаемными, нормы выработки трудопереселенцам устанавливались в два раза выше, что приводило к невыполнению производственных заданий, высокому травматизму и бегству. Только с Прокопьевского рудника ежегодно бежали от полутора до трех тысяч работников этой категории.

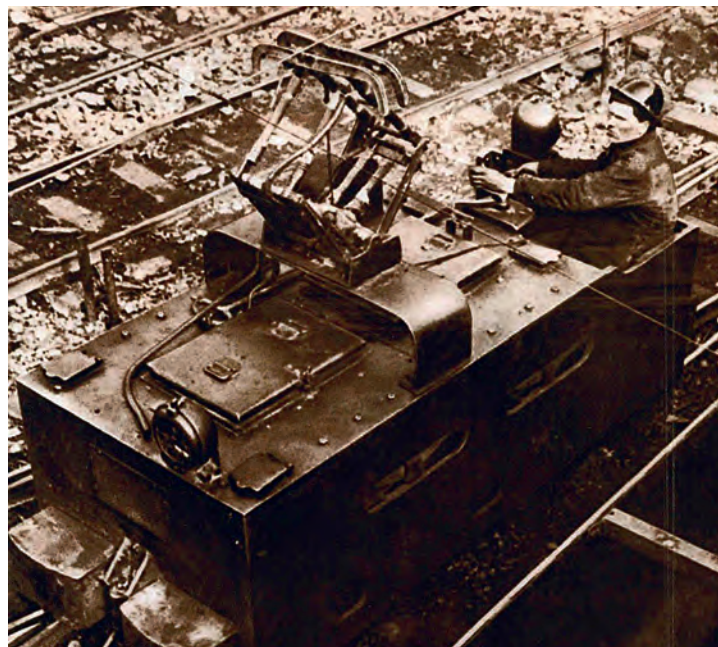
Одним из источников дешевой рабочей силы стали тылоополченцы — лица из бывших дворян, священнослужи-

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. С. 48; Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 127.

³ Бикметов Р. С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е — середина 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 14, 18.

Транспортировка угля на шахтах Кузбасса на конвейере // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

Транспортировка угля на шахтах Кузбасса на электровозе // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

телей, промышленников, кулаков, нэпманов, белых офицеров, лишённые избирательных прав, не подлежавшие призыву на действительную воинскую службу. Они зачислялись в тыловое ополчение и обязывались выплачивать специальный военный налог. Из тылоополченцев формировались воинские единицы: бригада — полк — рота — взвод, для занятия несвободным милитаризованным трудом¹.

В течение I пятилетки в порядке оргнабора на шахты были привлечены 29,2 тысячи человек из числа вольнонаемных, из них свыше 80% завербованы в Сибири, еще больше прибыли самотеком. В целом оргнабор не смог обеспечить угольную промышленность региона квалифицированными кадрами, так как крестьяне были слабо подготовлены для работы под землей. Они либо уезжали, нарушая сроки контракта, либо переходили на другие предприятия, способствуя высокой текучести кадров. Только в Киселёвское рудоуправление в течение 1934–1936 годов прибыли 10 305, а убыли 9 449 человек². Основными причинами текучести кадров были невысокая заработная плата, обезличка рабочего места, плохие жилищные условия (обеспеченность шахт жилфондом составляла всего 5%), недостаточное снабжение спецодеждой, продуктами питания и промтоварами, плохое медицинское обслуживание, слабая культурно-просветительская база. Со временем прием рабочих через оргнабор стал вытесняться их приемом самим предприятием.

К концу 1930-х годов возросла роль городов в пополнении рабочих кадров. В Кемерове, Прокопьевске и Новокузнецке проживали 54% трудящихся, занятых в уголь-

ной промышленности. Среди них около 48% прибыли из сельской местности. Постоянное обновление кадров привело к тому, что 68% угольщиков Кузбасса к этому времени имели стаж на данном предприятии менее трех лет.

В системе «Кузбассугля» работала небольшая группа иностранных специалистов. В 1932 году в ее рядах насчитывались 52 человека. В следующем году группа увеличилась за счет немецких и американских инженеров и рабочих. Если в 1932 году на Кемеровском руднике работали 28 иностранцев, то в 1933-м — уже 40, в Анжерском рудоуправлении (1934) — 90, Ленинском — 136, Прокопьевском — 302. На шахтах Кузбасса трудились австрийцы, чехи, югославы, венгры, поляки, англичане, французы, итальянцы, литовцы, китайцы. Многие из них владели несколькими специальностями: машиниста врубной машины, забойщика и др. Некоторые работали инструкторами, возглавляли шахтные мастерские. Их массовое увольнение началось после директивы Наркома топливной промышленности Л. М. Кагановича (октябрь 1937). В течение пяти дней все (за исключением чехов) были освобождены от работы и занялись оформлением выездных документов³.

В течение 1928–1937 годов численность трудящихся угольной промышленности Кузбасса возросла с 12 425 до 39 738 человек, или на 318%. Изменилось перераспределение по угольным районам: в Анжерском — с 45,9 до 16,1%; Кемеровском — с 11,8 до 5,6%; Ленинском — с 23,2 до 23,8%; Прокопьевском — с 19,0 до 31%; Киселёвском — с 0 до 8,9%, Осинниковском — с 0 до 9,4%; Куйбышевском — с 0 до 5,2%.

¹ Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны... С. 125.

² ГАК. Ф. Р-583. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–5.

³ Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны... С. 115–116.

Железобетонный копер ствола шахты № 7 Судженских копей. 1934 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 11190

На новом уровне произошли и качественные изменения шахтерских кадров. В их составе повысился удельный вес женщин: с 3,2 % (1928) до 21,2 % (1936). Сокращалась их численность на рабочих местах, связанных с тяжелым физическим трудом, женщины осваивали новые профессии: подземных мотористок, забутовщиц, машинистов-компрессорщиц, конвейерщиц.

Если в течение I пятилетки форсированное развитие угольной отрасли слабо связывалось с решением социальных проблем шахтеров, то во II пятилетке руководство наркомата, «Кузбассугля» и трестов начало осознавать необходимость мер по их решению. С 1933 года на предприятиях стали создаваться подсобные плодовоовощные хозяйства, семьи шахтеров получали для индивидуального огорода или садового участка от 0,12 до 0,25 га земли, выдавались ссуды на жилищное строительство, выделялись кредиты для приобретения скота, мебели, одежды, для строительства, предоставлялись путевки в санатории и дома отдыха. Однако эти меры охватывали незначительное количество трудящихся.

Одновременно усиливалась интенсивность труда шахтеров. Подземные рабочие были переведены с шести- на семичасовой рабочий день. На предприятиях вводилось систематическое наблюдение за штатной дисциплиной.

По данным Всесоюзной переписи населения, к началу I пятилетки грамотность городского населения Кузнецкого округа составляла 51,8 %, а сельского — 19,3 %. Низкий уровень грамотности поступавших на шахты рабочих, с одной стороны, вынуждал проводить общеобразовательную подготовку, с другой — часть рабочих из-за неграмотности и малограмотности не могли получить и повысить свой квалификационный уровень. В этой связи усилилась борьба за ликвидацию неграмотности и малограмотности шахтеров.

Основной формой подготовки квалифицированных молодых кадров стали школы горнопромышленного ученичества (Горпромуч), фабрично-заводского и строительного ученичества (ФЗУ, Стройуч), школы профессионально-технического образования, кружки и курсы техминимума. Для обучения рабочих среднего возраста, не имевших производственных навыков и технических знаний, открывались курсы с отрывом от производства и кружки, развивалось индивидуальное и бригадное ученичество. В конце 1930 года все формы подготовки и повышения квалификации рабочих были объединены в единую систему — комбинаты рабочего образования, которые подчинялись предприятиям и финансировались ими. На 1 января 1935 года удельный вес технически грамотных рабочих в «Кузбассугле» составлял 61 %. Низкая техническая грамотность была вызвана большой текучестью кадров.

Возникновение стахановского движения в годы II пятилетки привело к необходимости изменения системы производственно-технической подготовки кадров, встал вопрос о массовой технической учебе шахтеров. В конце 1935 года были организованы первые школы стахановцев, охватившие 29 забойщиков. Обучение на стахановских курсах было рассчитано на 50 часов теории и 40 часов практики. Занятия проводились 10 раз в месяц по 2–3 часа в день.

На предприятиях «Кузбассугля» всеми видами обучения в 1936 году были охвачены 27,2 тысячи горняков, из которых 14,6 тысячи окончили курсы по техминимуму, остальные — школы Горпромуча, стахановские курсы и курсы мастеров социалистического труда. Кроме того, для обслуживания машин и механизмов были подготовлены с отрывом от производства 443 высококвалифицированных рабочих. Через курсовую сеть за 1933–1936 годы повысили квалификацию 60 тысяч горняков.

Расширение масштабов угледобычи обусловило рост численности инженерно-технического персонала. В 1930 году в Кузбассе было всего 211 инженеров и техников-горняков, что составляло 23,4 % от необходимого числа. По разрядке ЦК ВКП(б) ВЦСПС в апреле 1931 года в Кузбасс на административно-технические должности прибыли 65 работников, из них 27 человек направили в аппарат объединения «Востокуголь», 38 — на шахты. Значительную помощь в пополнении инженерно-технических кадров оказали хозяйственные организации Донецкого бассейна¹. Выходцем из Донбасса был управляющий Прокопьевским рудником Ф. Е. Овсянников; в 1931–1932 годах возглавляли шахты или их строительство донбассовцы Н. П. Алтунин

¹ Цукров В. А. Роль горняков Донбасса в решении кадровых проблем Кузбасса // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1971 гг.). Кемерово, 1973. Вып. IV. С. 18.

Технический персонал шахты № 5-7 Анжеро-Судженских копей. 1932 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 3044

и Г. К. Корсак — шахта № 3-3 бис, Б. П. Кортеля — шахта № 5-6, С. П. Сидельников — «Центральная штольня»; Ленинск-Кузнецкое рудоуправление возглавлял С. Н. Кротов, а технический отдел треста «Кузбассуголь» — П. И. Мигай.

В 1931 году ввод новых шахт требовал дополнительного увеличения ИТР на 788 человек. Вузы и техникумы Сибири и других районов страны могли дать не более 440 человек¹. Часто на должность инженеров и даже руководителей шахт выдвигались практики, не имевшие специального образования, и эта тенденция в 1930-е годы была устойчивой. В 1933 году в составе административно-технического персонала треста «Кузбассуголь» практики составляли 16,8%, в 1934 году — 34%, в 1936 году — 40,2%. Им, вышедшим из рабочей среды, рядовые шахтеры в период кампаний разоблачения «врагов народа» оказывали большее доверие, чем дипломированным специалистам.

Ежегодно на предприятиях «Кузбассугля» инженеров и техников выбывало больше, чем прибывало. Среди прибывших лишь половина закреплялись и приступали к работе. Высокая текучесть среди специалистов была связана в первую очередь с отсутствием приемлемых жилищных и культурно-бытовых условий, переходом в другие органи-

зации, призывом в армию, сокращениями. От работы в суровых климатических условиях Сибири часто уклонялись выходцы из европейской части СССР. Случались увольнения за пьянство, прогулы и халатное отношение к обязанностям.

В целом за годы первых двух пятилеток численность ИТР изменилась с 212 до 3 618 человек, то есть выросла в 17 раз. В значительной мере рост этой группы специалистов произошел в связи с увеличением эксплуатационных участков, требовавших большего количества практиков в лице десятников и бригадиров, а также с переходом в середине 1930-х годов на новую схему управления шахтой, предусматривавшую расширение штата техников: диспетчеров, работников плановых служб, десятников по качеству и других.

Репрессии, которые коснулись в первую очередь представителей руководящего звена предприятий, в 1936–1938 годах еще более обострили дефицит специалистов. Только в 1938 году в Кузбассе было заменено 70% руководителей трестов и шахт². В течение 1937–1938 годов во всех восьми трестах произошла смена управляющих, а также двух

¹ ГАК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

² Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны... С. 139.

Группа шахтеров шахты «Северная» г. Кемерово в период внедрения отбойных молотков. 1934 // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

начальников комбината «Кузбассуголь», главного инженера М. С. Строилова, начальника «Кемеровокомбинатстроя» Б. О. Норкина, 66 % главных инженеров шахт, 90 % начальников участков и еще многих специалистов, осужденных по политическим статьям. В трудных условиях начиналась управленческая карьера новых талантливых руководителей: главного инженера треста «Прокопьевскуголь» П. И. Кокорина, начальника треста «Ленинскуголь» В. И. Воробьева, начальника технического отдела шахты «Коксовая» Н. И. Линденау и многих других, на десятилетия ставших лучшими представителями директорского корпуса угольного Кузбасса.

Вместо репрессированных на руководящие должности часто назначались передовики производства. Так, руководителем шахты «Черная гора» (Прокопьевск) стал стахановец, кавалер ордена Трудового Красного Знамени забойщик Р. И. Мачехин, шахту № 5–6 (Анжеро-Судженск) возглавил Ф. Краснослободцев. Впрочем, многие стахановцы не были готовы к руководящей деятельности, были технически неграмотными, в то время как рост уровня ме-

ханизации повышал потребность отрасли в квалифицированных управленцах.

Достижение высоких результатов добычи угля вряд ли было возможно без энтузиазма и творческой активности горняков Кузбасса, выразившейся прежде всего в организации соцсоревнования, начавшегося уже в первый год I пятилетки. Одной из массовых форм соцсоревнования в тот период стали ударные бригады. Рабочие, чаще молодые и романтически настроенные, объединялись в ударные бригады, начинали соревнование, требовали более высоких темпов, поддерживали промышленную модернизацию, были готовы терпеть временные трудности во имя завтрашнего дня.

Первая из таких бригад была создана под руководством комсомольца З. Беганского на шахте № 2 Прокопьевского рудника в феврале 1929 года. К началу 1930 года только на Прокопьевском и Ленинском рудниках уже насчитывалось 120 ударных бригад и групп. В июле 1930 года на общегородском митинге в Прокопьевске забойщик шахты имени Р. И. Эйхе (ныне «Центральная») И. Н. Новиков избран

делегатом V конгресса Профинтерна. После окончания конгресса он участвовал в X Международной конференции революционных горняков. Делегаты Чехии передали Новикову красное знамя с надписью «Привет десятой годовщине объединения горнорабочих!». По решению Зап-крайсовпрофа это знамя стало переходящим и вручалось лучшему угольному предприятию сначала Прокопьевского рудника, а затем и всего Кузбасса¹.

В конце I пятилетки соцсоревнование проходило под лозунгом «Превратим Кузбасс во второй Донбасс!». Лучшие шахты («Пионер», Кемерово; № 9–10, Анжеро-Судженск; им. К. Е. Ворошилова, Прокопьевск) и бригады в отдельные месяцы по итогам ударного труда получали денежные премии.

В масштабах страны с 1935 года стал проводиться Всесоюзный конкурс шахт, в котором кузбасские предприятия принимали активное участие. За успешное строительство шахт и перевыполнение плана угледобычи в 1934 году группа ударников и ИТР Кузбасса была награждена орденами, а лучшие ударники — И. А. Борисов, В. С. Подкорытов и другие — премированы легковыми автомобилями.

С конца 1928 года на шахтах создаются бюро рационализации и изобретательства. Поначалу их деятельность из-за формального подхода руководства рудоуправлений не отличалась активностью. Находились противники внедрения прогрессивных форм организации труда, не хватало финансирования. Несмотря на трудности, появился ряд новых технологий в угледобыче: система цикловой выемки пластов инженера Олешко (г. Анжерка), график непрерывного потока в лавах инженеров Симонова и Орлова, метод быстрой проходки подготовительных выработок врубовыми машинами Носова из г. Ленинска-Кузнецкого.

В 1932 году движение рационализаторов и изобретателей активизировалось. В помощь новаторам трест «Кузбассуголь» разработал пособие «Социалистический заказ» по вопросам рационализации в угольной промышленности, которое включало 54 темы, охватившие все узкие места угледобычи. В последнем году пятилетки крупнейшим изобретением в Кузбассе стали две системы конструкций горных комбайнов, сконструированных инженером Олешко совместно с конструктором М. Андреевым, механиком Т. Андреевым и машинистом Геровниным, испытанных на шахте «Емельяновская» Ленинского рудника². В это же время в Анжерке осваивался транспортно-погрузочный горный комбайн, сконструированный инженером М. Строиловым³.

В годы II пятилетки рационализаторское и изобретательское движение приобрело еще больший размах, который ускорил механизацию производственных процессов в угольной отрасли. Был освоен первый электроотбойный молоток, предложенный преподавателем Томского политехнического института Шмаргуновым, шло внедрение бу-

ровой сбоечной машины инженера Батурина и множества других технических новинок кузбасских изобретателей. Только в 1935–1936 годах на предприятиях «Кузбассуголь» трудящимися было внесено 1 788 рацпредложений с экономическим эффектом, исчисляемым миллионами рублей.

Борьба за освоение новой техники и передовых методов организации труда, трудовой энтузиазм и производственно-техническая инициатива работников нашли выражение в движении изотовцев: последователей донецкого шахтера Н. Изотова, обучавших молодежь прямо в забоях передовым методам работы на врубовых машинах и отбойных молотках. Его инициаторы в Кузбассе — И. А. Борисов, Р. И. Мачехин, И. Н. Неверов, С. И. Латышев и другие — значительно превышали существующие нормы добычи угля.

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. С сентября 1935 года в угольной отрасли Кузбасса начинается стахановское движение. 13 сентября управляющий шахты «Центральной» Кемеровского рудника Носков провел совещание лучших мастеров отбойного молотка и забойщиков на электросверле. Обсудив рекорды Алексея Стаханова, многие высказались, что смогут в разы увеличить производительность труда. Отбойщик Парфененок заявил, что сможет выдавать 90–100 тонн угля за смену. Рационализатор Шевелёв предложил новую схему труда. Он выступил за работу одного забойщика одновременно в двух забоях. Выбрав уголь в одном забое, он переходит во второй, а в это время крепильщики должны укрепить свод в первом забое. В тот же день были собраны митинги во всех сменах, на которых обсудили «важный почин Донбасса»⁴.

14 сентября анжеро-судженская газета «Борьба за уголь» выпустила специальную листовку, посвященную рекорду А. Стаханова, а на следующий день был напечатан призыв ко всем кузбасским шахтерам «Выявим своих стахановых». Тут же на него откликнулись передовики Соломин (шахта 9–15), Грибов, Иванов и Вишняков (все с шахты им. Кирова). Они пообещали внедрить стахановские методы угледобычи и повысить производительность труда в несколько раз. Эта же газета сообщила 17 сентября, что забойщик Павел Петрович Соломин за один день (15 сентября) нарубил 56,1 тонны угля, в то время как обычно добывалось 16–20 тонн. При этом он помогал не успевавшим за ним крепильщикам. Заработок только за этот день у него составил 45 рублей 50 копеек⁵.

Вскоре газеты стали публиковать заметки кузбасских шахтеров, которые заявляли о готовности ставить рекорды, сравнимые со стахановским. Бригадир шахты им. Калинина Апанаскин заявил, что «существующие нормы выработки в условиях Прокопьевского месторождения можно увеличить в 15–20 раз». Он брался поставить новый рекорд при условии, что ему дадут двух крепильщиков. Бригадир

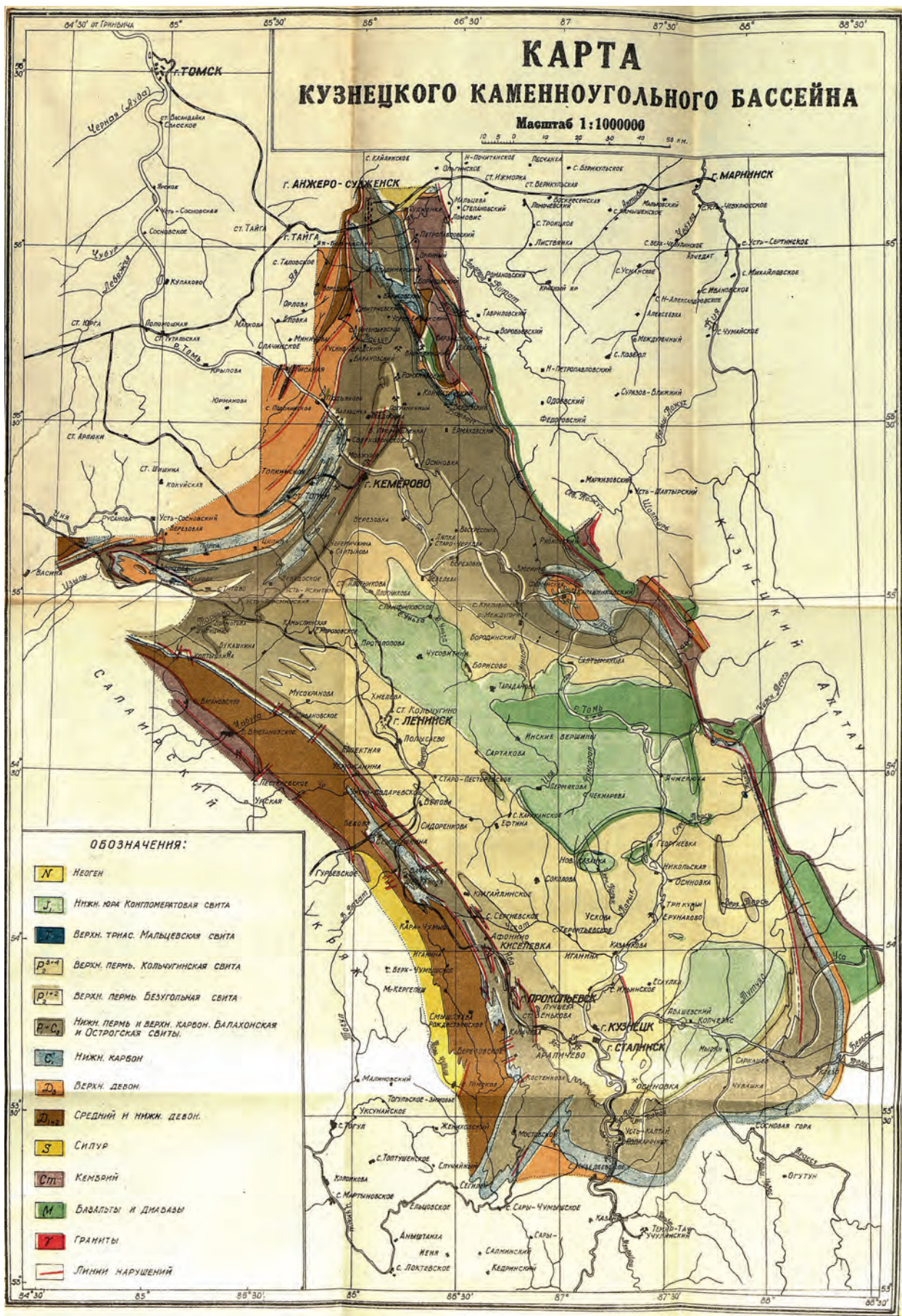
1 Шахтерская правда. 1978. 2 июня.

2 ГАК. Ф. Р-92. Оп. I. Д. 149. Л. 120.

3 Правда. 1932. 14 июля.

4 Метод Стаханова в каждый забой // Кузбасс. 1935. № 181. 16 сентября.

5 Работать по-стахановски // Борьба за уголь. 1935. № 170. 15 сентября; В соревновании забойщиков на отбойном [молотке] — впереди товарищ Соломин // Там же. № 171. 17 сентября.

Карта Кузнецкого угольного бассейна. 1935

Портрет стахановца Ивана Борисова. Художник А. М. Нюренберг // Никитин М. А. Жемчужина Кузбасса. М.—Л., 1935. Вклейка между с. 44 и 45

Портрет стахановца Мингалея Шакирова. Художник Д. М. Девинов-Нюренберг // Никитин М. А. Жемчужина Кузбасса. М.—Л., 1935. Вклейка между с. 72 и 73

другой прокопьевской шахты Яков Кислицын пообещал, что в его бригаде каждый отбойщик будет рубить по 250 тонн угля в смену. Правда, каждому из них необходимо дать в помощь двух крепильщиков и одного бурильщика. Кроме того, необходимо улучшить вентиляцию в шахте. С ними был солидарен еще один бригадир Савельев, он утверждал, что надо рациональнее организовать работу, чтобы за каждым отбойщиком следовали не менее двух крепильщиков¹.

20 сентября 1935 года вышло Постановление бюро Ленинского городского комитета ВКП(б) «О внедрении стахановского метода на шахтах Ленинского рудника». В нем было отмечено, что на руднике уже есть свои рекордсмены, например разборщики Богданов, Литвинов, Курьянов (шахта им. Кирова), Бобраков, Рыжов, Терский, Новиков, Гатилов, Кривошеев, Сорокин, Родин, Спортич, Филатов, Солдатенко (шахта «Емельяновская»), Терентьев (шахта им. Ленина) включились в стахановское движение и выдают по 200–430% от нормы. Среди врубмашинистов больших успехов добились Пагин, Шишлянников, Боков, Родин, Селиверстов, Дударь. В постановлении было сказано, что настало время превратить стахановское движение не в соревнование одиночек, а «в массовое соревнование за рекорды производительности труда и использования ме-

ханизмов». Горком потребовал «добиться работы по-стахановски каждым рабочим, добиться четкой работы всех механизмов, начиная от забоя вплоть до работы ствола и отгрузки угля, используя при этом каждую рационализаторскую мысль, предложения ударников и ИТР, резервы и возможности, имеющиеся на предприятиях»².

В тот же день, 20 сентября 1935 года, в Киселёвске секретарь парткома Колесников рассказал шахтерам о рекордах, поставленных А. Стахановым. Перечисляя объемы ежедневной добычи угля одним человеком, он заметил «необыкновенное движение среди рабочих». Многие не верили его словам, повсюду раздавались реплики «не может этого быть», «это неправда», «надо поехать в Донбасс и самим увидеть». Но вскоре замешательство шахтеров прошло, и они объявили, что готовы работать по-стахановски. Более того, тут же началось формирование стахановских бригад³.

Управляющий Прокопьевским рудником Ф. Овсянников подготовил одну из первых на руднике стахановских смен. Забойщик Иван Борисов лично вызвал донецкого

¹ Лучшие люди рудника поднимаются на борьбу за методы Стаханова // Ударник Кузбасса. 1935. № 179. 16 сентября.

² Постановление Ленинского горкома «О внедрении стахановского метода на шахтах Ленинского рудника», 20 сентября 1935 года // Ленинский шахтер. 1935. № 176. 24 сентября.

³ Чичендаев. Стахановский метод — участкам и шахтам Киселёвки // В бой за уголь. 1935. № 101. 22 сентября.

забойщика Алексея Стаханова на соревнование и 15 сентября 1935 года вырубил 120 тонн угля, а 16 сентября — 150 тонн. В тот же день забойщик шахты «Центральная» города Кемерово Ф. Каратаев за шесть часов работы дал на отбойный молоток 100 тонн угля, выполнив задание на 625 процентов, а 17 сентября забойщик Иван Борисов довел добычу за смену до 138–140 тонн. 19 сентября Стаханов дал уже 227 тонн угля в смену. В ответ И. Борисов с помощью 10 крепильщиков поставил мировой рекорд добычи угля на один отбойный молоток — 778 тонн, то есть по 77 тонн на каждого работающего при норме 17 тонн¹.

Четко организованная кампания достижения рекордов продолжилась проведением 19 сентября на всех шахтах и предприятиях Кемеровского рудника слетов ударников, посвященных внедрению методов А. Стаханова. На всех рудниках появились рекордсмены: в сентябре на шахте «Центральная» (Прокопьевск) Храпунов добыл за смену 237 тонн, а 22 ноября И. Новиков с четырех лав добыл 741 тонну. Директор шахты «Чёрная гора» Р. И. Мачехин в качестве забойщика выдал на-гора 1 466 тонн. На Прокопьевском руднике успешно применяли стахановские методы шахтеры Н. Володин (шахта № 9), Шайх Зайнутдинов, Д. Ф. Храпунов («Манеиха»), Е. Г. Киреев («Чёрная гора»), Г. И. Апанаскин, Д. И. Печенев, И. Н. Неверов («Коксовая-1»).

На Анжерском руднике зачинателем стахановского движения стал С. А. Баннов, добывавший за смену до 1 обо тонн. Высоких трудовых результатов добывались шахтеры К. С. Логунов, М. П. Павлов, В. В. Печень, П. П. Соломин, П. Н. Грибов, С. С. Порошин; на Кемеровском руднике — И. П. Рогальников (шахта «Пионер»), на Ленинском руднике — машинисты врубовой машины А. И. Пагин, Харченко, С. В. Шишлянников; на Киселёвском руднике — В. С. Подкорытов, Ф. Н. Олейников и другие².

Первых стахановцев угольной отрасли Кузбасса всячески поддерживали власти. Их портреты печатали на передовицах не только местных газет, но и центральных, таких как «Правда». В прессе публиковали открытую переписку рекордсменов с руководителями партии и правительства. Их избирали в органы советской власти, рассказы о них писали в брошюрах и книгах. Интервью стахановцев и их рассказы изучались на собраниях трудовых коллективов³.

В ноябре 1935 года стахановское движение в Кузбассе приобрело массовый характер и охватило представителей всех шахтерских профессий. В отчетах об индивидуальных рекордах, как правило, называлась фамилия центрального действующего лица, остальные участники чаще оставались «за кадром». Неоднозначность мотивов ударного труда выражалась в стремлении руководства рудников и предприятий любой ценой выйти на передовые позиции в социалистическом соревновании. Участники рекор-

Грамота, которой был награжден стахановец Анжеро-Судженского рудника Н. И. Числов. 1935 // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. ОФ. № 3002

да имели солидный материальный стимул в оплате труда за перевыполнение норм выработки, что не исключало при этом проявления трудового энтузиазма и патриотизма. Кроме того, рекорд существенно повышал социальный статус.

В декабре 1935 года состоялось Западно-Сибирское краевое совещание стахановцев, на котором были подведены первые итоги этого движения. Собравшиеся передовики составили открытое письмо товарищу И. В. Сталину, в котором привели конкретные примеры стахановских рекордов на шахтах и предприятиях Кузбасса: «С каждым днем, товарищ Сталин, новыми красками расцветает наша жизнь. Работая по-стахановски, мы в несколько раз увеличили свои заработки. Наши стахановцы имеют свои автомашины, велосипеды, патефоны, радио, ружья, покупают книги, обзаводятся красивыми вещами. Счастлива, культурна и зажиточна наша жизнь!» Рекордсмены пообещали Сталину «в короткое время достигнуть еще более высокой производительности труда, перестроить работу так, что-

1 Шахтерская правда. 1985. 27 апреля.

2 Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1973. С. 283.

3 Стахановцы Ленинского рудника. Ленинск-Кузнецкий, 1936. 36 с.

бы по-стахановски работали все заводы, фабрики, шахты, депо и станции нашего края»¹.

В стахановское движение включились коллективы некоторых шахт, в отдельные смены показывая рекордную добычу угля. В течение 1936–1937 годов популярной стала организация стахановских смен, суток, пятидневок, декад, месячников, в ходе которых трудовые коллективы показывали образцы высокопроизводительной работы. Одним из первых «стахановские сутки» провел Киселёвский рудник. Только в течение 1936 года количество передовиков в угольной промышленности Кузбасса возросло с 12 937 до 15 232 человек, среди них стахановцев — со 101 до 2 731 человека.

Шахтеры-стахановцы Кузбасса // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль). Слева направо: Степан Шишлянников, Речкович, Борисов, Мингалей Шакиров, Осип Лабуцкий

Наряду с положительными результатами имели место и отрицательные. Стремление к рекордам породило штурмовщину, руководству рудников и шахт вменяли в обязанность создавать стахановские участки, смены, сверху спускались показатели количества стахановцев, тем самым формализуя проявления трудового энтузиазма масс. После окончания периода форсированной работы на пределе человеческих возможностей, требовавшего максимальной мобилизации ресурсов, начинался неизбежный спад в организации производства.

Игнорирование передовых методов рассматривалось как прямой саботаж и вредительство. Опираясь на достигнутые результаты, руководство комбината необоснованно повышало индивидуальные и бригадные нормы выработки. Так, в феврале 1936 года для забойщиков Кузбасса, работающих на отбойных молотках, они выросли примерно на 30 %, а для машинистов врубовых машин — на 36 %².

Со временем нажим, показуха и процентомания способствовали затуханию этого движения. Начиная со II квартала 1936 года Кузнецкий бассейн резко сдал в выполнении плановых заданий по добыче угля. По итогам 1937 года из 32 шахт только восемь справились с годовым заданием. Стахановское движение в угольном Кузбассе, как считает его исследователь М. Г. Леухова, вскоре превратилось в мощный неуправляемый поток пролетарской

энергии, нанеший серьезный удар по производству. Непредсказуемые рекорды противоречили планомерно-распределительной экономической системе. Выросла эксплуатация рабочей силы за счет увеличения сверхурочных работ, повысился производственный травматизм, так как профилактический ремонт приносился в жертву росту производственных показателей, снизились эффективность и качество производства³. Несбывшиеся ожидания значительной части шахтеров в части роста зарплаты привели к поиску виновных, которые подстегивались партийным руководством, приобретали огромные масштабы, слившись с волной террора (конец 1936–1938 гг.), еще больше дезорганизовавшей производство.

В годы предвоенной пятилетки стахановское движение вновь испытало подъем. В течение 1938 — первой половины 1940 года удельный вес ударников среди рабочих вырос с 42,5 до 44,6 %, в том числе стахановцев — с 9,1 до 20,2 %. К началу 1941 года на шахтах количество соревнующихся достигло 40 тысяч человек, или 80 % от списочного состава трудящихся. Стахановское движение приобрело новые формы: борьбу за экономию сырья и материалов, совмещение профессий, движение двухсотников, трехсотников, тысячников, то есть достигавших соответствующих рубежей по добыче угля⁴. В 1940 году начальником шахты «Зиминка» (Прокопьевск) была назначена Мария Прохорова Косогорова — в тот период первая и единственная в стране женщина — директор угледобывающего предприятия, руководившая шахтой до 1944 года.

Указом Верховного Совета СССР в феврале 1939 года за успехи в социалистическом соревновании и рост добычи угля 108 работников угольной промышленности Кузбасса были награждены орденами и медалями СССР. По итогам 1940 и I квартала 1941 года Наркомат угольной промышленности СССР присудил коллективу комбината «Кузбассуголь» переходящее Красное Знамя.

В конце 1930-х годов экономика страны и Кузбасса переходила на военные рельсы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года запрещался самовольный уход с предприятия, вводились восьмичасовой

¹ Мы идем к новым победам: Письмо краевого совещания стахановцев товарищу Сталину // Борьба за уголь. 1935. № 236. 23 декабря.

² Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск, 1982. С. 341.

³ Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны... С. 206.

⁴ Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири... С. 165.

рабочий день и семидневная рабочая неделя. Оптимальным методом руководства стал административно-командный, предусматривавший безоговорочное выполнение подчиненными приказов начальников.

К началу 1941 года в Кузбассе работало 59 шахт. В прошедшем году горняки добыли 21,1 млн тонн угля, или 13 % общесоюзной добычи. Кузбасс накануне Великой Отечественной войны, как ранее планировалось, стал вторым Донбассом.

РЕПРЕССИИ В УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ. Строящиеся и действующие кемеровские угольные и химические предприятия в силу низкой квалификации кадров, неудовлетворительной организации труда и сбоев в поставках стройматериалов ежегодно не достигали плановых показателей. Молодые трудовые коллективы в условиях господства на стройплощадках тяжелого физического труда, остроты бытовых проблем и высокой текучести среди работников не имели возможностей форсировать выполнение завышенных пятилетних заданий. Подобная ситуация была характерна для всех регионов и больших строек страны. В сложившейся обстановке хозяйственные неудачи руководство партии списывало на управленцев, в первую очередь из числа бывших сторонников уже поверженной левой и правой оппозиции, а также «обнаруженных шпионов» различных иностранных разведок. Так проходила «защитка» неугодных сталинскому режиму кадров.

В обществе постоянно нагнеталась атмосфера поиска врагов советской власти и недоброжелателей партии. На многочисленных митингах, конференциях, собраниях партийно-хозяйственного актива и трудящихся обсуждались вопросы усиления бдительности, людей приучали к мысли о правомерности доносов, необходимости разоблачать оппозиционеров-вредителей¹.

Первые крупные процессы начались уже в 1936 году. 14 апреля 1936 года выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР начала рассмотрение дела группы работников транспорта Прокопьевского и Киселёвского рудников и станции Акчурла, обвиняемых в саботаже, дезорганизации и обмане государства. По версии следствия, Трусов и другие начальники направляли деятельность транспорта так, чтобы сорвать его нормальную работу. В результате их «происков» среднесуточный простой вагонов доходил до 40–120 часов. Саботажники устраивали совещания; планировали свою деятельность; составляли фиктивные документы, выдавая нормальные вагоны за сломанные; вместо коксующегося угля посылали на металлургический завод обычный; занимались порчей вагонов и оборудования. Всего по делу проходили 10 человек. Судебный приговор был вынесен 17 апреля 1936 года. Большинство подсудимых признали свою вину и ходатайствовали о возможности ее заглавить. Бывший начальник станции Акчурла Трусов, заведующий товарной конторой той же станции Калиниченко, бывший заведующий коммерческим отделом Киселёвского рудника Ильин пригово-

рены к восьми годам лишения свободы. Бывший начальник транспортного отдела «Кузбассугля» Кондров, бывший заместитель начальника транспортного отдела Прокопьевского рудника Буткус — к шести годам; остальные обвиняемые — на срок от двух до трех лет, лишь Агеев был оправдан².

В Кузбассе маховик репрессий стал набирать обороты в ходе так называемого кемеровского дела, организованного органами НКВД в связи гибелью десяти шахтеров в результате мощного взрыва метана на шахте «Центральная», произошедшего 23 сентября 1936 года. Еще 15 подземных рабочих были доставлены в больницу в тяжелом состоянии³. Трагедия послужила поводом для громкого судебного процесса с разоблачением «диверсионно-вредительской деятельности троцкистов».

В течение месяца группой следователей Новосибирского краевого управления НКВД подбирался состав «вредителей» на основе различных комбинаций, касающихся служебных и бытовых контактов между назначенными виновниками аварии и их связей с видными представителями московской оппозиции. Последовали аресты девяти горных инженеров: Ивана Андреевича Пешехонова (главный инженер Кемеровского рудоуправления), Ивана Ивановича Носкова (управляющий шахтой «Центральная»), Николая Семёновича Леоненко (начальник участка), Ивана Емельяновича Коваленко (главный инженер шахты «Центральная»), Михаила Ивановича Курова (помощник заведующего вентиляцией), Владимира Михайловича Андреева (инженер Кемеровского рудоуправления), Ивана Титовича Ляшенко (заведующий вентиляцией шахты), германского подданного Эмиля Ивановича Штиклинга (с 1932 по 1935 г. работал инженером по проектированию Кемеровского рудоуправления, а к моменту задержания — в управлении «Запсибзолото») и Фёдора Ивановича Шубина (начальник района шахты «Центральная», был арестован еще в августе).

30 сентября был арестован и привлечен к процессу начальник «Кемеровокомбинатстроя» Борис Осипович Норкин, который имел большой опыт работы в центральных органах и тесные служебные контакты с народным комиссаром тяжелой промышленности Ю. Л. Пятаковым. В 1920 году Норкин работал начальником особого отдела ВЧК под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, в 1921 году — заместителем начальника Мосхима. Дважды в присутствии В. И. Ленина делал доклады, в том числе по вопросу развития лакокрасочной промышленности. В начале 1927 года он перешел в Московский совнархоз, а затем возглавил Всехимпром. С созданием объединения «Союзазот» Норкин стал его первым руководителем. В январе

2 Суд над дезорганизаторами транспорта в Прокопьевске // Борьба за уголь. 1936. № 70. 20 апреля; Вредители и саботажники рудничного транспорта приговорены к тюремному заключению // В бой за уголь. 1936. № 34. 20 апреля; Приговор по делу дезорганизаторов транспорта в Прокопьевске // Борьба за уголь. 1936. № 71. 21 апреля.

3 Палков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 173–183.

1 Галкин В. «Кемеровское дело» // Кузбасс. 1990. № 67. 8 апреля.

Б. О. Норкин // Шлепнев Д. **Неизвестный руководитель «Кемеровокомбинатстроя». Биография Николая Фёдоровича Карцева (1883–1937) // Красная Горка. Вып. 18. Кемерово, 2017. С. 84**

Я. Н. Дробнис. Последняя фотография, сделанная во время ареста в 1936 году

1933 года перевелся в Кемерово, где, согласно ранее принятому решению, объединил строительные организации города в Государственное управление по строительству Кемеровских промышленных предприятий «Кемеровокомбинатстрой» и возглавил его¹.

Всем арестованным было выдвинуто обвинение во вредительской деятельности с «целью вывести главную шахту рудника из строя, сорвать выполнение плана угледобычи и подготовительных работ»². Оно строилось на признательных показаниях, фактически — самооговоров, полученных методами провокаций, жесткого физического и морального давления со стороны следователей НКВД.

После того как из Москвы поступило указание об организации открытого судебного процесса, следователи приступили к подготовке сценария будущего политического спектакля. На роль «свидетелей» и одновременно идейных вдохновителей были определены два бывших троцкиста — Алексей Александрович Шестов (управляющий Салаирским цинковым рудником, арестованный еще 27 июля 1936 года), Яков Наумович Дробнис, а также главный инженер треста «Кузбассуголь» Михаил Степанович Строилов. Уже до суда в Кемерове на собраниях и митингах партийные и общественные организации всех уровней осудили арестованных с требованием жестокого возмездия. Об этом красноречиво свидетельствуют заголовки кемеровской газеты «Кузбасс»: «Ликвидируем последствия вредительства троцкистской банды на руднике» (18 ноября); «Уничтожить гадину» (от рабочих, инженеров и техников шахты «Центральная»), «Расстрелять гнусных наемников фашизма» (19 ноября); «Стереть с лица земли все троцкистское охвостье», «Никакой пощады врагам народа» (резолуция митинга рабочих, инженеров и техников шахты «Цент-

ральная»), «Предателей народа карать со всей жестокостью» (22 ноября)³.

К первому заседанию Военной коллегии Верховного суда СССР, начавшемуся в Новосибирске 19 ноября 1936 года, почти все фигуранты процесса были готовы давать любые показания, продиктованные им во время следствия, в надежде на помилование за сговорчивое поведение во время суда. М. С. Строилов держался мужественнее остальных участников процесса, отвергая многие предъявленные обвинения и фальшивые заявления арестованных. Во время судебного процесса, длившегося с 19 по 22 ноября 1936 года, было «доказано», что все подсудимые создали контрреволюционную троцкистскую диверсионную группу, поставившую себе целью реставрацию капитализма. Непосредственное руководство группы осуществляли ближайшие сподвижники Л. Д. Троцкого и агенты немецкой разведки. Добиться своей цели они планировали путем проведения диверсионных актов. Конкретные действия этой группы выразились в том, что в течение 1935–1936 годов они неоднократно нарушали систему вентиляции шахты «Центральная» Кемеровского рудника, отчего многие рабочие травились газом. Кроме того, они устраивали взрывы газа на шахте. 23 ноября суд признал всех оказавшихся на скамье подсудимых виновными по статьям 58–7 и 58–11 УК РСФСР и приговорил к расстрелу с конфискацией имущества⁴. Все обвиняемые по «кемеровскому делу» подали на имя Президиума ВЦИК прошения о помиловании. В результате четверым обвиняемым — Леоненко, Коваленко, Строилову и Штиклингу — расстрел заменили десятью годами тюремного заключения. На предприятиях Кузбасса были организованы митинги, единодушно одобрявшие суровый приговор⁵.

После процесса Б. О. Норкин, Я. Н. Дробнис, Э. Штиклинг и шофер Валентин Вольфридович Арнольд, который управлял автомобилем, съехавшим в кювет, когда в нем находился В. М. Молотов, посетивший Прокопьевск в 1934 году, были этапированы в столицу. Там 23–30 января 1937 года они вместе с Ю. Л. Пятаковым, Н. И. Мураловым, К. Б. Радеком, Г. Я. Сокольниковым и другими проходили по «делу антисоветского параллельного троцкистского центра»⁶. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 января из 17 обвиняемых 13 человек были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Среди них были Б. О. Норкин и Я. Н. Дробнис. Водитель В. В. Арнольд

3 Бельков В. И. Источники о «Кемеровском деле» 1936 г. в облархиве // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87.

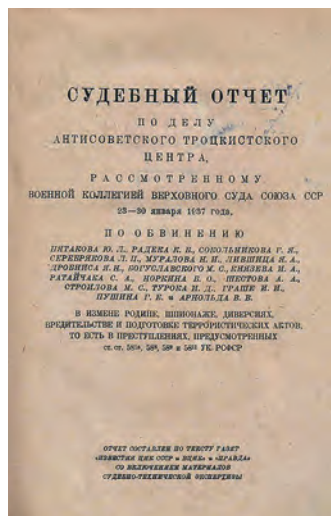
4 Кузбасс. 1936. № 227. 23 ноября; Большевицкая сталь. 1936. № 270. 24 ноября; Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на Кемеровском руднике // Ленинский путь. 1936. № 127. 24 ноября; № 128. 27 ноября.

5 Генина Е. С. Из истории «Кемеровского дела (1936 г.) // Кемеровской области — 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. Кемерово, 2003. С. 129–132.

6 Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 183.

1 ГАК. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 153. Л. 52–53.

2 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 164. Л. 46.

Титульный лист «Судебного отчета по делу антисоветского троцкистского центра». М., 1937

приговорен к 10 годам заключения в тюрьме, а М. С. Строилов — к 8 годам¹.

Приговор был приведен в исполнение 1 февраля 1937 года. В ноябре 1937 года Леоненко и Коваленко по приказу Л. П. Берии вновь были осуждены «тройкой» Челябинского УНКВД и расстреляны. Строилов отбывал наказание в Орловской тюрьме. В сентябре 1941 года ввиду неизбежной сдачи Орла немецким войскам было принято решение расстрелять политических заключенных. Список был утвержден Сталиным. 8 сентября все политические, в том числе Строилов, были вывезены на окраину города

и расстреляны в Медведевском лесу. Эмиль Штиклинг в 1939 году был передан немецкой стороне в Брест-Литовске и заключен в Люблинскую тюрьму (дальнейшая судьба неизвестна)².

«Кемеровское дело» дало мощный толчок для развертывания репрессий в угольной отрасли и вообще в промышленности Кузбасса. С августа 1936 года по январь 1937 года были арестованы 26 руководителей разного уровня, проходивших как участники «группы Дробниса», среди них заместитель начальника «Азотстроя» В. В. Павлов, заместитель начальника «Химстроя» Д. С. Воронков, начальник проектного отдела «Химстроя» С. Ф. Игнатюк, заместитель начальника планового отдела Кемеровского рудоуправления И. Ю. Прейкшас, начальник проекта «Кемеровокомбинатстроя» Ю. Н. Зинюк, начальник строительства Азотно-тукового комбината В. В. Щипанов³.

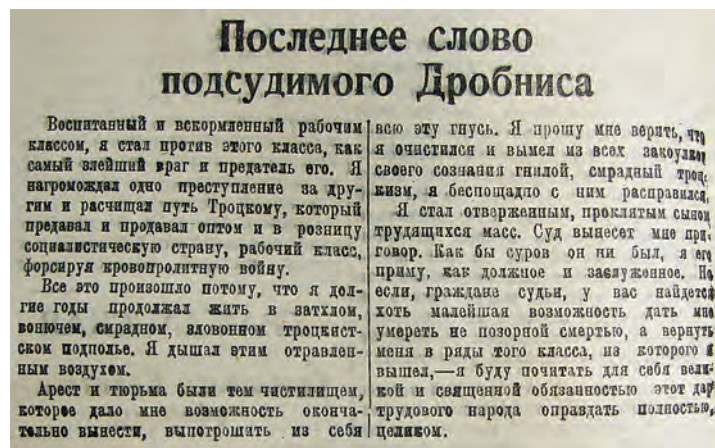
В начале 1937 года «троцкистская банда вредителей» была обнаружена на шахте 9–15 в Анжеро-Судженске. По данным секретаря горкома партии В. К. Павлова, эта банда, «пользуясь потерей бдительности со стороны руководителей рудника Суханова и Кокорина, нанесла немало вреда нашему руднику. На шахте 9–15 троцкистским вредителям удалось сорвать подготовительные работы. На шахте им. Кирова они дезорганизовали транспорт и вентиляцию». Раскрыть «банду» долго не удавалось по причине отсутствия бдительности и самокритики со стороны парткомов шахт⁴.

1 Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР // Большевицкая сталь. 1937. № 25. 1 февраля.

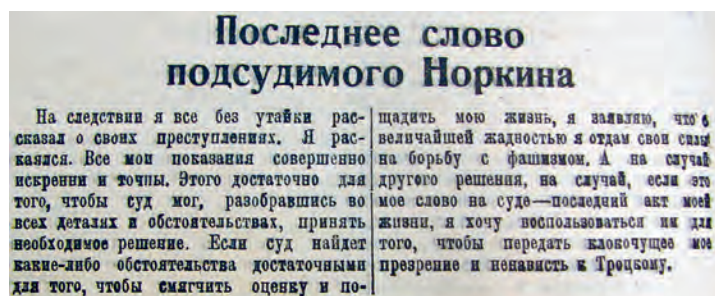
2 Рудин В. Г. «Кемеровское дело» // Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. I. Познань, 1996. С. 319–321.

3 Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение (1938–1939–1940 гг.): рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 2–3.

4 Павлов В. К. В подвеме партийной работы — ключ к победе // Борьба за уголь. 1937. № 38. 26 февраля.

Последнее слово подсудимого Я. Н. Дробниса // Кузбасс. 1937. № 25. 6 февраля

Последнее слово подсудимого Б. О. Норкина // Кузбасс. 1937. № 25. 6 февраля

Поиски врагов народа на угольных предприятиях региона нередко начинались с анонимной заметки в газете. Например, в феврале 1937 года в газете «Большевицкая сталь» вышла статья под названием «Вредительская система». Некий аноним под именем Угольщик писал, что «процесс троцкистской банды убийц и диверсантов ярким факелом осветил факты вредительства в Кузбассе. Процесс вскрыл также близорукость отдельных руководителей шахт, не сумевших распознать злодеяния врага». Автор утверждал, что на шахтах Куйбышевского рудника существует вредительская система камерно-столбовой выемки угля, из-за которой происходит много потерь топлива. Руководители шахт и трестов Кротов и Голованов совершенно не принимают никаких мер к ликвидации последствий вредительства⁵.

В феврале 1937 года был арестован управляющий Осинским рудником Моисей Исаакович Евзеров. Длительное время он находился в Мариинской тюрьме. Следствие велось около двух лет. Евзеров был обвинен в создании «троцкистской террористической диверсионной организации», которой якобы руководил Строилов. Вместе с ним по делу проходили горные инженеры Куйбышевского рудника Л. В. Чезарри, К. С. Воскресенский, А. Я. Сенотрусов, Ф. В. Герасимов, А. Б. Бородин и А. И. Краснокож. Приговор

5 Угольщик. Вредительская система // Большевицкая сталь. 1937. № 36. 14 февраля.

по делу был вынесен только летом 1939 года. Евзеров получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей, а его «сообщники» различные сроки заключения¹.

В марте 1937 года появилась статья главного инженера-механика треста «Молотовуголь» Г. Л. Баранова, в которой он указал, что его предшественник — «недавно разоблаченный троцкист-диверсант Евзеров» занимался вредительством на Осиновском руднике. Он и его помощники «культивировали варварскую эксплуатацию машин». Однако после увольнения вредителей порядка на шахтах не стало больше. По словам нового инженера-механика, по всем предприятиям «Молотовугля» наблюдается «расхлябанность, разгильдяйство, отсутствие элементарного производственного порядка». Почти везде отсутствует плановый ремонт машин и механизмов, эксплуатация их ведется неэффективно, отчего они простаивают до 50 % времени, не ведутся графики, планы. Далее Баранов привел конкретные фамилии директоров шахт, инженеров и других «вредителей». В заключение он призвал работать без аварий, рационально использовать технику, «смелее идти на риск и быть во главе стахановцев»².

С 23 по 25 мая 1937 года в Анжеро-Судженске проходила выездная сессия спецколлегии Запсибкрай суда, где слушалось дело бывшего главного инженера шахты № 1–6 Никифора Исидоровича Калинина. Судом было установлено, что Калинин был классово чуждым элементом, сыном кулака. Он сумел пролезть в кандидаты в члены партии. Находясь на должности главного инженера, с 1936-го по февраль 1937 года вел контрреволюционную деятельность, которая выражалась в том, что направлял горняков в загазованные участки, где они получали отравления. Кроме того, он направлял рабочих на неперспективные участки, тем самым срывая выполнение плановых показателей. Выездная сессия приговорила его к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества³.

Сибирские партийные и государственные власти видели прямую связь между вредительством и отставанием от плановых показателей. В постановлении бюро Запсибкрайисполкома ВКП(б) от 8 июля 1937 года было сказано: «Главной причиной провала в работе угольной промышленности Кузбасса является крайне медленное развертывание работ по ликвидации последствий вредительства <...> Нетерпимое отставание Кузбасса вызвано тем, что управление комбината и большинство трестов неудовлетворительно руководят шахтами и участками, а партий-

ные организации все еще самоустраиваются от руководства борьбой за выполнение плана угледобычи»⁴.

В сентябре 1937 года пресса обрушилась на управляющего треста «Куйбышевуголь» Кротова. В газете «Большевицкая сталь» появилась статья, в которой сказано, что на Куйбышевском руднике «орудовали враги народа японско-германские шпионы, диверсанты и вредители, которые ставили своей целью вывести шахты из строя и сорвать снабжение углем Кузнецкого металлургического завода. Троцкистско-бухаринские вредители: Воскресенский, Бородин и другие оставили глубокий след вредительской работы». Однако враги народа продолжали свою преступную деятельность на руднике. Причем главным из них был управляющий трестом «Куйбышевуголь» «троцкистский лазутчик Кротов, который открыто продолжает вредительскую работу». По мнению корреспондента, он скрывал истинные запасы угля, вел дела так, чтобы вывести шахты из строя, «всячески суживал фронт работы», занимался обсчетом рабочих, сохранял жилплощадь за семьями разоблаченных врагов народа, тормозил строительство новых домов, имел тесные связи с троцкистами»⁵.

В декабре 1937 года состоялся судебный процесс над «троцкистско-бухаринской, шпионо-диверсионной фашистской бандой, орудовавшей в Прокопьевске». На скамье подсудимых оказались главный механик шахты им. Молотова Сергей Леонидович Фальков, его помощник Генрих Андреевич Мейкопп, начальник транспорта шахты Пётр Данилович Чертиков, его помощник Василий Михайлович Степаненко и лесодоставщик Максим Моисеевич Клишин. Все они были признаны «шпионами одного из западных фашистских государств», выполнявшими диверсионные задания и вредительскую работу, повлекшую за собой человеческие жертвы на шахте им. Молотова в Прокопьевске. Приговором выездной сессии военного трибунала Сибирского военного округа все пятеро были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу⁶.

В январе 1938 года приговором специальной коллегии Новосибирского областного суда было рассмотрено дело, по которому проходили бывший управляющий шахтой «А» треста «Ленинуголь» Пётр Леонтьевич Иванов и бывший главный механик той же шахты Николай Андреевич Зайцев. Суд установил, что «лютый враг народа Иванов для того, чтобы разложить трудовую дисциплину на шахте и помешать стахановскому движению, саботировал подготовку фронта, обеспечивающего нормальную работу забоя». Он посылал лучших стахановцев на подсобные работы, где они зачастую простаивали. Вместе с Зайцевым он разрушил вентиляционное хозяйство шахты, устроил

1 Рудин В. Г. Сталинские репрессии в 1936–1937 гг.: рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 143. Евзеров написал воспоминания о пребывании в лагерях. См.: Евзеров М. И. О времени, о Норильске, о себе...: Воспоминания. Кн. 1 / ред.-сост. Г. И. Касабова. М., 2001. С. 77–125; *Его же*. О времени, о Норильске, о себе... Кн. 2. С. 192–296.

2 Баранов Л. Г. Антимеханизаторы на шахтах «Молотовугля» // Большевицкая сталь. 1937. № 62. 17 марта.

3 Вредитель Калинин получил 10 лет лишения свободы // Борьба за уголь. 1937. № 97. 27 мая.

4 Постановление бюро Запсибкрайисполкома от 8 июля 1937 года // Большевицкая сталь. 1937. № 155. 11 июля.

5 Ногин Н. Притаившийся враг в роли директора // Большевицкая сталь. 1937. № 201. 10 сентября.

6 Из приговора выездной сессии Военного трибунала Сибирского военного округа // Большевицкая сталь. 1937. № 270. 10 декабря.

массовые аварии механизмов, что приводило к систематическим срывам угледобычи. Иванов был приговорен к расстрелу, а Зайцев — к 10 годам лишения свободы¹.

В марте 1938 года во Дворце труда им. Артема в Прокопьевске состоялось судебное разбирательство трибунала Сибирского военного округа по делу о «контрреволюционной вредительской группе террористов и диверсантов». На скамье подсудимых находился бывший управляющий шахтой «Чёрная гора» Николай Андреевич Зайцев. На суде удалось «доказать», что эта группа лиц сумела так навредить шахте, что ее производительность упала до 60%. В 1937 году на шахте было 345 несчастных случаев с пятью смертельными исходами. Ко всем этим происшествиям были причастны подсудимые. Журавлёв был завербован бывшим управляющим рудником Овсянниковым еще в 1934 году. Причем «преступные ниточки» этой группы тянулись к злейшим врагам народа Бухарину, Троцкому, Рыкову и далее — «к фашистской охранке — гестапо». Журавлёв признался в том, что еще в 1935 году, будучи управляющим шахтой «Зиминка», проводил вредительскую работу. Потом, чтобы замести следы, сумел перейти на работу в шахту «Чёрная гора», где и продолжил свою контрреволюционную деятельность. По его заданию братья Пётр и Григорий Гавва пронесли в шахту керосин и подожгли один из угольных пластов. Когда об этом узнала ударница-откатчица Шаболина, он приказ ее убить. 18 марта 1938 года военный трибунал приговорил Журавлёва, Бражникова, братьев Гавва и Аксёнюка к высшей мере наказания — расстрелу, Расторгуева — к 25 годам лишения свободы, Погребняка — к 15 годам лишения свободы².

Сразу два судебных процесса прошли в апреле 1938 года в Осиновке, где находились шахты треста «Молотовуголь». На первом из них рассматривалось дело «правотроцкистской контрреволюционной группы», орудовавшей на Осиновском руднике. По делу проходили бывший управляющий шахтой № 4 треста «Молотовуголь» Алексей Дмитриевич Левин, бывший главный инженер этой же шахты Василий Иванович Груздев, бывший начальник первого участка Яков Сергеевич Асташкин и бывший начальник службы вентиляции Евгений Александрович Ярославцев. В ходе судебного разбирательства было установлено, что указанная группа лиц действовала по заданию врагов народа Евзерова, Голикова и Степанова. Якобы руководителем диверсионной группы был Левин, завербованный еще в 1932–1933 годах, когда служил в проектно-отделе «Кузбассугля» в Томске и с тех пор вставший на путь антисоветской борьбы. Группа вела диверсионную деятельность на шахте, портила вентиляционную систему и даже умышленно производила подрыв метана в забоях. По вине этой группы произошло 218 несчастных случаев, из которых

часть была с человеческими жертвами. Военный трибунал приговорил всех четверых к расстрелу³.

На втором судебном процессе рассматривалось дело «правотроцкистской шайки», действовавшей в управлении треста «Молотовуголь» и на шахте «Центральная». На скамье подсудимых были бывший управляющий трестом Степан Николаевич Петров, бывший главный инженер того же треста Сергей Иванович Дмитриев, бывший начальник подземного транспорта шахты «Центральная» Василий Дмитриевич Быков, десятник той же шахты Василий Фёдорович Гурьев и стрелочник подземного транспорта Егор Иванович Симахин. Следствием установлено, что все они ранее завербованы в правотроцкистскую организацию, за что получили денежное вознаграждение и материальное поощрение в виде садовых домиков. В течение апреля-мая 1937 года они устроили сразу четыре катастрофы на шахте, в результате одной из них погиб комсомолец Носов. Кроме того, Дмитриев как инженер умудрился создать на шахте так называемые газовые мешки, в которые угодили в общей сложности 280 горняков и где имели место два взрыва. Диверсионная деятельность группы якобы привела к срывам планов угледобычи, шахта могла выполнять только 75–77% от плана. Военный трибунал приговорил всех к расстрелу с конфискацией имущества⁴.

Репрессии в угольной промышленности коснулись не только руководителей высшего и среднего звена, инженеров, но и многих представителей шахтерских профессий, уничтожив тем самым значительный слой квалифицированных специалистов, затруднив выполнение заданий, определенных на II и III пятилетки по развитию в Кузбассе угледобычи и смежных с ней отраслей промышленности. В различной степени безосновательно правовому преследованию (аресту, заключению, высылке, увольнению) и унижающему личность отношению как к родственнику «врага народа» подверглись члены их семей.

1 Врагам народа никакой пощады // Ленинский шахтер. 1938. № 10. 15 января.

2 Судебный процесс над контрреволюционной вредительской группой террористов и диверсантов, орудовавшей в Прокопьевске // Ленинский шахтер. 1938. № 54. 24 марта.

3 Суд над правотроцкистской контрреволюционной группой, орудовавшей на Осиновском руднике // Большевицкая сталь. 1938. № 88. 27 апреля.

4 Суд над участниками правотроцкистской вредительской шайки в тресте «Молотовуголь» // Большевицкая сталь. 1938. № 92. 4 мая.

§ 2. Черная металлургия

ГУРЬЕВСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД. В годы Гражданской войны Гурьевский металлургический завод находился во владении акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей. На заводе изготавливали различные изделия для шахт и рудников «Копикуза». В целях развития металлургического производства, а также для организации строительства крупного металлургического предприятия вблизи Кузнецка «Копикуз» пригласил на работу известного металлурга Михаила Константиновича Курако (1872–1920). Он имел большой опыт работы в Донбассе, трудился на Краматорском, Юзовском, Енакиевском заводах. На этих предприятиях он внедрил усовершенствования, позволившие улучшить технологию доменного процесса и увеличить производительность. В мае 1917 года Курако с большой группой своих учеников приехал в Томск, где была контора «Копикуза». Во время Гражданской войны он неоднократно посещал Гурьевский металлургический завод, Кузнецк, Щегловск, Кольчугино. Изучив технические возможности местных предприятий, проанализировав запасы угля и железных руд, он спроектировал крупнейший в стране металлургический завод с полной механизацией, который «Копикуз» намеревался построить вблизи Кузнецка. Михаилу Константиновичу не суждено было принять участие в стройке, он заразился тифом и умер в феврале 1920 года в Кузнецке¹.

С установлением советской власти все предприятия «Копикуза», в том числе Гурьевский металлургический завод, были конфискованы у бывших владельцев. Национализация производилась стихийно по мере захвата территории Красной армией. Постановление Высшего совета народного хозяйства РСФСР о национализации в Сибири

М. К. Курако // Кузбасс XXI век. 2012. № 1(26) март. С. 24.

вышло 27 ноября 1920 года². Однако еще до этого советская власть предприняла некоторые шаги по развитию производства на Гурьевском металлургическом заводе. 1 ноября отдел металла ВСНХ РСФСР предписал петроградскому заводу Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО) передать одну паровую машину в 600 лошадиных сил с прокатным станом и двумя паровыми котлами Гурьевскому заводу³.

В 1921 году на Гурьевском заводе началось строительство мартеновской печи. Оно велось довольно долго, так как квалифицированных кадров не хватало. В 1923 году печь была готова, но ее не удалось запустить. В следующем году в Гурьевск прибыли сталевары и газовщики с Добрянского и Кушвинского заводов. Под руководством уральского специалиста Александра Васильевича Нифатьева мартеновскую печь переделали. В сентябре 1924 года она была запущена, при этом А. В. Нифатьева назначили начальником мартеновского цеха⁴.

В целях дальнейшего развития Гурьевского завода было решено передать прокатный стан Сосьвинского завода в Гурьевск. Перевозка большого количества оборудования осуществлялась по рекам. Вместе с ним из Сосьвы в Гурьевск переехали десятки рабочих и членов их семей. Установкой и наладкой оборудования руководил Иван Илларионович Бороздин. В ноябре 1925 года на Гурьевском заводе получен первый прокат из мартеновской стали. За успешную переброску прокатного стана и его пуск И. И. Бороздину присвоили звание «Герой труда» с вручением соответствующей грамоты⁵. В то время золотую звезду не вручали, а обходились грамотой.

² Сибирский революционный комитет... С. 86.

³ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства... С. 48–49.

⁴ Сорокин М. Е. Гурьевск... С. 65–69.

⁵ Там же. С. 69–73.

¹ Сорокин М. Е. Гурьевск. Кемерово, 1996. С. 47–53.

Гурьевский металлургический завод. 1926 // Из фондов Кузбасского государственного краеведческого музея

В июне 1924 года проведен анализ деятельности Гурьевского металлургического завода, представленный на обсуждение в коллегию Сибплана и Сибревкома. Главной задачей завода было снабжение рудников Кузбасстреста чугуном, литьем, частями машин и разным инвентарем. Как показал анализ, завод удовлетворял потребности рудников по литейному цеху всего на 37–41%, по механическому цеху — на 20,5–42%. Недостаток металла ощущался даже несмотря на то, что доменный цех постепенно увеличивал свою мощность. В 1922/23 операционном году¹ было выплавлено 75,5 тысячи пудов чугуна, в 1923/24 году — 130 тысяч пудов. Домна неоднократно останавливала выплавку чугуна. В целом она работала всего три-четыре месяца в году. Во время простоев приходилось ее ремонтировать, на что было потрачено более 55 млн рублей. В результате себестоимость чугуна увеличилась на 27 копеек и составила 81 копейку за пуд. Для сравнения — Надеждинский завод на Урале выдавал чугун по 92 копейки за пуд, но за счет его реконструкции планировали снизить себестоимость до 74 копеек. В резюме доклада было сказано: «Целесообразность существования завода как металлургической ячейки будущей сибирской металлургии оправдалась бы лишь в случае, если государство встанет на путь создания крупной металлургической промышленности Сибири и изберет для этой цели Кузнецкий уезд Томской губернии, а не другие районы, тоже богатые соответствующими полезными ископаемыми»².

В Сибревкоме рассматривался даже вариант приостановки деятельности завода. Планировали оставить только прокатный цех, который должен был снабжать изделиями рудники Кузбасстреста. Тем не менее решили, что завод

должен стать «исходной металлургической ячейкой, из которой и при помощи которой должны постепенно вырасти металлургические предприятия Кузнецкого бассейна». В результате сохранили Гурьевский завод в составе Кузбасстреста³.

Однако уже в ноябре 1924 года было принято постановление СТО СССР о передаче Гурьевского завода Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Фактическая передача осуществилась 1 января 1925 года, а право на инвентаризацию АИК «Кузбасс» получил 15 ноября. При передаче завода необходимо было принять все меры к предупреждению перебоев в работе, вывозе материалов и подвозке сырья⁴.

По состоянию на апрель 1925 года на Гурьевском заводе трудились 740 человек, большинство из которых были крестьянами с низкой квалификацией. Завод работал с неполной нагрузкой. На самоокупаемости был только один цех — литейный. Остальные цеха (механический, котельный, кузнечный, доменный, мартеновский) не приносили прибыль и были неконкурентоспособны. Путем повышения интенсивности труда рабочих удалось повысить ежедневную выплавку чугуна с 840 пудов в сутки до 1 200 пудов. Однако себестоимость чугуна была высокой, составляла 91 копейку за пуд при 12–15 копейках накладных расходов⁵.

ТЕЛЬБЕСБЮРО И ТЕЛЬБЕССТРОЙ. Разведка железной руды вблизи поселка Тельбес проводилась еще в конце XIX века. Накануне Первой мировой войны «Копикуз» планировал построить крупный металлургический завод вблизи Кузнецка. Но Октябрьская революция помешала этим планам.

С установлением советской власти возобновились проекты постройки металлургического завода в Кузнецком уезде. Для вывоза с Тельбеса руды требовалось построить железную дорогу. В первой половине 1920-х годов велись работы по техническому изысканию линии Кузнецк — Тельбес. В 1925 году среди нескольких вариантов был определен перспективный проект железнодорожной линии, которая пролегла по правому берегу Кондомы с одним пересечением реки. Общая протяженность дороги вместе с ветками и разъездами составляла 213,4 км, главный путь был длиной 127,2 км. Стоимость постройки была определена в 24,2 млн рублей. Постройка одного километра была намного выше, чем обычно: в горной местности требова-

¹ Операционный год начинался 1 октября.

² Тезисы к докладу о Гурьевском заводе, июнь 1924 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1082. Л. 55–56.

³ Проект постановления Сибирского революционного комитета, июнь 1924 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1082. Л. 58.

⁴ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг.: сб. документов. Кемерово, 1966. С. 140–150.

⁵ Там же. С. 157–158.

Комиссия по выбору площадки для металлургического завода вблизи Кузнецка. 1926 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 808. В центре с тростью стоит В. Н. Липин

лось устройство большого количества искусственных сооружений. По технической сложности железная дорога была близка к знаменитой Кругобайкальской дороге¹.

Постановлением Сибкрайисполкома от 2 марта 1926 года была создана научно-исследовательская и проектная организация «Тельбесбюро», которой поручили изучение запасов полезных ископаемых в Кузбассе и проектирование строительства крупного металлургического завода. Тельбесбюро подчинялось Государственному институту по проектированию металлургических заводов (Гипромезу). Руководителем Тельбесбюро был назначен председатель Сибкрайсовнархоза Н. Г. Терехов. В его состав вошли профессор Томского технологического института Николай Владимирович Гутовский (1876–1933), Михаил Антонович Усов (1883–1939) и член Сибплана инженер П. Д. Зуев². По воспоминаниям Н. Г. Терехова, первым делом Тельбесбюро собрало все материалы «Копикуза» и изучило их. К проектированию были также привлечены бывшие сотрудники этого общества, в том числе управляющий инженер Иосиф Иосифович Федорович³.

В июле 1926 года в Кузбасс прибыла правительственная комиссия под председательством заведующего металлургическим отделом Гипромеза профессора Вячеслава Николаевича Липина (1858–1930). В ее составе были члены Тельбесбюро, представители Сибирского крайисполкома, Кузнецкого райкома партии, райисполкома, профсоюза

сельскохозяйственных рабочих и местного крестьянства. Комиссия избрала место для постройки Тельбесского металлургического завода, так называемую Горбуновскую площадку около города Кузнецка: рядом протекала река Томь, грунт был пригоден для строительства железной дороги и крупных объектов, месторождения угля и руды находились сравнительно недалеко⁴.

Постройка железной дороги Кузнецк — Тельбес началась в июле 1926 года, еще до того, как был составлен окончательный проект. Специально для этого управление Кольчугинской новостройки выделило штат технических работников. В августе сформировали две изыскательские партии для окончательного проектирования сложных участков. По ходу строительства постоянно менялись первоначальные проекты. Из-за отсутствия типовых чертежей, выполненных в метрической системе, управлению приходилось делать самостоятельные расчеты. Не хватало квалифицированных кадров, строительных материалов, транспорта для перевозки грузов.

Численность рабочих, занятых на стройке, постоянно росла: если в январе 1927 года было около 600 человек, то в июле-августе — более 2 тысяч. Большинство рабочих (местные жители) нанимались через корреспондентский пункт в Кузнецке. Обеспеченность рабочей силой была неполной. Ощущался недостаток квалифицированных кадров. Оплата труда была ниже, чем в АИК «Кузбасс» и переселенческом ведомстве, поэтому квалифицированные рабочие неохотно нанимались на строительство. К тому же бытовые условия оставляли желать лучшего. Бараками

¹ Доклад о строительстве дороги Кузнецк — Тельбес, январь 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2.

² Полянская Е. М. Из истории социалистической индустриализации Сибири // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 23.

³ Терехов Н. Г. Тельбесбюро // Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 19–20.

⁴ Полянская Е. М. Из истории социалистической индустриализации... С. 24.

Вид Горбуновской площадки. 1926 // 75 лет КМК–НКМК. Фотоальбом. Новокузнецк, 2007

были обеспечены только квалифицированные строители, трудившиеся на постоянной основе. Все остальные жили в землянках и шалашах. Некоторые селились в домах у местных крестьян. Медицинское обслуживание было недостаточным, спецодежда представлена только лаптями, которых удалось закупить 4,5 тысячи пар вместо 8 тысяч запланированных¹.

Одновременно со строительством дороги проводились геологические изыскания. В 1926/27 операционном году обследовали тельбесские руды. Кроме поверхностных геологоразведочных работ, здесь были пробурены пять скважин общей глубиной около 800 метров. В результате исследования руды признаны подходящими для выплавки металла. В 1927/28 операционном году проводились изыскания в районе Одрабаш и Темиртау. На первом месторождении пробурено пять скважин глубиной 700 метров, на втором — шесть скважин глубиной около 1 100 метров. В обоих случаях подтверждены запасы железных руд. Помимо поисков руд в 1927/28 операционном году проводились эксперименты с каменным углем. На Араличевском и Осиновском месторождениях заложены шахты длиной по несколько десятков метров каждая. В результате сжигания угля получен «первоклассный металлургический кокс»².

17 июня 1927 года было принято постановление Совета труда и обороны «О капитальном строительстве отдельных заводов металлопромышленности». В ближайшей пятилетке планировалось построить несколько новых заводов черной металлургии суммарной производительностью в 100 млн пудов. Отдельный пункт касался Тельбеса: «Предложить ВСНХ принять все меры к ускорению как проектирования, так и постройки Тельбесского завода с производительностью в первую очередь не менее 20 млн пуд., с таким расчетом, чтобы приступ к сооружению самого завода был обеспечен не позже начала 1928–29 г., а все исследовательские и подготовительные к строительству работы окончить в течение 1926–27 и 1927–28 гг.»³.

В начале второго полугодия 1927/28 операционного года Тельбесбюро приступило к проектированию угольных копей и железных рудников на юге Кузбасса. Для этих целей были приглашены профессора Сибирского технологического института Дмитрий Александрович Стрельников (специалист по углю) и Николай Самуилович Пенн (по руде). Однако недостаток квалифицированных специалистов не позволял осуществлять проектные работы в короткие сроки, как того требовало правительство. Основную работу по проектированию выполнял Гипромез при участии американских инженеров фирмы «Фрейм»⁴.

¹ Доклад о строительстве дороги... Л. 3–17 об.

² Тезисы доклада о деятельности Тельбесбюро в Кузнецком округе в 1927/1928 операционном году // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 317. Л. 33–34.

³ Постановление СТО от 17 июня 1927 года // ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 26. Л. 233.

⁴ Тезисы доклада о деятельности... Л. 34 об. — 35.

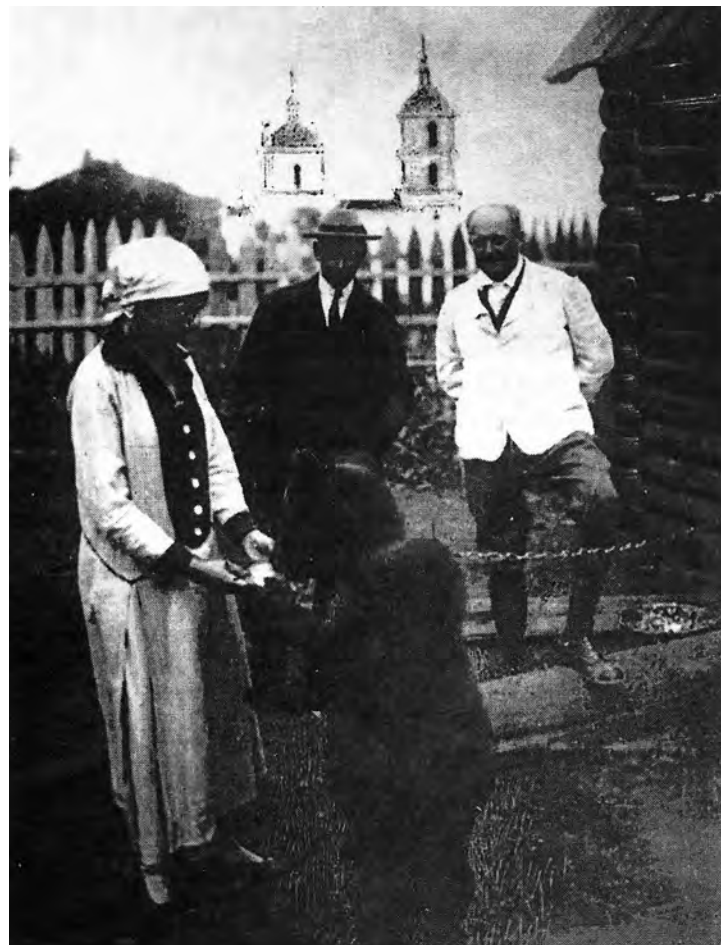

Заседание «Тельбесбюро». 1920-е // Надлер Ю. С. Геология, геологи и город Новокузнецк // Кузнецкая старина. Вып. 8. Новокузнецк, 2006. С. 72. Сидят слева направо: М. А. Усов, Н. В. Гутковский, Н. Г. Терехов, В. И. Калашников

Не дожидаясь окончательной достройки железной дороги от Кузнецка до Тельбеса и завершения разведки руд и запасов угля, 22 марта 1928 года Главметалл ВСНХ СССР выпустил постановление об организации управления строительством завода под названием «Тельбесстрой». Начальником назначен Портенко. Одновременно решили пересчитать запасы руды и угля. Дополнительные изыскания и расчеты производились весной-летом 1928 года. В сентябре состоялись два заседания правления Гипромеза с участием представителей Геологического комитета (Геолкома). В результате пересчета выяснилось, что разведанных запасов руды хватит на 20 лет работы завода производительностью 20 млн пудов. Поскольку эти показатели были ниже ожидаемых, вопрос о строительстве металлургического завода стал предметом острого обсуждения в правительстве. Высказывались мнения о полной остановке работ и отказе от всех планов. В октябре 1928 года проблема обсуждалась в Высших советах народного хозяйства РСФСР и СССР.

Наконец, малый президиум Госплана СССР «признал строительство Тельбесского завода первоочередным с максимальным форсированием строительства в наступившем году» (имелся в виду 1928/29 операционный год). При этом сырьевой базой завода должны были стать «не только основные месторождения Тельбесского района, но и руды горы Магнитной», переброску которой планировали осуществлять по железной дороге. На 1928/29 операционный год было выделено 3 млн рублей на подготовительные и разведочные работы, еще 2 млн рублей выделено на достройку железной дороги Кузнецк — Тельбес¹.

В первые месяцы существования Тельбесстрой представлял собой дезорганизованную и плохо управляемую структуру. Назначенный начальник Портенко так и не приехал в Кузбасс, руководство осуществлял инженер И. С. Радин, должность которого официально называлась так:

На заднем дворе «Тельбесбюро» в Кузнецке. 1920-е // Надлер Ю. С. Геология, геологи и город Новокузнецк // Кузнецкая старина. Вып. 8. Новокузнецк, 2006. С. 74

«Временно исполняющий обязанности временно исполняющего должность заместителя начальника Тельбесстроя». Даже в партийных документах того времени высмеяли этот «анекдотический титул», заявив, что это «все равно, что дочь сына обер-офицерского внука». В тех же партийных документах отмечено, что Тельбесстрой существует в полной «неразберихе, бестолковщине, разбазаривании средств». За несколько месяцев существования он так и не подготовил никаких планов строительства завода; не создал ни одного отдела (все были временные), не развернул никакой деятельности. Люди в управлении либо просто сидели и ничего не делали, либо делали все наугад. Набор специалистов и квалифицированных кадров представлял собой «полнейшую вакханалию»².

Проектные и подготовительные работы действительно двигались крайне медленно и неорганизованно. Но в этом был виноват не только Тельбесстрой. Само правительство и партийное руководство не имели четкой стратегии и понимания того, что нужно делать. Часто принимались решения, противоречившие ранее утвержденным. Постоянно создавались разного рода комиссии, которые разрабатывали

1 Там же. Л. 35–35 об.

2 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 317. Л. 44.

Вид на площадку Кузнецкстрой. 1929 // 75 лет КМК–НКМК. Фотоальбом. Новокузнецк, 2007

планы и проекты, противоположные друг другу. В строительную практику вошла такая особенность — начинать стройку без утвержденных проектов.

В одной из аналитических записок Кузнецкого окружного комитета ВКП(б) в 1928 году было сказано: «Кузнецкий бассейн претерпевал не только всякие крупнейшие оперативно-производственные изменения, но и всевозможные организационные изменения — сначала был общий трест, потом отделилась большая его часть в виде объединения АИК, потом в тяжелом состоянии АИК оставил этот район и образовались отдельные тресты <...> Само собой разумеется, при такой организационной неувязке (мягко выражаясь, можно было бы сказать: при такой чехарде) ни о каком плановом развитии этого района не могло быть и речи. На Кузбасс смотрели как на какое-то охвостье, к которому можно прибегать в зависимости от конъюнктурного положения»¹.

Между тем Тельбесстрой подготовил план работ на 1928/29 операционный год. Правительство выделило на них 4 млн рублей, хотя требовалось 6 с лишним. Согласно этому плану, строительство завода было рассчитано на пять лет. Для размещения рабочих предполагалось построить бараки общей жилой площадью 28,8 тыс. кв. метров, причем «чтобы при пуске завода эти бараки можно было приспособить под квартиры для рабочих или технического персонала». Для водоснабжения планировали выстроить

капитальную водонапорную станцию, а большинство линий водопровода должны были быть временными, чтобы их можно было перестроить в будущем. Третьим объектом строительства должна была стать временная электростанция. Четвертыми на очереди стояли кирпичный и лесопильный завод, столярная мастерская с кузнечным и токарным производствами. Пятым объектом стали больница, школа, клуб и баня. На шестом месте находились подъездные дороги, которые планировали построить нескольких типов (грунтовые, шоссейные и т. д.). В состав первоочередных работ были также включены «работы по освобождению поверхности под заводское строительство, занятое ныне крестьянскими хозяйствами»².

Кузнецкстрой. В начале 1929 года в правительстве был окончательно решен вопрос о строительстве двух крупнейших заводов: Кузнецкого и Магнитогорского. 15 января Совет народных комиссаров и Совет труда и обороны, выслушав доклад Высшего совета народного хозяйства, принял решение о начале строительства этих заводов до утверждения пятилетнего плана. В постановлении было сказано: «Исходя из крайней необходимости всемерно форсировать по объему и срокам капитального строительства в черной металлургии, обязать ВСНХ СССР вести работы в текущем году по Магнитогорскому и Кузнецкому заводам в размере отпущенных на эти стро-

¹ Развитие Кузнецкого бассейна. Некоторые итоги работы Урало-Сибирской комиссии, 1928 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 404. Л. 5.

² Перспективный план подготовительных работ 1928/1929 операционного года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 404. Л. 78–81 об.

ительства средств»¹. Предполагалось, что завод будет работать на привозной руде с Урала, поэтому в документах его стали именовать не Тельбесским, а Кузнецким; Тельбесстрой стал именоваться Кузнецкстроем.

Проект металлургического завода менялся несколько раз в сторону увеличения производительности. Первый из них был разработан американской фирмой «Фрейн» в августе 1927 года. К декабрю следующего года он был переработан. Предполагаемая мощность завода должна была составить 327 тыс. тонн выплавки чугуна в год и 435 тыс. тонн стали разных марок. Третий проект был подготовлен на основе двух предыдущих. Он был рассмотрен на 9-й сессии технического совета Гипромеза в апреле 1929 года, а потом переработан и утвержден в октябре того же года. На этот раз производительность чугуна была увеличена до 400 тыс. тонн, а стали — до 551 тыс. тонн².

Опыта постройки заводов такой мощности в СССР не было. В то время подобные заводы-гиганты имелись только в двух странах мира: США и Германии. Для проекта решено было использовать наработки иностранных специалистов, в основном американцев, с которыми уже были налажены контакты. В декабре 1929 года в Москве были собраны советские инженеры из Урала и Сибири, которым предписали отправиться в командировку в США. В комиссию Кузнецкстроя входили начальник строительства Филумен Тимофеевич Колгушкин, заместитель главного инженера В. Н. Щепочкин, инженер Михаил Фёдорович Голдобин. В феврале 1930 года через Польшу они приехали в Германию, а оттуда на пароходе переправились через океан и прибыли в Нью-Йорк. Позднее Голдобин вспоминал, что их поразило огромное количество автомобилей: «Машины идут прямо стадами, как овцы в деревне». Большое удивление вызвали также небоскребы, в одном из которых поселилась советская делегация³.

В феврале 1930 года Президиум Высшего совета народного хозяйства СССР вновь изменил требования к проектируемому заводу. На этот раз производительная мощность его была определена в 860 тысяч тонн чугуна. Советской делегации поручили вести переговоры с американцами исходя из новых параметров завода.

Переговоры велись сразу с несколькими фирмами, протекали они сложно и тяжело. Приоритетной была фирма «Фрейн». Глава фирмы постоянно уезжал в Чикаго, совето-

вался со своими инженерами. Когда технические вопросы были согласованы, начались переговоры об оплате. Фрейна не устроила та сумма, которую предложила советская делегация, он прекратил переговоры и уехал. Колгушкин решил переключиться на другие фирмы, но в это время в США началась антисоветская пропаганда. Папа римский объявил о притеснениях священников в Советском Союзе, гонениях на духовенство и использовании принудительного труда на стройках. Все металлургические фирмы стали отказываться от сотрудничества. Правда, советским инженерам удалось побывать на заводах в Детройте, Чикаго, Буффало и Милуоки⁴.

Вскоре из Москвы было получено сообщение об увеличении мощности строящегося металлургического завода в Сибири и отпуске дополнительных денежных средств. Колгушкин возобновил переговоры с Фрейном. На этот раз они шли намного успешнее. По воспоминаниям американского инженера Е. П. Эвергарда, детали договора обсуждались до самой ночи. Он был подписан 4 июня 1930 года. Глава американской фирмы согласился предоставить некоторые чертежи и отправить в Кузбасс несколько десятков своих инженеров. Однако оборудование он продавать отказался. В июне 1930 года в Америку приехал уполномоченный от советского правительства Иосиф Викентьевич

Косиор, который утвердил договор с фирмой «Фрейн», а оборудование было решено закупить в Германии.

Американскую группу инженеров возглавил Е. П. Эвергард. В течение шести недель он нанял опытных строителей и отправил их двумя партиями в СССР на пароходах. Сам прибыл со второй партией в Москву в августе. Всего американская группа инженеров составляла 46 человек. Больше всего Эвергарда беспокоило, что строительство велось быстрее, чем шли проектировочные работы. Кроме того, была плохо развита инфраструктура: железнодорожные подъезды, канализация, линии электропроводов, водоснабжение⁵.

Неожиданно в разгар строительных работ управление Кузнецкстроя выступило с инициативой увеличения мощности завода. В конце 1930 года оно предложило довести ее до 1,2 млн тонн чугуна в год, а выплавку стали — до 1,45 млн тонн. На основе этого предложения был разработан и утвержден окончательный проект завода. Таким образом, первоначальный проект завода, разработанный фирмой «Фрейн» в 1927 году, оказался увеличен в четыре раза.

Главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин // Из фондов научно-технического музея НКМК им. академика И. П. Бардина

¹ Цит. по: История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина. М., 1973. С. 24.

² Основные этапы строительства // Кузнецкий металлургический комбинат им. товарища И. В. Сталина от XVI к XVII Съезду ВКП(б). Л., 1934. С. 111–112.

³ Голдобин М. Ф. В Америку за оборудованием // Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Эвергард Е. П. Фирма «Фрейн» // Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 25–27.

В апреле 1929 года начальником Кузнецкстроя был назначен Ф. Т. Колгушкин (1887–1937), являвшийся заместителем председателя Совета народного хозяйства Сибирского края. Главным инженером стройки стал известный в то время металлург-практик Иван Павлович Бардин (1883–1960). В момент назначения оба находились в Москве, откуда спешно выехали. Колгушкин вспоминал, что, когда они прибыли на строительную площадку, «сразу бросилось в глаза сходство ее с каким-то дачным местом. Многие чувствовали себя здесь определенно, как на даче. Жили беспроблемно, спали после обеда, завели коров. Площадка представляла собой пастбище для коров, принадлежащих служащим Кузнецкстроя. Эти люди вросли целиком и полностью в дачный быт, совершенно потеряли перспективу, что нужно строить завод, что нужно все силы отдать строительству. Было тяжелое и безотрадное впечатление. Наш приезд был камнем, брошенным в болото»¹.

Колгушкин взялся за организацию строительства в свойственной советским руководителям манере. Первым делом он уволил большинство начальников среднего звена. На подготовительном этапе строительства организовал масштабные исследования строительной площадки. Были пробурены шурфы и скважины, изучены грунты, определена техническая возможность устройства водопровода и канализации. При Колгушкине сложилась следующая система управления Кузнецкстроем: в Томске находилась главная контора, а в Кузнецке — строительное управление. Сам Колгушкин почти постоянно находился либо в Томске, либо в Москве и Ленинграде².

Возведение завода началось в июне 1929 года. Строительная площадка завода находилась на площади 2,4 кв. км, а вместе с соцгородом, территорией подсобных предприятий, подъездными путями и другими объектами инфраструктуры она составляла 7 кв. км. Для того чтобы эффективно вести строительство на такой огромной площади, нужно было иметь четкий план работ, точный график его выполнения, налаженную схему транспортировки грузов и размещения рабочей силы. Именно поэтому весь 1929 год велись исключительно подготовительные работы: сооружение дорог, расчистка территории, выравнивание площади и т. д. Всего за этот год было проведено более 591 тыс. кубометров земляных работ, построено 8 км подъездных железнодорожных путей. Одновременно к строительной площадке подвозили песок, гравий, известь, кирпичи. Из числа капитальных объектов в 1929 году приступили к постройке только двух: здания заводоуправления и склада

технических изделий. Постепенно росло число рабочих. На 1 июня 1929 года их было 798 человек, а к концу года — более 4 тысяч.

Часто находясь то в Москве, то в Ленинграде, Колгушкин участвовал в многочисленных заседаниях и совещаниях, на которых обсуждался проект Кузнецкого завода. Судя по его воспоминаниям, в столице было много противников строительства, многие ведомства отказывались сотрудничать, вопрос с финансированием решался медленно. Наконец, в декабре 1929 года Колгушкину удалось добиться утверждения сметы строительства на 1930 год в размере 31,6 млн рублей. Кроме того, он подписал ряд договоров с Энергостроем, Гипрометом, Мосмаштрестом, Мостостроем, Народным комиссариатом труда о поставке оборудования, изготовлении различных конструкций, урегулировании вопросов найма рабочей силы. Геологический комитет гарантировал проведение дополнительных разведок запасов полезных ископаемых³. Позднее сумма финансирования на 1930 год была увеличена до 50,5 млн рублей.

В феврале 1930 года Кузнецкий окружной комитет ВКП(б) провел инспекцию Кузнецкстроя. Партийное руководство обратило внимание на некоторые недостатки в его работе. Самые большие нарекания вызвала система управления. В докладной записке было отмечено: «Правление находится на расстоянии свыше 500 километров от строительства, и в условиях сибирских средств сообщения лишено возможности систематически им руководить». Подготовка к строительству «вела довольно интенсивно, но в то же время в высшей степени беспорядочно, порой хаотично. Проводимые мероприятия громоздятся одно на другое, без заранее продуманной системы, без строгой последовательности». Учет строительных работ налажен плохо. Тяжелый жилищный вопрос осложнялся с прибытием каждой новой партии строителей. Квалифицированные строители практически отсутствовали⁴.

Кузнецкий окружком потребовал, чтобы правление Кузнецкстроя было переведено из Томска на строительную площадку. Однако Колгушкин отказался это делать. Он сослался на то, что размещать правление негде. Начальник Кузнецкстроя заявил, что переведет правление только после того, как будет построено капитальное здание для него. Правда, он согласился переместить из Томска в Кузнецк несколько отделов Кузнецкстроя. Кузнецкий окружком вынужден был информировать об этом председателя Сибирского краевого исполкома Р. И. Эйхе. В адресованном ему

С. М. Франкфурт за работой // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8 доп. Д. 353

¹ Колгушкин Ф. Т. Двадцать девятый хозяйственный год // Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ Копия телеграммы Ф. Т. Колгушкина Кузнецкой конторе «Кузнецкстроя», 13 декабря 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 404. Л. 63.

⁴ Докладная записка «О некоторых моментах строительства Кузнецкого металлургического завода», февраль 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 479. Л. 4–4 об.

Земляные работы на Кузнецкстрое. 1930 // Томский областной краеведческий музей. № 9148/38

письме было отмечено: «Ненормально, наконец, что на строительстве нет человека, обладающего известной полнотой власти»¹.

В апреле 1930 года Сибирская рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) провела анализ общественного питания на строительных площадках Кузнецкстроя. Всего имелось семь столовых с пропускной способностью более 3 тысяч обедов в день. Этого количества было явно недостаточно, столовые вынуждены были обеспечивать рабочих питанием в 2–2,5 раза больше, чем позволяли их возможности. Инспекторы РКИ удивил тот факт, что, несмотря на проблемы со снабжением продуктами, во многих столовых обслуживался «пришлый элемент, никакого отношения не имеющий к строительству Кузнецкстроя, что ведет к расходованию продуктов в ущерб обеспечения действительно рабочих». Иногда «на дом» отпускали до семи обедов в одни руки. Охват общественным питанием различных объектов строительства составлял в среднем всего 55% рабочих. Как и чем питались остальные, было неизвестно. В некоторых столовых имелось ложек и чашек вполонину меньше необходимого, причем значительная часть из них были деревянными. Отмечалось плохое обеспечение продуктами, не хватало картофеля, свеклы, моркови. Меню страдало однообразием. Все заказы по продуктам вычислялись на глазок, поэтому иногда тоннами завозили гор-

чицу, а капусты и лука не хватало. Во время обеда скапливались огромные очереди, никакой рациональной схемы питания не было².

Один из строителей Кузнецкстроя бригадир В. Я. Шидек позднее вспоминал: «Столовая находилась в земляном бараке, порядка в ней не было. Ложек не давали, и каждый столующийся приходил со своей ложкой, а нет — так хлебает через край, а кашу корочкой выгребают. Посуда мылась на том же столе, где и обедали. Придет посудомойка с ведром, поставит на стол, перемывает все и переходит на другой стол»³.

Многочисленные нарушения, выявленные в 1930 году, произошли в тот период, когда начальник Кузнецкстроя Ф. Т. Колгушкин находился в командировке в США. Тем не менее его сняли с должности. 30 мая 1930 года начальником Кузнецкстроя назначен видный советский руководитель председатель Шелкотреста (Государственный трест шелковых фабрик) Сергей Миронович Франкфурт (1888–1937). В июне новый начальник прибыл в Кузнецк. В воспоминаниях он писал: «В моем воображении уже рисовался целый ряд громадных сооружений, шум, гам стройки. На самом деле оказалось поле, изрезанное двумя-тремя нитками железной дороги и с разбросанными несколькими сооружениями:

² Выводы по обследованию состояния общественного питания на площадке Кузнецкстроя, 2 апреля 1930 года // Там же. Л. 1–3.

³ Шидек В. Я. Начать «соревнование нужно» // Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 93.

¹ Письмо Кузнецкого окружкома Эйхе, 13 февраля 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 479. Л. 5–5 об.

Временные землянки рабочих Кузнецкстроя. 1929 // 75 лет КМК–НКМК. Фотоальбом. Новокузнецк, 2007

склад для материалов, барак для рабочих. Но этих сооружений было так мало, что они в буквальном смысле терялись в огромной, зеленой Кузнецкой котловине. Эту долину оживляло только людское и конное движение»¹.

Франкфурт взялся за работу и сумел организовать строительство Кузнецкого металлургического завода. В воспоминаниях он отмечал, что важен был каждый день и каждый час. Задачи стояли огромные, а средства для их выполнения — ничтожные. Он постоянно просил из Москвы вагоны, паровозы, машины и другую технику, а реально приходилось работать лопатами и кирками с единственными помощниками — лошадьми. Тысячи землекопов вручную копали котлованы; тысячи грабарей перевозили землю; плотники сколачивали временные бараки, строили полуземлянки. Труднейшей задачей была «организация людей, правильное их использование, правильная оплата труда, правильное обслуживание. И это, пожалуй, в те первые месяцы развернутого строительства было самым трудным и самым главным»².

По воспоминаниям М. М. Брудного, Франкфурт оказался в непростой ситуации, окончательного проекта завода еще не было. Однако начальник Кузнецкстроя решил «форсировать закладку цехов». «Помню, — вспоминал Брудный, — как Иван Павлович Бардин в бешеной ярости приходил к начальнику, притаскивая десятки томов чертежей, и, весь красный, энергично настаивал на немедлен-

ной закладке завода, не дожидаясь возвращения комиссии из Америки, боясь, что иначе начнутся десятки переделок и вариантов и мы никак не успеем начать строительство. Это было рискованное дело, но Франкфурт, хотя только что прибывший с текстильной промышленности и явно молодой металлург, его полностью и целиком поддержал. После этого началась закрутка и очень крутая. Пошла большая мобилизация рабсилы, закупка материалов, и очень круто повернулись настроения»³.

В 1930 году объемы строительных работ выросли в несколько раз. Земляные работы были проведены в объеме 1,2 млн куб. метров, бетонные — 48 тыс. куб. метров, укладка кирпича произведена в объеме 10,6 млн штук (из них около половины — в заводские цеха, а остальные — в помещения и дома). Укладка железнодорожных путей проводилась на дистанции в 62 км. Монтаж железных конструкций составил 1,1 тыс. тонн. В течение апреля-мая были заложены фундаменты доменных печей и мартеновского цеха. В июне начались работы на Коксохиме. В августе приступили к сооружению центральной электростанции (ЦЭС), высоковольтной линии электропередачи. Многие работы проводились вручную. Первые экскаваторы прибыли на строительную площадку только в конце 1930 года. Одновременно с возведением доменных мартеновских печей велось строительство подсобных цехов. В течение 1930 года вчерне были подготовлены котельный, механический, кузнечный, модельный, ремонтно-строительный и лесосушильный цеха. Кроме того, велись работы по устройству

¹ Франкфурт С. М. Наступление // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 83.

² Франкфурт С. М. Наступление // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 87.

³ Брудный М. М. Вырастают рабочие новой культуры // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 143–144.

Зимние работы на мартеновском цехе. 1931 // Томский областной краеведческий музей. № 9148/39. На фото виден пар, поднимающийся от теплой земли

телефонной связи, сооружению водяных и канализационных каналов, зданий общественно-бытового назначения (клуба, бани, школы, лечебного пункта), жилищно-коммунальному и подсобному хозяйствам. Количество строителей к концу 1930 года выросло до 17,5 тыс. человек. Вместе с семьями и обслуживающим персоналом численность составляла более 40 тыс. человек. Для размещения людей строились временные и капитальные помещения. Всего в 1930 году было выстроено более 88 тыс. кв. метров жилья (большинство — временного). Многие вообще селились в полуземлянках прямо на стройплощадке¹.

Грандиозная стройка была соткана из трудовых подвигов, штурмовщины, социалистических соревнований, рационализаторских приемов и массового энтузиазма рабочих. Однако не всегда это повышало качество работ, а в некоторых случаях, наоборот, приводило к нарушению технологий и даже трагическим случаям. В этом отношении показательны воспоминания бригадира каменщиков В. Я. Шидека. Он писал, что при укладке кирпичей была норма 500 штук на человека. Но бригада взяла на себя обязательство повысить норму до тысячи кирпичей. «Старались работать быстрее и поэтому перерывы на курение не делали. Чтобы завернуть сигарку из махорки, нужно затратить минуты две, а это стоит десятки кирпичей. Поэтому мы курили только папиросы и только на ходу». Во время укладки доменной печи, где использовались огнеупорные кирпи-

чи, бригада Шидека вместо нормы 0,5 тонны, как требовала технология и делали профессиональные французские мастера, сначала укладывали тонну, а потом довели до 3,8 тонны. Как-то раз у Шидека заболела жена, он отправил ее в Томск, а двое его сыновей остались на стройке. «И вот, на второй день после моего ухода, — вспоминал бригадир, — младший сынишка заболел и скоропостижно помер. Я под производственным угаром забыл про ребятишек. На пятый день прихожу домой и вижу — младший мой ребенок помер, а старший где-то ходит по площадке и ищет меня. Соседи также ходили искали, но не нашли. А трупик начал уже пахнуть. Делать нечего, надо хоронить, а после пришлось хорошенько выпить. Пил за победу и пил за горе»².

Зима 1930/31 года выдалась очень суровой. Морозы начались еще в ноябре. Начальник цеха П. Н. Бидуля вспоминал, что они были такой силы, что экскаваторы замерзли и не могли работать. Но несмотря на это, люди трудились даже в выходные, постоянно объявлялись субботники. Комсомольские бригады брали на себя повышенные обязательства. Передовым бригадам вручалось переходящее Красное Знамя. А на участках отстающих вешались пимы на шесте. «Это было высшим позором для бригады, — вспоминал Бидуля. — Бывало мороз — минус пятьдесят девять <...> Гул идет от земли кругом, над котлованом стоит густой пар, потому что разрыли жаркую грудь земли. Такой пар стоит, будто там в котле что-то кипит. Ведь разница

¹ Основные этапы строительства // Кузнецкий металлургический комбинат им. товарища И. В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). Л., 1934. С. 115–120.

² Шидек В. Я. Начать «соревнование нужно» // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 94, 95–96.

температур огромная: там в земле двадцать градусов тепла, а в воздухе пятьдесят градусов холода»¹.

Самым масштабным по объему строительных работ стал 1931 год: проведено 1,26 млн кубометров земляных работ, 216 тыс. бетонных работ, 20 тыс. тонн установки железных конструкций, 87 км железнодорожных путей. По некоторым видам работ 1931 год превзошел предыдущий в 2–4 раза. Полностью были построены и пущены в эксплуатацию литейный, огнеупорный, ремонтно-котельный, механический и кузнечный цеха. Ввод в действие этих цехов имел огромное значение, так как создавал собственную базу производства огнеупорного кирпича, чугунного литья, железных конструкций. Тем самым был разгружен Гурьевский завод, выполнявший подсобные работы для Кузнецкстроя. Теперь он смог сконцентрировать свою деятельность на изготовлении арматурного железа и рельсов, которые подсобные цеха Кузнецкстроя не могли выпускать. Успешно продвигались работы по сооружению доменных, мартеновских и прокатных цехов. Некоторые из них были сооружены к концу года на 80–90%. Коксохимкомбинат был практически завершен, требовалось провести только пуско-наладочные работы. Продолжалось строительство жилых помещений для рабочих. Всего к началу 1932 года было выстроено 501 здание общей площадью 173 тыс. кв. метров. Однако этого было недостаточно. К концу 1931 года на строительстве Кузнецкого металлургического завода были заняты более 46 тыс. человек.

1931 год стал переломным в плане внедрения новых методов работы и коренной перестройки организационных форм. В структуре Кузнецкстроя были созданы вспомогательные организации «Железомонтаж», «Земжелдорстрой», «Механомонтаж». Проведена реорганизация управления рельсового и безрельсового транспорта, складского хозяйства, строительных материалов. Стали внедряться механизация строительства, применение электро- и автогенной сварки железа. В более широком объеме стал использоваться хозяйственный расчет. В деятельности каждой производственной единицы стали внедрять рационализацию труда, что повышало его эффективность. Более строго стали контролировать расход строительных материалов, усовершенствована бухгалтерия, ужесточен контроль за выполнением планов и отчетностью. За перевыполнение планов стали выплачивать премии и поощрять наградами².

Строительство велось ударными темпами, рабочие трудились с большим энтузиазмом. А. И. Митрофанов вспоминал: «У нас было две бригады квалифицированных котельщиков, которые на протяжении двух-трех месяцев

в полном составе работали по 16–18 часов в сутки. Эти товарищи показали себя железными людьми, их выносливости приходилось удивляться»³. На весь мир прославился землекоп Андрей Севастьянович Филиппов (1892–1969). Сначала он трудился простым грабарем, потом стал бригадиром. Бригада Филиппова регулярно в разы перевыполняла нормы выработки, неоднократно становилась победителем социалистических соревнований. В 1932 году при рытье траншеи водовода землекопы Филиппова установили мировой рекорд. За одну смену они выполнили норму на 1126%. На каждого человека бригады пришлось по 74 куб. метров вынудой земли. Американцы, работавшие на стройке, за невероятную трудоспособность и выносливость прозвали Филиппова Человеком-экскаватором.

А. С. Филиппов // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8 доп. Д. 365

В течение всего 1932 года на Кузнецком металлургическом заводе производился пуск в строй цехов и агрегатов. 22 января был получен первый ток ЦЭС, 22 февраля загружена первая батарея Коксохимкомбината, а уже через два дня получен первый кокс. 30 марта загружена первая доменная печь, которая выдала первый чугун 3 апреля. Начальница первой домны А. Елисеева вспоминала: «Все мы работали тогда почти круглые сутки. Приходили с утра и уходили в час-два ночи, и жили только одним — пустить домну во что бы то ни стало <...> Помню предпусковые дни. В эти дни мы не спали по двое-трое суток <...> Мы день и ночь сидели на так называемых недоделках. Это слово мы, вероятно, никогда не забудем. Как будто все решительно готово, вот уже точка, пускать можно без всяких сомнений, пускаем — и вдруг или воздух в кауперах, или вода на пылеуловители течет. Маленькая дырочка — и опять надо клепать и чеканить. Всех измучили эти недоделки. Мы буквально истощили свои силы в эти дни. Надо было задуть домну во что бы то ни стало <...> Через фурменное отверстие были положены щепки и прочее. Пока нагревался воздух в кауперах, все стояли и ждали. Домна молчала, и вдруг — «гу-у-у», все загудело, затрещало. Я посмотрела на лица товарищей, у них были слезы на глазах, слезы радости. Радость настолько была велика, что ее некуда было девать, она выпирала наружу»⁴.

В ознаменование успехов Кузнецкстроя 25 мая 1932 года Центральный исполнительный комитет СССР принял постановление о присвоении Кузнецкому металлургическому заводу имени И.В. Сталина.

19 сентября была произведена первая плавка стали из первой печи мартеновского цеха. В октябре запущена вторая мартеновская печь. В декабре начали работать прокатные станы рельсобалочного цеха. Таким образом, весь ме-

¹ Бидуля П. Н. Комсомольский цех // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 99, 101.

² Основные этапы строительства... С. 120–127.

³ Митрофанов А. И. Первую домну — напором // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 181.

⁴ Елисеева А. Родился новый человек // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 178.

Строительство доменных печей на КМК // Томский областной краеведческий музей. № 9148/63

таллургический цикл от изготовления кокса до выплавки чугуна, стали и железных изделий был полностью завершен¹.

Одновременно продолжалось строительство новых объектов. По объемам оно было сопоставимо с 1931 годом. Земляные работы составили более 2,6 млн куб. метров, бетонные — более 200 тыс. куб. метров, монтаж железных конструкций — более 25 тыс. тонн, укладка железнодорожных путей — около 74 км. В июне 1932 года количество рабочих достигло рекордного числа — более 49 тыс. человек. Однако к концу года в связи с пуском в строй основных производств оно сократилось до 37 тыс.

В 1933 году объемы строительных работ значительно сократились. По некоторым видам (земляные и бетонные работы) они снизились в два раза по сравнению с предыдущим годом. Наиболее интенсивными оставались такие виды работ, как монтаж железных конструкций, укладка железнодорожных путей, жилищное строительство. В течение 1933 года в эксплуатацию вступило несколько турбогенераторов на ЦЭС; четыре новые печи мартеновского цеха; рельсоотделочное отделение; мостовой кран рудного двора; проездной туннель под площадкой завода длиной более 0,5 км. В 1933 году проводились работы в жилищно-социальной сфере: построено 20 каменных домов, 32 деревянных дома и 62 временных деревянных барака.

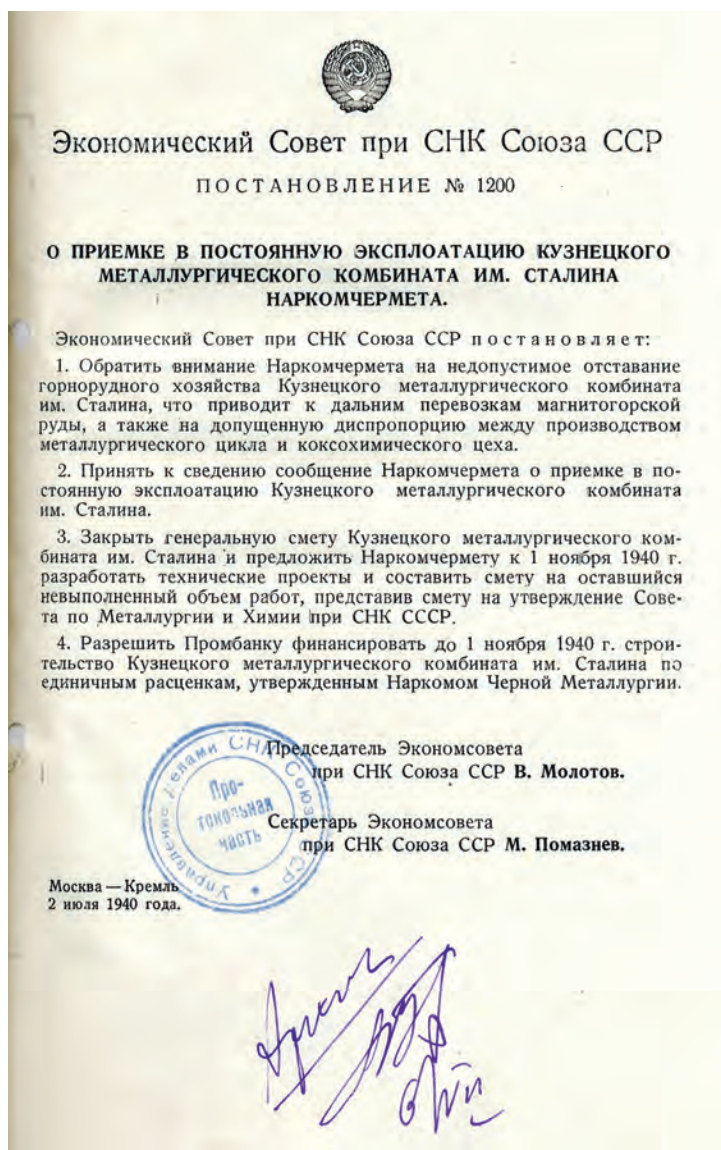
Кроме того, строители передали в эксплуатацию школу ФЗС (фабрично-заводская семилетка), корпус Сибирского института черных металлов, театр на 180 мест, кинотеатр, баню с пропускной способностью 300 человек в час, столовую на 500 человек, поликлинику в Верхней колонии. Были также проведены километры труб водоснабжения и отопления, уложены шоссейные дороги. С 1929 по 1933 год государство перечислило на строительство завода более 600 млн рублей, из которых 68,5% пошло на промышленное строительство и 10,9% — на гражданское².

Еще в период строительства Кузнецкий металлургический завод стали называть комбинатом, то есть предприятием, где продукция одного цеха является сырьем для другого. Все основные производства и цеха были пущены в 1934 году. Строительство некоторых вспомогательных агрегатов и механизмов продолжалось еще в течение нескольких лет. Последние мартеновские печи (№ 14 и 15) введены в эксплуатацию накануне Великой Отечественной войны. Официальное принятие в эксплуатацию Кузнецкого металлургического комбината состоялось 2 июля 1940 года, что зафиксировано постановлением Экономического совета при СНК СССР³.

² Там же. С. 135–141.

³ Постановление Экономического совета СНК СССР от 2 июля 1940 года № 1200 // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24. Д. 859. Л. 22.

¹ Основные этапы строительства... С. 128–129.

Постановление Экономического Совета при СНК Союза ССР № 1200 от 2 июля 1940 г. «О приемке в постоянную эксплуатацию Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24. Д. 859. Л. 22

Мощность комбината впечатляла. Он был оснащен четырьмя доменными печами производительностью 1 200 тыс. тонн чугуна в год, две из них имели полезный объем 828 куб. метров, еще две — по 1 163 куб. метра. На заводе было 15 мартеновских печей производительностью 1 485 тыс. тонн стали в год. Для изготовления различных изделий имелись заготовочный стан, средний и мелкий станы, листовой прокатный стан, рельсобалочный стан. Изготовление кокса производилось на коксохимкомбинате с десятками коксовых печей. При заводе было много вспомогательных цехов и агрегатов.

Кузнецкий металлургический комбинат был одним из самых крупных в мире. В то время в США имелось девять подобных заводов, в Германии — всего три. По выплавке чугуна и стали КМК превосходил такие страны, как Польша, Италия, Австрия или Швеция. Производительность Кузнецкого комбината составляла 24% от всего выпуска

проката металла в СССР в 1933 году. К концу 1930-х годов даже с учетом вступления в строй новых подобных заводов доля КМК составляла около 10% от всего производства проката в Советском Союзе. Производство Кузнецкого комбината представляло собой непрерывный конвейер. Все цеха были взаимосвязаны. Чугун в горячем виде подавался в мартеновские печи, сталь из них поступала в прокат. Важнейшей особенностью комбината было широкое использование всех отходов. Так, доменные шлаки использовались в кирпичном производстве, мартеновские шлаки шли на вторичную переплавку. Энергетика комбината (газовая, электрическая, паровая и т. д.) была полностью централизована. При комбинате имелось большое транспортное хозяйство. Для перевозки руды, угля и готовых изделий было 65 паровозов, 600 вагонов, 24 чугуновоза, 45 шлаковозов, 240 вагонеток. Подъездные железнодорожные пути КМК составляли 165 км¹.

КМК был не только самым большим в Советском Союзе, но и одним из самых сложных в техническом плане. На заводе действовали сложнейшие агрегаты, дорогостоящее оборудование, сложная контрольно-измерительная аппаратура. Поэтому одной из главнейших проблем, возникших еще до пуска завода, была подготовка высококвалифицированных кадров. Для решения этой проблемы с действующими металлургическими заводами Украины и Урала были заключены контракты на работу различных специалистов. В течение 1931–1933 годов на комбинат прибыли 1 423 рабочих, которые стали обучать местных. По истечении сроков контрактов большинство из них вернулись на свои предприятия. Передача опыта уральских и украинских металлургов не решала проблему полностью. Большую роль в подготовке кадров сыграли иностранные, преимущественно американские, инженеры. Всего на КМК работали около 400 иностранцев (вместе с членами семей). В основном это были представители фирм — поставщиков оборудования, рабочие-контрактники, политические эмигранты, бывшие АИКовцы. Контракты с ними обычно заключались на срок от года до трех лет. Однако по просьбе руководства Кузнецкстроя некоторые из них оставались сверх срока контрактов, чтобы оказывать помощь и обучать советских рабочих. К середине 1930-х годов в Сталинске продолжали проживать около 40 семей иностранных специалистов².

К 1 декабря 1933 года на Кузнецком комбинате работали более 12 тыс. рабочих. Из них большая часть (7 тыс.) представляла собой местных людей, завербованных в крае и перенявших опыт уральских и украинских рабочих. Более 3,8 тыс. человек прошли переподготовку из числа бывших строителей Кузнецкстроя. Выпускниками школы ФЗУ были 800 человек. Завербованными из центральной части РСФСР, Украины и Урала являлись около 500 человек. Сто-

¹ Франкфурт С. М. Предисловие // Кузнецкий металлургический комбинат им. товарища И. В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). Л., 1934. С. 5–9.

² Белоусова О. А. Иностранные рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате (1929–1939 гг.): автор. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 14, 18.

Панорама Кузнецкого металлургического комбината // 75 лет КМК – НКМК. Фотоальбом. Новокузнецк, 2007

ит отметить, что Кузнецкий металлургический комбинат сам служил школой и кузницей кадров. Рабочие в процессе освоения технологии производства получали необходимые им навыки — так сказать, практическое образование. Для этого на заводе были организованы как групповые, так и индивидуальные формы обучения. В результате вчерашние крестьяне и ремесленники постепенно превращались в сталеваров, доменщиков, сварщиков¹.

КМК, без преувеличения, строила вся страна. Железные конструкции для домен и прокатного цеха изготавливались на Сталинском, Горловском, Днепропетровском заводах. Основные подъемные краны были произведены на краматорском заводе, заводе «Красный Профинтер» и заводе им. Кирова. Электрооборудование получено с заводов «Динамо», «Электроаппарат», «Электроприбор». Подвижной состав (вагонетки, вагоны, паровозы) построены на Сормовском, Коломенском, Невском и Тверском вагоностроительных заводах. Всего в изготовлении разных агрегатов и конструкций использовались мощности более 120 заводов РСФСР и Украины. Некоторые агрегаты до этого не выпускались на действующих заводах, их произ-

водство приходилось осваивать с нуля². К этому стоит добавить, что некоторые механизмы были заказаны за границей — в США и Германии.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КМК В ПРЕДВОЕННОЕ ВРЕМЯ. На II пятилетку (1933–1937) был запланирован ввод в строй второй очереди Кузнецкого металлургического комбината. К этому времени КМК уже представлял собой предприятие с полным металлургическим циклом, но действовали только две домы из четырех планируемых и два мартеновских цеха из пятнадцати. Планом предусматривалось значительное расширение его возможностей, введение в действие новых мартеновских печей, прокатных станов. Первый год II пятилетки превратился в настоящее испытание для действующего комбината. Стали сказываться результаты штурмовщины, нарушения технологии строительства, многочисленные недоделки. К тому же начались сорокаградусные морозы, к которым многие цеха оказались просто не готовы. Проект завода не предусматривал системы отопления газогенераторных станций мартеновских цехов. Считалось, что тепла будет достаточно от самих газогенераторов. Однако в январе 1933 года станции замерзли и весь мартеновский цех остановился. «Большевистская сталь» писала по этому поводу: «Самое серьезное положение

¹ Ход освоения производства // Кузнецкий металлургический комбинат им. товарища И. В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). Л., 1934. С. 162–166.

² Эдельштейн Г. Ю. Кузнецкстрой строила вся страна // Кузнецкстрой в воспоминаниях... С. 178.

создалось на мартене, где не подготовлены газогенераторы к зиме, причем запустили это дело так, что цех встал целиком. У руководящего персонала и рабочих такое настроение безнадежности, что никто ничего не делает»¹.

Кроме того, повсеместно стали замерзать подъемные краны, водяные затворы, полопались трубы, отчего водой заливало целые цеха. В январе 1933 года в доменной печи № 1 произошел взрыв, верхняя часть 75-метровой трубы была полностью разрушена. Потом сгорели канаты на этой же печи. В результате в работе КМК стали возникать длительные простои то одного, то другого цехов. Так, в январе обе доменные печи простояли или проработали на тихом ходу 47 суток из 60. Аварии возникали то в одном месте, то в другом, их просто не успевали устранять. В марте 1933 года при разливке стали каждый день (а в некоторые дни по два раза) происходили аварии: прогорали желоба, срывало промывки, опрокидывались вагонетки, заклинивало ступоры, сталь проливалась на пол. За один неполный март произошло 26 аварий!² Многочисленные недоделки и аварии приводили к тому, что многие цеха завода стали выдавать брак. Были дни, когда до 70 % изделий (рельсов, проката) признавались бракованными. Но самым впечатляющим оказался брак осевой стали, предназначенной для изготовления осей колесных пар для вагонов. Специальное исследование показало, что 90 % осевой стали не соответствовало требованиям³. В ночь с 6 на 7 апреля 1933 года произошла авария в мартеновской печи № 3, около 150 тонн стали вылилось на площадку, причем были залиты и выведены из строя три вагонетки. По этому факту было возбуждено уголовное дело. В мае особая сессия по охране труда и производства города Сталинска под председательством Винокурова вынесла приговор. Виновными признаны инженер Михаил Павлович Моисеев, мастера Карп Фёдорович Шевченко и Александр Иванович Павлов. Все были приговорены к разным срокам принудительных работ⁴.

В июне 1933 года на заседании Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) был заслушан доклад Франкфурта. Деятельность Кузнецкого металлургического комбината признана «совершенно неудовлетворительной». В постановлении было сказано: «За пять месяцев 1933 года ни один из основных цехов завода не выполнил установленной НКТП⁵ производственной программы: коксовый цех невыполнил план на 20 процентов, доменный цех — на 32 процента, мартен — на 33 процента, и работа прокатного цеха, как цеха, дающего окончательную продукцию, выразилась в крайне незначительном по отношению к программе проценте (35 % выпуска рельсов)». Было также отмечено, что

вместо снижения себестоимости произошел значительный рост. Франкфурту предписано кардинальным образом перестроить систему управления заводом, ужесточить технический контроль на всех этапах производства, устранить выявленные недостатки⁶. Через несколько дней Франкфурт издал приказ, направленный на реорганизацию управления. Были упразднены некоторые подразделения (бухгалтерии и плановые бюро цехов) и утверждены новые структуры основных производственных цехов. На первых порах это не дало ожидаемого эффекта⁷.

В начале августа на КМК прибыл нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он побывал во всех цехах и ознакомился с полным циклом производства. Больше всего его поразила невообразимая грязь в цехах, он потребовал соблюдать чистоту на всех рабочих местах. 2 августа состоялся многотысячный митинг рабочих, служащих и простых жителей Сталинска. В выступлении Орджоникидзе обратил внимание на то, что дома для рабочих в Соцгороде нужно строить более качественно. А затем добавил: «Большевики, которые смогли убрать царя, белогвардейцев и вредителей, неужели не могут убрать пыль и грязь в своих цехах и домах?»⁸ По результатам инспекции нарком тяжелой промышленности издал приказ от 3 августа 1933 года. Франкфурту и Бардину было предписано устранить все недоделки на заводе; выселить из жилого фонда все учреждения, кроме ГПУ, и заселить туда семьи рабочих; избавиться от лишнего оборудования и запасных частей; организовать строительство 53 новых домов для рабочих. В приказе были обозначены точные даты введения в эксплуатацию строящихся объектов. Так, домна № 3 должна была начать выдавать чугун в ноябре текущего года. В течение сентября-декабря предписывалось запустить мартеновские печи № 5, 6, 7 и 8⁹. Утвержденный график выполнить не удалось. Домна и мартеновские печи были пущены только в 1934 году. В следующем году в строй ввели еще две печи. Наконец, в 1936 году сдали в эксплуатацию тринадцатую доменную печь, которая стала самой мощной в Советском Союзе¹⁰.

В апреле 1934 года на Кузнецкий металлургический комбинат был прислан инспектор — технический директор Енакиевского завода Константин Иванович Бутенко. После тщательного изучения деятельности комбината в мае он сделал обширный доклад, в котором указал на ряд недостатков. В результате распоряжением С. К. Орджоникидзе с должности директора КМК снят С. М. Франкфурт, а на его место назначен Бутенко¹¹. Новый директор постарался

1 Главное — немедленно ликвидировать аварии // Большевицкая сталь. 1933. № 21. 26 января.

2 На разливке стали ежедневно происходят аварии // Большевицкая сталь. 1933. № 72. 29 марта.

3 Девяносто процентов брака осевой заготовки — позор завода // Большевицкая сталь. 1933. № 91. 21 апреля.

4 Приговор над виновниками аварии на мартеновском цехе // Большевицкая сталь. 1933. № 106. 11 мая.

5 Народный комиссариат тяжелой промышленности.

6 Постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 1 июля 1933 года // Большевицкая сталь. 1933. № 155. 9 июля.

7 Приказы о перестройке подписаны, но все осталось по-старому // Большевицкая сталь. 1933. № 159. 14 июля.

8 Демонстрация качества и освоения // Большевицкая сталь. 1933. № 176. 3 августа.

9 Приказ по народному комиссариату тяжелой промышленности, 3 августа 1933 года // Большевицкая сталь. 1933. № 182. 10 августа.

10 История Кузнецкого металлургического комбината... С. 189–190.

11 Сергей Миронович Франкфурт был назначен начальником строительства Орско-Халиловского комбината (Оренбургская область). В 1936 году

укрепить кадровый потенциал завода путем приглашения металлургов из Украины и Урала. Это не сильно изменило ситуацию, аварии на КМК продолжались¹. Вместе с ними росло количество травмированных рабочих. Ежемесячно на заводе происходило около 200 несчастных случаев, из которых несколько были со смертельными исходами. В 1934 году за нарушение техники безопасности были привлечены 30 человек к уголовной ответственности и 32 — к административной, общий объем потерянных рабочих дней из-за аварий составил 34 594². Качество выпускаемой продукции было довольно низким. Особенно это касалось прокатного стана, где изготовляли рельсы. За три первых месяца 1934 года брак рельсов составил 26,9%. Были декады, когда он доходил до 48,4%³. В целях повышения качества производства и снижения травматизма ввели так называемый технический экзамен. Его должны были сдавать все без исключения сотрудники и рабочие завода. Техминимум показал, что многие из рабочих имели очень низкую квалификацию. На оценку «отлично» сдавали около 9–12%, «хорошо» — 33–36%, «удовлетворительно» — 38–40%. Значительная часть рабочих (15–18%) получали оценку «слабо»⁴.

Осенью 1934 года Кузнецкий металлургический комбинат посетили несколько высокопоставленных руководителей партии и правительства. 18 сентября 1934 года в Сталинск прибыл председатель Совета народных комиссаров В. М. Молотов. На вокзале его встретила большая делегация руководителей завода и города. Потом он посетил КМК и ознакомился с работой всех цехов. Вечером Молотов выступил на встрече партийного и хозяйственного актива, ударников завода и строителей, обратил внимание на укрепление трудовой дисциплины и ответственности за свою работу⁵. 16 октября на станцию «Новокузнецк» прибыл поезд с секретарем центрального комитета ВКП(б) Л. М. Кагановичем. Как и предыдущий руководитель, Каганович посетил завод и ознакомился со всеми цехами. Вечером состоялся многотысячный митинг. В выступлении Каганович особое внимание уделил ударникам и передовикам производства, посоветовал шире развивать социалистическое соревнование⁶.

17 декабря 1934 года ЦИК СССР принял специальное постановление о награждении орденами строителей и металлургов КМК. Орденом Ленина были награждены бывший начальник строительства С. М. Франкфурт, техни-

ческий директор академик И. П. Бардин, директор комбината К. И. Бутенко, секретарь сталинского горкома партии Рафаил Моисеевич Хитаров, старший монтажный мастер Михаил Никитич Роганов, каменщик-огнеупорщик Виктор Данилович Клименко, мотористка Татьяна Аверьянова Палаткина. Орденом Трудового Красного Знамени получили главный инженер строительства Владимир Васильевич Александров, обер-мастер доменного цеха Лаврентий Кузьмич Ровенский, главный инженер железомонтажа Михаил Иванович Плискевич, землекоп Андрей Севастьянович Филиппов, бетонщик Ахмет Габдрахимов и десятник Иосиф Иванович Богачов. 26 декабря в Кремле состоялась встреча металлургов с руководителями партии и правительства. 23 марта 1935 года вышло еще одно постановление ВЦИК СССР. На этот раз орденом Трудового Красного Знамени были награждены заместитель главного инженера КМК Григорий Ефимович Казарновский, начальник доменного цеха Михаил Михайлович Киселёв, заместитель начальника комбината Аркадий Самойлович Краскин, начальник строительства электростанции Владимир Сергеевич Петровых, начальник коксового завода Арон Самуилович Джумук⁷.

Стахановское движение на КМК зародилось в сентябре 1935 года. В мартеновском цехе одним из первых стахановцев стал молодой мастер И. Г. Могилевцев. При норме выдачи осевой заготовки первого сорта в 80 тонн он сумел выдать при плавке 122 тонны. Позднее известными стахановцами мартеновского цеха стали: сталевары В. А. Матюшкин, И. Е. Фёдоров, М. Я. Федотов; мастера печей Франц Кнессель, А. С. Акридин, мастера разливки Г. Н. Сусакин, Д. Ф. Савранский, огнеупорщики И. А. Клёнов, Е. И. Легков. На блюминге основателями стахановского движения стали К. И. Харькевич, братья Михаил и Иван Павловичи Русских, Ф. А. Курепин, П. В. Заварыкин, сварщики Турченко, И. Г. Гончаров, на рельсобалочном стане — Г. К. Чалышев, И. М. Иванов, В. Н. Мехашенко, К. А. Борисов. В доменном цехе первыми стахановцами были: А. В. Омелин, К. М. Олещук, В. С. Виниченко. В коксовом цехе по-стахановски работали А. Н. Козин, В. Н. Васенин, С. Д. Воронин. В механическом цехе высокими показателями отличались кузнецы Терентий Селивёрстович Гурьянов, В. А. Гассельберг⁸.

В феврале-марте 1936 года в стране прошли отраслевые конференции стахановцев. В черной металлургии передовики производства выступили за повышение норм выработки в среднем на 13–20%. 26 марта вышел приказ наркома тяжелой промышленности С. К. Орджоникидзе, согласно которому ранее установленная проектная производительная мощность основных цехов Кузнецкого металлургического

арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 сентября 1937 года приговорен к расстрелу.

1 История Кузнецкого металлургического комбината... С. 197–200.

2 Дозорец (прокурор г. Сталинска). Зло, которому покровительствуют // Большевицкая сталь. 1935. № 77. 3 апреля.

3 Такого позора прокатный еще не знал // Большевицкая сталь. 1933. № 84. 12 апреля.

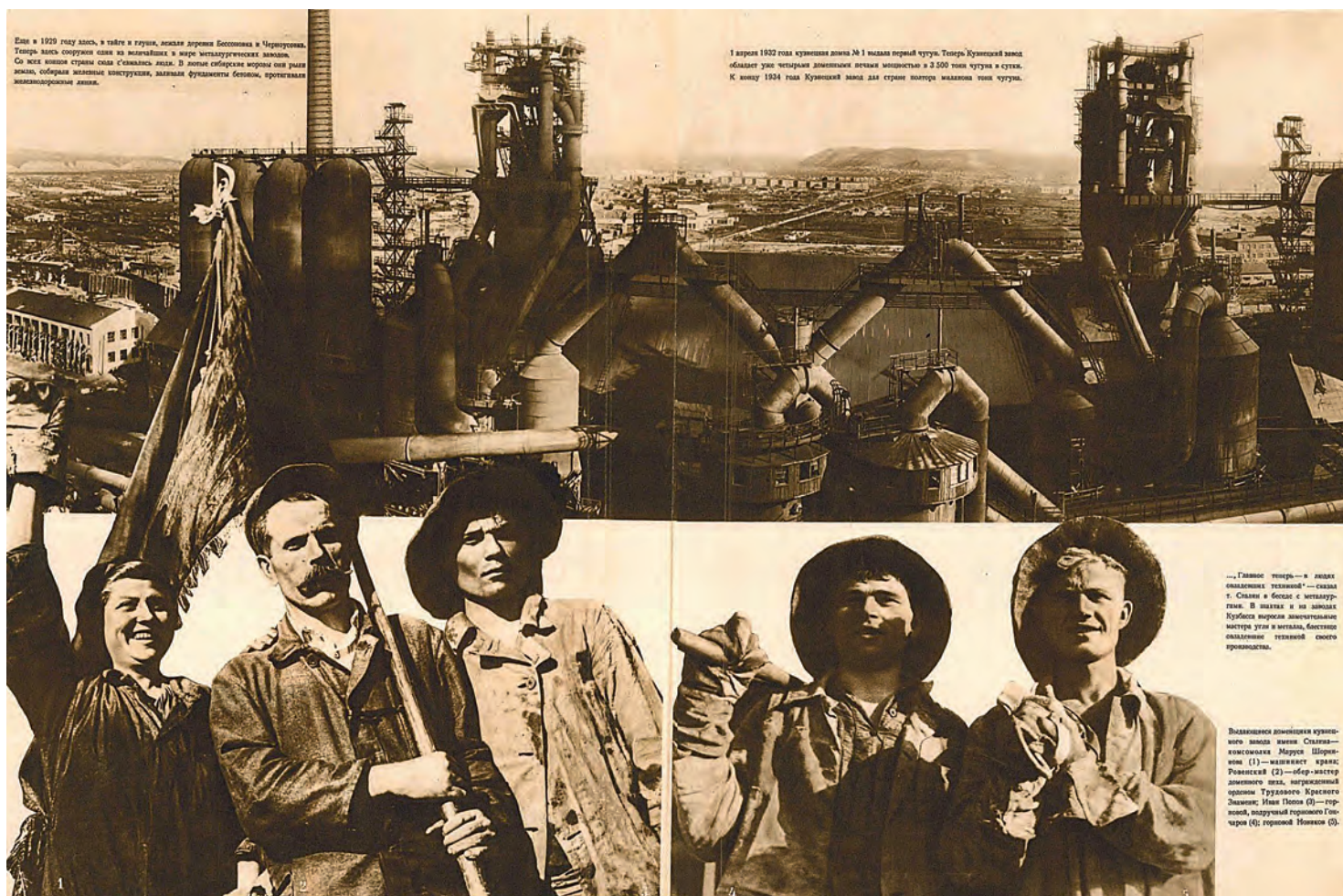
4 Трегубенков (секретарь ГК ВКП(б). О ходе государственного технического экзамена // Большевицкая сталь. 1935. № 108. 12 мая.

5 Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР тов. В. М. Молотов в Сталинске // Большевицкая сталь. 1934. № 216. 20 сентября.

6 Секретарь Центрального комитета ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович в Сталинске // Большевицкая сталь. 1934. № 239. 17 октября.

7 О награждении работников черной металлургии // Большевицкая сталь. 1935. № 70 (от 26 марта); Краснознаменные инженеры // Там же; Докладная записка секретаря Сибкрайкома ВКП(б) Эйхе в ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, б. д. // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 730. Л. 19–21.

8 Первый кузнец Кузнецкстроя — Т. С. Гурьянов // Большевицкая сталь. 1933. № 2. 4 февраля; История Кузнецкого металлургического комбината... С. 210.

Стахановцы Кузнецкого металлургического комбината // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль). Слева направо: Маруся Шорникова, Ровенский, Иван Попов, Гончаров и Новиков

комбината была увеличена в полтора раза. При этом никакое дополнительное капитальное строительство не предусматривалось. Повышение производительности планировалась на базе существующих мощностей. Это решение привело к тому, что цеха КМК стали работать неравномерно, одни смогли выполнить приказ, другие — нет. Началась гонка за рекордами, когда рекордные показатели достигались в ущерб качеству продукции. Кроме того, попытки добиться повышенных показателей привели к тому, что машины, механизмы, агрегаты использовались на пределе возможностей. Многие из них приходили в негодность, изнашивались и часто ломались¹.

К первой годовщине стахановского движения в стране развернулось соревнование по профессиям. Для тех, кто достигал высоких показателей, было установлено звание «мастер 1-го класса». К началу сентября 1936 года на КМК такое звание получили первые 10 рабочих: машинист мартеновского цеха Николай Алексеевич Маслик; машинист завалочной машины Пётр Матвеевич Чупин; кузнец Иван Августович Цылк; дежурные электрики Н. П. Суворов и Е. К. Теряев; кабельщики А. П. Андреев и А. С. Лапин; ре-

монтный электрик А. И. Писарев; машинисты заводского транспорта Василий Павлович Панищев и Григорий Васильевич Пыстин. К этому времени на заводе работали 1 967 стахановцев и 3 879 ударников. Каждый месяц количество мастеров 1-го класса, стахановцев и ударников увеличивалось².

Чтобы выполнить приказ наркома тяжелой промышленности об увеличении производительности КМК, одним из трудовых рекордов было мало, требовалось реконструировать некоторые производства. В течение 1936–1937 годов были усовершенствованы технологии производства кокса, в результате период коксования был снижен с 20 до 13 часов. Капитальная реконструкция некоторых мартеновских печей позволила увеличить производительность при отливке стали. Увеличение объемов сталеразливочных ковшей позволило более рационально организовать производство. КМК получил задание освоить производство рельсов для Московского метрополитена. Это задание было выполнено, на первом в стране метро были уложены рельсы, изготовленные в Кузбассе. Кроме этого, кузнецкие металлурги

1 История Кузнецкого металлургического комбината... С. 211.

2 Привет первым рабочим первого класса // Большевицкая сталь. 1936. № 210. 11 сентября.

Разливка чугуна на КМК // Томский областной краеведческий музей. № 9148/40

освоили выплавку высококачественной стали, предназначенной для оборонной отрасли. Немаловажное значение имело сокращение времени простоев. Так, в мартеновском цехе простои сократились с 37,8% в 1933 году до 22% в 1937 году. Средняя плавка в этом цехе выросла с 149 до 217 тонн. В 1937 году Кузнецкий металлургический комбинат занимал первое место в СССР по выплавке стали, второе — по производству чугуна. По себестоимости производства металлов он занимал второе место в стране, уступая только Магнитогорскому комбинату¹.

Успех Кузнецкого комбината во многом зависел от руководства. В 1934 году директором завода был назначен Константин Иванович Бутенко. В декабре 1937 года его избрали депутатом Верховного Совета СССР I созыва. В январе 1938 года назначили заместителем народного комиссара тяжелой промышленности СССР. В мае этого же года он был арестован органами НКВД и обвинен в причастности к контрреволюционной террористической организации, расстрелян 28 июля 1938 года. После того как Бутенко уехал в Москву, директором завода назначили бывшего главного инженера Тимофея Ивановича Шкляра. Однако

он недолго руководил заводом. В конце декабря 1938 года Шкляр уехал в Москву, чтобы отчитаться о деятельности КМК. К этому времени уже все было готово для его ареста. Шкляра обвинили в том, что в 1934 году он вошел в состав контрреволюционной правотроцкистской организации и начал вести подрывную деятельность на заводе. В декабре 1939 года военным трибуналом Сибирского военного округа был приговорен к 20 годам исправительно-трудовых работ и лишен ордена Ленина².

В предвоенные годы важнейшим событием стало расширение сырьевой базы КМК. Основной поток железных руд шел на комбинат из Магнитогорска, а марганцевых — с Кавказа. Эти руды добывались за несколько тысяч километров, что не только удорожало продукцию, но и приводило к потере времени. Между тем в Кузбассе имелись свои запасы руд. В районе Тельбеса и Темиртау были разведаны железные руды, а недалеко от Ачинска действовал Мазульский рудник, где добывали марганцевую руду. Она использовалась в качестве примеси к рудам, привозимым с Кавказа. В 1934–1938 годах с Мазульского месторождения на КМК поступило 339 тысяч тонн марганцевой руды³. Первым делом было решено построить обогатительную фабрику для улучшения качества добываемой на Тельбесе железной руды. В 1932 году была построена канатная дорога длиной 6,5 км для перевозки руды. В том же году началось строительство бункеров и корпусов Мундыбашской обогатительно-агломерационной фабрики. Первый агломерат (обогащенная руда) был получен в марте 1935 года⁴.

Осенью 1938 года началась подготовка к строительству Таштагольского рудника. Геологическая партия под руководством Н. Ф. Грау и А. С. Аронова выбрала место на берегу реки Кочуры. Строительство рудника началось в феврале 1939 года хозяйственным способом, то есть за счет средств бюджета самого КМК. Главной проблемой оставались транспортные коммуникации. Железная дорога от Мундыбаша до Таштагола протяженностью 105 км проходила по труднодоступной горной местности. Строительство ее началось еще в 1934 году, но продвигалось медленно. 17 декабря 1939 года Совнарком СССР принял постановление, которое приказывало форсировать стройку. Однако из-за неудовлетворительного снабжения железной дороги и рудника строительными материалами, машинами и механизмами сделать это в срок не удалось. Таштагольский рудник был запущен по временной схеме только в июне 1941 года. На остальных железорудных месторождениях Горной Шории — Кочуринском, Шалымском, Казском и Одрабаш — к началу войны удалось организовать только промышленную разведку⁵.

2 Онищенко В. В. Трудная дорога к правде (о реабилитации жертв политического террора в Кузбассе) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2–4. С. 149.

3 Кучеров И. Обеспечить завод местным сырьем // Большевицкая сталь. 1938. № 192. 3 октября.

4 Получен первый сибирский агломерат // Большевицкая сталь. 1935. № 76. 2 апреля.

5 История Кузнецкого металлургического комбината... С. 233–234.

1 История Кузнецкого металлургического комбината... С. 216–217.

Еще одним важным направлением предвоенных лет стало совершенствование технологий по выпуску высококачественной стали. Особенно активизировалась эта работа в 1939 году. Буквально за год удалось увеличить выпуск стали оборонного назначения на 42,9 %, проката — на 59,4 %. Для этого пришлось перестраивать всю технологию производства. Намного строже стал контроль за выполнением всех технологических цепочек. В результате повысилась производительность труда, уменьшились простои, увеличилась выплавка чугуна и стали.

Четвертым директором Кузнецкого комбината стал Роман Васильевич Белан (1906–1982), назначенный на эту должность в январе 1939 года. В отличие от своих предшественников, он избежал репрессий. В должности директора Белан находился до 1952 года. На период его руководства комбинатом пришлись тяжелые годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Главной своей задачей он считал налаживание четкого производственного ритма завода, слаженности в работе цехов и устранение простоев. Анализ деятельности КМК за 1938 год показал, что завод выполнял планы на 90 %. Газета «Большевистская сталь» писала: «Отделы и управление КМК находились в состоянии анархической автономии и делали что кому заблагорассудится»¹. В целом ему удалось решить многие проблемы КМК. В апреле 1939 года Кузнецкий металлургический комбинат был награжден переходящим Красным Знаменем наркомата черной металлургии СССР.

К началу Великой Отечественной войны благодаря строительству и освоению Кузнецкого металлургического комбината была создана вторая угольно-металлургическая база, значительно усилившая обороноспособность страны. Вслед за металлургией в Западной Сибири стали развиваться машиностроение, железнодорожное строительство, золотодобыча, деревообработка и лесное хозяйство. Угольная и металлургическая промышленность региона кардинальным образом повлияла на структуру населения региона. Кузбасс стал превращаться в мощный индустриально-аграрный край. Значительная часть населения теперь была занята в промышленности, а не в сельском хозяйстве.

РЕПРЕССИИ НА КУЗНЕЦКОМ КОМБИНАТЕ И В СТАЛИНСКЕ. Поиски вредителей и врагов народа начались на комбинате еще в период его строительства. По мере вступления в строй основных производственных мощностей и цехов они только усилились. Из-за штурмовщины, несоблюдения технологии, низкой квалификации рабочих сразу после введения в строй разных объектов на заводе начались многочисленные поломки и аварии. Это создало благоприятные условия для выявления «вредителей», «диверсантов», «шпионов».

Первым громким процессом стало «дело Латкина — Сарова». По версии следствия, в августе 1933 года инже-

нер доменного цеха Николай Васильевич Латкин приступил к созданию контрреволюционной организации. Он сумел привлечь на свою сторону инженера Георгия Савельевича Давыдова, инженера доменного цеха Леонида Николаевича Дамиэля и главного металлурга завода Даниила Ивановича Сарова. Созданную диверсионную группу они назвали «Российской партией национального возрождения», целью которой было свержение советской власти в стране. На квартире у Н. В. Латкина проходили законспирированные совещания, на которых планировались вредительские действия. К подпольной организации были привлечены местные крестьяне-кулаки. В 1934 году Дамиэль был переведен в Ленинград, а Саров — на Макеевский завод. В новых местах работы они создали ячейки своей партии. При этом действовали по заданию японской разведки, связь с которой поддерживал Д. И. Саров, работавший в 1923–1924 годах в Японии и в городе Цуруга, где и был завербован. В апреле — мае 1934 года все члены группы были арестованы. Выездной сессией Верховной коллегии Верховного суда СССР от 15 сентября Д. И. Саров, Н. В. Латкин и Г. С. Давыдов приговорены к расстрелу, остальные члены группы — к различным срокам лишения свободы².

В 1935 году на Кузнецком металлургическом комбинате и в городе Сталинске была проведена большая чистка членов ВКП(б). В ходе проверки документов и социального происхождения коммунистов были выявлены и исключены из партии 18 «шпионов», 169 бывших белогвардейцев, 56 троцкистов-зиновьевцев и многие другие. Наибольший «вред» принесла антисоветская группа начальника стройпрокатного цеха Тарасова, работавшая на Кузнецкстрое с 1931 года. В эту группу входили Петровский, Штифанова, Нарыков, Батилов, Бабчин. Во время проверки установлено, что они «двурушничали, формально соглашаясь с решениями партии, на деле обманывали партию, основываясь на прежних контрреволюционных троцкистско-зиновьевских позициях, ведя подпольную подрывную работу против партии». Конкретно их деятельность заключалась в том, что они осуждали коллективизацию и темпы индустриализации, высказывались за террористическую деятельность против вождей, оправдывали убийство Кирова. Кроме того, они поддерживали связь с троцкистами и зиновьевцами в Москве и Ленинграде. Все были исключены из партии в январе 1935 года, а затем арестованы³.

Дело о троцкистско-зиновьевской группе на КМК на этом не закончилось. Осенью того же года были исключены из партии лица, состоявшие с членами этой группы в различных связях. По версии Сталинского горкома партии, несколько коммунистов, в том числе Зинаида Сергеевна Огнева, Владимир Ефимович Бурдасов, Антонова, Козлов,

2 Дело Латкина — Сарова обсуждалось на собрании инженерно-технических работников КМК в октябре 1934 г. См.: Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск: панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Кемерово, 1999. С. 393–399.

3 Устинов М. Выше бдительность против недобитков троцкизма // Большевицкая сталь. 1934. № 245 (от 24 октября); Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск... С. 399, 401–406.

1 О хозяйственной деятельности Кузнецкого металлургического комбината // Большевицкая сталь. 1939. № 33. 18 февраля.

Мария Соломоновна Певзнер, Раиса Семёновна Хазанова, Александр Николаевич Бодяко, «пролезли» в ряды партии и занялись контрреволюционной деятельностью. Поскольку они были связаны с отделом кадров КМК, то главной их задачей стала дискредитация честных коммунистов, «шельмование» достойных членов партии и подрыв их авторитета. Пользуясь служебным положением, вредители посылали честных коммунистов на такую работу, с которой они не могли справиться. Еще одним излюбленным методом вредителей стал так называемый зажим самокритики, когда они не позволяли честным членам партии критиковать себя и улучшать свою деятельность. Все члены группы продолжали активно сотрудничать с арестованными троцкистами из группы Тарасова, ездили к ним на свидание в места заключения, вели подпольную агитацию. Позднее за связь с троцкистско-зиновьевской группой КМК были исключены из партии и арестованы еще несколько человек¹.

Тотальная чистка партии продолжилась в 1936 году. В июле ЦК ВКП(б) разослал закрытое письмо, в котором приводились сведения о деятельности троцкистско-зиновьевского блока. На местах прошли заседания горкомов и райкомов партии. Повсеместно были приняты меры к усилению бдительности и выявлению «врагов народа». В отчете Сталинского горкома за 1936 год было сказано, что была «проведена огромная работа по выкорчевыванию остатков контрреволюционных троцкистско-зиновьевских элементов, искусно прикрывавшихся и оставшихся даже после обмена партдокументов в рядах парторганизации». Горком провел дополнительную проверку всех лиц, связанных с ранее выявленной группой контрреволюционеров. В результате были выявлены и исключены из партии 13 человек. Некоторые из них — Захар Герасимович Халилов, Кондратий Васильевич Косенко, Дмитрий Георгиевич Мочалов и Ю. М. Забежинская — «были непосредственно связаны с фашистскими организациями, работавшими на заводе». А еще несколько человек — Блюма Соломоновна Канатчикова, П. В. Заборский, Мария Ивановна Федосеева и Фёдор Васильевич Герасимов — «вели свою гнусную контрреволюционную работу». На ТЭЦ Кузнецкого завода горком партии выявил целую фашистскую организацию, которая орудовала на глазах у парторга Редькиной. Начальник ТЭЦ Слободин был окружен этой «сворой» врагов народа и ничего не предпринимал².

В январе 1937 года на Кузнецкий металлургический комбинат прибыл первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, который занялся провер-

кой деятельности руководства завода. С помощью компетентных органов ему удалось выявить целую группу ранее незамеченных врагов народа, которые занимались вредительством в мартеновском цехе, ТЭЦ и других подразделениях КМК. С этого времени репрессии были поставлены на поток. Теперь уже искали не только бывших белых офицеров, троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, но и всех тех, кто был с ними в контакте. Достаточно было знать кого-нибудь из ранее репрессированных, чтобы попасть в ряды врагов народа.

В апреле 1937 года в Москве арестован главный электрик Кузнецкого металлургического комбината Николай Георгиевич Халецкий. Он стоял у истоков Кузнецкстроя, при его участии возводилась временная, а затем и основная ТЭЦ завода. По делу проходили также заведующий электрооборудованием блюминга В. А. Соколов, работники электрослужб разных цехов Т. П. Колмогоров, В. С. Тарасюк, Н. К. Нестеренко, начальник цеха ремонта металлургических печей Д. И. Комаров, всего 18 человек.

На первом допросе 12 мая 1937 года Халецкий назвал 42 человека, с которыми был связан по работе. В августе следствие было закончено. Суд «установил», что созданная Халецким группа совершала диверсионную деятельность, портила электрооборудование завода. Решением «тройки» УНКВД по Запсибкраю от 25 августа 17 человек по делу Халецкого были приговорены к расстрелу, только один — Г. И. Дружинин — к 10 годам заключения³.

При составлении обвинительного заключения по этому делу начальник экономического отдела Сталинского городского НКВД Илья Борисович Почкай указал, что созданная Халецким организация состояла более чем из 50 человек. Это дало основание провести новые аресты. В июне 1937 года Сталинский городской отдел НКВД провел крупномасштабную операцию по раскрытию монархической организации, действовавшей в городе и поселке Осиновка. По делу были арестованы работник КМК бывший штабс-капитан А. А. Гагарин, бывшие капитаны Белой армии П. В. Турчанинов, Ф. И. Филонов, К. Т. Левченко, И. К. Морозов, бывший поручик К. В. Волков, бывший казачий атаман Степанов и другие. По версии следствия, преступные связи этой монархической организации тянулись через Новосибирск в Москву и далее в Париж, где проживали князья Оболенские, руководившие организацией из Франции. Всего по делу были арестованы 65 человек. Среди них отец будущего писателя А. Н. Волошина Никита Лукич Волошин. Он обвинен в том, что вместе с начальником планового отдела Осиновского «Шахтстроя» Б. А. Бакакиным

Н. Г. Халецкий // Фойгт Л. И. Сталинизм в годы репрессий. Вып. 2. Новокузнецк, 1995. С. 128

¹ Ефимов В. Аппарат отдела кадров засорен чужаками // Большевицкая сталь. 1935. № 46. 24 февраля; Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск... С. 399–400, 408.
² Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск... С. 420.

³ Рудин В. Г. Сталинские репрессии в 1936–1937 гг. [в Кузбассе], рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 140–141; Бутенко К. И. Два года стахановского движения на заводе // Большевицкая сталь. 1937. № 193. 30 августа; Книга Памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. Кемерово, 1996. С. 490.

создал повстанческий отряд. В день восстания этот отряд должен был захватить динамитный склад рудоуправления, разоружить отделение милиции и охрану лагеря, захватить телефонную станцию, а затем двинуться на Сталинск, где, соединившись с отрядом Гагарина, захватить КМК и город. 9 июля 1937 года дело Гагарина было рассмотрено «тройкой» при УНКВД по Запсибкраю, всех обвиняемых приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 19 июля. Дело Волошина было рассмотрено 25 июля. Его также приговорили к высшей мере наказания, расстреляли 14 августа¹.

В октябре 1937 года арестовали 41 рабочего завода, которых обвинили в контрреволюционной деятельности. Известно, что некоторые из них потом были расстреляны, в том числе электрик П. К. Бородовский. В декабре были проведены два массовых ареста на КМК. Сначала взяли 12 человек, обвиненных в участии в повстанческой контрреволюционной организации. Затем «обезвредили» группу из 20 вредителей и врагов народа, скрывавшихся в разных цехах. Сотни простых инженеров, рабочих были арестованы, многие из них расстреляны².

О масштабах репрессий говорит такой факт: в течение 1937 года на Кузнецком металлургическом комбинате были заменены 20 начальников цехов, 29 заместителей и 34 инженерно-технических работника. Кроме этого, под репрессии попали сотни простых рабочих. Все дела формировались по одному шаблону. Сначала прокуратура выдавала постановление на арест и обыск. Потом проводился допрос обвиняемых, которые, как правило, признавались, так как нередко использовали физические пытки и разные способы психологического воздействия. Свидетелей почти никогда не было. Для убедительности обычно приводились уличающие показания (доносы) других обвиняемых.

До суда арестованные содержались в Кузнецкой тюрьме. Осужденный сотрудник газеты «Большевицкая сталь» Ф. С. Демидов написал в записке к жене: «Нас сидит в каждой комнате 39 человек, и все с завода: инженеры, техники, врачи. Я прохожу по материалу, составленному редакцией, что я состою в контрреволюционной организации и по заданию Розина выполняю диверсионные акты. И заставили такую наглую выдумку подписать, и я подписал. В первом доме я сидел почти два месяца и убедился лично, какие массовые аресты проводились в это время, а теперь нас держат в строгом режиме. Когда выходим на прогулку, то ни одной души не оставляют во дворе, как будто бы выпускают зверей. Что будет дальше со мной, я не знаю, но так, понаслышке, говорят, что дадут небольшой срок, а куда угонят, неизвестно»³.

1 Генина Е. С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия. М., 2001. Т. 5. С. 65; Рудин В. Г. Сталинские репрессии в 1936–1937 гг. [в Кузбассе], рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 141–142.

2 Сталинск в годы репрессий. Вып. 2: Воспоминания. Письма. Документы / сост. Л. И. Фойгт. Новокузнецк, 1995. С. 8.

3 Сталинск: годы репрессий. По материалам Новокузнецкого краеведческого музея. Вып. 1 / сост. Л. И. Фойгт. Новокузнецк, 1994. С. 9.

В октябре-декабре 1937 года Сталинский городской отдел НКВД провел аресты работников КМК, причастных к «контрреволюционной правотроцкистской организации», были арестованы, в частности, начальник цеха сетей и подстанций А. Д. Коршенко, инженер Н. И. Гарин, начальник железнодорожного цеха М. И. Грольман, начальник ТЭЦ П. О. Ильюкевич, заведующий службы защиты цеха сетей и подстанций И. А. Промский. На допросах Гарин признался в том, что был руководителем этой организации, а всего в нее входили 10 человек. Другие же арестованные назвали еще около двух десятков работников КМК, входивших в организацию, в том числе бывшего начальника ТЭЦ Шадрина, начальника планового отдела В. И. Праведникова, бывшего начальника блюминга Вольхина, директора Дворца металлургов Петрова, заместителя начальника литейного цеха Мамонтова, членов бюро Сталинского горкома партии Тихонова и Ф. Ф. Остренко, а также простых машинистов и мастеров разных цехов КМК. Аресты проходивших по этому делу людей проводились в течение всего 1938 года. Были арестованы инженеры различных служб КМК Х. А. Ривман, В. Г. Церебеж, А. Э. Перримонд, А. Б. Туник, А. Ф. Теттенборн, А. И. Тимонин, Н. Е. Кунади. Следствие вскрыло, что участники Сталинской правотроцкистской организации будто бы проникли и во власть. Были арестованы бывший председатель горсовета Лебедев, бывший председатель горплана Гудымович, главный механик КМК Злотников, редактор газеты «Большевицкая сталь» Розин. В ходе раскрутки дела ниточки привели к бывшему директору КМК Константину Ивановичу Бутенко, работавшему к тому времени в Москве на должности заместителя наркома тяжелой промышленности СССР. Все дела по этой организации направлялись либо в Военную коллегия Верховного суда СССР, либо в военный трибунал Сибирского военного округа. Приговоры по этому делу выносились с апреля 1938 по март 1939 года, большинство обвиняемых были расстреляны⁴.

Все аресты и судебные процессы сопровождалась мощной пропагандисткой кампанией в печати. Кузнецкая газета «Большевицкая сталь» печатала статьи с громкими названиями: «Убийцам нет пощады», «Расстрелять как бешеных псов», «Смерть кровожадным псам фашизма», «Уничтожить предателей Родины», «Мы требуем уничтожить гадин». Статьи писались от имени простых рабочих завода, сталеваров, доменщиков, машинистов, которые якобы требовали искоренить врагов народа. На многочисленных митингах рабочих принимались резолюции одна страшнее другой: «Очистить советскую землю от взбесившихся фашистских псов», «Судить шайку наемных шпионов по всей строгости революционного закона».

4 Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение (1938–1939–1940 гг.) [в Кузбассе], рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 7–10.

§ 3. Химическая промышленность

КЕМЕРОВСКИЙ КОКСОХИМИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ. Одним из стратегических направлений развития народного хозяйства СССР в 1930-е годы стала его химизация. Не случайно третьим звеном Урало-Кузбасского комбината была определена химическая промышленность, которая в начале I пятилетки в Кузбассе была представлена копикузовским коксохимическим заводом в Щегловске и строящимся коксовым цехом Кузнецкого металлургического комбината. К ее завершению в Щегловске планировалось возвести самый крупный в Сибири химический комбинат, в состав которого по первоначальному замыслу его проектировщиков кроме нового коксохимзавода вошли бы цинковый, синтеза аммиака, химический заводы и районная электростанция¹.

В 1928 году коллектив копикузовского коксохима приступил к расширению завода и строительству третьей батареи из 50 печей. В конце года газета «Правда» на своих страницах знакомила читателей с ходом Всесоюзного смотра производственных совещаний, в рамках которого началась переключка заводчан с коллективами уральских заводов — потребителей кузбасского кокса. На страницах региональной прессы — газет «Уральский рабочий», «Советская Сибирь» и «Кузбасс» — публиковались взаимные претензии к качеству поставляемой продукции, которые не оставляли равнодушными трудящихся Урала и Щегловска.

Одним из путей преодоления недостатков в организации производства стало подписание коксохимиками 12 мая 1929 года хозяйственно-политического договора на социалистическое соревнование с горняками бассейна, коллективом Гурьевского завода и транспортниками, предусматривавшего взаимные обязательства о соблюдении сроков поставки металла, более качественного угля и своевременную отгрузку кокса потребителям. В процессе контроля их выполнения рождалось новое отношение рабочих к труду, на многих участках крепла взаимопомощь и взаимовыручка, в большинстве цехов и смен коксохима появились ударные бригады и рационализаторские группы. Их члены старались уплотнять рабочий день, изживали прогулы, более ответственно относились к эксплуатации машин и меха-

низмов, рабочих с низкой квалификацией и новичков прикрепили к опытным наставникам.

Работы выполнялись под руководством советских инженеров и техников, директором был В. Б. Гора. Строительством третьей коксовой батареи руководил инженер Вейхель, котельно-монтажными работами — Ф. М. Житков, огнеупорной кладкой — А. Е. Ломаченко.

В результате этих и многих других мероприятий при выполнении ряда технологических операций нередко в несколько раз поднималась суточная норма выработки. Благодаря ударничеству только в июне 1929 года завод на 90 копеек снизил себестоимость тонны кокса².

В декабре 1929 года третья коксовая батарея вступила в строй. Суточный объем выжига кокса вырос до 900 тонн, производство бензола — до 10 тонн, увеличилась разгонка смолы и выпуск аммиака.

В связи с ростом в стране потребностей в коксе, планами I пятилетки на базе местных углей в Щегловске предусматривалось сооружение более мощного коксохимического комбината. В 1929 году реальность этой перспективы подтвердили опыты ученых обогатительной лаборатории Московской горной академии, проведенные под руководством профессора В. И. Трушлевича и доцента Г. И. Прейгерзона, с углями Владимировского, Волковского и Кемеровского пластов, а также успешная реализация проекта инженера И. И. Лоханского по строительству в Харькове первой советской большегрузной коксовой батареи. Аналогичная батарея в Щегловске планировалась мощностью загрузки 1 200 тонн угля ежедневно, столько же, сколько потреблял весь старый завод. Процесс коксования был рассчитан на 18 часов вместо 30 — на первой батарее старого завода, и 24 — на второй батарее.

В июне 1930 года по проекту инженеров «Мосгипрококса» было начато возведение первой советской батареи нового коксохимического завода. На болотистой строительной площадке сотни землекопов с утра до позднего вечера, а иногда и ночью лопатами вынимали грунт, в носилках и вагонетками вручную вывозили на отвалы. Пятнадцатиметровый котлован для фундамента цеха углеподготовки

¹ Кузбасс 1930. № 33. 10 февраля.

² Дыдевич В., Щербаков М. Кемеровский коксохим. Кемерово, 1974. С. 70, 77, 79.

копали галереями для удобства перемещения грунта наверх. Копали котлован под коксовые печи. Позже для подвешивания вагонеток появились электрические лебедки, сваебойные механизмы и транспортеры.

К концу осени 1930 года земляные работы на этих участках были в основном завершены. Для возведения в условиях зимы коксовой батареи следовало построить тепляк — своеобразную гигантскую палатку высотой 15 и длиной 80 метров из деревянных лесов с крышей, позволяющую поддерживать температуру, приемлемую для кладки огнеупоров. Во время его сооружения комсомольцы стройки объявляли ударные смены и восьмидневки, прямо из реки без предварительной просушки лес везли к будущему тепляку. Благодаря энтузиазму людей и их ударному труду к началу 1931 года крыша была готова, и огнеупорщики приступили к кладке коксовой батареи.

На качество работ пагубно влияла высокая текучесть кадров. Только за 11 месяцев 1931 года на Кокострой были приняты 5 561 человек и убыли 5 245 человек, то есть на месте закрепились 5,7%¹. Стройка постоянно нуждалась в притоке новой рабочей силы. С целью подготовки технически грамотных специалистов с 1 января 1931 года для рабоче-крестьянской молодежи открылся набор в коксобензольную школу ФЗУ².

Каменщики во главе с мастером А. Е. Ломаченко неоднократно предупреждали руководство (начальник Кокостроя т. Борисов) о необходимости дополнительного укрепления каркаса тепляка, сооруженного из сырого леса, который мог не выдержать под напором снега и собственного веса. Однако предупреждения остались без внимания. Катастрофа случилась 13 февраля 1931 года в 21:45 — кровля тепляка рухнула, следом повалились стены, многие рабочие попали под завал конструкции. Сотни строителей с соседних участков и люди, отдохавшие после смены в бараках, бросились к месту аварии. К утру завал удалось разобрать. Восемнадцать человек получили увечья различной степени тяжести, восьмерых спасти не удалось³.

Авария вызвала панику, утром железнодорожный вокзал переполнили наиболее напуганные люди. Только благодаря партийным агитаторам многие из них вернулись на площадку. Через несколько дней в результате ударного труда последствия аварии были окончательно ликвидированы и кладка печи продолжена.

В 1932 году Кокострой (директор т. Соболевский) нередко, особенно в осенние и зимние месяцы, испытывал недостаток в рабочей силе. С целью ее восполнения комсомольская организация выпускала так называемые комсомольские займы рабочей силы на 20 тысяч трудодней, в тиражах которых разыгрывались ценные предметы. Часто организовывались воскресники. Зарождалось социалистическое соревнование. Так, бетонщики бригады Андрея Мазурова в начале 1932 года вместо 129 замесов в смену

обязались давать 150 замесов, а затем и 250. Летом их рекорд перекрыла женская молодежная бригада Базаровой, выдавшая за смену 300 замесов. Ход соревнования между двумя коллективами активно освещала газета «Кузбасс». Бригада А. Мазурова выдала 340 замесов в смену, тем самым закрепив за собой лидерство, а портрет бригадира был помещен на Доску почета Западно-Сибирского краевого профсовета строителей.

В годы I пятилетки всему Кузбассу стали известны трудовые достижения бригады бетонщиков под руководством П. В. Погуляева, Бурлина, монтажников Коротченко, Матвеева, Жданова, Большакова, Орлова, строителей — Анищука, Петренко, Болаевского. Бригада монтажников И. В. Учватова первой организовала взаимопомощь и начала борьбу за высокое качество монтажа. На Красную доску имени XVII партсъезда была занесена Краснознаменная нацменовская бригада плотников Халимова. Ранее полуграмотная батрачка товарищ Новикова, как и многие женщины-строители, стала высококвалифицированным каменщиком⁴.

К концу пятилетки Кокострой (начальник В. Б. Гора) стал флагманом среди строящихся химических предприятий Кемерово. Однако, как показал опыт предыдущих лет, наличие в городе нескольких организаций союзного подчинения, сосредоточенных каждая на своей строительной программе, слабо увязанной с производственными возможностями предприятий-смежников, способствовало распылению материальных и финансовых ресурсов на возведении многочисленных и нередко второстепенных объектов. Строящийся Кемеровский коксохимкомбинат ведомственно был разделен на Кокострой (находился в системе треста «Востокстройкокса») и старый коксохимический завод (директор Ожевский) — «Востокстали»⁵.

В целях централизации руководства, устранения межведомственных барьеров и концентрации ресурсов на ключевых направлениях с января 1933 года для ведения строительства 4-й коксовой батареи (новый завод), химзавода и металлургического комбината (район деревни Сухово) был организован Кемеровокомбинатстрой (управляющий Б. О. Норкин)⁶.

В условиях отсутствия проектной документации, дефицита финансовых, материальных и людских ресурсов, неопределенности в выборе площадки с сентября 1933 года ведение подготовительных работ по строительству металлкомбината было признано нецелесообразным и проект закрыт. Вместе с тем Кемеровокомбинатстрой принял руководство новыми объектами промышленного строительства — железнодорожной линии Кемерово — Барзас и Барзасского рудника. С 1 января 1934 года этот список дополнили «Электроцентраль» (Кемеровская ГРЭС), азотно-туковый завод, углеперегонный завод, старый коксохимический завод (директор Локтев), цинкосвинцово-

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 30. Л. 6.

2 Кузбасс. 1931. № 17. 20 января.

3 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 212. Л. 136–137.

4 Дыдевич В., Щербаков М. Кемеровский коксохим... С. 86.

5 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 48. Л. 20.

6 ГАК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.

Панорама строительства нового коксохимзавода в Кемерове. 1934 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 773

сернокислотный завод, сети и подстанции северной части Кузбасса, Прокопьевская подстанция Кузнецкого меткомбината, сеть кирпичных заводов и трест «Жилкомстрой» (Кемерово), в марте разделенный на правобережный «Жилкомстрой» и левобережный «Жилкомстрой». В июле-августе 1934 года путем слияния Коксостроя с новым химзаводом, объединенным со старым копикузовским заводом, было организовано новое предприятие — коксохимзавод (директор В. Б. Гора)¹, включавший два больших сектора: строительную часть и эксплуатацию коксовых батарей с сопутствующим производством химической продукции.

Кемеровокомбинатстрой одновременно работал над выполнением обширной программы строительства и содержания жилого фонда для работников подведомственных предприятий, а также коммунальных и социальных объектов (бань, школ, столовых, детских садов, дорог), то есть активно участвовал в развитии социальной сферы Кемерово.

Принятые меры организационного характера позволили сконцентрировать на пусковых объектах Коксостроя значительные ресурсы, мобилизовать его многотысячный коллектив на выполнение плановых заданий. В августе 1933 года была закончена кладка коксовых печей, и 10 сентября первая печь поставлена на просушку. 17 мая 1934 года на первой быстроходной динасовой батарее нового завода, состоявшей из 55 печей, был выдан кокс. Пусковыми мероприятиями руководил главный технолог Коксостроя И. И. Лоханский, на ответственных местах находились обер-мастер А. Е. Ломаченко и инженер Ф. М. Лукьянов. Мощность коксохимзавода удвоилась. На основе попутного коксового газа планировалось дальнейшее развитие химической промышленности за счет строительства установок по производству аммиака с его дальнейшей переработкой на удобрения. В связи с пуском первой батареи нового коксохимического завода начальник Коксостроя

В. Б. Гора приказом Наркомтяжпрома Г. К. Орджоникидзе в июле 1934 года был премирован легковым автомобилем².

Рядом с котлованами коксовых печей началось возведение химического блока, состоявшего из машинно-сульфатного, смолоперерабатывающего и бензольно-ректификационного цехов. Уже поднимался каркас 5-й батареи. В течение 70 дней была произведена ее кладка. На монтаж тепляка ушло всего 30 дней вместо трех месяцев, затраченных при кладке 4-й батареи. Ударными темпами работали бригады огнеупорщиков Журавлёва, Смирнова, Петренко, Ротенко, бригады монтажников товарищей Жданова, Орлова, Учватова, Большакова. Одновременно со строительством завода вырастали свои специалисты-инженеры, такие как А. К. Маметьев, Джигурда, Волошин, Симачев, Корабанов. В период строительства цехов и коксовых батарей приходилось преодолевать трудности, связанные с задержкой поставок материалов и оборудования, поступлением оборудования низкого качества. Многочисленные изменения в проектной документации влекли за собой увеличение сроков их рассмотрения, привлечение дополнительных материальных и финансовых ресурсов.

23 января 1935 года пятая батарея выдала кокс. Накануне, во время загрузки шихтой, ее осмотрел секретарь Новосибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе. Суточный выжиг кокса достиг 2 500 тонн, выработка бензола — 20 тонн, увеличилось производство сульфата и переработка смолы.

В сентябре 1935 года в цехах развернулось стахановское движение, охватившее сотни передовых рабочих, инженеров, техников и служащих. Среди первых его последователей были: грузчик пека Аникеев, в железнодорожном цехе — М. М. Рытенков, Петров, Атанин, Суяров, Задоенок, Серебряков, рабочие ректификации Толкунов, Фоменков, Матвеев. Массовый характер приняло движение двухсотников. В день стахановца — 31 декабря 1935 года — свыше 1 300 человек перевыполнили сменные задания в два раза.

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 103. Л. 34.

2 Кузбасс. 1934. № 149. 23 июля.

Среди них — смена на коксовых печах (43 чел.) комсомольца И. С. Очерета, машинист железнодорожного депо Свирков и другие¹. Машинист тушильного вагона У. В. Калачикова была награждена значком «Отличник социалистического соревнования Наркомчермета» одной из первых на заводе. Опыт аппаратчика машинно-сульфатного цеха С. Г. Карпухина по переводу аммиачной колонны на повышенный режим работы стали внедрять на других коксохимических заводах страны. За трудовые достижения он первым на заводе был награжден орденом «Знак Почета»².

Во второй половине 1930-х годов Кемеровский коксохимзавод продолжал развиваться, несмотря на репрессии, затронувшие руководство предприятия. В 1936 году директором коксохимзавода являлся И. Павлов, которого сменил Смирнов. В июле 1937 года в рамках расследования дела Норкина — Дробниса арестован недавно назначенный директор Д. Д. Дмитриев и утвержден новый руководитель — И. Д. Петров³. Частая смена первых руководителей сковывала инициативу подчиненных в части принятия экономически и технологически выверенных управленческих решений с риском в случае ошибки быть подвергнутым аресту.

В 1937 году были введены в эксплуатацию установки по производству креолина и каменноугольного лака, а в ноябре 1938 года в пекококсовом цехе на старых батареях начат выжиг электродного кокса. В центральной заводской лаборатории проводились обширные работы по более глубокому изучению процессов коксования, химической переработки продуктов коксования.

Крупную трудовую победу коксохимии одержали в середине 1938 года: 28 июня в строй вступила еще одна (шестая) батарея системы «Беккер-Гипрококк». В этом же году завод был передан в систему Главкокса Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР, а с 1940 года — в подчинение наркомата черной металлургии СССР.

К этому времени был накоплен ценный опыт по эксплуатации химического оборудования и механизмов. В докладе директора И. Д. Петрова, сделанном в июле 1938 года на совещании секретарей парткомов и директоров заводов Кемерова, говорилось о ежедневной работе по исправлению нарушений в конструкциях, допущенных при строительстве 4-й и 5-й коксовых печей, возросшем в 1938 году количестве аварий, так как стали учитываться не только крупные браки, но и мелкие дефекты, о перерасходе фонда заработной платы, неритмичной работе всех цехов и о проблемах, преподносившихся предприятиями-смежниками, допускавшими перебои в поставках воды, электроэнергии, вагонов⁴.

Техническому перевооружению и высоким достижениям коксохимиков способствовало стахановское движение, в результате которого мощность завода только в 1936 году

увеличилась на 10%⁵. К началу 1939 года на предприятии трудились 595 стахановцев, а к началу 1940-го — 717 стахановцев и 342 ударника труда. Несмотря на то что в 1939 году завод увеличил выпуск продукции по сравнению с 1938 годом на 22% (в том числе кокса — 1 007 265 тонн против 816 347 тонн в 1938 г.), годовая производственная программа была выполнена лишь на 87,9%⁶.

Более удачно коксохимии работали над производственной программой 1940 года. Коллектив завода (директор Максимов) выполнил план по всему производственному циклу, в том числе по валовой продукции — на 100,5%, коксу — 97,5%. По сравнению с 1939 годом продукции было выпущено больше на 21,8%.

После выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНИК СССР от 2 июня 1940 года «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката» с возложением персональной ответственности за полное и своевременное обеспечение металлургических заводов топливом поставки коксохимзаводу порожняка, коксующихся и рядовых углей значительно улучшились. После выхода указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» у руководства предприятия, на котором трудились 2 494 человека (из них 303 — ИТР и служащие), появились дополнительные рычаги укрепления трудовой и производственной дисциплины в виде возможности наказания «летунов» и прогульщиков по уголовным статьям⁷.

Одновременно произошли значительные изменения в системе тарификации. Для рабочих, переведенных с шестичасового на восьмичасовой рабочий день, нормы выработки были повышены на 33,3%, а расценки снижены на 25%. Дневные ставки, ранее выплачивавшиеся за шесть часов, были сохранены для восьмичасового рабочего дня, в связи с этим часовые ставки соответственно уменьшены. Однако даже в условиях этого более жесткого нормирования труда в 1940 году индивидуальными и бригадными формами социалистического соревнования были охвачены 1 077 человек. По итогам III квартала 1940 года коллектив коксового цеха (начальник т. Смоляков) занял первое место в соревновании среди коксовых цехов заводов страны и получил переходящее Красное Знамя⁸.

К началу 1941 года Кемеровский коксохим представлял собой крупный химический комбинат, который кроме производства кокса для металлургов поставлял коксовый газ и пар для азотно-тукового завода, а также продукты коксохимии для народного хозяйства — сульфат, пековый кокс, нафталин, креолин, толуол, аммиак, шпалопропитка, кар-

1 Дыдевич В., Щербаков М. Кемеровский коксохим... С. 102.

2 ГАК. Ф. Р-202. Оп. 9. Д. 85. Л. 26.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 194. Л. 157–158.

4 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 217. Л. 21–22.

5 Поплавский К. Л. Развитие химии и химической промышленности Кузбасса: автореф. дис. ... канд. хим. наук. М., 1969. С. 10.

6 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 253. Л. 28, 47, 194.

7 ГАК. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 123. Л. 15, 33, 33 об., 48 об.

8 Кузбасс. 1940. № 192. 1 ноября.

болка, антропоцен). В его составе, кроме основных и вспомогательных цехов и служб, находились крупное подсобное овощно-молочное хозяйство, жилой фонд (22 413 кв. м) и много других объектов социального назначения.

Опытный углеперегонный завод. В СССР в 1920-е годы ощущался острый дефицит нефти, ее добыча велась только на бакинском месторождении. В этой связи советское руководство обратило внимание на опыт немецких промышленников, в 1927 году запустивших первую крупную установку для получения из бурого угля синтетического бензина мощностью в 100 тыс. тонн в год.

Впервые разновидность легких сапропелитовых углей в Кузбассе — томит — обнаружили геологи А. А. Снятков и В. С. Панкратов в 1914 году выше Щегловска, среди галечников Томи. В то же время в бассейне реки Барзас геологом Бутовым было открыто месторождение горючих сланцев со средней мощностью пласта в 20 м и простиранием поля 2 км¹. Исследования, проведенные известным химиком Н. Д. Зелинским, подтвердили возможность получения из сапропелитовых углей горючих жидких фракций, сходных с бензином². В Кузбассе дальнейшие поиски проводили в 1926 году и лишь осенью 1929 года увенчались успехом. Геологи В. И. Орестов и С. И. Шкорбатов в бассейне реки Барзас открыли крупное месторождение сапропелита, включая все его разновидности по структуре (кучерявичик, драмка, рогожка, полосчатый), мощностью в пределах 0,4–4,8 м (в среднем 2 м). Угленосная свита простиралась на протяжении 80 км от южной части Барзасского района вплоть до Сибирской железной дороги, вдоль реки Яя, заканчиваясь у г. Анжеро-Судженска.

Опытным путем томский профессор И. В. Геблер методом перегонки из тонны барзасского сапропелита получил 57 л бензина и 108 л керосина, которые при испытании в автомобиле и тракторе в качестве топлива получили оценку «отлично». Впрочем, если германские угли попутно давали 10 % выхода смолы, то барзасские — до 30 %, что в последующем на Кемеровском заводе стало одной из причин неудач углеперегонки в промышленных масштабах.

С учетом первых испытаний в правительстве обсуждался вопрос о строительстве в Москве и Щегловске опытных заводов полукоксования для разработки технологии получения моторного топлива из барзасских углей. В 1931 году на месторождении была заложена первая шахта мощностью по добыче 200 тыс. тонн угля в год. Рядом с предприятием возник одноименный поселок, началось сооружение железной дороги Кемерово — Барзас — Анжеро-Судженск, а пока между Кемеровом и Барзасом функционировала дорога для гужевого транспорта длиной 50 км.

К возведению завода строители под руководством директора Беклова приступили во второй половине 1930

года³. Ударными темпами было смонтировано оборудование опытной установки. Первоначально планировался выпуск бензина, керосина, мазута, черной карболки и полукокса. Следовало определить, насколько некоторые марки углей Сибири пригодны для получения жидкого топлива, а также испытать наиболее удачные конструкции печей⁴. До сооружения железной дороги транспортировка углей из Барзаса осуществлялась подводами.

16 июля 1931 года первая установка углеперегонки была введена в эксплуатацию. В течение суток были получены обнадеживающие результаты: из переработанных 5 тонн сапромиксита получено 1,5 тонны жидких нефтепродуктов. Однако далее теплопроводность стенок реторт резко падала из-за быстрого покрытия их внутренних поверхностей коркой полукокса толщиной от 18 см и более. По этой причине в середине реторты уголь перегонке уже не подвергался. Выделяемая из него смола плавилась и прилипала к внутренним поверхностям. В дальнейшем на их очистку уходило до трех суток.

В части проведения опытных работ завод подчинялся Новосибирскому научно-исследовательскому угольному институту. Многие обращения кемеровчан адресовались его сотруднику, инженеру-коксобензолщику И. Я. Фельбербауму, возглавившему в 1932 году всесоюзный трест «Углеперегонка», в подчинении которого в части эксплуатации находился и строящийся завод.

Несмотря на отсутствие научных решений выявленных технологических проблем, правительство в 1932 году постановило строить в Кемерове первый в СССР углеперегонный завод. Под новое предприятие в мае 1932 года горсоветом была утверждена ранее выбранная уполномоченным Наркомтяжпрома Б. О. Норкиным и уже осваиваемая площадка в районе ул. 2-й Стахановской. Рядом находилась территория механических мастерских (будущий мехзавод), а также площадки для строительства цинкового и азотно-тукового заводов, железнодорожной линии Кемерово — Барзас — Анжеро-Судженск⁵. В начале 1933 года директором завода назначен В. Г. Горячев, который после нескольких месяцев ожиданий пытался ускорить получение от «Гипрококса» титульных списков и чертежей, от «Главгаза» — перечисления средств на приобретение местных строительных материалов.

К дальнейшему обеспечению научного сопровождения проекта углеперегонки были привлечены четыре исследовательских института и некоторые вузы страны. На 80 ретортных печах планировали перерабатывать 100 тыс. тонн барзасских сапропелитов в год. Завод согласно проекту имел склад угля, углеподготовку, печной и дистилляционный цехи, цех мойки фракций, склад смолы и готовых продуктов. Ученые и заводские технологи доказали возможность более эффективного использования сырья из угольной смеси, состоящей на 40 % из барзасского и на

1 Исаков Х. А., Кочетков В. Н. Барзасские сапропелиты. Исторические сведения // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 5. С. 68.

2 Чуднов А. Ф., Чуднов И. А. История Кемеровского углеперегонного завода // Кокс и химия. 2001. № 6. С. 38–39.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 12. Л. 10; Д. 19. Л. 156.

4 ГАК. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 5. Л. 9, 10; Кузбасс 1932. № 254. 22 ноября.

5 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 275. Л. 225; Д. 277. Л. 73–74.

Бригада рабочих на постройке углеперегонного завода в Кемерове. 30 октября 1934 // Из фондов музея истории завода «Химпром»

60% — ленинск-кузнецкого угля, а также добавок в виде ачинских сапропелитов и бурых углей. 14 февраля 1934 года на действующей установке была получена первая угольная нефть.

Итоги строительства первой очереди завода были рассмотрены в начале января 1934 года на IV городской партийной конференции. Особую важность объекта в выступлении отметил начальник Кемеровокомбинатстроя Б. О. Норкин, сообщивший о дальнейших планах Наркомтяжпрома в 1935 году приступить к строительству в правобережной части Кемерова завода-гиганта по производству жидкого топлива мощностью 300–400 тыс. тонн в год. В выступлении недавно назначенного директора углеперегонного завода И. Я. Фельбербаума были проанализированы проблемы, с которыми столкнулся коллектив. Речь шла о задержках поставок огнеупоров, необходимости увеличения численности рабочих на строительстве с 300 до 600 человек, слабом техническом руководстве, в том числе со стороны бывшего руководителя предприятия Рабиновича, большой текучести кадров и неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях рабочих, 60% которых проживали в «нахаловках», о плохом снабжении стройки продуктами питания¹.

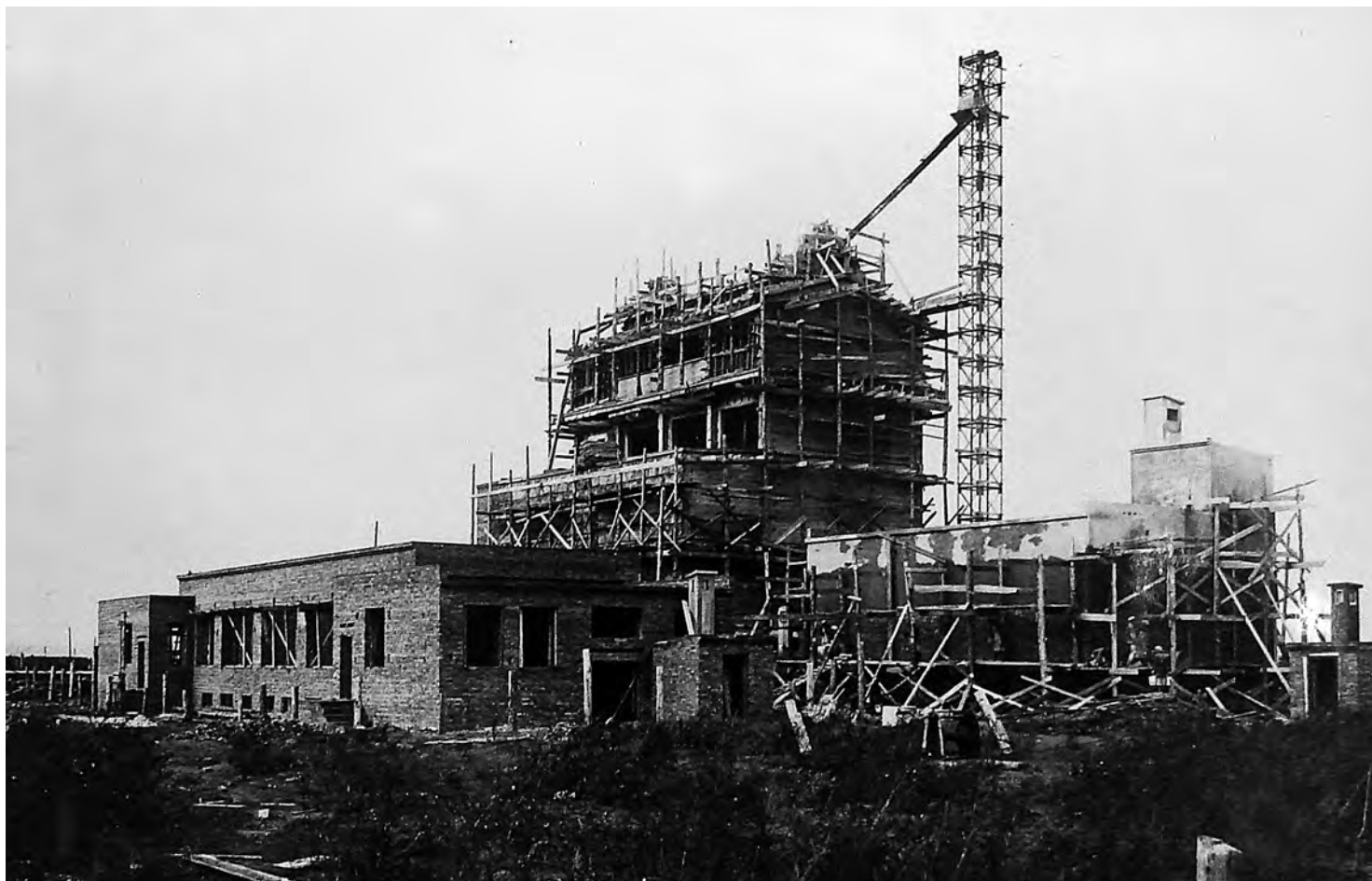
1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 91. Л. 66, 95; Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 625. Л. 15, 19.

Первая очередь завода, включавшая цех с 20 ретортными печами, 1 февраля 1935 года без испытаний была сдана в эксплуатацию. Уже в мае его коллектив ходатайствовал перед Президиумом горсовета о присвоении предприятию «имени тов. Кирова»². При отсутствии железной дороги для подвозки барзасских углей заводчанам весь год приходилось работать только на ленинских углях. Коллектив еще не овладел к тому же еще не совершенной технологией полукоксования, попутно устранялись просчеты в проекте, допускался значительный перерасход средств. Конечный выход продуктов (полукокса, смолы, сырого бензина и сырого керосина) по итогам года составил 25% от плана³. Впрочем, как показывал мировой опыт, простая перегонка не позволяла получить моторного топлива в требуемом количестве и качестве.

В 1934 году началось строительство комплекса цехов гидрогенизации угля, который вскоре стал именоваться гидрогенизационным заводом. В Германии за 50 млн марок был приобретен патент на способ получения жидкого топлива методом гидрирования. За изготовление необходимого оборудования взялись сталинградские машиностроители.

2 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 340. Л. 33.

3 ГАК. Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 114. Л. 2.

Строительство цехов углеперегонного завода в Кемерове. 26 ноября 1935 // Из фондов музея истории завода «Химпром»

О тяжелом положении, в котором завод оказался к июню 1937 года, красноречиво рассказывали его сотрудники в письме наркому тяжелой промышленности В. И. Межлауку, опубликованном в газете «Кузбасс»: «До настоящего времени еще нет утвержденной программы работ на 1937 год. Нет финансового плана. Неизвестно, когда будет закончена реконструкция завода, а без нее дальнейшая работа завода просто бессмысленна. Строительство нового цеха гидрирования тянется уже третий год и находится в чрезвычайно запутанном положении. На площадке строительства до сих пор нет законченного проекта цехов как в технической части, так и в отношении подсобного хозяйства (пар, вода, энергия). И это после того, как проект переделывался 4 раза. Таким образом, мы стоим под угрозой остановки всех строительного-монтажных работ из-за отсутствия проектов и смет. Помимо этого, еще не завезено на площадку завода на три миллиона рублей размещенного в 1933–35 гг. оборудования. Снабжение строительными материалами поставлено безобразно»¹.

В июле 1937 года директор завода И. Я. Фельбербаум в рамках расследования по делу Норкина — Дробниса был арестован как «враг народа». В течение следующих четырех месяцев предприятие возглавлял Я. Я. Рацен (из них

три месяца до ареста находился в командировке в Москве), затем в течение года директором являлся Лобанцев.

В 1935–1938 годах сроки ввода гидрогенизационного завода переносились три раза. Из-за частых аварий, периодического отсутствия сырья, электроэнергии и воды оборудование простаивало. Городские власти, встревоженные этой ненормальной обстановкой, 18 ноября 1938 года организовали в Кемерове расширенное совещание с участием секретарей горкома ВКП(б), председателя горсовета, редактора газеты «Кузбасс», руководителей и инженерно-технических работников Главгаза и углеперегонного завода. Обсуждались пути преодоления узких мест в строительстве и эксплуатации производственных объектов². «Первым, что бросается в глаза при осмотре завода, — писал профессор Н. Клюквин, — это совершенно неудовлетворительная общая распланировка завода, не обеспечивающая технологическую координацию отдельных процессов и не оправдываемая законами строительной или эксплуатационной целесообразности»³.

В 1938 году была достроена железная дорога Кемерово — Барзас. При участии нового директора И. И. Осина 20 апреля 1939 года гидрогенизационный завод был

¹ Кузбасс. 1937. № 11. 18 июня.

² ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 217. Л. 48–72.

³ ГАК. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 5. Л. 19, 23, 63.

введен в строй. По новой технологии в течение года получено 117 тонн бензина, 24 тонны лигроина и 5 тонн фенолов. Полностью на гидрирование углей завод перешел в I квартале 1940 года, то есть на квартал позже срока, определенного приказом наркома Л. М. Кагановича от 14 апреля 1939 года¹. Задержка была связана с отсутствием у инженеров и рабочих навыков эксплуатации нового оборудования, устранением проектных просчетов и многочисленных аварий на отдельных агрегатах. В решении технических вопросов Главнефтегаз самоустранился от оказания помощи. У предприятия отсутствовали средства для систематического повышения профессионального уровня ИТР².

К этому времени геологи обновили расчеты запасов барзасских сапропелитов и спрогнозировали их на уровне 31 млн тонн. Выявленные пласты оценивались как маломощные, залегающие в сложных горно-геологических условиях, их разработка требовала больших капиталовложений.

При оценке десятилетнего периода работы предприятия в октябре 1940 года на заседании бюро Кемеровского горкома ВКП(б) были отмечены положительные результаты. Заводом, единственным в стране, впервые в СССР была разработана технологическая схема гидрирования угля, в промышленном масштабе освоены все необходимые механизмы и аппаратура, получен авто-авиационный бензин. Однако анализ основных его показателей, использованных для проектирования других гидрогенизационных заводов, показал ошибочность расчетов из-за необоснованных допущений в сторону завышения выходов конечных продуктов. Отмечались слабые технические места, устранение которых было возможно только после существенной реконструкции предприятия, изменения отношения к нему со стороны вышестоящих ведомств.

По итогам 1940 года завод выполнил план по гидрированию угля лишь на 32,6%, выработке товарного бензина — на 17,1%. Его руководство в отчетах по опытно-научной деятельности оперировало завышенными показателями, не соответствовавшими действительности³. Директор С. И. Кичигин вынужден был признать, что «завод как самостоятельная единица для проведения опытов дорог нерентабелен, существовать дальше не может. Нет собственной научной базы. Просить ЦК ВКП(б) дать указания Наркомнефти перевести Кемеровский опытный гидрогенизационный завод в разряд промышленных»⁴.

Основные работы по гидрогенизации угля были приостановлены в начале Великой Отечественной войны. Предприятие получило порядковый номер 11, а с апреля 1941 года началось его перепрофилирование на выпуск толуола.

КЕМЕРОВСКИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД. Предшественником завода явились котельно-механические мастерские при строящемся «Копикузом» химическом заводе, которые заработали в начале 1916 года⁵. В 1926 году голландским инженером Бетемай они в схематичном виде были перепроектированы под названием «Кемеровские районные мастерские «Кузбассугля» с целью обслуживания Кемеровского, Ленинского и Прокопьевского угольных районов. В 1927 году был составлен новый проект, разработанный в строительной части — инженером Дворянкиным под руководством американского инженера Неколова, в механической — инженером Лепихиным⁶.

По новому проекту с небольшими изменениями в октябре 1928 года началось возведение котельной, затем литейного и механического цехов. После перехода в 1928 году шахт Кемеровского рудника, коксохимзавода и котельно-механических мастерских в состав Государственного каменноугольного треста «Сибуголь» 29 сентября приказом председателя правления треста Абрамова мастерские были преобразованы в Кемеровский механический завод (управляющий В. Б. Гора).

В состав предприятия с общей численностью персонала в 377 человек, кроме мастерских (располагались на территории коксохимического завода), вошли котельный цех (в километре к северу от химзавода), такелажная артель (базировалась в районах химзавода, Кемеровского рудника и Щегловской шахты), мастерские школы ФЗУ (на территории химзавода), литейная мастерская (Кемеровский рудник). В течение первых двух лет на площадке около котельного цеха были построены новые механический, литейный, ремонтный, кузнечный цехи и парокотельная. Предприятию был передан весь станочный парк коксохимзавода. Доставка от станции материалов и других грузов осуществлялась гужевым транспортом, дефицит которого, как и воды для технических нужд, остро ощущался⁷. Рядом с цехами возник рабочий поселок-колония. Контора завода, вступившего в строй в 1930 году, вначале располагалась в общежитии — так называемом Доме холостых⁸.

Становление трудового коллектива сопровождалось преодолением многих трудностей, о которых говорилось на совещании партийного и профсоюзного актива предприятия в мае 1930 года. Его участники сообщали об отсутствии единоначалия, о непрекращающихся переделках на строительных объектах из-за ошибок в чертежах, противоречивых указаний проверяющих лиц из «Сибугля», большой текучести кадров, групповых увольнении рабочих и, как следствие, — невыполнении промфинплана⁹.

В 1931 году завершилось строительство деревянного здания заводоуправления, на первом этаже которого раз-

1 ГАК. Ф. Р-285. Оп. 4. Д. 25. Л. 1–7.

2 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 257. Л. 73.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 259. Л. 201; Оп. 8. Д. 3. Л. 20–21.

4 Цит. по: Чуднов А. Ф., Чуднов И. А. История Кемеровского углеперегонного завода... С. 40.

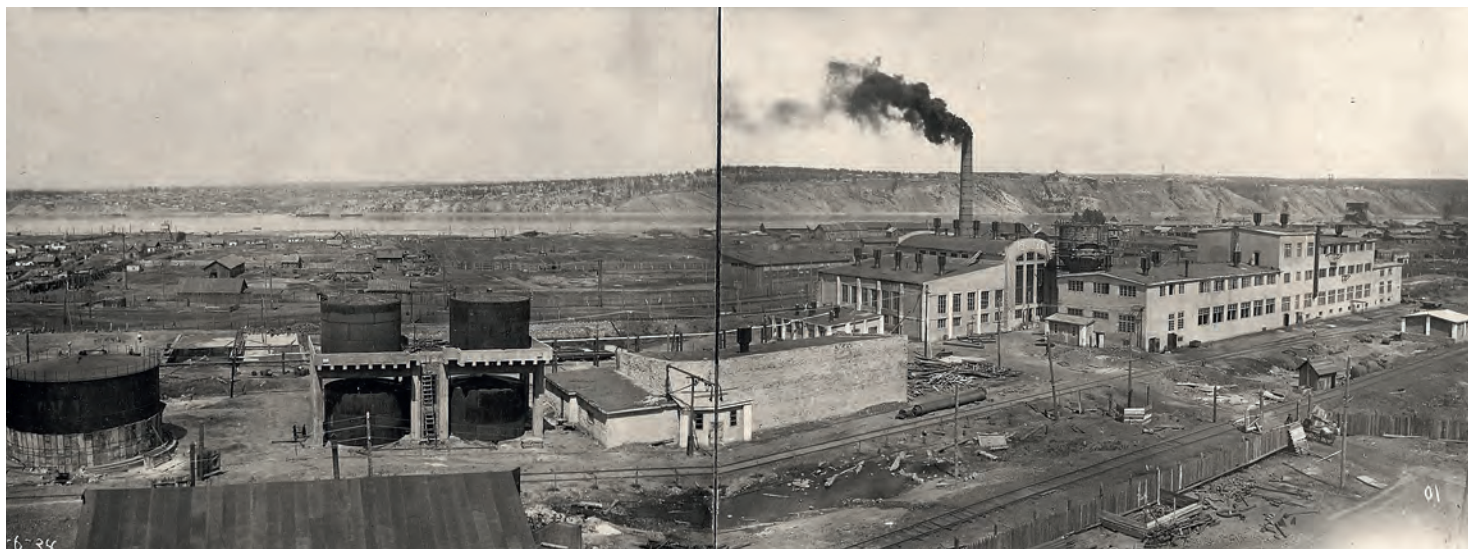
5 Баев О. В. Иностраный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX — начало XX в.). Кемерово, 2004. С. 129.

6 Кузбасс. 1932. № 258. 6 ноября.

7 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 227. Л. 61, 62.

8 Завод и люди. 85 лет Кемеровскому механическому заводу. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014. С. 20.

9 Кузбасс. 1930. № 123. 1 июня.

Панорама Кемеровского механического завода. 1934 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 781

местился социальный блок (завком, отдел кадров, коммунальный отдел, комитет комсомола, красный уголок, библиотека общего пользования, столовая, магазин, сберкасса), на втором — все производственные отделы, партийное бюро, техническая библиотека.

С самого начала работы завода стало ясно, что его производственные мощности не могли удовлетворить потребности в ремонте и изготовлении горного оборудования для шахт всего Кузбасса. С этой целью в 1931 году после реконструкции производительность котельного цеха была увеличена в два раза, на 800 кв. метров увеличились площади механического цеха, в котором монтировалось только импортное оборудование.

В январе 1932 года на III Щегловской городской партийной конференции в выступлениях делегаты-заводчане с тревогой отмечали неудовлетворительную работу по переводу мехзавода с численностью коллектива в 1 085 человек на хозрасчет, наличие в цехах множества недостатков и простоев, указывали на то, что предприятие пока не перешло на полное обслуживание угольных предприятий, отсутствовал промфинплан, выполнялись заказы, не имеющие отношения к углю, на слабое руководство со стороны «Кузбассугля»¹. «До сих пор, кроме лебедок, колонковых и скреперных, дозирующих двойных стопоров и воздухоборников для массового производства, ничего не получили <...> Отсутствие заказов, которые бы можно было производить массовым порядком, — как считал директор завода т. Крастин, — упирается в отсутствие стандартных проектов, которые делает проектный сектор Кузбассугля. Проекты, проектируемые Гипрошахтом в Томске, поражают своей анархической разнообразностью, нет ни одного заказа, который бы совпадал своей формой-размером с уже ранее выполненными, а это создает невероятные трудности работникам мехзавода», — писала газета «Кузбасс»².

В течение первых трех кварталов 1933 года производственная программа выполнялась только на 72%, производительность труда составила 92% от плановой, а себестоимость — 110%, в цехах хромали производственная и трудовая дисциплина. В конце 1933 года директором завода был назначен Д. М. Обухов — бывший руководитель сектора механических заводов «Кузбассугля». В течение следующих трех кварталов коллектив предприятия не знал прорывов³.

С 1934 года на заводе был введен внутрихозяйственный хозрасчет. Для этого потребовалось укрепить состав инженерно-технических работников цехов, обучить калькуляции цеховой себестоимости, показатели которой были введены в отчетность⁴. Трудовой победой явилось завершение 30 марта изготовления первого горного комбайна длиной 100 метров инженера Строилова. Для проведения испытаний комбайн прямо с завода был отправлен на Прокопьевский рудник⁵.

Заводчане с сентября 1935 года активно поддержали недавно возникшее стахановское движение и начали борьбу за перевыполнение индивидуальных заданий. Годовую программу 1935 года завод выполнил на 27 дней раньше срока. Сталевар литейного цеха П. А. Кузнецов, увеличив срок эксплуатации футеровок, вместо прежних 8–9 плавок стал делать 36⁶. Появились так называемые двухсотники. Их было около трехсот человек, как, например, Герт, Деметьев, Романов и другие, систематически перевыполнявшие сменные нормы на 200 процентов и более⁷. Обратной стороной проявлений трудового энтузиазма на заводе являлась высокая текучесть кадров, которая в 1935 году составила 65,9%, а в 1936 году — 44,9%⁸.

3 Кузбасс. 1934. № 145. 17 июля.

4 Кузбасс. 1935. № 193. 3 октября.

5 Кузбасс. 1934. № 74. 10 апреля.

6 Кузбасс. 1935. № 244. 17 декабря.

7 Кузбасс. 1936. № 199. 15 октября.

8 ГАК. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 38. Л. 10, 11 об.

2 Кузбасс. 1932. № 37. 14 февраля.

Строители Кемеровского азотно-тукового завода. 1930-е // Химпром. Славные традиции и самоотверженный труд! 1938–2008. Кемерово, 2008

В 1939 году в числе правофланговых стахановского движения была многочисленная группа передовиков: Храменко, выполнивший годовой план на 246%; Другин — 197%; модельщица Загуляева — 229%; сталевар Кузнецов — 223%; токарь Шаповалов — 239%, формовщица Н. Д. Яковлева — 200%, многостаночники А. М. Лаврушин, П. В. Шулятьев, Ф. Браун¹.

В это время основными видами изделий предприятия были посадочные машины КБУ, скипы, вентиляционные трубы, железнодорожные костыли, скреперные лебедки, ленточные конвейеры, скребковые конвейеры «Джефри», плиты очажные². Его деятельность постоянно находилась в центре внимания не только у руководства Кемеровского рудника, но и горсовета. В октябре 1940 года на заседании его президиума были заслушаны объяснения директора товарища Фролова по поводу снижения в III квартале прироста выпуска валовой продукции, производительности труда, увеличения потерь от брака и отсутствия стахановских школ передового опыта³.

В 1930-е годы в Кузбассе не было шахты, а в Кемерово — ни одной крупной стройки и предприятия, которые бы не имели продукцию механического завода. В 1939 году его жилищный фонд насчитывал 15 722 кв. м (проживал почти весь персонал, или более 950 работников, не считая чле-

нов семей) против 5 тыс. кв. м в начале 1930-х годов⁴. Заводчане принимали активное участие в общественной, культурной и спортивной жизни города.

Азотно-туковый завод (АТЗ). Попутный газ, выделявшийся при коксовании угля, считался дешевым сырьем для производства азотных удобрений. В этой связи ВСНХ в конце 1929 года принял решение о строительстве в Щегловске рядом с коксохимзаводом предприятия по выпуску азотных удобрений. Решение было окончательно утверждено Центральным комитетом ВКП(б) 15 января 1932 года, а 27 декабря нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе издал приказ об образовании в Кемерово построечного управления «Азотстрой»⁵.

Выбор площадки для будущего завода и рабочего поселка горсовет обсуждал еще 15 октября 1931 года и определил его местоположение, включая территорию бывшего стекольного завода, рядом с цинковым заводом и ТЭЦ коксохима⁶. Окончательно участок земли был выделен решением Кемеровского горисполкома от 11 марта 1933 года. Его освоение началось 15 марта с изучения грунтов. В апреле первые бригады строителей ста-

ли возводить вспомогательные цехи и склады, временные служебные помещения и в районе Топкинского лога — землянки и «засыпушки» поселка. К рытью котлована первого заводского объекта, центральной лаборатории, приступили 21 июня. Эту дату принято считать днем начала строительства завода. К этому времени на площадке насчитывались уже 630 азотостроевцев⁷. 26 августа в торжественной обстановке на митинге первый начальник строительства АТЗ В. С. Уваров в котловане заложил первый камень фундамента будущего гиганта химической промышленности страны стоимостью в 60 млн рублей. Ввод его в эксплуатацию был запланирован на конец 1934 года. Продукция АТЗ рассматривалась также в качестве сырья для заводов искусственного волокна и анилинокрасочного, строительство которых предполагалось по соседству в ближайшем будущем.

Укладка железнодорожной ветки от разъезда перед комбинатом до строительной площадки была закончена 23 сентября 1933 года. Начинались работы по рытью котлованов для основных цехов: водородно-синтетического

4 Завод и люди. 85 лет Кемеровскому механическому заводу... С. 18.

5 Бельков В. И. О некоторых вопросах создания Кемеровского азотно-тукового завода в документах ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (1933–1938) // Балибаловские чтения: мат-лы Седьмой науч.-практ. конф., посв. 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013 г. Кемерово, 2013. С. 12–15.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 278. Л. 203.

7 Кемеровский азотно-туковый / ред. Н. С. Шушканов. Кемерово, 1968. С. 6, 11, 13; Кузбасс. 1933. № 6. 6 января.

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 253. Л. 49; Кузбасс. 1940. № 17. 21 января.

2 ГАК. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

3 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 955. Л. 99.

(октябрь 1933), концентрации азотной кислоты и цеха метан-селитры (июнь 1934), аммиачной селитры (июль 1935), грануляционных башен (сентябрь 1935), других цехов, лабораторий и складов. Основной тягловой силой была лошадь. На всех участках бригады землекопов, плотников, арматурщиков, бетонщиков и других профессий, не имея средств механизации, кроме одного маломощного экскаватора, работали ударными темпами, существенно перевыполняя сменные задания.

Проектная мощность завода в течение 1933–1936 годов неоднократно менялась и колебалась в пределах 60, 75, 100 тыс. тонн аммиака и окончательно была утверждена при-

Строительство азотно-тукового завода в Кемерове, 1930-е // Из фондов музея истории завода «Химпром»

казом Наркомтяжпрома лишь в августе 1937 года в объеме 72 тыс. тонн синтетического аммиака в год. В связи с периодическим изменением производительности проект завода неоднократно перерабатывался институтом «Гипроазот». Некоторые крупные объекты приходилось перестраивать, одновременно производственные и строительные программы корректировали основные поставщики сырья и энергии: коксохимзавод и Кемеровская ГРЭС¹. Изменения проекта обуславливали значительные потери ресурсов и времени в условиях хронического недостатка строительных материалов и рабочей силы, особенно землекопов и плотников.

Итоги работы Азотстроя за 1933 год были признаны неудовлетворительными, так как при освоении 2,2 млн рублей капиталовложений программа по строительству и монтажу была выполнена лишь на 72,4%, а по возведению жилья — на 71,2%. В вину руководству вменялись недостатки при ведении «финансово-материальных дел, слабое маневрирование и использование имеющихся ресурсов и значительные дефекты в организации труда и технического нормирования»². На следующий год предстояло освоить капиталовложений в объеме 16,2 млн рублей.

В целях усиления притока рабочей силы в 1934 году Запсибкрайкомом ВЛКСМ был объявлен комсомольский призыв на Азотстрой. В течение года по комсомольским путевкам прибыли более 500 молодых рабочих, из кото-

рых формировались комсомольско-молодежные бригады. Современников поражала выносливость людей, которые не прекращали работы ни в дождь, ни в мороз. Далекими пределами стройки были известны трудовые достижения ударных комсомольско-молодежных бригад бетонщиков Ю. С. Молчанова и В. С. Рекунова, землекопов Ф. Ф. Зиновьева и Н. П. Горбунова, арматурщиков М. М. Медведева. За год строители вынули 78 тыс. кубометров грунта, уложили 4,3 тыс. тонн бутобетона, более 2 млн штук кирпича, выполнили 54,7 тыс. кв. м плотницких работ. По итогам 1934 года Азотстрой (главный строитель А. Н. Лебедев) освоил 98,6% выделенных капиталовложений³.

Для монтажа оборудования в 1935 году была организована строительная контора «Азотхиммонтаж», которая 22 сентября приступила к установке первого технологического аппарата — промывной колонны. После допущенного в первом полугодии прорыва, выразившегося в невыполнении плановых заданий на 50%, партийные и советские власти Кемерова под лозунгом «Все для Азотстроя!» мобилизовали городские учреждения и организации на оказание помощи по своим направлениям деятельности. Особое внимание уделялось вопросам культурно-бытового обслуживания рабочих и инженерно-технических работников: сформирована библиотека с солидным книжным фондом отделов технической и художественной литературы, на территории предприятия развернута продажа всех книжных новинок, расширена сеть торговых точек и улучшен ассортимент товаров, смонтирован 30-ваттный радиоузел с обслуживанием 700 радиоточек, включая рабочий поселок, открыты автобусные рейсы на шахтстроевский поселок. Школы Азотстроя были укомплектованы лучшими педагогами⁴.

Несмотря на то что азотно-туковый завод в 1936 году так и не был сдан в эксплуатацию, строительная программа оказалась перевыполненной на 121% за счет высоких темпов возведения объектов жилищного, коммунального и культурного назначения.

Крыша делалась из стекла, чтобы в случае аварии взрывная волна направлялась вверх, сохраняя стены и внутренние помещения.

В 1937 году дважды, на 15 апреля и 20 августа, намечался срок сдачи предприятия. Однако лишь 22 января 1938 года был закончен монтаж первой нитки промышленного водовода, с марта начались работы по пуску агрегатов во всех цехах. И только 21 июля 1938 года в водородно-синтетическом цехе получена первая тонна аммиака, а в цехе азотных удобрений — первые килограммы аммиачной селитры. В тот же вечер в кинотеатре «Москва» директор АТЗ Г. И. Вилесов на заседании городского партийного актива рапортовал о том, что азотно-туковый завод (в будущем —

1 ГАК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 753. Л. 9.

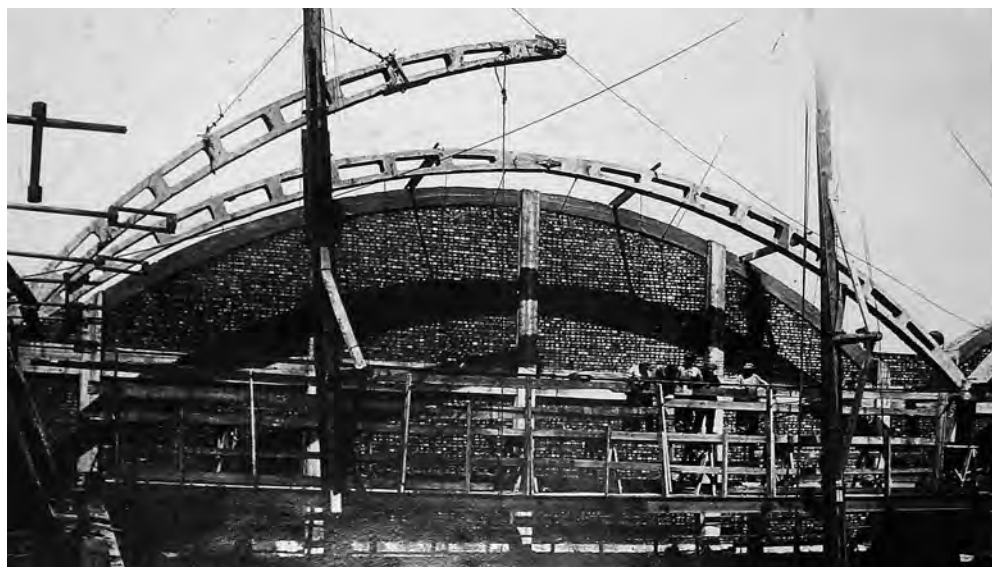
2 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 99. Л. 72.

3 ГАК. Р-197. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

4 Кузбасс. 1935. № 149. 2 августа.

Химпром) вступил в строй и уже есть первые тонны аммиака¹.

Как и остальные крупные предприятия Кемерово, ход строительства предприятия постоянно лихорадило из-за дефицита квалифицированных специалистов строительных специальностей и эксплуатационников, как следствие — высокой аварийности технологического оборудования и механизмов, распыления средств по многочисленным объектам вместо их концентрации на первоочередных. Ритмичная работа АТЗ во многом зависела от

Монтаж крыши завода. 2 августа 1935 // Из фондов музея истории завода «Химпром». Крыша делалась из стекла, чтобы в случае аварии взрывная волна направлялась вверх, сохраняя стены и внутренние помещения

своевременной поставки сырья. Часто предприятие работало ниже своих возможностей, отдельные цеха останавливались из-за перебоев в снабжении со стороны коксохимзавода паром высокого давления².

Часто менялись первые руководители Азотстроя как не справившиеся с обязанностями или по надуманным политическим мотивам³. После В. С. Уварова (отозван на работу в ЦК ВКП(б) в течение 1935–1936 гг.) сменились еще два начальника строительства: В. Ф. Соколовский и В. В. Щипанов. Только в течение девяти месяцев 1937 года руководителями Азотстроя побывали П. Т. Лебедев, Штагер, И. П. Ершов, а также И. А. Каттель и Г. З. Никитин (начальник Кемеровокомбинатстроя и его заместитель). С сентября 1937 года Азотстрой был ликвидирован и строительство возглавил директор завода Г. И. Вилесов (в октябре 1938 г. арестован по политическим мотивам, через два года освобожден)⁴.

После ввода завода в эксплуатацию его коллектив освоил выпуск более 50 видов химической продукции: аммиака, минеральных удобрений, каустика, аммиачной селитры, азотной кислоты и др. В предвоенные годы больше половины его работников были ударниками, многие осваивали смежные профессии. За перевыполнение производственных показателей и расширение ассортимента химической продукции в течение трех кварталов 1939 года заводу (директор — П. Т. Лисицын) трижды присуждалось переходящее Красное Знамя Наркомата химической промышленности и ЦК союза «Азотспецхимии». 17 июня 1939 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР предприятию было присвоено имя недавно прошедшего XVIII съезда ВКП(б).

К этому времени на заводе активно функционировала система повышения квалификации на рабочих местах через наставничество, на специальных курсах, в заочных и вечерних учебных заведениях. Работала трехгодичная школа мастеров социалистического труда. В течение двух предвоенных лет за трудовые успехи 14 работников были награждены наркомовским знаком «Отличник химической промышленности» и 11 человек — значком «Победитель социалистического соревнования». Среди награжденных были начальник цеха А. И. Рукавишников, начальники смен М. И. Петрачков и Кузнецов, аппаратчики А. В. Махтаруллин, В. М. Арзютов, слесарь В. П. Мартынюк и другие.

Комбинат № 392. 26 ноября 1931 года Совет труда и обороны принял Постановление о строительстве в районе Щегловска комбината № 392 (более поздние названия — завод «Ракета», п/я 120, «Прогресс») по производству взрывчатых веществ⁵.

На совещании руководителей промышленного строительства и инженерно-технических работников при Президиуме Кемеровского горсовета 19 декабря 1932 года был рассмотрен ход проектирования площадки для предприятий Кемеровского промышленного комплекса. Уполномоченный Наркомтяжпрома Б. О. Норкин в докладе положительно оценил вариант размещения будущего комбината № 392 Главхимпрома на правом берегу Томи, увязав условия его проектирования с идеями, которые следовало учесть при составлении генерального плана Кемерово, и размещением уже имеющихся и строящихся заводов⁶.

1 ГАК. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 116. Л. 36.

2 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 217. Л. 22–23.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 215. Л. 1–5.

4 Бельков В. И. О некоторых вопросах создания Кемеровского Азотно-тукового... С. 16.

5 Солодов Г. А. Комбинат № 392 в период Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: мат-лы науч. конф. Кемерово, 2000. С. 26.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 337. Л. 7, 7а, 26.

Президиум горсовета 4 июля 1933 года согласовал площадку 1 100 га на правом берегу Томи к югу от деревни Евсеевой¹. В августе началось строительство гиганта химической промышленности. Директором завода был назначен Б. А. Гамов, который руководил предприятием до 1941 года. Первыми объектами строительства стали лесозавод, бетонный узел, гравиемойка, деревянные рубленые дома на территории цеха № 5. В 1934 году по территории будущего предприятия были проложены центральная дорога, подъездные железнодорожные пути, появилась водоканализация. Началось строительство ремонтно-механического завода.

В 1938 году завершилось строительство первой очереди производств: № 1 — серноокислотного, № 3 — пироксилинового, № 4 — эфирного, № 5 — порохового. 19 декабря 1939 года из третьего цеха по технологическому потоку на склад пошла первая продукция. Этот день стал считаться днем рождения комбината.

29 декабря 1939 года Государственная комиссия приняла комбинат в эксплуатацию. К этому времени были возведены или находились на стадии строительства более 200 промышленных зданий, сданы в эксплуатацию свыше 90 км всякого рода подземных сооружений, начался выпуск некоторых видов продукции гражданского назначения. За высокие производственные показатели восемь лучших стахановцев были награждены орденами и медалями СССР: орденом Трудового Красного Знамени — С. М. Вотдулин (каменщик ТЭЦ), В. С. Шелепов (фрезеровщик ремонтно-механического завода); орденом «Знак Почета» — И. И. Никитин (каменщик «Жилкомстроя»), М. К. Отдельнов (бригадир-электрик ремонтно-механического завода), П. Ф. Шаратов (десятник ТЭЦ); медалью «За трудовое отличие» — А. К. Баранов (паяльщик по свинцу «Союзхиммонтажа»); медалью «За трудовую доблесть» — А. Л. Затаковой (прораб высоковольтной линии передач), М. Г. Кузнецов (мастер паросилового хозяйства ТЭЦ)². Первая партия пороха на комбинате была выдана 14 апреля 1940 года.

Цинко-свинцово-серноокислотный (электролитный) завод. Проектирование первого в стране электролитного завода по производству цинка, серной кислоты и свинца с первоначальной стоимостью 43 млн рублей велось институтом Гипроцветмет (Москва)³. На основании постановления Президиума Запсибкрайисполкома от 2 октября 1930 года президиум Щегловского горсовета 24 октября 1930 года своим решением выделил тресту «Цветметзолото» площадку под будущее предприятие со сносом расположенных на ней складов Потребсоюза и жилых строений во II–III кварталах⁴. После завершения в течение 1930–1933 годов строительства завода планировался его выход на годовую проектную мощность в объеме 50 тыс. тонн электролитного цинка, 10 тыс. тонн свинца и 100 тыс. тонн серной

кислоты. В качестве сырья рассматривалась руда Зырянской и Риддерской обогатительных фабрик с ее транспортировкой по железной дороге и водным путем по Иртышу.

Построечное управление «Цинкстрой» (начальник Дорожкин) было организовано 24 сентября 1930 года. В 1931 году планировалось возвести ремонтно-механические и деревообделочные мастерские, фундаменты под здания обжигового, электролитного цехов, в 1932 году — склад концентратов и помещения других основных цехов.

Первоначальный проект завода имел существенный недостаток — он не был увязан с возможностями строящихся предприятий Кемерово в части электро- и газоснабжения с прокладкой соответствующих магистральных сетей. Оставалась неопределенность по источникам финансирования и исполнителям, сооружению железнодорожной ветки, теплофикационной линии, водопровода, канализации, основных кабельных линий и подъездных дорог. Эскизные чертежи зданий неоднократно переделывались и направлялись в Кемерово с длительными задержками. На переделку объектов приходилось дополнительно тратить время, значительные финансовые и материальные ресурсы⁵.

В 1931 году на территории будущего завода (главный инженер строительства Г. М. Маковский) начались работы по сооружению подсобных цехов. В целях заготовки местных стройматериалов горсовет обязал коммунальный трест выделять Цинкстрою автотранспорт, а колхозу им. Карла Маркса (село Мозжуха) — гужевой транспорт. Только в течение зимы 1931/32 года из карьеров в окрестностях села следовало вывезти 70 тыс. куб. м песка, гравия, камня. Однако щегловские власти были вынуждены переключать автотранспорт на выполнение более важных для города задач (лесозаготовку, вывозку угля), поэтому к марту 1932 года зимний план по обеспечению стройплощадки местными стройматериалами был выполнен лишь на 25%⁶.

Изначально Цинкстрой не располагал в достаточном количестве механизмами (рельсами легкого типа, вагонетками, лебедками, тросами и т. д.) и квалифицированными кадрами. Решением указанных проблем пытался активно заниматься горсовет, в том числе путем расселения из выделенных заводу бараков работников других предприятий и организаций. Члены строительной секции горсовета неоднократно инспектировали ход работ и отмечали неудовлетворительную организацию внедрения хозрасчета и сдельщины, соцсоревнования и ударничества. Совместно с активом завода они обсуждали меры по ликвидации недостатков. Практическая помощь членов горсовета выражалась в организации детских яслей, воскресников по посадке и уборке огородных культур, очистке производственной территории от мусора и жилых бараков от нечистот.

В конце декабря 1931 года из-за необеспеченности завода со стороны «Цветметзолота» инженерно-техническим

1 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 410. Л. 3.

2 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 253. Л. 48, 219.

3 Кузбасс. 1930. № 245. 28 октября.

4 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 212. Л. 42 об.; Д. 206. Л. 331, 424.

5 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 278. Л. 39–41, 64–65.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 268. Л. 9, 86, 86 об.

персоналом, строительными материалами и продовольствием значительная часть работ на строительной площадке была законсервирована. С 1 063 рабочими, при общей их численности 1 500 человек, расторгли договоры.

В 1932 году фактическое финансирование строительства Кемеровокомбинатстроя с 1 апреля в его состав вошел и Цинкстрой, в котором по состоянию на 1 октября трудились 700 работников. Распоряжением «Спецметзолота» с 1 октября 1932 года строительство Кемеровского цинкового завода вновь было законсервировано. До его возобновления и с целью сохранения принадлежащего Цинкстрою обширного коммунального хозяйства действующие подсобные предприятия (механический и деревообделочный цехи, кирпичный и лесопильный заводы) переводились на самокупаемость².

В марте 1934 года на Цинкстрое (начальник Шихалев) в минимальном объеме (по печному цеху и складу) были возобновлены работы в рамках строительства серноокислотного производства³. Только в августе 1935 года Гипроцветмет закончил составление технического проекта обжига цинка методом электролиза⁴. Однако к этому времени возобновление строительства цинкового завода оказалось экономически нецелесообразным из-за высокой стоимости привозной риддерской руды. Салаирское месторождение могло удовлетворить потребности только Беловского цинкового завода «Сибирский первенец», уже вышедшего на плановую мощность. Кроме того, требовались значительные вложения для наращивания дополнительных энергоемностей Кемеровской ГРЭС. Ощущался острый дефицит местных материалов в условиях форсированного строительства в Кемерове таких гигантов химической промышленности, как коксохимзавод, азотно-туковый завод и комбинат № 382. Вялотекущий процесс возведения предприятия с его периодическими консервациями не позволил сформировать костяк квалифицированных специалистов в области технологии гидрометаллургического производства цинка.

По настоянию руководства Кемеровокомбинатстроя в 1934 году цинковый завод был выведен из списка пусковых объектов. На базе оборудования серноокислотного производства планировалось открытие завода. К концу 1935 года работы по его проектированию были завершены, оплачена поставка андезита для башен и огнеупора печей Веджа для обжига сернистых руд. В 1937 году серноокислотный завод уже находился в составе азотно-тукового завода⁵.

С завершением к концу 1930-х годов основной программы строительства и ввода в эксплуатацию кемеровских химических заводов (коксохима, азотно-тукового

и № 392) вкуче с Кемеровской ГРЭС и Кемеровским рудником, промышленный Кузбасс пополнился крупнейшим в Сибири химическим комбинатом со взаимосвязанными между предприятиями технологическими процессами по переработке кузнецких углей.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРОЕКТЫ. К 1932 году руководство Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР и его главных управлений, отвечавших за химическую промышленность, определило дополнительный перечень предприятий союзного подчинения в составе Кемеровского промышленного комплекса, которые планировалось построить в течение 1930–1937 годов с суммарным капиталовложением в размере около 2 млрд рублей. В перечень были включены: углеобогащательная фабрика (время возведения — 1933 г.), вискозная фабрика (1933–1934), лакокрасочный комбинат (1936–1937), парфюмерно-фармацевтический комбинат (1936–1937) и целлюлозный (пластмассовый) завод (1934–1935).

В декабре 1932 года на совещании руководителей крупных промышленных строек при президиуме Кемеровского горсовета в ходе обсуждения общей схемы расположения в черте города заводов поднимался вопрос о строительстве металлокомбината на Суховской площадке⁶. Однако уже в 1933 году по настоянию руководства Кемеровокомбинатстроя из планов Наркомтяжмаша на II пятилетку строительство в Кемерове крупного металлургического завода было исключено.

В 1933–1935 годах геологическая служба Кемеровокомбинатстроя занималась дальнейшим изучением и оценкой месторождений сапропелитовых углей, поиском болотной руды, а также проявлений выхода на поверхность нефти. В апреле 1935 года в научных кругах города большой интерес вызвало сообщение инженера А. Тыжнова, обнаружившего следы нефти при бурении на Барзасе скважины № 99. В июле — начале августа в целях «систематического и массового изучения природных богатств» был организован комсомольский геологический поход по центральной части Кузбасса. Его участникам удалось обнаружить 34 пласта угля (в районе рек Терсюк, Ячменюха, Нижняя Терсь, Бунгарап и др.), несколько пластов горючего сланца, от местного населения получены сообщения о возможном нахождении нефти в некоторых районах Кузбасса⁷.

Осенью 1935 года «Главнефть» направила в Кузбасс пять поисковых партий (электроразведочную, магнитометрическую и три — газовой съемки). В районе деревни Дмитриевки были пробурены скважины и на глубине 36–39 метров обнаружены битумы и густая нефтеподобная субстанция, при легком нагревании переходившая в жидкое состояние и легко воспламенявшаяся от спички. Руководство геологоразведочной партии поспешило сделать вывод об открытии месторождения нефти. Чуть позже стало ясно, что говорить об этом преждевременно. Для дальнейших поисков и выхода на положительный результат, по

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 38. Л. 10 об.; Д. 40. Л. 83–84.

2 ГАК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 203. Л. 1.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 99. Л. 94; Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 471. Л. 8 об.

4 Кузбасс. 1935. № 170. 30 августа.

5 ГАК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 539. Л. 7; Д. 753. Л. 27.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 268. Л. 36, 127; Д. 275. Л. 179.

7 Кузбасс. 1935. № 84. 29 апреля; № 180. 14 сентября.

мнению академика И. М. Губкина, требовалось бурение скважин значительно большей глубины. В 1937 году Кемеровокомбинатстрой закупил станки глубокого бурения и перевез на место разведок. Приказом Наркомтяжпрома от 5 мая 1937 года все работы по нефтеразведке были переданы Новосибирскому геолтресту¹.

Президиум Кемеровского горсовета неоднократно при утверждении контрольных цифр на очередной финансовый год предусматривал строительство в городе новых химических заводов. В 1937 году ожидалось начало работ по камфорному заводу и заводу по выпуску пластмасс².

На основании решений XVIII съезда ВКП(б) III пятилетка стала новым периодом масштабного планирования по размещению в Кемерове крупных предприятий союзного подчинения. В сентябре 1938 года по ходатайству Главкраски в районе закрытой Щегловской шахты была выделена площадка под строительство анилинокрасочного завода. В ноябре 1938 года в Кемеровском горкоме ВКП(б) состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о строительстве ферросплавного завода в районе между совхозом «Металлплощадка» и городом³, а в мае 1939 года на президиуме горсовета — сообщение комиссии Наркомцветмета о выборе площадки под строительство алюминиевого завода с электростанцией⁴. В течение 1939 года были проведены работы по съемке площадки для трубопрокатного завода на участке бывшего Цинкстроя (45 га), в районе аэропорта — заводов среднего химического машиностроения и противопожарного оборудования. Окончательное решение о строительстве трубопрокатного завода было закреплено постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 июня 1940 года⁵. В сентябре в целях предоставления требуемой площадки состоялось решение горсовета о сносе большого района жилых бараков с южной границей — в 100 метрах от Дворца труда⁶.

В августе 1939 года Наркомат электропромышленности принял решение о строительстве рядом с площадкой Цинкстроя завода электрооборудования для изготовления из пластмассы штепселей, розеток, выключателей, патронов и др. На предприятии с производственной мощностью 35 млн рублей продукции в год предусматривалась занятость 1 400 рабочих. В том же месяце из Москвы прибыла группа инженеров для проведения соответствующих геологических изысканий и геодезических съемок⁷.

На заседании президиума горсовета 11 октября 1939 года по докладу комиссии Наркомхимпрома было принято решение выделить Суховскую площадку площадью 40 га, отведенную в 1932 году несостоявшемуся металлзаводу, под строительство завода синтетического каучука «Сов-

прен», завода карбида кальция и уксусной кислоты, завода электролитического каустика и теплоэлектроцентрали⁸. В сентябре 1940 года горисполком обсуждал вопрос о планах Наркомата текстильной промышленности по строительству в Кемерове ситце-сатинового комбината и кирзовой фабрики. Для этой цели был зарезервирован участок площадью 30 га в районе улиц Достоевского и Маяковского до границы с аэродромом. В ноябре 1940 года по ходатайству Наркомата нефтяной промышленности в районе кирпичного завода № 3 был выделен участок площадью 120 га под строительство завода искусственного жидкого топлива⁹.

Конечно, город при наличии в промышленном секторе многих проблем, характерных для 1930-х годов (хронического дефицита квалифицированных кадров, неудовлетворительной организации и нормирования труда, низкого качества оборудования и механизмов, неразвитой социальной инфраструктуры, отсутствия опыта проектирования промышленных гигантов и других не менее важных обстоятельств с их неизбежными отрицательными последствиями), не имел возможности одновременно переварить реализацию такого количества больших проектов. В то же время городские власти не смели отказать всемогущим наркоматам в намерении реализовать идею комплексного использования кузбасских углей, других полезных ископаемых и продуктов их переработки. После войны СССР с Финляндией (зима 1939/40) страна усиленно готовилась к отражению ожидаемого вторжения на свою территорию войск фашистской Германии. В этой связи и по другим причинам все вышеперечисленные проекты были либо окончательно отклонены, либо отложены на неопределенный срок.

1 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 162. Л. 99; Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 753. Л. 2; Кузбасс. 1935. № 170. 30 августа; № 84. 29 апреля; № 229. 24 ноября.

2 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 269. Л. 64.

3 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 217. Л. 80–82.

4 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 925. Л. 106; Оп. 5. Д. 3. Л. 38, 50.

5 ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 260. Л. 58.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 279. Л. 14, 104; Д. 926. Л. 124; Д. 949. Л. 219.

7 Кузбасс. 1939. № 148. 16 августа.

8 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 7. Л. 306.

9 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 955. Л. 172; Оп. 5. Д. 9. Л. 104.

§ 4. Цветная металлургия (золотопромышленность и цинковый завод)

Золотопромышленность в годы I пятилетки. К концу 1920-х годов золотопромышленность Кузбасса находилась под управлением двух структур. Алтайские (Горно-шорские), Егорьевско-Салаирские, Кельбесские и Терсинские прииски подчинялись Кузнецкому приисковому управлению Всесоюзного общества «Союззолото». Рудники и прииски, расположенные в бассейне реки Кии, находились в ведении Мариинского приискового управления. Золотопромышленность Кузбасса считалась малоперспективной, так как за 100 лет эксплуатации приисков основные месторождения были выработаны. Надежды возлагались только на рудное золото, которое начали добывать в Мариинской тайге в начале XX века. Но для его извлечения требовалось построить специальные заводы и фабрики. Россыпное золото планировалось добывать с помощью новых методов — гидравлической размывки песков и использования драг.

«Союззолото» практически не вело разведочные работы. Тем не менее первый пятилетний план предусматривал постепенное увеличение золотодобычи в Кузбассе.

Из таблиц 59, 60 видно, что планы по добыче золота в Кузнецком округе рассчитаны с ежегодным ростом 100 кг. Однако по районам добыча была неодинаковой. Рост предусматривался в Алтайской, Кельбесской и Терсинской группах приисков. На приисках Егорьевско-Салаирской группы планировалось снижение золотодобычи, так как местные прииски были выработаны. Технология добычи должна была также измениться. В течение пяти лет планировали большую часть золота добывать за счет развития гидравлического способа, а также использования драг. Первоначально намеревались запустить три драги. Мускульный способ должен был постепенно сократиться до минимума, закупка золота у вольнопринесителей также должна была уменьшиться в разы. Пятилетний план предусматривал строительство жилищ, больниц, амбулаторий для рабочих и значительное усиление технического персонала за счет приглашения на работы инженеров, техников.

Этот пятилетний план был принят на заседании бюро Кузнецкого райкома ВКП(б) 4 декабря 1928 года. Кузнецкому отделению «Союззолото» было предписано в короткие сроки укомплектовать квалифицированными специалистами все прииски; принять все необходимые меры

Таблица 59

Пятилетний план добычи золота в Кузнецком округе в 1928–1933 годах, кг

Группа	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Алтайская	250	320	380	450	470
Егорьевско-Салаирская	180	170	170	160	160
Кельбесская	120	150	180	210	240
Терсинская	50	60	70	80	130
Итого	600	700	800	900	1000

Таблица 60

Показатели пятилетнего плана добычи золота в Кузнецком округе в 1928–1933 годах, кг

Способ	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
<i>Хозяйское золото</i>					
Гидравлический	36,54	36,54	36,54	36,54	36,54
Дражный			80,80	192,20	222,80
<i>Старательское золото</i>					
Мускульный	218,46	189,19	123,58	48,21	64,12
Гидравлический	289,00	429,27	531,08	602,26	657,54
Вольнопринесимое	56	45	30	20,79	19

Источник: Добыча золота по пятилетнему плану Кузнецкого отделения «Союззолото» // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 318. Л. 24.

к снабжению приисков продуктами и товарами первой необходимости; развернуть дополнительное строительство жилья для рабочих; организовать курсы переподготовки младшего технического персонала; принять решительные меры к предотвращению хищений золота; максимально охватить рабочих и членов их семей медицинским обслуживанием и школьным образованием. В целом было пред-

Сотрудники Кузнецкого главного приискового управления «Союззолота». 1929 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8 доп. Д. 231

писано усилить работу партийных органов в золотопромышленности Кузнецкого округа¹.

В июне 1929 года в Кузнецке состоялось окружное совещание по развитию золотопромышленности. Технический отчет Кузнецкого приискового управления констатировал, что планы по добыче золота не выполняются, а результаты золотодобычи «весьма плачевные». В I квартале 1929 года было добыто всего 13% от плана, во втором — 28%. Наилучшие показатели добычи были на приисках Алтайской и Егорьевско-Салаирской групп, где план выполнялся на 31–37%. Кельбесская группа выполнила план всего на 4%. В течение первой половины 1929 года на приисках действовала 21 гидравлическая установка, 12 из них были новыми, закупленными в текущем году. Большинство установок действовали на «временной воде», то есть питались от талых снегов во время половодья. Присланные из Новосибирска элеваторы были не годны к работе, их пришлось ремонтировать. К июню на приисках работали до 80 артелей, около 1 400 старателей. Большинство рабочих — из

числа новых и неопытных, которые постоянно перемещались от одного прииска к другому с целью поиска наиболее выгодных условий и более высокого заработка. Опытные старатели осели в деревнях и занялись сельским хозяйством, считая его более выгодным занятием².

Доклад управляющего Кузнецким приисковым управлением Гребня подвергся жесткой критике. Особенно сильно возмущались партийные руководители. Так, в сводке, подготовленной заведующим информационным отделом Кузнецкого окружкома ВКП(б) Степановым, было отмечено, что на золотодобычу отпускаются колоссальные денежные средства, а себестоимость добытого золота намного превышает плановые нормы. Оборудование на приисках до сих пор остается «крайне примитивным». В финансовой сфере все запутано так, что есть много места для злоупотреблений. Артели старателей «засорены кулацким и другими чуждыми элементами». В составе технического персонала много «лжеспециалистов», в том числе бывших дворян, офицеров, детей попов и бывших владельцев приисков.

¹ Выписка из решения заседания Бюро Кузнецкого райкома ВКП(б), 4 декабря 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 318. Л. 22.

² Технический отчет Кузнецкого приискового управления «Союззолото» за второй квартал 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 410. Л. 68–71.

Они указывают на несуществующие месторождения золота, на разработку которых уходят десятки тысяч рублей, а в результате ничего не находят. Коммунистические ячейки, существующие на приисках, крайне слабы и пассивны. Данные о золотопромышленности нередко публикуют в открытой печати, несмотря на предписание сохранять конфиденциальность¹.

Резолюция совещания по золоту была выработана в духе того времени и содержала громкие призывы и планы мероприятий общественно-политического характера. От Кузнецкого приискового окружного управления потребовали: снизить себестоимость добычи золота; усилить работу профсоюзных организаций на приисках; увеличить строительство жилплощади; учитывая наличие недооценки золотопромышленности и противопоставление ее угольной отрасли, разослать директивы во все горкомы и райкомы с требованием поддержать добычу золота; развернуть социалистическое соревнование между приисками; поднять политический уровень членов ВКП(б) в ячейках; усилить работу ВЛКСМ и т. п.²

Однако никакие подобные мероприятия не могли решить проблему отставания золотодобычи от плана. В ноябре 1929 года вышло распоряжение «Союззолота» № 198, согласно которому произведено разукрупнение Кузнецкого приискового управления. Егорьевско-Салаирская группа приисков с Уксунайским районом преобразовывалась в самостоятельное приисковое управление с центром в селе Красном. Алтайская группа приисков также получала свое приисковое управление с центром на прииске Спасском. Кельбесская группа передавалась в управление Мартайгинского главного приискового управления. Терсинская группа и Усинская система передавались в ведение Саралинского главного приискового управления (Хакасия). В подчинении Кузнецкого приискового управления осталось лишь «Кузнецкое транспортное агентство». Реформа вступала в силу с 1 января 1930 года. Для ее проведения создавалась ликвидационная комиссия³.

В 1931 году окончательно сформировалась система управления золотодобывающей промышленностью Кузбасса. Сначала было создано Западно-Сибирское управление Всесоюзного объединения по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота, платины — «Запсибцветметзолото». А в декабре того же года управление было преобразовано в Западно-Сибирский трест золотой промышленности — «Запсибзолото». Во главе треста стоял Григорий Иванович Пёрышкин. Управление находилось в Новосибирске. Ему были подчинены все золотодобывающие предприятия Западной Сибири, кроме Змеиногорского рудника. В подчинении «Запсибзолота» оказались также геологоразведочные экспедиции, транспортные колон-

ны, строительные предприятия, разные базы снабжения и перевалочные пункты.

Трест «Запсибзолото» сконцентрировал свою работу на наиболее перспективных рудных месторождениях Мариинской тайги. В 1932 году было ликвидировано Мартайгинское приисковое управление, а вместо него образованы самостоятельные Центральное и Бериккульское рудоуправления. Все прииски были переданы Первомайскому приисковому управлению на руднике Центральном. «Запсибзолото» организовал ширококомасштабные геологические исследования по всему Кузбассу. При этом использовались буровые машины иностранного производства. В результате исследований открыты новые месторождения золота вблизи Берикюля, Центрального, по рекам Кундустуюл, Кийский Шалтырь и другим.

В апреле 1932 года в Томске состоялась Первая краевая конференция золотопромышленности. На ней были подведены некоторые итоги развития отрасли в первые годы пятилетки. Как оказалось, наиболее успешно добыча золота производилась на приисках Первомайского (Мариинская тайга) и Алтайского (Кузнецкая тайга) приисковых управлений. Планы добычи золота здесь были перевыполнены. Успешной была добыча золота в Центральном рудоуправлении, она составила 94% от плана. Егорьевско-Салаирская группа приисков выполнила план на 78%, Бериккульское рудоуправление — на 72%. Кельбесские прииски выдали только 65% от плана. Хуже всего обстояло дело в Кузнецком приисковом управлении, где золотодобыча составила 38% от плана⁴. Реальные объемы добычи золота в первой пятилетке представлены в таблице 18.

Из таблицы 61 видно, что добыча золота Кузбасса в годы I пятилетки росла быстрыми темпами. С 1929 по 1932 год она выросла с 764,4 до 1 209,8 кг, то есть почти в 1,6 раза. Количественный рост был нестабильным. В 1930 году золота было добыто меньше, чем в 1929-м. В 1931 году добыча хоть и выросла по сравнению с 1930 годом, но не превзошла 1929 год. Максимальный рывок произошел в 1932-м, когда золотодобыча выросла сразу на 470 кг. Соотношение рудного золота и россыпного увеличилось в пользу первого. В Мариинской тайге рудное золото составляло 75–80% от всей золотодобычи. В Кузнецкой тайге и на Салаирском кряже все добытое золото было россыпным.

Если сравнить план I пятилетки по золотодобыче в Кузнецком округе с реальными показателями, то можно заметить, что он не был выполнен. Алтайское приисковое управление по плану за пять лет должно было добыть 1 870 кг золота, а добыло за четыре года 546,4 кг. Егорьевско-Салаирское приисковое управление должно было добыть 840 кг, а добыло всего 453,9 кг. Данные по Кельбесской и Терсинской группам приисков неполные, но и они демонстрируют значительное отставание от плановых показателей.

1 Сводка о состоянии золотопромышленности Кузнецкого округа, 1929 год // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 410. Л. 55–65.

2 Резолюция по докладу о работе Кузнецкого отделения «Союззолото», 26 июня 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 410. Л. 66–67.

3 Распоряжение № 198 по «Союззолоту», 15 ноября 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 410. Л. 93–93 об.

4 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук, Томск, 2005. С. 110.

Таблица 61

Добыча золота на предприятиях Кузбасса в 1929–1932 годах, кг

Предприятие		1929	1930	1931	1932
Центральное рудоуправление	Мартайгинский комбинат (до 1932 г.)			264,5	515,0
Берикульское рудоуправление				89,6	134,7
Первомайское приискное управление		565,8	500,4	78,5	128,8
Кельбесский прииск				35,2	31,7
Всего		565,8	500,4	467,8	810,2
Алтайское приискное управление	Кузнецкий комбинат (до 1 января 1930 г.)	198,6	73,3	110,4	164,1
Егорьевско-Салаирское приискное управление			124,1	129,5	200,3
Пезасский прииск				28,7	35,2
Всего		198,6	197,4	268,6	399,6
Итого		764,4	697,8	736,4	1209,8

Источник: Гутак О. Я. Золотопробышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 216.

Любопытные выводы можно сделать, если сравнить золотопробышленность Кузбасса накануне и в годы Первой мировой войны с показателями I пятилетки. В 1912–1916 годах средние показатели золотодобычи Кузбасса (Маринская и Кузнецкая тайга, Салаирский кряж) составляли 100,2 пуда в год, или около 1 640 кг. Средние объемы золотодобычи в годы I пятилетки составили 852,1 кг ежегодно. Таким образом, даже к концу пятилетки золотодобыча в Кузбассе не вышла на дореволюционный уровень, отставая почти в два раза.

Невыполнение первого пятилетнего плана поставило под вопрос само развитие золотопробышленности Кузбасса. В 1932 году на Центральный рудник прибыл геолог Евгений Александрович Гуковский. Изучив добычу золота, он произвел расчеты и сделал вывод, что с увеличением глубины залегания золота руда становится все беднее и беднее. Исходя из этого он предположил, что золотоносная жила вскоре совсем истощится и добычу золота придется прекратить¹. Это предположение было опровергнуто благодаря глубокому алмазному бурению. В 1932 году на Центральном руднике бурами были пройдены штошки до 80 м, и это подтвердило, что на глубоких горизонтах имеется рудное золото. Кроме того, благодаря бурению было установлено, что центральная жила имеет ответвления в разные сторо-

ны. Это позволило сделать вывод о перспективности Центрального рудника для добычи золота².

С начала 1930-х годов на приисках и рудниках Кузбасса стал использоваться труд спецпереселенцев. В системе «Запсибзолото» создали три комендатуры, занимавшиеся распределением спецпереселенцев. По данным на 1 апреля 1932 года в Егорьевско-Салаирской комендатуре числились 390 семей спецпереселенцев с 599 годными работниками. Терсино-Усинская комендатура располагала 95 семьями с 252 годными работниками. Самой крупной была Мартайгинская комендатура, она располагала 1 388 семьями с 3 744 работниками. К трудоспособным работникам относились не только мужчины, но и женщины и дети. Причем по комендатурам «Запсибзолото» эти категории работников составляли около 60% от всех трудоспособных. Труд спецпереселенцев использовался как на основных формах работы (добыча руды, промывка песков и т. д.), так и на вспомогательных (постройка дорог и домов, рубка леса, сельскохозяйственные работы).

Работа спецпереселенцев строилась на тех же принципах, что и труд простых рабочих. Были введены соревнования и ударничество. Начальники комендатур отмечали, что «отношение спецпереселенцев к работе положительное». Нормы выработки они выполняли и даже перевыполняли. Заработная плата их была примерно такой же, как и у вольнонаемных рабочих, а по некоторым видам (кузнечный промысел, токарное мастерство) даже превышала ее. Нормы снабжения спецпереселенцев были такие же, как для вольнонаемных людей, сбоев в поставках не было. Что же касается жилищных условий, то они оставляли желать лучшего. Строительство бараков и домов велось медленно. В Егорьевско-Салаирской комендатуре спецпереселенцы размещались даже в землянках. Мартайгинская комендатура располагала 307 домами и 51 баракком³.

Золотопробышленность в годы II и III пятилеток. План II пятилетки (1933–1937) был утвержден на XVII съезде ВКП(б), который прошел в январе-феврале 1934 года в Москве. Главная ставка была сделана на развитие золотодобычи на Дальнем Востоке, где обнаружены богатые месторождения. В отношении действующих золотодобывающих районов предусматривался рост добычи за счет технического перевооружения и строительства новых золотоизвлекательных предприятий.

Первый год второго пятилетнего плана начался плохо. Например, на Центральном руднике золотодобыча в январе составила всего 36% от плана. Причиной тому был временный выход из строя высоковольтного мотора на золотоизвлекательной фабрике. Не лучшим образом обстояло дело на приисках Первомайского управления, где план был выполнен на 56%. За первые 5 месяцев работы Берикульского рудоуправления план по добыче руды был выполнен

¹ Жеромский М. А. Болезни и перспективы Центрального рудника // Приисковый рабочий. 1934. № 46. 15 августа; № 47. 20 августа.

² Концевич. Перспективы золотой промышленности Центрального рудника во вторую пятилетку // Приисковый рабочий. 1933. № 1. 1 января.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 г. — начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 198–211.

Общий вид поселка Центральный. 1933 // Из фондов историко-краеведческого музея Тисульского района

на 55%. Все прииски и рудники Мариинской тайги за первое полугодие 1933 года выполнили чуть более половины от плана. Причиной такого плохого результата называли низкую производительность труда и слабое освоение новой техники. Срывы намеченных планов золотодобычи получили название «прорывы». Газеты пестрели заголовками о борьбе за выполнение плана и ликвидации прорывов¹.

Несмотря на предпринятые меры, прорыв ликвидировать никак не удавалось. Для выяснения обстоятельств невыполнения планов на предприятия мариинской тайги в октябре 1933 года приехал управляющий трестом «Запсибзолото» Г. И. Пёрышкин. Он посетил Бериккульский и Центральный рудники, а также прииски Первомайского управления. Пёрышкин обратил особое внимание на многочисленные нестыковки в работе по добыче и переработке руды. Фабрика на Центральном руднике простаивала до 40% времени из-за того, что руду к ней не могли вовремя подвезти. Оправдания руководства Центрального рудоуправления, что не хватает лошадей, он признал не соответствующим действительности. Кроме того, он указал на низкое качество поставляемой на фабрику руды, из-за чего резко снижалась эффективность работы фабрики. В целом Пёрышкин констатировал плохую организацию производственного процесса. В интервью газете он сказал: «Нужно организовать так работу, чтобы каждый рабочий при вступлении на смену знал свое задание, а при окончании работы знал бы фактическое выполнение»². Пёрышкин прика-

зал устранить все выявленные недостатки. Приказом по тресту «Запсибзолото» он снял с должности управляющего Центрального рудоуправления Каторгина, а вместо него назначил начальника строительства Бериккульской американской фабрики Алексея Александровича Дмитриева³.

Управляющий «Запсибзолотом» возлагал большие надежды на новую Бериккульскую золотоизвлекательную фабрику, строительство которой началось в 1933 году. По проекту она должна была вступить в строй 1 октября 1934 года. Для возведения цехов и вспомогательных строений фабрики был создан трест «Бериккульстрой». Начальником строительства был В. Вороновский, главным инженером — Фролов. В январе 1934 года в связи с предстоящим XVII съездом партии несколько бригад Бериккульстроя взяли на себя повышенные обязательства по строительству объектов. В частности, бригада землекопов (бригадир Безотчество) обязалась закончить земляные работы на строительстве лаборатории и заготовить бутовый камень для фундаментов в объеме 80 кубометров; бригада электромонтеров (бригадир Блинов) обязалась закончить электропроводку лаборатории; бригада слесарей (бригадир Кузнецов) пообещала завершить сборку парового котла; бригада плотников (Карасёв) дала обязательство построить здание новой больницы; бригада каменщиков (Пахомов) обещала выложить фундамент под мельницу⁴.

Фабрика строилась по американскому проекту, значительная часть оборудования в ней была импортного производства. В технологическом процессе впервые были объединены лучшие приемы обработки золотосодержащих руд: амальгамация, цианирование, концентрация и флотация золотых руд. Флотация применялась в Западной Сибири

1 Каторник. Ликвидировать прорыв // Приисковый рабочий. 1933. № 11. 23 февраля; Форпостник. План золотодобычи под угрозой срыва // Там же; Позорные темпы Бериккуля // Там же. 1933. № 25. 30 июня; Итоги первого полугодия и задачи на III квартал (по докладу секретаря РК ВКП(б) тов. Нелюбина) // Там же. 1933. № 29. 17 июля.

2 Центральный рудник имел и имеет все возможности выполнить план золотодобычи (из беседы нашего сотрудника с управляющим трестом «Запсибзолото» тов. Пёрышкиным) // Приисковый рабочий. 1933. № 49. 25 октября.

3 Приказ по тресту «Запсибзолото», 2 ноября 1933 года // Приисковый рабочий. 1933. № 52. 12 ноября).

4 Местком Бериккульстроя. Дадим производственные подарки 17-му съезду партии! // Приисковый рабочий. 1934. № 3. 10 января.

впервые. Фабрика была рассчитана на обработку 150 тонн руды ежедневно. Транспортировка руды производилась по канатной дороге длиной 4 км. Погрузка руды осуществлялась механическим способом специальными транспортерами. Помимо золота фабрика извлекала из руды мышьяковый концентрат¹.

Несмотря на то что многие бригады Берикультроя взяли на себя повышенные обязательства и развернули социалистическое соревнование, пустить фабрику в срок (1 октября) не удалось. Некоторые поставщики оборудования и транспортные конторы не выполнили контракты, несвоевременно были получены рельсы, моторы и другое оборудование². В результате пуск полного цикла фабрики состоялся только в декабре 1934 года. Построенная и оборудованная при фабрике лаборатория была оснащена по последнему слову науки и обслуживала прииски и рудники не только Мариинской тайги, но и Хакасии. При фабрике были построены поселок горнорабочих и инженерно-технического персонала, а также больница³.

В первый год II пятилетки так и не удалось выполнить план по добыче золота. Но его количество все же превысило добычу 1932 года. В 1933 году в Кузбассе было добыто 1 378,2 кг золота, что ненамного превышало показатели предыдущего года. Однако перспективы золотодобычи были довольно оптимистичными, что связывали не только со строительством новых предприятий, таких как Берикультская американская фабрика, но и с открытием новых месторождений. Одним из них было месторождение на ключе Ударном вблизи реки Громотухи (левый приток реки Киш). Осенью 1933 года здесь были открыты четыре кварцевые жилы, пробы из которых изучены в лабораториях в течение зимних месяцев. Весной 1934 года дополнительно были открыты еще пять жил. Все жилы были незначительной мощности, всего 15–30 см, но очень богатыми по содержанию золота. Когда выяснилось, что месторождение перспективно, летом 1934 года организовали две старательские артели, которые занялись добычей руды. Одновременно на ключ Ударный была переведена бегунная фабрика с Громотухи. Эта фабрика была построена в 1931 году, но из-за низкого содержания руды на Громотухе была законсервирована в 1933-м. Для обеспечения электроэнергией построена небольшая гидроэлектростанция. Первое золото фабрика на Ударном выдала 2 октября 1934 года. Рудник входил в систему Первомайского приискового управления⁴.

Во второй год пятилетки результаты золотодобычи оказались очень впечатляющими. Благоприятно сказались тех-

ническое перевооружение фабрик, развитие старательских работ, повышение квалификации рабочих. В 1935 году было добыто уже 2 613,9 кг, то есть в 1,9 раза больше, чем в предыдущем. Рост золотодобычи наблюдался по всем рудо- и приисковым управлениям. Самым внушительным оказался рост Егорьевско-Салаирского приискового управления (управляющий Г. Н. Полетаев) более чем в три раза. В январе 1935 года управление было награждено переходящим Красным знаменем золотой промышленности Западной Сибири. Высокие государственные награды получили руководители «Запсибзолота». Управляющий трестом Г. И. Пёрышкин и главный инженер А. А. Грибин награждены орденами Ленина. Парторг Егорьевско-Салаирского приискового управления Г. В. Ганкин получил орден Трудового Красного Знамени. Начальник геологоразведочной бригады этого же управления А. С. Юрмазов удостоен премии⁵.

У грандиозного успеха 1934 года была и обратная сторона. После подведения результатов золотодобычи выяснилось, что себестоимость золота выше планируемой на 30–40%. Например, по Центральному рудоуправлению себестоимость золота, добытого хозяйским способом, была выше плановой на 39,6%, старательское золото обошлось казне дороже на 44,3%, чем планировалось. Стоимость разведок по бурению оказалась выше плана на 40%, а стоимость шурфовой разведки вообще превысила планы на 152%. Стоимость строительства при освоении средств была выше на 80–90% от плана. Убытки только по Центральному рудоуправлению составляли сотни тысяч рублей. Многие статьи расходов (содержание сторожей, пожарной охраны, коммунального хозяйства и др.) многократно превышали суммы, заложенные в сметы⁶.

Это были результаты планового хозяйства, когда экономия денежных средств не считалась приоритетом. На решение поставленных задач тратились колоссальные суммы, себестоимость килограмма золота росла с каждым годом на несколько десятков процентов. В 1938 году, например, себестоимость каждой тонны руды на Центральном руднике выросла на 23,3%, а себестоимость грамма золота — на 33,5% по сравнению с 1937 годом. При этом в 1938 году на предприятиях Центрального приискового управления работали 469 стахановцев и 664 ударника, перевыполнивших планы⁷.

Помимо развития методов добычи рудного золота продолжала совершенствоваться технология извлечения благородного металла из песков. Основной формой организации труда на приисках были старательские артели. Администрация приисковых управлений указывала артелям месторождения золота, снабжала их всем необходимым, включая жилье, питание, одежду, инструменты и даже общественные помещения (клубы). Для рабочих

1 Закончить строительство американской фабрики в срок // Приисковый рабочий. 1934. № 44. 5 августа.

2 Не допустить срыва в строительстве (Из беседы с главинжем строительства Фроловым) // Приисковый рабочий. 1934. № 50. 5 сентября.

3 Вороновский В. К пуску Берикультроя // Приисковый рабочий. 1934. № 72. 25 декабря.

4 Андрианов В. Т. Рудник Ударный и его перспективы // Приисковый рабочий. 1934. № 61. 30 октября; Лобанов П. И. Ударный рудник // Там же. 1934. № 63. 10 ноября.

5 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 116–117.

6 Мурашов. Наши достижения и недостатки в работе 1934 года // Приисковый рабочий. 1934. № 3. 15 января.

7 Солдатов. Итоги работы ЦПУ за 1938 год // Приисковый рабочий. 1939. № 6. 28 января.

были определены нормы выработки, создана система премирования и награждения. Артели снабжались гидравлическими установками, которые позволяли значительно повысить производительность труда. Некоторые из них были переносными, их легко можно было разобрать, перевезти на новое место и собрать снова. На Центральном руднике в 1934 году были разрешены старательские работы по извлечению руды, при этом артелям передавались в пользование электроподъемники, компрессоры и другие механизмы. В результате всего за год количество старателей увеличилось на руднике с 310 до 550 человек, а артельная выемка руды — с 300–500 до 1 200–1 800 тонн в месяц¹. В 1933–1935 годах старательская добыча золота увеличилась на 202%. В 1935 году доля старательского золота в Центральном рудоуправлении составляла 35,8%, а в Беркульском — 50,7%. Некоторые приисковые управления полностью специализировались на старательской добыче золота, к ним относились Егорьевско-Салаирское и Алтайское приисковые управления. На приисках Первомайского приискового управления (Мартайга) главный инженер Пётр Иванович Лобанов разработал рациональное применение гидравлик, что позволило значительно увеличить производительность труда².

Первоначально старательские артели были небольшими, обычно в них состояли около двух десятков человек. Например, в 1936 году на приисках и рудниках Центрального приискового управления действовало 20 рудных артелей (500 старателей) и 34 мускульно-россыпные артели (745 старателей). Мелкие артели пользовались известной долей самостоятельности. Большое количество артелей не позволяло контролировать их деятельность. В середине 1937 года началась кампания по укрупнению артелей. В результате давления администрации в Центральном приисковом управлении все мелкие артели были объединены в пять крупных (две рудные и три мускульные). При этом финансовая деятельность артелей оказалась под полным контролем администрации. Более того, членов артелей обязали внести в неделимый фонд по 10 рублей в золотом исчислении. В дальнейшем в неделимый фонд отчислялось 20% от заработной платы каждого рабочего. Часть старателей категорически отказались вступать в крупные артели. Их обвинили в алчности и желании сохранить свои мелкособственнические интересы³.

Льготы, которыми пользовались члены артелей, нередко становились причиной злоупотреблений. Самым распространенным способом избежать уплаты налогов было обобществление лошадей и другого имущества. Когда имущество поступало в артель, с него не брали налоги. В 1939 году на прииске Малый Таз АПУ распалась артель старате-

лей. Часть членов артели — 12 человек — перешли в артель «Вторая пятилетка» прииска Викторьевка. Все они имели лошадей, включенных в новую артель в виде обобществленного имущества. Однако эти рабочие занялись перевозкой людей на прииски, беря с каждого пассажира от 35 до 40 рублей. В результате они зарабатывали 500–600 рублей в месяц, не платя никаких налогов. Таким же способом действовали некоторые рабочие артели им. Ильича прииска Чулта Мунжинской группы АПУ. Кроме того, на некоторых приисках Алтайского управления рабочие, прикрываясь льготами, занимались индивидуальными посевами, отдавали в аренду сенокосные угодья. Партийное руководство считало, что такие рабочие действуют в целях личной наживы и разрушают принципы устройства артелей⁴.

В 1940 году на приисках Викторьевской группы АПУ была выявлена целая артель с громким названием «Стахановец», которая в полном составе занималась грузовыми и пассажирскими перевозками на личном транспорте. Для имитации золотодобычи члены артели изредка работали на приисках. При этом выполнение планов золотодобычи составляло всего около 2,4%. Артель неоднократно пытались расформировать или перевести на другие прииски, но председатель артели Савельев всегда умудрялся выкрутиться и сохранить ее⁵.

Повышению производительности труда способствовала электрификация основных технических процессов. В первой половине 1930-х годов для обеспечения электроэнергией рудников и приисков Кузбасса было построено несколько электростанций. Кийская тепловая электростанция обеспечивала энергией прииски и рудники Мариинской тайги. Производство электроэнергии на ней осуществлялось путем сжигания дров. Участки для их заготовки находились в районе Макарака. Постоянные сбои в поставках дров приводили к периодическим срывам в работе электростанции. Поломки оборудования также негативно влияли на ее работу⁶.

Гидроэлектростанция на прииске Ударный обеспечивала энергией прииски Первомайского управления. От Кемеровской ТЭЦ к Салаирскому руднику была проведена высоковольтная линия электропередачи. Электростанция, построенная на реке Кочуре, снабжала энергией прииски Алтайского управления⁷. Данные о золотодобыче во II и III (незаконченной из-за войны) пятилеток представлены в таблице 62.

Из таблицы видно, что в течение 1933–1936 годов объемы золотодобычи увеличивались быстрыми темпами. Максимальное количество золота добыто в 1936 году, ког-

1 Сакенко Б. П. О старательских работах // Приисковый рабочий. 1935. № 5. 26 января.

2 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 121–124.

3 Создать мощные старательские артели // Приисковый рабочий. 1937. № 33. 10 июля; Дубров. Мощная старательская артель создана // Там же. № 35. 20 июля.

4 На основе постановления партии и правительства организовано укрепить старательские артели // Рабочий. 1939. № 33. 5 июля; М. Прикрываясь льготами старательской артели // Рабочий. 1939. № 51. 8 октября.

5 Муравьев. Лжеартель // Рабочий. 1941. № 3. 12 января.

6 Глаз. Кийская под угрозой остановки // Приисковый рабочий. 1933. № 52. 12 ноября; С-в. Кийская электростанция должна прекратить перебои в подаче энергии // Там же. 1933. № 61. 25 декабря.

7 Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири... С. 125.

Золотодобыча в Кузбассе в 1933–1941 годах, кг

Предприятие	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Центральное рудоуправление	420,2	468,2	545,2	737,7	861,9	638,4	523,9	646,3	630,2
Берикульское рудоуправление	151,6	248	459,8	546,2	478,9	479,9	625	725,7	555,6
Первомайское приисковое управление	172,9	224,5	274,3	386,3	364,4	402,3	319,1	389	348,5
Кельбесский прииск	57,4	109,3	105,9	115,6	107,8	107,1	85,5	99,1	81,3
Кемеровская промконтора				57,9	66,3	24,0			
Северная промконтора				105,6	63,3	11,9			
Алтайское приисковое управление	257,3	394,5	596	998,9	898,2	899,1	891,8	844,9	919,7
Салаирское управление	254,6	1 026	1 883,7	2343	1 228,2	1 118,1	982,3	1 063,8	731,2
Пезасский прииск	64,2	143,4	169,6	74,1	72,9	74,4	83,4	95,1	96,1
Усинский прииск				184,8	258,5	246,4	126,6	114,7	99,0
Итого	1 378,2	2 613,9	4 034,5	5 550,1	4 400,4	4 001,6	3 637,6	3 978,6	3 461,6

Источники: Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. ... С. 217–218.

да все прииски и рудники Кузбасса смогли добыть 5 550,1 кг золота. Причем рост наблюдался по всем рудо- и приисковым управлениям. Самым впечатляющим был рост золотодобычи в Егорьевско-Салаирском приисковом управлении, с 254,6 до 2 343 кг, или более чем в 9 раз. В 3,8 раза выросла золотодобыча на приисках Алтайского управления. Единственным прииском, который к 1936 году сократил добычу золота, был Пезасский. Если в 1935 году на нем было добыто 169,6 кг золота, то в 1936-м — всего 74,1 кг. Главные успехи золотодобычи во II пятилетке связаны с серьезной реорганизацией существующих фабрик, постройкой новых заводов (Берикульский), резким увеличением энергооборуженности рабочих. Благодаря этому во II пятилетке золотодобыча Кузбасса превзошла дореволюционный уровень более чем в два раза.

Начиная с 1937 года наблюдается постоянный спад в золотодобыче, продолжившийся вплоть до Великой Отечественной войны. Лишь в 1940 году было добыто золота немного больше, чем в предыдущем, 1939-м. Если обратить внимание на рудо- и приисковые управления, то можно заметить, что добыча золота стала нестабильной, в некоторые годы наблюдался рост, в другие спад. Самое резкое падение произошло на приисках Егорьевско-Салаирского управления. В 1937 году добыча упала в два раза по сравнению с предыдущим годом. Более или менее стабильной была добыча на приисках Алтайского приискового управления. Основными причинами спада золотодобычи стали выработки приисков и рудников, истощение запасов золота.

Стахановское движение. Характерным явлением второй половины 1930-х годов стало стахановское движение. В кузбасской золотопромышленности оно началось осенью 1935 года. Благодаря рациональной организации труда, перераспределению обязанностей между членами трудовых бригад и специализации рабочих удавалось повышать эффективность работы. Салаирское приисковое управление, внедрившее стахановские методы, к 1 октября

Драга на одном из приисков в Мартайге. 1934 // Из фондов историко-краеведческого музея Тисульского района

1935 года смогло выполнить десятимесячный план золотодобычи на 120%. Одновременно снизилась себестоимость золота на 10%. Рабочие и инженерно-технический персонал Егорьевско-Салаирских приисков взяли на себя обязательство выполнить годовую норму добычи золота к 15 октября¹.

На Центральном руднике в конце 1935 года комсомольская бригада Красной шахты ввела новый, более рациональный метод бурения. Он заключался в том, что за каждым бурильщиком был закреплен свой забой. Кроме того, имелся один резервный забой, который использовался в случае остановки бурения на основном забое. В результате повысилась производительность труда. Забойщик Сергей Туровский смог выполнять нормы на 250%. В январе 1935 года Центральное приисковое управление объявило

¹ Петров И. Первые результаты стахановского метода работы // Знамя Ильича. 1935. № 47. 14 октября.

о стахановской пятидневке, которая была намечена на 15–20 января. Управление бросило призыв, чтобы в эти дни все рабочие трудились по-стахановски. Мастер бурения Василий Фёдорович Фолин за один день выполнил норму на 606%, крепильщик Кулибакин — на 706%. Штольня, где работали эти стахановцы, выдала за сутки 210% руды от нормы. В дальнейшем стахановские пятидневки стали регулярными, их объявляли обычно в конце каждого месяца. Первыми стахановцами Центрального приискового управления стали забойщик К. Н. Медведев, машинист П. Н. Пономарёва, артельщик Алексей Михайлович Шеин, бурильщики Степан Бурмин, Яков Фолин¹. Степан Дмитриевич Бурмин стал одним из самых известных стахановцев цветной металлургии Кузбасса. В течение нескольких лет его фамилия регулярно появлялась в прессе в связи с достижением новых рекордов.

С момента зарождения стахановское движение внесло некоторый раскол в трудовые коллективы. Рядовые работники недолюбливали стахановцев, так как тех часто поддерживали власти, награждали и премировали. Нередко стахановские рекорды планировались специально, когда выбирались наиболее сознательные в идеологическом отношении рабочие, для них создавались условия, чтобы они могли многократно перевыполнить план. Рядовые рабочие негативно относились к таким показным рекордам. Они также были против того, что власти заставляли брать на себя повышенные обязательства. В январе 1936 года газеты писали, что рядовые рабочие угрожали стахановцам расправой, саботировали стахановское движение и даже избивали стахановцев².

Вскоре среди самих стахановцев стали выделяться рабочие, которые систематически выполняли план на 200% и более. Их стали называть двухсотники. На предприятиях Центрального приискового управления в 1937 году таких было четверо: бурильщик Ламакин, токарь Чепурьжкин, кузнец Кузьма Шкурыгин и плотник Колесников³. По данным на 1 декабря 1935 года, в Центральном приисковом управлении было 56 стахановцев, 15 двухсотников. На 1 мая 1937 года было уже 303 стахановца и 41 двухсотник⁴.

Самыми передовыми стахановцами Беркульского рудника считались бурильщики И. С. Евтушенко и А. И. Балабуев. Секрет их успеха был довольно прост: большое внимание уделялось подготовке бурильных работ. Во время самого бурения были сокращены до минимума простои, связанные со сменой буров и перестановкой на новое место бурильной машины. В случае возникновения простоев на основном участке бурильщики работали на запасных участках. Евтушенко и Балабуев довели время бурения

до 76% от всего рабочего времени, обычно оно составляло около 40%. Все это позволяло перевыполнять нормы работы в два раза. Для передачи опыта работы они были отправлены на Центральный рудник, где работали летом 1937 года⁵.

Еще одним известным стахановцем Беркульского рудника, стоявшим у истоков этого движения, был бурильщик Анатолий Аркадьевич Поздняков. Производственное задание на 1938 год им было выполнено на 153%. В том же году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. За 10 месяцев 1939 года он сумел выполнить норму на 188%. Главным достижением Позднякова было то, что он первым в системе золотопромышленности показал пример и перешел на одновременную работу сразу на двух бурильных машинах. В ноябре 1939 года он был выдвинут кандидатом в депутаты Новосибирского областного совета⁶.

В Салаирском приисковом управлении самым передовым считался Козинский прииск, где работала стахановская артель «Победа». В апреле 1939 года на этом прииске было 24 стахановца, которые выполняли план на 150%. В мае того же года на прииске было уже 40 стахановцев. Некоторые передовики, например А. М. Притчин, П. Шакурин, Фомин, Поздьякин, Большаков, Кругликов, Гычев, выполняли план более чем на 200% каждый месяц. 28 мая забойщик А. М. Притчин выдал 21,7 кубометра вместо 5,2, требуемых по норме. Для ознакомления с работой салаирских стахановцев в январе 1940 года Алтайское приисковое управление отправило группу рабочих на Козинский прииск. Кроме этого, артель «Победа» передавала опыт отстающим артелям, работающим на других приисках Салаирского управления. Например, в январе 1940 года козинские стахановцы Иван Притчин, Григорий Горбунов и Виктор Огнев организовали работу отстающей артели «Октябрь», что способствовало повышению производительности труда до 160–180%⁷.

По данным на декабрь 1938 года, на приисках Алтайского управления трудились 1 176 стахановцев и 2 186 ударников производства. Среднегодовое количество стахановцев было 741, что составило около 16% от всех рабочих. Наиболее передовыми считались прииски Мунжа, Чаныш, Чулеш. На этих приисках трудились много стахановцев, были стахановские бригады. Правда, были прииски, где не было ни одного стахановца, например, на Кунделе и Чугунаше работали в общей сложности 258 рабочих, но среди них не было ни одного стахановца. По мнению партийного руководства, недостаточное развитие стахановского движения

1 Григорьев. Стахановцы ищут новых методов работы // Приисковый рабочий. 1936. № 3. 10 января; От стахановской пятидневки — к повседневной стахановской работе // Там же. № 4. 15 января; Новые рекорды стахановцев // Там же; Высокая награда // Там же. № 15. 1 мая.

2 Сломить контрреволюционный саботаж // Приисковый рабочий. 1936. № 4. 15 января.

3 Наши двухсотники // Приисковый рабочий. 1937. № 29. 10 июня.

4 Великая годовщина // Приисковый рабочий. 1937. № 41. 30 августа.

5 Евтушенко, Балабуев. Убрать рогатки с пути стахановского движения // Приисковый рабочий. 1937. № 40. 25 августа; Шаталов. Учиться бурить у стахановцев Беркуля // Там же. № 41. 30 августа.

6 Анатолий Аркадьевич Поздняков // Приисковый рабочий. 1939. № 60. 15 ноября.

7 Соболев. Успехи стахановцев Козинского прииска // Стахановец золотодобычи. 1939. № 24. 5 июня; Шакурин П. Стахановцы учат, как нужно работать // Стахановец золотодобычи. 1941. № 5. 1 февраля; Лучшие стахановцы посланы для обмена опытом // Там же.

Съезд комсомольцев Мартайги. 1931 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 289

на предприятиях Алтайского приискового управления не позволило ему выполнить годовой план по добыче золота¹.

Из наиболее известных стахановцев Алтайского приискового управления можно назвать забойщика прииска Чулта Антона Иудовича Плеханова. Максимальное выполнение плана у него достигало 500%, а среднегодовое — 221%. За успехи в труде он был награжден именными часами. Бригадир комсомольско-молодежной бригады прииска Чаныш И. И. Ладыгин добился систематического выполнения плана своей бригады в 230%. Стахановец прииска Чулеш Н. И. Иванов стал одним из первых организаторов стахановского движения на приисках. После нескольких лет успешной трудовой деятельности он был назначен инструктором внедрения стахановских методов труда².

Стахановское движение было довольно нестабильным. Рабочие могли показывать рекорды, но делать это постоянно хватало сил не у всех. Любопытные сведения есть по

Викторьевской группе приисков Алтайского приискового управления. В декабре 1940 года стахановские нормы там выполняли 63 человека, в январе 1941 года — 32, а в феврале — 85. Такие же резкие спады и подъемы стахановцев наблюдались на Малокондомской группе приисков³.

«Золотопродснаб» (ЗПС). Для снабжения приисков и рудников всем необходимым был создан трест «Золотопродснаб», который имел свои конторы во всех приисковых и рудных управлениях. Поскольку практически все товары проходили через этот трест, он стал притягивать к себе немало спекулянтов и других лиц, желающих поживиться за счет государственного имущества. В апреле 1934 года состоялся суд над группой руководителей Центрального ЗПС. На скамье подсудимых оказались заведующий золотоскупкой Крюков, кассир Ромащенко, заведующий бюро золотоскупки Залетин, его жена и сестра Чайкина, бывший заведующий ЗПС Калинин, заведующий торговым отделом Шадрин. Суд установил, что в течение сентября-ноября 1932 года указанная группа лиц совершала постоянные кражи продуктов и товаров. Сначала они

1 Тишин. Забота о создании стахановских коллективов начинается с заботы об увеличении числа стахановцев и ударников // Рабочий. 1939. № 1. 1 января; Из резолюции Четвертого слета стахановцев Алтайского приискового управления // Рабочий. 1939. № 6. 6 февраля.

2 Фотографии стахановцев Алтайского приискового управления // Рабочий. 1939. № 20–21. 17 апреля; там же. № 23. 1 мая.

3 Готовясь к 1 Мая — всемерно развивать стахановское движение // Рабочий. 1941. № 18. 6 апреля.

все записывали в так называемые книги грехов (термин придуман самими обвиняемыми), но потом вовсе перестали вести учет украденных товаров. Ущерб составил более 9 тысяч рублей. Суд приговорил Залетина, Ромашенко и Крюкова к 10 годам, но, учитывая чистосердечное признание, смягчил срок до 3 лет. Шадрин и Калинин получили полтора года условно, Залетина и Чайкина — по 6 месяцев условно¹.

Даже суровые наказания, вынесенные судом, не останавливали преступников. В январе 1933 года Бюро Мартайгинского райкома ВКП(б) вынесло постановление о чистке аппарата «Золотопродснаба». Согласно этому постановлению, планировалось очистить отделение треста «от всех классово-чуждых элементов, обюрократившихся мелкобуржуазных перерожденцев, воров, жуликов и мошенников, от всех тех, кто жульничает, мошенничает, расхищает рабочие промтоварные фонды»².

В ходе чистки была выявлена группа сотрудников «Золотопродснаба», занимавшаяся хищениями продовольствия. В частности, по распоряжению зоотехника Меринова была забита корова, мясо которой поделили между собой специалисты. Из 230 кроликов, числящихся в отделении треста, в наличии оказалось только 80. Как объяснил Меринов, «кроликов поели собаки». Но комиссия установила, что они были распределены между некоторыми работниками «Золотопродснаба». В ходе чистки в аппарате «Золотопродснаба» были выявлены 2 бывших офицера, 2 бывших военных чиновника и 19 кулаков. Все уволены с работы³.

Однако чистки не имели должного эффекта. «Золотопродснаб» продолжал притягивать к себе различных лиц, которые пользовались случаем, чтобы поживиться товарами и продуктами. В газетах регулярно писали о том, как работники «Золотопродснаба» сбывали товары из-под прилавка своим друзьям, воровали и запутывали бухгалтерию так, что потом трудно было выявить утраты. Способ хищения из «Золотопродснаба» получил даже неофициальное название — «самоснабжение». Приводились примеры, как целые партии товаров делились работниками треста между собой. Например, по сведениям одного из корреспондентов газеты «Приисковский рабочий», зимой 1933 года руководство тисульского «Золотопродснаба» разобрало себе 65 пар пимов, снабдив ими членов своих семей и всех родственников⁴.

Зимой 1933/34 года вскрылись массовые злоупотребления в Первомайском «Золотопродснабе». Газеты писали,

что некто П. М. Давыденко устроился работать в «Золотопродснаб» инспектором общественного питания благодаря удостоверению партизана. Потом он быстро занял место заведующего торговым отделом и во время отлучек начальника ЗПС тов. Безбородова часто выполнял его обязанности. Это позволило ему заняться перераспределением товаров и продуктов в свою пользу и в пользу родственников и знакомых. Бухгалтеры ЗПС занимались подлогами, получали продукты по фальшивым документам, выписывали себе подъемные на несуществующих детей, неоднократно прогуливали работу⁵.

Поиски вредителей и врагов народа. Единичные случаи выявления классовых врагов постоянно происходили на рудниках и приисках Кузбасса. Массовые поиски вредителей начались в 1937 году в связи с резким падением золотодобычи. Партийные власти связывали сокращение добычи золота не с выработкой месторождений, а с происками врагов народа. Порой простая небрежность или неопытность объявлялись вредительством. Так, в апреле 1937 года пресса обрушилась на начальника электротехнической мастерской Центрального рудника И. Кашлева за то, что он послал на ремонт трансформатора стахановца Усольцева, который чуть не погиб, так как линия оказалась под напряжением. По словам газеты «Приисковский рабочий», Кашлев свил вокруг себя группу саботажников и вредителей, которые вели антисоветскую агитацию, выражавшуюся в распевании песенок и рассказывании анекдотов антисоветского характера⁶.

Вскоре во вредительстве были обвинены руководители Центрального приискового управления. Начальник управления Дмитриев, по словам прессы, заболел «беспечностью», оторвался от коллектива, допустил срывы работ и саботаж, вместо того чтобы развивать стахановское движение, «засел в кабинете». Резкой критики подверглись технические работники управления, в том числе главный инженер и другие. Халатность руководства, по мнению прессы, привела к тому, что на рудник проникли вредители и враги народа, которые возглавили некоторые рабочие артели и полностью провалили планы золотодобычи⁷. Позднее А. А. Дмитриева и все руководство Центрального приискового управления обвинили в затоплении шахт и хищнической добыче золота. Все они были смещены, а новым начальником ЦПУ стал Солдатов. Однако выполнить план 1938 года на руднике все равно не удалось⁸.

1 Суд // Приисковский рабочий. 1934. № 21. 10 апреля.

2 Постановление Бюро Мартайгинского райкома и Президиума РайКК ВКП(б) «О проведении чистки аппарата Золотопродснаба», 31 января 1933 года // Приисковский рабочий. 1933. № 10. 18 февраля.

3 К. Результаты чистки в аппарате «Золотопродснаба» // Приисковский рабочий. 1933. № 17. 25 мая.

4 Моторист. Самоснабженцев привлечь к ответу // Приисковский рабочий. 1933. № 56. 30 ноября; Американец. В ЗПС Беликульстроя самоснабжение и пьянки // Там же. 1933. № 59. 15 декабря; Лер. Новый трюк Золотопродснаба // Там же. 1933. № 62. 30 декабря.

5 Проезжающий. Очистить аппарат Первомайской ЗПС от чуждого и разложившегося элемента // Приисковский рабочий. 1934. № 6. 25 января; Двое. Очистить Первомайский ЗПС от жуликов и разгильдяев // Приисковский рабочий. 1934. № 13. 1 марта.

6 В электротехнической мастерской орудуя враги народа // Приисковский рабочий. 1937. № 21. 25 апреля.

7 Ащеулов, Ротова, Свиригин. Немедленно ликвидировать последствия вредительства // Приисковский рабочий. 1937. № 32. 5 июля; Сделать решительный перелом в работе // Там же; Беспощадно громить саботажников (из выступления Сиротина) // Там же.

8 Расширить фронт горных работ // Приисковский рабочий. 1939. № 38. 20 июля.

Периодика тех лет вообще не стеснялась в выражениях. Любые промахи в работе объявлялись ни много ни мало диверсиями. Даже случайный разрыв шланга считался актом вредительства. Приводя различные примеры «диверсионной деятельности» врагов народа (рассыпанный порошок, утрату документов, кражу шланга и т. п.), газета «Приисковский рабочий» писала: «Так действуют потерявшие все человеческое, корчащиеся в звериной злобе перед неизбежной своей гибелью враги нашей социалистической страны»¹.

Беловский цинковый завод. Во второй половине 1920-х годов производство цинка на заводе в г. Владикавказе, единственном в СССР, было в состоянии удовлетворить лишь около 10 % потребности промышленности в этом металле, и это несмотря на то, что в стране имелись богатые месторождения цинково-свинцовых руд. В этой связи Совет труда и обороны 3 июня 1927 года вынес постановление о постройке за Уралом специализированного металлургического предприятия².

В середине июня 1927 года с целью экономического обоснования выбора места для дистилляционного цинкового завода в Кузнецкий округ был направлен геолог треста «Алтайполиметалл» Иван Трифионович Гуштюк. В течение трех месяцев он изучал состояние трех Салаирских рудников с подготовленными запасами сульфидной руды в объеме 150 млн пудов, оценил близлежащие месторождения сырья и его качество для производства необходимых строительных материалов.

В докладной записке, направленной 16 сентября 1927 года в Сибкрайсовнархоз (Новосибирск), было заявлено о непригодности городов Кузбасса для размещения завода из-за предполагаемого масштабного ущерба населению от выпуска свободного сернистого газа в атмосферу. В то же время выделялась деревня Белово, расположенная в малонаселенной местности, рядом отсутствуют большие площади древесной растительности.

Преимущество этой деревни обосновывалось такими факторами:

1) расположена на главной кузбасской железнодорожной линии;

2) в будущем близко пройдет железнодорожная магистраль из Новосибирска (либо через Польшаево, либо через Белово);

3) Беловский завод будет одинаково близок к северным (Кемерово — Плотниково) и южным (Прокопьевск — Кузнецк) коксовым и химическим предприятиям, их снабжение серной кислотой и сернокислым аммонием окажется малозатратным;

4) Белово расположено в районе залегания месторождений коксующихся углей, на базе которых можно по-

строить коксовый завод с ориентацией на кооперацию с цинковым заводом;

5) в данное время там имеются «крестьянские» шахты, которые могут снабжать новый завод углем без дополнительных капитальных вложений на организацию копей;

6) в отношении наличия местных строительных материалов (гавриловские белые огнеупорные глины, известняк, кварц), продуктов питания, фуража и пресной воды Белово находится не в худших условиях, чем другие места в Кузбассе: Кемерово, Кольчугино или Байкаим;

7) на первое время имеется небольшой жилой фонд с размещением до 150 человек. Вблизи места предполагаемой стройки находятся деревни Белово (910 чел.), Бабаново (500 чел.), поселок при станции Белово (600 чел.). Указанные населенные пункты могут выделить до 200–300 неквалифицированных рабочих и на первое время разместить около 100–150 сезонных рабочих³.

Первоначально трест предполагал построить опытный дистилляционный цинковый завод с годовой производительностью 4 500 тонн, то есть 15 тонн в сутки, и эксплуатацией в течение 16 лет. Затем проектировщики мощность увеличили до 12 500 тонн в год. Основной сырьевой базой был определен Салаирский рудник № 2. В качестве источника сырья в течение первых двух лет предстоящей работы рассматривалась обогащенная риддерская руда. Образцы салаирского сырья прошли проверку в Ленинградском институте «Механобр». Результаты показали, что полученные концентраты легко поддавались обогащению, среднее содержание цинка составило 45–50 процентов и железа — 5 процентов.

В декабре 1927 года руководство треста обратилось к председателю Главметалла Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) В. И. Межлауку с ходатайством о финансировании цинкового завода в Кузбассе. В ответ было получено заверение о резервировании в 1928 году 1 млн рублей из 12 млн, предназначенных на развитие всей цветной металлургии СССР.

Из-за отсутствия в стране инженеров, знакомых с новейшими достижениями заграничной техники и технологиями в области выплавки цинка для разработки проекта завода пришлось обратиться к иностранным специалистам. Поступившие от заграничных фирм предложения о составлении проекта завода оказались дорогостоящими. Так, фирма «Бер-Зонд-Хаймер» запросила 20 тысяч долларов, а фирма «Эрцрест-Гезельшафт» — 50 тысяч долларов, при этом последняя поставила условием поставку печей Спирле, менее зарекомендовавших себя на производстве, чем предложенные советской стороной печи Веджа.

В Берлине было решено организовать собственное проектное бюро во главе с инженером Хольтманом, рекомендованным Союзом германских инженеров. Под его руководством и с привлечением авторитетных консультантов — крупных немецких специалистов: профессора

¹ Быть беспощадным к врагам народа // Приисковский рабочий. 1937. № 40. 18 августа.

² ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 813.

³ ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 704. Л. 2 об. — 4.

Цеха Беловского цинкового завода и его продукция // СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль)

Эндель (исследование огнеупорных материалов для цинковых печей), профессора Розина (теплотехника) и докторов Юрецки и Пауль (металлургия цветных металлов) — проектное бюро с 1 сентября 1927 года приступило к работе.

К 1 января 1928 года был готов черновик проекта завода, который заказчику обошелся в 20 тысяч долларов. Его вместе с ориентировочными сметами берлинское бюро в марте представило в Москву. До августа проект изучали советские специалисты, вносили изменения в часть конструкций с целью их упрощения и облегчения. Обновленный проект 24 августа 1928 года был утвержден коллегией Главметалла ВСНХ СССР¹.

В сентябре 1928 года проектное бюро треста «Алтайполиметалл» в составе 24 инженеров приступило к детальной разработке чертежей заводских зданий. В связи с неопределенностью с заказами иностранного оборудования его габариты и соответствующие размеры производственных помещений не могли быть сразу точно установлены. Выбор поставщиков во многом определялся уровнем предложенных цен в сторону экономии средств, поэтому впоследствии на строительной площадке неоднократно

приходилось переделывать уже частично возведенные элементы конструкций².

В конце января 1928 года в Белово приехал С. В. Фаер, назначенный управляющим комбинатом «Кузбассцинкстрой», специально созданным для строительства цинкового завода и предприятий его рудной базы в Салаире. Первый управляющий уже имел опыт восстановления Макеевского металлургического комбината и Харьковского паровозостроительного завода. В начале февраля прибыла группа металлургов и строителей в составе немецкого инженера Хольтмана, инженера П. Г. Логинова, прораба А. М. Епанчинцева, механика Шмидта и других. В полутора километрах от д. Белово была выбрана подходящая площадка. Начался подготовительный этап масштабной стройки, и уже весной законтрактованные крестьяне соседних деревень огородили территорию забором и приступили к земляным работам. Летом это место напоминало муравейник: около 1 200 человек рыли котлованы будущих цехов, возводили временные жилые дома для рабочих, хозяйственные строения³.

Первый вариант титульного списка объектов строительства, выполненных в чертежах объемом 300 листов, был представлен на утверждение правлению треста в ноябре 1928 года. В связи с их поздней передачей на стройку возникла необходимость внесения ряда изменений в первоначально намеченный план работ.

Одновременно в районе Салаира в течение 1928–1929 годов продолжалась разведка цинковых руд. В 1928 году месторождения проверялись на глубину 30–40 саженей, были выявлены запасы на восемь-девять лет эксплуатации завода. В 1929 году началось бурение на больших глубинах (до 70 саженей) и открыты запасы уже на десятки лет вперед⁴.

Весной 1929 года за деревней Белово заработали два временных полукустарных кирпичных заводика. Для обеспечения стройплощадки щебнем и песком были открыты карьеры в районе окрестных деревень Банново, Колмогорово, Менчереп, Пестерево, Семёнушкино, Большой Улус и Бачат. С апреля началась закладка фундаментов и кладка стен механического и муфельного цехов, а осенью — шихтовочного, обжигового и дистилляционного.

В мае 1929 года в ответ на обращение XVI партийной конференции ВКП(б) сделать социалистическое соревнование главным средством борьбы за выполнение I пятилетки рабочие взяли обязательство построить завод не за четыре года, как ранее намечалось, а за три, то есть к октябрю 1930 года. Исходя из расчета на досрочный пуск, правительство аннулировало лицензию на импорт цинка из Германии в размере производственной программы завода⁵. В летние месяцы 1929 года более 120 бригад включились в социалистическое соревнование за звание «Бри-

2 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 406. Л. 20–21.

3 ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 813. Л. 8.

4 Из истории Салаира / под ред. А. М. Адаменко. Кемерово, 2007. С. 72.

5 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 480. Л. 16.

1 ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 813. Л. 44.

гада ударного труда». До станции Белово была проложена железнодорожная ветка длиной в 2,5 км и дополнительно 3,5 км внутривозовских путей. С выходом на центральную магистраль Кузбасса более интенсивным стал входящий поток грузов с материалами и оборудованием.

Основным источником пополнения строительных кадров были крестьяне местных деревень, молодежь, приехавшая по комсомольским путевкам, командированные биржами труда по оргнабору из Сибири и европейской части России. Для обеспечения стройки квалифицированными кадрами и техническим персоналом были открыты вечерние школы и производственные кружки. Отрабатываемые восемь часов на стройплощадке, в вечернее время люди четыре часа учились различным специальностям: каменщика, кровельщика, плотника, штукатурка, арматурщика. Одновременно готовились кадры для металлургического производства. Будущих плавильщиков с 1930 года обучали молодой инженер Г. С. Полетаев и А. А. Романов — житель деревни Верхний Чумыш, который в годы Первой мировой войны военнопленным несколько лет работал на цинковом заводе в Германии¹. Повышение квалификации осуществлялось путем направления специалистов на курсы в Москву и Ленинград, во время практики на металлургических заводах Алагира, Риддера и Урала.

Строительный сезон 1929 года, в котором были заняты около 2 тыс. человек, проходил с преодолением трудностей, вызванных несвоевременным поступлением из Москвы проектов части важных производственных и коммунальных объектов: силовой станции, больницы, бани, школы, водопровода, канализации и других. Чертежи доставлялись частями по элементам, что вынуждало возводить сооружения без полного о них представления. Отсутствовали плановые заявки на материалы. Насколько аккуратно, по мнению С. В. Фаера, выполняли обязательства по договорам поставки оборудования иностранные фирмы, настолько плохо выполняли обязательства отечественные заводы. Несущие металлоконструкции, например, поступали с опозданием на шесть месяцев и более, поэтому некоторые из них пришлось заменить кирпичной кладкой². 27 сентября, то есть за три дня до окончания сезона, в Белове был получен пятый, окончательный, вариант титульного списка строящихся объектов. Пятикратное перекраивание в течение двух лет титульных списков каждый раз вызывало пересмотр плана работ, передвижку сроков получения кредитов и выполнение на 72–75 % годового плана возведения производственных зданий, подсобных и хозяйственных сооружений.

Учитывая имеющиеся недостатки, в октябре 1929 года президиум Кузнецкого окрисполкома обязал руководство стройки зимой 1929–1930 годов форсировать подготовительные мероприятия для обеспечения в теплые месяцы 1930 года высоких темпов работы на всех пусковых объек-

тах. Исходя из практики прошедшего строительного сезона, проводились корректировки норм выработки и расценок, ускоренно возводилось жилье, впервые приобреталась спецодежда, средства индивидуальной защиты и мыло.

Взятое коллективом обязательство по досрочному пуску завода к октябрю 1930 года вызвало необходимость перехода с 1 ноября 1929 года на непрерывную шестидневную рабочую неделю без выходных. Основным упор в снабжении стройки был сделан на поставку материалов производственного назначения, иногда в ущерб обеспечению социальной сферы. В этой связи случались частые перебои в снабжении рабочих предметами первой необходимости, продуктами питания. Вместе с тем не хватало врачей, дети еще не были охвачены школьной сетью 1-й ступени³.

Зимой 1929–1930 годов инженеры П. Г. Логинов и А. М. Епанчинцев на бетонных работах вместо привычных тепляков предложили нагревать воду на уличных кострах в котлах и затем заливать в бетономешалки. Технология не снизила качество, но значительно ускорила бетонные работы. На месте этот передовой опыт изучил главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин и впоследствии стал широко использовать при возведении цехов будущего металлургического комбината⁴.

Первую из десяти по проекту дистилляционную печь поставили на газ 22 декабря 1930 года. Уже 29 декабря были выплавлены первые плитки беловского цинка. В 1931 году намечалось получение 2 583 тонн серебристого металла. Впрочем, этот показатель удалось выполнить только на 56 %, так как сдвинулись сроки ввода в эксплуатацию отдельных дистилляционных печей и пуск центральной электрической станции. Низкой оставалась квалификация производственного персонала.

Только весной 1930 года комбинат «Кузбассцинкстрой» приступил к строительству в Салаире сырьевой базы завода: Первого и Второго цинковых рудников, рудника «Кварцитовая горка», обогатительной фабрики, а также железнодорожной ветки Гурьевск — Салаир протяженностью 21,5 км. В этой связи в первые годы завод снабжался дорогостоящими из-за транспортировки по железной дороге рудными концентратами Риддера.

Организация проектирования и строительства Беловского цинкового завода не выходила за пределы культуры межхозяйственных связей и внутрипроизводственных отношений, характерных для советской промышленности периода I пятилетки. Предприятие положило начало формированию в центральной части Кузбасса Беловского угольно-металлургического района. Со строительством сырьевой базы Салаирский рудник в 1932 году был преобразован в рабочий поселок Салаир⁵, промышленность которого вновь обрела особое значение для экономики страны.

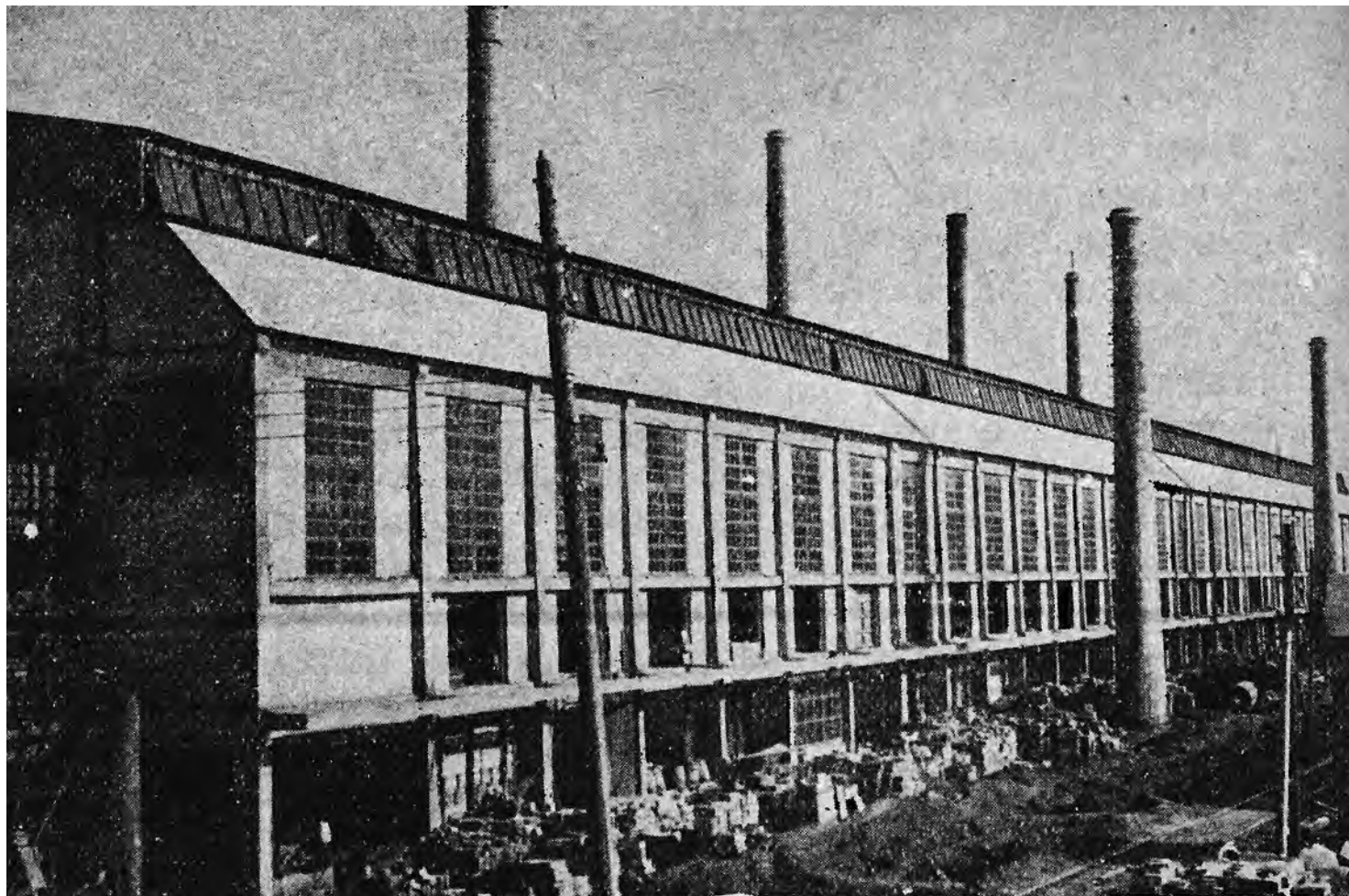
3 ГАК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 293. Л. 12 об.

4 Бельков В. И. Вопросы строительства Беловского цинкового завода в документах ГКУ КО «ГАКО» // ТЭК и ресурсы Кузбасса. 2012. № 6(65). С. 61.

5 СУ РСФСР. 1932. № 11. Ст. 53.

1 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 406. Л. 70 об.; 50 огненных лет. К юбилею Беловского цинкового завода. Кемерово, 1980. С. 36.

2 ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1570. Л. 39–40.

Беловский цинковый завод // Подгорный М. Э. Урало-Кузбасс. 2-я угольно-металлургическая база СССР. М.-Л., 1931. С. 90

В мае 1932 года Государственная комиссия подписала акт о пуске Беловского цинкового завода в эксплуатацию. В течение 1930–1932 годов рядом с предприятием появился соцгородок с 22 двух- и трехэтажными кирпичными домами, кирпичной поликлиникой, хирургическим и родильным отделениями больницы, большими корпусами школ № 1, 3 и ФЗУ. К началу 1932 года была проложена железнодорожная ветка от Гурьевска до Салаира, связавшая предприятие с Салаирской обогатительной фабрикой, сданной в эксплуатацию в 1934 году. В течение пяти лет металлурги нового завода приобретали знания и наработывали опыт выплавки цинка, прежде чем в 1935 году выдали 12 200 тонн металла и почти достигли годовой проектной мощности¹. За высокие показатели директор Белово-Салаирского комбината Н. И. Баландин был премирован заграничной командировкой в США.

В дальнейшем завод из года в год продолжал наращивать производственные мощности. После Н. И. Баландина, репрессированного в 1937 году, комбинат возглавляли Горбачёв (1938 г.), В. Иванов (1940 г.). В 1939 году беловские металлурги, работая на десяти дистилляционных печах, трех печах Веджа и одной машине Шлиппенбаха, выпла-

вили 19,4 тыс. тонн чушкового цинка. Специалисты обсуждали план расширения профиля завода и превращения его в химико-металлургическое предприятие, производящее серную кислоту, литопонную краску, купорос и другие химические продукты².

В период предвоенных пятилеток Кузбасс кардинально изменился. Несмотря на огромное количество трудностей — нехватку финансирования, недостаток квалифицированных кадров, отсутствие современных технологий, репрессии в разных отраслях экономики, малоэффективное управление и т. д., в регионе была создана мощная тяжелая промышленность. Были построены десятки новых предприятий: угольных шахт, химических заводов, перерабатывающих фабрик. Один только Кузнецкий металлургический комбинат выплавлял чугуна и стали больше, чем некоторые малые страны Европы. Накануне Великой Отечественной войны Кузбасс превратился во вторую угольно-металлургическую базу страны, которая в годы тяжелых испытаний стала основным промышленным арсеналом СССР, обеспечившим победу над фашистской Германией.

¹ Знамя ударника. 1936. № 1. 1 января; № 109. 7 ноября.

² Белово / гл. ред. В. П. Щелканов. Новосибирск, 2000. С. 158.

Глава 7

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
КОЛХОЗНОГО СЕКТОРА**

§ 1. Коллективизация и раскулачивание в конце 1920-х — начале 1930-х годов

Сельское хозяйство к концу 1920-х годов. «Великий перелом» 1929 года открыл качественно новую страницу в истории российского общества. В передовице газеты «Правда», опубликованной 7 ноября 1929 года, Сталин объявил «о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов». Генсек ЦК ВКП(б) уверенно заявлял: «Нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь только кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено разоряться и прозябать в нищете, — к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому»¹. Такие благие намерения декларировал лидер страны в конце 1920-х годов, однако предстояло пройти довольно трудный путь их претворения в реальную жизнь.

Одновременно с указанной программной декларацией Сталина Кузнецкое окружное земельное управление представило Кузнецкому окружному исполнительному комитету отчетный доклад, характеризующий состояние и потенциал к концу 1920-х годов основных отраслей сельского хозяйства Кузнецкого округа, какими были полеводство, животноводство и пчеловодство. Отмечалось, что во второй половине 1920-х годов в области полеводства наметился ряд позитивных сдвигов в виде расширения посевных площадей и применения различного рода агротехнологий. Декларировалось развитие животноводства и пчеловодства. В 1928 году в сравнении с 1927 годом посевная площадь выросла на 30%, в 1929 году — еще на 15%. Увеличение площади посева в основном было достигнуто за счет яровых культур, что связано с приоритетом пшеницы как культуры более ценной и высокотоварной.

¹ Сталин И. Год великого перелома: к XII-й годовщине Октября // Правда. 1929. № 259. 7 ноября.

Таблица 63

Динамика и структура посевных площадей в Кузнецком округе в 1927–1929 годах

Посевные площади	1927	1928	1929
Социалистический сектор, га (%)	2 419 (100)	4 896 (200)	17 187 (700)
Индивидуальные хозяйства, га	183 412	215 975	243 552
Всего по Кузнецкому округу, га (%)	185 831 (100)	220 871 (120)	260 739 (150)

Источник: Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ Кузнецкому окрисполкому, 19 ноября 1929 // ГАК. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 32. Л. 22–23.

Данные, представленные в таблице 63, показательны в двух отношениях. С одной стороны, они демонстрируют, что соцсектор, о победном шествии которого заявлял Сталин в программной публикации, к концу 1920-х годов все еще был каплей в море индивидуальных крестьянских хозяйств. С другой стороны, показателен семикратный рост посевных площадей в соцсекторе в 1929 году в сравнении с 1927-м, что было связано с реализацией целенаправленной государственной политики по переводу аграрной сферы страны на социалистический путь развития.

Увеличение посевных площадей соцсектора во второй половине 1920-х годов достигалось благодаря совокупному действию ряда факторов. Во-первых, по линии крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) осуществлялось государственное снабжение посевным материалом бедняцких и маломощных хозяйств, объединявшихся в коммуны. Во-вторых, коллективные хозяйства снабжались семенами трав и корнеплодов, а также сортовыми семенами. В-третьих, в округе были организованы дополнительные зерноочистительные пункты, пункты проката сельхозинвентаря, ремонтные мастерские, осуществлен завоз сельскохозяйственной техники².

² Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ Кузнецкому окрисполкому, 19 ноября 1929 // ГАК. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 32. Л. 23–25.

Весной 1929 года в кузбасских селах функционировало 40 прокатных пунктов сельскохозяйственной техники, имевших в своем распоряжении в общей сложности 150 плугов, 55 борон, 60 сеялок, которые предоставлялись крестьянам в аренду. В регионе действовали три тракторные колонны по десятку тракторов в каждой, предоставлявшихся колхозам также в аренду.

На основе широко распространившихся к концу 1920-х годов кооперативных учреждений повсеместно возникали новые коллективные хозяйства в форме ТОЗов и артелей. Получала все большее распространение практика содействия крупных промышленных предприятий региона проведению уборочной страды. В частности, в уборочной кампании 1929 года в Кузнецком округе было задействовано в общей сложности 50 специальных рабочих бригад¹. С целью обеспечения быстро растущего рабочего населения Щегловска, Ленинска, Прокопьевска были организованы артельные огороды общей посевной площадью в 45 га. Соответствующая политика господдержки аграрной сферы в целом и социалистических хозяйств в частности способствовала росту посевных площадей соцсектора.

Развитию в регионе животноводства способствовали следующие мероприятия: проведение случных кампаний, организация конкурсов молочности, контрактация молока. Перспективной отраслью сельского хозяйства в Кузнецком округе было пчеловодство. За счет кредита в размере 15 тысяч рублей в 1928–1929 годах были возведены дополнительные постройки на опытной пчеловодческой станции, где оборудованы два спецкабинета; проведены двухмесячные пчеловодческие курсы; разбит участок под пасеку крупного пчеловодческого объединения, организованного из семи коммун с 450 пчелиными семьями. В Горно-Шорском районе из бедняцких хозяйств организованы две крупные пчеловодческие артели, проведены месячные пчеловодческие районные курсы².

Относительно благоприятные условия сельского хозяйствования, сложившиеся во второй половине 1920-х годов, способствовали усилению работы по укреплению в региональной деревне социалистических форм сельской экономики, что стало приоритетным условием экономического развития страны.

Однако коммунальное (колхозное) строительство в указанный период сталкивалось и с целым рядом объективных трудностей, основными из которых были:

- 1) неудовлетворительная организация и учет труда колхозников;
- 2) недостаток грамотных специалистов, организаторов колхозного строительства;
- 3) нерациональные капиталовложения в колхозах;
- 4) слабая трудовая дисциплина;
- 5) неготовность новоявленных колхозников к новой методике аграрной работы.

Одним словом, налицо были все недостатки складывавшейся системы сельского хозяйствования, зачастую насаждавшейся насильно, без должного учета интересов крестьян³. Тем не менее административный нажим делал свое дело и за 1929 год количество колхозов в Кузнецком округе увеличилось вдвое, а численность домохозяйств в них — втрое. С увеличением колхозов решалась задача их укрупнения. Если в конце 1928 года приходилось в среднем 10 домохозяйств на колхоз, то к концу 1929-го — 15. К примеру, если на 1 октября 1928 года в колхозе «Комсомолец» значились 62 едока в 18 домохозяйствах, то на 15 апреля 1929 года — 507 едоков в 107 хозяйствах. В колхозе, например, «Красный пахарь» на 1 октября 1928 года были 62 едока в 13 хозяйствах, а на 15 апреля 1929 года — 250 едоков в 56 домохозяйствах, и так повсеместно⁴.

Советское законодательство знало три формы коллективного хозяйства, которые различались по степени обобществления средств производства их членов:

- а) товарищества по общественной обработке земли (ТОЗ);
- б) сельскохозяйственная артель;
- в) сельскохозяйственная коммуна.

Товарищество по общественной обработке земли было простейшей (первичной) формой коллективного хозяйства, переходной к сельхозартели. В ТОЗе производилось объединение наделов земли его членов в единый земельный массив, который и обрабатывался коллективным трудом его членов. Рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные постройки и другие орудия и средства производства не обобществлялись и оставались в личной собственности членов товарищества.

В сельскохозяйственной артели обобществлялись землепользование, основные орудия и средства производства и труд. Жилой дом, продуктивный скот, птица и мелкий сельскохозяйственный инвентарь обобществлению не подлежали, а оставались в личной собственности колхозного двора. На XVII съезде ВКП(б) Сталин говорил: «Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы — к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма».

Сельскохозяйственная коммуна характеризовалась еще более высокой степенью обобществления, нежели артель. В коммуне обобществлялись землепользование, орудия и средства производства и труд. Коммуна предполагала также обобществление некоторых элементов быта ее членов. На XVII съезде ВКП(б) Сталин указывал: «Будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Буду-

1 Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 57.

2 Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ... Л. 25–26.

3 Доклад о работе среди колхозов Кузнецкого округа за время с 1 октября 1928 по 25 апреля 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 41б. Л. 11–12.

4 Там же. Л. 7.

щая сельскохозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные прачечные, современные кухни-столовые, хлебозаводы и т. д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем заводить свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стираное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом. Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе обилия продуктов»¹.

Таблица 64

Динамика и типология коллективных хозяйств в Кузнецком округе в 1928–1929 годах

Разновидность колхоза	Конец 1928 г.		Середина 1929 г.		Конец 1929 г.	
	Кол-во колхозов	Число домохозяйств	Кол-во колхозов	Число домохозяйств	Кол-во колхозов	Число домохозяйств
Коммуна	20	235	23	646	32	942
Артель	33	367	45	612	50	638
ТОЗ	49	461	96	1 252	111	1 462
Всего	102	1 063	164	2 510	193	3 042

Источники: Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ Кузнецкому окрисполкому, 19 ноября 1929 г. // ГАК. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 32. Л. 24; Доклад о работе колхозов Кузнецкого округа за время с 1 октября 1928 по 25 апреля 1929 г. // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 416. Л. 7.

Примечание. Также к категории коллективных хозяйств с определенной долей условности можно отнести спецтоварищества (машинные, семенные, животноводческие, мелиоративные и пр.), однако они чаще всего не учитывались в статистике колхозов. Таковых на конец 1928 года насчитывалось 378, на конец 1929 года — 329 единиц, в которых участвовало 6 212 домохозяйств.

Из нескольких десятков колхозов (коммун и артелей), функционировавших на территории Кузнецкого округа на 15 мая 1929 года, самыми крупными были семь. Их статистическая характеристика представлена в таблице 65.

Очевиден был прогресс в деле укрупнения колхозов, произошедший ровно за год. На середину 1928 года более или менее крупных колхозов было девять, каждый из которых имел в составе в среднем 43 едока и засеивал около 90 десятин. Год спустя выделялось семь крупных колхозов, но теперь средний колхоз из числа крупных включал уже 228 едоков, засеивавших 436 га, что свидетельствует о пятикратном увеличении размеров главных колхозов округа².

¹ Аксененко Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право. М., 1950. URL: <http://istmat.info/node/23711> (дата обращения: 25.10.2021).

² Доклад заведующего Кузнецким ОкрЗУ Филимонова на заседании бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), 4 ноября 1927 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 238. Л. 14–15. Доклад о работе колхозов... Л. 15.

Таблица 65

Крупные колхозы Кузнецкого округа на 15 мая 1929 года

Колхоз	Кол-во едоков	Пашня, га	Общая территория, га
«Комсомолец»	311	600	10 256
«Красная Заря»	257	560	3 857
«Красный Клин»	317	750	2 500
«Свобода»	150	450	2 000
«Труд»	240	185	2 214
Им. Ленина	222	294	2 100
«Октябрь»	104	214	2 200
Усредненный показатель	228	436	3 589

Источник: Доклад о работе колхозов... Л. 14.

Социальный состав коммун и артелей не изменился. Как в 1927–1928 годах «сложные» колхозы (артели и коммуны) на 75% состояли из бедняцких хозяйств и на 25% — из середняцких, так и в 1929 году пропорция осталась неизменной³.

Необходимо конкретизировать критерии разделения крестьянских домохозяйств по степени зажиточности.

К категории бедняцких относили хозяйства с пятью-шестью едоками, имевшие из имущества примерно следующее: дом стоимостью не более 200 рублей, амбар (не более 50 рублей), 2 лошади стоимостью 200 рублей, 2 коровы (100 рублей), до 10 овец (50 рублей), 2 свиньи (30 рублей), плуг (30 рублей), 2 бороны (5 рублей), 2 телеги (20 рублей), прочее имущество (15 рублей). Таким образом, общая стоимость имущества бедняцкого хозяйства с пятью-шестью едоками составляла в среднем 700 рублей.

Типичное середняцкое хозяйство выглядело следующим образом: дом стоимостью 500 рублей, амбар (100 рублей), 3 лошади (400 рублей), 3 коровы (150 рублей), 15 овец (75 рублей), 3 свиньи (60 рублей), плуг (30 рублей), сенокосилка (200 рублей), конные грабли (120 рублей), 2 телеги (30 рублей), прочее имущество (335 рублей). Общая стоимость середняцкого имущества хозяйства из пяти-шести едоков балансировала в пределах 2 тысяч рублей.

Домохозяйства, стоимость имущества которых варьировалась между 700 и 2 тысячами рублей, колебались между беднотой и середнячеством, и многое зависело от состава семьи и прочих индивидуальных факторов. Таких хозяев зачастую относили к социальной категории маломощных середняков.

Главной отраслью сельскохозяйственной деятельности колхозов Кузбасского региона было полеводство, удельный вес которого составлял 75% от валовой продукции. В связи с созданием новых и укрупнением уже существовавших

³ Некоторые итоги по выполнению Постановления ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1926 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 291. Л. 29 об. — 30. Доклад о работе среди колхозов... Л. 14–15.

Организаторы колхоза в д. Мозжуха. Конец 1920-х // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 53

коллективных хозяйств расширились посевные площади. Если в 1928 году колхозная посевная площадь в Кузнецком округе составляла около 5 тыс. га, то в 1929 году она увеличилась втрое, составив более 15 тыс. га. Засеять эти площади было трудно, поскольку колхозники постоянно сталкивались с нехваткой посевного материала и недостатком кредитов на их приобретение.

Вследствие того что в колхозы объединяли в основном бедняцкое население, степень развития животноводства в коллективных хозяйствах была минимальной. В 1929 году на одно единоличное домохозяйство в среднем приходилось 13 голов скота: 2–3 лошади, 3–4 головы крупного рогатого скота, 6 овец, свинья. Аналогичные показатели в колхозном дворе были вдвое ниже: на один колхозный двор в среднем приходились лошадь, корова, свинья и 3 овечки. Более того, содержание обобщественного скота не отличалось хорошим качеством. Если уж в единоличных хозяйствах уход за скотом в силу установившихся традиций был минимален, то в хозяйствах колхозных скот пребывал в самом неудовлетворительном состоянии. Поэтому ни о каком продуктивном животноводстве в колхозах на конец 1920-х годов не могло быть и речи. Между тем рост рабочего населения региона в связи с начавшейся индустриализацией сильнее, чем раньше, повышал спрос на молочные и мясные продукты. В этой связи одной из главных задач колхозов становилось развитие животноводческой отрасли.

Колхозы задумывались советским правительством как полноценные аграрные предприятия со строгой организацией и оплатой труда. Между тем в 1928 году лишь в четырех коммунах из двадцати была введена четкая ежемесячная оплата труда колхозников (в основном натурой). В этих коммунах все разновидности сельскохозяйственных работ были дифференцированы по разрядам тарифных се-

ток и соответствующим образом оценены. В подавляющем же числе колхозов оплата труда производилась бессистемно, по принципу «по способности и по потребности», не были налажены учет и контроль рабочего времени и качества работ, что не давало стимулов для повышения производительности труда. В 1929 году несколько коммун опробовали сдельно-урочную оплату труда, которая продемонстрировала свою эффективность. Тем не менее неопределенность и бессистемность заработной платы колхозников дестабилизировали на первых порах колхозное движение.

Совершенствование колхозной системы виделось в срочной реализации следующих мероприятий:

- 1) подготовка квалифицированных кадров руководящего состава для коммун, артелей, прочих коллективных объединений крестьян;
- 2) специализация колхозов с учетом природно-климатических и географических факторов местности;
- 3) дальнейшее укрупнение колхозов;
- 4) внедрение в колхозы грамотных агрономов;
- 5) повышение агрономической и общекультурной грамотности колхозников;
- 6) массовая пропаганда и агитация преимуществ колхозного строя;
- 7) внедрение в колхозную среду практики соцсоревнования и прочих социалистических методов повышения производительности труда;
- 8) усиление контроля всех стадий колхозного аграрного производства, в особенности посевной кампании и хлебосдачи;
- 9) финансирование мероприятий по улучшению жилищного положения и бытовых нужд колхозного населения¹.

Времени на раскачку не было нисколько. Делать все следовало быстро и решительно с учетом стремительных темпов развития страны. Центральное руководство государства во внутренней политике сделало окончательную ставку на индустриализацию и коллективизацию. Пятый Всесоюзный съезд Советов, проходивший в Москве в мае 1929 года, утвердил I пятилетний план развития народного хозяйства, который предполагал к 1932–1933 годам коллективизировать 20% индивидуальных крестьянских хозяйств. Поводом для существенной корректировки указанного показателя в сторону увеличения послужили прежде всего внешнеполитические и внешнеэкономические факторы.

¹ Доклад о работе колхозов... Л. 17–27, 41–45.

Плакат «Иди, товарищ, к нам в колхоз!». Художник В. С. Кораблёва. 1930

Плакат «Иди в колхоз». Художник Н. Б. Терпсихоров. 1930

Во-первых, в июле 1929 года начался вооруженный конфликт Китая и СССР на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Для СССР конфликт на КВЖД стал первой серьезной проверкой статуса страны на международной арене. Поэтому 15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение увеличить численность армии и значительно усилить обороноспособность страны, расширив производство вооружения, в том числе артиллерии — в 5 раз, самолетов — в 4 раза, пулеметов — в 6 раз, танков — в 40 раз. С этой целью в экстренном порядке потребовалось форсирование индустриализации путем сооружения сверхплановых оборонных, металлургических, автомобильных и прочих заводов¹. Одним из основных внутренних источников денежных средств в аграрной стране, какой являлся СССР на тот момент, должен был стать экспорт зернопродуктов, которые требовалось изъять у производителей в экстренном порядке и в полном объеме.

Во-вторых, внешнеэкономическим толчком к ускоренной коллективизации послужил мировой экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 года, в результате кото-

рого вполноу, а то и больше, сократились мировые цены на сельскохозяйственную продукцию. Фактически в сложившихся условиях единственным способом не сорвать индустриализационный рынок было демпингование путем выбрасывания на мировой рынок большого количества зерна, которое предполагалось продать по еще более или менее приемлемым ценам, а вырученными денежными средствами оплатить широкомасштабное индустриальное строительство. Единоличники же срывали планы государственных хлебозаготовок, придерживая хлеб в спекулятивных целях. Таким образом, спасение процесса индустриализации настойчиво требовало одномоментной и стопроцентной ликвидации единоличника и концентрации усилий на создании и развитии крупных государственных предприятий в виде коллективных сельских хозяйств — колхозов.

ФОРСИРОВАННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ В 1930–1931 ГОДАХ. С целью решения назревших к концу 1920-х годов вопросов коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств 5 января 1930 года в экстренном порядке было издано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах

¹ Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 57–58.

помощи государства колхозному строительству». Закон устанавливал предельно сжатые сроки коллективизации: в главных зернопроизводящих районах — к осени 1930 года, в крайнем случае к весне 1931-го, во всех остальных районах — к осени 1931 года, в крайнем случае к весне 1932-го. С целью предупреждения противодействия процессу массовой коллективизации вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Закон обязывал государственные и партийные органы в районах сплошной коллективизации немедленно, в остальных районах страны — по мере необходимости ликвидировать сельское кулачество как социальный слой. Соответствующее законодательство стало опорной базой для практической реализации политики коллективизации и раскулачивания на селе¹.

Плановыми показателями на Кузбасский регион было определено коллективизировать к середине 1930 года до 25% всех индивидуальных хозяйств. Согласно отчету Сибкрайземуправления, указанный план удалось выполнить лишь на 60%, коллективизировав к 20 июня 1930 года 13% крестьянских хозяйств². Крайисполком рекомендовал «в строительстве колхозов взять твердый курс на развитие более сложных форм: коммун и артелей, с тем чтобы эти виды составляли по краю как минимум 60 процентов от всех коллективных хозяйств».

Таблица 66

Динамика коллективных хозяйств в Кузнецком округе в 1929–1930 годах, ед. (%)

Разновидность колхоза	Конец 1929 г.	20 июня 1930 г.
Коммуна	32 (17)	102 (33)
Артель	50 (26)	123 (40)
ТОЗ	111 (57)	84 (27)

Источник: Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ Кузнецкому окрисполкому, 4 ноября 1927 г. // ГАК. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 32. Л. 24. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 24.

Таблица 67 свидетельствует о том, что за полгода реализации партийного постановления «О темпе коллективизации...» количество коммун в Кузнецком округе увеличилось втрое, количество артелей — более чем вдвое; ряд ТОЗов как простейших колхозов перешли в ранг более сложных — коммун и артелей. Более того, в коллективных хозяйствах вдвое увеличилась средняя численность домохозяйств: если в конце 1929 года средняя численность колхоза составляла 15–20 домохозяйств, то к 20 июня 1930 года — 35–45 домохозяйств.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. II: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 85, 126.

² Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 24.

Таблица 67

Динамика численности домохозяйств в колхозах Кузнецкого округа в 1929–1930 годах

Разновидность колхоза	Конец 1929 г.	Кол-во домохозяйств	20 июня 1930 г.	Кол-во домохозяйств
Коммуна	32	942	102	6 753
Артель	50	638	123	3 208
ТОЗ	111	1 462	84	1 538
Всего	193	3 042	309	11 499

Источник: Отчетный доклад Кузнецкого ОкрЗУ... Л. 24. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири... С. 27.

Цена достижения приведенных показателей оказалась чрезмерно высока. Одна из проблем заключалась в отсутствии однозначного понимания темпов и методов реализации политики коллективизации. Сибкрайком ВКП(б) 2 февраля 1930 года обязал партийные и советские органы края уже в течение предстоящей сельскохозяйственной кампании вовлечь в колхозы основную массу батрачества, бедноты и середняков. Исполком Кузнецкого окружного совета рабочих и крестьянских депутатов пошел еще дальше, предполагая к концу 1930 года охватить коллективизацией 99,9% селян. Намечали вовлечь в коммуны 61% домохозяйств, в ТОЗы — 29,8%, в сельхозартели — 9,1%³.

Кардинальность мер и отсутствие однозначной стратегии в проведении коллективизации для всех регионов страны привели к ожидаемому сопротивлению со стороны зажиточных и середняцких хозяйств, и тут вступало в действие постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», практическая реализация которого породила целый ряд дополнительных, пользуясь терминологией того времени, «искривлений и перегибов» со стороны региональных властей. Нет оснований всю вину возлагать лишь на местных партийных функционеров. Специалистам хорошо известна фраза заведующего агитпропом ЦК ВКП(б) Г. Н. Каминского, который на совещании представителей районов сплошной коллективизации в январе 1930 года убеждал собравшихся: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело»⁴.

На страницах многочисленных делопроизводственных документов того времени отразилась череда свидетельств о грубых нарушениях местными чиновниками практического исполнения директив ВКП(б) в отношении процедуры раскулачивания. Представим лишь некоторые из них, ярко рисующие трагедию отдельно взятой крестьянской

³ Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 58–59.

⁴ Вьлцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 7.

семьи, а на ее фоне — суровую драму российского крестьянства в целом в этот самый сложный период.

К примеру, факт искривления линии партии при проведении раскулачивания и отсутствия массовой работы с беднотой и батрачеством отмечался в деревне Борисоглебке Итатского района. Там список намеченных к выселению кулаков на общем собрании не обсуждался под предлогом «зачем тратить время». Раскулачивание было проведено не на базе коллективизации. Под него были подведены часть середняков и семья красноармейца. Не был подготовлен склад или сарай для хранения изъятого имущества, все оно развозилось по отдельным домам актива. Скот был согнан в один двор, корма для него не приготовлены; часть кур из-за отсутствия ухода пропала. Когда приступили к выселению кулаков, к сельсовету собрались человек триста. Они разделились на две толпы: женщины впереди, мужчины сзади. Когда стали проезжать кулаки, один из кулаков, инвалид Русско-японской войны, снял свою деревянную ногу и перед толпой произнес такую речь: «Вот, я воевал, потерял ногу, помогал соввласти, платил налог, а меня выселяют». Когда уполномоченный дал распоряжение не задерживаться, проезжать, толпа с криками «Бей паразитов!» бросилась на уполномоченного и председателя сельсовета, которые тут же убежали¹.

Бюро Томского окружкома ВКП(б) и президиум окружной контрольной комиссии выявили грубейшие нарушения директив партии при проведении раскулачивания на территории Мариинского района. Там конфискации имущества был подвергнут ряд хозяйств середняков и семейств красноармейцев. В процессе раскулачивания имело широкое распространение мародерство и расхищение кулацкого имущества работниками районного и сельского советского аппарата. В результате всего этого в глазах значительной части бедноты и среднего крестьянства района мероприятия по коллективизации и ликвидации кулачества как класса были дискредитированы. Ответственность за нарушения возлагалась на часть местного чиновного аппарата, привлеченного в итоге к судебной ответственности².

С целью предотвращения подобного рода явлений 18 февраля 1930 года всем секретарям райпарткомов циркулярно была разослана специальная инструкция, рекомендовавшая придерживаться ряда правил при осуществлении процедуры раскулачивания. Во-первых, при определении кулацких хозяйств, подлежащих выселению за пределы Кузнецкого округа, предлагалось ориентироваться на однопроцентную долю по отношению к общему количеству хозяйств района. Следовало тщательно проверять, чтобы в эту категорию не попали середняки. Во-вторых, категорически запрещалось распродавать раскулаченное имущество, его нужно было передавать колхозам

для использования в качестве паевого фонда для вступающих в хозяйство бедняков и батраков. В-третьих, рекомендовалось усилить надзор за тем, чтобы колхозы приняли на себя засев оставленной кулаками земли и организовали полную сдачу при новом урожае товарных излишков, прихоронившихся ранее на кулацкие хозяйства³.

Инструкция, однако же, не возымела практического действия, и незаконные акции чиновного аппарата на местах продолжались и после нее, поскольку процесс уже шел по накатанной. Ярким примером этого служит административное и совершенно недопустимое проведение раскулачивания в Верх-Чебулинском районе. По инициативе РИКа там была создана группа во главе с секретарем партячейки Сеницыной, которая, к примеру, у кулака Леонова производила обыск и опись имущества: домашней утвари, ношенных шуб, мужских и женских ботинок и т. д. В этом же районе нередки были случаи механического подведения середняцких хозяйств в кулацкие и их раскулачивания. В Мариинском районе, например, председатель РайККОВ (районного крестьянского комитета обществ взаимопомощи), зайдя в дом кулака Манузина, разогнал семью по соседям, сам надел его карманные часы на руку и отправился на собрание граждан, где вызвал огромное недовольство⁴. Подобного рода случаи были довольно распространенным явлением по всем районам Кузбасского региона.

Как закономерный результат — в деревне разыгралась полная вакханалия. Многие крестьяне, ощущая неизбежность вступления в колхоз и опасаясь утраты имущества, распродавали его, массово резали скот, а потом ни с чем вступали в колхоз. Так поступали даже партийные работники. Нередкими стали случаи терактов против уполномоченных и активистов колхозного движения. В Кузнецком округе ОГПУ было зарегистрировано 5 убийств, 9 избиений колхозных активистов, 14 поджогов, 17 анонимок с угрозами, 2 призыва к бунту. Как в местные властные органы, так и в Москву на имя Сталина и Калинина шел непрерывный поток жалоб на самоуправство местных чиновников. В ответ крестьяне лишались избирательных прав, теряли имущество. Даже начальник отдела ОГПУ по Кузнецкому округу признавал, что подобного рода административно-репрессивная политика в отношении крестьянства «носила партизанский характер, граничила с грабительством и сопровождалась всякого рода издевательствами»⁵.

Не возымело должного воздействия даже сталинское «Головокружение от успехов», гласившее: «Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно»⁶. Дело в том, что запущенный репрессивный механизм уже

1 Информационное сообщение заведующего информационным сектором Ачинского окружкома ВКП(б) Панарина в районные комитеты ВКП(б), 10 февраля 1930 года // ГАК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 96. Л. 42–43.

2 Постановление бюро Томского окружкома ВКП(б) и президиума окружной контрольной комиссии, 15 февраля 1930 года // ГАК. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

3 Письмо секретаря Кузнецкого окружкома ВКП(б) М. Икса «всем секретарям райпарткомов», 18 февраля 1930 года // ГАК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

4 Директива заведующего оргинструкторским отделом Томского окружкома ВКП(б) Беккера районным комитетам ВКП(б), 7 марта 1930 года // ГАК. Ф. П-108. Оп. 11. Д. 9.

5 Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 60.

6 Сталин И. Головокружение от успехов // Правда. 1930. № 60. 2 марта.

трудно было повернуть вспять. Справедливости ради следует признать определенную лукавность сталинской статьи, в которой вся ответственность за негативные последствия форсированной коллективизации и раскулачивания перекладывались на местных партийных, советских и колхозных работников. В этой связи статья «Головокружение от успехов» с удовлетворением была воспринята крестьянством, поскольку в ней осуждались «перегибы» в колхозном движении; в то же самое время она вызвала растерянность и замешательство среди местных работников, так как теперь именно на их плечи ложилась вся ответственность за «перегибы» в форсировании темпов коллективизации.

Между тем директивы о сокращении сроков и увеличении темпов колхозного строительства исходили из центра и прежде всего от самого И. В. Сталина, который был очень хорошо осведомлен о положении дел на местах, регулярно получая информационные сводки о ходе коллективизации и об «извращениях» политики партии в колхозном строительстве. Поэтому в ряде регионов страны сталинская статья вызвала отрицательную реакцию со стороны практических работников колхозного строительства в силу ее противоречивости, ведь было очевидно, что без серьезного административного нажима выполнить плановые установки по коллективизации в определенные сроки было попросту невозможно¹. В любом случае, под видом проведения политики раскулачивания в целом ряде моментов фактически осуществлялось ограбление сельского населения. Отрицательная реакция людей была делом вполне закономерным и абсолютно естественным.

В сохранившихся сводках ОГПУ много сообщений о крайне негативной реакции крестьян на действия властей в деревне. С иллюстративной целью приведем некоторые из них, поступившие из Кузнецкого района Кузнецкого округа. В деревне Куртуково кулачество проповедовало, что «пришло крепостное право, крестьян всех сгонят в круг, и будет этим кругом командовать коммунист, так как руководителем беспартийного не поставят. Вот и будут опять дворяне». В деревне Бунгур «кулак Степанов Иван на собрании выступил с явным протестом против коллективизации, говоря: „Нам ваши коллективы не нужны, и мы ввязываться не будем и не пойдём!“ В селе Калтан зажиточный крестьянин Ефим Ерофеев говорил: «Ничего у государства не выйдет, если оно разорит кулаков и зажиточных. Надо бы всем зажиточным собраться и послать человека в Центр с жалобой на притеснения и мучения зажиточных».

Органы государственной безопасности свидетельствовали о вполне естественных в данном случае попытках организованного противостояния со стороны зажиточных крестьян грубым и насильственным методам проведения коллективизации. Так, в деревне Костенково Кузнецкого района была раскрыта банда из четырех человек. В Прокопьевском районе была выявлена «группировка ку-

Плакат «Вышибем кулаков из колхозов». 1930

лаков в двенадцать человек, ставящая своей целью сделать восстание». В деревне Бабанакowej Бачатского района кулак-лишенец Зиновий Бабанак, подлежавший выселению, 15 февраля собрал группу крестьян около лавки Центроспирта, где подговаривал: «Дождаться бы только весны, а весной мы им покажем. Хлеба для нас на приисках хватит, и мы еще можем с ними померяться силами». При этом присутствовавший кулак-лишенец из деревни Уроп Ленинского района Леонтий Алексеевич Редаков вторил Бабанаккову: «Чего дожидаться весны, надо действовать сейчас, пока не поздно, а то выселят нашего брата, и тогда мы будем не в состоянии бороться». ОГПУ установило ряд фактов бегства кулаческих групп, состоявших из трех-четырех человек, на хутора и заимки горно-таежных Крапивинского, Горно-Шорского, Кузнецкого районов. Во избежание объединения кулаков и предотвращения возможного бандитизма таежные районы периодически прочесывались оперативниками политического управления². Все это примеры отдельных и, следует признать, довольно беззубых

¹ Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории... С. 6–7.

² Сводка уполномоченного ПСТ Королькова, ст. уполномоченного «КРО» Дулова и начальника СДТО ОГПУ ст. Топки Царёва в Кузнецкий окружном ВКП(б), 3 марта 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 488. Л. 11–12.

попыток противостояния зажиточных селян репрессивной политике государства.

К весне 1930 года маховик репрессий заработал в деревне еще более основательно, обрушившись в том числе и на середняка. Так, уполномоченный Ленинского райкома ВКП(б) докладывал в Кузнецкий окружком, что в районе имели место «крупные ненормальности», суть которых сводилась к следующему: экспроприация имущества у кулаков проходила под знаком массовой распродажи кулацких хозяйств «с молотка вплоть до белья», причем этой распродаже было подвергнуто сравнительно большое число середняцких хозяйств. Поголовная распродажа кулацких и середняцких хозяйств вызвала местами паническое настроение среди основных масс крестьянства и послужила причиной не менее массового укрытия имущества — преимущественно средств производства и предметов домашнего обихода — не только кулаками, но и середняками.

Можно привести ряд характерных и показательных примеров. Тимофей Матвеевич Федосеев, инвалид боевых действий III группы, батрак. Имел две лошади, пять коров, пасеку в 30 ульев. «Был распродан до основания за то, что не уплатил продфонд в количестве 50 пудов. При распродаже изъято все вплоть до белья». Федот Шатров. Имущественное положение: одна лошадь, одна корова. «Распродан до основания за то, что не сдал шесть пудов льноволокна (хотя льна и не сеял)». Николай Матвеевич Колмаков. Хозяйство: семья из восьми человек, изба, две лошади, корова, три овцы, свинья, четыре десятины посева. Сельскохозяйственных машин не имел, наемным трудом не пользовался. «Распродан с торгов до основания за то, что наложили 50 пудов семфонда и 5 пудов льноволокна, которые он не смог уплатить. Имущество было распродано на сумму в 62 р. 50 к.».

Подобного рода «неразборчивые распродажи» явно некулацких индивидуальных хозяйств объясняются стремлением местных чиновников во что бы то ни стало выполнить план коллективизации. Там, где административно-репрессивный аппарат работал на всю катушку, коллективизированное население доходило до 100%, и наоборот¹. Поэтому местных функционеров, собственно говоря, очень легко понять. Система была такова, что если бы они не выполнили задание партии и правительства, то сами бы подверглись репрессиям. К тому же многие партийцы в своих действиях были искренне преданы идеалам революции. В некоторых же случаях раскулачивание выступало средством сведения личных счетов деревенской бедноты с зажиточным крестьянством. Все это значительно осложняло процесс раскулачивания, неимоверно обостряло социальные отношения на селе. Таким образом, в одних случаях было рвение отдельных функционеров полноценно реализовать правительственные установки, в других — обще-

ственные противоречия в каждом отдельно взятом селе — усугубляли всю тяжесть коллективизации.

Например, в деревне Берёзовой партийным активом было организовано общее собрание домохозяев, на котором им в категоричной форме было указано сформировать коммуны. Предложенная на собрании методика создания коллективного хозяйства отличалась жестокой оригинальностью. Все налоговые карты домохозяйств были разделены на две группы: «волки» (кулаки) и «труженики» (середняки и бедняки). «Волки» без разговоров подлежали выселению туда, где им и положено было находиться, — в лесные районы. Всякий, кто из категории «тружеников» воздерживался от вступления в коммуну или просил отсрочки, чтобы посоветоваться с семьей, автоматически попадал в группу «волков». Такому лицу вне зависимости от его социального положения сельсовет предлагал выдать удостоверение о том, что он «не желает выполнять постановления о сплошной коллективизации, а желает жить с кулаками, и отведено ему место на кочке, и что он должен очистить место из села». Голосование домохозяев по вопросу создания единой коммуны было поставлено не менее радикально: «Советская власть — за или против!» Таким образом, почти вся деревня одновременно была записана в колхоз². Метод максимально кардинальный, но эффективный.

В целом в Кузбасском регионе, как и почти во всей стране, запугивания, административный нажим, произвол партийных и советских чиновников стали вполне обычной практикой реализации политики сплошной коллективизации. Полная распродажа имущества была действенным средством вовлечения в колхозы середняков. При такой системе работы на местах стали процветать беззаконие, мародерство, сведение личных счетов. К примеру, в селе Шевели Щегловского района был «до основания распродан» «маломощный середняк Мениев». Активный участник Гражданской войны, бывший председатель сельсовета, он был «распродан» новым председателем под предлогом уклонения от хлебозаготовок. Средняки под угрозой полного разорения резали скот и записывались в колхоз с надеждой когда-нибудь снова завести свое личное хозяйство.

Драматизм коллективизации отражен в многочисленных делопроизводственных документах. Например, «распроданный середняк» Новиков заявил, что он «не жалуется на распродажу, мол, раз не смог выполнить государственной повинности, то подлежит описи и распродаже, вот только обидно, что продали одежду маленькой дочке»³. Аналогичные случаи были распространены во всех районах Кузбасского региона. Так, секретарь Прокопьевского райкома ВКП(б) докладывал, что раскулачивание в районе

¹ Докладная записка уполномоченного Ленинского райкома ВКП(б) Овчинникова в Кузнецкий окружком ВКП(б), 3 марта 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 487. Л. 113–120.

² Письмо секретаря Кузнецкого окружкома ВКП(б) Лотикова и заведующего информационным подотделом окружкома ВКП(б) Степанова в Сибкрайком ВКП(б), 3 апреля 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 487. Л. 104–106; Доклад о состоянии Щегловского района // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 416. Л. 56–57.

³ Доклад о состоянии Щегловского района // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 416. Л. 57–58.

приняло уродливую форму распродаж имущества кулаков по мелочам, включая предметы домашнего обихода, что равносильно мародерству. В целом ряде случаев уполномоченные по коллективизации приобретали за бесценок для себя лично имущество кулаков вместо организованной сдачи его колхозам¹.

В селениях Бачатского, Ленинского, Краснинского и других районов Кузбасского региона селяне загонялись в колхоз путем запугивания ссылкой в «отдаленные необжитые районы»: Нарымский, Туруханский, Приангарский. Всего к середине 1930 года в Кузнецком округе под процедуру раскулачивания подпали около 2,5 тыс. крестьянских домохозяйств, а в них более 10 тыс. человек². Треть из них были высланы в Приангарский район Канского округа.

В результате насильственных мер коллективизации и раскулачивания, осуществленных в январе-марте 1930 года, в деревне возникла угроза начала настоящей гражданской войны, о чем свидетельствуют многочисленные оперативные сводки ОГПУ, в которых участники восстаний именовались «бандитами», а коллективные выступления крестьян относились к категории «банд». Одна из них, с числом участников до сотни человек, действовала на территории города Мариинска, сел Чумай и Усманка, имела связь с подобными группировками в соседнем Ачинском округе и была ликвидирована в марте 1930 года. Еще одна значительная группировка, насчитывавшая в составе более двух десятков человек, действовала по всему северу региона (в Судженском, Мариинском, Малопесчанском, Ижморском районах) и была ликвидирована в апреле 1930 года³. Деревня, оказавшись расколотой, бурлила и стояла на пороге очередной братоубийственной войны.

Бедняки были настроены крайне агрессивно к своим зажиточным односельчанам. Бедняк Андрей Спицын из села Костенково Прокопьевского района предупреждал: «Если мы их [кулаков] оставим здесь, то они всю нашу деревню спалят только потому, что здесь коммуна. Они даже сейчас, когда только услышали, что их выселяют, ночами грозят: „Не уйдем, пока не отомстим за свое горе“». Крестьянин Гомизюк, бедняк той же деревни, вторил своему товарищу: «Надо их немедленно выселить всех, иначе они нам навредят. Они вечно управляют нами, и им теперь обидно, когда всем управляет беднота и середняки, и особенно у нас в деревне, где 80 процентов крестьян вошло в коммуны, а их не принимают. Поэтому если мы их срочно не выселим, то они будут нам вредить». Крестьянин Бобков, бедняк села Крапивинского, на общем собрании домохозяев села жестко высказывался: «Всю эту сволочь нужно выселить не только из Крапивинского района и Кузнецкого округа, а вообще выгнать за пределы СССР. Довольно они нас эксплуатировали, издевались над беднотой, а те-

перь мы и без них обойдемся. Было время, когда бедняку некуда было обратиться за помощью, и поэтому он шел к кулаку, а теперь мы в помощи кулака не нуждаемся». Бобкова поддерживал его товарищ бедняк Усанин: «Если мы не выгоним кулаков из деревни, то они нас, бедняков, по одному передушат. Сейчас каждый кулак и смотреть не хочет на бедняка. Разорвал бы его, будь его власть!» Позицию своих односельчан поддерживал бедняк Пётр Васильев, который в порыве чувств декларировал: «Кулаков нужно не только выселять, а стирать их совершенно с лица земли, потому что если их переселят в другое место, то они и там начнут вести свою работу. Все равно они нам будут вредить в переустройстве государства, поэтому надо просить правительство соввласти, чтобы они кулаков совсем уничтожили, а не нянчились с ними!»

Середняки были настроены осторожно, высказывая вполне конструктивные мысли. Их концентрированное выражение фиксируется в ряде конкретных крестьянских рассуждений. К примеру, середняки деревни Чащи Топкинского района Иосиф Бондарчук и Иван Гоневич рассуждали следующим образом: «В коммуны вступать середняку пока не нужно. Нужно подождать, потому что в организованных коммунах пока порядка нет: один работает, а другие ничего не делают. Если бы разрешили организацию мелких коммун середняков и бедняков, то это было бы лучше, потому что тут подобрались бы люди, заинтересованные в том, чтобы развить свое хозяйство. А впоследствии можно было бы слить все в единую коммуны — в одну крупную». Это предложение следует признать вполне рациональным. Его поддерживали многие середняки, совокупное мнение которых выразил крестьянин Юрьевского сельсовета Сергей Андреевич Шориков: «В коллектив нужно вступать, но не сразу. Сначала пусть укрепляются старые коллективы, а потом, когда они будут хорошо работать, то крестьяне сами охотно будут в них вступать. А сейчас пока многие боятся, что в коллективе хуже будет, чем в единоличном хозяйстве». Середняк выселка Покровского в беседе с бедняком Яковом Смирновым из деревни Камышиной Краснинского района, убеждая последнего не вступать в коммуны, выражал свои опасения следующим образом: «Коммуны будут чистить четыре раза в год. Мужчин из одной коммуны будут перебрасывать в другую, чтобы дети не знали своих отцов, а жены своих мужей. Вот запишешься в коммуны, а потом вычистят по личным счетам, вот тогда ни за что и придется голодать, так как на работу уже нигде не примут как вычищенного из колхоза». Зачастую середняки вполне справедливо выступали в защиту отдельных кулаков как «исправных мужиков, которые кормили целые села» и боялись «завтра сами оказаться на их месте». Например Ананьин, крестьянин деревни Ананьевой Прокопьевского района, прозорливо возмущался: «Нам что только скажут, мы то и делаем, а сами не думаем, что будет вперед. Ведь мы об этом не знаем. Может быть, их сегодня, а нас завтра выселят, и мы сами друг друга сошлем в ссылку». Дмитрий Андреевич Брошевский, крестьянин села Костенковского того же района, на общем

1 Письмо секретаря Прокопьевского райкома ВКП(б) Гусева ячейкам Прокопьевской организации // ГАК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 157. Л. 9–11.

2 Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 156–157.

3 Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 64–65.

собрании при обсуждении кандидатур на выселение заявлял: «Какие же Власов и Спиридонов кулаки?! Они же век свой нас кормили! Мы, можно сказать, полдеревни, только и жили потому, что они нам давали все, а мы теперь их считаем врагами. А если их не будет, то нам лучше-то от этого не будет. Они платят всем аккуратно, ни с кем не ругаются, плохого от них нет ничего».

Естественно ожидать, что крайне негативную реакцию проявляли зажиточные слои сельского населения. К примеру, Константин Головин, зажиточный середняк, говорил: «Советская власть навалила непосильные обязанности на шею крестьянина, хочет загнать в коллективы, но это ей не удастся. Весна покажет». Отмечались факты агрессии зажиточных крестьян в отношении коммунаров. Например, Алексей Степанович Кутонов, крестьянин деревни Сергеевой Бачатского района, в состоянии алкогольного опьянения, встретив 13-летнего мальчика-коммунара Николая Кутонова, взял его за грудь и бросил о землю со словами: «Вас надо всех по одному передушить коммунаров!» Кузьма Фёдорович Попков, крестьянин деревни Жерновой Прокопьевского района, будучи объявлен кулаком, сказал: «Скоро мы уедем, соберемся в одну кучу, организуем отряд под предводительством попа, и все равно советской власти не устоять, ведь крестьяне все недовольны. Ты посмотри, их всех ограбили, а ведь крестьяне — это большая сила, и скоро будет сделана расправа с коммунистами». На воротах ограды дома избача-партийца Ивана Марковича Валова, крестьянина села Камыслы Краснинского района, была обнаружена анонимка следующего содержания: «Нет больше на свете бандита, громили частных богачей-камыслинцев, сгорел, как свеча, на огне противник богатых, на которых держалась Русь, и любимец ячейки бездельников, шарлатанов-коммунистов. Этот хулиган Валов издох позорной смертью. Он знал, что бог его не любит, и он увлек свою жену из божьего повеления. Искупил свои грехи, но невинно сгорела его жена. Казнители-коммунисты Уфимцев и Кормин, если не распустите коммуны, это будет и вам. Жалейте кулаков, потому что они божьи!»¹

Весной 1930 года колхозникам сеять было нечего, а кулаки сеять отказывались. В результате посевная кампания оказалась под угрозой срыва. Дело в том, что начало процесса форсированной коллективизации крестьянских хозяйств, как это часто бывает, значительно осложнила совокупность погодных и социальных факторов. Во-первых, 1929 год выдался неурожайным. Так, по Кузнецкому округу погибла треть всего озимого клина². Во-вторых, радикальная политика коммунистов относительно обобществления сельского хозяйства значительно ограничила производственные настроения крестьянства. Селяне, как и во вре-

мена продразверстки, вновь перестали сеять хлеба, до минимума ограничив аграрное производство. Между тем около 80% посевных площадей к этому времени все еще принадлежало единоличникам. В сложившихся условиях ставка делалась на колхозные хозяйства. К весне 1930 года на один колхоз приходилось в среднем около 40 голов скота; во всех колхозах Кузнецкого округа к посевной кампании насчитывалось 50 тракторов. Учитывая острую потребность в тягловой силе, во время весеннего сева по линии Зернотреста колхозы округа во временное пользование получили еще полсотни тракторов³. Тем не менее в 1930 году снова, как и в начале 1920-х, произошло сокращение посевных площадей, что грозило очередным продовольственным кризисом. Сокращение посевов составило около 30%. Если в 1929 году было засеяно 372 тыс. га, то в 1930 году — всего 269 тыс. га. Таким образом, политика сплошной коллективизации могла принести негативный результат, прямо противоположный желаемому.

При этом нужно говорить о двух существенных обстоятельствах. Во-первых, несмотря на то что доля колхозных посевных площадей за полгода выросла вчетверо, к середине 1930-х годов она составляла лишь 20% против 80% площади посевов единоличников. Во-вторых, единоличник ответил на политику форсированной коллективизации сокращением посевных площадей. Если в 1929 году на единоличное хозяйство приходилось в среднем 5 га посевов, то в 1930-м — всего 3 га. Все это ставило под удар очередную, может быть, самую важную, государственную хлебозаготовительную кампанию.

К концу 1930 года в Кузбасском регионе насчитывалось около 500 коллективных хозяйств, которые объединили 17,6 тыс. домохозяйств индивидуальных. Таким образом, в среднем на один колхоз приходилось 35 дворов. Усредненный процент коллективизации по Кузбассу — 13. Выше среднего показателя процент коллективизации был в Кузнецком (27%), Ленинском (17%), Беловском (17%), Крапивинском (17%) и Топкинском (15%) районах. Минимальные показатели коллективизации были зафиксированы в Горно-Шорском (5%), Ижморском (6%), Судженском (9%) районах. В остальных районах Кузбасского региона показатель держался на среднем уровне — 10–13%. Помимо этого, в Кузбассе к концу 1930 года функционировал десяток совместных и кооперативных хозяйств — совхозов и коопхозов, в основном животноводческой и овощно-молочной направленности, призванных, главным образом, снабжать население рабочих поселков и городов свежими, качественными и высококалорийными продовольственными продуктами. Такие хозяйства были созданы в Кузнецком, Прокопьевском, Щегловском, Судженском, Ленинском, Тайгинском, Топкинском, Мариинском и Тисульском районах.

Развитие социалистического хозяйствования в деревне требовало продолжения и завершения коллективизации.

¹ Докладная записка начальника Кузнецкого окротдела ОГПУ Новака, начальника УЧОСО Кудашева и уполномоченного Колчина секретарю Кузнецкого окружкома ВКП(б) М. Иксу, 17 апреля 1930 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 487. Л. 46–55.

² Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири... С. 48.

³ Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири... С. 26–28, 31, 33.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1930 года поставил задачу в 1931 году довести коллективизацию крестьянских хозяйств в Сибири до 50%¹. В результате вслед за «антикулацкой кампанией» 1930 года, когда из Кузбасского региона были выселены наиболее зажиточные слои крестьянства, началась вторая волна раскулачивания, пришедшая на 1931 год. Начало очередной кампании было положено постановлением Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 27 апреля 1931 года «О ликвидации кулачества как класса»².

Основным органом управления процессом раскулачивания в границах отдельно взятого района стала райпятачка, состоявшая из уполномоченного крайисполкома, секретаря райкома партии, председателя райисполкома, председателя райколхозсоюза и полномочного представителя ОГПУ. Практика выселения кулаков и экспроприации их имущества в 1931 году была упрощена до предела. При сельсоветах заседали «тройки», которые приобрели право высылки кулаков. Для принятия решения о высылке зачастую было достаточно предложения собрания деревенской бедноты и колхозников. Чтобы избежать выселения, крестьяне вынуждены были прибегать к различного рода хитростям. К примеру, девушки из кулацких семей выходили замуж за бедняков, чтобы их новоявленные мужья ходатайствовали в райисполком об оставлении жен на месте. Многие кулацкие семьи в срочном порядке отправляли своих сыновей в армию, чтобы получить статус семьи красноармейца, которая не подпадала под процесс раскулачивания³.

В этот раз не только середняцкая прослойка, но даже партийные и советские работники восприняли очередную кампанию чрезвычайно болезненно, поскольку пострадали их родственники. В частности, начальник Мариинского райотдела ОГПУ докладывал, что имели место случаи массовых проводов кулаков в селах Дмитриевском, Орлово-Розовском, Покровском, Малопесчанском и других поселениях Мариинского района. Например, в селе Дмитриевском коммунисты и комсомольцы в тот день, когда кулаки их села должны были выехать в Мариинск, с горя напились допьяна и устроили им проводы. Колхозники-комсомольцы в этот день также не вышли на работу. Заместитель председателя сельсовета Подберезин всю ночь пропьянствовал, не хотел дать повод для отправки кулаков и открыто выступал в их защиту, приговаривая: «Эти кулаки нам ничего плохого не сделали, и выселять их не следовало». Вообще все коммунисты Дмитриевской ячейки ВКП(б) в этот день пьянствовали и провожали кулаков»⁴.

1 Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1973. С. 256.

2 Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: мат-лы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания». Кемерово, 2001. С. 81–84.

3 Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 68.

4 Докладная записка начальника Мариинского райотделения ОГПУ Соколова полномочному представительству ОГПУ по Западно-Сибирскому краю // ГАК. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–7.

Плакат «В нашем колхозе нет места попам и кулакам». Художник Н. М. Михайлов. Начало 1930-х

Другой пример. Жители села Кубитет 21 мая 1931 года вышли за полтора километра к Новоподзорновскому тракту, по которому двигался обоз с выселяемыми кулаками, и причитали, обращаясь к сопровождающим: «Куда же вы их выселяете! Они точно такие же труженики, как и мы!» Крестьяне в основном сочувствовали выселяемым, их родственники горевали. Среди крестьянского населения росла волна негодования, что приводило к террористическим актам — поджогам домов, порче колхозного имущества, убийствам активистов колхозного движения. К примеру, 15 мая 1931 года выстрелом из нагана был смертельно ранен секретарь Усманского сельсовета Василевский. Его убийца кулак-лишонец Мухортов был застрелен в ответ при побегах⁵. Крайняя степень недовольства была вызвана тем, что в «антикулацкую кампанию» 1931 года попали очень многие середняки и даже бедняки.

Раскулачивание явно середняцких и даже бедняцких хозяйств поставило в тупик основную массу крестьянского населения. Уполномоченный райпятачки в Прокопьев-

5 Летопись села Кузбасса... С. 69.

ском районе докладывал: «Единоличник раздумывает, на распутье: то ли пахать, то ли идти в колхоз, то ли идти на производство. Необходимо дать ясный лозунг. Полагаю, целесообразно будет: „Запахал — иди на производство, а нам — урожай“. Нужно быстрее ликвидировать празднующую публику из деревни, она размагничивает энтузиазм колхозников. Срочно дать ясные указания сельсовету в части отходников как одних, так и с конями. Также какие организации могут вербовать»¹. С ним был солидарен его коллега по райпятарке, утверждая, что «необходимо сразу с окончанием сева создать условия, облегчающие уход желающим на производство. Тяга большая, а в деревне они почти бездельничают в ожидании, что все же они уйдут на производство. Это будет содействовать дальнейшей коллективизации»².

Действительно, крестьяне, в страхе перед раскулачиванием и коллективизацией, которые грозили потерей всего имущества, предпочитали распродавать его и переезжать в близлежащие рабочие поселки и города с целью устроиться на действующие и строящиеся промышленные предприятия. С декабря 1926 по январь 1931 года население рабочих поселков и городов Кузбасса увеличилось на 162 %³. Впоследствии отток крестьян в города Кузбасса только нарастал. Таким образом, вторая волна раскулачивания свела кулацкие хозяйства Кузбасского региона практически к нулю и обеспечила промышленные производства рабочими руками. Следующие выводы характеризуют динамику роста численности коллективных хозяйств в 1928–1931 годах.

Дата	Колхозы, ед.
Конец 1928 года	102
Середина 1929 года	164
Конец 1929 года	193
Середина 1930 года	309
Конец 1930 года	480
Конец 1931 года	1 605

В 1931 году в Кузбассе сформировалась колхозная система, которой предстояло совершенствоваться в последующие годы. Форсированная коллективизация и раскулачивание фактически стали явлением социалистической революции в деревне. «Коллективизация средних и бедных крестьянских хозяйств является очень революционной, радикальной мерой перестройки сельского хозяйства. Средняки сознаются, что только сейчас они почувствовали настоящую Октябрьскую революцию»⁴, — признавался

в апреле 1931 года председатель ЦИК СССР от РСФСР Михаил Иванович Калинин. На самом деле до конца 1920-х годов большевики в той или иной мере проводили компромиссную политику в отношении крестьянства, но логика развития СССР настойчиво требовала завершения общесоюзных трансформационных процессов и приведения экономической системы страны к должному единству. Как и любой революционный процесс, этот был хаотичен, непредсказуем, таил в себе массу негативных последствий. Теперь, когда колхозная система была создана, главной задачей было ее совершенствование.

Мероприятия по укреплению колхозного строя в начале 1930-х годов. Одновременно с репрессивными мерами по отношению к зажиточным единоличникам, проводились мероприятия по экономическому укреплению колхозов. Если к единоличным хозяйствам применялся кнут, то коллективным давали пряники. Например, появились машинно-тракторные станции (МТС) как государственные предприятия, призванные обеспечить колхозы новейшей сельскохозяйственной техникой и в целом поднять технологический уровень аграрного производства.

В 1931 году на территории Кузбасского региона были созданы 8 МТС: Ленинско-Моховская (44 трактора мощностью в 700 лошадиных сил) и Бачатская (33 трактора мощностью в 618 л. с.) в Беловском районе, Верх-Чебулинская (82/895) и Коноплеводческая (22/280) в Мариинском районе, Итатская (22/285) в Итатском районе, Теплореченская (22/285) в Ижморском районе, Усть-Сосновская (58/724) в Топкинском районе и Прокопьевская (23/295) в Прокопьевском районе. Взаимоотношения МТС с колхозами и единоличными хозяйствами строились на основе договора, одним из главных требований которого было объединение разрозненных земельных участков в единый массив, что также способствовало дальнейшей коллективизации крестьянских хозяйств.

Первые МТС в 1931 году имели в распоряжении тракторный парк из 306 тракторов общей мощностью 4 тысячи лошадиных сил, и это был невиданный доселе прогресс. Конная тяга, применявшаяся в индивидуальных хозяйствах, сменялась машинной, использовавшейся в колхозах, что поднимало аграрное производство на качественно иной уровень развития. Отныне традиционное, к этому времени уже довольно архаичное, сельское хозяйство уходило в прошлое. Ему на смену приходило хозяйствование инновационное, соответствовавшее передовым мировым стандартам. В результате возникала реальная возможность преодолеть проблемы голода, периодически возникавшие в деревне вследствие неурожайных лет, и в полной мере на постоянной основе обеспечить продовольственную безопасность населения. Стабильность продовольственного обеспечения, в свою очередь, должна была способствовать динамичному развитию всей отечественной экономики. В этом плане большевикам в начале 1930-х годов удалось осуществить скачок в будущее, на практике реализовав то, о чем мечтали.

¹ Докладная записка уполномоченного райпятарки Мальцева в Прокопьевский райком ВКП(б) // ГАК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 12. Л. 3–4.

² Сводка уполномоченного райпятарки Аншиенко в Прокопьевский райком ВКП(б) // ГАК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 12. Л. 8.

³ Солоницын Н. Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. VIII.

⁴ За или против колхозов // Калинин М. И. Избранные произведения. Т. II. М., 1960. С. 541, 549.

Трактор ЧТЗ Кузедеевской МТС отправляется на поля колхоза. 1930-е // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

В 1931 году в Кузбассе удалось выполнить задачу, поставленную декабрьским пленумом ЦК ВКП(б) 1930 года, о доведении коллективизации крестьянских хозяйств в Сибири до 50%. Выше среднего показателя процент коллективизации был достигнут в Ленинском (69%), Тисульском (64%), Краснинском (58%), Мариинском (56%) районах. Ниже среднего уровня процент коллективизации был в Судженском (36%), Щегловском (43%), Тайгинском (43%), Итатском (45%), Беловском (45%) районах. Средний показатель отмечался в Кузнецком, Прокопьевском, Суловском, Горно-Шорском, Крапивинском, Ишимском, Топкинском, Ижморском районах (46–53%). К концу 1931 года в регионе функционировало уже 1,6 тыс. коллективных хозяйств, в три раза больше, чем в 1930 году. В них числилось 66,4 тыс. домохозяйств. В 1931-м колхозы несколько укрупнились по сравнению с 1930 годом. Если в 1930 году средний колхоз насчитывал 35 дворов, то в 1931-м — 40 дворов. В 1930 году колхозно-совхозная посевная площадь равнялась 93 тыс. га, а в 1931-м она составила 387,4 тыс. га. Колхозно-совхозные посевные площади к концу 1931 года достигли 70%. В 1931 году на территории Кузбасса возникло еще семь совхозов. В 1932 году создано еще семь МТС на 136 тракторов общей мощностью около 2 тыс. лошадиных сил. Таким образом, к завершающему году I пятилетки в Кузбассе буквально за пару-тройку лет и практически с нуля было создано 1 605 колхозов, 18 совхозов и коопхозов, 15 МТС¹.

¹ Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Новоси-

Широкомасштабное, трудное, крайне непопулярное, но необходимое с точки зрения государственной экономической системы дело было завершено в кратчайшие по историческим меркам сроки. В период I пятилетки состоялся практически одномоментный революционный переход от индивидуальных к коллективным формам сельского хозяйствования. Теперь предстояло наполнить форму содержанием. Для этого требовалась реализация мероприятий по укреплению социалистического хозяйства в региональном селе. В этой связи большое внимание со стороны партийных, советских и хозяйственных органов было уделено организации и учету крестьянского труда в колхозах, выработке оптимальной системы оплаты труда колхозников согласно главному социалистическому принципу: «от каждого по способностям, каждому по труду». По инициативе партийных организаций Кузбасса организовывались районные и кустовые слеты колхозных работников, периодически проводились отчеты-смотры, сельскохозяйственные выставки коллективных хозяйств. В передовых колхозах время от времени устраивались показательные отчетно-выборные собрания, на которые приглашались единоличники и представители «отстающих» колхозов. Достижения коллективных хозяйств тиражировались в повсеместно возникавшей местной периодической печати,

бирск, 1932. Ч. II: Районы Западно-Сибирского края. С. 145–149, 153–156, 159–160, 191–218, 236–248, 256–257, 268–278, 282–283. Ч. III: Таблицы. С. 84–95, 135–284, 387–393, 396.

ставшей рупором социалистических модернизационных преобразований в деревне.

В начале 1930-х годов партийные организации Кузбасского региона развернули активную деятельность по унификации систем оплаты труда колхозников, в частности внедрению трудодня как единой для всех колхозов меры труда и распределения доходов. Также проводились агитационные мероприятия, связанные с пропагандой укрепления социалистической собственности, производственной дисциплины, развертывания в деревне новых форм повышения производительности труда в виде социалистического соревнования и «ударничества». Организовывалось содействие колхозам со стороны городских промышленных предприятий, от которых на село отправлялись рабочие бригады, счетные работники и активисты уполномоченных по коллективизации. К примеру, в 1931 году с Анжеро-Судженских, Ленинск-Кузнецких, Прокопьевских шахт в деревню были направлены в общей сложности 85 счетных и технически грамотных работников. В 1932 году с промышленных предприятий Кемерова на село выехали 175 рабочих бригад, 115 уполномоченных и 20 счетных работников. Все это свидетельствует о том, что колхозы изначально создавались как сельскохозяйственные предприятия нового индустриального типа.

С целью повышения производительности труда и укрепления организационных основ коллективных хозяйств были распространены практики социалистического соревнования и ударничества как аналоги капиталистической конкуренции. Организаторами соцсоревнования среди колхозов стали промышленные предприятия как уже хорошо освоившие эту форму работы. Так, рабочие-ударники ГРЭС Кузнецкстроя в апреле 1931 года в подшефной сельхозартели «Спутник Кузнецкстроя» способствовали формированию трех ударных молодежных бригад. Затем производственный коллектив ГРЭС вызвал подшефную сельхозартель на соцсоревнование. Члены колхоза вызов рабочих на ударную работу приняли. В резолюции собрания сельхозартели было записано: «Заслушав доклад рабочей бригады Кузнецкстроя о строительстве Кузнецкого металлургического завода и перспективах строительства нашего колхоза, мы, колхозники „Спутника Кузнецкстроя“, по зову рабочих вступили в ряды ударников производства своего колхоза и обязуемся обеспечить рабочих необходимыми продуктами питания. Заверяем рабочих Кузнецкстроя, что второй большевистский сев проведем под лозунгом широко развернутого соцсоревнования и ударничества. Выдвигаем встречный план посевной кампании больше первоначально заявленного на 30%». Подобного рода акции и кампании, конечно же, идейно заряжали сельян, прежде всего молодежь, на трудовые подвиги. Вместе с тем передовики производства и ударники труда получали повышенное материальное вознаграждение. Таким образом, движения соцсоревнования и ударничества были как духовными, так и материальными стимулами повышения производительности труда в региональном селе.

Почти все районы Кузбасса в последние два года I пятилетки соревновались либо между собой, либо с районами Западной Сибири. К примеру, в 1932 году Топкинский район соревновался с достаточно успешным Пospelихинским районом и вышел победителем. В результате Топкинский район первым в Западно-Сибирском крае выполнил годовой план хлебозаготовок, за что был награжден переходящим Красным Знаменем, премирован автомобилем, деньгами и сверхплановым снабжением дефицитными промышленными товарами на сумму 30 тысяч рублей¹.

Соцсоревновательный задор того времени показательным образом нарисовал председатель Сталинского горсовета, выступая на II съезде колхозников бывшего Кузнецкого района: «Бригада Виноградова соревновалась с бригадой Панфилова, и бригада Виноградова перегоняла бригаду Панфилова. Бригадир не смог потерпеть того, чтобы потерять первенство. Собирает колхозников своей бригады и говорит им: „Нас подпирает бригадир Виноградов. Колхозники, в соревновании по-большевистски кто первый возьмет знамя в этих колхозах?“ И ночью берут лошадей, идут на поля с лозунгом: „Даешь план!“ А поутру был лозунг: „Есть план!“, и бригада получила Красное Знамя, и это, действительно, товарищи, был разворот темпов в работе, был разворот социалистического соревнования»².

Было бы неправильно думать, что в основе соцсоревновательного процесса лежал только идейный принцип. Безусловно, присутствовала и материальная заинтересованность. Партийные и советские органы перед наиболее ответственными кампаниями всегда принимали решение о выделении специальных премиальных фондов по вознаграждению передовиков производства. Колхозы, сельсоветы, промышленные шефские организации извещались об этом заранее. Например, в апреле 1932 года, в ответственный предпосевной период, по инициативе Прокопьевского горкома партии и горсовета был создан фонд в размере 5 тысяч рублей с целью премирования колхозов за лучшие показатели весеннего сева. В июне семь самых выдающихся колхозов получили премии в размере от 500 до 1,5 тысячи рублей. Осенью этого же года за лучшее проведение уборочной страды шесть колхозов и лучшие колхозники были удостоены специальных премий городского совета. Премирование, безусловно, способствовало активизации движения соцсоревнования. К ноябрю 1932 года из 80 колхозов Прокопьевского района 40 соревновались между собой. Моральным стимулом к развертыванию соревнования было занесение выдающихся колхозов и колхозников на краевую и районные Красные доски почета, награждение переходящими знаменами и почетными грамотами. В частности, в 1932 году «за выполнение годовых планов хлебозаготовок» в Западно-Сибирский краевой

1 Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II... С. 256, 258–260.

2 Доклад председателя Сталинского горсовета Алфеева на II съезде колхозников бывшего Кузнецкого района. 15 мая 1933 года // ГАК. Ф. П-74. Оп. 2. Д. 36. Л. 17.

«Красный список им. XV годовщины Великого Октября» было занесено 27 колхозов Кузбасса.

Конечной целью коллективизационных процессов в деревне было формирование относительно крупных сельскохозяйственных производств индустриального типа. Поэтому содействие промышленных предприятий организации колхозов и хлебозаготовкам было делом вполне логичным. Городские и районные комитеты ВКП(б) Кузбасса из партийных активистов и рабочих-ударников формировали так называемые буксирные бригады. Например, Топкинская буксирная бригада, работавшая в Болотнинском районе, способствовала выполнению годового плана хлебозаготовок 1932 года уже к 24 ноября. Другой пример: Анжеро-Судженская бригада, работая в Ижморском районе, содействовала выполнению плана к 5 декабря.

Соцсоревнование, реализуемое в различных формах, материальное и моральное поощрение передовых колхозов и колхозников, шефство промышленных предприятий над колхозами — все это способствовало улучшению организации коллективных хозяйств, укреплению в них трудовой дисциплины и повышению, таким образом, производительности труда. Все это было важно, чтобы созданный колхозный сектор заработал, принес первые и значимые положительные результаты. К последнему году I пятилетки в Кузбассе, как и в Западной Сибири в целом, господствующей формой колхозного строительства стала артель, занимавшая по степени обобществления имущества единоличников оптимально промежуточное положение между ТОЗами и коммунами¹.

Колхозный строй к концу I пятилетки. К 1932 году, то есть к завершающему году I пятилетки, большинство колхозов, по крайней мере номинально, являли собой сложные и более или менее однотипные коллективные объединения сельхозпроизводителей. Формально, таким образом, задача была выполнена. Главное теперь заключалось в том, чтобы созданная конструкция отлаженно заработала, и это было самым трудным. Эффективность работоспособности любой системы лучше всего проверяется в переломные, решающие моменты. Ответственнейшим периодом в аграрной сфере, когда многое зависит не только от сил природы, но и от человеческих усилий, являются периоды сева и уборки урожая.

Уборочная страда 1932 года стала настоящей проверкой на прочность для колхозного строя, тем более что от выполнения государственного плана хлебозаготовок напрямую зависело выполнение плана индустриализации. Без преувеличения, в данном случае «борьба за хлеб являлась борьбой за социализм». В этой связи огромное значение придавалось эффективной работе колхозных хозяйств, а недоработки руководителей колхозов или отдельных колхозников воспринимались как преступления против советского государства. Многие из созданных буквально вчера и насильно колхозов оказались не готовы биться за урожай, но были и многочисленные обратные примеры.

Плакат «Каждый колхозник, каждая бригада, каждая МТС должны знать план большевистского сева». Художник В. Н. Ёлкин. 1931

К осени 1932 года 80% всех посевных земель в Кемеровском районе принадлежало колхозному сектору, на нем теперь и лежала основная ответственность за реализацию плана хлебозаготовок. Урожайность 1932 года была вполне приличной, составив 11 центнеров с га, что было на 3 центнера больше прошлогоднего показателя. Средняя норма хлебосдачи в 1932 году составила 3,5 центнера с га, что было на 10% меньше хлебосдачи 1931-го. Таким образом, выполнение госплана было задачей посильной и вполне реальной. Многое зависело от расторопности и ответственности руководящего состава всех уровней сельского соцсектора, начиная от колхозных бригадиров и заканчивая районными партийными и хозяйственными управлениями².

Газета «Кузбасс» в сентябре 1932 года буквально пестрила негативными сообщениями о неудовлетворительной работе созданных сельхозпредприятий. К примеру, критиковалась работа колхоза «Красная сибирячка» Старочервовского сельсовета, где на 30 августа была жата всего лишь четверть урожая, причем жатва была некачественная (до 20% колосьев оставались на полосе). Сры-

¹ Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I—II... С. 263—264.

² Кузбасс. 1932. № 217. 18 сентября. С. 2.

вался посев озимой ржи. Руководство колхоза упрекали в неумении и нежелании должным образом организовать колхозный труд, более того, обвиняли в сознательных деструктивных действиях. Аналогичным образом подвергался критике колхоз Воскресенского сельсовета «Красная пчелка», который к концу августа скопил также лишь четверть урожая, причем уборка не отличалась качеством: 25 % осталось на полях. Вместо того чтобы усилить работу, колхозники два погожих дня подряд, 28 и 29 августа, масово пьянствуя, традиционно праздновали съезжий сельский праздник Успения Богородицы, а 30 августа пошел дождь, воспрепятствовавший жатве¹. Вследствие подобного рода недоработок в целом по Кемеровскому району на начало сентября было убрано с полей лишь 40 % урожая, а заскирдовано вдвое меньше — 20 %².

С другой стороны, приводились в пример передовые колхозы и совхозы. Одним из таких объявлялся колхоз «Имени 518 / 1040»³ в деревне Усть-Хмелевке. Колхоз этот к 1932 году охватил 65 % деревенских дворов, включив 65 домохозяйств. Здешние колхозники приступили к хлебоуборке озимых 1 августа. За десять дней убрали 32 га озимой ржи и приступили к уборке яровых и посеву озимых. В результате к началу сентября план был полностью выполнен. Отмечалось, что колхозным успехам способствовали грамотное руководство, правильно поставленные процессы соцсоревнования и ударничества. В частности, своевременная и четкая фиксация трудовых книжек способствовала укреплению дисциплины: колхозники работали без прогулов. Полевые бригады были дисциплинированно устроены еще с весны, разбиты на группы, группы — на звенья. Между звеньями, группами и бригадами организовано соревнование. Правильно был поставлен учет труда и его результатов. Передовые колхозники премировались и поощрялись. Рабочие-шефы завезли в колхоз библиотеку. В свободное от полевых работ время колхозники занимались общественно-политической подготовкой, укрепляя свой моральный дух. Все это способствовало тому, что колхоз работал как отлаженный механизм, за счет чего удалось в максимальной возможной степени повысить производительность колхозного труда. В результате плановые нормы выработки почти ежедневно перевыполнялись. Своей слаженной и эффективной работой колхозники заражали единоличников, являясь, таким образом, образцово-показательным социалистическим хозяйством на селе⁴. Аналогичных показателей достиг колхоз «Красная весна» Мазуровского сельсовета, Суховский совхоз № 326. Газета отмечала, что благодаря правильной организации труда эти хозяйства добились выполнения всех плановых показателей⁵.

Здоровая критика и административные взыскания приносили свои плоды. По состоянию на середину сентября социалистический сектор Кемеровского района плановые задания по хлебозаготовкам перевыполнял. Выполнение 30 % к плану давал единоличный сектор, еще меньше — твердозаданцы (5 %). В целом же район не выбивался из календарного графика заготовок⁶. По данным на 15 сентября 1932 года, было убрано около 60 % посевных площадей⁷. Хороший урожай и благоприятная осенняя погода давали возможность своевременно собрать зерновые и досрочно выполнить хлебозаготовительный план 1932 года к XV годовщине Октябрьской революции. В этой связи объединенный пленум Кемеровского горкома ВКП(б) и городской КК РКК, состоявшийся в середине сентября, помимо прочего, призвал всю районную парторганизацию к «особой бдительности и борьбе с остатками кулачества и его агентуры и оппортунистами всех мастей, стремящихся сорвать уборку и хлебозаготовки и покушающихся на собственность колхозов и совхозов», обязал судебные органы и прокуратуру все означенные дела рассматривать во внеочередном порядке.

Законодательная основа для претворения этого положения в жизнь базировалась на постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Правовой акт гласил, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) священна и неприкосновенна», а «люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа». Закон обязывал органы советской власти применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества⁸.

Первые случаи практического применения закона совпали по времени с хлебозаготовительной кампанией 1932 года. В качестве примера приведем случай «ликвидации кулацкой банды, терроризировавшей колхозников в деревне Кедровка». В составе банды было семь членов: лишенец-кулак Д. Климов (главарь), лишенцы Ф. Климов, Ф. Пономарёва, П. Пономарёв, А. Верещагин, И. Рудометов, В. Попов. Дмитрий Климов обвинялся в том, что «исподтишка распускал слухи о существовании какой-то банды, которая якобы будет истреблять колхозников. Через своих агентов он похитил у колхоза 80 кг гречихи и 80 кг овса, также скопил гектар колхозной травы». «Кулак Верещагин ухитрился пролезть в колхоз и заделался там мельником и за зиму 1931/32 годов похитил 100 пудов муки, а в первых

1 Кузбасс. 1932. № 208. 8 сентября. С. 1.

2 Кузбасс. 1932. № 210. 10 сентября. С. 1; № 213. 14 сентября. С. 1.

3 Название колхоза связано с обещанием правительства построить в I пятилетке 518 заводов и 1040 машинно-тракторных станций. Колхозы «Имени 518 / 1040» были созданы в разных регионах нашей страны.

4 Кузбасс. 1932. № 210. 10 сентября. С. 1.

5 Там же. 1932. № 211. 11 сентября. С. 1; № 214. 15 сентября.

6 Там же. 1932. № 215. 16 сентября. С. 1.

7 Кузбасс. 1932. № 217. 18 сентября. С. 2.

8 СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. № 218. 8 августа.

числах августа увел из колхозного двора корову и зарезал ее, намеревался увести еще и племенного быка <...> У Верещагина был продан с торгов дом, в который вселились колхозники, но Верещагин, задавшись целью уничтожить колхоз, решил поджечь дом. Под предлогом достать табак он залез на чердак, где вынул несколько кирпичей из трубы, набил в нее сухих стружек, но колхозники своевременно обнаружили проделки кулака <...> Иван Рудомётов, лишенец из деревни Новая Балахонка, в тесной спайке находился со всей группой кулаков, терроризировал колхозников. Через своего брата брал из колхоза лучших лошадей для катания и пьянства. 11 августа 1932 года сжал колхозную рожь, разбросал сельскохозяйственный инвентарь <...> Пономарёва Федосья, жена кулака, вычищенная из колхоза, вместе со своим мужем жали колхозную рожь, накануне ареста помогла своему мужу бежать от суда <...> Сын Пономарёва — Пономарёв Пётр принимал участие со своим отцом и тестем Верещагиным в расхищении колхозного имущества: как скота, так и хлеба¹. 18 сентября 1932 года пролетарское правосудие жестоко расправилось со своими классовыми врагами. Приговором суда все, кроме В. Н. Попова, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Подобного рода показательные судебные репрессивные акции, безусловно, устрашали и дисциплинировали недобросовестных и антисоветски настроенных жителей села.

Таким образом, ряд мер агитационно-пропагандистского, административно-хозяйственного и репрессивно-карательного характера наряду с благоприятными погодными-климатическими условиями сельскохозяйственного года в итоге принесли свои плоды. К 14 октября 1932 года первым в Западно-Сибирском крае выполнил годовой план хлебозаготовок соседний с Кемеровским Топкинский район². Кемеровскому району ценой невероятных усилий всех звеньев государственного и хозяйственного аппарата в целом удалось выполнить соответствующий план к 7 ноября 1932 года³.

Структуру распределения колхозного урожая и дохода проиллюстрируем на примере одного из самых высокодоходных колхозов не только Кемеровского района, но и всего Западно-Сибирского края — колхоза «Первые всходы» Комиссаровского сельсовета. Сельхозпредприятие на 1932 год состояло из 80 домохозяйств со 180 трудоспособными колхозниками. Урожайность 1932 года вследствие благоприятности года вдвойне превысила прошлогодней и средний показатель, составив 15% с га, соответственно, вдвойне увеличилась и прибыльность колхоза. Общий валовой доход составил 130 тысяч рублей, тогда как средний валовой доход колхоза по Западно-Сибирскому краю был вдвое меньшим. После стопроцентного выполнения плана хлебозаготовок был создан семенной фонд, обеспечивавший план весеннего сева 1933 года. Для прокорма обществен-

ного скота было выделено 0,5 тысячи центнеров овса, по 3,5 тысячи центнеров сена и соломы. По решению общего собрания колхозников для реализации в сфере колхозной торговли было выделено 1,5 центнера ржи, 25 центнеров пшеницы, 20 центнеров овса, 4 центнера проса, 1 центнер гречи, 100 центнеров соломы и 50 центнеров сена.

После всех обязательных платежей в виде расходов на уплату сельхозналога, возврата семенных и продовольственных ссуд, страхования, процентов по кредитам, тракторных акций, займов; отчислений в неделимый, культурно-бытовой, премиальный и прочие фонды; вычета затрат на производственные и хозяйственно-административные расходы остаток к распределению между колхозниками на оплату трудодней выразился в сумме 65 тысяч рублей. Таким образом, фонд оплаты труда (ФОТ) колхозников составил ровно 50% от валового дохода сельхозпредприятия. В среднем по колхозам Западно-Сибирского края за 1932 год ФОТ составил сумму 23 тысяч рублей, что равнялось 35% от валового дохода сельхозпредприятия. За 1932 год совокупный фонд трудодней в «Первых всходах» равнялся 30 тысячам, вследствие чего оплата одного трудодня составила 2 рубля. Деньгами выплачивалось 1,5 рубля, натурой — 0,5 рубля (6 кг хлеба, 5 кг сена, 6 кг соломы, 3 кг картофеля). Это был втрое больший показатель в сравнении с усредненным показателем по Западно-Сибирскому краю. В 80% колхозов по Западно-Сибирскому краю колхозники зарабатывали до 1 рубля на трудодень, в 18% — от 1 до 2 рублей на трудодень, лишь в 2% колхозов заработок колхозника равнялся 2 рублям и более на трудодень, как было в «Первых всходах» в 1932 году⁴.

Этот пример демонстрирует тот факт, что колхозы при правильной организации труда вполне могли быть эффективными и прибыльными сельхозпредприятиями, а колхозники — если не зажиточными, то вполне обеспеченными. Высокая производительность труда колхозников при грамотном руководстве могла обеспечить хороший доход. Теперь бухаринский лозунг: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство!», обращенный некогда к крестьянам-единоличникам, заиграл новыми красками в отношении колхозников. Если обогащение единоличников оставалось неприемлемым, то обогащение колхозов отныне стало одной из самых главных государственных задач. К сожалению, пример «Первых всходов» был скорее исключением, чем рядовой практикой. Большинство колхозов первой половины 1930-х годов только становились на ноги и в силу этого не были экономически эффективными структурами, а колхозники в подавляющем числе случаев тяжело адаптировались к новой системе сельского хозяйствования. В этой связи очень важно услышать их голоса.

Голоса из прошлого. Для многих тогдашних крестьян столь резкий и бескомпромиссный переход от индивидуальных форм хозяйствования к коллективным стал настоящей трагедией. Для миллионов крестьян

1 Кузбасс. 1932. № 218. 20 сентября. С. 1.

2 Там же. 1932. № 242. 18 октября. С. 1.

3 Кузбасс. 1932. № 259. 7 ноября. С. 2.

4 Кузбасс. 1932. № 262. 12 ноября. С. 1; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 70. Л. 71, 92.

Лицевой счет № 33.
Дудко Ольга Семёновна

Бригада № _____
Звено _____ Фамилия, имя, отчество _____

Содержание записи	Выработано трудодней												Всего за год	В соответствии с п. 15 устава с.х. артели		Число трудодней, за которые начислены доходы	
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		начислено по за хорошую работу	вычтено за плохую работу		
Начислено трудодней	41-82	39-60	42	16-38	161	2683	12										
Всего с начала года	41-82	81-43	123-43	129-71	147-8	174-79	186-79										
Проработано рабочих дней																186,79	

Проработано с _____ по _____ 194 г. _____ дней.
Дополнительная оплата может быть выдана в _____ размере.

Денежные расчеты

Месяц и число	№ документа	Содержание записи	Выдано	Месяц и число	№ документа	Содержание записи	Выдано	Месяц и число	№ документа	Содержание записи	Выдано
		Остаток на 1/1 193 г.				Перенос				Перенос	
		за колхозом	30								
		за колхозником	391 55								
18-III-33		получено									
27-IV	10	Касса	40 2	VI	350	крупи 45	75				
23-V		закрыта	4 20		359	творог 1	3				
2-VI		за мясо	30			итого	33 75				
	69	ветшак	2			Всего	242 95				
23-VI	82	творог 1	3	XI	380	за творог	2				
VII	117	творог 2	7 50			Всего	244 95				
XIII	120	обрат	30 15								
IV	121	творог 1	4 50								
XI	126-130	солв. 2	2								
VIII	95	молоко 115	57 50								
VI	113	обрат 20	10								
IV	114	творог 1	3								
III	114	" "	3								
II	114	" "	3								
III	114	" "	1 50								
IV	114	ветшак 1	2								
V	114	" "	2								
VI	114	творог 1	3								
VII	124	обрат 2	1								
VIII	47	волонка 1	15								
		Итого	209 20								

Итого выдано 244 95
Начислено за трудодни 263 60
дополнительной оплаты: 18 65
Остаток на 1/1 194 г. за колхозом 18 65
за колхозником -

Лицевой счет по начислению и оплате трудодней колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда Арсентьевского сельсовета Барзасского района Дудко Ольги Семёновны. Начало 1930-х // ГАК. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 10. Л. 35 об. — 36

Натуральные расчеты 36

		Юли			август			сентябрь			октябрь		
		мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес
Остаток на 1/14 г.	за колхозом		4	453	34					17			
	за колхозником		-		48,5		48,5		1,5				
	23/II 53	1	25/II 64	1,5			17/II 5		15/III 7	1,7			
	25/II 50	0,5	17/II 49	3			9/II 6		39/II 80	1,3			
	28/II 40	2	10/II 76	3					7/III 18	1,4			
	12/III 52	1,5	20/III 4	3									
	20/III 8	0,5	6/III 3										
	26/III 5	3											
	1/IV 1	2	2/IV 42	6,5		43,5		1,5					
	15/IV 51	0,5	4/IV 43	6	20/IV 3	0,8		Всего	12,5				
	6/IV 50	1,5	10/IV 46	6	28/IV 2	1							
	итого	9	30/IV 50	6	1/VI 8	1							
	в 18	3	26/IV 49	3	30/VI 1	1							
	Всего	21,5	23/IV 46	3		Всего	47,3						
Итого выдано				Всего	87,5								1
Начислено	за трудодни		x 3	00									
	по дополнительной оплате												
Всего начислено				53									
Остаток на 1/19 г.	за колхозом												
	за колхозником												
		Юли			август			сентябрь			октябрь		
		мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес	мес. и число	№ документа	колич. вес
Остаток на 1/14 г.	за колхозом		1	1,5									
	за колхозником		2	1,5									
	24/II 3	1,5											
	25/II 5												
	27/III 2,30	3											
	итого			12,5									
Итого выдано				133									
Начислено	за трудодни												
	по дополнительной оплате												
Всего начислено				112				30		15			23
Остаток на 1/19 г.	за колхозом							30		15			22
	за колхозником			21									

Лицевой счет по начислению и оплате трудодней колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда Арсентьевского сельсовета Барзасского района Дудко Ольги Семёновны. Начало 1930-х // ГАК. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 10. Л. 35 об. — 36

единовременное разрушение традиционного многовекового жизненного уклада обернулось без преувеличения катастрофой. Благодаря Л. Н. Лопатину и Н. Л. Лопатиной, собравшим в 1990-х годах воспоминания жителей Кузбасса, можно представить весь драматизм тех времен. Большинство из представленных мемуарных зарисовок относятся к Щегловскому району, тем не менее описанные случаи были универсальными не только для всего Кузбасского региона, но и для территории всей страны. Все без исключения опрошенные отзывались о насилии над крестьянами при создании коллективных хозяйств, отмечая крайний административный нажим.

«Отец пошел в колхоз потому, что его заставили. Ему дали твердое задание: „Если не выполнишь это задание, то тебя раскулачат и посадят“. Отец сдал. Через некоторое время — новое задание! Опять сдал! Но тут опять новое задание! В общем, твердое задание давали единоличнику раз за разом, пока человек не сдавался и не вступал в колхоз. Так и доводили мужиков! А куда деваться крестьянам? Вот и вступали в колхоз», — И. Н. Шипицын, 1921 г. р., уроженец деревни Барановки Щегловского района.

«Колхозы насильно создавали. Люди недовольные колхозами были. Соберут деревенскую сходку и заставляют крестьян подписываться под добровольным вступлением в колхоз. А если не подписывался — тогда раскулачивание! Ох, сколько горя, плача и причитаний было!» — И. А. Щербинин, 1919 г. р., уроженец деревни Сутуновки Щегловского района.

Большинство интервьюируемых отмечали ухудшение уровня жизни крестьян после массовой коллективизации.

«До колхозов мы хорошо жили. У нас был большой амбар. Он всегда был полон. Мы не были богачами, были и справнее хозяйства. Только коллективизация разорила и нас, и их. Мы работали на государство бесплатно. Нам ставили палочку — трудовень. За него давали зерно, которого на пропитание не хватало. А бывали случаи, когда люди честно работали, а с них все высчитывали, и они оставались ни с чем. У нас в колхозе всегда хлеба плохо рождались. А когда урожай хороший случался, то его куда-то увозили и до колхозников он не доходил. В самые лучшие времена нам на трудовень выдавали два-три килограмма», — Е. В. Баянова, 1923 г. р., уроженка д. Подъяковой Щегловского района.

«На трудовни давали хлеб. Но только один год нам дали достаточно хлеба. А потом вообще ничего не давали. Задаром работали», — А. А. Дубровская.

«Мы всегда полуголодные были. Люди выживали кто как мог. Собирали отходы, то, что на поле оставалось после урожая. Но тогда закон был, в народе его прозвали „Закон о колосках“, который запрещал такой сбор. У нас две женщины взяли отходы в колхозе. Их поймали и дали по три года. За что?! У одной из них было много детей. Ее судили и увезли, а другую оставили отрабатывать в колхозе. Их односельчане жалели. Все же так делали, но попались они. И наша мама ходила по полям собирала колоски», — В. П. Васильева. Воровством это не считалось, крестьяне

полагали, что «берут свое же»¹. Стоит отметить, что столь резкие и жесткие реформы в деревне, безусловно, имели на первых порах своими негативными последствиями ухудшение качества жизни значительного количества сельского населения.

Индустриализация и форсированная коллективизация были, может быть, последним шансом российского государства в минимальные по историческим меркам сроки модернизироваться и рвануть за убегающими далеко вперед с технологической точки зрения западными странами. России как воздух требовались «индустриализация — урбанизация — демократизация» как фундаментальные столпы нового мира. В начале 1930-х годов в стране, собственно, и были заложены основы нового уклада, когда деревня уступила свое приоритетное место городу, мелкие кустарные предприятия — крупной машинной индустрии, индивидуальное и уникальное производство — массовому и конвейерному производству товаров и услуг.

В беседе с У. Черчиллем И. В. Сталин сказал о коллективизации следующее: «Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны [были] механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними бесполезно спорить. После того как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что должен пойти домой и посоветоваться с женой и подпаском. Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов». Сталин намекнул на насильственную борьбу с кулаками, добавив, что «все это было очень скверно и трудно, но необходимо»².

¹ Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л. Коллективизация как национальная катастрофа: воспоминания очевидцев // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: мат-лы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания». Кемерово, 2001. С. 48–52.

² Черчилль У. С. Вторая мировая война. М., 1998. Т. IV. С. 231–232.

§ 2. Развитие колхозной системы в годы II и III пятилеток

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ. В то время как в 1932–1933 годах вследствие совокупности ряда негативных природных и социальных факторов миллионы людей в стране голодали, умирали от голода и связанных с ним инфекционных болезней¹, Кузбасс являл собой поистине райский уголок. Урожайность 1932 года в ряде районов Кузбасского региона вдвойне превысила показатели 1931 года, достигнув 15 центнеров с га². Колхозники региона поставили целью за счет применения различного рода агротехнологий держаться именно такой, повышенной нормы урожайности³. Топкинский район первым в Западно-Сибирском крае в 1932 году досрочно и в полном объеме выполнил государственный план хлебозаготовок⁴. Из-за катастрофического состояния аграрной сферы в начале 1930-х годов в главных зернопроизводящих районах страны партия и правительство возлагали особые надежды на Западно-Сибирский край в целом и Кузбасский регион в частности. Именно они в условиях продовольственного кризиса в традиционно зерновых южных и юго-восточных областях СССР должны были обеспечить основной объем государственных хлебопоставок.

В 1933 году произошло совершенствование законодательства в хлебозаготовительной сфере. Новый регламент проведения хлебозаготовок был определен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 года «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами»⁵. Согласно документу, колхозы

и единоличники отныне должны были выполнять обязательные поставки, имевшие силу государственного налога и исчислявшиеся исходя из фиксированной погектарной сдачи продукции с площади посева. В феврале 1933 года СНК СССР утвердил типовой договор, регулировавший отношения между колхозами и МТС и вводивший оплату услуг МТС натурой в определенных процентах от урожая. В 1934 году были введены обязательные поставки продукции животноводства, исчислявшиеся в зависимости от размеров поголовья скота. Еще одной формой заготовок стали организованные закупки хлеба на «добровольной» основе (децентрализованные заготовки), производившиеся по твердым государственным ценам, которые были несколько выше заготовительных цен, но ниже цен колхозно-рыночной торговли⁶.

С 15 по 19 февраля 1933 года прошел Первый всесоюзный съезд колхозников — ударников передовых колхозов. В последний день работы съезда Сталин рассуждал о том, что уже сделано и что еще предстоит сделать для совершенствования социалистической системы сельского хозяйства. В качестве достижений он отметил создание колхозного сектора, снабжение колхозов передовой техникой и государственную поддержку коллективных хозяйств: «Миллионы бедняков спасли от нищеты и разорения и превратили благодаря колхозам в обеспеченных людей <...> Это первый шаг. Второй шаг — сделать колхозников зажиточными». С этой целью в рамках II пятилетки предполагалось добиться повышения эффективности колхозной системы. Колхозники-передовики приняли итоговое обращение к колхозникам страны, в котором призывали «сделать колхозы подлинно большевистскими, добить в них кулака». Передовики требовали «по-настоящему взяться за наведение строгого хозяйственного порядка в колхозах и на колхозных полях. Взяться за установление твердой трудовой дисциплины, искоренить лодырничество и прогулы среди колхозников. Поднять самую жестокую войну против бесхозяйственности, вредительства, воровства в колхозах, за укрепление колхозной собственности»⁷.

1 Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009. С. 243; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 189; Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008 № 262-5 ГД Банк данных «Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации» (БД НПА ФС РФ). URL: <https://duma.consultant.ru/documents/955838?items=1&page=3> (дата обращения: 25.10.2021).

2 Кузбасс. 1932. 12 ноября. № 262. С. 1.

3 Доклад председателя Сталинского горсовета Алфеева на II съезде колхозников бывшего Кузнецкого района, 15 мая 1933 года // ГАК. Ф. П-74. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.

4 Кузбасс. 1932. 18 октября. № 242. С. 1.

5 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. С. 624–628.

6 Хромова Т. Ю. Сельское хозяйство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. С. 159.

7 Первый всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхоз-

По результатам работы Всесоюзного съезда в регионах страны прошли местные съезды, на которых были озвучены ключевые установки партии и правительства по вопросам сельского хозяйствования. В частности, 15 мая 1933 года в городе Сталинске состоялся II съезд колхозников бывшего Кузнецкого района, в рамках которого были подведены итоги прошедшего этапа колхозного строительства и намечены перспективные планы на будущее. Председатель Сталинского горсовета Е. С. Алфеев предлагал закрепить достигнутые результаты колхозного строительства во время весенне-посевной кампании 1933 года, заставить отстающие колхозы выполнить намеченные планы сева. «Товарищи, — обращался чиновник к делегатам съезда, — отсталых бьют, и бьют беспощадно. Следовательно, эти отстающие колхозы нужно поколотить и основательно, чтобы они поняли и осознали, какие они делают ошибки, не выполнивши план весенне-посевной кампании <...> Нам необходимо поставить вопрос ребром и разрешить его, вопрос о повышении классово-бдительности. Вышибить кулака из колхоза там, где он еще не до конца вышиблен, изжить частно-собственнические настроения колхозников. Но это не все. Вышибая кулака, нам необходимо поднять трудовую дисциплину и сделать колхозы подлинно большевистскими, правильно организовать труд и поднять дисциплину. Нормы труда, которые уже существовали и выработаны, необходимо уточнить по уборке, и поставить надлежащим образом учет. Мы должны по-большевистски драться, чтобы поднять нашу урожайность в районе до 15 центнеров с га»¹.

Вполне естественная неотлаженность в работе быстро и насильно созданных колхозов и нежелание и неумение большинства крестьян в них работать приводило на первых порах к неизбежным сбоям и срывам, которые, исходя из общих партийных установок, выдавались местными руководителями за «классовые вылазки врагов советской власти». Алфеев приводил примеры «кулацких вылазок» как проявлений классово-борьбы: «В ночь на 21 апреля в теплице сельхозартеля „Память Ленина“ Атамановского сельсовета из двенадцати ящиков помидорной и капустной рассады все было выброшено, а земля переверочена <...> в колхозе „Клим Ворошилов“ кулак Пономарев Павел трем лошадям умышленно портил плечи и спины, нарочно надевая не те хомуты, которые нужно было, не давая простыть, поил лошадей после работы, причем вывел лошадей из строя. В колхозе им. Буденного кулак Р. В. Воробьев по трое суток не кормил лошадей, приезжая с работы, бросая их, не давая остыть, не давая корма; похитил двенадцать штук дубленых кож; вместе с Куртуковым похитил 10 центнеров пшеницы, 4 центнера овса, и вместе часто пьянствовали, не выходя на работы по два-три дня»².

зов. 15–19 февраля 1933 г. Стенографический отчет. М. — Л., 1933. С. 288–290, 297.

1 Доклад председателя Сталинского горсовета Алфеева на II съезде колхозников бывшего Кузнецкого района. 15 мая 1933 года // ГАК. Ф. П-74. Оп. 2. Д. 36. Л. 9–10.

2 Доклад председателя Сталинского горсовета... Л. 10–12.

Очевидно, что обыкновенные попустительство, разгильдяйство и бесхозяйственность выдавались за проявления «классовой борьбы». Но что же хотели большевики? Ведь бедняки, неумело хозяйствовавшие и раньше, переносили соответствующий стиль работы и в коллективные хозяйства, а ставшие колхозными работниками середняки, ранее заботившиеся о личной собственности, ныне халатно относились к собственности социалистической. Поэтому насущной задачей было наладить трудовую дисциплину в колхозах, способствовать превращению вчерашних бедняков-разгильдяев в честных и добросовестных тружеников, а середняков — в ответственных строителей нового социалистического общества. Кроме того, следовало решить более важную и сложную задачу: изменить сознание крестьянства в плане отношения к коллективной собственности как к своей личной. Отметим, что эту задачу коммунистам так и не удалось решить в течение всех последующих десятилетий, что и способствовало, на наш взгляд, прекращению существования коммунистического режима.

Сведения о недочетах в работе колхозов поступали изо всех сельских районов Кузбасского региона. Например, по данным на 14 июля 1933 года, в колхозе им. Сталина Прокопьевского сельсовета 42 га было засеяно невсхожими семенами пшеницы; в колхозе им. Молотова Ступишинского сельсовета под полом амбара было обнаружено скрытыми 30 пудов семенной пшеницы; в колхозе «Путь к социализму» Вознесенского сельсовета к началу посевной кампании 1933 года был обнаружен ряд кладей необмолоченной ржи. Молотили уже во время сева, но количество намолоченного хлеба, как и число необмолоченных кладей, учтено не было. Аналогичные случаи преступной халатности и воровства в 1933 году отмечались и в других хозяйствах региона, например в колхозе «Прожектор» Преображенского сельсовета. В Тамбарском сельсовете имело место сокрытие 40 га посевной площади по единоличному сектору. По Тяжинскому сельсовету был обнаружен посев в 5 га, неизвестно кому принадлежавший и не вошедший в общий учет посевных площадей. В колхозах «Красный партизан» и «Комсомолец» Чернышевского сельсовета оказались небороными 35 га посевов пшеницы и гороха; в результате всходы получились редкими и неровными. В колхозе им. Демьяна Бедного Тяжино-Вершинского сельсовета при наличии двух сеялок сев был произведен вручную, но при сохранении тех норм высева, которые предполагались под сеялочный посев. В колхозе «Заря» Новоивановского сельсовета появился в большом количестве луговой мотылек, но борьба с ним не велась³.

С целью предотвращения разгильдяйства и безответственного отношения к колхозной собственности, повышения эффективности работы колхозной системы в 1933 году

3 Письмо председателя Ачинской межрайонной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур Лысова и ответственного секретаря комиссии А. Янчуковской в Тяжинский райком ВКП(б) и Тяжинский райземотдел, 14 июля 1933 года // ГАК. Ф. П-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–18 об.

Удостоверение тракториста, выданное Тисульской МТС В. П. Чеботову. 1935 // Из фондов историко-краеведческого музея Тисульского района

при МТС и совхозах были созданы чрезвычайные органы ВКП(б) — политические отделы. Они были призваны укрепить МТС и совхозы как в политическом, так и в хозяйственном отношении, повысить их роль и значение в колхозном строительстве, оказать необходимую поддержку сельским парторганизациям в осуществлении процесса социалистической реконструкции в деревне. Политотделы, исполняя политические, административные, карательные, хозяйственные и просветительские функции, стали своеобразными ячейками, «глазами и руками» партии на местах.

В Кузбассе в период второй половины 1933 — начала 1934 года при местных МТС было создано 33 политотдела, при совхозах — 17. Политотделы сразу приступили к издательству местных многотиражных газет, пропагандировавших успехи колхозного строительства и вскрывавших недостатки отдельно взятых колхозов. Также одним из важнейших направлений деятельности политотделов стало укрепление низовых партийных и комсомольских организаций, перестройка и совершенствование их работы.

Другим направлением укрепления колхозной системы было ее технологическое обеспечение и совершенствование. В этой связи рос парк МТС, при станциях организовывались учебные курсы для подготовки высококвалифицированных трактористов. Например, в апреле 1934 года 60 человек, окончивших курсы трактористов Улановской МТС, получили права первой и второй категорий на вождение трактора. Тогда же завершили работу четырехмесячные курсы трактористов, организованные при Кемеровской МТС, что позволило выпустить в работу более сотни квалифицированных трактористов. На курсах тракто-

ристов, организованных политотделом Благовещенской МТС Мариинского района, были подготовлены 42 человека, а на курсах трактористов Суловской МТС — 72 механизатора. Всего на 1 октября 1934 года в МТС Мариинского района числился 241 квалифицированный тракторист. В целях пропаганды технических знаний, особенно в среде колхозной молодежи, целые листы ряда колхозных многотиражек были посвящены сюжетам, в которых популярно рассказывалось об устройстве сельскохозяйственных машин и особенностях их ремонта.

Совершенствование колхозного строя партийному руководству виделось в том числе и за счет массового вовлечения в аграрное производство женщин. Пройдя обучение на учебно-производственных курсах, организованных политотделами, многие женщины становились руководителями зве-

ньев, бригад и животноводческих колхозных ферм. К примеру, окончив курсы при Кемеровской МТС в феврале 1934 года, 11 женщин были назначены на ответственные должности бригадиров колхозов Кемеровского района. В свою очередь женщины-бригадиры делились опытом в рамках организуемых ими объединений по интересам — кружков. Например, бригадир Ширяева в колхозе «Кузбасс» Мазуровского сельсовета организовала агрокружок, в котором распространяла передовые агрономические знания. Там же бригадир Поташова сформировала зоокружок. Широкий размах в Кузбассе приобрело движение колхозниц за приобретение навыков управления сложной сельскохозяйственной техникой. Так, на учебных курсах трактористов одной только Кемеровской МТС в 1934 году обучались двадцать женщин. Нередко трактористки по производительности труда не уступали мужчинам. К примеру, трактористка Караульнова Суловской МТС Мариинского района на весновспашке добилась индивидуальной выработки 15 га в смену при норме в 10 га, при этом сэкономила 20% горючего. Трактористка той же МТС Помогаева ежедневно вспахивала на 15–20% больше, чем коллеги-мужчины.

Большое внимание политотделы уделяли повышению результативности шефства городских рабочих коллективов над деревней. Шефские рабочие бригады стали выезжать в подшефные колхозы на более длительный срок и организовывать конкретную адресную помощь колхозникам в налаживании сельскохозяйственного производства. Например, трудовой коллектив КМК, шефствовавший над колхозами Кузнецкого района, на период весенней посевной кампании 1933 года направил в районные деревни два

Плакат «Женщины в колхозах — большая сила». Художник Н. С. Пинус (Бухарова). 1933

десятка рабочих бригад, двадцать кузнецов, десять счетоводов, несколько агитбригад, наконец передвижную киноустановку. По окончании в Кузнецком районе посевной кампании местное руководство отрапортовало: «С помощью рабочих колхозы Кузнецкого района успешно провели весенний сев, увеличив посевные площади на 70 процентов по сравнению с прошлым, 1932 годом»¹.

Были у подобных методов и недостатки. Крестьяне недолюбливали подобного рода «набежчиков с производства», которые, ничего не понимая в сельском хозяйстве, «прибегали», осуществляли крайний административный нажим и «убегали», в то время как «семена падали в мерзлую землю». Как результат — «городские набежчики» рапортовали о досрочных выполнениях плана посева, а потом эти семена просто-напросто не всходили. Следствием подобных административных методов управления сельским хозяйством стал продовольственный кризис в стране в начале 1930-х годов².

XVII съезд ВКП(б), проходивший в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 года, подвел итоги реализации I пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и наметил планы на II пятилетку. Высший орган партийного руководства констатировал тот факт, что «за годы I пятилетки был построен фундамент социалистической экономики, разгромлен последний капиталистический класс — кула-

чество, а основные массы крестьянства — колхозники — стали прочной опорой советской власти в деревне». Объявлялось о коренной реконструкции сельского хозяйства за годы I пятилетки. Декларировалось: «Пролетариат, руководимый ленинской партией, убедил миллионы крестьянства в превосходстве коллективного производства и создал в деревне новый, колхозный строй, а СССР стал страной самого крупного в мире сельского хозяйства»³.

Значение I пятилетки в отечественной аграрной сфере заключалось в том, что ценой невероятных людских жертв и усилий колхозная система хозяйствования в деревне была организована. Отныне стояла задача ее укрепления и развития. В Кузбассе все предпосылки для этого были: некоторые коллективные хозяйства Кузбасского региона уже гремели на всю Западную Сибирь, в особенности Топкинский район, в 1932 году первым в крае выполнивший план хлебазаготовок.

Итоги сельскохозяйственного развития колхозной системы за 1933 год готовились подвести на слете колхозников-ударников Западно-Сибирского края, на котором ждали «всесоюзного старосту» М. И. Калинина. Узнав об этом, колхозники одного из ведущих колхозов Топкинского района «Красное раздолье» постановили избрать Михаила Ивановича своим почетным председателем и присвоить колхозу его имя. «Раздолинцы» демонстративно выписали на имя Калинина трудовую книжку колхозника, которую

1 Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II... С. 300–303.

2 Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Скепсис: научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.net/library/id_459.html (дата обращения: 25.10.2021); Просекоев А. Ю. Проблемы продовольственных кризисов России и опыт их решения. Кемерово, 2018. С. 103–110.

3 О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях Съездов, Конференций и Пленумов ЦК. Т. V. 1931–1941. М., 1971. С. 129–131, 136–137.

председатель колхоза Дюков подписал как заместитель председателя.

Слет в Новосибирске открылся 18 марта 1934 года в торжественной обстановке. В президиум были избраны представители от Кузбасса: член одного из сельсоветов Беловского района Барашнев и колхозница одного из коллективных хозяйств Беловского же района Сторончикова. От Топкинского района Калинина приветствовал колхозник-ударник Лебедев. За успехи в коллективизации и перевыполнение плана хлебаготовок Калинин вручил представителям Запсибкрая почетный орден Ленина. Высоких наград были удостоены передовики сельскохозяйственного производства, среди которых — начальник политотдела Усть-Сосновской МТС Топкинского района Трофим Петрович Бабич-Декан¹.

В середине 1930-х годов опыт, накопленный в первые годы коллективизации, нашел практическое выражение в совершенствовании колхозной системы. В феврале 1935 года на II всесоюзном съезде колхозников-ударников был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели. Документ был призван унифицировать коллективные крестьянские хозяйства по всей стране и сформулировать единые в сельскохозяйственной отрасли правила игры с учетом местных специфических особенностей. Как нам представляется, большое значение в деле укрепления колхозного строя имело выступление И. В. Сталина в комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. «Если вы хотите укрепить артель, — объяснял он колхозникам, — если вы хотите иметь массовое колхозное движение, которое должно охватить миллионы дворов, а не единицы и сотни, если вы этого хотите добиться, вы при нынешних условиях должны обязательно учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы <...> Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. <...> Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов»².

В соответствии со сталинским докладом Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года гарантировал, что из обобществленных земельных угодий в личное пользование каждого колхозного двора должно выделяться по небольшому участку в виде приусадебной земли — огорода или сада. Размеры участка (не считая земли под жилыми постройками) могли колебаться от ¼ до ½ га, а в отдельных районах доходить и до целого гектара. Оговаривалась возможность наличия у колхозников нескольких голов личного скота³. Таким образом, в середине 1930-х годов была произведена скромная попытка компромисса между личными, общественными и государственными

Плакат «Ударники полей в бой за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства». Художник Г. Г. Клуцис. 1932

ми интересами, попытка подобными средствами добиться близкой к стопроцентному уровню коллективизации. На II всесоюзном съезде колхозников-ударников в числе делегатов от Ленинского района Запсибкрая присутствовал Иван Павлович Демидов — бригадир полеводческой бригады колхоза «Труд-нацмен» деревни Новогеоргиевки. Под руководством Демидова его бригада на полях колхоза в течение ряда лет добивалась высоких урожаев зерновых культур. Вернувшись со съезда, И. П. Демидов побывал во многих колхозах района, рассказывал на собраниях о незабываемых впечатлениях от съезда, о задачах, которые поставила партия перед колхозным крестьянством⁴.

Почти весь 1935 год на местах корректировали статьи устава, приводя его основные положения в соответствие с местными условиями сельского хозяйствования. В течение 1936 года в Кузбассе в торжественной обстановке уставы принимались и колхозам вручались государственные акты на бессрочное пользование землей. Развитие в стране тяжелой индустрии способствовало поступлению в колхозы сложной механизированной сельскохозяйственной

1 Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 70–71.

2 Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. XIV. С. 53–54.

3 Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б), 17 февраля 1935 года // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

4 Архивный отдел администрации Ленинск-Кузнецкого муниципального района. Ф. 74. Оп. 3. Д. 4. Л. 79.

Трактор СХТЗ-НАТИ на полях Тисульского района. 1939 // Из фондов историко-краеведческого музея Тисульского района. На фото хорошо видно, что кабина трактора сделана кустарным способом из деревянных досок

техники. Средством повышения производительности труда в стране стало социалистическое соревнование. Особое внимание партийные организации МТС и колхозов уделяли соцсоревнованию колхозных механизаторов и новаторов сельскохозяйственного производства. Теперь уже мало было подготовить хорошие механизаторские кадры, требовалось постоянно повышать производительность их труда.

Если в 1934 году в передовых МТС Кузбасса средняя выработка на трактор составляла 350 га условной пахоты, то в 1935-м появились отдельные трактористы, выходявшие на производительность в 400 га на трактор, а в 1936-м специально созданные тракторные бригады увеличили указанную выработку вдвое. К примеру, в пяти тракторных бригадах Балабаева, Бычкова, Ефремова, Огаркова и Черепнина Черкасовской МТС Прокопьевского района трактористы добились выработки в 800 га на трактор. Высокую выработку и при этом значительную экономию горючего в 1936–1937 годах давали трактористы Елыкаевской МТС Кемеровского района М. Балалаев, А. Иванов, А. Кондратьев, А. Чернов. При норме в 3–3,5 га на косилку лучшие косари колхозов им. С. М. Кирова, «Культура», «Путь животноводства» Прокопьевского района скашивали за смену по 7–8 га. Лучшие машинисты молотилок Губин и Цыганков колхоза «Красная сибирячка» Кемеровского района на молотилке МКА-1100 намачивали за смену по 12–13 тонн зерна.

Движение новаторов сельскохозяйственного производства охватило и животноводческую отрасль, где появились передовики производства. Например, доярки колхоза «За-

веты Ленина» Кемеровского района З. Ельцова и М. Несетерова надаивали по 2,5–3 тысячи литров в год от каждой коровы, скотник колхоза «Путь животноводства» Баталов в 1936 году не допустил ни одного неблагоприятного растения, а телятница колхоза им. Н. К. Крупской того же района Сорокина в течение года вырастила 60 телят, не допустив ни одного падежа. Всего к концу 1936 года в колхозах Кемеровского района числились больше сотни новаторов производства в различных отраслях сельского хозяйства, выполнявших по полторы-две нормы выработки ежедневно¹. Все перечисленное способствовало укреплению колхозного сектора и сельскохозяйственному развитию региона.

СОСТОЯНИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА К СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ. К середине 1930-х годов городское население Кузбасского региона увеличилось семикратно. Более того, половина всего городского населения Западно-Сибирского края проживала именно в Кузбассе. Нагрузка на сельское хозяйство региона увеличилась и была направлена на обеспечение огромного количества индустриальных рабочих.

В середине 1930-х годов половина жителей Кузбасса признавались городскими, то есть не связанными напрямую с сельскохозяйственным производством. Для обеспечения городских и сельских жителей зернопродуктами и овощами засеивалась площадь размером в 875 тысяч га; ее подавляющая часть, 751 тысяча га, засеивалась зерновыми культурами, только 323 тысячи га (43%) засеивали

¹ Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I–II... С. 304–306.

ценной и высокотоварной пшеницей. В 1935 году в Кузбассе насчитывалось 956 тысяч голов разного скота. Структура кузбасского поголовья была такова: лошади — 19%, крупный рогатый скот — 38%, мелкий рогатый скот — 28%, свиньи — 15%.

Таблица 68

Динамика численности поголовья кузбасского стада в 1915–1935 годах

Год	Лошади	КРС	МРС	Свиньи	Всего
1915	327 890	386 259	362 365	185 774	1 262 278
1925	305 425	415 942	604 201	214 162	1 539 730
1935	180 221	361 763	266 431	148 379	956 794

Источники: *Нагнибеда В. Я.* Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года. Томск, 1927. С. 122–181; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. Томск, 1928. С. 50–65; Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах: Краткий статистический справочник. Новосибирск, 1935. С. 154–183.

К середине 1930-х годов в животноводстве произошли некоторые изменения. С появлением на полях тракторов и комбайнов значение лошади как тягловой силы значительно уменьшилось в сравнении с 1915 годом, поэтому восстановление поголовья лошадей в 1935 году до уровня 1915 года уже не имело смысла. Другая тенденция связана с увеличением к середине 1930-х годов поголовья крупного рогатого скота, в основном коров, с 30% в 1915 году до 38% в 1935 году, повысилось значение молочных продуктов для удовлетворения потребностей городского населения. Нельзя не обратить внимания на значительное увеличение мелкого рогатого скота, в основном овец, на 1925 год, что было связано с временной отменой налогообложения этой категории скота с целью восстановления общего поголовья. Как только льгота была отменена, количество мелкого рогатого скота вернулось к ординарному уровню. Доля свиней в общем поголовье оставалась неизменной и минимальной в сравнении с другим скотом, что обусловлено сложностью содержания.

Рост поголовья скота был напрямую связан с увеличением населения региона, а положительная динамика 1925 года обуславливалась еще и специальной налоговой политикой. Исключение составил 1935 год, когда поголовье скота сократилось до уровня 1910-го. Форсированная сплошная коллективизация начала 1930-х годов настолько сократила поголовье, что его не удалось восстановить до дореволюционного уровня даже к 1938 году. Единоличники перед вступлением в колхоз, не заботясь о последствиях, резали свой скот — и рабочий, и продуктивный, и племенной, а скот, оставшийся в колхозах, содержался исключительно плохо. Все это в совокупности привело к катастрофе в области животноводства в 1930-е годы.

Общая статистическая картина состояния аграрной сферы Кузбасса на фоне индустриального производства представлена в таблицах 69–70.

Трудности и противоречия колхозного сектора. Репрессии в селе в годы Большого террора. В колхозной деревне периода II пятилетки была масса проблем, нашедших отражение в исторических источниках. С мест постоянно поступали сообщения о неудовлетворительном положении дел в той или иной отрасли колхозного сельского хозяйствования. Постоянная нехватка семян для сева, несвоевременное выполнение обязательств по государственным хлебопоставкам, частые случаи разгильдяйства и безответственного отношения к колхозному труду¹ — эти явления были неотъемлемой частью колхозной жизни в годы II пятилетки. Например, «в колхозе им. Чапаева машины находятся безнадзорно, после ремонта запасные части растаскиваются по домам, машины затем вновь не ремонтируются». Описывались случаи откровенного воровства: «В ночь на 26 июня льномялка разобрана, украден привод, вал и др. части». Такое же положение дел отмечалось в колхозе им. Кагановича².

Аналогичные сообщения поступали и из иных районов Кузбасского региона. К примеру, секретарь Титовского райкома ВКП(б) Васильев докладывал начальнику Титовского райотдела НКВД Божку о критической ситуации в колхозе «Пламя» Абышевского сельсовета. Он открыто писал, что «в колхозе „Пламя“ по состоянию на 5 декабря 1936 года — полный хозяйственный и политический развал». В частности, «не заскирдовано 164 га хлеба, из них 124 га в горстях, которые уже снегом занесло. Не выкопано 8 га картофеля. Остался под снегом разостланный лен и 1,5 га конопли. В хлебзакуп сдано всего 60 центнеров. Семян не засыпано нисколько»³. Неудовлетворительное состояние колхоза объяснялось «происками кулацкого элемента».

Другой пример характеризует состояние колхоза «Трудовой чуваш» Оселковского сельсовета Киселёвского горсовета. Уполномоченный Калямин докладывал, что «руководство колхоза настолько распустилось, что абсолютно не чувствует никакой ответственности за успешное проведение посевной. Председатель колхоза Игнатъев, завхоз Александров, счетовод Алапаев пьянствуют. Некоторые из колхозников, глядя на них, тоже пустились в пьянство. Фуража недостает, нет сена. Игнатъев, имея у себя на подотчете 400 руб., до сих пор не отчитался. Трудовой дисциплины,

¹ Докладная записка секретаря Гурьевского райкома ВКП(б) Майберга и председателя РИКа Апухтиной секретарю Запсибкрайкома Сергееву и председателю Запсибкрайкома Грядинскому, 24 апреля 1935 года // ГАК. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5. Письмо секретаря Тяжинского райкома ВКП(б) Иванова в Запсибкрайком ВКП(б), 24 апреля 1935 года // ГАК. Ф. П-115. Оп. 1. Д. 19. Л. 27–27 об.

² Письмо начальника Анжеро-Судженского горотдела НКВД Политова секретарю Анжеро-Судженского горкома ВКП(б) Тулину, 5 июля 1935 года // ГАК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 59. Л. 20.

³ Письмо секретаря Титовского райкома ВКП(б) А. Васильева начальнику Титовского райотдела НКВД Божку, 5 декабря 1936 года // ГАК. Ф. П-142. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

Уровень индустриализации и урбанизации в Кузбасском регионе по статистическим данным на 1935 год

Район	Ценовая промышленность обобществл. сектора, ед.	Кол-во рабочих	Валовая продукция, тыс. руб.	Выработка электроэнергии, тыс. кВт·ч	Добыча каменного угля, тыс. т	Металлообработка, тыс. руб.	Вывоз деловой древесины, м ³	Выработка пиломатериалов, м ³	Выплавка чугуна, тыс. т	Население, тыс. чел.	В том числе городское, тыс. чел. (%)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности выше 50 млн руб.</i>											
Сталинский	50	21 509	179 310	249 346	1 561	1 132		54 522	848	266,8	238 (89)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности 25–50 млн руб.</i>											
Прокопьевский	34	14 040	48 735	3 717	4 793	787		8 848		191,5	151,7 (79)
Кемеровский	53	8945	42 790	30 886	700	6 379		84 113		184,4	130,5 (71)
Ленинск-Кузнецкий	35	9 450	25 420	14 080	2 050	936		5 119		112,5	72 (64)
Анжеро-Судженский	16	9 016	24 755	32 201	2 057	2 480				111,7	77 (69)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности 5–10 млн руб.</i>											
Беловский	18	2 595	10 320	4 039		2459		3 351		75,7	35,2 (46)
Тайгинский	9	1 210	5 750	18 013		684				72,4	28,6 (39)
Горно-Шорский	4	1 462	5 250	232				13 760		96,8	21,5 (22)
Мариинский	13	960	4 947	633			523	35 246		60,5	16,2 (27)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности от 100 тыс. до 1 млн руб.</i>											
Тисульский	1	276	765	8 238			43098			57,1	22,6 (40)
Крапивинский	7	151	484				47700			39,7	
Чебулинский	1	50	264			258				36,3	
Топкинский	5	118	195	1 773		1825				65,8	18,5 (28)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности от 10 до 100 тыс. руб.</i>											
Титовский	1	31	90							42,5	
Гурьевский	1	38	52	37					6	55,1	33,3 (60)
Ижморский	1	20	35							49,4	
<i>Районы отсутствия предприятий крупной промышленности</i>											
Тяжинский				11			56 448			63,4	
Юргинский										36,6	
Кузбасс	249	69 871	349 162	363 206	11 161	16 940	147 769	204 959	854	1 618,2	845,1 (52)

Источник: Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах: Краткий статистический справочник. Новосибирск, 1935. С. 154–183.

в особенности за последнее время, не чувствуется, уход за лошадьми плохой»¹. И делопроизводственная документация, и периодическая печать середины 1930-х годов пестрят примерами безответственного отношения колхозников к труду, а также неграмотного руководства колхозами.

Неудовлетворительное качество или недостаток посевного материала, тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря — вот неполный список актуальных проблем почти всех колхозов региона в годы II пятилетки. Весной 1937 года в колхозе «Новая заря» Силинского сельсовета семена

овса в количестве 70 центнеров, влажные, с большой примесью льда, были ссыпаны в амбары слоем 2 м. С наступлением оттепели семена неминуемо должны были испортиться. Проверка, перелопачивание семян и разгрузка не были организованы. Аналогичные проблемы с посевным материалом фиксировались в колхозах им. Ворошилова Ягуновского сельсовета, «Смычка» Крековского сельсовета, «Кузбасс», «Донбасс», им. Карла Маркса Мозжухинского сельсовета, «Красное знамя», «Стрела Советов», им. Кирова Большепромышленского сельсовета, «Первомайский» Осиновского сельсовета и многих других.

В «Первомайском» из 41 рабочей лошади только две были средней упитанности, остальные 39 голов — истощенные, у 20 лошадей отмечены побитость плеч и спин,

¹ Письмо уполномоченного Киселёвского горсовета по Оселковскому сельсовету Калямина председателю Киселёвского горсовета Головневой, 23 апреля 1936 года // ГАК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

Уровень развития аграрной сферы в Кузбасском регионе по статистическим данным на 1935 год

Район	Посевная площадь, га	Зерновые культуры, га	Пшеница, га	Рожь, га	Лошадь, гол.	КРС, гол.	Корова, гол.	МРС, гол.	Свинья, гол.	Население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел. (%)
Сталинский	42 836	29 592	8 332	4 846	11 652	20 884	12 123	6 005	9 047	266,8	238 (89)
Прокопьевский	60 715	50 236	20 660	8 062	12 993	23 682	13 443	14 121	9 617	191,5	151,7 (79)
Кемеровский	52 682	37 915	9 632	6 384	13 907	27 738	15 722	13 198	13 519	184,4	130,5 (71)
Ленинск-Кузнецкий	56 851	48 066	24 141	1 758	10 712	28 425	14 902	27 830	5 735	112,5	72 (64)
Анжеро-Судженский	51 911	40 578	11 299	8 653	10 417	19 166	10 548	15 414	11 406	111,7	77 (69)
Беловский	46 827	41 798	18 033	6 140	8 866	18 904	9 737	13 965	6 941	75,7	35,2 (46)
Тайгинский	54 147	48 260	15 000	8 853	10 644	21 712	11 923	15 029	9 435	72,4	28,6 (39)
Горно-Шорский	33 895	29 040	13 046	1 337	13 715	20 932	10 983	10 422	4 990	96,8	21,5 (22)
Мариинский	56 343	49 850	20 161	12 924	9 849	13 771	7 411	10 502	8 343	60,5	16,2 (27)
Тисульский	38 975	34 680	17 726	1 937	8 502	17 245	9 603	14 143	4 794	57,1	22,6 (40)
Крапивинский	40 284	37 523	20 642	3 114	7 334	22 280	10 674	10 809	6 342	39,7	
Чебулинский	39 150	35 205	20 262	3 537	8 636	10 676	5 217	9 644	4 921	36,3	
Топкинский	53 528	45 880	23 453	7 679	8 762	26 003	13 366	17 259	7 716	65,8	18,5 (28)
Титовский	55 461	50 495	29 654	2 657	8 427	21 601	10 266	22 887	15 521	42,5	
Гурьевский	20 985	17 738	8 550	1 342	6 027	10 842	5 912	11 545	2 961	55,1	33,3 (60)
Ижморский	53 345	47 284	15 514	14 005	8 804	14 960	7 085	16 082	7 863	49,4	
Тяжинский	73 102	66 548	27 488	12 855	13 458	29 616	13 926	23 992	12 468	63,4	
Юргинский	44 669	40 896	19 639	5 846	7 516	13 326	6 401	13 584	6 760	36,6	
Кузбасс	875 706	751 584	32 3232	11 1929	180 221	361 763	189 242	266 431	148 379	1618,2	845,1 (52)

лошади на откорм не были поставлены. Грубых и концентрированных кормов было достаточно, но лошадям они давались с перебоями, лошади сутками стояли голодные. Соответствующие проблемы с тягловой силой также наблюдались в колхозах «Заветы Куйбышева» Кобылинского сельсовета, «Новый молот», «Кузбасс», «Донбасс» Мозжухинского сельсовета, «Красный партизан» Боровского сельсовета, «Новая заря» Силинского сельсовета. В колхозе «Пламя победы» Боровского сельсовета при плане сева яровых 250 га сеялок не было совершенно, мер к приобретению правление не принимало. Аналогичные проблемы с сельхозинвентарем отмечались в колхозах им. Ворошилова Ягуновского сельсовета, «Красная пятилетка», «1 Мая» Березовского сельсовета и других.

Любая система хозяйствования на первых порах таит в себе недостатки, тем более колхозная. Возникавшие трудности и противоречия проще всего было списать на «происки врагов народа», которые осуждались и репрессировались.

К окончанию пятилетки коллективизация села Кузбасса представляло собой множество мелких колхозов. Практически в каждой деревне, даже в 20–30 дворов, имелся свой колхоз. В крупных селах располагалось два-три колхоза. На рубеже 1937–1938 годов насчитывалось 1,6 тысячи колхозов, которые объединяли 83,9 тысячи домохозяйств.

На долю колхозов приходилось от 80 до 90 % всех посевных площадей. В регионе функционировало 40 машинно-тракторных станций, игравших значительную роль в экономическом укреплении колхозной системы. В то же время в мелких колхозах, расположенных вдалеке от индустриальных центров, преобладал ручной труд, основу тягловой силы составляли лошади. Зачастую работа таких колхозов сопровождалась массой экономических ошибок и просчетов, особенно в начислении и учете трудодней и оплате труда колхозников. Во многих колхозах на трудодни начислялись крохи, что, естественно, вызывало недовольство крестьян, на помощь которым приходило небольшое подсобное хозяйство, разрешенное колхозным уставом редакции 1935 года. Известны случаи, когда в Ижморском, Анжеро-Судженском, Крапивинском, других районах Кузбасса среди колхозников распределялось только 30–40 % всех денежных доходов колхоза, что вынуждало селян искать дополнительные заработки, а колхозам приходилось нанимать рабочую силу¹. Все это шло вразрез с социалистической системой хозяйствования. Если официальные издания рисовали радужные картины преимуществ колхозного хозяйства перед индивидуальным, то реальность сельской жизни выглядела иной.

¹ Летопись села Кузбасса... С. 71–72.

Многочисленные сводки НКВД пестрили сведениями о нежелании крестьян трудиться в колхозах и их негативном отношении к колхозному строю: «В колхозе „Путь Ленина“ Кобылинского сельсовета колхозники на работу не выходят, вследствие чего в колхозе еще не обмолочено хлеба более 100 га». «В колхозе „Новая заря“ Силинского сельсовета число невыходцев на работу ежедневно составляет 50 процентов к трудоспособным колхозникам». «В колхозе „Ударник“ Кобелевского сельсовета из 79 трудоспособных колхозников систематически на работу не выходят 40–45 человек, в основном женщины. В колхозе еще не обмолочено хлеба 155 га и не засыпано 280 центнеров семян. Молотьба из-за невыхода на работу колхозников сорвана».

Органы государственной безопасности, отслеживавшие общественно-политические настроения в деревне, отмечали недоброжелательное отношение крестьянства к колхозам в частности и к коммунистической власти, их организовавшей, в целом. В колхозе «Крепи оборону» кузнец Бузайский, а вместе с ним поляки Валяс и Андрищук говорили: «Соввласть кругом обманывает, в колхозах колхозники зарабатывают одни трудовые, а на них ничего не получают. Германия и Польша в скором времени соввласть уничтожат. Сталин не человек — он загнал мужиков в кабалу — колхозы. Соввластью мужики недовольны и в случае войны ее свергнут». В колхозе «Путь Ленина» Кобылинского сельсовета Григорий Кайнов с Иваном Саладиным рассуждали следующим образом: «В колхозах не жизнь, а каторга. Советская власть нас ограбила, мы умираем с голоду, ходим разутые-раздетые. Это все Сталин установил, его бы сюда — и заставить пожить в таких условиях, в каких мы живем. Пятаков и другие троцкисты боролись за нас, крестьян, их за это и расстреляли. Не их нужно стрелять, а самого Сталина бы». В колхозе «Первомайский» Осинковского сельсовета родственники Николай и Илья Гутовы, а вместе с ними Василий Власов и Иван Глухов сетовали: «В колхозе жить плохо. Мы, колхозники, работаем, как лошади, а живем голодные и босые, власть нас кругом ограбила. При царизме мы жили каждый по-своему, всего было полно, а теперь не жизнь в колхозах, а каторга». В этой связи они призывали колхозников: «Япония и Германия соввласть разобьют, а нам нужно их поддерживать, вот тогда будем жить по-старому»¹.

1937–1938 годы, вошедшие в отечественную историю как «период Большого террора», начались с репрессий «недобитых кулаков». На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Сталин заявил, что по всей стране орудует «оголтелая банда наемных убийц», «беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведорганов иностранных государств», и первостепенная задача органов партии и го-

сударственной безопасности на корню пресекать «вредительскую и шпионско-диверсионную работу врагов народа методами выкорчевывания и разгрома». Секретарь ВКП(б) предупреждал своих коллег, что «классовый враг» не дремлет, не спит, но, «двурушничая» и будучи «лишь подмазанным социалистическим миром», продолжает скрытую и филигранную борьбу с советской и партийной властью². В результате был развязан очередной этап кровопролитной Гражданской войны — войны по выявлению и ликвидации «врагов советского народа». Проявляя «партийную бдительность», органы ВКП(б) и государственной безопасности на местах развернули кампанию по практическому воплощению решений пленума в жизнь.

В связи с упразднением 28 сентября 1937 года Западно-Сибирского края пространство Кузбасского региона территориально вошло в состав Новосибирской области. Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Роберт Индрикович Эйхе выезжал в кузбасские районы, призывая местных партийных и советских работников «укреплять колхозы, разоблачая в них врагов народа». В результате очередной надуманной политической кампании за невыполнение жестких плановых заданий, обычные оплошности в хозяйственной работе, нерасторопность, а то и просто по доносу селян обвиняли в сознательном вредительстве советскому строю, шпионаже в пользу разведок зарубежных государств, приклеивали им страшный ярлык «враг народа». Под эту кампанию попали многие председатели колхозов, руководящие партийные и советские работники, рядовые колхозники³.

Среди целого ряда примеров, иллюстрирующих региональную специфику реализации кампании, выделим три случая, вполне типичных и показательных. 15 октября 1937 года председатель Кемеровского горсовета А. А. Токарев в очередной раз рекомендовал секретарю Кемеровского горкома ВКП(б) Рыневичу снять с работы председателя Кемеровской МТС Б., исключить из партии и предать суду. Токарев аргументировал свою позицию следующим образом: «Б. ведет враждебную работу, направленную на развал колхозов <...> В прошлом году по вине лично Б. и его помощников по машинному парку целая группа колхозов (им. Буденного, «Красная пятилетка», им. Калинина, им. Чапаева, „Большевистский сев“, „Н-Молот“, „Ударник“ и др.) оказалась исключительно в тяжелом положении. В этих колхозах погибло большое количество хлеба по прямой вине Б., который сознательно не выполнял договоров с колхозами по комбайноуборке, обмолоту и вывозке зерна автомашинами. Тракторный парк во время сева нынешнего [1937 г.] работал отвратительно, и по этой причине сев в целой группе колхозов затаили, а от этого колхозы понесли большой ущерб. В уборочную текущего года по вине Б. целая группа колхозов вновь оказалась в исключительно

1 Спецсводка начальника Кемеровского горотдела УНКВД Запсибкрая Голубева и начальника 4-го отделения УГБ Ягодкина председателю Кемеровского горсовета А. А. Токареву, 26 апреля 1937 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 1176. Л. 71–75.

2 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 5, 10; 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Там же. № 12. С. 11.

3 Летопись села Кузбасса... С. 72.

тяжелом положении. В этих колхозах, несмотря на все объективные условия, позволяющие закончить уборку и рассчитаться с государством, на 12 октября еще стоит хлеб, не сжат и не заскородан. Причина — Б. сознательно вел дело так, чтобы договора с колхозом по уборке и обмолоту не выполнялись»¹.

23 декабря 1937 года секретарь Юргинского райкома ВКП(б) Моисеев сигнализировал заведующему сельхозотделом Новосибирского обкома ВКП(б) Зайцеву «о засоренности кадров районных МТС контрреволюционным элементом». Подкрепляя свою позицию конкретными фактами, Моисеев докладывал вышестоящему начальству: «В отношении директора Проскоковской МТС Алёхина Филиппа Фроловича и зам. директора Арлюкской МТС Вяткина Фёдора Ивановича следствием установлено, что они являются активными членами контрреволюционной организации правых. Указанная контрреволюционная организация правых ставила своей задачей на военное время: вывести из строя весь автотранспортный парк, организацию контрреволюционных повстанческих группировок в районных колхозах, засорение социально чуждыми контрреволюционными элементами руководящего состава колхозов, срыв хозяйственно-политических задач в районе. С этой целью Алёхин и Вяткин организовали в радиусах действия МТС ряд контрреволюционных повстанческих групп в колхозах, засорили аппараты МТС чуждыми и враждебными элементами, вредительно провели ремонт автотракторного парка в 1936 году, тем самым сорвали уборку и молотьбу в 1937 году, умышленно засорили руководящий состав колхозов и разложили ряд колхозов»². За типичными для того времени формулировками скрывались обычные для российской повседневной действительности трудности сельской экономической жизни, переключившиеся теперь в антигосударственные террористические акты.

Информатор Юргинского райкома ВКП(б) П. Самойлович докладывал в отдел информации Новосибирского обкома ВКП(б) о пожаре на току в колхозе им. Чапаева следующее: «15 сентября 1938 г. утром сторож Калинин оставил горящий костер у кладей ржи, а сам уехал домой. Огонь перебрался на скирды, в результате сгорело 5 кладей с 15 га ржи. Следствием установлено, что этот пожар был организован с целью вредительства. В колхозе органами НКВД вскрыта и изъята группа вредителей в составе председателя колхоза Арлюкова, бригадира Исакова и сторожа Калинина. Все они привлечены по 58 ст. УК и арестованы»³.

Приведенные примеры показывают, как дело из экономической плоскости перетекало в политическую. Положительный эффект этой политической акции заключался в том, что ответственность руководителей всех уровней повышалась многократно. Теперь снятие с должности было наименьшим наказанием; за бесхозяйственность, безответственность и разгильдяйство можно было заплатить и свободой, и жизнью. В этом отношении товарищ Сталин, инициировавший подобного рода схему, был не просто «талантливый кадровик», но «сверхгениальный стратег», в кратчайшие сроки сумевший подготовить страну к суровейшим испытаниям, постигшим ее в начале 1940-х годов.

Подводя итоги, отметим, что II пятилетка, получившая неофициальное наименование «пятилетка коллективизации», в целом завершила коренную модернизацию регионального аграрного сектора. К 1938 году коллективные хозяйства Кузбасса объединяли подавляющее количество (до 90 %) крестьянских хозяйств. Колхозам принадлежало до 90 % всех посевных площадей⁴. За одно десятилетие коренным образом были изменены фундаментальные основы сельского хозяйствования. В кратчайшие по историческим меркам сроки (1928–1937) в отечественной деревне осуществлена настоящая революция, способствовавшая складыванию социалистической системы хозяйствования в СССР. Сельскохозяйственная артель (колхоз) стала основной формой экономики во всех сельских районах Кузбасса. За II пятилетку многие колхозы окрепли и стали поистине крупными механизированными хозяйствами нового типа. Колхозные поля обслуживались передовой сельскохозяйственной техникой трех десятков МТС, развернутых в Кузбасском регионе к 1937 году. Численность механизаторов за годы II пятилетки увеличилась пятикратно. Авторы очерков истории партийной организации Кузбасса вполне справедливо отмечали, что «колхозный строй открыл широкий простор для развития производительных сил в деревне, для создания самого передового высоко развитого, механизированного сельского хозяйства, для зажиточной и культурной жизни всего крестьянства. Деревня навсегда избавилась от кулацкой кабалы и нищеты»⁵. Вместе с тем нельзя забывать и о многочисленных человеческих жертвах, положенных на алтарь этой победы.

Состояние аграрной сферы Кузбасского региона к концу 1930-х годов. Сумасшедший ритм 1930-х требовал полной самоотдачи и максимальной ответственности в совершенно новых и непривычных для селянина условиях. Уровень урбанизации в Кузбассе к 1939 году перевалил за 50 %, между тем горожан нужно было кормить, причем качественно и калорийно. Возросшее индустриальное население, оторванное от аграрного производства, предъявляло повышенный спрос на продовольственные продукты, прежде всего молоко, мясо, овощи. В этой связи развитие получили совхозы. В начале 1930-х годов в регионе их насчитывалось 15. К концу 1930-х в кузбасских районах было

1 Письмо председателя Кемеровского горсовета А. А. Токарева секретарю Кемеровского горкома ВКП(б) К. В. Рыневичу, 15 октября 1937 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 1176. Л. 269.

2 Письмо секретаря Юргинского райкома ВКП(б) Моисеева заведующему сельхозотделом Новосибирского обкома ВКП(б) Зайцеву, 23 декабря 1937 года // ГАК. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 7. Л. 134.

3 Донес информатора Юргинского райкома ВКП(б) П. Самойловича в отдел информации Новосибирского обкома ВКП(б) // ГАК. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 33.

4 Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. Кемерово, 1978. С. 49.

5 Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I-II... С. 306–307.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА

Колхозу Победа сельсовета Ст. Червовский
района Кемеровский Новосибирской области.

В соответствии с утвержденным правительством государственным планом развития животноводства, президиум райисполкома устанавливает для вашего колхоза следующий план развития животноводства на 1938 г.:

I. План поголовья скота и выращивания молодняка:

- а) По лошадям: иметь на 1 января 1939 г. всего 61 лошадей, в том числе из приплода 1938 г. сохранить и вырастить к 1 января 1939 г. 6 жеребят.
- б) По крупному рогатому скоту: иметь на 1 января 1939 г. всего 110 голов крупного рогатого скота, из них 36 коров, 2 волов старше 2 лет и 27 телят рождения 1938 г.
- в) По овцам: иметь на 1 января 1939 г. всего 156 овец, в том числе из приплода 1938 г. сохранить и вырастить к 1 января 1939 г. 40 ягнят.
- г) По козам: иметь на 1 января 1939 г. всего — коз, в том числе из приплода 1938 г. сохранить и вырастить к 1 января 1939 г. — козлят.
- д) По свиньям: иметь на 1 января 1939 г. всего — свиней, в том числе из приплода 1938 г. сохранить и вырастить к 1 января 1939 г. — свиней.
- е) —

II. Для расширения ферм, качественного улучшения стада и увеличения тяговой силы в колхозе:

- а) Законтрактовать и купить у колхозников телок — голов, бычков и воликов — голов.
- б) Купить для улучшения стада ферм племенного скота: — жеребцов, — быков породы; — телок — породы; 1 баранов Премье породы; — ярок — породы; — хряков, свиноматок.

III. Покрыть племенными производителями следующее количество скота колхоза и колхозников: быками Остарки породы 100 коров и телок, в том числе чистопородными быками — коров и телок; баранами Телки породы 150 овцематок; баранами — породы — овцематок; козлами — породы — коз; племенными хряками 6 свиноматок, в том числе чистопородными хряками 6 свиноматок.

IV. В целях помощи колхозникам в обзаведении скотом:

- а) Законтрактовать и купить для бескоровных колхозников — телок.
- б) Продать колхозникам с колхозных ферм: — телок, — овец, ягнят и козлят, — поросят.

V. План по птицеводству и кролиководству:

- а) Иметь поголовье взрослой птицы на ферме к 1 января 1939 г. — голов.
- б) Иметь кроликоматок на ферме к 1 января 1939 г. — голов.
- в) Купить племенных кроликов —; купить из ИПС цыплят —.
- г) Продать колхозникам кроликоматок с фермы — голов.

VI. В целях создания прочной кормовой базы колхоз обязан:

- а) Провести сенокосение естественных сенокосов 400 га.
- б) Засилосовать кормов 150 тонн.
- в) Провести улучшение лугов и пастбищ — га, в том числе: раскорчевать — га, расчистить — га, распахать под залужение — га, провести залужение на — га.

Председатель районного исполнительного комитета Теробеев

Июль 1938 г.

Секретарь Иванов

Сод.оргучет 02 а4 60412. У. олоблита № 10523 от 24/VI-38 г. Тип. № 1 Н.-Сибирского обл.исполкома. З. 2129. Т. 13500

сосредоточено более 30 мясных и мясомолочных совхозов и 14 совхозов пригородного типа. В 1938 году в регионе действовали 43 МТС с общей мощностью тракторного парка в 48 тысяч лошадиных сил. В 1938 году в Кузбасском регионе функционировало 1 787 колхозов, объединявших 91 тысячу домохозяйств. Коллективизация составила 92%. Динамика показателей за 1930-е годы представлена в таблице 71. Отметим, что посевные площади в Кузбасском регионе выросли с 1925 до 1940 года почти в 2,7 раза: с 355 881 до 967 тысяч га.

Таблица 71

Динамика совхозного строительства и механизации в Кузбасском регионе в 1930–1938 годах

Показатель	1930	1931	1938	Увеличение
Совхоз и коопхоз	11	18	38	3,5 раза
МТС		8	43	5,5 раза
Мощность тракторного парка, л. с.		624	59 916	96 раз
В том числе в МТС, л. с.		442	48 189	109 раз
Колхозов	480	1 605	1 787	3,5 раза
Домохозяйства в колхозах	17 652	66 424	91 405	5 раз
% коллективизации	13	50	92	
% колхозных посевных площадей		69	84	

Обобщенные статистические данные о состоянии индустриальной и аграрной сфер региона представлены в таблицах 72, 73.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ: ДОСТИЖЕНИЯ СЕЛЯН КУЗБАССА НА ПЕРВОЙ ВСХВ. Своеобразные итоги становления колхозного строя в стране были подведены на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), открывшейся в Москве 1 августа 1939 года. Это была вторая после выставки 1923 года экспозиция, которая по замыслу ее создателей должна была продемонстрировать конкретные «результаты реализации ленинского кооперативного плана преобразования мелкособственнических крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства». Выставка проработала 86 дней и закрылась 25 октября. За это время ее посетителями стали более 5 миллионов человек, в среднем по 60 тысяч в день.

Выставка раскинулась на территории 136 га, где расположилось 230 строений и павильонов. Во ВСХВ-1939 участвовали более 15 тысяч колхозов, 795 совхозов, 11 тысяч колхозных ферм, 268 МТС, 95 научных учреждений, также приехали около 156 тысяч передовиков и знатных представителей сельского хозяйства страны. На территории ВСХВ была организована зона отдыха, где находились цирк, два кинотеатра, концертная эстрада, аттракционы (парашютная вышка, колесо обозрения), рестораны, столовые, кафе. Отраслевые и зональные павильоны по-

Обложка книги Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Сибирь». Путеводитель. М., 1939

ражали красотой архитектуры: экспонатные поля, мичуринский сад, парки и аллеи превращали ВСХВ в город-сад. На стендах павильонов и в специальном разделе выставки была ярко показана работа и жизнь новой социалистической и старой дореволюционной деревни. На площади в 12 га демонстрировались типовые сооружения, рекомендуемые для массового строительства: сельсовет, правление колхоза, машинно-тракторная станция, животноводческие фермы, колхозный клуб, школа, родильный дом и детские ясли, которые пользовались особым интересом, так как до этого про них в деревне не имели представления.

Павильон каждой республики СССР отражал национальный колорит и народные традиции. Экспозиции украшали работы лучших художников Мстеры, Хохломы, Палеха, ковры, гобелены и шелковые панно мастериц из Средней Азии. Специально для выставки народные умельцы из всех республик изготовили прекрасные образцы тканей, посуды, мозаики, чеканки. Многочисленные памятники, скульптуры, фотографии, художественные полотна, панно и картины превращали павильоны в настоящие дворцы. Особенно поражала посетителей 24-метровая

Состояние индустрии и аграрной инфраструктуры в Кузбасском регионе в 1938 году

Район	Ценовые предприятия, ед.	Валовая продукция, тыс. руб.	Совхоз, ед.	МТС, ед.	Колхоз, ед.	В них крестьянских домохозяйств, ед.	% коллективизации	Мощность тракторного парка, л. с.	В том числе в МТС, л. с.	Кол-во комбайнов в совхозах и МТС, ед.	Территория, км ²	Население (на 17 января 1939 г.)
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности выше 50 млн руб.</i>												
Сталинский	54	335 579,6	3	2	82	4 032	93	1 997	1 787	59	2 277	227 719
Кемеровский	62	137 368,0	7	2	88	4 458	89	4 132	1 656	27	2 014	184 748
Прокопьевский	31	93 713,0	1	2	52	3 238	94	1 770	1 453	23	2 198	134 297
Анжеро-Судженский	21	76 270,6	1	2	81	3 766	93	2 335	2 060	33	2 661	104 418
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности 25–50 млн руб.</i>												
Ленинск-Кузнецкий	40	40 500,0	3	3	104	6 017	99	4 546	3 376	79	2 980	123 128
Гурьевский	13	38 733,8	2	1	46	2 565	98	1 575	1 185	43	1 939	73 760
Киселёвский	11	27 859,0	1	1	47	2 741	94	1 531	1 261	15	1 432	61 156
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности 5–20 млн руб.</i>												
Беловский	11	19 375,0	1	3	108	5 346	90	3 190	3 032	52	3 251	80 056
Тайгинский	22	11 000,9	4	2	122	5 421	96	2 830	2 625	37	4 022	78 713
Мариинский	19	8 103,0		3	89	6 411	95	4 241	4 241	34	4 101	61 089
<i>Районы с валовой продукцией годовой выработки крупной промышленности 250 тыс. – 2,5 млн руб.</i>												
Барзасский	5	2 331,0	1		58	1 926	84	670		35	3 100	30 049
Крапивинский	7	1 179,8	3	3	99	3 983	94	3 255	2 700	60	4 919	35 841
Горно-Шорский	18	1 109,0	1	1	229	6 761	75	648	648	11	29 194	131 240
Тяжинский	12	807,0	1	4	112	7 046	89	4 943	3 837	64	5 147	56 695
Ижморский	5	693,0		3	121	5 426	95	3 918	3 918	76	2 829	42 056
Тисульский	6	640,0	1	2	37	2 627	89	3 453	2 913	55	11 111	71 867
Юргинский	10	510,0	1	2	94	4 718	94	3 290	2 645	76	2 351	44 238
Титовский	5	431,0	3	3	72	5 223	95	5 445	3 420	129	2 561	56 635
Топкинский	7	384,0	4	2	75	4 998	93	3 293	2 578	103	2 509	58 249
Чебулинский	5	316,0		2	71	4 702	93	2 854	2 854	25	3 749	32 159
Кузбасс Σ	364	796 904	38	43	1 787	91 405		59 916	48 189	1 036	94 345	1 688 113
Кузбасс \bar{x}				2	50 д/х на 1 кол.		92					

скульптурная группа «Рабочий и колхозница», выполненная из нержавеющей стали. Статуя была копией скульптуры, созданной Верой Мухиной для международной выставки в Париже и украшавшей советский павильон. Известный датский писатель Мартин Андерсен Нексё, побывав на ВСХВ вскоре после ее открытия, писал, что «представившаяся ему картина дала более глубокое представление о человечестве в целом, чем все увиденные им до той поры всемирные выставки: там нигде не видна подлинная культура страны, в то время как здесь, в Москве, она показана во времени и пространстве»¹.

¹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Москва. 1939. Павильон «Сибирь». Путеводитель. М., 1939. С. 10.

На ВСХВ-1939 в павильоне «Сибирь» были представлены Алтайский и Красноярский края, Новосибирская, Омская и Челябинская области. Отдельный зал павильона был посвящен Новосибирской области. Первый стенд слева от входа в зал занял колхоз «Искра» села Красноярского Ленинск-Кузнецкого района. Этот передовой колхоз Новосибирской области был утвержден почетным участником ВСХВ-1939 по трем показателям: «за высокие урожаи», «за высокие удои коров» и «за хорошие показатели свиноводческой товарной фермы». С посевной площади зерновых в 591 га колхоз в среднем за два года (1937–1938) собирал урожай по 16 центнеров с га. Это был рекордный урожай зерновых культур в области. На молочно-товарной ферме колхоза содержалось до 500 голов крупного рогатого скота, в том числе сотня голов коров ценных остфризской

Состояние аграрной сферы в Кузбасском регионе в 1938 году

Район	Посевная площадь, га	В том числе колхозная, га	% колхозной посевной площади	В том числе пшеница, га	% пшеницы от общей площади посевных площадей	В том числе рожь, га	В том числе овес, га	В том числе лен, га	КРС, голов	Овец, голов	Свиней, голов	Всего скота, голов (без лошадей)
Сталинский	39 061	26 467	68	8 992	23	4 540	14 347	59	32 105	10 372	19 693	62 170
Прокопьевский	33 684	26 066	77	9 019	27	5 550	10 139	107	24 751	11 684	16 681	53 116
Кемеровский	39 137	25 581	65	8 885	23	5 636	12 756	58	30 426	11 786	20 377	62 589
Ленинск-Кузнецкий	58 588	45 454	78	26 454	45	2 426	18 548	14	41 641	44 511	21 629	107 781
Анжеро-Судженский	38 933	32 537	84	9 730	25	8 131	11 909	366	20 942	16 110	13 433	50 485
Беловский	49 983	46 973	94	21 781	44	6 819	14 612	234	25 948	20 053	16 424	62 425
Тайгинский	51 065	44 748	88	14 338	28	8 605	16 430	863	25 946	17 404	12 979	56 329
Горно-Шорский	26 685	21 951	82	9 721	36	1 223	7 719	468	27 756	11 892	7 811	47 459
Мариинский	58 853	56 612	96	22 247	38	14 046	14 300	105	18 677	17 102	13 440	49 219
Тисульский	29 258	24 318	83	13 032	44	1 848	1 799	321	18 638	15 540	6 510	40 688
Крапивинский	42 825	35 915	84	19 585	46	4 208	13 096	270	24 037	11 856	8 544	44 437
Чебулинский	41 721	40 756	98	21 395	51	3 390	12 150	467	12 048	11 545	9 131	32 724
Топкинский	55 239	43 142	78	20 806	38	8 468	15 745	227	32 946	21 429	16 218	70 593
Титовский	60 665	49 228	81	29 964	49	3 912	17 322	192	30 705	31 842	20 190	82 737
Гурьевский	23 969	20 215	84	10 472	44	2 036	7 561	67	19 353	17 860	7 329	44 542
Ижморский	53 439	50 630	95	19 285	36	13 139	15 315	564	16 633	20 395	11 940	48 968
Тяжинский	67 021	62 110	93	25 977	39	12 545	19 923	428	26 005	27 589	15 045	68 639
Юргинский	47 637	43 262	91	18 968	40	6 352	12 458	687	17 845	19 823	13 527	51 195
Барзасский	11 154	8 117	73	1 429	13	2 117	4 208	161	8 750	4 637	8 139	21 526
Киселёвский	25 160	21 743	86	9 071	36	3 160	8 042	41	14 388	15 965	9 505	39 858
Кузбасс Σ	854 077	725 825	84	321 151	36	118 151	248 379	5 699	469 540	359 395	268 545	1 097 480

и красной немецкой пород. В 1938 году средний удой на ферме составил две тысячи литров молока на фуражную корову, кроме того, на ферме отсутствовал падеж молодняка. В том же году на свиноферме колхоза удалось получить в среднем 15 поросят на каждую свиноматку. На указанных фермах удалось сформировать стабильный состав колхозников, ликвидировав кадровую текучку. Что немаловажно, сравнительно высоким был жизненный уровень искровцев. В 1937 году чистая доходность колхоза составила 300 тысяч рублей, в 1938-м — 400 тысяч. В среднем за эти два года колхозники получали на трудодень по три рубля, четыре килограмма зерна и пять килограммов сена, и это были очень приличные показатели. Большим уважением в колхозе пользовалась стахановка-дойрка Евдокия Васильевна Мануйленко. Уроженка Тамбовской губернии, она вместе со своим мужем в 1929 году одной из первых

вступила в «Искру». Как только в колхозах развернулось стахановское движение, Евдокия Васильевна традиционно была на первом месте среди соревновавшихся женщин, вырабатывая двойное число трудодней¹. В 1938 году от закрепленных за ней 10 фуражных коров был получен надой 336 литров молока, а средний надой составил 33,6 литра на корову².

В самом центре Новосибирского зала располагался стенд, отражавший работу звеньевой сельскохозяйственной артели «Путь новой жизни» депутата Верховного Сове-

1 Мануйленко Евдокия Васильевна // Патриотический интернет-проект «Герои страны». URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=28173 (дата обращения: 25.10.2021).

2 Характеристика передовика сельского хозяйства — кандидата в участницы ВСХВ Е. В. Мануйленко // ГАРФ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 2292. Л. 16–16 об.

Павильон «Сибирь». Построен по проекту архитектора А. Н. Ершова. 1939 // Советская архитектура за XXX лет РСФСР. Альбом. М., 1950. Л. 171

та СССР Анны Ефимовны Картавой и колхозницы сельскохозяйственной артели «Красный Перекоп» Мариинского района Анны Кондратьевны Юткиной. Урожай картофеля, собранный звеньями, которые они возглавляли, достиг мировых рекордов и даже превысил их. Звено А. Е. Картавой в 1937 году получило урожайность 904 центнера с участка площадью в 0,8 га. В 1938 году рекорд был продублирован: с двухгектарного участка собран урожай в 900 центнеров с га¹. Аналогичных показателей удалось добиться и звену А. К. Юткиной, которое в 1938 году получило урожай картофеля 908 центнеров с участка 2,6 га. В 1939 году звену Юткиной удалось установить мировой рекорд урожайности картофеля, получив урожай 1 217,28 центнера с 1,01 га².

На стендах новосибирского зала нашла отражение лучшая коневодческая ферма области — ферма колхоза «Труд» Тяжинского района, организованная в 1935 году. В 1939 году на ферме числилось 139 лошадей. В 1938 году от 42 конематок на ферме получено и выращено 40 жеребят. Лучшие жеребята выращивались для обеспечения нужд армии. С целью улучшения породы фермой было приобретено семь чистопородных рысистых конематок и племенные производители.

Лучшей овцеводческой фермой области была признана ферма колхоза «Авангард» Гурьевского района, которая также была удостоена отдельного стенда. В 1938 году на ферме имелась тысяча овец. В том же году ферма сдала государству 883 центнера шерсти. В среднем на каждую сотню овец к отбивке было получено по 150 ягнят. Стадо в значительной мере состояло из метисов меринсовой породы и породы прекос. В 1938 году ферма принесла 87 тысяч рублей чистого дохода. Руководил ею чабан Василий Филип-

пович Кунцеев. Высоких показателей в работе он добился благодаря индивидуальному отбору многоплодных маток, организации случки ручным способом, хорошему содержанию животных.

Отдельный угловой стенд Новосибирского зала был посвящен Горно-Шорскому колхозу «Красный Шор-Анчи». Созданный в 1931 году и впервые засеявший 10 га, к 1938 году он довел посевную площадь до 200 га, собрав урожай 15 центнеров с га. Агротехнические приемы колхоза и его животноводческие фермы стали достойным примером того, как можно почти с нуля добиться высокой производительности труда³.

На ВСХВ-1939 кузбассовцы получили награды: большой золотой медалью ВСХВ награждены председатель колхоза «Искра» Ленинск-Кузнецкого района И. П. Денисенко, директор молочного совхоза № 208 Ленинск-Кузнецкого района С. Н. Знаменский, бригадир тракторной бригады Бачатской МТС Беловского района И. Ф. Костин, доярка А. В. Кувалдина из Тяжинского района, наконец, настоящие легенды Кузбасса — А. Е. Картавая и А. К. Юткина. Дипломами I степени ВСХВ награждены молочно-мясной совхоз и колхоз им. Свердлова Ленинск-Кузнецкого района, овцеводческая ферма колхоза «Красный пролетарий» Тисульского района, колхоз им. Буденного Гурьевского района, а его председатель А. М. Сайкин награжден малой золотой медалью ВСХВ.

Колхоз им. Буденного признавался одним из лучших коллективных хозяйств Кузбасса. В 1931 году в нем трудились около 200 крестьян, имелось 50 рабочих лошадей, 33 коровы, 35 плугов, 2 жатки и 35 конных сенокосилок. Пашенная площадь колхоза занимала 621 га. К середине 1930-х колхоз значительно укрепился, увеличилось количество лошадей, колхозники приобрели 3 тысячи овец. Посевная площадь возросла до 900 га. Колхоз обслуживала Кулебакинская МТС, созданная в 1934 году и имевшая ремонтно-техническую базу. В дополнение к диплому I степени ВСХВ колхоз получил в награду 10 тысяч рублей и легковую машину, которую по просьбе колхозников заменили на грузовик.

Подобного рода награждения, безусловно, стимулировали колхозников. Большинство из награжденных на ВСХВ сельских организаций получили мощнейший заряд энергии на продолжение конструктивной деятельности. В 1940 году за выдающиеся успехи в подъеме сельского хозяйства Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Трудового Красного Знамени колхоз им. Свердлова Ленинск-Кузнецкого района и орденом «Знак Почета» колхоз им. Буденного Гурьевского района⁴.

¹ Характеристика передовика сельского хозяйства — кандидата в участницы ВСХВ А. Е. Картавой // Там же. Д. 2666. Л. 1–1 об.

² Там же. Д. 2692. Л. 14–14 об.

³ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка... С. 14–18.

⁴ Летопись села Кузбасса... С. 76–77.

Выставка продемонстрировала, что сложная фаза модернизационного процесса в деревне, которая пришлась на конец 1920-х — начало 1930-х годов, подошла к концу и начался новый этап экономической отладки колхозного строя. Сельское хозяйство Кузбасса, который в 1939 году был в составе Новосибирской области, заняло вполне достойное место на ВСХВ-1939. Кузбасс к концу 1930-х годов превратился не только в ведущий индустриальный, но и аграрный центр СССР.

«КАРТОФЕЛЬНЫЕ РЕКОРДСМЕНКИ» КУЗБАССА: АННА ЮТКИНА И АННА КАРТАВАЯ. Характеризуя достижения аграрной сферы Кузбасса конца 1930-х годов, нельзя не остановиться на легенде Кузбасса Анне Кондратьевне Юткиной. Родилась она в 1894 году в деревне Петровке, располагавшейся в Баимской волости на речке Козычак, впадавшей в Антибес. Окончив два класса начальной школы, трудиться начала в 11 лет, нанимаясь в батрачки. В 1925 году переехала в деревню Николаевку Алчедатской волости на речке Керчи, где в возрасте 30 лет была назначена председателем местного сельского совета. При ее активном участии в Николаевке создан колхоз «Красный перекоп», в котором она стала трудиться рядовой колхозницей, а в 1935 году была назначена звеньевой полеводческого звена¹.

Стахановское звено Анна Юткина организовала в 1935 году. До этого в «Красном перекопе» не было не только звеньев, но и стахановцев. Во всем Мариинском районе к середине 1930-х годов стахановцев были единицы, их работа носила спорадический характер. По существу, Анна Кондратьевна явилась пионером внедрения звеньевого способа аграрного производства не только в Мариинском районе, но и во всей Новосибирской области. Более того, пример Юткиной оказался заразителен. Если до 1936 года в сельском хозяйстве района не было ни одной женщины-стахановки, то к концу 1930-х в каждом колхозе их оказались десятки².

1939 году звено Юткиной на четыре гектара высадило картофель сорта «корневский». С одного га был собран рекордный урожай — 1 217 центнеров. Тем самым она перекрыла американский рекорд на 117 центнеров и свое обязательство — на 17 центнеров. Со второго гектара был получен урожай 1 089 центнеров, а с двух остальных — по 733,5 центнера. Таким образом, средний урожай со всех четырех гектаров составил 944 центнера. Еще у звена Юткиной было два гектара «ранней розы», но здесь собран урожай только по 266 центнеров с га.

А. К. Юткина // Из фондов музея-заповедника «Мариинск исторический».

* * *

Вот как описывает это достижение Анна Кондратьевна в статье «Как я обогнала Америку», на 17 лет предвосхитив один из самых известных лозунгов первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва:

«В феврале прошлого года в Новосибирске происходил областной слет передовиков сельского хозяйства. Советские люди готовились к XVIII съезду партии, и каждый стремился озаглавить его чем-то особенным. С такими думами съезжались на слет и мы, колхозники-стахановцы и ударники. Выступая на слете, я дала обязательство вырастить урожай в тысячу центнеров с гектара. Закончив речь, схожу с трибуны.

Здесь ко мне подходит один агроном и говорит:

— А как вы, Анна Кондратьевна, смотрите насчет того, чтобы Америку обогнать?

— То есть как это обогнать? — спросила я, не понимая еще, о чем идет речь.

— Да так, по-настоящему, по-серьезному обогнать, — ответил собеседник. — Вы обязались тысячу центнеров вырастить, а в Америке самый рекордный урожай тысяча сто центнеров. Понимаете ли, вам до этого рекорда ста центнеров не хватает. Всего ста центнеров! Где тысяча, там и тысяча сто! Дотянете! —

ободряюще сказал он.

Видю: человек не шутит, а серьезный разговор ведет. Есть над чем подумать. А времени для этого много не дано. Решать надо сейчас! Быстро прикинула в уме, взвесила все свои расчеты и попросила президиум слета предоставить мне слово.

— Перед XVIII съездом нашей партии Ленина — Сталина на этой трибуне даю обязательство в 1939 году получить урожай картофеля тысяча двести центнеров с гектара, чтобы победить Америку! — заявила я, и, немного выждав, добавила: — И это мы, товарищи, сделаем, потому что все в наших руках!

Обязательство я принимала обдуманно, будучи твердо убеждена в том, что его выполню. Ведь за моими плечами был трехлетний опыт борьбы за высокий урожай картофеля. И опыт этот подсказывал, что 1 тысячу двести центнеров с гектара собрать можно³.

В настоящее время бытует мнение, что этот рекорд, как и многие советские рекордные достижения, был надуман и явился всего лишь плодом статистических подгонок. На самом деле это не так, существует подробное описание агротехники получения рекордного урожая, составленное по результатам эксперимента. Внимательное изучение его позволяет сделать вывод, что рекорд действительно был, но картошка, выращенная Юткиной, стала золотой. Земля была тщательно подготовлена, семенной фонд подобран

¹ Знамя коммунизма. 1940. № 7. 26 января. С. 3.

² Краткая характеристика звена тов. Юткиной А. К. // ГАРФ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 2715. Л. 8.

³ Знамя коммунизма. 1940. № 7. 26 января. С. 3.

Звено А. К. Юткиной на уборке картофеля. 1939 // Из фондов музея-заповедника «Мариинск исторический»

идеально (отбракованы все клубни с любыми механическими повреждениями, включая царапины), в качестве удобрения использовался птичий помет, отборный овечий и конский навоз, перегной и суперфосфат. Во время роста картошки велся тщательный уход за каждым кустом. Уборка урожая проводилась вручную, чтобы не повредить и не упустить ни одного клубня. Словом, рекорд был обеспечен колоссальными материальными и трудовыми затратами¹.

Когда «картофельную звеньевую» спрашивали о причинах столь грандиозного успеха в виде повышения урожайности картофеля в 30–40 раз, она неизменно отвечала: «Чуда в этом никакого нет! И никаких особых секретов мы не открывали! Любовный труд, совет с агрономом, полное и тщательное применение агротехнических приемов — вот чем завоеваны рекордные урожаи!»²

Другую аграрную легенду Кузбасса — звеньевую колхоза «Путь новой жизни» Мариинского района Анну Ефимовну Картавую — прославили также южноамериканские пасленовые клубни. В 1935 году она, как и ее коллега-конкурент, решила поставить рекорд. Урожайность картофеля в Кузбассе в целом, а в Мариинском районе в особенности, всегда была более высокой, нежели урожайность

остальных культур, а в отдельные годы картофельная урожайность просто зашкаливала, поэтому если в Мариинском районе и было на чем ставить рекорды, то только на картофеле. Корректнее сказать, что во второй половине 1930-х две Анны максимально раскрыли потенциал картофеля в Мариинском районе.

Решившись на рекорд, Картавая стала организовывать звено. Позднее она вспоминала: «На следующий год было создано шесть звеньев, а в 1939 году уже восемь. В колхозе было всего 50 гектаров посева картофеля, из них за звеньями закрепили 40. Наш опыт показал колхозникам, что значит звеньевая организация труда. Урожайность картофеля сразу пошла в гору. За эти годы звенья колхозниц Тураевой, Шкуратовой, Ивановой и колхозников Шишкина и Головина добились на отдельных гектарах урожая в 500–700 центнеров, а наше звено — до 900 с лишним центнеров»³.

* * *

Из воспоминаний А. Картавой:

«В нашем колхозе принята такая установка: за каждую тонну картофеля сверх средней урожайности по колхозу начислять звену дополнительно шесть трудодней. В прошлом году мое звено, например, получило 300 добавочных трудодней. Дополнительные трудодни мы так распределяем среди членов звена: созываем совещание, подводим итоги и тут же решаем, кто лучше, а кто хуже работал.

1 Описание агротехники получения рекордного урожая картофеля 1 217,28 центнера с гектара с площади 1,01 га звеном товарища А. К. Юткиной из колхоза «Красный перекоп» Мариинского района Новосибирской области // ГАРФ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 2692. Л. 5–13.

2 Знамя коммунизма. 1940. № 7. 26 января. С. 3.

3 Знамя коммунизма. 1940. № 8. 28 января. С. 3.

Колхозница тов. Ромашенко перевыполняла все нормы выработки без исключения и давала хорошее качество. Ей мы начислили добавочные трудодни исходя из общего количества выработанных ею трудодней, и даже с надбавкой. Затем оцениваем работу другой колхозницы, например Ивановой. Вспоминаем, что тов. Иванова не совсем доброкачественно прополола свою делянку и допустила еще некоторые промахи. Поэтому вместо причитающихся 100 добавочных трудодней решаем начислить ей только 80, остальные удерживаем. Мне как звеньевой колхозницы решили начислить сверх заработка еще 20 трудодней за руководство. Я отказывалась, но подруги твердили: «Раз по количеству и по качеству — получай свое». Мы настолько свыклись со звеньевой организацией труда, что никакой иной и представить себе не можем. Большую помощь оказываем мы в организации звеньев и другим колхозам. Лично я прошлой осенью организовала в районе 34 звена».

Как депутат Верховного Совета СССР Анна Ефимовна ежедневно получала по несколько писем со всех концов Союза с просьбой раскрыть секрет успеха. Она это делала с удовольствием, описывая агротехнологии получения рекордного урожая картофеля. Осенью, точнее в сентябре, звенья Картавой вспахивали участок под зябь на полную глубину. Перед вспашкой рассеивали по 2,5 центнера калийной соли на гектар. Зимой на участок вывозили навоз из расчета 25 тонн на гектар и складывали кучами, чтобы перепрел. Как только снег сходил с полей, колхозницы равномерно разбрасывали удобрение, чтобы вместе с талой водой оно впиталось в почву. Вскоре на участке рассеивали сухой птичий помет до 10 центнеров на гектар, предварительно размолов его специальным приспособлением, изготовленным из старого молотильного барабана.

Как только предоставлялась возможность выехать в поле, бороновали участок в два следа и затем пускали культиватор, тоже в два следа, крест-накрест, чтобы хорошенько перемешать удобрение с почвой. Разбивку навоза и рассев золы производили перед нарезкой гребней, чтобы картофель при посадке покрывался навозом, а навоз целиком покрывался землей. Для посадки применяли только яровизированные семена. Яровизацию проводили особенно тщательно: заранее готовили светлое помещение, утеплили его, раскладывали картофель за месяц до посадки на чистом деревянном полу слоем в три ряда. Когда ростки картофеля достигали 8 сантиметров, яровизацию прекращали.

Технику посадки картофеля Анна Ефимовна характеризовала следующим образом. Зябь вспахивали на глубину 20 см, борозды нарезали на глубину 15 см, высаживали картофель в бок борозды на глубину 10 см. Таким образом, клубень находился в середине пахотного слоя. Так он хо-

рошо прогревался, легко дышал, корни его развивались в мягкой земле, и ростки пробивались свободно.

Когда всходы показывались, начинали готовиться к подкормке сухими и жидкими удобрениями. Подкормку производили двумя способами: или золой, внося ее под куст и тут же засыпая землей при помощи тяпок, или перебродившим раствором фекалия и птичьего помета. Для этого рыли рядом с участком яму, закладывали в нее удобрение и заливали водой. Раствор находился в яме до тех пор, пока не начиналось брожение, то есть пока на его поверхности не появлялись пузыри. Перебродивший раствор еще разбавлялся двумя частями воды, и этой жидкостью подкармливались растения. Под каждый куст вливали по литру удобрения.

Прополка производилась сначала вручную, затем тяпками. Окучивали картофель в зависимости от состояния погоды до трех раз, но не больше. Вслед за окучиванием кусты оправляли, и на этом уход в основном заканчивался. Когда картофель зацвёл, колхозницы следили за тем, чтобы он был здоров. Как только замечались признаки болезни на каком-либо кусте, такой куст не-

медленно вырывался и уносился с участка. Благодаря этому никогда не бывало массового заболевания картофеля¹.

Примеры Юткиной и Картавой показательны в целом ряде отношений. Во-первых, на их частных примерах обкатывалась совершенно новая технология аграрного производства. Отныне сельскохозяйственное производство в основном осуществлялось в рамках аграрных предприятий — колхозов, выработка оптимального механизма работы была одной из главных государственных задач. Примеры Юткиной и Картавой демонстрировали лучшие образцы подобной работы. Во-вторых, картофельные дамы показывали жизнеспособность колхозного сектора, являли собой не только образцы высокой результативности, но и демонстрировали универсальность своих методов в пределах всего Советского Союза.

А. Е. Картавая // Из фондов музея-заповедника «Мариинск исторический»

¹ Знамя коммунизма. 1940. № 8. 28 января. С. 4.

§ 3. Порайонная характеристика состояния сельского хозяйства к концу 1930-х годов

Сельское хозяйство Кузбасского региона к концу 1930-х годов можно представить в разрезе административно-территориальных районов Кузбасса, входивших в состав Новосибирской области¹. С целью наилучшей демонстрации произошедших изменений, а также для отражения степени дифференциации социально-экономического уклада отдельных частей Кузбасского региона требуется определенная группировка районов. Во-первых, выделяется группа районов, лежавших в границах Кузнецкого каменноугольного бассейна: Горно-Шорский, Кузнецкий, Прокопьевский, Киселёвский, Гурьевский, Беловский, Ленинск-Кузнецкий, Титовский, Крапивинский, Топкинский, Кемеровский, Барзасский, Анжеро-Судженский. Во-вторых, с северо-запада и северо-востока к «кузбасским» районам примыкали районы «томские» — Тайгинский и Юргинский и «мариинские»: Ижморский, Чебулинский, Мариинский, Тисульский, Тяжинский. Последовательно охарактеризуем особенности сельского хозяйства районов по выделенным группам к концу 1930-х годов. Для наглядности границы выделенных групп районов представлены на следующих картограммах.

«КУЗБАССКАЯ» ГРУППА

Горно-Шорские национальные районы (Таишагольский, Кузедеевский, Мысковский). К концу 1930-х годов земельное пространство районов составило территорию в 29,2 тыс. км² с населением 131,2 тыс. человек, из которых городскими считались 32,7 тыс. человек, проживавших в рабочих поселках Шалым, Кочура, Мундыбаш, Тельбес, Темиртау и Уса. Помимо крупных государственных предприятий — двух железных рудников, агломерационной фабрики и четырех лесопромышленных предприятий, на которых было занято в общей сложности более 4 тыс. человек, в рабочих поселках располагался ряд ценовых промышленных заведений с 250 рабочими и служащими. В результате бурного развития промышленности численность местного населения выросла вчетверо относительно начала десятилетия, в основном за счет притока русских. Та-

ким образом, численность коренного населения Кузбасса — шорцев — к концу 1930-х годов сократилась здесь до 13 %, а уровень урбанизации составил 20 %. Административными центрами Горно-Шорских районов были поселок Шалым, села Кузедеево и Мыски.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 75 % крестьянских хозяйств (6 761), которые были объединены в 229 колхозах, функционировала МТС на 41 трактор общей мощностью в 648 лошадиных сил, обслуживавшая 35 % колхозных посевных площадей. В МТС и совхозах числилось 11 комбайнов. Также здесь располагался пригородный совхоз Новосибирского сельхозтреста «Партизан». Горно-таежные районы имели минимальные площади пахотных земель. Пашенные угодья составляли лишь 1,5 %, сенокосные и выгонные — 3 % от всего количества земельных угодий, 92 % земель было занято лесом. В этой связи преимущественное развитие здесь получила лесная промышленность, приносящая от эксплуатации леса ежегодный доход более 3 млн рублей.

Горная специфика районов способствовала преимущественному развитию здесь животноводства. Поголовье крупного рогатого скота к концу 1930-х годов насчитывало 27,8 тыс. голов, в том числе коров — 14,7 тыс., овец — 11,9 тыс. голов, свиней — 7,8 тыс. голов. В местном совхозе насчитывалось крупного рогатого скота 0,15 тыс. голов, столько же свиней. В колхозных товарных фермах наличествовало крупного рогатого скота 5,3 тыс. голов, овец — 1,6 тыс. голов, свиней — 1,5 тыс. голов. Сильно развито было пчеловодство. В районах имелось 31,7 тыс. пчелиных семей, в том числе в 189 колхозных товарных пасаках — 21,6 тыс. семей. Общая посевная площадь районов составляла 26,7 тыс. га, в том числе в колхозах — 22 тыс. га (82 %). В посевах преобладали зерновые культуры, занимавшие 85,7 % всех посевных площадей; технические занимали 2,7 %, кормовые — 1,7 %, картофель и овощи — 9,9 % (из них картофель — 8,3 %). Из зерновых культивировалась в основном яровая пшеница. Ее посевы занимали до 40 % посевных площадей. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,47 тыс. га), лен-кудряш (0,1 тыс. га), подсолнечник (0,1 тыс. га) и конопля (0,04 тыс. га). Из кормовых выращивались корнеплоды (0,05 тыс. га), однолетние травы (0,06 тыс. га) и многолетние травы (0,37 тыс. га).

¹ Порайонная характеристика составлена по материалам: Новосибирская область: экономико-географическое описание. Новосибирск, 1939. С. 29–77, 170–172, 180–197, приложение № 1.

Карта Западно-Сибирского края. 1931. Красным контуром выделены районы, составляющие ныне Кузбасс

Первый шорский колхоз Наачол (улус Мыски). 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

Сталинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,3 тысячи км² с сельским населением около 33 тыс. человек. Районным административным центром был город Сталинск с населением на 17 января 1939 года 169 тыс. человек. Кроме крупных государственных предприятий — Кузнецкого металлургического завода (КМЗ) и двух каменноугольных шахт, на которых были заняты в общей сложности более 20 тыс. человек, городское хозяйство включало ряд предприятий ценовой промышленности: хлебокомбинат, винзавод, гормолзавод, мясокомбинат, швейную фабрику, кирпичный завод, на которых было занято около 1,5 тыс. рабочих и служащих. В 1938 году в составе района был выделен город Осинники с населением в 25 тыс. человек. На территории города располагалось пять шахт с числом рабочих 3,5 тыс. человек, а также хлебокомбинат и прочие промышленные предприятия. Таким образом, уровень урбанизации в районе к концу 1930-х годов составил 86% и был самым высоким в Кузбасском регионе. Промышленность сельской местности была представлена угледобычей, производством стройматериалов, лесопилением и деревообработкой. Всего в ней были заняты около 4 тыс. сельских жителей. Главной задачей местных селян было продовольственное обеспечение огромной армии рабочих и служащих, оторванных от сельскохозяйственного производства.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств, объединенных в 82 колхо-

за. В районе действовали 2 МТС на сотню тракторов общей мощностью в 1,8 тысячи лошадиных сил, обслуживавших 80% всех колхозных посевных площадей; 5% зерновых убирали комбайнами. В районе действовали три пригородных совхоза Новосибирского сельхозтреста: «Сталинец», «Бунгур» и «Осиновский». Из общей земельной площади района в 227 тыс. га пашней было занято 33,4%, сенокосами и выгонами — 30,3%, лесом — 16,5%, болотами — 7%. Преобладающей отраслью сельского хозяйства было молочное животноводство. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 20 тыс. голов, из них 9 тыс. коров, овец — 10 тыс. голов, свиней — 13 тыс. голов. Совхозам принадлежало 2,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 2 тыс. голов свиней, 0,3 тыс. голов овец. В колхозах насчитывалось 9,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 1,6 тыс. голов овец, 2,6 тыс. голов свиней. Из всего районного поголовья скота 43% голов крупного рогатого скота и 38% голов свиней выращивалось рабочими и служащими в подсобных хозяйствах. Кузбасский регион к началу 1940-х годов занимал одно из первых мест в Сибири по развитию подсобных хозяйств индустриальных предприятий, а подсобное хозяйство КМЗ было одним из лучших в Сибири¹.

¹ Букин С. С., Исаев В. И. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск, 2009. С. 630–631.

Пасечники колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

В районе традиционно было развито пчеловодство. Всего насчитывалось 8,6 тыс. пчелиных семей, в том числе 6,4 тыс. семей в 74 колхозных пасаках. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составила 39 тыс. га, из них колхозам принадлежало 26,5 тыс. га, совхозам — 6,5 тыс. га. Зерновые культуры занимали 73% в общей структуре посевов, технические — 0,5%, кормовые — 7,7%, картофель и овощи — 14,6%, из них картофель — 11,5%; 30% от всего объема картофеля и овощей выращивали рабочие и служащие в подсобных хозяйствах. По сравнению с другими районами здесь выращивалось наибольшее количество картофеля и овощей, но и этот объем не до конца удовлетворял возрастающие потребности городского населения. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 15%, яровой пшеницы — 30%, крупяных (гречиха и просо) — 4%. Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,6 тыс. га), однолетние травы (2,04 тыс. га) и многолетние травы (0,55 тыс. га); 70% кормовых культур выращивали в совхозах.

Прокопьевский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,2 тыс. км² с сельским населением 27 тыс. человек. Районным центром был город Прокопьевск с населением на 17 января 1939 года 107 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был значителен, составив 80%. Помимо крупных государственных предприятий, представленных десятью каменноугольными

шахтами, на которых осуществлялась треть всей кузбасской угледобычи и были заняты в общей сложности около 13 тыс. человек, городское хозяйство включало ряд предприятий ценовой промышленности: мастерскую аккумуляторных ламп, мелькомбинат, хлебокомбинат, мясокомбинат, швейную фабрику, кирпичные заводы, на которых трудились в общей сложности более тысячи рабочих и служащих. Мощное городское хозяйство предъявляло повышенные требования к хозяйству сельскому.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 94,5% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 52 колхоза. В районе действовали две МТС на 94 трактора общей мощностью 1,4 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 96% колхозных посевных площадей; 27% зерновых убиралось комбайнами. В районе функционировал крупный пригородный совхоз Новосибирского сельхозтреста — «Прокопьевский». Из удобной земельной площади района в 220 тыс. га пашней было занято 40%, сенокосами и выгонами — 17%, лесом — 35%, болотами — 4%. Полеводство и животноводство были развиты в одинаковой мере. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 34 тыс. га, из них колхозам принадлежало 26 тыс. га, совхозам — 3 тыс. га. Зерновые культуры занимали 79% в общей структуре посевов, технические — 1%, кормовые — 7,5%, картофель и овощи — 12,4%, из них картофель — 10%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали

Молотьба хлеба с помощью лошадей в одном из селений Горной Шории. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

22%, яровой пшеницы — 34%, крупяных (гречиха и просо) — 4%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,27 тыс. га) и конопля (0,06 тыс. га). Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,5 тыс. га), однолетние травы (1,2 тыс. га) и многолетние травы (1,2 тыс. га).

Животноводство района имело молочную направленность. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 15,6 тыс. голов, из них 6,9 тыс. коров, овец — 11,2 тыс. голов, столько же свиней. Совхозам принадлежало 1,6 тыс. голов крупного рогатого скота, 0,7 тыс. голов свиней, 0,5 тыс. голов овец. В колхозах насчитывалось 5,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 3,6 тыс. голов овец, 3,5 тыс. голов свиней. Также в районе насчитывалось 5,4 тыс. пчелиных семей, в том числе 3,9 тыс. семей — в 35 колхозных пасеках.

Киселёвский район. К началу 1940-х годов территория района составляла 1,4 тыс. км² с сельским населением 17 тыс. человек. В его составе функционировало 6 сельсоветов, подчиненных городу Киселёвску, с населением на 17 января 1939 года 43,8 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был значителен, составив 72%. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 94% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 47 колхозах. В районе функционировала МТС на 59 трак-

торов общей мощностью в 1,2 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 85% колхозных посевных площадей; 16% зерновых убиралось комбайнами. В районе функционировал «Киселёвский» пригородный совхоз Новосибирского сельхозтреста. Из общей земельной площади района в 143 тыс. га пашней было занято 44%, сенокосами и выгонами — 20%, лесом — 30%, болотами — 1,5%. Полеводство и животноводство были развиты в одинаковой мере.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 25 тыс. га, из которых колхозам принадлежала 21 тыс. га. Зерновые культуры занимали 88% в общей структуре посевов, технические — 1%, кормовые — 3%, картофель и овощи — 8%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 15%, яровой пшеницы — 40%, крупяных (гречиха и просо) — 5%. Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,17 тыс. га), однолетние (0,37 тыс. га) и многолетние травы (0,44 тыс. га). Животноводство имело молочно-мясное направление с развитым овцеводством. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 9,2 тыс. голов, из них 3,6 тыс. коров, овец — 15 тыс. голов, свиней — 7,1 тыс. голов. Совхозам принадлежало 0,7 тыс. голов крупного рогатого скота и 0,7 тыс. голов свиней. В колхозах насчитывалось 2,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 5,1 тыс. голов овец, 1,8 тыс. голов свиней.

Передача государственного акта на вечное пользование землей колхозу «Сосновка» Гурьевского района. 20 октября 1935 // Гурьевский городской краеведческий музей. ОФ. № 3176. Мероприятие сопровождалось торжествами с привлечением духового оркестра

Гурьевский район. К концу 1930-х годов территория района составила 1,9 тыс. км² с сельским населением 19,5 тыс. человек. Административным центром был город Гурьевск с населением на 17 января 1939 года 23 тыс. человек. Помимо крупного государственного предприятия — ГМЗ (Гурьевский металлургический завод), на котором было занято в общей сложности свыше 3 тыс. человек, городское хозяйство включало ряд предприятий ценовой промышленности: хлебозавод, известковый и кирпичный заводы, лесопильную и столярную мастерские, дробильную фабрику. Также к городскому населению относились жители рабочих поселков Салаир и Урский с совокупной численностью населения 31 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был значителен, составляя 73%. Формирующийся городской промышленный узел налагал дополнительную нагрузку на сельскохозяйственное производство.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 98% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 46 колхозов. В районе функционировала МТС на 66 тракторов общей мощностью 1,2 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 91% всех колхозных посевных площадей; 16% всех зерновых убирались комбайнами. Также на территории района располагались два пригородных совхоза Новосибирского сельхозтреста — «Гурьевский» и «Салаирский». Из общей земельной площади в 193,9 тыс. га под пашнями было занято 24,2%, сенокосами и выгонами — 23,1%, лесом — 40,7%, болотами — 2,7%. Преобладающее значе-

ние в сельском хозяйстве имело животноводство молочно-направленного. К концу 1930-х годов поголовье крупного рогатого скота здесь насчитывало 19,4 тыс. голов, в том числе коров — 10,5 тыс. голов, овец — 17,9 тыс. голов, свиней — 7,3 тыс. голов. В местных совхозах насчитывалось 0,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 0,7 тыс. голов свиней, 1 тыс. голов овец. В колхозных товарных фермах было 4,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 7,2 тыс. голов овец, 0,9 тыс. голов свиней.

Естественно-природные условия района благоприятствовали развитию пчеловодства. В районе насчитывалось 3,7 тыс. пчелиных семей, из них 2,8 тыс. находились в распоряжении 29 колхозных товарных ферм. Общая посевная площадь района равнялась 24 тыс. га, в том числе колхозными были 20 тыс. га, совхозными — 1,6 тыс. га. Зерновые культуры здесь занимали подавляющее количество (86,7%) всех посевных площадей. Под технические культуры отводилось 0,8%, под кормовые — 4,4%, под картофель и овощи — 8,1% посевных площадей. Среди зерновых культур 10% отводилось озимой ржи, 50% — яровой пшенице. Из кормовых выращивались силосные и корнеплоды (0,22 тыс. га), однолетние травы (0,69 тыс. га) и многолетние травы (0,31 тыс. га).

Беловский район. К концу 1930-х годов территория района составила 3,2 тыс. км² с сельским населением 36,7 тыс. человек. Районным центром был город Белово с численностью населения на 17 января 1939 года 43,3 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был довольно

значительным, составляя 54%. Кроме крупных государственных предприятий — БЦЗ (Беловский цинковый завод) и шахты «Пионерка», на которых было занято в общей сложности 2,5 тыс. человек, городское хозяйство включало ряд предприятий ценовой промышленности: кирпичный завод, мебельную мастерскую, швейную фабрику, утиль-техжирзавод, песочный карьер.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 90% крестьянских хозяйств, объединенных в 108 колхозов. В районе функционировали три МТС и два пригородных совхоза: «Беловский» Новосибирского сельхозтреста и совхоз Трансторгпита. В МТС имелось 185 тракторов общей мощностью в 3 тыс. лошадиных сил. Они обслуживали 88% всех колхозных посевных площадей; 29% зерновых убирались комбайнами. Из общей земельной площади в 325 тыс. га пашней было занято 44%, сенокосами и выгонами — 20%, лесом — 20%, болотами — 5%. Две основных отрасли сельского хозяйства — полеводство и животноводство — имели равное значение. Общая посевная площадь района равнялась 50 тыс. га, в том числе колхозными были 47 тыс. га. Зерновые культуры здесь господствовали: под них отводилось 93% всех посевных площадей. Под технические культуры отводился 1%, кормовые — 1%, под картофель и овощи — 5% посевных площадей. Среди зерновых культур 15% отводилось озимой ржи, 50% — яровой пшенице, 2,5% — просу. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,23 тыс. га) и конопля (0,09 тыс. га). Из кормовых выращивались силосные и корнеплоды (0,22 тыс. га), однолетние травы (0,1 тыс. га) и многолетние травы (0,4 тыс. га).

Животноводство имело молочное направление. Поголовье крупного рогатого скота насчитывало 25 тыс. голов, в том числе 12,5 тыс. коров, овец — 20 тыс. голов, из них овцематок — 11,5 тыс., свиней — 16 тыс. голов. В колхозных товарных фермах содержалось крупного рогатого скота 9 тыс. голов, овец — 4 тыс. голов, столько же свиней. Совхозы имели крупного рогатого скота в размере 0,13 тыс. голов, свиней — 0,24 тыс. голов, овец — 0,35 тыс. голов. В районе развивалось пчеловодство. Всего здесь было 9 тыс. пчелиных семей, в том числе 6,5 тыс. — в колхозных товарных пасеках.

Ленинск-Кузнецкий район. К концу 1930-х годов территория района составила 3 тыс. км² с сельским населением 40,3 тыс. человек. Районным центром был город Ленинск-Кузнецкий с населением на 17 января 1939 года 82,7 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был значителен — 67%. Главной промышленностью города была угледобывающая, представленная шестью шахтами, на которых трудились 10 тыс. человек. Из ценовых предприятий в городе функционировали две хлебопекарни, мясокомбинат, швейная фабрика, столярная мастерская, кирпичный завод. В совокупности на них трудились около 1,5 тыс. рабочих и служащих.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 99% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 104 колхозах. В районе функционировали три МТС на

184 трактора общей мощностью 3,4 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 100% всех колхозных посевных площадей; 13% зерновых убирали комбайнами. В районе действовали два молочно-мясных совхоза: «Ленинск-Кузнецкий» НКХ СССР и «Краснинский» НКХ РСФСР, пригородный «Ленинуголь» Новосибирского Сельхозтреста. Из общей земельной площади района в 300 тыс. га пашней было занято 25%, сенокосами и выгонами — 60%, лесом и кустарниками — 5%, болотами — 3,5%.

В сельском хозяйстве района преобладающее значение имело молочно-мясное животноводство с развитым овцеводством. Поголовье крупного рогатого скота насчитывало 33,7 тыс. голов, из них 13,7 тыс. коров, овец — 44,2 тыс. голов, свиней — 15 тыс. голов. Совхозам принадлежало 7,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 1,4 тыс. голов свиней, 1,3 тыс. голов овец. В колхозах насчитывалось 10,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 20,7 тыс. голов овец, 3 тыс. голов свиней. Посевная площадь района составляла 60 тыс. га, в том числе совхозам принадлежало 10 тыс. га, колхозам — 45 тыс. га. Под зерновыми культурами было занято 85% всех посевных площадей, под техническими — 0,5%, кормовыми — 7%, картофелем и овощами — 7,5%, из них 7% — под картофелем. В числе кормовых силосные занимали 1 тыс. га, корнеплоды — 0,3 тыс. га, однолетние травы — 1,8 тыс. га, многолетние — 1,1 тыс. га.

Титовский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,5 тыс. км² с сельским населением 42,7 тыс. человек. Районным центром был рабочий поселок Промышленный с населением в 14 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации составил здесь 25%. Индустрия Промышленного была представлена несколькими ценовыми предприятиями, наиболее крупными из которых были две машинно-тракторные мастерские. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 95% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 72 колхозах. В районе действовали три МТС на 184 трактора общей мощностью 3,4 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 100% всех колхозных посевных площадей; 14% зерновых убирали комбайнами. В районе было три совхоза НКХ: свиновхоз «Заря» НКХ СССР, «Ударник» НКХ РСФСР и «Тыхтинский» молмясосовхоз НКХ РСФСР. Из общей земельной площади района 256 тыс. га пашней было занято 58%, сенокосами и выгонами — 18%, лесом — 8,5%, болотами — 7%.

В сельском хозяйстве района преобладающее значение имело молочно-мясное животноводство с развитым овцеводством. Поголовье крупного рогатого скота насчитывало 30,7 тыс. голов, из них 13,1 тыс. коров, овец — 31,8 тыс. голов, 20,2 тыс. голов свиней. Совхозам принадлежало 3 тыс. голов крупного рогатого скота и 7,7 тыс. голов свиней. В колхозах насчитывалось 11,4 тыс. голов крупного рогатого скота, 14,5 тыс. овец, 3,5 тыс. свиней. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 60,7 тыс. га, из них колхозам принадлежало 49,2 тыс. га, совхозам — 9,3 тыс. га. Зерновые культуры занимали 90% в общей структуре посевов, технические — 1%, кормовые — 5%, картофель и овощи —

Скотный двор колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

4%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали лишь 7%, яровой пшеницы — 55%, крупяных (гречиха и просо) — 3%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,19 тыс. га), конопля (0,23 тыс. га) и рыжик (0,21 тыс. га). Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,68 тыс. га), однолетние (1,03 тыс. га) и многолетние травы (1,55 тыс. га); 70% кормовых культур выращивались в совхозах.

Крапивинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 4,9 тыс. км² с сельским населением 32,8 тыс. человек. Административным центром было село Крапивино с населением 3 тыс. человек. К городскому населению здесь были отнесены жители рабочего поселка Пезас в количестве тысячи человек. Таким образом, район, как и Титовский, был сельским в составе «кузбасской» группы. Главной отраслью района была лесная промышленность, в которой было задействовано в общей сложности более 300 человек. Также определенное развитие получила здесь пищевая промышленность, представленная четырьмя предприятиями, в которых было занято до сотни человек.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 94% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 99 колхозах. В районе функционировали три МТС на 147 тракторов со совокупной мощностью 2,7 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 96% всех колхозных посевных площадей; 19% зерновых убиралось комбайнами. В районе функционировало три молочно-мясных совхоза НКСХ РСФСР: «Уньгинский», «Мелковский» и «Мунгатский». Из общей

земельной площади района 15% находилось под пашнями, 20% — под сенокосами и выгонами, 55% — под лесом, 5% — под болотом. Значительные лесные угодья способствовали развитию здесь лесопромышленности.

Полеводство и животноводство были развиты в одинаковой степени. Посевная площадь района составляла 43 тыс. га, в том числе совхозы задействовали 6 тыс. га, колхозы — 36 тыс. га. Под зерновыми культурами было занято подавляющее большинство (94%) посевных площадей, под технические культуры предназначалось 1,5%, столько же под кормовые, 3% площадей задействовалось под картофель и овощи.

В составе зерновых культур 10% принадлежало озимой ржи, 49% — яровой пшенице, 7% — крупяным (гречиха и просо). Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,27 тыс. га) и конопля (0,3 тыс. га). Из кормовых выращивались силосные и корнеплоды (0,35 тыс. га), однолетние (0,3 тыс. га) и многолетние травы (0,3 тыс. га). Основные посевы кормовых культур (90%) были задействованы в совхозах. Животноводство района имело молочно-мясное направление. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 24 тыс. голов, из них 9,5 тыс. коров, овец — 12 тыс., свиней — 8,6 тыс. Совхозам принадлежало 8 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозах насчитывалось 7 тыс. голов крупного рогатого скота, 3,3 тыс. голов овец, 2,3 тыс. голов свиней.

Топкинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,5 тыс. км² с сельским населением 35,5 тыс. человек. Административным центром был город

Топки с населением 22,7 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был относительно высоким — 40%. Помимо небольшого каменноугольного рудника в городе располагалось несколько ценовых предприятий, на которых трудились около 200 человек. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 75 колхозах. В районе действовали две МТС на 134 трактора общей мощностью 2,6 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 100% всех колхозных посевных площадей; 35% зерновых убирались комбайнами. В районе имелось четыре молочно-мясных совхоза НКСХ — «Трещевский» НКСХ СССР, «Хорошеборский», «Соломинский» и «Топкинский» НКСХ РСФСР. Из общей земельной площади района 251 тыс. га пашней было занято 60%, сенокосами и выгонами — 20%, лесом — 2%, болотами — 5%.

В сельском хозяйстве преобладающим было животноводство. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 33 тыс. голов, из них 14 тыс. коров, овец — 21,4 тыс. голов, 20,2 тыс. голов свиней. Совхозам принадлежало 7,3 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозах насчитывалось 9,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 7,5 тыс. овец, 6,8 тыс. свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 4,4 тыс. пчелиных семей, в том числе 3,6 тыс. семей в 62 колхозных пасеках. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 55 тыс. га, из них колхозам принадлежало 43 тыс. га, совхозам — 8 тыс. га. Зерновые культуры занимали 88% в общей структуре посевов, технические — 1%, кормовые — 6%, картофель и овощи — 5%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 20%, яровой пшеницы — 43%, крупяных (гречиха и просо) — 3%, ячменя — 2%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,2 тыс. га) и конопля (0,2 тыс. га). Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,83 тыс. га), однолетние (1,81 тыс. га) и многолетние травы (1,22 тыс. га).

Кемеровский район. К концу 1930-х годов его территория составила 2 тыс. км² с сельским населением 47,4 тыс. человек. Административным центром был город Кемерово с населением на 17 января 1939 года 132,8 тыс. человек. Также к городскому было отнесено население рабочего поселка Пионер численностью 4,5 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был значителен и составил 74%. К этому времени районный центр Кемерово уже стал центром химической промышленности Кузбасса. На местном коксохимическом заводе трудились более 2 тыс. рабочих. Крупным промышленным предприятием города была Кемеровская ГРЭС, на которой трудились 500 рабочих.

Значительный удельный вес городской индустрии составляла угольная промышленность, включавшая три шахты, на которых было занято более 2 тыс. шахтеров. Кроме того, в городе располагалось 50 ценовых предприятий, в которых было задействовано в общей сложности около 4 тыс. рабочих и служащих. Самыми крупными из них были хлебокомбинат, металлообрабатывающие предприя-

тия и лесопилки, механический завод, несколько кирпичных заводов, мясокомбинат и молокозавод.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 88% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 88 колхозах. Колхозы района обслуживались двумя МТС, имевшими в своем распоряжении 89 тракторов на 1,6 тыс. лошадиных сил. Они обслуживали 75% колхозных посевных площадей; 10% зерновых убирались комбайнами. Крупный город требовал существенного продовольственного обеспечения, поэтому в районе функционировали два молочно-мясных совхоза: «Мазуровский» НКСХ СССР и «Октябрьский № 327» НКСХ РСФСР, а также пять пригородных совхозов Новосибирского сельхозтреста: «Кемеровский», «Металлплощадка», «Новостройка», «Сухая речка» и «Забойщик». Общая земельная площадь района, составляя 200 тыс. га, включала 45% пашни, 20% сенокоса и выгонов, 20% леса и кустарников, 5% болот.

Полеводство и животноводство были развиты в одинаковой степени. Посевная площадь составляла 40 тыс. га, в том числе 10 тыс. га обрабатывали совхозы, 25 тыс. га — колхозы. Зерновые культуры занимали 75% всех посевных площадей, технические — 0,5%, кормовые — 10%, картофель и овощи — 13,5%, из них 10,5% — картофель. В общем объеме зерновых озимая рожь составляла 15%, яровая пшеница — 30%, гречиха — 5%, просо — 1,5%. Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (1 тыс. га), однолетние (2 тыс. га) и многолетние травы (1 тыс. га). Основная площадь кормовых культур (80%) принадлежала совхозам.

Животноводство района имело молочное направление. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 21,2 тыс. голов, из них 9,7 тыс. коров, овец — 11,6 тыс., свиней — 12,9 тыс. Совхозам принадлежало 5,4 тыс. голов крупного рогатого скота и 1 тыс. свиней. В колхозах насчитывалось 5,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 2,4 тыс. голов овец, 1,8 тыс. голов свиней. Из всего районного поголовья скота 40% крупного рогатого скота и 50% свиней выращивались рабочими и служащими. В районе насчитывалось 7 тыс. пчелиных семей, из них 5 тыс. располагались в 62 колхозных товарных пасеках.

Барзасский район. К концу 1930-х годов территория района составила 3,1 тыс. км² с сельским населением 20,7 тыс. человек. Административным центром был рабочий поселок Барзас с численностью населения 6,4 тыс. человек, имевших статус городских жителей. Также к городскому населению относились здесь жители рабочего поселка Новый в количестве 2,9 тыс. человек. Таким образом, треть местных жителей района формально считались горожанами. Здесь получила развитие лесная промышленность, в которой было задействовано около тысячи человек. Крупнейшим из ценовых предприятий был хлебокомбинат.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 84% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 58 колхозов. На территории района располагался свиноводческий совхоз «Щегловский» НКСХ РСФСР, имевший 3 тыс. голов свиней. Общая земельная площадь равнялась

Племенные бычки колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

311 тыс. га. Под сельскохозяйственными угодьями была задействована совсем незначительная площадь. Размер пашни составлял лишь 5%, сенокосов и выгонов было 10%, 85% земель района были заняты лесами.

Преобладающей отраслью сельского хозяйства являлось животноводство молочного направления. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 8,7 тыс. голов, в том числе коров — 4,5 тыс. голов (или 50%), овец — 4,6 тыс. голов, в том числе овцематок — 2,6 тыс., свиней — 8,1 тыс. голов, из них свиноматок — 1,1 тыс. Колхозные товарные фермы имели в своем распоряжении 1,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 0,5 тыс. голов овец и 0,7 тыс. голов свиней. Пчелиных семей в районе насчитывалось 4 тыс., из них 2 тыс. — в 57 колхозных пасаках.

Общая посевная площадь района составляла лишь 11 тыс. га, из них 8 тыс. га принадлежали колхозам. Зерновые культуры занимали 82% всех посевов, технические — 2%, кормовые — 6%, картофель и овощи — 10%. Из зерновых значительный удельный вес имела озимая рожь, составлявшая 35% всех посевов, яровая пшеница занимала 15%, гречиха — 8,5%, ячмень — 5%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,16 тыс. га) и конопля (0,04 тыс. га). Из кормовых выращивались силосные и корнеплоды (0,16 тыс. га), однолетние (0,13 тыс. га) и многолетние травы (0,8 тыс. га). Одной из основных задач, стоявших перед руководством района, было расширение посевных площадей за счет вырубки лесов.

Анжеро-Судженский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,6 тыс. км² с сельским населением

24,7 тыс. человек. Административным центром был город Анжеро-Судженск с населением на 17 января 1939 года 79,7 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был достаточно высок, составляя 76%. Ведущей отраслью городской промышленности была угледобывающая, представленная тремя шахтами с 1,5 тыс. рабочих. Ценовая промышленность города была представлена несколькими предприятиями, на которых было занято около 4 тыс. рабочих. Самыми крупными являлись мясокомбинат, хлебокомбинат, швейная фабрика и кирпичный завод.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств, объединенных в 81 колхоз. В районе действовали две МТС, которые имели в своем составе 116 тракторов общей мощностью 2 тыс. лошадиных сил. Они обслуживали 80% всех колхозных посевных площадей; 20% зерновых убирались комбайнами. На территории района действовал пригородный совхоз «Анжерский» Новосибирского сельхозтреста. Из общей земельной площади района 266 тысяч га 22% земель находились под пашней, 20% — под сенокосом и выгоном, 40% — под лесом и кустарником, 12% занимали болота.

Ведущей отраслью сельского хозяйства было полеводство. Общая посевная площадь района составляла 39 тыс. га, из них на долю колхозов приходилось 32 тыс. га. Зерновые культуры составляли 84% от всего объема посевов, технические культуры занимали 2%, кормовые — 4%, картофель и овощи — 10%. В числе зерновых культур озимая рожь занимала 25%, яровая пшеница — 30%, гречиха — 5%. Из технических культур возделывались

Молочная ферма колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

лен-долгунец (0,4 тыс. га) и конопля (0,4 тыс. га). Из кормовых выращивались силосные (0,2 тыс. га), корнеплоды (0,2 тыс. га), однолетние (0,4 тыс. га) и многолетние травы (1 тыс. га).

Животноводство имело молочное направление. поголовье крупного рогатого скота составляло 13 тыс. голов, в том числе коров — 6 тыс. (или 45%). Овец было 14 тыс. голов, из них 8 тыс. овцематок. поголовье свиней составляло 10 тыс. голов, в том числе 2 тыс. свиноматок. В колхозных товарных фермах района содержалось 4 тыс. голов крупного рогатого скота, 3 тыс. овец, 2 тыс. свиней. В совхозах района было 1,5 тыс. голов крупного рогатого скота и 1,3 тыс. свиней. Кроме того, в районе было развито пчеловодство. Всего насчитывалось 12 тыс. пчелиных семей, из них 8 тыс. — в 77 колхозных товарных пасеках.

Подводя итоги характеристике состояния районов «кузбасской» группы к концу 1930-х годов, следует отметить те грандиозные изменения в уровне сельскохозяйственного производства, которые произошли здесь к указанному времени. Общая посевная площадь за годы двух первых пятилеток увеличилась более чем вдвое, составив к концу 1930-х полмиллиона гектаров. поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 250 до 334 тыс. голов, поголовье свиней — с 92 до 186 тыс. голов. Уровень коллективизации крестьянских хозяйств превысил 90%. К началу III пятилетки социалистическому сектору в местном селе принадлежало 95% посевных площадей, колхозному сектору — 80%. Таким образом, окончательно был ликвидирован разрыв между социалистической промышленностью

и многоукладным сельским хозяйством, характерный для начала десятилетия. Вся отечественная экономика теперь стала функционировать как единая и цельная система.

Одной из главных задач коллективизации фактически была организация колхозов как крупных государственных механизированных сельскохозяйственных предприятий с высокой производительностью труда. Если в начале 1930-х годов только начали появляться первые и единичные машинно-тракторные станции, обслуживавшие колхозы, то к концу десятилетия таковых в «кузбасских» районах насчитывалось уже 25 с парком 1 348 тракторов совокупной мощностью 25 тыс. лошадиных сил и 400 комбайнов. К концу 1930-х годов здесь функционировало три десятка совхозов, имевших в своем распоряжении около 200 тыс. га земли, засевавших 60 га из них. На их пастбищах паслось в общей сложности до 40 тыс. голов крупного рогатого скота, тысячи овец. Совхозы, особенно пригородные, выполняли важнейшую функцию продовольственного обеспечения городских индустриальных центров урбанистического Кузбасса. Все это позволяет сделать вывод, что стране в целом и региону в частности за десятилетие 1930-х годов удалось осуществить грандиозный скачок в деле модернизации экономической сферы, в том числе аграрной. Правда, ценой этого скачка стали тысячи изломанных государственной модернизационной машиной крестьянских жизней.

Доярки колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея. Мужчина с перечеркнутым лицом — «враг народа»

«ТОМСКАЯ» И «МАРИИНСКАЯ» ГРУППЫ

Тайгинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 4 тыс. км² с сельским населением 40 тыс. человек. Административным центром был город Тайга с населением 38,4 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации в районе был относительно высоким, составив 49%. Крупнейшим промышленным предприятием района являлся Яшкинский цементный завод, где трудилось тысяча рабочих. Также была развита лесопромышленность, в которой были заняты около 2 тыс. человек.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 96% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 122 колхозах. В районе действовали две МТС на 142 трактора общей мощностью 2,6 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 68% всех колхозных посевных площадей; 11% зерновых убиралось комбайнами. В районе имелось четыре совхоза: молочно-мясной совхоз «Шахтер» ведомственной принадлежности Наркомсовхозов СССР, молочно-мясной совхоз им. Ленина НКХ РСФСР, пригородный совхоз «Яшкинский» Новосибирского сельхозтреста и пригородный

совхоз № 5 Трансторгпита. Из общей земельной площади района 400 тысяч га пашней был занят 21%, сенокосами и выгонами — 26%, лесом — 48%, болотами — 5%.

Полеводство и животноводство были развиты в районе в одинаковой степени. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 51 тыс. га, из них колхозам принадлежало 45 тыс. га. Зерновые культуры занимали 88% в общей структуре посевов, технические — 2,5%, кормовые — 4%, картофель и овощи — 5,5%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 20%, яровой пшеницы — 34%, крупяных (гречиха и просо) — 9%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,86 тыс. га) и конопля (0,35 тыс. га). Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,36 тыс. га), однолетние (0,67 тыс. га) и многолетние травы (0,64 тыс. га). Практиковалось сеяние клевера. Животноводство имело молочное направление. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 26 тыс. голов, из них 12,6 тыс. коров, овец — 17,4 тыс. голов, 13 тыс. голов свиней. В совхозах было 4 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозных товарных фер-

мах насчитывалось 5,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 4 тыс. голов овец, 4,6 тыс. голов свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 11 тыс. пчелиных семей, в том числе 7,3 тыс. — в 120 колхозных пасаках.

Юргинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,3 тыс. км² с сельским населением 44 тыс. человек. Административным центром был поселок Юрга. Основной промышленной отраслью района являлась пищевая. Крупнейшим предприятием по обработке молочной продукции стал Юргинский маслозавод. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 94% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 94 колхозах. В районе действовали две МТС на 143 трактора общей мощностью 2,6 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 79% всех колхозных посевных площадей; 20% всех посевов зерновых убирались комбайнами. В районе имелся свиноводческий совхоз «Юргинский» Наркомсовхозов СССР. Из общей земельной площади района 235 тыс. га пашней было занято 47%, сенокосами и выгонами — 14%, лесом — 17%, болотами — 7%.

Ведущей отраслью сельского хозяйства было полеводство. Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 47,6 тыс. га, из них колхозам принадлежало 43,2 тыс. га. Зерновые культуры занимали 91% в общей структуре посевов, технические — 3%, кормовые — 2%, картофель и овощи — 4%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 15%, яровой пшеницы — 44%, крупяных (гречиха и просо) — 9%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,69 тыс. га), конопля (0,17 тыс. га), махорка (0,46 тыс. га). Из кормовых возделывались силосные культуры и корнеплоды (0,16 тыс. га), однолетние (0,39 тыс. га) и многолетние травы (0,12 тыс. га). Животноводство района имело молочно-мясную направленность. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 18 тыс. голов, из них 7,4 тыс. коров, овец — 20 тыс. голов, 13,5 тыс. голов свиней. Совхозам принадлежало 2 тыс. голов свиней, 4 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозных товарных фермах насчитывалось 5,6 тыс. голов крупного рогатого скота, 6,2 тыс. голов овец, 4,7 тыс. голов свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 5,6 тыс. пчелиных семей, в том числе 4,1 тыс. — в 85 колхозных пасаках.

Ижморский район. К концу 1930-х годов территория района составила 2,8 тыс. км² с сельским населением 42 тыс. человек. Административным центром был поселок Ижморский. Главным промышленным учреждением района считалась ремонтно-тракторная мастерская МТС, в которой была задействована сотня человек. К концу 1930-х годов здесь коллективизировано 95% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 121 колхозе. В районе действовали три МТС на 200 тракторов общей мощностью 4 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 78% всех колхозных посевных площадей; 20% зерновых убиралось комбайнами. Из общей земельной площади района в 283 тыс. га пашней было занято 32%, сенокосами и выгонами — 20%, лесом и кустарниками — 35%, болотами — 10%. Основной отраслью сельского хозяйства было полеводство.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 53 тыс. га, из них колхозам принадлежала 51 тыс. га. Зерновые культуры занимали 92% в общей структуре посевов, технические — 1,5%, кормовые — 1,5%, картофель и овощи — 5%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 27%, яровой пшеницы — 40%, крупяных (гречиха и просо) — 1,5%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,56 тыс. га) и конопля (0,17 тыс. га), из кормовых — силосные культуры и корнеплоды (0,64 тыс. га), однолетние (0,18 тыс. га) и многолетние травы (0,44 тыс. га). Животноводство района имело молочно-мясную направленность с развитым овцеводством. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 16,6 тыс. голов, из них 7 тыс. коров, овец — 20 тыс. голов, 12 тыс. голов свиней. В колхозных товарных фермах насчитывалось 4,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 4,1 тыс. голов овец, 2,8 тыс. голов свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 7,7 тыс. пчелиных семей, в том числе 5,8 тыс. — в 106 колхозных пасаках.

Чебулинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 3,7 тыс. км² с сельским населением 32 тыс. человек. Административным центром района было село Верх-Чебула. Главным промышленным учреждением района считалась ремонтно-тракторная мастерская МТС, в которой работали сто человек. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств, объединенных в 71 колхоз. В районе действовали две МТС на 154 трактора общей мощностью 2,8 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 93% всех колхозных посевных площадей; 28% зерновых убиралось комбайнами. Ведущей отраслью сельского хозяйства являлось полеводство. Из общей земельной площади района 275 тыс. га пашней было занято 25%, сенокосами и выгонами — 11%, лесом и кустарниками — 50%, болотами — 9%. Главной отраслью сельского хозяйства было полеводство.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 42 тыс. га, из них колхозам принадлежала 41 тыс. га. Зерновые культуры занимали 92% в общей структуре посевов, технические — 3%, кормовые — 1%, картофель и овощи — 4%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи было лишь 9%, яровой пшеницы — 55%, крупяных (гречиха и просо) — 3%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,47 тыс. га), конопля (0,4 тыс. га), а также табак и махорка (0,31 тыс. га), из кормовых — силосные культуры и корнеплоды (0,1 тыс. га), однолетние (0,21 тыс. га) и многолетние травы (0,22 тыс. га). поголовье крупного рогатого скота насчитывало 12 тыс. голов, из них 4,8 тыс. коров, овец — 11,5 тыс. голов, 9,1 тыс. голов свиней. В колхозных товарных фермах насчитывалось 3,6 тыс. голов крупного рогатого скота, 3,2 тыс. голов овец, 1,5 тыс. голов свиней. Перед руководством районом стояла задача расширения посевных площадей за счет выруб-ки лесов и осушения болот.

Мариинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 4 тыс. км² с сельским населением 38,8 тыс. человек. Административным центром был город

Конь-производитель по кличке Гордей колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

Мариинск с населением 22,3 тыс. человек. Таким образом, уровень урбанизации составил здесь 36%. Основной промышленной отраслью района являлась пищевая. Важнейшими предприятиями этой отрасли стали винзавод, мясокомбинат и хлебопекарня. Также была развита лесная промышленность. В совокупности в промышленных заведениях района трудились 1,5 тыс. рабочих. К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 95% крестьянских хозяйств, объединенных в 89 колхозов. В районе действовали три МТС на 231 трактор общей мощностью 4,2 тыс. лошадиных сил, обслуживавших до 100% всех колхозных посевных площадей; 20% зерновых убиралось комбайнами. Ведущей отраслью сельского хозяйства являлось полеводство. Из общей земельной площади района в 410 тыс. га пашней было занято 34,5%, сенокосами и выгонами — 10%, лесом и кустарниками — 35%.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 59 тыс. га, из них колхозам принадлежало 57 тыс. га. Зерновые культуры занимали 91% в общей структуре посевов, технические — 1,5%, кормовые — 1,5%, картофель и овощи — 5%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 27%, яровой пшеницы — 40%, крупяных (гречиха и просо) — 1,5%, столько же ячменя. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,1 тыс. га) и конопля (0,65 тыс. га), из кормовых — силосные культуры и корнеплоды (0,12 тыс. га), однолетние (0,45 тыс. га) и многолетние травы (0,24 тыс. га). Животноводство района имело молочную направленность. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 19 тыс. голов, из них 9 тыс. коров, овец —

17 тыс. голов, 13,4 тыс. голов свиней. В колхозных товарных фермах насчитывалось 4,9 тыс. голов крупного рогатого скота, 3,7 тыс. голов овец, 4,5 тыс. голов свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 4,4 тыс. пчелиных семей, в том числе 3,1 тыс. — в 72 колхозных пасаках.

Тисульский район. К концу 1930-х годов территория района составила 11 тыс. км² с сельским населением 38,8 тыс. человек. Районным центром было село Тисуль. К городскому населению здесь относилось население рабочих поселков Бериккульский, Первомайский и Центральный, которые в совокупности насчитывали 33 тыс. человек. Таким образом, формально уровень урбанизации в районе был достаточно высоким, составляя 46%. Местная промышленность была представлена тремя предприятиями пищевой индустрии, в которых были заняты около 200 человек.

К концу 1930-х годов здесь было коллективизировано 89% крестьянских хозяйств, которые были объединены в 37 колхозах. В районе действовали две МТС на 126 тракторов общей мощностью 2,9 тыс. лошадиных сил, обслуживавших до 100% всех колхозных посевных площадей; 30% зерновых убиралось комбайнами. Ведущей отраслью сельского хозяйства являлось полеводство, также было достаточно развито и животноводство. В районе действовал молмясовхоз «Тисульский» Наркомсовхозов СССР. Из общей площади района в 1 млн га пашней было занято очень незначительное количество земель — 5%, сенокосами и выгонами — также 5%, лесом и кустарниками — 75% всех земельных угодий.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 30 тыс. га, из них колхозам принадлежало 24 тыс. га. Зерновые культуры занимали 88% в общей структуре посевов, технические — 3%, кормовые — 4%, картофель и овощи — 5%, из них картофеля — 90%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали незначительные 7%, яровой пшеницы — 50%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,32 тыс. га) и конопля (0,54 тыс. га), из кормовых — силосные культуры и корнеплоды (0,32 тыс. га), однолетние (0,79 тыс. га) и многолетние травы (0,33 тыс. га). Животноводство района имело молочную направленность. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 18,6 тыс. голов, из них 9,4 тыс. коров, овец — 15,5 тыс. голов, 6,5 тыс. голов свиней. Совхозу принадлежало 3,3 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозных товарных фермах насчитывалось 4,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 11,1 тыс. голов овец, 2,4 тыс. голов свиней. В районе насчитывалось

Корова-рекордсменка по кличке Ярославка колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

2 тыс. пчелиных семей, в том числе 1,5 тыс. — в 35 колхозных товарных пасаках.

Тяжинский район. К концу 1930-х годов территория района составила 5 тыс. км² с сельским населением 56,7 тыс. человек. Районным центром было село Тяжин. Основной отраслью промышленности была пищевая, связанная с переработкой молока. К концу 1930-х годов здесь коллективизировали 89% крестьянских хозяйств, объединенных в 112 колхозов. В районе действовали четыре МТС на 200 тракторов общей мощностью 3,8 тыс. лошадиных сил, обслуживавших 87% колхозных посевных площадей; 22% зерновых убирались комбайнами. В районе функционировал молмясовхоз «Тяжинский» Наркомсовхозов СССР. Ведущей отраслью сельского хозяйства являлось полеводство. Из общей земельной площади района в 0,5 млн га пашней было занято 22%, сенокосами и выгонами — 14%, лесом и кустарниками — 50%, болотами — 9%.

Общая посевная площадь к концу 1930-х годов составляла 67 тыс. га, из них колхозам принадлежало 62 тыс. га. Зерновые культуры занимали 92% в общей структуре посевов, технические — 1%, кормовые — 2%, картофель и овощи — 5%. В общем объеме зерновых посевы озимой ржи занимали 20%, яровой пшеницы — 42%, крупяных (гречиха и просо) — 3%. Из технических культур возделывались лен-долгунец (0,43 тыс. га) и конопля (0,16 тыс. га), из кормовых — силосные культуры и корнеплоды (0,24 тыс. га), однолетние (0,74 тыс. га) и многолетние травы (0,66 тыс. га). Животноводство района имело молочную направленность с развитым овцеводством. По-

голове крупного рогатого скота насчитывало 26 тыс. голов, из них 11,3 тыс. коров, овец — 27,6 тыс., 15 тыс. свиней. Совхозу принадлежало 3,2 тыс. голов крупного рогатого скота. В колхозных товарных фермах насчитывалось 7,9 тыс. голов крупного рогатого скота, 10,9 тыс. голов овец, 6,6 тыс. голов свиней. Развивалось пчеловодство. В районе насчитывалось 6 тыс. пчелиных семей, в том числе 4 тыс. — в 80 колхозных пасаках.

Итоги аграрной модернизации Кузбасского региона к началу Великой Отечественной войны. В современной исторической литературе на основе анализа ставших достоянием научной общественности источников убедительно доказано, какую высокую цену пришлось заплатить крестьянству за сталинскую модернизацию села. Исключительно значимая роль в исследовании указанной проблематики принадлежит аграрному сектору Института истории СО РАН, научные сотрудники которого всесторонне, комплексно и детально изучили вопросы коллективизации, раскулачивания и формирования колхозного строя в Сибири. Авторитетным уче-

ным на многочисленных примерах удалось установить, что коллективизация, составной частью которой стало раскулачивание, проводилась жесткими административно-командными методами с активным применением политических, экономических, морально-психологических средств воздействия на крестьянство в реализации социалистической аграрной политики на селе¹.

Нельзя не отметить и то, что во второй половине 1930-х годов в результате государственной политики организационно-экономического укрепления колхозов деятельность социалистического сельского хозяйства в определенной мере нормализовалась и приобрела не только устойчивость, но и достаточную потенцию к развитию и совершенствованию. Коммунистам в целом удалось подавить сопротивление единоличного сектора в заготовительной политике и в итоге утвердить абсолютную сдачу произведенных

¹ Ильиных В. А., Лапердин В. Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.; На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание / Отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 224 с.; Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2015. Вып. 3. 258 с.; Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири...; Коллективизация сибирской деревни. Январь — май 1930 г.: сб. документов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. I: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг.: Хроникально-документальный сборник / под ред. В. А. Ильиных; Кавцевич О. К. Новосибирск, 2000; Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. 160 с.

Маслодельный завод колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

продуктов государству как первую и главную заповедь колхозников. Сельхозартели, по сути, превратились в полноценные государственные предприятия, функционировавшие по единому народнохозяйственному плану. Коллективные хозяйства за годы II пятилетки окончательно потеряли экономическую самостоятельность в области планирования производства, ведения хозяйства и распоряжения произведенной продукцией¹. Исходя из этого ряд современных отечественных историков (В. А. Ильных и др.) сделали вывод о том, что отчуждение крестьянина от средств производства и реального участия в распоряжении результатами своего труда привело к утрате чувства хозяина на земле и «раскрестьяниванию» деревни². Вместе с тем нет худа без добра. Осознавая негативные последствия сверхбыстрых темпов принудительной коллективизации, следует учитывать и то, что колхозный сектор постепенно становился на ноги и в итоге начал работать в соответствии с единой системой социалистического хозяйствования. Постепенно преодолевалась «мелкоколхозница», происходило укрупнение коллективных хозяйств. По статистическим данным на 1 января 1941 года, на территории районов, впоследствии выделенных в Кемеров-

скую область, насчитывалось 1 636 сельскохозяйственных артелей, 90 811 дворов с наличным населением 367 769 человек³. В каждом сельском населенном пункте был свой колхоз, а в крупных селах — и два-три, в отдельных случаях — даже более.

В качестве показательного примера проведем небольшой анализ коллективных хозяйств Беловского района на 1 января 1940 года. Всего в районе было 20 сельсоветов, в них 70 сел и деревень и 104 колхоза. В таких крупных селах, как Бачаты, Беково, Каракан, Пермькова, Уроп, Каралда, имелось по три-четыре колхоза. В остальных, как правило, был один. От 90 до 100 % всех земельных угодий к концу 1930-х годов принадлежали колхозам. Весьма типичными были названия колхозов Беловского района. Пятая часть (20 %) всех коллективных хозяйств использовали в названии прилагательное «красный» как главный колористический символ социалистической революции в России: «Красный пахарь», «Красный партизан», «Красная нива», «Красное знамя», «Красный серп», «Красный охотник», «Красный путиловец» и т. д. Четверть (25 %) всех колхозов назывались в честь одного из адептов коммунистической идеологии или признанных деятелей нового политического режима (Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Будённого, Кирова, Орджоникидзе, Дзержинского, Чапаева, Жданова, Ленина и др.). В остальных случаях наименования колхозов содержали в себе тот или иной элемент

1 Викторов А. Ю. Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. С. 33–34.

2 Ильных В. А. Раскрестьянивание // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск, 2009. С. 753–754.

3 ГАК. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

Овощехранилище колхоза «12 лет Октября», поселок Кузедеево. 1936 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

идеологии коммунизма. Исключениями стали колхоз «Телеут» в поселке Черта (национальная коннотация), колхоз «Колос» в селе Менчереп (аграрная коннотация) и колхоз «Кузбасс» в селе Старопестерево (региональная коннотация). Случались и повторы: в Беловском районе было два колхоза «1 Мая», два колхоза им. Крупской, два колхоза им. Орджоникидзе, два колхоза им. Ворошилова, два колхоза им. Осоавиахима, два колхоза им. III Интернационала, два колхоза им. Калинина, две «Красных горки», три «Красных пахаря». Своеобразно поступили колхозники деревни Калиновки, которые недолго думая присвоили своему колхозу имя М. И. Калинина. Колхозы Беловского района к началу Великой Отечественной войны обслуживались четырьмя машинно-тракторными станциями, имевшими в своем распоряжении две сотни тракторов, в основном колесных, 137 уборочных комбайнов¹.

По статистическим данным на 1 января 1941 года, колхозное население Кузбасса насчитывало 367 796 человек, что составляло ровно 50% от всего сельского населения Кузбасского региона. Остальные селяне трудились в МТС, совхозах, других предприятиях и учреждениях деревни. Единоличники к этому времени уже окончательно превратились в небольшую маргинальную группу. Взрослое трудоспособное население (старше 16 лет) из общего числа колхозников насчитывало 165 654 человека (45%); из них:

77 452 — мужчины (47%) и 82 241 — женщины (53%). Также в колхозах числились 44 674 подростка в возрасте 12–16 лет (12% от общего количества колхозников). Из общего числа трудоспособных колхозников 1 506 человек были задействованы в работе на транспорте и в промышленности. В среднем на 10 колхозных дворов приходилось 40 человек, в том числе 20 трудоспособных и 5 подростков. Характерным явлением кузбасской деревни было широкое использование в колхозном производстве труда молодежи. В 1940 году подростки 12–16 лет составляли 20% от общего количества колхозников, задействованных в общественном труде. Следует учесть, что нетрудоспособное население по мере возможности также было задействовано в колхозных работах; доля таковых составляла 12%².

В колхозах региона значительно возросла механизация труда. Согласно статистическим данным, в 1940 году в Кузбасском регионе насчитывалось 42 совхоза, 1 634 колхоза, а в них 86,4 тыс. дворов, 48 МТС. Всего в кузбасском селе к этому времени было 4,2 тыс. тракторов общей мощностью 82,6 тыс. лошадиных сил, также 2 тыс. комбайнов и 1 тыс. грузовых автомобилей. Большинство тракторов и грузовых автомобилей принадлежали МТС. Но некоторые колхозы располагали собственной техникой, хотя и немногочисленной. На 1 января 1941 года в кузбасских сельскохозяйственных артелях числилось 567 грузовых автомашин, 42 трактора, 12 локомотивов, 378 двигателей.

¹ Коровин В. Т. История Беловского района: события, факты, люди (1920–2000). Кемерово, 2005. С. 109–112.

² ГАК. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 105. Л. 31–32.

Колхозники колхоза «1 Мая» Урского сельсовета Беловского района на праздновании 1 Мая. 1933 // Гурьевский городской краеведческий музей. ОФ. № 2997.13

В сельхозартелях было сосредоточено 20 тыс. конных плугов, 30 тыс. борон, 359 культиваторов сплошной обработки, 283 культиваторов междурядных, более 3 тыс. зерновых сеялок, 152 овощные сеялки, более 8 тыс. сенокосилок, 26 картофелесажалок. На колхозном балансе значилось более 6,5 тыс. конных граблей, 141 жатка-сноповязалка, 2,3 тыс. жаток-самосбросок, 448 жаток-лобогреек, более 1,2 тыс. различного рода молотилок, более 7 тыс. зерноочистительных машин, 146 картофелекопалок, 600 соломорезок, 60 силосорезок, 123 кормозапарника, 75 зернодробилок¹.

К началу 1940-х годов увеличился размах капитального строительства в колхозах, реализовывались планы по электрификации кузбасского села. Еще в 1937 году Новокузнецкий городской совет депутатов трудящихся утвердил план электрификации, согласно которому электроэнергия должна была поступить на производственные нужды Сосновской МТС и обслуживаемые ей в восьми селах колхозы. Летом 1939 года исполком Новосибирского областного совета депутатов трудящихся принял постановление об электрификации колхозов Кемеровского и Прокопьевского районов. До полномасштабной электрификации кузбасского села было еще далеко, но указанные планы постепенно и верно претворялись в жизнь².

Одним из главных факторов повышения производительности труда в коллективных хозяйствах выступала материальная заинтересованность. Повышение норм выработки колхозников и в целом улучшение качества жизни селян, объединенных в артели, были ключевыми задачами деятельности правительственных и партийных органов.

1 ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300. Л. 26, 35.

2 Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее... С. 50.

К началу 1940-х годов труд в колхозах региона повсеместно оплачивался по системе трудодней. Именно трудодень стал формой учета и мерой оценки количества и качества труда в колхозном производстве. Экономическая природа колхозного сектора заключалась в том, что вся произведенная продукция и прибыль от ее реализации после выполнения определенных нормативов в виде обязательных поставок и внесения натуроплаты в МТС поступали в полное распоряжение колхоза и колхозников. Далее каждый труженик получал за выполненную работу долю колхозного дохода, соответствовавшую выработанным им трудодням. С целью повышения материальной заинтересованности колхозников статьей № 15 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года была введена рекомендация распределения доходов в зависимости от результатов труда.

В колхозе правление разрабатывало, а общее собрание колхозников утверждало нормы выработки. Каждый вид сельскохозяйственных работ оценивался в трудоднях. Кроме того, рекомендовалось учитывать квалификацию работника,

сложность и значимость работ. Каждую неделю все сельскохозяйственные работы, которые выполняли колхозники, бригадиры учитывали и заносили в особую трудовую книжку соответственно расценкам. Колхозное правление ежемесячно вывешивало список членов артели с указанием количества трудодней, выработанных за истекший месяц.

С целью материального стимулирования колхозников предусматривалось поощрение передовиков производства за ударный труд в виде начисления дополнительных трудодней. Наказанием за низкие производственные показатели служил вычет трудодней³. Предполагалось, что это будет повышать производительность труда. На практике добросовестный труд в коллективных хозяйствах в условиях значительного изъятия государством произведенной продукции был малопривлекательным. Экономическая незаинтересованность коллективных сельхозпроизводителей в результатах общественного труда была очевидной. Большинство колхозников за выработанные трудодни получали крохи.

Оплата трудодня в Кузбассе, как и в целом по стране, к 1940 году была чрезвычайно низкой. Колхозники страны получили в среднем на трудодень 1,6 кг зерна, 0,98 кг картофеля, 0,98 рубля⁴. Сводные годовые отчеты сельхозартелей свидетельствуют, что колхозники в среднем по региону получали на трудодень 0,92 рубля и 1,59 кг зерном⁵. Так

3 Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. II. С. 519–530.

4 История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945. Ч. 1. 1938–1941. М., 1978. С. 134; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 339.

5 ГАК. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

что в принципе размеры выдачи денег и продуктов на трудодни в Кузбассе были вполне сопоставимы со средней оплатой трудодня по колхозам СССР. В 1940 году в колхозах Кузбасса трудоспособные мужчины старше 16 лет зарабатывали за год в среднем 341 трудодень, женщины и того меньше: 200¹. Получается, что взрослый трудоспособный колхозник зарабатывал на трудоднях 313 рублей ежегодно, или чуть больше 25 рублей ежемесячно, плюс около 25 кг зерна или иных продуктов. Средняя зарплата по стране составляла около 200 рублей в месяц. В той же самой деревне рабочие совхозов, коопхозов и МТС получали заработную плату в размере около 150 рублей², поэтому труд в колхозе не считался престижным и многие при удобном случае спешили покинуть хозяйство. Думается, недаром колхозники не получили паспортов при паспортизации населения СССР³. Колхозники расшифровывали аббревиатуру ВКП(б) как «второе крепостное право (большевиков)».

Вопрос недостатка колхозников, а также проблему необходимости расширения колхозных посевных площадей за счет введения в сельскохозяйственный оборот новых земель власти пытались решить посредством миграций. В 1940 году по программе вовлечения в хозяйственный оборот ранее не освоенных земель в восточных районах страны из европейской части СССР в сельские районы Кузбасса прибыли 2 136 семей⁴. В 1941 году было запланировано переселить и трудоустроить в Кузбассе 5 540 хозяйств из центральных районов страны. В связи с началом войны процесс переселения не прекратился, но, естественно, был дезорганизован. В итоге в 1941 году в Кузбасский регион прибыли около 15 % от запланированного числа переселенцев⁵.

Численность поголовья скота во всех категориях хозяйств была такой: лошадей — 188,4 тыс., крупного рогатого скота — 456,3 тыс., в том числе 238,1 тыс. коров, свиней — 241,5 тыс., мелкого рогатого скота — 474,2 тыс., а всего — 1 360,4 тыс. Таким образом, к 1940 году по количеству скота Кузбасскому региону удалось превзойти до-революционный уровень 1915–1916 годов (1 262 тыс. голов). Из общего поголовья скота в колхозах значилось: 125,5 тыс. лошадей (67 %), 137,9 тыс. голов крупного рогатого скота (30 %), в том числе 47,7 тыс. коров (20 %), 68,4 тыс. свиней (28 %), 166,8 тыс. голов мелкого рогатого скота (35 %), а всего — 498,6 тыс. голов (37 %). Указанные показатели свидетельствуют о том, что животноводство большее развитие получило в совхозах, коопхозах и пригородных хозяйствах, общая доля которых в животноводстве составляла к 1940 году 63 %.

Общая посевная площадь в 1940 году составляла 966,7 тыс. га. Под зерновыми культурами было занято 840,2 тыс. га (87 %), в том числе под особо ценным продовольственным злаком — пшеницей — 361,2 тыс. га (43 %). Под технические культуры отводилось 9,8 тыс. га, подсолнечник — 0,7 тыс. га, лен — 4,2 тыс. га, овощебахчевые культуры и картофель — 63,9 тыс. га (в т. ч. картофель — 54,1 тыс. га), кормовые культуры — 52,8 тыс. га (в т. ч. укосная площадь многолетних трав посева прошлых лет — 29,7 тыс. га). Из указанного количества посевных площадей колхозам принадлежало 810,5 тыс. га. Под зерновыми культурами было занято 762,4 тыс. га (94 %), в том числе под особо ценным продовольственным злаком — пшеницей — 351,5 тыс. га (46 %). Под технические культуры отводилось 9 тыс. га, подсолнечник — 0,3 тыс. га, лен — 3,9 тыс. га, овощебахчевые культуры и картофель — 17,5 тыс. га (в т. ч. картофель — 14,4 тыс. га), кормовые культуры — 21,6 тыс. га (в т. ч. укосная площадь многолетних трав посева прошлых лет — 14,2 тыс. га).

Архивные данные свидетельствуют о том, что за колхозами закреплялась зерновая специализация, а за совхозами и подсобными хозяйствами — производство молока, мяса и овощей. Валовый урожай зерновых культур по всем категориям хозяйств в 1940 году составил 9 449 тыс. центнеров, льна — 14,2 тыс. центнеров, подсолнечника — 3,1 тыс. центнеров, картофеля — 6 240 тыс. центнеров. Урожайность зерновых культур составила 11,2 центнера с гектара, льна — 3,4 центнера, подсолнечника — 4,4 центнера, картофеля — 115 центнеров с гектара. Валовый урожай зерновых культур в колхозах в 1940 году составил 8 682 тыс. центнеров (92 %), льна — 13,4 тыс. центнеров (94 %), подсолнечника — 1,1 тыс. центнеров (35 %), картофеля — 1 619 тыс. центнеров (26 %). Урожайность зерновых культур составила 11,2 центнера, льна — 3,4 центнера, подсолнечника — 4,5 центнера, картофеля — 112 центнера с гектара⁶.

К началу Великой Отечественной войны аграрная сфера Кузбасса уже представляла собой вполне сформировавшийся комплекс, с различной долей успешности функционировавший в кардинально обновленных условиях сельского хозяйствования. Социалистическая реконструкция в региональной деревне в целом завершилась. Заметно возросло техническое оснащение села. С таким багажом Кузбасс вступил в суровые испытания, которые принесла начавшаяся Великая Отечественная война 1941–1945 годов, что стало радикальной проверкой на прочность вновь сформированной социалистической системы сельского хозяйствования.

1 ГАК. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 105. Л. 31.

2 Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). М., 1936. С. 8–12.

3 Постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки» (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 16 декабря 1932 г.). Положение о паспортах // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 16.

4 ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 172. Л. 52–53.

5 ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 188. Л. 17.

6 Основные показатели развития народного хозяйства и культурного строительства Кемеровской области за 1946 год // ГАК. Ф. Р-304. Оп. 13. Д. 1. Л. 10–15.

Фрагмент карты Новосибирской области 1939 года. Кузбасские районы обведены красным контуром

Глава 8

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ**

§ 1. Урбанизация и органы местного самоуправления

Городские поселения. Топонимика. Урбанизация была одной из сторон трансформации общества, перехода от аграрной стадии к индустриальной. Концентрация населения в городах произошло благодаря политике индустриализации, проводимой по инициативе советской власти. Для крупных промышленных предприятий требовались рабочие руки, поэтому переселение крестьян из деревни в города стало закономерным и естественным процессом. Урбанизацию России и Сибири можно рассматривать «как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации»¹.

В ходе реализации планов форсированной индустриализации Кузбасс превратился в высоко урбанизированный регион с преобладанием городского населения. Действующее законодательство разделяло населенные пункты на две основные категории: городские поселения и сельские поселения, кроме того, выделялись дачные, рабочие и курортные поселки (Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15 сентября 1924 года «Общее Положение о городских и сельских поселениях и поселках»). Согласно положению от 27 сентября 1926 года, к категории рабочих поселков были отнесены «населенные пункты, расположенные вне городской черты, в том числе на землях специального назначения, закрепленных за учреждениями, а также за государственными кооперативными, концессионными и частными предприятиями, при условии, если количество взрослого населения в таковых не менее 400 человек, причем для большинства населения (в числе не менее 65%) основным источником существования является заработная плата»². По сложившейся практике населенный пункт первоначально наделялся статусом рабочего поселка, а затем города. Перевод населенных пунктов из одной категории в другую утверждался Всероссийским центральным исполнительным комитетом (позже — Президиумом Верховного Совета РСФСР).

В конце 1920-х годов города Кузбасса (Кузнецк, Мариинск, Тайга, Щегловск, Ленинск-Кузнецкий) недалеко

ушли от своего сельского прошлого. Грязь, примитивное благоустройство, минимум культурных учреждений, почти треть населения занималась сельским хозяйством. Так, административный центр Кузнецкого округа — город Щегловск — нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, совершивший в декабре 1928 года поездку по Сибири, охарактеризовал как «городок скудный, носящий еще все черты провинциальной дыры»³.

За годы первых пятилеток произошел количественный и качественный рост городских поселений на территории будущей Кемеровской области. Количество городов выросло с 5 до 15, кроме того, 17 населенных пунктов стали рабочими поселками.

Главная газета страны «Правда» 11 июня 1932 года напечатала две контурные карты — европейской и азиатской частей СССР — под общим заголовком «Главнейшие новые города СССР». Среди более сотни городов четыре представляли Кузбасс:

«Анжеро-Судженск — город угольного Кузбасса, растет столь же стремительно и бурно, как и остальные индустриальные центры Западной Сибири. Население Анжерки, которая до революции была деревней, уже в прошлом году составило 50 тыс. человек. В городе строится центральный банно-прачечный комбинат. Город озеленен.

Прокопьевск — центр угольного Кузбасса. До революции здесь была маленькая станция Усяты и при ней жалкий поселок. В 1926 г. здесь было уже 10 тыс. жителей, в 1931 г. — 45 тыс. жителей, сейчас — свыше 100 тыс. жителей. Добывая чистые доменные и другие высокосортные угли, Прокопьевский район со своими многомиллиардными запасами по праву славится „жемчужиной Кузбасса“. В Прокопьевске идет лихорадочная работа по городскому строительству. Возводятся новые дома, прокладываются водопровод. „Жемчужина Кузбасса“ будет иметь образцовый город.

Сталинск (бывший Новокузнецк) — родной брат Магнитогорска. Они возникли одновременно в разных концах создаваемого волей партии Урало-Кузнецкого комбината. По численности населения Сталинск идет почти вровень с Магнитогорском. Городу лишь три года, но в нем уже 150 тысяч населения. Отстроились новые корпуса рабочих

¹ Букин С. С., Исаев В. И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. С. 142.

² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. «О рабочих поселках» URL: <https://www.lawmix.ru/sss/16260> (дата обращения 25.10.2021).

³ Луначарский А. В. Месяц по Сибири. Л., 1929. С. 42.

Городские поселения Кузбасса в довоенный период

Населенный пункт	Рабочий поселок	Город	Упразднение
Анжеро-Судженск	23 января 1928	10 мая 1931	
Белово	20 марта 1931	4 декабря 1938	
Гурьевск	7 января 1929	4 декабря 1938	
Кемерово (до 1932 г. – Щегловск)		9 мая 1918	
Киселёвск	2 марта 1932	20 января 1936	
Ленинск-Кузнецкий	10 июля 1922	6 июня 1925	
Мариинск		1856	
Осинники	20 марта 1931	4 декабря 1938	
Прокопьевск	23 января 1928	10 мая 1931	
Салаир	1 января 1932	5 апреля 1941	
Сталинск Сад-город (Новокузнецк) Кузнецк	7 января 1929	20 марта 1931 1618–1689	5 мая 1932 переименован в Сталинск 2 марта 1932 объединен с Новокузнецком
Тайга		27 января 1911	
Топки	7 января 1929	5 апреля 1933	
Барзас	1 июля 1934		
Берикульский	20 марта 1931		
Кочура	19 сентября 1939		24 декабря 1960 объединен с р. п. Таштагольским
Мундыбаш	15 мая 1934		
Новый	20 марта 1931		27 апреля 1964 преобразован в сельское поселение
Пезас	19 сентября 1939		22 января 1965 преобразован в сельское поселение
Первомайский	20 марта 1931		18 декабря 1957 преобразован в сельское поселение
Пионер	1 августа 1936		30 августа 1962 включен в городскую черту Кемерово
Промышленная	1936		
Тельбес	2 марта 1932		31 января 1966 преобразован в сельское поселение
Темиртау	2 марта 1932		
Урск	1935		2 февраля 1999 преобразован в сельское поселение
Уса	19 сентября 1939		30 сентября 1958 упразднен
Центральный	7 января 1929		
Шалым	1935		объединен с г. Таштагол
Яшкино	23 января 1928		
Яя	15 мая 1934		

жилищ. Образцово поставлено общественное питание. Кино, клубы, красные уголки пока еще во временных деревянных помещениях. Текущий год является годом развернутого коммунального строительства. Строится новый городской водопровод. Проводится канализация. На один лишь банно-прачечный комбинат ассигновано около полумиллиона рублей. Создается городская электроосветительная сеть. Выстроены новый грандиозный вокзал и гостиница.

Кемерово — другой новый индустриальный центр Кузбасса. Угольная промышленность здесь дополнена мощной химической промышленностью. В 1923 г. было 11 тыс. жителей, в прошлом году — около 48, на 1 января текущего года — свыше 90 тыс. Развернуто капитальное жилищное строительство. Строится водопровод. Дома и улицы освещаются

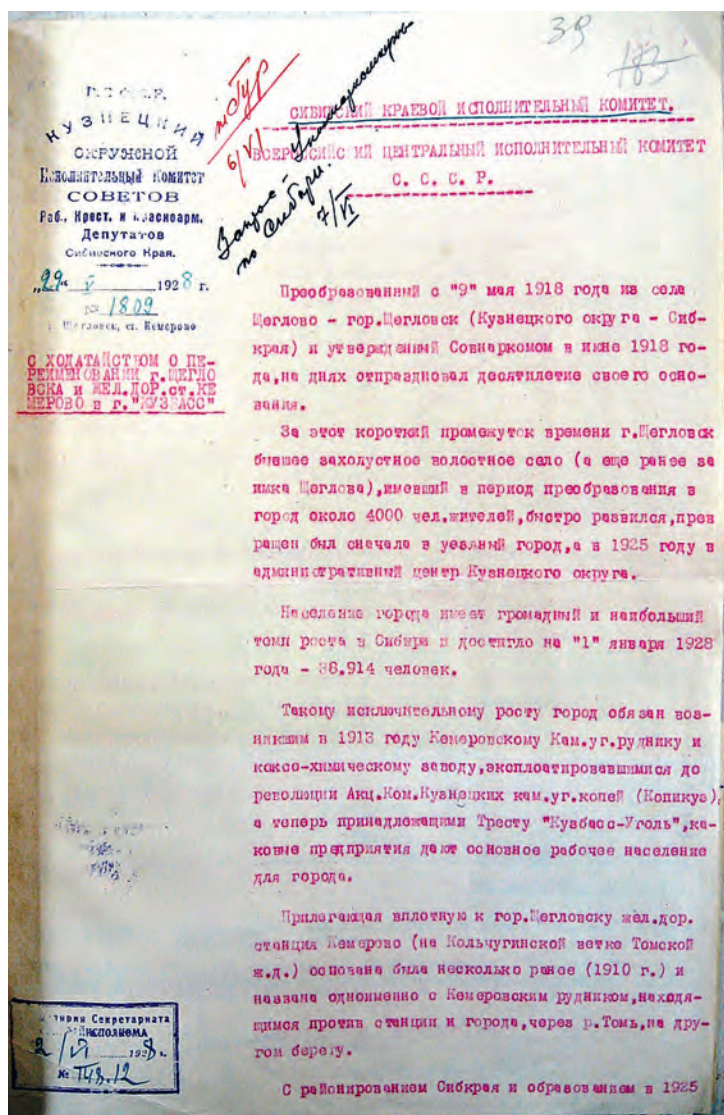
электричеством. В текущем году в коммунальное строительство Кемерово вкладывается 2 млн рублей».

Исследователи выделяют четыре наиболее выраженных функциональных типа городских поселений:

1) индустриальные города и рабочие поселки с преимущественным развитием различных отраслей промышленности, главным образом тяжелой;

2) транспортные центры, представляющие собой узловые станционные и портовые поселки с развитой системой производств, обслуживающих железнодорожный и водный транспорт;

3) неиндустриальные города с преимущественным значением административных центров, пунктов по переработке сельскохозяйственного сырья и кустарно-ремесленной промышленности;

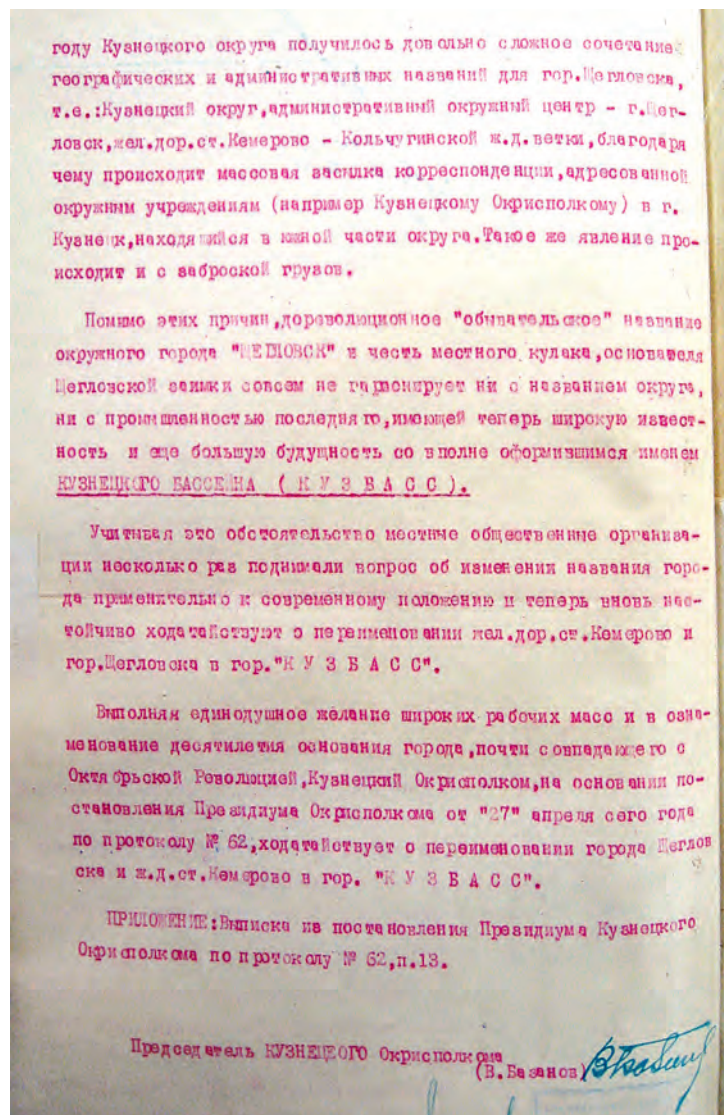
Ходатайство Кузнецкого окружного исполкома в Сибирский краевой исполнительный комитет о переименовании города Щегловска в Кузбасс. 29 мая 1928 // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3462. Л. 39, 39 об.

4) многоотраслевые города, сочетающие в себе все три типа городских поселений, являющиеся административно-политическими, культурными, научными, промышленными и транспортными центрами¹.

В Кузбассе сформировались три экономико-географических типа городских поселений: горняцкий, горнозаводской и транспортный.

Наиболее распространенный тип — горняцкий: 17 поселений, в которых, по переписи 1939 года, проживало 47% всего городского населения. В этом типе поселений резко преобладает горнодобывающее производство. Главным градообразующим фактором горняцкого поселения является шахта. Кроме того, к этому типу поселений относится многочисленная группа рабочих поселков, основанных у железных рудников, золотых приисков, мест разработок

¹ Московский А. С., Исаев В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 36.

полиметаллических руд (разработка полезных ископаемых составляет хозяйственный базис).

Города с преобладанием производств, потребляющих и перерабатывающих минеральное сырье (Сталинск, Кемерово, Белово, Гурьевск) составили группу горнозаводских поселений. В них проживало 43% всего городского населения, сосредотачивалась значительная часть промышленного производства. Горнозаводские города сложились вокруг заводов. Металлургическое, коксохимическое, электроэнергетическое производство подчиняет себе все другие отрасли промышленности, в том числе угольную.

К типу транспортных городов и рабочих поселков относились Тайга, Топки, Промышленная. Их главная хозяйственная роль заключалась в обеспечении перевозки по железной дороге грузов для горняцких и горнозаводских городских поселений².

² Спидченко К. И. Города Кузбасса: экономико-географический очерк. М., 1947. С. 57–61.

В указанный период в стране, в том числе в Кузбассе, складывается устойчивая практика изменения топонимов — переименование населенных пунктов. В 1932 году два крупных городских центра, Щегловск и Кузнецк, были переименованы.

Инициированный городскими властями вопрос о переименовании города Щегловска рассматривался и обсуждался на протяжении пяти лет. Причиной послужила топонимическая разногласия: Щегловск был административным центром Кузнецкого округа, при этом железнодорожная станция именовалась «Кемерово». Несмотря на развернутую по этому вопросу общественную кампанию¹, городские власти рассматривали только два варианта: Ново-Кузнецк и Кузбасс². Однако включение в конце 1928 года в городскую черту Щегловска Кемеровского рудника и станции Кемеровой³ предопределило его новое название. Железнодорожные топонимы всегда отличались определенной консервативностью в вопросах переименования, а о Кемеровском руднике знали не только в стране, но и за ее пределами, благодаря деятельности АИК «Кузбасс». В итоге вариант переименования Щегловска в Кемерово, впервые высказанный председателем президиума горсовета С. А. Озеровым⁴, но первоначально не нашедший видимой поддержки у окружающих властей, остался единственно возможным. 27 марта 1932 года Президиум ЦИК Союза ССР постановил: «Ходатайство президиума ВЦИК удовлетворить и г. Щегловск Западно-Сибирского края переименовать в г. Кемерово». Постановление подписано председателем ЦИК Союза ССР М. Калинин и секретарем А. Енукидзе⁵.

Генезис города Новокузнецка (Сталинска) связан со строительством Кузнецкого металлургического завода. Изначально, по проекту, рабочий поселок рассматривался как город-спутник завода, основное место расселения строителей Кузнецкстроя и рабочих его эксплуатационных цехов. Однако в процессе урбанизации город значительно превзошел проектные масштабы. К лету 1932 года его территория включила в себя все поселения на левом и правом берегу реки Томи, жители которых в той или иной мере оказались связаны с промышленным производством (Верхняя Колония, Нижняя Колония, Соцгород, Сад-город, Кузнецк (Старокузнецк), Араличево, Островская площадка)⁶.

В законодательном плане вопрос получил разрешение в следующих нормативно-правовых актах:

1) постановлением ВЦИК от 7 января 1929 года при-
станционный поселок Сад-город (стихийно возник еще

1 Кузбасс. 1927. 21, 29 октября, 21 декабря; 1928. 5, 13 мая; 1929. 17 апреля, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 31 октября, 5, 12, 19, 22 ноября.

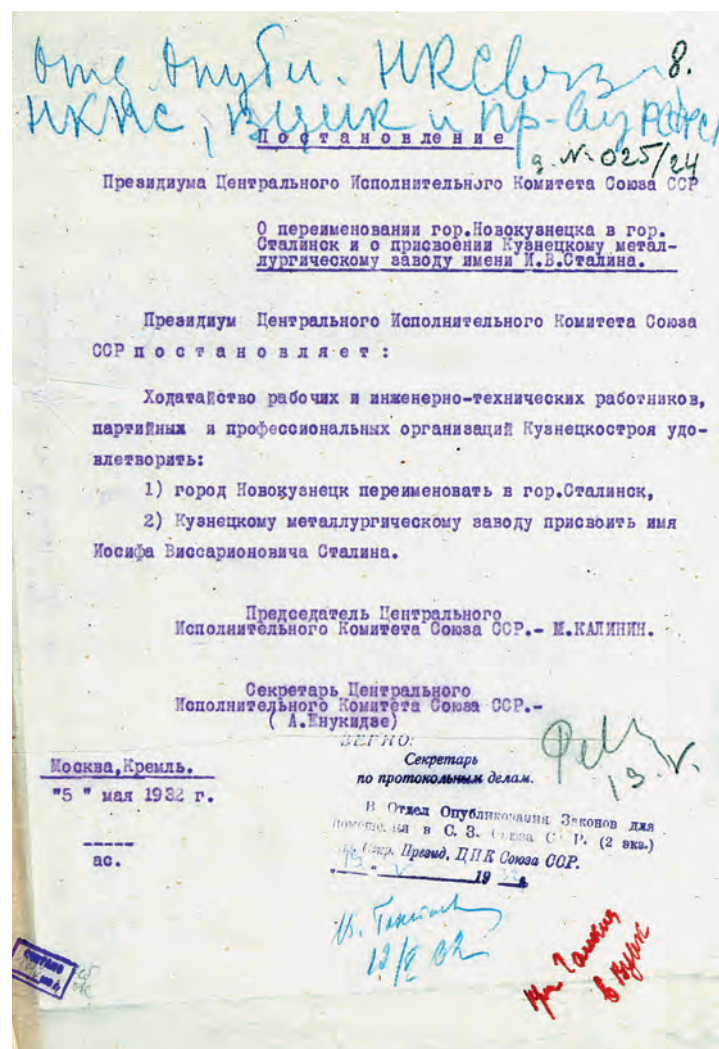
2 ГАРФ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 75. Л. 133; Д. 272. Л. 325; Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 95. Л. 60; Кузбасс. 1928. 19 июня.

3 СУ РСФСР. 1928. № 141. Ст. 935.

4 Щегловск должен быть переименован // Кузбасс. 1929. 17 октября.

5 СУ СССР. 1932. № 22. Ст. 136. С. 205.

6 Подробно см.: Лизогуб П. П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование (до начала 1940-х гг.) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 113–119.

Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР о переименовании города Новокузнецка в город Сталинск. 5 мая 1932 // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 27. Л. 8

в 1915 г. на землях деревни Черноусовой) получил статус рабочего поселка;

2) постановлением ВЦИК от 20 марта 1931 года рабочий поселок Сад-город преобразован в город Новокузнецк;

3) постановлением ВЦИК от 2 марта 1932 года города Кузнецк и Новокузнецк объединены в один город, которому присвоено название «Новокузнецк»;

4) постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 5 мая 1932 года город Новокузнецк переименован в город Сталинск⁷.

Потребность унифицировать названия города и железнодорожной станции существовала и у местных властей Ленинска-Кузнецкого. Поиск нового имени ограничивала первая часть городского топонима, об изменении которой и речи быть не могло. Поэтому в первой попытке переименования города и станции (июнь-июль 1930) их названия просто были соединены. Кузнецкий окрисполком предло-

7 СУ РСФСР. 1929. № 9. Ст. 103; 1931. № 15. Ст. 177; 1932. № 23. Ст. 116; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 27. Л. 8.

Динамика урбанизации в Кузбасском регионе в 1926–1935 годах

Территория	17 декабря 1926 г., тыс. чел.	1 апреля 1931 г., тыс. чел.	1 января 1935 г., тыс. чел.	Рост (к 1926 г.), раз
Анжерка	30,2	54,4	77	2,5
Кемерово	21,7	50,5	124	5,7
Ленинск	19,6	43	72	3,7
Прокопьевск	10,7	44,6	121,7	11,4
Сталинск	3,9	52	220	56,4
Белово		11,9	35,2	35,2
Гурьевск	4,2	8,4	21,5	5,1
Салаирский рудник		5,3	11,8	11,8
Осиновский рудник		2,7	18	18
Киселёвский рудник			30	30
Яшино	0,8	5,9	6,7	8,4
Барзас		1	3,5	3,5
Тельбес			3	3
Темиртау			5,5	5,5
Мундыбаш			4	4
Центральный	0,5	9,9	11	22
Первомайский			5	5
Бериккульский			6,6	6,6
Спасский			9	9
Кельбес (Новый)			3	3
Мариинск	11,4	11,2	16,2	1,4
Тайга	10,9	15,5	21,9	2
Топки	5,6	12,2	18,5	3,3
Всего Кузбасс	119,5	328,5	845,1	7
Новосибирск	114	180,1	310	2,7
Томск	83,7	100,7	141	1,7
Барнаул	70,9	83,6	121	1,7
Бийск	45,6	53,4	68,6	1,5
Акутиха	1,5	4,3	4,5	3
Искитим			6,2	6,2
Могочино			2,1	2,1
Алейская	3,4	10,1	14	4,1
Боровлянка			3,1	3,1
Сомусский затон			2,8	2,8
Моряковский затон			2,5	2,5
Налобиха	1,2	1,4	2,2	1,8
Камень	23	23,8	19,6	
Рубцовск	15,9	21,8	18,2	114
Славгород	17,8	15,9	18	101
Барабинск	9,8	14,6	15	1,5
Куйбышевск	7,6	10,8	10,5	1,4
Болотное			12,5	12,5
Бердск		5,9	7	7
Татарск	9,7	8,6	9	
Колывань	8,1	6	6,1	
Черепаново	8,8	9,7	13,1	1,5
Колпашево			7,7	7,7
Ойрот-Тура	5,7	8,5	13	2,3
Всего остальные	426,7	559,2	827,7	1,9

Источник: Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах: Краткий статистический справочник. Новосибирск, 1935. С. 92–93.

жил, а горсовет не возражал против формы «Ленинск-Кольчугино»¹. Однако Президиум Запсибкрайисполкома на заседании 22 октября не поддержал этот вариант, соединивший в себе первоначальное и новое названия населенного пункта. Краевыми властями для утверждения ВЦИК было отправлено только решение о присвоении станции названия города: «станция Ленинск-Кузнецкий»².

На заседании президиума горсовета 17 мая 1933 года выдвигался на утверждение Запсибкрайисполкома вариант переименования города и станции в Ленинск-Кузбасский. Причем основанием для принятия этого постановления у местных властей стало переименование города Кузнецка³. Впрочем, и этот вариант не нашел поддержки для дальнейшего законодательного оформления.

Таким образом, в 1930-е годы в названии городов будущей Кемеровской области сложилась уникальная для того времени ситуация. Наряду с наименованиями в честь руководителей Советского государства (Ленинск-Кузнецкий, Сталинск) существовал город, носящий имя супруги императора Александра II (Мариинск). Просто поразителен факт, что он не был переименован. Причем инициатором этого были местные власти. Президиум Мариинского горсовета 16 ноября 1929 года на заседании постановил: «В ознаменование 10-й годовщины освобождения Сибири от Колчака просить Окрисполком возбудить ходатайство перед Сибисполкомом о переименовании города Мариинска, названного так в честь царствовавшего дома Романовых, как инициатора Красных Партизан в борьбе против чехов, — в город Красный Партизан»⁴. Однако решение о переименовании Мариинска так и не было принято.

В конце 1937 года Новосибирский облисполком принял постановления «поддержать ходатайство трудящихся и организаций» о переименовании города Кемерово в город Сергоград (в честь наркома тяжелой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе) (постановление № 301 от 26 ноября), а город Киселёвск — в город Кагановичевск (в честь наркома тяжелой промышленности СССР Л. М. Кагановича) (постановление № 489 от 26 декабря)⁵. Однако имена этих партийных и государственных деятелей получили другие населенные пункты страны.

Динамика численности и социальная структура городского населения. Курс на модернизацию экономики непосредственным образом повлиял на темпы увеличения численности городского населения региона: в 1926 году — 119,5 тыс. человек; в 1931-м — 328,5; в 1939-м — 916,8 (55% ко всему населению) (табл. 75, 76).

По темпам увеличения численности населения Кузбасс значительно опережал не только сибирские, но и общесоюзные показатели (в Сибири за 1926–1939 годы население возросло на 28%, в СССР — на 15%, в то время как в Кузбассе —

1 ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 5. Л. 322.

2 ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 989. Л. 73.

3 ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 18. Л. 122.

4 ГАК. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 2. Л. 272–272 об.

5 ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 2. Л. 357; Д. 3. Л. 353.

Таблица 76

Численность населения Кузбасского региона по данным на 17 января 1939 года, тыс. чел.

Территория	Всего	Сельское	Городское	% урбанизации
<i>Районы Первой группы («кузбасская»)</i>				
Таштагольский	44 257	37 303	6 954 ¹	19
Кузедеевский	69 686 ²	44 898	24 788 ³	36
Мысковский	17 297 ⁴	16 340	957 ⁵	5
Кузнецкий	227 719	32 877	194 842 ⁶	86
Прокопьевский	134 297	27 010	107 287 ⁷	80
Киселёвск + сельсоветы	61 156	17 304	43 852 ⁸	72
Гурьевский	73 760	19 532	54 228 ⁹	73
Беловский	80 056	36 746	43 310 ¹⁰	54
Ленинск-Кузнецкий	123 128	40 389	82 739 ¹¹	67
Титовский	56 635	42 692	13 943 ¹²	25
Крапивинский	35 841 ¹³	32 800	1 101 ¹⁴	3
Топкинский	58 249	35 524	22 725 ¹⁵	39
Кемеровский	184 748	47 396	137 352 ¹⁶	74
Барзасский	30 049	20 714	9 335 ¹⁷	31
Анжеро-Судженский	104 418	24 754	79 664 ¹⁸	76
Всего	1 301 296	476 279	823 077	63
<i>Районы Второй группы («томская и марийская»)</i>				
Тайгинский	78 713	40 281	38 432 ¹⁹	49
Юргинский	44 238 ²⁰	44 238	0	0
Ижморский	42 056 ²¹	42 056	0	0
Чебулинский	32 159 ²²	32 159	0	0
Марийинский	61 089	38 811	22 278 ²³	36
Тисульский	71 867 ²⁴	38 815	33 052 ²⁵	46
Тяжинский	56 695 ²⁶	56 695	0	0
Всего	386 817	293 055	93 762	24
Итого Кузбасс	1 688 113	769 334	916 839	54

Источник: Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. // РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54. Л. 76–80.

Примечания:

- 1 В том числе районный центр рабочий поселок Шалым — 2 495, рабочий поселок Кочура — 4 459.
- 2 В том числе райцентр село Кузедеево — 4 798.
- 3 В том числе рабочий поселок Мундыбаш — 11 055, рабочий поселок Тельбес — 3 278, рабочий поселок Темиртау — 10 455.
- 4 В том числе райцентр Мыски — 1 777.
- 5 Рабочий поселок Уса.
- 6 В том числе райцентр город Сталинск — 169 393, город Осинники — 25 449.
- 7 Райцентр город Прокопьевск.
- 8 Город Киселёвск.
- 9 В том числе райцентр город Гурьевск — 22 939, рабочий поселок Салаир — 21 997, рабочий поселок Урс — 9 292.
- 10 Райцентр город Белово.
- 11 Райцентр город Ленинск-Кузнецкий.
- 12 Рабочий поселок райцентр Промышленная.
- 13 В том числе райцентр село Крапивино — 3 041.

- 14 Рабочий поселок Пезас.
- 15 Райцентр город Топки.
- 16 В том числе райцентр город Кемерово — 132 824, рабочий поселок Пионер — 4 498.
- 17 В том числе райцентр рабочий поселок Барзас — 6 389, рабочий поселок Новый — 2 946.
- 18 Райцентр город Анжеро-Судженск.
- 19 В том числе райцентр город Тайга — 29 110, рабочий поселок Яшкино — 9 322.
- 20 В том числе райцентр село Юрга — 4 746.
- 21 В том числе райцентр село Ижморское — 4 432.
- 22 В том числе райцентр село Верх-Чебула — 2 843.
- 23 Город Мариинск.
- 24 В том числе райцентр село Тисуль — 6 967.
- 25 В том числе рабочий поселок Бериккульский — 13 308, рабочий поселок Первомайский — 8 150, рабочий поселок Центральный — 11 594.
- 26 В том числе райцентр село Тяжин — 6 083.

на 408,8%, при этом горожан — на 1 360%). Темпы увеличения численности населения напрямую зависели от индустриального потенциала города. Так, переход к практическому созданию Урало-Кузнецкого комбината вызвал гигантский рост числа жителей в Сталинске — 4 350%¹. К 1940 году население Кузбасса увеличилось более чем втрое, половина его считалось городским. В двух районах «томской и марийской» группы — Тайгинском и Тисульском — население, считавшееся городским, то есть занятое в основном в промышленном производстве, достигало 50%. Также в двух районах «кузбасской» группы — Беловском и Ленинск-Кузнецком — более половины жителей были отнесены к разряду городских. В Анжеро-Судженском, Гурьевском, Кемеровском, Киселёвском районах городское население переваливало за 70%. В Кузнецком и Прокопьевском районах уровень урбанизации превышал 80%.

Кузбасс стремительными темпами из сельского, аграрного региона превращался в городской, высоко урбанизированный, индустриальный. Безусловно, тогдашние города были «вчерашними селами», но главное заключалось в том, что они получили мощнейшую потенцию к реальной урбанизации, которая в большинстве случаев и произошла в последующие годы. К концу 1930-х годов Кузбасс был наиболее динамично развивающимся регионом Сибири.

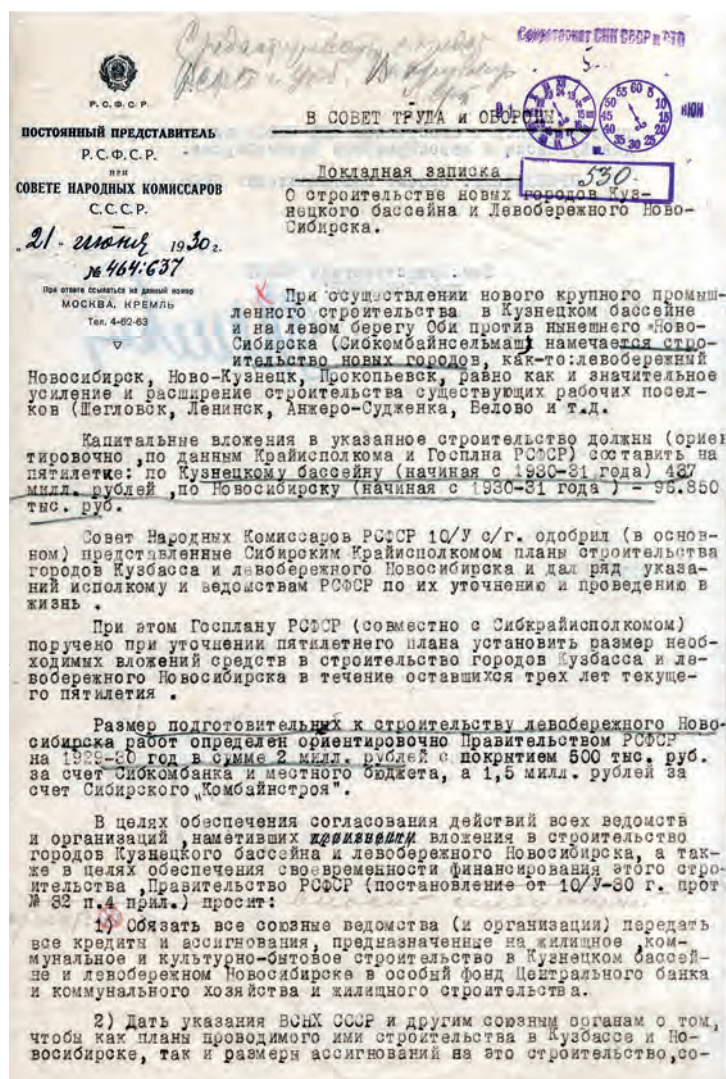
Возможно выделить несколько основных источников формирования городского населения Кузбасса:

1. Миграция сельского населения в города. Первоначально государство не препятствовало самовольному переезду селян (постановление ВЦИК и СНК СССР «Об отходничестве» и др.), однако в условиях массового бегства населения из деревни вынуждено было взять под контроль этот процесс. Миграционный прирост был определяющим в увеличении городского населения Кузбасса, причем подавляющее количество мигрантов составляли сибиряки (83%)².

2. Принудительное перераспределение трудовых ресурсов страны. Кузбасс принял значительные партии спецпереселенцев (с 1933 г. — трудопоселенцев), то есть раскулаченных в ходе сплошной коллективизации. Этот контингент использовался на крупных трудоемких строи-

¹ Московский А. С., Исапов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 33; Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015. С. 26–27.

² Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII.

Докладная записка постоянного представителя РСФСР при Совете народных комиссаров в Совет труда и обороны «О строительстве новых городов Кузнецкого бассейна и Левобережного Новосибирска». 21 июня 1930 // ГАРФ. Р-5446. Оп. 11. Д. 2568. Л. 5. Фрагмент

тельствах (КМК, шахты, спецпоселки). В 1930–1932 годах на территории Кемеровской области было расселено 23 630 семей бывших кулаков (61 тыс. чел.)¹.

Другую категорию населения, принудительно вовлеченного в создание городской инфраструктуры Кузбасса, составляли заключенные. Перенасыщенность колониями (в Кузбассе находились 20 из 28 лагерных подразделений Сиблага, расположенных в Новосибирской области) отразилась на формировании социальной структуры населения. До 10 тыс. человек ежегодно после освобождения оставались в городах и районах Кузбасса, что, в частности, негативно отражалось на общей культуре поведения в регионе².

1 Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: палачи и жертвы: сб. архивных документов. Кемерово, 1995. С. 112.

2 Гвоздкова Л. И. Лагерная система в Кузбассе: роль, значение и последствия // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы II Всерос. науч. чт. Кемерово, 2002. С. 127; Поздин С. В. Формирование и развитие лагерной системы на юге Западной Сибири

3. Естественное воспроизводство населения. Рубеж 1920–1930-х годов характеризуется двукратным сокращением рождаемости в городах Кузбасса (коэффициент рождаемости снизился с 45,6 до 23,4%), что связано с адаптацией бывших сельских жителей к новым условиям и переходом к уменьшению в семьях числа детей, а также возрастанием участия женщин в общественном производстве. После запрета аборт (постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года) коэффициент рождаемости вновь вернулся к прежним показателям (в 1938 г. достиг 46,1%). С учетом уровня смертности населения уровень естественного прироста городского населения в границах Кемеровской области в 1939 году составил 22,2%³. По городской переписи 1931 года, средний состав семьи составлял 4,1 человека; семей, состоящих из двух человек, насчитывалось 19,6%, из трех — 23,1%, из четырех — 20,8%, из пяти — 16,2%, из шести — 10,2%, из семи и более — 10,1%⁴.

Значительное перемещение в Кузбасс трудовых ресурсов стало новым этапом в демографической истории региона. В составе самостоятельного населения городов Кузбасса в 1931 году лиц, проживавших на этой территории пять лет и более, было лишь 22,5%, то есть менее четверти всех жителей, в то время как живших здесь от двух до четырех лет — 18,4%, а более половины (56,6%) были приехавшими (до 1 года)⁵. Старожилческое население растворилось в массе пришлого.

Индустриализация вызвала рост числа рабочих в социальном составе городского населения, с 1926 по 1931 год он составил 259%. В связи с расширением фабрично-заводского производства и строительства на положение рабочих переходят мелкие производители-одиночки — кустари и ремесленники. Сокращение населения хозяйских групп связано как с тем, что часть населения, ранее связанная с сельскохозяйственным производством, переходит в категорию рабочих, так и с борьбой государства с теми, кто применял наемный труд. Наряду с рабочими численно возросла и группа служащих, особенно в таких отраслях, как строительство, местный транспорт, а также связанных с обслуживанием материальных и культурных потребностей рабочих. Доля женского труда по группе рабочих увеличилась с 4,6 до 8,6%, среди служащих — с 35,7 до 40,7%⁶ (табл. 77).

Градостроительные планы. Жилищное строительство. Жилищный кризис в Кузнецком округе был обострен еще в восстановительный период. По переписи населения 1926 года, при минимальной санитарной норме

в 1929–1942 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы IV Всерос. науч. чт. Кемерово, 2006. С. 233.

3 Бельков А. В. Воспроизводство городского населения Кузбасса (середины 1920-х — 1930-е гг.) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы IV Всерос. науч. чт. Кемерово, 2006. С. 208–212; Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса... С. 18–19, 26.

4 Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. ... С. XVI–XVII.

5 Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. ... С. X. Для 2,5% жителей время проживания в регионе обозначено как «неизвестно».

6 Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. ... С. XV.

Таблица 77

Социальный состав самодеятельного населения Кузбасса в 1923–1931 годах

Категория	1923		1926		1931	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
Рабочие	11 424	51,5	17 973	53,6	64 511	58,2
Служащие	5 118	23,1	7 180	21,4	30 354	27,4
Хозяева и помогающие члены их семей	2 255	10,2	4 386	13,2	4 166	3,7
Одиночки в промысле и ремесле	1 372	6,2	1 174	3,5	787	0,3
Безработные	1 012	4,5	1 210	3,6	–	–
Прочие (1931 – иждивенцы государства; не указавшие занятия)	1 016	4,5	1 585	4,7	11 514	10,4

Источник: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XII.

Таблица 78

Жилищные условия рабочих в 1928 году, м² на члена семьи

Жилплощадь	Щегловск		Ленинск-Кузнецкий		Прокопьевск		Сад-город	
	%	м ²	%	м ²	%	м ²	%	м ²
В домах предприятий	65,8	3,32	46,6	3,65	42,0	2,96		2,71
В домах кооперативных и собственных	22,2	3,09	32,8	3,64	23,7	2,69	Не установлено	3,18
В домах частных лиц	12,0	3,46	20,6	3,88	34,3	2,38		3,37
В среднем		3,28		3,65		2,70		3,11

Источник: Тихомиров Б. Проблемы роста городов в Кузнецком округе // Жизнь Сибири. 1929. № 2–3. С. 88.

в 8,1 м² в расчете на одного жителя в Щегловске этот показатель составил 3,9 м², в Ленинске-Кузнецком — 3,4, Прокопьевске — 3,2, Кузнецке — 5,2 и Гурьевском заводе — 5,8 м², при этом в рабочих квартирах норма была немного ниже средней, в квартирах служащих выше на 10–30 %¹.

В декабре 1928 года проведенное статистическими органами обследование в четырех городах выявило чрезвычайно низкую жилищную норму в рабочих квартирах (табл. 78).

Чтобы довести жилую норму к концу I пятилетки на жителя в среднем хотя бы до 70 % санитарной нормы (5,7 м²), необходимо было выстроить 1 100 тыс. м² жилья. Кузнецкая окружная плановая комиссия определила программу жилищного строительства обобщественного сектора на пятилетие по всему округу в 290 тыс. м², на долю частного строительства — свыше 800 тыс. кв. м.²

Однако в условиях форсированной индустриализации рост численности городского населения значительно опережал темпы строительства нового жилья. В итоге на начало 1931 года в Кузбассе в среднем приходилось лишь 2,4 м² жилой площади на человека. Особенно трудным было положение на стройках новых предприятий. В первые годы строительства КМК 95 % рабочих жили в бараках, землянках, шалашах. В 1932 году в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 м² жилплощади³.

Исследователи отмечают формирование в СССР в 1920–1930-е годы особого типа «барачного человека», существа исключительно непритязательного к условиям жизни и быта.

Выдержки из акта обследования бараков шахт «Емельяновская» и имени Кирова (г. Ленинск-Кузнецкий) от 5 января 1931 года: «В некоторых квартирах нет внутренних оконных переплетов. В большинстве квартир требуется перенавеска внутренних и наружных дверей. Совершенно нет уборных, имеющиеся наружные бездействуют, а потому живущие оправляются прямо у домов. Как в квартирах, так и снаружи — невероятнейшая грязь. Условия жизни шахтеров ужасные, многие из живущих, как взрослые, так и дети, болеют, сидят в совершенно нетопленных квартирах, без воды, без огня»⁴.

В градостроительном аспекте на рубеже 1920–1930-х годов был взят курс на «скорейшую коллективизацию быта», строительство городов социалистического типа. Решение задачи виделось в строительстве коллективных форм жилья: домов-коммун, или жилых комбинатов. Разработкой проектов планировки городов Кузбасса в 1931 году занималась бригада Цекомбанка (Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства) во главе с известным немецким архитектором-градостроителем Эрнстом Маем, специально приглашенным в СССР. В проектах планировки Щегловска, Новокузнецка, Ленинска и Прокопьевска (на безугольном Тырганском плато) применялся принцип строчной застройки с полным обеспечением первичным общественным обслуживанием: яслями, детским садом, школой, прачечной и клубом-столовой. Схемы Э. Мая оказали влияние на планировку центров Кемерово и Новокузнецка, где с 1931 года велась застройка кварталов соцгорода стандартными капитальными жилыми домами. В Кемерово на Притомском участке был построен

2 Там же. С. 88–89.

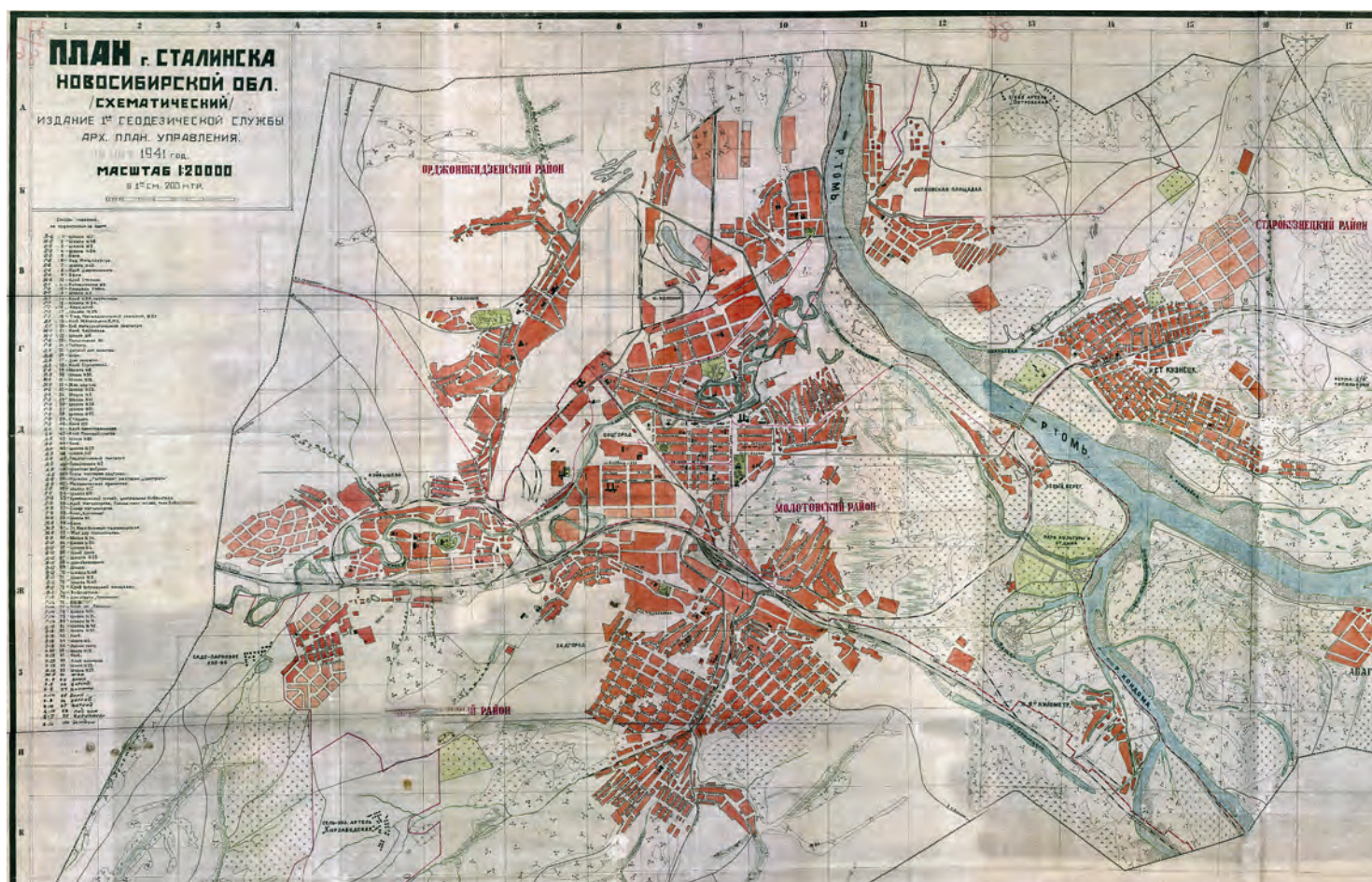
3 Исаев В. И. Развитие жилищного фонда в городах Сибири в 1920–1930-е года // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сб. науч. статей. Кемерово, 2008. С. 212.

4 ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 23. Л. 259.

1 Тихомиров Б. Проблемы роста городов в Кузнецком округе // Жизнь Сибири. 1929. № 2–3. С. 87.

Топографический план города Кемерово. 1932/1934 // Захарова И. В. Кемерово: город-сад – соцгород – город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово, 2020. С. 45

План города Сталинска. 1941 // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

жилкомбинат ТЭЦ, состоящий из четырехэтажных домов-коммун с разной степенью обобществления быта. В 1933 году едва начавшаяся застройка по проектам Э. Мая прекратилась из-за резкой переориентации идеологической и художественной направленности советской архитектуры: на первый план вышли формально-композиционные принципы разработки парадных градостроительных ансамблей.

Составление новых проектов планировки городов Кузбасса было поручено Горстройпроекту (для Кемерово генеральная схема планировки была разработана Новосибирским отделением под руководством архитектора И. И. Соколова-Добрева, для Сталинска — Московским отделением, архитекторы И. С. Гуревич, Л. М. Букалова, А. С. Смолицкий)¹.

Во второй половине 1930-х годов жилищный кризис продолжал обостряться во многом из-за «остаточного принципа» финансирования социальной сферы. В Кузбассе из общего объема капиталовложений в 1932–1937 годах только 15–25% шло на строительство жилья. Объем жилищного строительства разными ведомствами из года

в год сокращался. Так, один из самых крупных застройщиков — «Кузбассуголь» — в 1932 году ввел 180 тыс. м², в 1934-м — 94 тыс. м², 1937-м — 14 тыс. м², в течение 1938–1941 годов — 20 тыс. м². Кроме того, из-за уточнения размеров угольных полей ежегодно перерабатывались проекты планировки угледобывающих городов: Ленинска, Анжеро-Судженска², Прокопьевска, Киселёвска. Ни один из них в предвоенные годы так и не был утвержден. Необходимость вести городское строительство без утвержденных генеральных планов приводила к тому, что большая часть гражданских зданий носила временный характер. По данным на 1937 год, 89% всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки (в Прокопьевске их количество достигало 2,5 тыс.). В Сталинске, Кемерове и Анжеро-Судженске на одного жителя приходилось 3,1 м² жилой площади³.

Города застраивались по ведомственному принципу: каждому предприятию — свой поселок, основной прирост жилого фонда обеспечивался частными застройщиками. Это приводило к бесплановости застройки, большой разбросанности культурных объектов и антисанитарии. Фак-

¹ Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг.: Материалы к своду памятников архитектуры Кемеровской области. Кемерово, 2005. С. 9, 11.

² Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1... С. 333–335.

³ Исаев В. И. Развитие жилищного фонда в городах Сибири в 1920–1930-е гг. ... С. 212–213.

Дворец труда в Щегловске. Начало 1930-х // *Захарова И. В.* Кемерово: город-сад – соцгород – город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово, 2020. С. 28

Дворец культуры металлургов в Сталинске. 1936 // *Захарова И. В.* Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг.: Материалы к своду памятников архитектуры Кемеровской области. Кемерово, 2005. С. 68

тически новые шахтерские города представляли собой конгломерат поселков при шахтах. Кроме части центральных улиц и соцгородка, остальная территория городов и поселков Кузбасса имела деревенский облик с огородами и стайками для скота и домашней птицы¹. К концу 1930-х годов доля индивидуальной (частной) застройки в общем объеме прироста жилплощади в Сибири составляла около 50%. Но в городах Кузбасса она была намного меньше. Например, в Кемерово 76% всего жилищного фонда составляли избы крестьянского типа и даже землянки. В Ленинске-Кузнецком на каменные строения приходилось всего 7% городского жилфонда².

Таким образом, в процессе индустриализации и урбанизации строительство жилья не успевало за быстрым ростом численности городского населения, в результате чего большая его часть попадала в экстремальные условия проживания.

Формирование городской идентичности. Культурно-просветительные учреждения. Процесс урбанизации привел к качественным изменениям в жизни общества, формированию городского образа жизни. Различия (от традиционного «деревенского») в укладе жизни, системе ценностей, культуре способствовали осознанию (идентификации) населением себя горожанами, в том числе жителями определенного города.

Исследователи определяют специфику процесса формирования городской идентичности индустриального города возникновением мультикультурной и мультикоммуникационной среды, в условиях которой решающую роль

Струнный оркестр ДК им. товарища Артёма в Прокопьевске // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

играло формирование новой системы символов городского образа жизни и новых каналов формирования образа горожанина (газета, радио, школа). В условиях индустриального города горожанин — это прежде всего рабочий промышленного предприятия, а город неотделим от завода (шахты)³.

Значимым каналом формирования городской среды стали учреждения культуры. Значительное историко-архитектурное и градостроительное наследие городов Кузбасса довоенного времени представляют уникальные общественные здания, построенные в конце 1920-х — 1930-е годы: дворцы труда, дворцы культуры, больницы, первые звуковые кинотеатры, а также административные и учебные здания.

¹ Санитарно-гигиенический очерк г. Кемерово / под ред. проф. В. А. Пулькис. Новосибирск, 1937.

² Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е годы). Новосибирск, 2009. С. 75; Ефимкин М. М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации населения Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. Новосибирск, 2008. С. 13.

³ Борин А. Г. Механизмы формирования городской идентичности (на материалах города Сталинска 1930-х гг.) // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв.: монография / под общ. ред. Ю. В. Куперта, К. В. Фадеева. Томск, 2007. С. 129–131.

Звуковой кинотеатр «Коммунар» в Сталинске. 1933 // *Борин А. Г.* Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 435

Клуб им. товарища Артёма в Прокопьевске. 1936 // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

Сталинский городской театр. 1936 // *Борин А. Г.* Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 434

Строительства Дома культуры Гурьевского металлургического завода. 1935 // Гурьевский городской краеведческий музей. Оф. № 3138

Дворцы труда, формально предназначенные для размещения профсоюзных организаций, превращались в условиях тех лет в первые многофункциональные общественные здания. Дворец труда в Щегловске, построенный по конкурсному проекту А. Д. Крячкова, стал первым центром культурно-массовой работы в Кузбассе (открыт 6 ноября 1927 г.). Длительное время Дворец труда был местом расположения многих культурно-просветительных учреждений города: 1927 год — драматический театр (к открытию Дворца труда состоялась любительская постановка пьесы Г. Осипова «Десять. Эпопея Октября»); 1928-й — центральная (позже областная) библиотека; 1929-й — краеведческий (позже областной) музей; 1937-й — городской радиоузел; 1941-й — детская музыкальная школа; с ноября 1927 до июля 1937 года в учреждении шла демонстрация немых и звуковых (с 1932) кинофильмов. Кроме того, в здании Дворца труда проходили пленумы горсовета, партийные конференции. Так, 21 декабря 1928 года здесь выступил нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский с докладом «О текущих задачах момента»¹.

¹ Беспалова О. Л. Дворец труда: страницы истории. Кемерово, 2012; Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. ... С. 34–37.

Рабочие клубы, создававшиеся при промышленных предприятиях и шахтах, рассматривались в качестве важнейших очагов распространения новой социалистической культуры. Клубы и дворцы культуры предлагали обширную программу массовых мероприятий: лектории, кружки самодеятельности, технические кружки, тематические вечера, кинопоказы, театральные постановки.

Возведенные, как правило, методом народной стройки были торжественно открыты Дворец культуры шахтеров в Ленинске-Кузнецком (5 ноября 1930 года, архитектор И. Трофимов), Дворец культуры шахты № 5–7 (позже «Судженская») им. М. М. Рабиновича в Анжеро-Судженске (март 1932 г. предположительно тот же архитектор), Дворец культуры им. Артёма в Прокопьевске (ноябрь 1933), Дворец культуры металлургов в Сталинске (Дом техники и музей КМК, 1936; архитекторы Е. Я. Уманский и К. Я. Лихер)².

В организации культурного досуга важное место занимало приобщение горожан к посещению зрелищных мероприятий. Первоначально с новым видом искусства — немым кино — жители региона знакомились посредством

² Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. ... С. 68–71, 80–81, 92–93, 100–101.

стационарных (в рабочих клубах) и передвижных киноустановок. Во II пятилетке в городах Кузбасса были построены первые звуковые кинотеатры. Один из первых звуковых кинотеатров в Западной Сибири со зрительным залом на 750 мест был построен в 1932 году в Прокопьевске — кинотеатр им. Р. И. Эйхе (с 1938 г. — им. Н. Островского)¹.

23 марта 1933 года в Сталинске демонстрацией немого фильма «Блестящая карьера» временно открылся кинотеатр «Коммунар» (архитектор Г. Козель). 27 марта был показан первый звуковой фильм «Встречный» (о трудовой доблести ленинградских рабочих). После устранения строительных недоделок 5 ноября — ко Дню Октябрьской революции — состоялось официальное открытие показом фильма «Путевка в жизнь»².

15 июня 1937 года в Кемерово демонстрацией фильма Г. Рошала «Зори Парижа» открылся кинотеатр (позже — Дом кино) «Москва» (архитекторы Д. Ф. Зезин, С. П. Скоблицов)³.

24 октября 1939 года состоялось официальное открытие двухэтажного звукового кинотеатра «Победа» на 400 мест в Ленинске-Кузнецком⁴.

Просмотр кинофильма, театрального спектакля, других представлений создавал возможности для полноценного отдыха трудящихся, восстановления физических и духовных сил, необходимых для дальнейшего процесса производства. Кроме того, посещение зрелищ было эффективным средством вытеснения негативных форм проведения свободного времени. В связи с этим характерна заметка в газете «Кузбасс» рабочего коксохимзавода К. Г. Денисова: «Мой день начался с 12 часов ночи, и очень неудачно. Я работаю на коксохимзаводе, на паровом кране. 8 июля был в ночной смене. С 5 часов утра у нас был простой. Нужно было разгружать с платформы лапорты для новых коксовых печей, а чернорабочих не было.

В 9 часов 30 минут пришел домой. Дома уютно, чисто, все на месте. Жена отдыхала. Она стахановка, — работает на новой углеподготовке в качестве мотористки и зарабатывает 250–280 рублей в месяц. Дома позавтракал и в 12 часов дня лег спать. Встал в 6 часов.

Пообедали и пошли с женой в кинотеатр „Москва“ смотреть „Юность поэта“. Картина нам обоим понравилась, театр тоже сам по себе хороший, только не мешало бы в фойе поставить побольше диванов, а то приходится стоять на ногах.

Пришли домой, почитали „Кузбасс“ и „Гудок“. В 11 часов вечера я снова отправился на работу»⁵.

С конца 1920-х годов по договорам Союза горнорабочих и Сибирского краевого профсоюза работников искусства в городах Кузнецкого округа начинают работать профессиональные коллективы артистов. Крупным событием в культурной жизни Новокузнецка явились гастроли одного из лучших театров страны — Государственного театра имени Е. Вахтангова. В сентябре 1931 года театр показал свои лучшие спектакли: «Разлом» Б. Лавренёва, «Виринею» Л. Сейфуллиной, «Принцессу Турандот» К. Гоцци⁶.

С 1932 года в стране осуществлялась «театральная реформа», суть которой состояла в создании на местах постоянных стационарных театров.

Первое в Кузбассе театральное здание было построено в Сталинске. 6 ноября 1933 года спектаклем «Интервенция» (режиссер Аксель Лундин) в Театре металлургов (арх. Г. Аппак, при участии Г. Козеля) открыл зимний сезон городской драматический театр. Здание театра со зрительным залом на 800 мест и просторным фойе было построено в рекордные сроки — за 200 дней⁷.

В 1934 году из Прокопьевска в Кемерово была переведена труппа театра «Культармеец Кузбасса», открывшая сезон 29 октября постановкой пьесы А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры». Труппа под руководством режиссера А. Е. Ларионова проработала всего один сезон, но именно с сезона 1934/35 года ведет свою историю Театр драмы Кузбасса им. А. В. Луначарского. В июле 1935 года горсовет профсоюзов принял решение о создании постоянной труппы, художественным руководителем и главным режиссером приглашен Г. А. Мирский, имевший за своими плечами школу МХАТ, постановки спектаклей в Рыбинске, Ярославле, Смоленске⁸.

В 1936 году в Сталинске заработал театр юного зрителя — первый детский театр в Кузбассе⁹. В Ленинске-Кузнецком постоянно действующий драматический театр появился 6 ноября 1937 года¹⁰.

Первые выступления заезжих балаганных цирковых артистов увидели жители еще волостного села Усть-Искитимского. Такие мероприятия-выступления в молодом городе Щегловске проходили редко, но были горячо ожидаемы жителями и всегда пользовались успехом¹¹. Развитие города, увеличение численности горожан — потенциальных зрителей — способствовали увеличению числа гастроллирующих артистов.

1 Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. ... С. 102–103.

2 Там же. С. 60–61; Прогулки по Новокузнецку. Кинотеатр «Коммунар» URL: <https://nemologos.livejournal.com/89901.html> (дата обращения: 25.10.2021).

3 Открытие нового кинотеатра // Кузбасс. 1937. 14 июня; Открытие кинотеатра «Москва» // Кузбасс. 1937. 15 июня; Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. ... С. 48–49.

4 Ленинский шахтер. 1939. 29 октября; Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. ... С. 86–87.

5 Денисов К. Г. Были в кинотеатре «Москва» // Кузбасс. 1937. 24 июля.

6 Ионов В. Д. Развитие народного образования и культуры Новокузнецка в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.) // Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посв. 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С. 144.

7 Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910 — 1930-х гг. ... С. 64–65.

8 Берсенева Е. В. Возникновение и становление профессиональной театральной труппы в городе Кемерово (Щегловске) // Ученые записки научно-исследовательского института прикладной культурологии. Т. 2. 2006. С. 372–375.

9 Ионов В. Д. Развитие народного образования и культуры Новокузнецка... С. 144.

10 ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 32. Л. 490–490 об.

11 Сибирская жизнь. 1919. 9 мая.

Кемеровский цирк. 1930-е // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 1085

27 января 1932 года состоялось открытие первого сезона Кемеровского стационарного цирка (на перекрестке ул. Кирова и пр. Советского), которое стало ярким и знаменательным событием в развитии циркового искусства в регионе¹. На выступлениях гастролирующих артистов постоянно присутствовало много зрителей — зал предусматривал 1 602 посадочных места. За годы работы в деревянном Кемеровском цирке с гастролями побывали лучшие артисты страны, законодатели российской цирковой школы: Ю. Никулин, Карандаш, Филатовы, Дуровы.

8 июня 1939 года в Сталинске открылся стационарный цирк — филиал Московского центрального управления государственных цирками. Открывала цирк группа дрессировщиков Т. В. Дуровой².

Типичной формой удовлетворения культурных потребностей рабочих становилось чтение художественной и научно-популярной литературы. Поскольку личные библиотеки еще не были обычным явлением, книги чаще всего брали в библиотеках. В основном они открывались на предприятиях и обслуживали рабочих и служащих. Так, в 1932 году были открыты стационарные шахтовые библиотеки: в Прокопьевске — 4, Анжерке и Судженке — 7, Ленинске — 3, Кемерове — 5. Всего же в районах Кузбасса, по данным крайкома Союза угольщиков, к концу I пятилетки

имелось уже 28 библиотек с книжным фондом 113 тыс. экземпляров и 77 передвижек в красных уголках шахт с общим количеством книг 18 тыс. экземпляров. За пятилетку книжный фонд увеличился почти в два раза³.

В начале 1930-х годов в культурной жизни городов возникло новое явление — движение книгонош. Под девизом «Книгу — в массы» добровольцы создавали небольшие библиотеки-передвижки и доставляли литературу непосредственно в жилища рабочих. Чтение и обсуждение книг устраивались в обеденные перерывы на предприятиях, а также в общежитиях и на квартирах рабочих. Постепенно росло количество добровольцев-книгонош, одновременно увеличивалось количество читателей, причем наиболее многочисленной группой была молодежь.

О движении книгонош в Ленинске стало известно в Москве. В начале 1935 года в столицу к заместителю наркома просвещения и главе Главполитпросвета Надежде Константиновне Крупской были приглашены лучшие книгоноши города. На читательской конференции, проходившей во Дворце культуры, были избраны делегаты: комсомолка А. Миненкова, жена рабочего Е. М. Бывшева, горные мастера А. А. Кулебакин и Г. А. Тимковский, молодой рабочий рудоуправления комсомолец В. Мецура, инструктор горкома партии А. Г. Ларионова и корреспондент городской газеты Р. Ф. Лобанова.

1 Кузбасс. 1932. 15 февраля.

2 История цирка. URL: <https://www.circus-novokuznetsk.ru/istorija-tsirka.html> (дата обращения: 25.10.2021). В статье В. Д. Ионова указано, что «13 августа 1932 г. дал первое представление городской цирк». См.: Ионов В. Д. Развитие народного образования и культуры Новокузнецка... С. 144.

3 Марченко П. Ф. Развитие библиотечного дела в Кузбассе (1928–1932 гг.) // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. науч. трудов. Вып. 20. Новосибирск, 1975. С. 82.

Первый квартал Соцгорода в Кемерове. 1933 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. 1077

Историческая встреча с Надеждой Константиновной состоялась 20 марта 1935 года, а уже через несколько дней из Москвы была получена телеграмма: «По распоряжению народного комиссара просвещения тов. Бубнова в Ленинске организуется городская библиотека на 10 тыс. книг. В этом году Наркомпрос отпускает руднику 10 тыс. руб. на приобретение 5 тыс. книг». В последующем библиотека стала носить имя Н. К. Крупской¹.

Постепенно чтение книг становилось необходимым элементом культурной жизни и быта. Все чаще в жилищах стали встречаться личные библиотеки. В конкурсах на лучшую квартиру наличие библиотеки рассматривалось как элемент нового быта, культурной семьи.

Итогом библиотечного строительства в Кузбассе перед началом Великой Отечественной войны стало создание относительно разветвленной и разнообразной библиотечной сети (массовые и научно-технические библиотеки, передвижки) — 494 библиотеки и 370 изб-читален с общим фондом 1 189,5 тыс. экземпляров².

Важным событием в повседневной жизни горожан стало возвращение к дореволюционной традиции отмечать Новый год с елкой и Дедом Морозом. С согласия И. В. Сталина 28 декабря 1935 года в газете «Правда» вышла статья «Давайте организуем к Новому Году детям хорошую елку!», после чего в городах страны началась бойкая торговля елками, елочными игрушками, ватными Дедами Морозами.

¹ Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1. ... С. 288.

² Сергеева Е. Ф. Очерки книжной культуры Кузбасса (XIX–XX вв.). Кемерово, 2008. С. 110.

ХАРАКТЕР МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х годов. Процесс ликвидации в 1930 году окружной системы управления в Сибири способствовал как усилению оперативных возможностей городских и районных партийных и советских органов власти, так и повышению уровня их материально-финансовых возможностей, укреплению аппарата кадрами расформированных окружных учреждений.

Так, бюджет Щегловского совета в 1931 году увеличился на 61,1% по сравнению с 1929/30 финансовым годом, Анжеро-Судженского — на 84%, Новокузнецкого — на 197% (с 82 до 1 638 тыс. руб.)³. В ведение горсоветов перешли мелкие промышленные и кооперативные предприятия местного значения.

Города Анжеро-Судженск, Кузнецк (Сталинск), Ленинск-Кузнецкий, Щегловск (Кемерово), позднее Белово, Киселёвск, Осинники, Прокопьевск, Тайга выделялись в самостоятельные территориально-административные единицы с присоединением расположенных вблизи них сельсоветов, с прямым подчинением Новосибирскому облисполкому.

В остальных городах (Гурьевск, Мариинск, Топки, Салаир) горсоветы подчинялись райсоветам и имели упрощенную структуру, состоящую из двух отделов, как правило, коммунального и финансового, и двух инспекций — по народному образованию и здравоохранению.

³ Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920–1932 гг.). Томск, 1983. С. 88.

Соцгород в Сталинске. 1936 // *Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 432*

Местные партийные организации были политической опорой для мобилизации общественности на ускоренную индустриализацию Кузбасса. Партийное руководство отличалось мелочной опекой советских и хозяйственных органов. Горкомы и райкомы ВКП(б) принимали обязательные решения по всем сферам жизнедеятельности предприятий и местного самоуправления. Советам оставалось лишь дублировать их, принимая к исполнению. В масштабах страны этот исторический опыт, обусловленный новыми принципами государственного самоуправления, несмотря на низкую исполнительскую дисциплину, малограмотность управленцев и населения в целом, оказался результативным. Следует воздать должное большой группе кадровых партийных и комсомольских работников, которые, не считаясь с личным временем, имея в действительности ненормированный рабочий день и скромную (в сравнении с профессиями рабочих высокой квалификации) зарплату, занимались проблемами, связанными с ростом производительности труда, развитием местного хозяйства, благоустройством территории, медицинским обслуживанием населения, обучением подрастающего поколения, повы-

Рафаэль Мовсесович (Моисеевич) Хитаров // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

шением культурного уровня жизни людей. Во главе некоторых городских и районных комитетов ВКП(б) стояли опытные руководители. Тайгинский райком ВКП(б) в 1932–1936 годах возглавлял Я. С. Чугунов, член партии с 1918 года, активный участник Гражданской войны, один из организаторов Тувинской народно-революционной партии и Тувинской Народной Республики. Секретарем парторганизации Кузнецкого металлургического комбината в 1931–1935 годах работал Р. М. Хитаров, секретарь Рурского обкома комсомола (Германия, 1921), заведующий организационным отделом Исполкома КИМа (середина 1920-х), член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) (1930–1934).

Под руководством партии комсомольская и пионерская организации в эти годы нарабатывали ценную практику сплочения молодежи разных возрастов на основе разнообразной коллективной деятельности. Она оказалась настолько эффективной, что успешно тиражировалась вплоть до конца 1980-х годов, дополняясь новыми формами и содержанием. В начале I пятилетки проблема квалифицированных руководящих кадров по-прежнему оставалась острой. В большинстве городов и рабочих поселков ежегодно

Жилая застройка на Судженских коях. 1920-е // Анжеро-Судженский городской краеведческий музей. Оф. № 1290

происходила смена секретарей райкомов ВКП(б). Существовала практика избрания из нового состава депутатов председателя городского (районного) совета, чаще без предварительной подготовки кандидатуры. На ответственную должность нередко выдвигался активист-общественник из рабочей среды. При этом опыт управленческой деятельности считался делом наживным. Назначенцу приходилось учиться на ходу, и, как следствие, в первое время снижалась эффективность деятельности депутатского корпуса по выполнению наказов избирателей. Основная нагрузка советской работы ложилась на депутатов — штатных сотрудников исполнительного аппарата.

Нередко руководство предприятий отзывало того или иного депутата как ценного работника на производство. Не все главы местных советов смогли осилить возложенную на них должностную нагрузку и под шквалом критики избирателей и партийных органов продержаться до следующих выборов. В 1930 году в Тайге, например, только за 10 месяцев сменились пять председателей горсовета¹. Депутаты, будучи заложниками недостатка средств выполнения всех наказов избирателей, сыпавшихся в период избирательной кампании как из рога изобилия и требующих существенных затрат, часто подвергались критике на собраниях и страницах местных газет.

Предвыборные кампании в советы с начала I пятилетки превратились в средство мобилизации трудящихся на выполнение производственных задач. Только в 1931 году в городах и рабочих поселках Кузбасса в течение избирательного периода было создано 614 ударных бригад, 22 общественных «буксира» для ликвидации угольного прорыва, более 14 тысяч человек объявили себя ударниками. В следующем году во время перевыборов Новокузнецкого горсовета сформировались 6 720 ударных бригад, проведено 48 субботников с участием 18 тысяч человек, 173 бригады переведены на хозрасчет, реализовано облигаций государственного займа на сумму 3 515 546 рублей².

После чистки партийных рядов в 1929 году местные парторганизации по указанию Сибкрайкома ВКП(б) инициировали массовое движение активистов предприятий в целях организации шефства над всеми звеньями госаппарата для борьбы с бюрократизмом. Шефство оформлялось двусторонними договорами. Служащие учреждений брали обязательство обучать выдвиженцев на должности, повышать культуру и эффективность управленческой деятельности, а рабочие — на своих предприятиях бороться за повышение производительности труда и укрепление производственной и трудовой дисциплины. Шефские бригады вносили предложения по улучшению здравоохранения,

¹ На полный ход (г. Тайга). 1930. № 52. 26 декабря.

² Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири... С. 120.

Магазин потребкооперации в Прокопьевске. 1930-е // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

социального обслуживания населения. Их активисты вместо штатных работников привлекались к выполнению некоторых управленческих функций.

Социалистическое совместительство как форма участия масс в укреплении госаппарата успешно использовалась в горсовете Щегловска, где все ответственные работники имели соцсовместителей. Среди них — рабочий механического завода Яхлаков, впоследствии выдвинутый на должность заведующего организационным отделом. В Анжеро-Судженском горздраве профилактикой заболеваемости населения активно занималась токарь механического завода Сахарова¹. Особое внимание добровольные шефы уделяли контролю выполнения важнейших решений партии и правительства. Из их состава формировался резерв выдвижения на руководящие должности.

В начале I пятилетки горсоветы еще недостаточно внимания уделяли комплексному экономическому развитию подведомственных территорий, выполнению промфин-

плана. По мере роста ответственности за безусловное выполнение директив центральных органов горсовета Сталинска, Прокопьевска, Кемерово и Анжеро-Судженска стали активнее контролировать ход строительства шахт и заводов и своевременную отгрузку заказов, связанных со строительством Урало-Кузбасского комбината, решением других неотложных задач индустриализации Кузбасса.

Быстрый рост городов порождал трудности в удовлетворении самых элементарных потребностей населения. Особенно острым считался жилищный вопрос. В непосредственной близости от строящихся шахт и заводов возникали поселения, состоявшие из бараков, избышек и землянок, прозванные «нахаловками» и «шанхаями». На многие десятилетия они стали определять панораму городских окраин. На всех уровнях власти, включая руководство строек, понимание героизма труда людей сочеталось с пренебрежением к их бытовым запросам, объясняемым отсутствием средств.

Перебои в снабжении населения продовольствием, начавшиеся в 1928–1929 годах, стали характерным явлением всей I пятилетки. Весной 1929 года было введено нормированное снабжение хлебом, а осенью — молоком, яйцами, мясом и рыбой. Только в течение 1930 года цены на рынках

¹ Климченко А. И. Привлечение трудящихся к работе по укреплению государственного аппарата Западной Сибири (1929–1932 гг.) // Вопросы социально-экономической культуры и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 179.

Универмаг в поселке Березовая Роща (Прокопьевск). 1930-е // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

Кузбасса, как и во всей Сибири, выросли в три раза, поэтому в городах и рабочих поселках они значительно снижали покупательскую способность населения. Продажа дефицитных продовольственных и промышленных товаров осуществлялась только членам профсоюза по заборным карточкам (книжкам)¹.

В начальный период коллективизации в связи с сокращением поставок из деревни продовольствия в повестки заседаний президиумов горсоветов, выездных на предприятия заседаний депутатских секций стали включаться вопросы развития кооперативной торговли. На стройках была создана система закрытых распределителей, обеспечивавших рабочих необходимым минимумом продуктов питания. В открытой торговле мясо, яйца, жиры и масло стали редкостью. Цены на эти продукты к концу I пятилетки увеличились более чем в 10 раз, и большинству населения они были не по карману. На предприятиях руководство открывало рабочие столовые, пока не соответствовавшие стандартам общественного питания. В большинстве таких заведений калорийность обедов была ниже нормы, кое-где

из-за нехватки вилок и ложек первые блюда люди отхлебывали через край железной тарелки, вместо стаканов использовали пустые консервные банки. Нередко привередливые замечали, что «прислуга столовой ходит всегда грязная и босая. В чем чистят картошку, в том и посетителям обед подают», а под окнами в луже свиньи купаются².

Несмотря на ужесточение трудового законодательства, многочисленные трудности сопровождался ростом текучести кадров, преступности, алкоголизации рабочих. «Значительная масса населения, — как отметил В. П. Андреев, — была согласна нести любые тяготы, особо не задумываясь над тем, чем они вызваны: суровой необходимостью, авантюризмом и некомпетентностью руководства или обычным российским разгильдяйством. Правящий режим беззастенчиво эксплуатировал энтузиазм и долготерпение трудящихся. Горе, жестокость и бесхозяйственность связывались с конкретными людьми — „носителями зла“ — местным начальством, в том числе советским»³.

² Красное знамя. 1927. № 36. 13 февраля.

³ Андреев В. П. Городские Советы Кузбасса и хозяйственные организации в 1930-е года // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 1. Кемерово, 1997. С. 75.

¹ Казаков Е. Э. Питание рабочих Кузбасса в годы индустриализации // Сибирь — фронту: мат-лы Всерос. науч. конф. Кемерово, 2000. С. 68.

По указанию Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) с 1932 года под руководством Советов в городах и поселках Кузбасса стали проводиться ярмарки колхозной торговли, создаваться колхозные рынки. Постепенно увеличивался товарооборот. Однако основными продавцами товаров оставались Центральные рабочие кооперативы (ЦРК) и городские потребительские общества (ГорПО), на долю которых приходилось около половины объемов продаж. Около четверти товарооборота обеспечивала государственная торговля¹. К концу I пятилетки городской житель стал приобретать товаров более чем на 60% больше, чем в начале пятилетки².

В Кузбассе в связи с большим строительством и значительным увеличением населения ежегодно огромная доля средств, выделяемых на социальные нужды, поступала по линии наркоматов. Однако ведомства, отвечая в первую очередь за промышленное строительство, осуществляли финансирование возведения школ, больниц, бань и других социальных объектов по остаточному принципу. При этом руководство крупных предприятий, имея в своем распоряжении мощный производственный потенциал, не всегда считалось с органами местного самоуправления в вопросах градостроительства. Жилые кварталы возводились в санитарной зоне химических предприятий, шахт, над угленосными площадками, в будущем предназначенными для выработки. Малозатратные узковедомственные решения имели временный эффект снижения напряженности в обеспечении населения бюджетным жильем и социальным обслуживанием. Тем самым решение этих проблем, требующих больших вложений, перекладывалось на будущие поколения.

В свою очередь, городские и поселковые советы не обладали достаточными ресурсами для комплексного развития подведомственных территорий. Несмотря на имевшееся право контроля деятельности предприятий, в том числе напрямую подчиненных наркоматам, давать им заключение по планам развития социально-культурной сферы, Советы находились в положении скромных просителей, полномочия которых постоянно нарушались. Сталинский горсовет, к примеру, фактически находился на содержании Кузнецкстроя.

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР I СОЗЫВА. Экономические, политические и социальные изменения, происшедшие в стране в период с 1924 по 1936 год, были отражены в Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 года.

12 декабря 1937 года состоялись выборы депутатов в высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР (Совет Союза и Совет Национальностей), который заменил Съезд Советов СССР и Центральный исполнительный комитет СССР. В новом Основном законе уже

Обложка и титульный лист Конституции 1936 года

не выделялись социальные и профессиональные группы лишенных избирательных прав. Вместо этого был провозглашен всеобщий характер избирательного права.

В Совет Союза Верховного Совета СССР по избирательным округам Кузбасса в составе Новосибирской области были избраны кандидаты, «выставленные партией большевиков в союзе с беспартийными»³:

Кемеровский избирательный округ — Иван Иванович Алексеев, родился в 1895 году в семье путиловского рабочего; первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) (октябрь 1937)⁴.

Ленинск-Кузнецкий избирательный округ № 189 — Григорий Фёдорович Горбач, 1898 года рождения, член ВКП(б), начальник управления УНКВД Новосибирской области, проживал в Новосибирске⁵.

Анжеро-Судженский избирательный округ — Сергей Афанасьевич Баннов, 1907 года рождения, образование — начальное; забойщик, инструктор стахановских методов, помощник начальника участка, шахта 5–7 (член ВКП(б) с 5 мая 1939 г.)⁶.

Сталинский избирательный округ — Константин Иванович Бутенко, 1901 года рождения; окончил техническое училище в Таганроге (1916), Донской политехнический институт (1927); инженер, Сталинский металлургический завод; технический директор, Енакиевский металлургический завод; директор Кузнецкого металлургического завода (с 1934). Награжден орденом Ленина⁷.

Прокопьевский избирательный округ — Иван Михайлович Концевич, 1904 года рождения, инженер-механик; секретарь Туапсинского горсовета (1927–1928), зам. начальника участка тяги, Уфа (1931–1934); начальник технической станции рудоуправления (1934–1935); начальник

¹ Андреев В. П., Воробьев Н. В. Городские Советы Сибири и развитие государственной и кооперативной торговли в 1926–1932 гг. // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6. Кемерово, 2007. С. 79.

² Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С. 129.

³ Список депутатов, избранных в Верховный Совет Союза ССР // Большевицкая сталь (Сталинск). 1937. № 277. 18 декабря.

⁴ Большевицкая сталь. 1937. № 253. 18 ноября.

⁵ Большевицкая сталь. 1937. № 25. 16 ноября.

⁶ ГАК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 170.

⁷ Большевицкая сталь. 1937. № 251. 16 ноября; № 254. 20 ноября.

И. И. Алексеев // Ленинский путь. 1937. № 82

Г. Ф. Горбач // Большевицкая сталь. 1937. № 269

С. А. Баннов // Борьба за уголь. 1937. № 207

К. И. Бутенко // Большевицкая сталь. 1937. № 276

И. М. Концевич // Знамя ударника. 1937. № 118

А. Е. Картавая // Знамя коммунизма. 1937. № 86

строительства трамвая (1935–1937), управляющий треста «Кузбассшахтстрой», председатель горсовета, Прокопьевск¹.

Мариинский избирательный округ № 194 — Анна Ефимовна Картавая, 1902 года рождения, образование начальное; в Мариинском районе с 1929 года, звеньевая колхоза «Путь к новой жизни» Баимского сельсовета (член ВКП(б) с апреля 1939); Герой Социалистического Труда (1948)².

Местные советы во второй половине 1930-х годов. Следствием введения в действие Конституции СССР 1936 года стало принятие новой Конституции РСФСР (21 января 1937). В ней более четко регламентирован перечень вопросов, находившихся в исключительной компетенции местных советов. За ними закреплялась обязанность принятия и исполнения местного бюджета, руководства культурно-политическим и хозяйственным строительством на вверенной территории, деятельности подчиненных им уч-

реждений и организаций, обеспечения охраны общественного порядка, соблюдения законов и прав граждан, содействия усилению обороноспособности страны³.

Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 года Западно-Сибирский край был разделен на Алтайский край и Новосибирскую область, в составе которой оказалась территория Кузбасса.

IV сессия Верховного Совета РСФСР 29 июля 1939 года утвердила Положение о выборах в местные советы депутатов трудящихся⁴. На ее основе первые выборы городских поселковых и сельских советов в Кузбассе состоялись в декабре 1939 года (табл. 79).

Проведению выборов предшествовала подготовка многотысячного коллектива агитаторов, которые после обучения на курсах приступили к работе с избирателями по разъяснению указанного Положения. В деревнях агитационными центрами стали избы-читальни. В Беловском районе передовиком агитационной кампании стала избач из деревни Чигирь, организовавшая 12 пунктов по изучению Конституции СССР и РСФСР⁵.

В предвыборный период с августа 1939 года традиционно активизировалась помощь города селу. Рабочие иногда целыми бригадами выезжали к подшефным колхозникам, проводили беседы, ставили концерты. Особенно частыми гостями на селе были рабочие Тайгинского железнодорожного узла. Среди колхозов проходило соревнование за стопудовый урожай. В районных, городских, поселковых и сельских советах заслушивались отчеты председателей депутатских секций по выполнению наказов избирателей. В некоторых производственных коллективах развернулось социалистическое соревнование по достойной встрече дня выборов трудовыми достижениями⁶.

3 Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Ст. 79. М., 1972. С. 23.

4 Кузбасс. 1939. № 136. 29 июля.

5 Прудникова М. О подготовке и проведении выборов в местные Советы Кузбасса в 1939 году // Из истории местных Советов Кузбасса (1937–1958 гг.): сб. студенческих работ. Вып. IV. Кемерово, 1969. С. 6.

6 Ленинская искра. 1939. № 53. 24 декабря.

1 Большевицкая сталь. 1937. № 251. 16 ноября; № 255. 21 ноября.

2 Большевицкая сталь. 1937. № 251. 16 ноября; № 256. 22 ноября; Депутатский корпус Кузбасса 1943–2003: биограф. справочник / автор-сост. А. Б. Коновалов. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 418.

Таблица 79

Районы и города Кузбасса в составе Новосибирской области на 1 января 1940 года

Район	Административный центр	Число сельсоветов
Анжеро-Судженский	г. Анжеро-Судженск	18
Барзасский	р. п. Барзас	12
Беловский	г. Белово	20
Гурьевский	г. Гурьевск	9
Зырянский	с. Зырянское	25
Ижморский	с. Ижморское	27
Кемеровский	г. Кемерово	17
Крапивинский	с. Крапивино	18
Кузедеевский	с. Кузедеево	23
Кузнецкий	г. Сталинск	16
Ленинск-Кузнецкий	г. Ленинск-Кузнецкий	19
Мариинский	г. Мариинск	31
Мысковский	с. Мыски	7
Прокопьевский	г. Прокопьевск	14
Тайгинский	г. Тайга	20
Таштагольский	с. Таштагол	16
Тисульский	с. Тисуль	13
Титовский	р. п. Промышленная	18
Топкинский	п. Топки	14
Тяжинский	с. Тяжин	30
Чебулинский	с. Верх-Чебула	19
Юргинский	с. Юрга	17

Источник: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 года. М., 1940. С. 211–214.

Отбор кандидатур в состав местных советов по-прежнему осуществлялся первичными партийными организациями. Затем следовала их тщательная проверка в горкомах и райкомах партии, после которой они «официально» выдвигались на собраниях трудовых коллективов. Однако и после такого фильтра были случаи, когда предложенные кандидатуры по различным причинам получали отвод в трудовых коллективах.

В день голосования, 24 декабря, повсеместно ощущалось праздничное настроение. С раннего утра люди шли голосовать на избирательные участки.

В Кузбассе среди новых депутатов были активисты-общественники, передовики производства, многие имели только низшее образование. Меньше, чем прежде, в городских советах стало депутатов из рабочих (20–30% депутатского корпуса), остальные, примерно 45%, являлись руководителями различных учреждений и организаций. В Анжеро-Судженском районном Совете в составе избранных 37 депутатов оказалось 25 мужчин и 12 женщин, сре-

ди них 27 коммунистов и 2 комсомольца, остальные — беспартийные¹.

Выборы завершили процесс организационной перестройки местных советов, начавшийся с принятием Конституции 1936 года. На территории каждой административной единицы (район, город, поселок, село) совет стал единственным органом народного представительства, осуществлявшим свою деятельность в течение двух лет до выборов нового состава депутатов².

Значительную роль в деятельности советов до 1939 года играли его структурные звенья — секции и депутатские группы, включавшие в состав и активистов-общественников. Каждая секция специализировалась по одному из направлений деятельности совета (финансово-бюджетное, военно-административное, здравоохранения, культурно-просветительное, торгово-кооперативное, коммунальное обслуживание, социально-бытовое, промышленное и др.)³. Работу секций, количество которых в различных советах варьировалось (от 4–5 — в сельских, до 8–10 — в городских), возглавляли избранные председатели. Статус секций и депутатских групп законодательно не определялся, поэтому большой разницы между ними не было. Их члены должны были ежемесячно проводить заседания с обсуждением текущих вопросов профильной деятельности секции, вносить предложения и организовывать их выполнение.

Президиумы местных советов достаточно часто обсуждали проблему низкой посещаемости заседаний членами секций и повышения эффективности их деятельности⁴. Активные секции имелись во всех городских советах. Депутатская группа, например, при шахте «Журилка-3» (Ленинск-Кузнецкий) в составе 58 человек, в том числе 20 депутатов городского Совета, организовала систематические проверки администрации предприятия по руководству стахановским движением, осуществляла контроль бухгалтерии, магазинов, столовой, здравпункта. В результате были выявлены случаи обсчета рабочих⁵.

После выборов 1939 года секции и группы уступили место постоянно действующим комиссиям, состоявшим только из депутатов. Комиссии работали, как правило, по квартальным планам и участвовали в подготовке вопросов, выносимых на очередные пленумы и заседания президиумов исполкомов.

В 1930-е годы текучесть оставалась характерной чертой депутатского корпуса. Только в Кемеровском горсовете из 380 его членов, избранных в 1934 году, к середине 1938 года осталось 209. Если в начале 1930-х годов причиной отзыва членов горсовета было отсутствие активности и инициативы, выявленное в ходе отчетно-проверочных кампа-

1 ГАК. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.

2 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Гл. VIII. М., 1936. С. 21–23.

3 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 153. Л. 57.

4 Агарков П. А. Руководство партийных организаций Западной Сибири перестройкой деятельности сельских Советов в соответствии с новой Конституцией: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. С. 148.

5 ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 28. Л. 18–19.

Фонтан в Саду металлургов в городе Сталинске. Начало 1930-х // *Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 435*

ний, то во второй половине десятилетия, кроме указанных оснований, депутатских полномочий автоматически лишались лица, исключенные из партии или арестованные органами НКВД.

Решениями XVIII съезда ВКП(б) (март 1939) местным советам было определено: «Всемерно развивать местную промышленность и промкооперацию, являющиеся крупным источником удовлетворения растущих потребностей трудящихся»¹, и на этой основе нужно было в два раза увеличить выпуск и расширить ассортимент товаров широкого потребления. Для этого предусматривалось улучшение работы предприятий коммунально-бытового обслуживания, развитие добычи и переработки местных источников сырья и топлива.

Советы продолжали активно содействовать развитию предприятий союзного и республиканского подчинения. Особенно результативной в этом направлении была работа депутатских групп, формировавшихся, как правило, из народных избранников по их отраслевой принадлежности. В Кемеровском горсовете в 1938 году активно работала депутатская группа коксохимического завода (руководитель А. Зеленев). В течение пяти заседаний ее участниками были заслушаны доклады начальников цехов о работе со стахановцами, выполнении производственных показателей. Из поставленных вопросов восемь успешно реализованы, а наказы избирателей — рабочих предприятия — были выполнены на 75%².

¹ XVIII съезд ВКП(б). 1939. 10–21 марта: Стенографический отчет. М., 1939. С. 892.

² ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

Наиболее распространенной формой организации местных производителей товаров народного потребления и услуг являлась артель (объединение людей для совместной работы или иной коллективной деятельности с общей ответственностью и участием в распределении общих доходов). Артели 1930–1940-х годов мало чем отличались от артелей 1920-х годов. Производство базировалось на ручном труде и профессиональных навыках ремесленников, вынужденных объединиться по 10–50 человек для обязательного создания профсоюза, показывать свою занятость общественно-полезным трудом (единоличники по политическим соображениям не приветствовались), иметь налоговые льготы, которые предоставлялись промысловым кооперативам.

В 1937–1939 годах во всех городах Кузбасса были организованы промкомбинаты, в которые влились ранее разрозненные мелкие предприятия (пищевые, бытового обслуживания, строительные, транспортные и т. д.), находившиеся в ведении местных советов. Им и артелям кустарей была расширена рекомендованная номенклатура изделий, которые могли быть произведены на основе местного сырья: глины, охры, извести, древесины, промышленных отходов и другого.

Впрочем, спущенные сверху планы никогда не выполнялись. Местная промышленность в Кемерове, к примеру, за первые семь месяцев 1939 года план по ассортименту выполнила лишь на 77%, а по ряду остальных показателей — не более чем на 20%, в том числе 13% от плана строительства предприятий местного значения³. Не лучше было положение в других городах Кузбасса.

³ Гаврилов С. О. Советы Западной Сибири в 1937–1941 гг. ... С. 113.

Работающие в артелях ремесленники специализировались на изготовлении узкого круга продукции, при этом низкого качества (жители все равно купят). Дисциплина в таких коллективах была понятием условным («сколько хочу, столько и работаю»). При господстве ручного труда никто не занимался повышением уровня его механизации, не было денег для приобретения даже простейших механизмов и технического обучения работников. Председатели артелей фактически ни перед кем не отчитывались и при ведении дел нередко допускали случаи бесхозяйственности. Из года в год отмечалось низкое качество местных изделий¹.

В целях повышения продовольственной безопасности территорий в 1940 году горкомы и райкомы ВКП(б) обязали исполкомы развивать подведомственные пригородные подсобные хозяйства. Всем предприятиям и учреждениям независимо от ведомственности (включая больницы, торгующие организации, учреждения культуры и т. д.) следовало начать организацию собственной продовольственной базы. На период посевной весной 1941 года им выделялись участки земли и устанавливался план посадки овощей. Были установлены задания по завершению строительства скотных дворов уже к началу зимнего стойлового периода².

Важным направлением в деятельности советов стало увеличение жилищного фонда и развитие коммунальных служб. Коммунальное хозяйство, транспортная система находились в зачаточном состоянии. Отсутствие хороших проезжих дорог, тротуаров превращало передвижение по городу в распутицу в серьезное испытание. Электроэнергии хватало на освещение минимального количества квартир, улицы практически не освещались. Злободневной оставалась проблема вывоза нечистот, ассенизаторские обозы при постоянно растущем населении не справлялись со своей задачей. Все это негативно сказывалось на санитарном состоянии городов Кузбасса. Низкое качество водопроводной воды вело к высокому уровню желудочно-кишечных заболеваний и малярии. В связи с тем что ванн комнат в жилищах почти не было, потребности населения в обеспечении личной гигиены удовлетворялись сетью коммунальных и личных бань.

Безусловно, местные власти предпринимали много усилий по очистке и озеленению городов. Помимо обязательных постановлений об охране насаждений, организовывалась массовая высадка деревьев и кустарников в весенний период. В сентябре 1926 года в Щегловске на берегу реки Томи заложен городской сад, высадили тополя, березы, черемуху, а также шиповник и другие кустарники. В Прокопьевске был открыт Зенковский парк культуры и отдыха (июль 1933), в Сталинске — сквер Metallургов (1934–1935). Прокопьевск несколько лет становился побе-

Первый трамвай в городе Сталинске. 1936 // Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 425

дителем во Всероссийском конкурсе по благоустройству и озеленению³.

Важным направлением в работе советов являлось развитие транспортной системы. На улицах кузбасских городов появился первый в СССР грузовичок ГАЗ-АА, прозванный в народе «полторкой». Летом 1933 года большая группа партийных руководителей различных районов страны за высокие показатели в работе впервые была награждена личными легковыми автомобилями ГАЗ-А. Эта награда была вручена и первому секретарю Тайгинского райкома ВКП(б) Я. С. Чугунову, который сразу же передал машину в служебное пользование⁴.

Первый в Сибири (!) трамвай пошел в Сталинске 30 ноября 1933 года по маршруту вокзал — ДОЗ (Деревообрабатывающий завод)⁵. В 1935 году трамвайное сообщение появилось в Прокопьевске, а в мае 1940 года — в Кемерове. В 1939-м только на кемеровских предприятиях функционировало 35 автохозяйств⁶. Однако по-прежнему значительная доля грузов в городах и поселках перевозилась с помощью гужевого транспорта. Каждое предприятие, учреждение или организация имели свой конный парк, требующий значительных затрат на содержание лошадей, заготовку сена и оплату труда конюхов.

В сложных условиях второго десятилетия советской власти, отличавшегося форсированным возведением круп-

3 Андреев В. П. Городские Советы Кузбасса и хозяйственные организации в 1930-е гг. ... С. 78.

4 Сталинский путь (г. Тайга). 1933. № 83. 19 июля.

5 Первый сибирский трамвай // Большевицкая сталь. 1933. № 274. 30 ноября.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 910. Л. 114.

1 ГАК. Ф. П-33. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 7. Л. 68.

2 ГАК. П-33. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.

ных промышленных объектов Урало-Кузбасского комбината, местные советы приобрели бесценный опыт организации жизнедеятельности населения. Вскоре этот опыт пригодился для ускоренного размещения эвакуированных предприятий и мобилизации всего населения для выполнения фронтовых заданий.

РЕПРЕССИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ. Характерной чертой общественно-политической жизни 1930-х годов были массовые репрессии. Органы власти, городского и сельского самоуправления одними из первых ощутили на себе сталинский террор. В августе 1936 года бюро Кемеровского городского комитета ВКП(б) заслушало закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля «О троцкистско-зиновьевской контрреволюционной деятельности». После этого начались чистки в городских и партийных органах власти. Из партии исключен Я. Н. Дробнис «за причастность к троцкистской оппозиции». В сентябре того же года секретарь кемеровского парткома Курочкин был обвинен в потере бдительности и снят с должности¹.

В августе 1937 года арестован председатель Запсибкрайисполкома Фёдор Павлович Грядинский (1883–1938). Он обвинен в создании Сибирского правотроцкистского центра. Как установило следствие, в состав этого центра входили многие ответственные партийные и советские работники. В числе прочих были арестованы первый секретарь Кемеровского горкома ВКП(б) Карл Викентьевич Рыневич, секретарь того же горкома Д. Т. Блинкин, председатель Кемеровского горсовета Александр Арефьевич Токарев. Следствие по делу велось около года. Обвинительное заключение утвердил генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский в августе 1938 года. Рыневич был расстрелян, а Блинкин получил 10 лет лишения свободы. Однако на этом процесс не закончился: в июне 1938 года был арестован начальник Кемеровокомбинатсроя Иосиф Абрамович Каттель, обвиненный в причастности к Сибирскому правотроцкистскому центру. Приговор по нему был вынесен только в сентябре 1940 года, Каттель получил 10 лет заключения².

В октябре 1937 года под суд был отдан первый секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП(б) Пётр Гаврилович Осипов, работавший в этой должности с февраля 1935 года. Вместе с ним по делу проходил управляющий трестом «Ленинуголь» Кротов. Оба были обвинены в саботаже выполнения указаний ЦК партии о ликвидации последствий вредительства и в покровительстве врагам народа. Осипова обвинили также в организации «правотроцкистской диверсионно-вредительской группы». Военной коллегией Верховного суда СССР от 27 октября 1937 года Осипов был приговорен к расстрелу³.

1 Рудин В. Г. Сталинские репрессии в 1936–1937 гг. [в Кузбассе], рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 148–149.

2 Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение (1938–1939–1940 гг.) [в Кузбассе], рукопись // Архив А. Б. Коновалова. С. 4–5.

3 Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22(2). С. 345.

В конце 1937 — начале 1938 года прошла кампания политических расправ в Горно-Шорском национальном районе. В местном райисполкоме были обнаружены «буржуазные националисты» А. С. Сербегешев, Н. В. Чиспияков, И. М. Тельгереков. Всего по делу было арестовано 20 человек. Всех их обвинили в связях с японской разведкой, подготовкой восстания в Горно-Шорском районе с целью создания национального государства и выхода из состава СССР. 10 марта 1938 года тройка УНКВД по Запсибкраю приговорила всех обвиняемых к расстрелу, приговор был приведен в исполнение 25 марта⁴.

На этом дело не закончилось. Вскоре были арестованы еще 18 человек из числа руководящих работников Горно-Шорского района, в том числе первый секретарь райкома ВКП(б) И. В. Гладков, а также А. Е. Напазаков, Н. В. Чудояков, Г. С. Тыдыяков. Гладкова обвинили в том, что он саботировал мероприятия по ликвидации последствий вредительства, осуществлял подрывную деятельность, не принимал мер к очищению от вражеских элементов партийных, советских и хозяйственных организаций района. Позднее к этим обвинениям добавились создание диверсионных и вредительских групп, подготовка террористических актов, борьба со стахановцами и органами советской власти. В сентябре 1938 года Гладков «сознался» во всех предъявленных обвинениях и выдал «сообщников». В результате были арестованы председатель Горно-Шорского райисполкома П. Н. Ребров, заведующий районным земельным отделом А. П. Марцев и заведующий районным финотделом И. Е. Сосновиков. Целый год длилось следствие по этому делу. В сентябре 1939 года. Гладков, Ребров, Марцев и Сосновиков был освобождены за отсутствием состава преступления⁵.

В апреле 1938 года по указанию начальника УНКВД по Новосибирской области А. И. Мальцева было сфабриковано дело Сибирского правотроцкистского центра, организатором которого был якобы секретарь обкома ВКП(б) по промышленности Александр Яковлевич Курганов, ранее работавший первым секретарем Прокопьевского горкома партии. По этому делу проходили многие советские и партийные деятели из Кузбасса, в том числе новый первый секретарь Прокопьевского горкома А. И. Баженов, секретарь того же горкома Д. А. Вильнин, заместитель председателя Прокопьевского горсовета А. С. Белан, секретари Киселёвского горкома ВКП(б) И. А. Шаравьев и М. С. Алыпов. В июле 1938 года Баженов был приговорен к расстрелу, остальные к различным срокам заключения. Шаравьев и Алыпов сначала признали свою вину, но потом отказались от показаний. Их дела неоднократно пересматривали. В августе 1939 года они были освобождены. В октябре 1938 года по этому же делу был арестован секретарь Ленинск-Кузнецкого городского комитета ВКП(б) Г. В. Ганин.

4 Рудин В. Г. Сталинские репрессии в 1936–1937 гг.... С. 143–144.

5 Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение... С. 10, 14–16.

Как и предыдущие обвиняемые, он сначала сознался, а потом отказался от показаний. Его дело рассматривалось более года. В декабре 1939 года он был освобожден¹.

В 1938 году волна репрессий прокатилась по городским властям Сталинска. По подозрению в причастности к «правотроцкистскому подполью» из партии исключены бывший председатель горсовета Лебедев, член Президиума горсовета Г. И. Машинистов, председатель горплана В. А. Гудымович, заместитель директора КМК Г. Д. Глущенко, председатель горсовета Осоавиахима Е. В. Денисов, ведущий горфинотделом Г. И. Миронюк².

Репрессии касались не только представителей партийной и советской власти в городах и районах Кузбасса, но самих сотрудников НКВД. В феврале 1938 года арестован начальник Ленинск-Кузнецкого городского НКВД Иван Фёдорович Золотарь. Он был обвинен в злоупотреблении служебным положением, нарушении социалистической законности и фабрикации уголовных дел по так называемой немецкой операции НКВД. Следствие установило, что Золотарь завел дела на 125 человек, «причастных к немецкой разведке». В числе арестованных было немало людей, вся вина которых заключалась лишь в том, что они имели немецкие фамилии. Многие из них были расстреляны в Кемеровской тюрьме. Приговором Военного трибунала Западно-Сибирского округа от 13 октября 1938 года Золотарь был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей и лишению звания лейтенанта. В дальнейшем он был освобожден и участвовал в Великой Отечественной войне в качестве командира партизанских отрядов, действовавших в Польше и Чехословакии³.

В Ленинск-Кузнецком высокая преступность среди подростков подвигла местных чекистов под давлением областного руководства на поиски политической мотивации эпизодов хулиганства и поножовщины. В апреле 1938 года в городе была «раскрыта» «детская контрреволюционная фашистская организация» (в историографии — «Дело детей»). По обвинению в причастности к организации проходили в общей сложности 160 детей, из которых около 60 были основными подозреваемыми.

Все они были разделены на 4 категории:

- 1) 25 учеников 4–6-го классов школ № 2, 3 и 4 во главе с 14-летним А. Г. Курбатовым, сыном «врага народа», исключенным их школы;
- 2) 20 учеников 6–8-го классов школ № 10 и 11, которыми руководил 12-летний Паршин-Соколов;
- 3) 10 учеников школы № 2 и школы Горпромуча под руководством 17-летнего Ф. П. Шутова;
- 4) 10 учеников 7–10-го классов без определенного руководителя.

Ученикам ставилась в вину следующая «контрреволюционная» деятельность: срыв празднования 1 Мая; избива-

ние пионеров и комсомольцев; уничтожение пролетарских лозунгов, плакатов и портретов вождей. На первых порах были арестованы 17 школьников в возрасте от 12 до 16 лет, которые провели в заключении от 6 до 8 месяцев⁴.

Дело детей имело широкий общественный резонанс и использовано против тех, кто его сфабриковал. В ноябре 1938 года в связи со злостными нарушениями социалистической законности началась чистка в рядах НКВД. Руководитель Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД А. Г. Луньков арестован и предан суду. Он сознался, что превысил свои полномочия, когда приказал арестовать десятки детей. 27 декабря 1938 года бюро Новосибирского обкома ВКП(б) осудило чекистов, причастных к делу детей, исключило их из партии и отдало под суд. Верховный прокурор СССР А. Я. Вышинский ознакомил с материалами дела лично И. В. Сталина, который приказал провести «открытый суд над виновниками». Судебный процесс проходил в феврале 1939 года в Новосибирске. Трибуналом Сибирского военного округа все подсудимые были признаны виновными в превышении полномочий и нарушении социалистической законности. Начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД А. Г. Луньков приговорен к 7 годам лишения свободы, начальник секретно-политического отдела горотдела НКВД А. И. Савкин — к 10 годам, следователь А. И. Белоусов и прокурор города Р. М. Клиппа — к 5 годам каждый⁵.

На Всесоюзном совещании работников прокуратуры (май 1938) прозвучала критика огульных обвинений и необоснованных арестов. Верховный прокурор СССР А. Я. Вышинский своим приказом от 1 июня 1938 года запретил районным и городским прокурорам возбуждать дела о контрреволюции без санкции областного прокурора, а также обязал в месячный срок проверить все материалы, находящиеся в производстве, а необоснованно возбужденные и малозначительные дела прекратить. Политические репрессии в Кузбассе, как и по всей стране, заметно пошли на спад. В течение 1939–1940 годов суровая чистка прошла в системе НКВД. Вчерашние палачи превратились в униженных жертв. В изменившихся условиях новые кадры карательных органов не остались без дела, но были частично переориентированы на контроль соблюдения жесткого трудового законодательства⁶.

4 Тепляков А. Г. «Детское дело» в Кузбассе: к подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. материалов франко-русского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). Новосибирск, 2011. С. 141–154.

5 Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинск-Кузнецком... С. 348–349.

6 Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 268.

1 Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение... С. 10, 14–15.

2 Там же. С. 7.

3 Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком... С. 346.

§ 2. Развитие сети образовательных учреждений

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА. ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ. После окончательного утверждения советской власти в Кузбассе была реформирована сеть народного образования на принципах Положения о единой трудовой школе РСФСР, которое узаконило обязательное бесплатное и совместное обучение всех детей школьного возраста в школах 1-й и 2-й ступени (Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г.). Советское руководство считало достижение всеобщей грамотности одной из приоритетных задач.

Материалы Всероссийской переписи населения 1920 года позволяют оценить уровень грамотности населения (табл. 80).

Таблица 80

Уровень грамотности населения в 1920 году

Населенный пункт	% грамотных среди жителей старше 6 лет	% грамотных среди детей школьного возраста (от 8 до 15 лет включительно)	
		среди мальчиков	среди девочек
г. Мариинск	60,9	68,2	66,9
г. Кузнецк	57,0	70,8	63,5
г. Тайга	47,9	66,2	60,0
г. Щегловск	30,3	57,0	58,2
Кемеровский химический завод	53,9	68,3	57,1
Кемеровские копи	45,4	53,7	56,9
Кольчугинские копи	45,1	54,2	46,8
Анжеро-Судженский каменно-угольный район	46,1	64,2	57,2
Гурьевский завод	41,7	50,3	35,0
Томский уезд (25 волостей)	23,4	32,0	17,0

Источник: Народное хозяйство Томской губернии: первый отчет губэкономсовещания Совнаркому и СТО. Томск: тип. Томской железной дороги, 1922. С. 128, 132, 134, 135 (пагинация части 1).

Материалы переписи показывают, что уровень грамотности на 1920 год был невысоким, особенно в деревне. Только каждый четвертый крестьянин владел основами грамоты, между тем сельское население составляло большинство населения Томской губернии (более 80%). В рабочих поселках и городах уровень грамотности среди взрослого населения составлял от 40 до 60% (исключение составлял Щегловск, который только в 1918 году был провозглашен городом и где уровень грамотности оставался еще «деревенским»). Знаковым показателем является число грамотных детей школьного возраста: в городах треть из них была неграмотной, в рабочих поселках — уже половина, в деревне же из десятка мальчиков — семь, а из десяти девочек — не менее восьми не умели читать и писать.

После состоявшихся в мае 1920 года выборов в местные советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов были избраны их постоянно действующие органы — исполкомы. В структуре Томского губисполкома был организован отдел народного образования. Местными органами Губнаробраза стали отделы народного образования исполкомов в уездах (уоно), районные (роно) и волостные (воно). На территории Кузбасса на правах уездных отделов функционировали (1921): Тайгинский, Мариинский, Кузнецкий, Щегловский, Кольчугинский и Анжеро-Судженский.

Первыми заведующими городскими и уездными отделами народного образования стали:

Константин Николаевич Васильев, родился 27 июля 1889 года, сын мещанина г. Серпухова. Отец — телеграфист (умер в 1904). Окончил двухклассное железнодорожное училище (1904); учитель (1910). С 1904 по 1910 год — конторский служащий на железной дороге. С 31 мая по ноябрь 1918 года — в Томской губернской тюрьме. В селе Верх-Чумышском Ускальской волости Кузнецкого уезда — с декабря 1918 года. Член партии левых эсеров в 1917–1918 годах (Томск), РКП(б) — с декабря 1919 года. С февраля 1920 года — преподаватель школы I ступени, председатель школьного совета, член правления кооперативов. Женат. В июне-июле 1920 года — заведующий Кузнецким отделом народного образования¹.

¹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 35–37; Д. 314. Л. 9 об.

Василий Петрович Мальгин, 26 лет. Учитель. Председатель Краснинского волревкома (декабрь 1919). Заведующий Щегловским отделом народного образования¹.

[П. Н.] Марков. Заведующий Мариинским отделом народного образования².

Первым советским учреждениям приходилось действовать в чрезвычайно сложных условиях. Так, Щегловский отдел народного образования получил в наследство от прежней земской управы «1 стол, 2 табуретки, 1 шкаф, несколько ручек без перьев». Отдел организовал коллегия из пяти лиц, выделил пять подотделов: 1) общий, 2) школьный с секцией дошкольного и социального воспитания; 3) внешкольный с библиотечной и театральной секциями; 4) хозяйственный и 5) бухгалтерии³.

Первый год советского просвещения был прежде всего годом борьбы за новую школу. В феврале 1920 года в Кузнецке состоялся Первый учительский съезд. Вместо старой сословной школы приступили к строительству единой трудовой школы, поиску новых форм школьного обучения и школьной работы⁴.

Однако школы стали открываться несоразмерно с теми материальными возможностями, которые могли быть предоставлены для их существования. Отсутствие прочной материальной базы (помещений и отопления) часто служило поводом к временному закрытию школ. В сельских школах практически отсутствовали учебники и письменные принадлежности. В этом отношении характерна выписка из отчета заведующего Кузнецким уоно за октябрь 1921 года: «Из-за отсутствия письменных принадлежностей и учебных пособий из 80 школ уезда работает не более десяти». Отсутствие материальных средств не позволило развернуть работу по борьбе с безграмотностью. В 1921 году в Щегловском уезде действовала лишь одна, в Кузнецком — 14, в Мариинском (планировалось открыть 100) — две школы для взрослых⁵.

Система натурального государственного снабжения прекратилась, местного бюджета фактически не было, содержание школ и учителей предоставлено было самому населению (добровольное самообложение крестьянства). Школы стали массово закрываться. На 1 октября 1921 года в сравнении с 1 апреля этого же года в Мариинском уезде число школ сократилось с 306 до 250, в Кузнецком — с 140 до 81, в Щегловском уезде осталось практически без изменений — 168 вместо 166. В то же время количество школ в рабочих районах увеличилось: в Анжеро-Судженском районе — с 20 до 22, в Кольчугинском районе — с 19 до 24⁶.

В первой половине 1920-х годов существовал острый дефицит специалистов. Кольчугинский отнаробраз в сентябре 1921 года сообщал, что нехватка школьных работников достигает 60–70%. 2 мая 1923 года пленум Кузнецкого уисполкома констатировал, что «катастрофическое состояние» уоно в Кузнецком уезде связано с отсутствием у него прочной материальной базы и работников просвещения⁸. Одним из выходов виделся в допуске к работе тех учителей, которые «не были подходящими для работ в трудовой школе»⁹.

С ноября 1925 года после административной реформы органом управления народным образованием становится Кузнецкий окроно, которому были подчинены городские и районные отделы образования. Заведующим окроно был выбран Михаил Прокопьевич Глазков, из рабочих, член ВКП(б), образование — неоконченное среднее¹⁰.

Основной задачей для окроно стало выполнение постановления ВЦИК от 19 ноября 1926 года по введению всеобщего начального обучения (8–11 лет; школа I ступени). Состояние народного образования в Кузнецком округе требовало коренных мер по его улучшению. Если в городах и рабочих районах обучением было охвачено 97% детей этого возраста, то в сельской местности — всего 28%. В округе действовали 252 школы I ступени, 8 школ II ступени (6 семилеток, 2 девятилетки), 3 школы крестьянской молодежи (в селах Терентьевском, Бачатском и городе Кузнецке), национальные школы: чувашских — 18, украинских — 10, мордовских — 5, пермяцких — 2, зырянская — 1, латышская — 1, телеутских — 3 и шорских — 8. С целью ликвидации неграмотности организованы 15-дневные курсы для подготовки кадров, через которые прошли 90 человек¹¹.

С этого времени стало возможным перевести все просветительные учреждения на местный бюджет, постепенно укреплять их материальное состояние и планомерно вести учебно-методическую работу.

Быстро меняющаяся политико-экономическая обстановка в стране отражалась на состоянии культурно-образовательной сферы. Педагогические коллективы находились в поиске новых форм и методов обучения и воспитания подрастающего поколения. Заметная политизация советской школы проходила не только по линии повышения активности комсомольских ячеек учащихся и пионерских отрядов, но также идеологизации учебно-воспитательного процесса. С лета 1928 года развернулась кампания по борьбе с проявлениями в молодежной среде «есенинщины»: на-

1 ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

2 Луч красного солнца. 1920. № 55. 8 июня.

3 ГАНУ. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 156. Л. 31.

4 За 10 лет. Кузнецкий округ к 10-й годовщине революции. Щегловск, 1927. С. 65.

5 Народное хозяйство Томской губернии... С. 201, 210–211 (пагинация части 2).

6 Народное хозяйство Томской губернии: первый отчет губэкономсовещания Совнаркому и СТО. Томск, 1922. С. 200 (пагинация части 2).

7 Народное хозяйство Томской губернии... С. 201 (пагинация части 2).

8 ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 100.

9 Луч красного солнца. 1920. № 55. 8 июня. С. 4.

10 Чеховских К. А. Из истории народного образования Кузнецкого округа (1925–1927 гг.) // Дорога длиною в три века. Страницы истории образования в Кузбассе. Кемерово, 1999. С. 79.

11 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 129. Л. 40–40 об.; Чеховских К. А. Из истории народного образования... С. 80–81.

Плакат «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность»

строений упадничества, художественного воспеваания безысходности, меланхолического самолюбования¹.

Школьники были вовлечены в активное наступление комсомольского актива на верующих, организованное местными райкомами ВКП(б). В середине августа 1928 года в томской окружной газете «Красное знамя» вышла статья «Знамя его надо мною любовь» о евангелистах-христианах Тайги. Сообщалось о неимоверной численности их рядов — до 50 членов. «Сейчас в Тайге идет культштурм, — писал корреспондент. — Молодежь бродит по базару, смотрит, крыты ли от мух товары у торговцев. Бичует мелкое зло на страницах газеты. При встрече друг с другом осматривают друг друга, чисты ли руки и заглядывают в зубы. Но никто из комсомольцев не постарался поглубже заглянуть в нутро своего города, которое поросло грязью и невежеством»².

Важнейшей составляющей обучения молодого поколения стало его трудовое воспитание. Школьники принимали активное участие в озеленении улиц. На зимних каникулах старшеклассники выезжали на заготовку дров, в целях

подготовки колхозников к севу брали шефство над деревней. В процессе массово-разъяснительной работы, направленной на достойную встречу «большевицкой весны», учащиеся распространяли сельскохозяйственную литературу, проводили среди рабочих читки газет. При школах организовывали кружки юннатов, которые занимались опытами по определению всхожести заготовленных семян в подшефных и других деревнях³.

1928/29 учебный год по всей стране начался на месяц раньше — с 1 сентября, и по рекомендации ученых-педологов он стал делиться не на триместры (когда каникулы приурочивались к религиозным праздникам), а на кварталы (четверти). При этом первые четверти были несколько больше, чем последние (I — с 1 сентября по 8 ноября, II — с 15 ноября по 23 января, III — с 1 февраля по 12 апреля, IV — с 12 апреля по 15 июня). Единым выходным днем для учащихся объявлялась среда.

В 1929/30 учебном году в городах и рабочих поселках Кузнецкого округа всеобщим начальным обучением были охвачены 13 480 из 13 912 (97%) детей, в сельской местности — 27 040 из 35 141 (77%). Национальных школ I ступени насчитывалось 92. В 98 школах II ступени обучались 3 418 учеников⁴.

Уровень неграмотных из года в год снижался незначительно, так как их охват обучением был неполный. Учебный год в школах ликбеза длился 10 месяцев, по 11 дней в месяц при трехчасовых занятиях в день. На селе занимались 7 месяцев, по 12 дней в месяц, по 4 часа в день. Нередко люди, выучившись писать и считать, через некоторое время теряли эти навыки за ненадобностью. В 1930 году в городах Кузбасса действовали 54 школы ликбеза, 39 — в деревнях. Всего в них обучались 10 081 неграмотных и 1 195 малограмотных⁵. 26 октября 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе парторганизаций Кузбасса», в котором одной из основных в области культурного строительства ставилась задача ликвидации неграмотности.

О формах обучения в этот период вспоминал бывший директор Чебулинской средней школы Ф. И. Романов: «Занимались бригадно-лабораторным методом, когда один ученик отвечал за целую группу. Такой метод практиковался в начальных классах, а потом был ликвидирован. Его сменил другой: метод целостного слова. Ученики заучивали слово, затем его разбивали по слогам и только после этого запоминали буквы. Позднее ввели новый предмет: сельское хозяйство. Наша школа стала называться школой колхозной молодежи. Учителей не хватало. Преподавателями работали те, кто окончил семь или восемь классов. В 1937 году в нашем районе прошла аттестация учителей. Звание учителя с правом преподавания с первого по седьмой классы было присвоено только двоим»⁶.

3 Красное знамя. 1928. 29 апреля; 1929. 28 января; На полный ход. 1932. 6 февраля.

4 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 462. Л. 33–34.

5 Сибирский край: Статистический справочник. Новосибирск. 1930. С. 736–737.

6 Так было — так стало // Ленинская искра. 1970. 3 октября.

1 Красное знамя. 1928. 8 июня; 20 ноября.

2 Красное знамя. 1928. 19 августа.

Ученики 7-й группы фабрично-заводской семилетки (ФЗС) № 1 Прокопьевска. 8 июня 1931 // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

Весной 1931 года был введен именной учет детей, подлежащих обязательному обучению. В октябре начальные школы Кузбасса перешли на новый учебный план, включавший такие предметы, как арифметика, родной язык, естествознание, география, обществоведение с элементами истории, физическое и художественное воспитание, труд. В начале 1932 года новые учебные планы получили фабрично-заводские школы-семилетки и школы колхозной молодежи. В процессе их освоения встала проблема дефицита учебников и методических материалов. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальных школ» от 13 февраля 1933 года политически вредной была признана позиция Наркомпроса, считавшего, что учебники должны быть убраны из школы из-за невозможности их стандартизации¹.

Согласно принятым документам, была восстановлена классно-урочная система обучения с определенным составом учащихся и обязательным расписанием предметов по дням. Учитель был признан центральной фигурой в обучении и воспитании учащихся. Основной упор делался на политехническое обучение, связанное с производи-

тельным трудом. Началось прикрепление школ на договорных началах к фабрикам, заводам, совхозам, колхозам, МТС. Предприятия и организации помогали школам в создании рабочих комнат и мастерских, выделяли для них необходимое оборудование.

Впрочем, большинство начальных школ временно ютились в приспособленных жилых домах. Такие карликовые учебные заведения имели скудное материальное обеспечение. Заведующая одной из таких школ (город Тайга) в декабре 1933 года на страницах местной газеты жаловалась на то, что в классах мало мебели, на двухместных партах сидели по 3–4 человека, а некоторым ребятам приходилось целыми днями стоять на ногах, не было доски, поэтому писали на дверцах шкафа, не работала вентиляция².

Весной 1933 года для учащихся всех классов (за исключением первого и второго начальной четырехлетней школы) в конце учебного года были проведены проверочные испытания. Вместо прежних неопределенных оценок «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» вводилась четырехбалльная оценка знаний, а с 1935 года — пятибалльная. По каждому предмету была утверждена шкала со-

1 Сычёва Т. А. Реализация политики всеобщего обучения на территории Кузбасса в 30–50-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 103.

2 Сталинский путь. 1933. 24 декабря.

ответствия знаний и оценок: за определенное количество ошибок выставлялась та или иная оценка. Кроме ошибок, учитывались чистота написания и другие показатели качества выполнения задания. Введение дифференцированных оценок побуждало учащихся к более ответственному отношению к учебе.

Постановлением от 15 мая 1934 года «О структуре начальной и средней школы в СССР» в стране устанавливалась единая система образовательных учреждений вместо сложившегося в 1920-е годы их многообразия. Был взят курс на переход ко всеобщему неполному среднему образованию.

Новая система включала начальную (1–4-й классы), неполную среднюю (1–7-й классы) и среднюю школу (8–9-й классы). Отныне директорами этих учреждений могли быть только педагоги с высшим специальным образованием. Группы стали называться классами, а прежние групповоды — классными руководителями. Классным руководителям вменялось в обязанность анализировать успеваемость учеников, изучать их поведение и материально-бытовые условия, вести с ними внеклассную работу.

При школах заработали педагогические кабинеты — центры опыта всех передовых учителей города или района. Там концентрировались программы, общепедагогическая и методическая литература, методические разработки уроков, а также описание передового опыта по политехнизации, укреплению школьной дисциплины, совершенствованию детского самоуправления. В каждом учебном заведении (кроме начальных школ) избирались ученические комитеты самоуправления (учкомы), нередко проявлявшие решительность в борьбе с недостатками в школьной жизни.

Важным итогом учебного процесса стали весенние проверочные испытания учащихся по предметам. Применялась практика освобождения от экзаменов врачом по причине болезни, ярко выраженной нервозности, заикания и др. Использовались дифференцированные устные и письменные опросы, во время которых сильным учащимся задавались более сложные вопросы, чем имевшим средний уровень успеваемости. В поиске эффективных форм работы с семьями проводились конкурсы среди родителей на лучшее воспитание детей. На дому организовывались детские уголки. В школах художественное оформление вечеров и утренников становилось все более красочным, интересным, живым.

В целях повышения посещаемости занятий накануне зимы ежегодно через школы осуществлялось распре-

деление валенок среди нуждающихся в обуви учеников. С сентября 1935 года, согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), в книжных магазинах началась открытая продажа учебников для начальной, неполной средней и средней школ. До сих пор они распределялись только по заведениям в ограниченном количестве.

Все эти изменения в комплексе способствовали снижению процента второгодничества по причине неуспе-

Плакат «Все в библиотеку»

ваемости: в 1–4-х классах с 20% в 1933/34 учебном году до 7,5% в 1936/37 году, в 5–7-х соответственно с 23 до 10,7%, в 8–10-х — с 12,3 до 11,3%¹.

В середине 1930-х годов высказывание И. В. Сталина об усилении классовой борьбы в СССР по мере нарастания успехов социализма было внедрено как идеологический тезис в образовательный процесс. Так, президиум Сталинского горсовета и бюро горкома ВКП(б) придали исключительно политическое значение факту убийства ученика средней школы № 5, «активного пионера, борца за образцовую школьную дисциплину» Николая Шабалина «классовым врагом сыном кулака Г., за дезорганизационную работу исключенного из школы, дважды осужденного за воровство и хулиганство». По этому случаю было принято совместное решение о повышении политической бдительности, усилении борьбы с преступностью, улучшении качества воспитательной работы школ².

Проблема ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения оставалась далека

¹ Сычёва Т. А. Реализация политики всеобщего обучения... С. 124.

² Об убийстве пионера Шабалина Николая: Решение президиума горсовета и бюро горкома ВКП(б) от 9 марта 1935 года // Большевицкая сталь. 1935. № 57. 10 марта.

от окончательного решения. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, среди населения в возрасте до 50 лет в городах 94,2% считали себя грамотными, а в сельской местности — только 83,4%¹.

К началу 1940-х годов в Кузбассе число начальных школ в сравнении с 1930 годом увеличилось в 2 раза (с 465 в 1930 году до тысячи в 1940-м), неполных средних — в 16 раз (с 12 до около 200), средних — в 12 раз (с 4 до 50). Общее число учащихся увеличилось в 3,2 раза и составило более 150 тысяч человек². К этому времени уже сложилась многоуровневая система воспитания подрастающего поколения, в которой все ее звенья — комсомол, пионерская организация, педагогический коллектив, семья, самостоятельные объединения, спортивные секции, шефы — вносили вклад в развитие личности школьника. Для детей существовал привычный календарь сезонных занятий. В течение сентября учащиеся активно помогали взрослым на уборке урожая. В зимние каникулы организовывались катки, работали лыжные станции. Каждая школа планировала экскурсии в близлежащие города, походы на лыжах в лес, соревнования по зимним видам спорта. Шефы-предприятия начиная с 1936 года стали выделять средства на проведение новогодних елок с маскарадом и постановкой пьес (с 1928 года этот элемент праздника по религиозным мотивам был под запретом). В летние каникулы учащиеся активно участвовали в ремонте школьных помещений, помогали взрослым на полевых работах, отдыхали в пионерских лагерях. Среди недостатков в организации учебного процесса оставался слабый кадровый потенциал учителей. К началу Великой Отечественной войны четверть учителей Кузбасса не имела среднего образования³.

Таким образом, к началу 1940-х годов в Кузбассе была создана сеть учебных заведений, осуществлен переход ко всеобщему начальному образованию и положено начало переходу ко всеобщему семилетнему образованию.

Становление системы профтехобразования. Руководство профтехобразованием в Советской России было возложено на Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр). В его ведении находились школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), профессиональные курсы, техникумы, рабфаки, высшие учебные заведения, курсы повышения квалификации рабочих.

В 1921 году из учреждений профобра на территории Кузбасса находились педагогический техникум (образован в 1919, город Мариинск), профессионально-технические школы (село Верх-Чебулинское, Гурьевский завод, Кемеровский завод) и профтехнические курсы (Мариинск)⁴.

В 1922 году были открыты двухгодичные профтехшколы на Кемруднике и химзаводе⁵.

Одним из направлений реализации политики всеобщего обучения стало повышение уровня образования молодых людей в школах рабочей молодежи (ШРМ). На 1 января 1923 года в Томской губернии работали семь школ рабочей молодежи, из них пять — на территории Кузбасса, в том числе при Гурьевском механическом заводе и Кемеровском химзаводе⁶.

Самым распространенным типом профессиональных учебных заведений стали школы горнопромышленного ученичества (горпромуч), фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), в которых объединилось общее и профессиональное обучение, а теоретическая подготовка сочеталась с производственным трудом.

По решению ЦК ВЛКСМ в 1924 году была открыта одна из первых в Кузбассе школа горнопромышленного ученичества на базе начального образования на Ленинском руднике для подготовки забойщиков и крепильщиков. В школе помимо горного обучали слесарному делу, изучали механизацию, так как руднику остро требовались специалисты по обслуживанию новых врубмашин, конвейеров и других электромеханизмов⁷.

На 1 апреля 1926 года в Кузнецком округе учреждений горпромуча насчитывалось три, фабзавуча — две и профтехкурсов — шесть, всего обучающихся — 451 человек. Педагогический состав работал по совместительству, ощущался недостаток инструкторов и руководителей для практических работ на производстве⁸. В 1927/28 году вся учебная сеть профессионально-технического образования состояла из 17 школ и курсов с 740 обучающимися⁹.

Этого количества учебных заведений было явно недостаточно для подготовки высококвалифицированных рабочих и мастеров. Процесс превращения Кузбасса в один из индустриальных центров страны обозначил проблему повышения уровня грамотности взрослого населения, усвоения новых знаний для работы с современными технологиями, оборудованием и техникой.

По решению Кузнецкого окружкома ВКП(б) в 1928 году количество профшкол увеличилось до 37 с 4 722 учащимися, стационарными были четыре горнопромышленные школы и одна фабрично-заводская с общим числом учащихся 1 036.

Важную роль в первоначальной профессиональной подготовке играли комбинаты рабочего обучения. Их программа включала в себя и специальную, и общеобразовательную подготовку, так как многие рабочие не имели начального образования (например, на Кузнецком комби-

1 Культурное строительство в СССР. М., 1940. С. 7.

2 Сычёва Т. А. Реализация политики всеобщего обучения... С. 129, 208.

3 Костюнин О. В. Развитие системы народного образования в Кузбассе в 1920–1930-е годы // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы III Всерос. науч. чт. Кемерово, 2003. С. 73.

4 Народное хозяйство Томской губернии: первый отчет губэкономсовета... С. 197 (пагинация части 2).

5 История Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1967. С. 338.

6 История начального и среднего профессионального образования Кузбасса: металлургия и химическая промышленность. Кемерово, 2018. С. 23.

7 Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1... С. 276.

8 ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 129. Л. 40.

9 Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования в Кузбассе (XVIII — начало XXI в.). Кемерово, 2015. С. 33.

Первый выпуск школы горпромуча Прокопьевского района. 7 июля 1927 // Из фондов Прокопьевского краеведческого музея

нате в 1932 году свыше 23 % работников были неграмотными и более 13 % малограмотными¹). К 1930 году комбинаты были созданы в Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске, в апреле 1931 года — на Кузнецкстрое (объединил курсовую сеть, рабфак, школу ФЗУ)². В сентябре 1931 года подготовка рабочих кадров в Кемерове осуществлялась ФЗУ мехзавода, ФЗУ химзавода, Стройучем, Горпромучем Кемеровского рудника³.

В деле подготовки к поступлению в вузы в городах работали рабфаки (рабочие факультеты). В октябре 1928 года Главпрофобр принял в свою сеть учебных заведений рабочий факультет в Щегловске. Вечерний рабфак был открыт на Кемруднике и на Химзаводе⁴. В 1930 году в Ленинске-Кузнецком открылся рабфак Сибирского геологоразведочного

института (с 1933 года — Сибирский горный институт, город Томск)⁵.

Проводимая в стране и регионе индустриализация определила потребность промышленности в квалифицированных рабочих. В 1929–1933 годах создается широкая сеть школ и курсов профтехобразования, за это время было подготовлено свыше 50 тысяч рабочих. С введением курсов технического минимума с 1934 года учебой были заняты практически все рабочие⁶.

Первенцы среднетехнического образования. В сентябре 1929 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой системы индустриально-технического образования». Подготовка кадров со средним профессиональным образованием осуществляли техникумы (срок обучения — 3–4 года, база для поступления — семилетнее образование), где объем практических занятий составлял до половины учебного времени.

1 Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее... С. 181.

2 Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 34–35.

3 Сентябрьский набор в горпромуч под угрозой срыва // Кузбасс. 1931. 23 сентября.

4 Кузбасс. 1928. 16, 19 октября.

5 Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1... С. 276.

6 Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 37.

Второй выпуск Кузнецкого металлургического техникума. 1933 // Из фондов музея Кузнецкого металлургического техникума

10 ноября 1929 года в Щегловске в Клубе строителей состоялось открытие *индустриального техникума* по подготовке специалистов трех направлений: металлургическому, химическому и горному. Газета «Кузбасс» особо выделила, что из 163 принятых в студенты 116 были рабочими и детьми рабочих¹. Директором был назначен Фёдор Фомич Володин.

Разместили техникум на улице Исполкомовской в только что построенном здании. На торжественном заседании в Клубе строителей перед студентами выступил директор техникума, а после окончания официальной части была показана пьеса «Алтайские робинзоны»².

7 июня 1930 года комиссия Сибкрайисполкома рассмотрела вопрос о реорганизации вузов и техникумов. Принято решение реорганизовать Щегловский индустриальный техникум путем разделения на три: *Щегловский горно-угольный техникум* (со специальностями «Эксплуатация пластовых месторождений», «Горная электромеханика», «Маркшейдерское дело»), *Щегловский коксохимический техникум* (с двумя отделениями: «Коксобензолное»

и «Производство искусственной нефти») и *Кузнецкий металлургический техникум* (с тремя специальностями: «Доменное производство», «Производство стали», «Прокатное производство»)³.

В 1932 году Щегловский горный техникум провел первый выпуск специалистов — техников по эксплуатации угольных месторождений. Первые выпускники — А. С. Ваншток, П. Д. Степанский, С. П. Агеев, С. К. Кемеров, М. В. Бобылев и другие — посвятили свою жизнь нелегкому горняцкому труду. Многие из них стали руководителями шахт, заводов, трестов. В довоенный период возглавляли техникум Ф. Ф. Володин, Н. А. Магер, М. Чумаков, С. Т. Балабанов⁴.

Кемеровский коксохимический техникум остался в учебном корпусе и общежитии реорганизованного индустриального техникума. Его основной задачей было обеспечить кадрами Кемеровский коксохимический завод. В мае 1932 года состоялся первый выпуск учащихся техникума — 28 человек. Многие выпускники технику-

¹ Кузбасс. 1929. 12 ноября.

² Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 40.

³ История начального и среднего профессионального образования Кузбасса: металлургия и химическая промышленность. Кемерово, 2018. С. 30.

⁴ Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 39–40.

Горный кабинет Прокопьевского горного техникума. 1937 // Кузница кадров. Документально-публицистическое издание об истории Прокопьевского горнотехнического колледжа / под ред. В. Д. Славникова, 2012. С. 92

Кабинет горных машин Прокопьевского горного техникума. Конец 1930-х // Там же. С. 93

ма прославили его на трудовом поле. Так, выпускник 1938 года Николай Михайлович Вдовин, участник Великой Отечественной войны, стал главным инженером п/о «Азот». В 1976 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, в 1988-м — «Почетный гражданин г. Кемерово».

С момента организации работа Кузнецкого металлургического техникума велась с повышенной интенсивностью. Потребность в специалистах была настолько велика, что до 1933 года наборы и выпуски производились два раза в год. Уже в 1932 году состоялся первый выпуск: прокатчики — 23, доменщики — 18, сталеплавильщики — 16 человек. До Великой Отечественной войны в техникуме были открыты три новые специальности: «Литейное дело», «Оборудование металлургических заводов», «Контрольно-измерительные приборы и автоматизация производства». Становление техникума связано с именами его первых директоров: Г. А. Евтушенко, П. К. Осипова, С. Т. Безрукова¹.

Осенью 1932 года переводом из Томска в районе Тыргана разместился *Прокопьевский горный техникум*. Первым директором был назначен М. Н. Егоров, которому пришлось решать много хозяйственных проблем, связанных с переводом техникума на новое место, завершением строительных работ в учебном корпусе, организацией учебного процесса (занятия начались в январе 1933 г.). В 1940 году при техникуме было открыто вечернее отделение. За 1932–1940 годы техникум выпустил 1 230 специалистов по шести специальностям².

В 1932 году в Кемерове был открыт *строительный техникум*³. В 1937 году в нем на дневном курсе обучались 260 студентов и на вечернем — 70 человек. Всего в городе в этом году в трех техникумах, педучилище и рабфаке Кемеровокомбинатстроя обучались 1 767 студентов⁴.

1 История начального и среднего профессионального образования Кузбасса: металлургия и химическая промышленность. Кемерово, 2018. С. 30–32.

2 Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 41–43.

3 Соколова В. П. Из летописи Кузбасса. Кемерово, 1960. С. 74.

4 1767 студентов // Кузбасс. 1937. № 196. 26 октября.

Первое деревянное здание Анжеро-Судженского горного техникума // Из фондов музея Анжеро-Судженского горного техникума

В 1939 году для обеспечения квалифицированными кадрами развивающихся промышленных производств военно-промышленного комплекса был образован *Кемеровский химико-технологический техникум*. 12 октября 1939 года к занятиям приступили 110 учащихся — будущих химиков-технологов, механиков по оборудованию химических заводов. Первоначально собственного учебного корпуса техникум не имел, занятия проводились в помещениях школ⁵.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в сентябре 1940 года, в Кузбассе был открыт *Анжерский горный техникум* с двумя специальностями: «Горная электротехника» и «Разработка угольных месторождений». Директором открывшегося техникума был назначен П. П. Коноплев⁶.

Создание и развитие в Кузбассе техникумов (основного типа среднего специального учебного заведения) как

5 История начального и среднего профессионального образования Кузбасса... С. 33.

6 Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования... С. 43–44.

Студенты Сталинского педагогического техникума. 1932 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 981

составляющей развития системы профессионального образования было связано с мобилизацией трудовых ресурсов сначала для решения задач индустриализации страны, затем для подготовки СССР к агрессии со стороны «мирового капитализма». Проводимая в регионе политика по развитию и совершенствованию системы профессионального образования дала положительные результаты: была сформирована и активно действовала сеть профессиональных техникумов.

Подготовка педагогических кадров. Важнейшей задачей в деле организации всеобуча была подготовка педагогических кадров. Основная нагрузка по подготовке учителей начальных классов легла на педагогические техникумы (училища). 15 октября 1928 года в Щегловске начались занятия в педтехникуме на трех отделениях: «Русское школьное», «Чувашское школьное» (действовало до 1941 года¹), «Дошкольное». Первый набор — 40 слушате-

лей (основной контингент составили молодые люди в возрасте 15–20 лет, окончившие школу-семилетку)². Техникум разместился в нескольких зданиях³. Возглавил учебное заведение и набрал первый педагогический коллектив преподаватель математики Григорий Львович Михайлов (1876–1945), педагогический стаж которого составлял уже 32 года (в 1895 г. окончил курс учительской школы города Симбирска). В 1944 году Г. Л. Михайлов был награжден орденом Трудового Красного Знамени⁴.

В 1930 году были открыты педтехникумы в Кузнецке и Мариинске. Задачей Кузнецкого педтехникума стала подготовка педагогов для школ Кузнецкого, Беловского и Прокопьевского районов. Однако за первые три года

1 Чувашское отделение закрыто решением Новосибирского облисполкома от 17 сентября 1941 г. № 1429 «в связи с тем, что выпуск из чувашских НСШ области из года в год не обеспечивает полного набора учащихся на чувашское отделение, а выпуск чувашских учителей далеко превышает потребность в них». См.: ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 106. Л. 67.

2 Занятия в педтехникуме начались // Кузбасс. 1928. 16 октября.

3 Постановлением Президиума Кемеровского горсовета от 25 мая 1934 года вместо трех занимаемых зданий за педтехникумом под учебный корпус закреплялось строящееся двухэтажное каменное здание на 2-й Октябрьской улице. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 475. Л. 22.

4 *Круссер Р. Г.* Кемеровский педагогический техникум (педучилище): 80 лет со дня открытия // Балибаловские чтения. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 45–46; *Орлова С. В.* Михайлов Григорий Львович — первый директор Кемеровского педагогического техникума // Архивы Кузбасса. 2004. № 1 (7). С. 80–82.

Преподаватели и студенты Сталинского педагогического техникума. 1937 // ГАК. Ф. Фотофонд. Оп. 8. Д. 983

были выпущены всего 13 педагогов, совершенно отсутствовала подготовка дошкольных работников. Причинами столь печальной ситуации стали высокая текучесть учащихся вследствие их низкого стартового уровня, чрезвычайно слабая материальная база техникума, отсутствие внимания со стороны крайоно и гороно¹.

В 1933/34 учебном году в селе Кузедеево был открыт Горно-Шорский педагогический техникум, который стал готовить учителей шорского языка. На его базе в 1936 году открылся Сталинский педагогический техникум для подготовки педагогов общеобразовательных школ (в 1946 г. переведен из Кузедеева в Сталинск и продолжил подготовку учителей начальных классов)².

С середины 1930-х годов был взят курс на формирование в учебных заведениях стабильного состава педагогических кадров. До этого заведующий районо мог по своему усмотрению ежегодно переводить учителей из одной школы в другую. Преподавателей, окончивших педагогический техникум или институт, катастрофически не хватало.

Численность педагогов во всех школах Кузбасса составляла около 5 тыс. человек, из них с низшим и с неполным средним образованием насчитывалось 14,3%. В этой связи на учительскую работу принимались лица от 18 лет и старше, окончившие девятилетнюю школу, которые затем направлялись на краткосрочные курсы повышения квалификации от месяца до года при Кемеровском, Сталинском (учителей физики, математики, истории и литературы) и Мариинском педучилищах. Только в 1935 году на летние курсы явились 63% учителей от общего числа всех, кто не имел семилетнего образования, 80% — от неимевших среднего образования³. Опытные педагоги брали шефство над молодыми коллегами, только что окончившими девятилетку.

С 1 сентября 1939 года на базе педучилища был организован двухгодичный Сталинский учительский институт, который стал готовить молодых специалистов для школ-семилеток. Первый директор института Михаил Карпович

¹ Еще раз о педтехникуме // Большевицкая сталь. 1934. № 53. 6 марта.

² Дорощев М. В., Лебедев М. А. Особенности процесса формирования педагогического образования на Кузнецкой земле // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 369. С. 76–77.

³ Сычёва Т. А. Реализация политики всеобщего обучения... С. 156, 160; Щегловский педтехникум Кузнецкого округа // Кузбасс. 1929. 6 июня.

Сибирский металлургический институт имени Серго Орджоникидзе. 1936 // *Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск, Новокузнецк, 2018. С. 430*

Ковалёв полностью обеспечил набор студентов (300 мест)¹. Первоначально в институте было четыре факультета: физико-математический, естественно-географический, русского языка и литературы, исторический. Основной костяк педагогического коллектива составили преподаватели, перешедшие из педучилища. Первый выпуск пришелся на суровый 1941 год. Почти все выпускники, как и некоторые преподаватели, ушли на фронт и многие не вернулись.

К концу 1930-х годов количество обучающихся в педучилищах составляло около тысячи человек. Однако выпускники могли лишь частично удовлетворить потребность региона в учительских кадрах. Только для начальной школы не хватало 594 учителей, в то время как в города и районы ежегодно направлялись около 100 выпускников училищ. Несмотря на активное повышение учительской квалификации, в этом еще нуждались более половины всего кадрового состава.

Первый вуз Кузбасса. Формирование Кузбасского индустриального комплекса, строительство Кузнецкого металлургического завода обусловило потребность в квалифицированных кадрах. Большую роль в подготовке металлургов высшей квалификации сыграл Сибирский институт черных металлов, переведенный из Томска в Кузнецк в октябре 1931 года. В короткий срок институт превратился в один из крупнейших вузов Сибири в деле подготовки инженерных кадров. В 1933 году вузу было присвоено имя С. Орджоникидзе.

В 1937 году вуз был объединен с Сибирским научно-исследовательским институтом металлов (Новосибирск) и переименован в Сибирский металлургический институт. Это объединение сыграло решающую роль в дальнейшем развитии вуза. Научно-исследовательский и преподава-

тельский состав института пополнился более чем 30 учеными, имевшими большой практический опыт и теснейшие связи с производством, особенно с Кузнецким металлургическим комбинатом. К началу 1940-х годов благодаря крупным научно-исследовательским работам Н. Н. Круглова, Э. Х. Шамовского, Ю. В. Грдины и других институт стал центром научно-технической мысли в области черной металлургии на востоке страны².

Материальную базу института составили четыре учебных корпуса, 14 лабораторий, 12 кабинетов и 2 мастерские, оснащенные новейшим оборудованием. Научно-экспериментальная мастерская представляла собой миниатюрный цех, в ней были сооружены мартеновская печь, керамическая печь, вагранка, стан для бесслитковой прокатки, установка для извлечения цинка из руд³.

За первые десять лет работы было подготовлено 600 инженеров по шести специальностям металлургического производства. Коллектив принимал активное участие в строительстве и пуске отдельных цехов завода. Многие выпускники выросли до крупных руководителей производства: Г. И. Носов работал главным инженером Магнитогорского металлургического комбината, В. И. Липухин — директором Новомосковского жестекатального завода, П. И. Новицкий — главным инженером КМК.

В свободное время студенты занимались в кружках художественной самодеятельности (духовой и струнный оркестры, хоровой кружок). Все студенчество серьезно готовило себя к военной обороне. Институт подготовил 21 летчика, 8 парашютистов, многих ворошиловских стрелков первой и второй ступени⁴.

К 1941 году в институте сложился квалифицированный профессорско-преподавательский коллектив в составе 75 человек, среди них — 3 профессора, 5 кандидатов наук и 21 доцент. В 1940 году на трех кафедрах началась подготовка первых аспирантов⁵.

Таким образом, к 1941 году в Кузбассе сложилась разветвленная сеть образовательных учреждений общего, среднего и высшего профессионального типа, кроме того, действовали различные курсы по ликвидации неграмотности, повышению уровня образования рабочих кадров.

2 *Липунова Л. В.* Профессорско-преподавательский состав Сибирского металлургического института (1930–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2009. С. 20.

3 *Матюшин И.* Кого готовит наш металлургический институт // *Большевицкая сталь.* 1938. № 132. 4 июля.

4 *Матюшин И.* Втуз металлургов // *Десять лет города угля и металла:* сборник. Сталинск, 1939. С. 229.

5 *Ионов В. Д.* Развитие народного образования и культуры Новокузнецка в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.) // *Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посв. 350-летию основания Кузнецка.* Новокузнецк, 1971. С. 143.

1 *Дорофеев М. В., Лебедев М. А.* Особенности процесса формирования педагогического образования... С. 77.

§ 3. Развитие медицины и здравоохранения

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Окончание Гражданской войны ознаменовалось большой вспышкой инфекционных заболеваний. Заболеваемость тифом в 1921 году в Кузбассе составила 123 % от уровня предыдущего года, в 1922 году — 111 %. В структуре тифозной заболеваемости в этот период преобладают сыпной и возвратный тифы. Только в 1923 году эпидемия тифа пошла на спад, заболеваемость упала до 17,7 %, а в 1924 году — до 11,8 %. Первые случаи заболевания холерой отмечены в июне 1921 года на станции Топки. В течение месяца болезнь распространилась на все три Кузбасских уезда (Кузнецкий, Щегловский и Мариинский). Эпидемия холеры продолжалась до конца сентября 1921 года. Вторая вспышка холеры произошла в июле — августе 1922 года. Она возникла на Кольчугинском и Прокопьевском рудниках. Кроме тифа и холеры в Кузбассе вспыхнули эпидемии оспы и дизентерии. При этом надо отметить, что уровень тифозных заболеваний в Кузбассе был выше, чем в целом по Сибири. Это объясняется крайне неблагоприятной санитарной обстановкой в регионе, сложившейся к этому периоду¹.

В декабре 1919 года решением Сибревкома была создана Сибирская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Сибчекатиф). В постановлении Сибчекатифа было сказано, что все советские органы управления обязаны немедленно выполнять любые распоряжения комиссии. Всем сотрудникам комиссии предписывалось оказывать всякую помощь и оказывать полное содействие в работе. Не оказавшие содействие или препятствующие деятельности комиссии предавались суду и военно-революционному трибуналу. Были созданы губернские чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом (губчекатифы), а также уездные и волостные чекатифы. В Кузнецком уезде волостные чекатифы созданы в декабре 1919 — январе 1920 года. В рабочих районах были созданы районные чекатифы. В чрезвычайные комиссии входили представители местных ревкомов, врачи, фельдшеры и начальники санитарных отрядов. Позднее были созданы также чрезвычайные комиссии по борьбе с холерой (чекахолы).

В Щегловскую уездную комиссию по борьбе с тифом вошли: председатель уездного ревкома П. Н. Старостин, заведующий уездным здравотделом фельдшер И. Н. Тихомиров, представитель отдела образования В. Л. Куплев, представитель комитета союза горнорабочих Е. Е. Скорина, представитель профсоюза химического завода Н. Е. Седов и представитель профсоюза Кемеровского рудника Л. М. Щадук. В состав чекатифа южной группы копей Кузбасса (Прокопьевский и Киселёвский рудники) вошли председатель Прокопьевского рудничного комитета союза горнорабочих Е. С. Сербин и врач Н. А. Соснин. Анжеро-Судженский районный чекатиф был сформирован под председательством члена ревкома Г. К. Михалёва, в его состав вошли врачи Замятин и Петров².

Непосредственная борьба с эпидемиями заключалась в целом комплексе мероприятий. Уже в конце 1919 года были созданы *изоляционно-пропускные пункты* (в основном на железнодорожных станциях). Штаты таких пунктов состояли из врача, фельдшера, четырех санитаров, дезинфектора, служителя и повара. На этих пунктах производился осмотр всех прибывших на поездах людей. Выявленные больные переводились в специальный вагон. Врач обязан был заниматься их лечением и организовывать питание. Лица, находившиеся в контакте с больным, переводились в другой вагон — карантинный. Вагоны, где были выявлены больные, проходили дезинфекцию³.

Вторым важным мероприятием было создание временных *эпидгоспиталей*. Под эпидгоспитали были переданы практически все имеющиеся в уездах школьные здания. Первые эпидгоспитали были организованы в феврале 1920 года. Во главе госпиталя стоял врач, в штатах предусматривались должности фельдшеров и сиделок. Однако больных был так много, что вскоре от эпидгоспиталей отказались. Приняли решение изолировать больных на дому, там же проводилось лечение.

Третий способ борьбы с эпидемиями — *экспедиционный*. Для противоэпидемической работы были созданы специальные временные формирования: санитарные и санитарно-эпидемиологические отряды, санитарные летучки

1 Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса (1771–1941): дис. ... д-ра мед. наук. Кемерово, 1967. Т. 2. С. 48.

2 Там же. С. 50–51.

3 Там же. С. 53–54.

Плакат «В грязи и нечистоте свивает себе гнезда и рождается холера»

Плакат «Прививайте оспу»

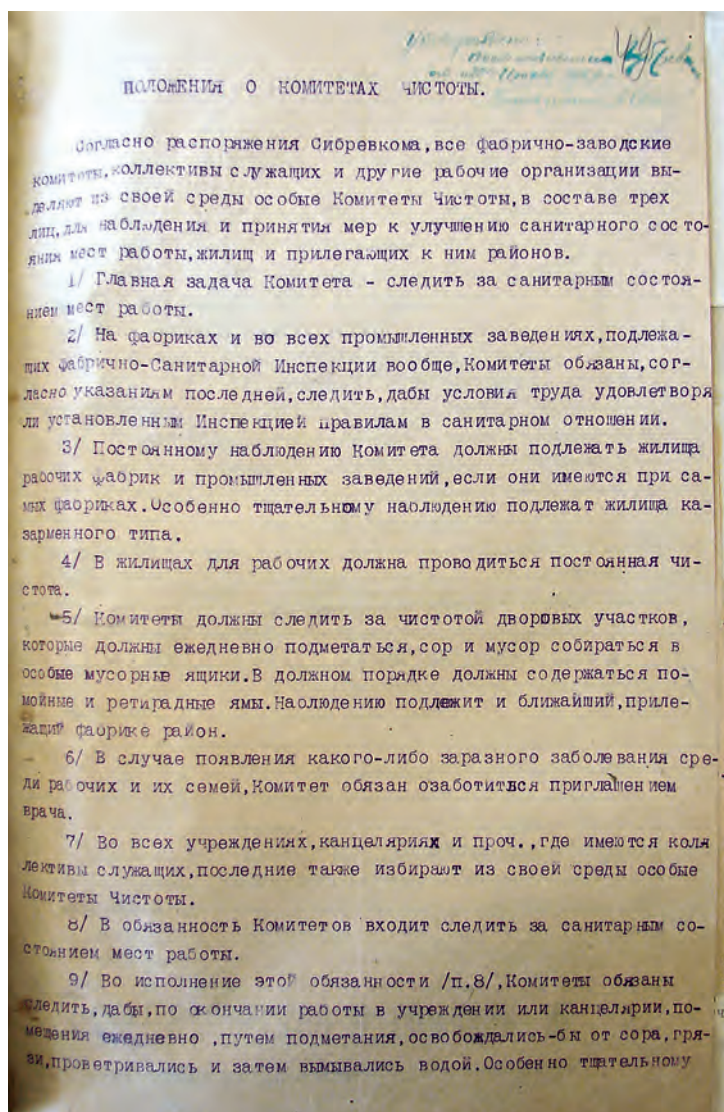
и дезинфекционные отряды. Они направлялись в места возникновения эпидемий и проводили противоэпидемические мероприятия. Отряды создавались по военному образцу, в них была жесткая дисциплина. Положение о санэпидотрядах в Томской губернии было принято в апреле 1920 года. Отряды осуществляли санитарный надзор, подворные обходы, изоляцию больных, оказание помощи, инструктаж.

Четвертый способ — вакцинация населения. В июле 1920 года было опубликовано постановление Сибревкома об обязательных прививках против холеры и тифа. Вакцины поступали на места из Томского бактериологического института. Ее постоянно не хватало. В 1921 году в Анжеро-Судженском угольном районе было привито только 6,3 % населения, в Мариинском уезде — только 1 %, в Щегловском уезде — 2,2 %, Кузнецком уезде — 1,9 %. Для ускорения вакцинации были приняты постановления об обязательном характере прививок.

Помимо этого, в начале 1920-х годов были проведены мероприятия, направленные на улучшение общесанитар-

ного состояния населенных пунктов. Эту работу выполняли так называемые сантройки, или комитеты чистоты. Постановление об их создании Сибревком издал в марте 1920 года. Все рабочие коллективы обязывались организовать комитеты чистоты в составе трех человек, которые должны были заняться улучшением санитарного состояния жилищ и рабочих мест. Сантройки возглавляли врачи. Главным видом деятельности сантровок была организация уборки улиц, домов, предприятий. С этой целью устраивались субботники и воскресники. В 1921–1922 годах стали практиковаться «санитарные недели», «недели оздоровления жилищ», «недели чистоты». Сантройки проводили также агитационные мероприятия, организовывали лекции для населения.

Эпидемиологическая обстановка оставалась сложной и в 1923 году. В мае 1923 года на пленуме Кузнецкого уездного исполкома был заслушан доклад заведующего отделом здравоохранения Кузнецова. На пленуме отметили, что особенно тяжелая эпидемиологическая обстановка сложилась в южных волостях Кузнецкого уезда. В Мрасской, Кондомской и Верхне-Кондомской волостях, где про-

Положение о комитетах чистоты, утвержденное Томским губздравотделом в 1920 году // ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 186 А. Л. 49. Фрагмент

живали инородцы (шорцы), свирепствовали туберкулез, чесотка, оспа, сифилис. Эпидемии были настолько серьезными, что грозили полному истреблению инородческого населения. Было решено немедленно отправить в Томск представителя отдела здравоохранения и ходатайствовать об открытии в Горной Шории лечебницы на полном содержании губернии. Любопытно отметить, что на том же пленуме было отмечено, что уездный отдел здравоохранения стал практиковать выдачу больничных отпусков всем желающим, чем тут же воспользовались многие руководящие советские работники и, взяв справки, стали уклоняться от работы. Было принято решение создать специальную комиссию и перепроверить все больничные листы, выданные за последнее время¹.

¹ Протокол № 3 пленума Кузнецкого уездного исполкома, 2 мая 1923 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 102.

Большую помощь в ликвидации эпидемий 1920–1922 годов оказали части Красной армии, дислоцировавшиеся в Кузбассе. В пределах Кузбасса были расквартированы 182-й и 183-й полки 21-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии. В распоряжении военных были санитарно-гигиенический отряд, санитарные поезда, эпидотряды, банно-прачечные отряды. Военные врачи устроили ряд «санитарных митингов» в Кузнецком уезде. Кроме того, они организовали распространение санитарно-просветительских изданий.

В результате комплексных мер, принятых против распространения болезней, в 1922 году произошел перелом. К концу года холера была полностью ликвидирована. Тифозные заболевания пошли на убыль. В 1923 году уровень тифозных заболеваний упал до 17,7% от предыдущего года, в дальнейшем снизился до 3%. В 1922 году чрезвычайные меры по борьбе с болезнями были отменены, чекатифы и чекахолы распущены.

Становление советских органов гражданского здравоохранения. Установившаяся в стране советская власть провозгласила новые принципы здравоохранения, которые были прописаны во второй Программе большевиков, принятой в марте 1919 года на VIII съезде партии. Провозглашался государственный характер здравоохранения, плановость, бесплатность и общедоступность медицинской помощи, ее профилактическая направленность. На практике создать такую систему здравоохранения было чрезвычайно сложно: у государства не было еще достаточных финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

В январе 1920 года в составе Сибирского революционного комитета (Сибревкома) был создан отдел здравоохранения (Сибздрав). Он состоял из коллегии, члены которой назначались Сибревкомом, и 17 отделений: управление делами, санитарно-эпидемиологическое, лечебно-госпитальное, финансовое, статистическое, фармацевтическое, социальных болезней, водной санитарии, железнодорожное, санитарно-просветительской работы, отдел охраны материнства и младенчества, военно-санитарное, снабжения, санитарно-курортное, охраны здоровья детей, медицинских школ, санитарно-жилищная комиссия.

После этого началось формирование системы здравоохранения на местах. Сибревком приказал упразднить «старые формы управления медико-санитарным делом Сибири <...>» — врачебные управления, медико-санитарные отделы земств и городов <...> все дело управления передать губздравотделам при ревкомах². С февраля 1920 года по приказу Сибревкома стали организовываться губернские отделы здравоохранения (при губернских исполкомах или ревкомах) и уездные отделы здравоохранения (при уездных исполкомах или ревкомах).

Кузбасс, состоящий из трех уездов, как и ранее, входил в состав Томской губернии. Соответственно Кузнецкий, Мариинский и Щегловский уездные отделы здравоохранения

² Цит. по: Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения Кузбасса в 20–30-е годы. Кемерово, 1996. С. 10–11.

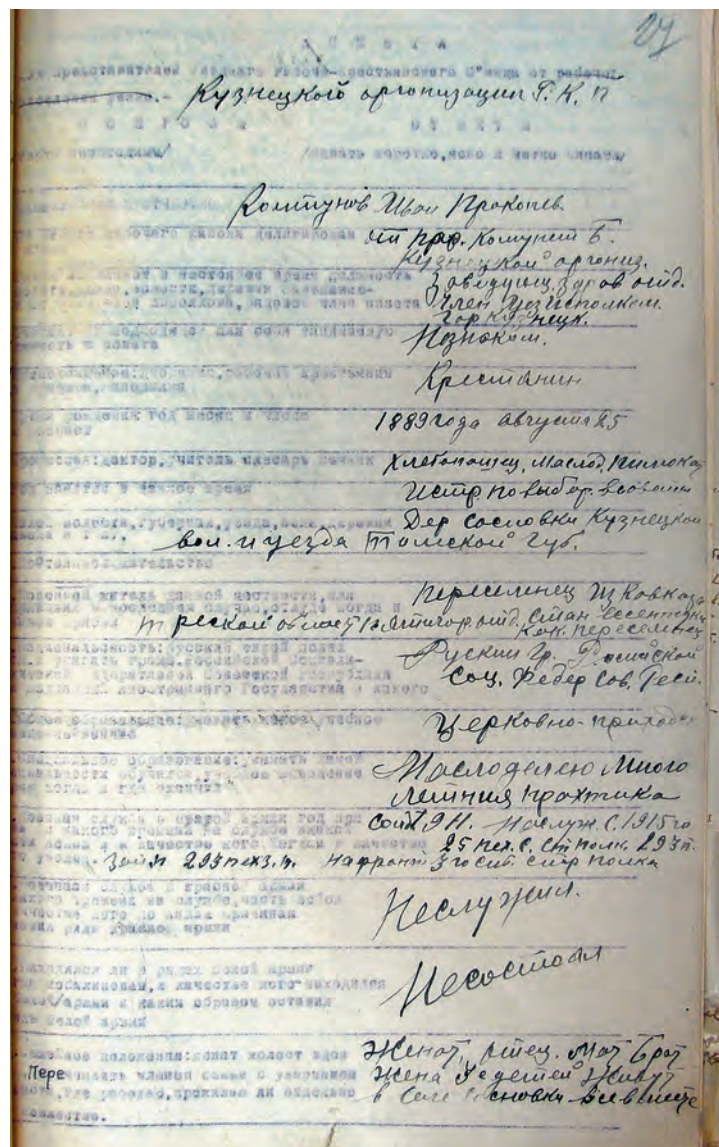
подчинялись Томскому губернскому отделу здравоохранения. Согласно распоряжению Сибздрава, созданные в начале 1920 года уездные отделы здравоохранения состояли из следующих подотделов: лечебный, санитарно-эпидемиологический, фармацевтический, финансово-хозяйственный, военно-санитарный и охраны материнства и младенчества.

Наиболее подробные сведения об организации уездного отдела здравоохранения сохранились по Кузнецкому уезду. Отдел здравоохранения Кузнецкого уездного ревкома был создан 26 декабря 1919 года. Заведующим отделом был врач Б. Ф. Оржешко, его заместителем — фельдшер Р. М. Борисенко. Заведующим санитарно-эпидемиологическим подотделом был врач В. М. Баев. Все остальные подотделы не имели заведующих, так как в уезде не хватало медицинских кадров. Кроме указанных лиц, в отделе здравоохранения на момент его образования были делопроизводитель, два помощника делопроизводителя, два счетовода, регистратор, сторож и дезинфектор. Кузнецкий ревком неоднократно ходатайствовал у губернских властей об увеличении численности отдела здравоохранения, но кадровый вопрос практически не решался, врачей не было не только в уезде, но и в губернии.

В начале 1920 года отделу здравоохранения подчинились всего три гражданские больницы города: сельская лечебница, больница для Кольчугинских угольных копей и железнодорожная больница. Во всех больницах не хватало врачей и медицинского персонала. Кроме того, санитарному подотделу подчинялся эпидемический лазарет. В нем работали два фельдшера, сестра, четыре сиделки, сторож, две кухарки и три прачки. Заведующего лазаретом не было. Ходатайство о присылке из Томска специального врача для заведования этим учреждением было отправлено в начале 1920 года. Но из губернии прислать никого не могли, так как врачей не хватало. При эпидемическом лазарете было устроено специальное помещение для дезинфекции предметов (одежды, обуви, белья и пр.). В нем были установлены два дезинфекционных аппарата: типа «Эскулап» и типа «Лазаревич».

По Кузнецкому уезду имелось четыре больницы: Бачатская сельская лечебница, Бачатская железнодорожная, Кольчугинская и Урско-Бедаревская сельская лечебница. В каждой из больниц был только один врач, в Урско-Бедаревской врача не было. При Бачатской сельской лечебнице имелся дезинфекционный аппарат типа «Эскулап». В других больницах таких аппаратов не было. Фельдшеров и другого медицинского персонала не хватало. Всего по уезду было устроено 93 больничных койки. В Салаире и Гурьевске было по 20 коек, в селе Бачатском — 15, в селе Урско-Бедаревском — 10, в селе Куздеевском — 6, на прииске Калзалай — 4, в селах Кондомском, Терентьевском, Караканском, Ильинском, Подобасском, Сергеевском, Пестеревском, Телеутском, Прокопьевском — по две койки¹.

¹ Информационный лист № 1 информационно-инструкторского подотдела отдела управления Кузнецкого уездного ревкома, 1 апреля 1920

Анкета И. П. Колтунова. июнь 1920 // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 27. Фрагмент

На начальном этапе существования практически вся работа Кузнецкого уездного отдела здравоохранения сводилась к борьбе с эпидемиями. В июне 1920 года на пленуме Кузнецкого горисполкома был заслушан доклад заведующего отделом здравоохранения. Пленум, на котором присутствовали не только уездные власти, но и представитель Сибревкома из Новониколаевска, постановил «вменить в обязанность здравотделу принять самые энергичные меры по борьбе с эпидемиями и другими заразными заболеваниями». Кроме того, здравотделу было предписано расширить сеть медицинских учреждений и заполнить вакансии в больницах и лечебницах².

Первый заведующий Кузнецким отделом здравоохранения врач Б. Ф. Оржешко пробыл в должности всего око-

года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 2-2 об.

² Протокол № 41 пленума Кузнецкого горисполкома, 28 июня 1920 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 21.

ло полугодом. В июне 1920 года его сняли с должности и назначили политически подкованного товарища — Ивана Прокопьевича Колтунова. Колтунов не имел никакого медицинского образования, зато состоял членом большевистской партии. Он окончил церковно-приходскую школу, в армии увлекся политической деятельностью. После демобилизации с фронта занялся агитацией в Кузнецком уезде. В период Гражданской войны был арестован и просидел в Кузнецкой тюрьме почти весь период, когда у власти был Колчак. В селе Сосновке проживали его родители и жена, все занимались хлебопашеством. Кроме земледелия Колтунов владел маслоделием, в котором, как писал сам Колтунов, «имел многолетнюю прaxтику». Состоял членом Кузнецкой уездной организации РКП(б)¹.

Такая же ситуация с начальниками здравоотдела сложилась в Мариинском уезде. На должности начальника уездного отдела здравоохранения назначали не медиков, а членов партии и активных общественных деятелей. Но даже таких деятелей часто меняли, текучесть кадров была велика. В феврале 1921 года на заседании Мариинского уездного исполкома был поставлен вопрос о заведующем уездным отделом здравоохранения. Работа бывшего начальника Остренко была признана непродуктивной, поэтому на его место назначили врача Мицкевича. Сам Мицкевич не состоял в партии и вообще придерживался нейтральной позиции в политической борьбе, поэтому над ним назначили политкома Хмарина, который должен был направлять деятельность уездного отдела здравоохранения в правильное политическое русло².

Через несколько месяцев губернская контрольная комиссия вдруг выяснила, что Мицкевич «не способен для этой должности». Кроме того, Хмарин уехал в Омск. В результате отдел здравоохранения оказался без руководителя. Бывшему начальнику Остренко пришлось по-прежнему выполнять работу по руководству отделом. В июне 1921 года вопрос о начальнике отдела обсуждался на заседании президиума уездного исполкома. Было решено назначить на должность начальника бывшего политкома этого отдела фельдшера Петрова³.

Не менее сложной кадровая ситуация была в Щегловском уезде. Уезд был образован в период революции и Гражданской войны, никаких медицинских кадров в уезде первоначально вообще не было. Новым властям приходилось нанимать на службу людей неопытных, случайных. Текучесть кадров была большим местом. Кроме того, даже в условиях завершения Гражданской войны сложной оставалась криминогенная обстановка. Летом 1922 года в Щегловске был убит врач Селиванов. Обстоятельства смерти неизвестны. На место Селиванова решили назначить врача Альбанского. Правда, оказалось, что на нем была суди-

мость, поэтому для решения вопроса потребовалось разрешение губернского отдела юстиции⁴.

Еще одной проблемой было финансирование новой системы здравоохранения. Государственных средств, отпускаемых на его нужды, катастрофически не хватало. В декабре 1921 года народный комиссариат здравоохранения объявил, что содержание здравоохранения нужно осуществлять за счет обязательного обложения крестьян. В результате в Кузнецком уезде была введена специальная плата на содержание медицинской части уезда. В Щегловском и Мариинском уездах вообще сложилась платная медицина, когда расходы на лечение оплачивали пациенты. При каждом уездном отделе здравоохранения периодически возникали разные комиссии «по поиску денег» или «изысканию источников финансирования»⁵.

В 1922 году произошла кардинальная реформа санитарного дела в РСФСР. В сентябре был принят декрет «О санитарных органах республики». Этот декрет окончательно оформил структуру санитарных органов. Он предусматривал введение должностей санитарного врача в каждом уезде страны. Кроме того, по общему санитарному надзору планировалось иметь санврача и его помощника на каждые 25 тысяч населения. Были предусмотрены специальные санитарные врачи по надзору за пищевыми продуктами, жилищно-коммунальному надзору и т. д. Сеть санитарных врачей в Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах стала формироваться в 1922 году.

Кадровые и организационные проблемы, нехватка финансирования и материально-технических средств, партийное и идеологическое руководство — вот главные составляющие части начального периода становления советской медицины и санитарного дела в стране. В этом отношении образцово-показательным является доклад заместителя заведующего Кузнецким уездным отделом здравоохранения товарища Котова на уездном съезде председателей и секретарей в январе 1923 года. В этом докладе отразились все проблемы уездного здравоохранения и санитарного дела. Котов начал с того, что противопоставил советскую медицину и медицину старорежимную. Как отметил докладчик, советская медицина является классовой медициной, поэтому она правильная. «Наша медицина, — говорил он, — не медицина больных, она медицина здоровых, она только в интересах здоровых, только ради оздоровления всей организованной в государство рабоче-крестьянской массы, а отнюдь не ради самого больного, она лечит больных и борется с эпидемиями». Советская медицина — это медицина боевых рядов. А старая медицина, по мнению Котова, «пропитана приторным запахом либерально-медикаментозной любви к страждущему человечеству». Потом докладчик обрушился на западное «издыхающее» общество, заявив, что там развиваются болезни

1 Опросный лист и анкета Колтунова, июнь 1920 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 26–28.

2 Протокол № 4 Мариинского уездного исполкома, 21 февраля 1921 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 665. Л. 39.

3 Протокол № 13 президиума Мариинского уездного исполкома, 2 июня 1921 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 665. Л. 96–97.

4 Протоколы № 51 от июля 1922 г. и № 52 от 14 августа 1922 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 896 «А». Л. 229, 231.

5 Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения Кузбасса в 20–30-е годы. Кемерово, 1996. С. 14–15.

у одних людей «от излишества», а у других — «от нищеты и позора». По мнению докладчика, капиталисты способны только «зализывать раны и язвы», а советская медицина — «тыловая медицина, она залечивает раны и язвы прошлого, она лечащая медицина, она подлечивает наши отставшие ряды».

Котов привел статистику, показывающую, что в Кузнецком уезде обращаются за медицинской помощью в год только один человек из десяти. Остальные либо вообще не обращаются за помощью, либо пытаются лечиться у «знахарей». По его подсчетам, 5 человек из 10 заболевших лечатся дома, 4 — у знахарей и только 1 — в медицинских учреждениях уезда. Эти знахари являются самой страшной бедой, так как они берут деньги за лечение, а никакой реальной помощи не оказывают. Лучше бы больные платили деньги советской медицине, что позволило бы ее развивать и укреплять. Товарищ Котов заметил, что переход советской медицины на самоокупаемость — мера вынужденная. По его образному выражению, советской медицине, как «гордому коню», «не хватает корма».

В 1922 году медицинская организация Кузнецкого отдела здравоохранения состояла из трех больниц, трех врачебно-амбулаторных участков, девяти фельдшерских участков. Всего по уезду и городу работали 10 врачей, 17 фельдшеров, 8 акушерок и зубной врач. Всего, включая вспомогательный персонал, 69 человек медицинского персонала. Докладчик выступил за полный переход медицины на самоокупаемость, которая возможна была только в условиях самообложения населения. В качестве примера он привел Терентьевскую волость, где была введена система самообложения населения на медицинские нужды. Если самообложение не будет введено во всех волостях, то, заявил докладчик, в уезде невозможно будет бороться с болезнями. «Посмотрите вокруг, товарищи, — говорил он, — везде мелькают признаки эпидемий: всюду копошатся в тесноте и грязи деревенских лачуг тифы; вот уже оспа грызет свои жертвы <...> малярия, болотная лихорадка, эта свирепая „кумеха“ осваивает себе прочное гнездо среди болот Урско-Бедаревского района, там же бешенство массовым заболеванием неожиданно взметнулось <...> туберкулез глубоко запустил свои щупальца в массы крестьянства и пьет множество жизней <...> девятым валом надвигается на нас холера, ворвись она к нам, она будет ужасна, беспощадна, если не задавить ее вовремя»¹.

В начале 1920-х годов сформировалась новая система санитарно-ветеринарного надзора. При всех скотобойнях были открыты контрольно-санитарные станции. Известно, что в августе 1922 года Мариинский уездный исполком издал приказ № 101, регулирующий деятельность этих станций. Согласно этому приказу, забой скота разрешался только на скотобойнях. Контрольно-санитарные станции должны были заниматься освидетельствованием и клеймением мяса. В тех населенных пунктах, где не было ско-

тобойни, забой производился в специально отведенных местах. Затем мясо отвозили на ближайшую контрольно-санитарную станцию. Только после клеймения его можно было продавать. За клеймение платили «натурой»: три фунта с каждого пуда мяса. Причем оплата принималась только мясом первой категории (с задней части туши). От оплаты освобождались лица, сдающие мясо в счет погашения продналога. В случае обнаружения негодного к употреблению мяса контрольно-санитарная станция не возвращала его владельцу, а уничтожала. В случае обнаружения продажи мяса без клейма товар конфисковывался в пользу государства. Граждане, обнаружившие факт нарушения, получали премию в размере 25% от конфискованного продукта².

Врачебное дело в промышленных районах (копейская медицина). Одновременно с гражданской медициной нового советского типа в Кузбассе стала формироваться специальная медицинская сеть: на угольных и других промышленных предприятиях. Отношение советской власти к промышленности было особое. Считалось, что именно развитие тяжелой отрасли промышленности приведет государство к социализму. Соответственно, пролетариат, работавший на промышленных предприятиях, имел лучшее медицинское обслуживание, чем другие категории населения.

После завершения Гражданской войны в Кузбассе были созданы специальные промышленные районы: Судженский, Кемеровский, Кольчугинский (Ленинск-Кузнецкий), Кузнецкий. При них образованы районные отделы здравоохранения. В июле 1920 года при Сибугле была создана медико-санитарная секция, которая заведовала санитарным состоянием на предприятиях. Руководство секцией было возложено на врача Н. А. Гилевича. Кроме того, в составе Томского губздрави был образован подотдел «копейской медицины» во главе с врачом Кононовым. В декабре 1920 года было проведено совещание треста Сибугля и Томского губздрави. Решался вопрос об организации медицины на предприятиях Кузбасса. По распоряжению Сибревкома, последовавшему в декабре 1921 года, управление промышленной медициной стало осуществляться двумя структурами: Сибуголь, управлявший всеми угольными копиями Западной Сибири, должен был обеспечивать материальную часть медицинского обслуживания рабочих; Сибздрав, находившийся при Сибревкоме, заведовал собственно медициной.

В апреле 1921 года было принято положение о структуре райздравотделов, заведовавших медико-санитарным делом на предприятиях Кузбасса. Каждый райздравотдел включал в себя подотделы: лечебно-госпитальный, санитарно-эпидемиологический, фармацевтический, снабжения, охраны материнства и младенчества и санитарно-просветительской работы. Участок, подведомственный

¹ Доклад Котова на Кузнецком уездном съезде председателей и секретарей, январь 1923 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 66–67 об.

² Приказ № 101 Мариинского уездного исполкома, август 1922 года // ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 896 А. Л. 113.

³ От слова «копи».

райздравотделу, включал в себя территорию предприятия (шахты, завода и т. д.) и прилегающую территорию в радиусе 20 верст со всем населением. Таким образом, часть сельского населения, проживающего вблизи промышленных предприятий, оказалась подведомственна копейской медицине¹.

Такая структура райздравотделом просуществовала недолго. У государства не было средств обеспечить всем необходимым врачебные отделы на промышленных предприятиях: не было медикаментов, не хватало профессиональных кадров, практически отсутствовала материальная база. Изменилась и внутренняя политика советского правительства. Из-за огромных проблем в экономике пришлось переходить к новой экономической политике (НЭП). Эта политика предусматривала самокупаемость предприятий, возвращения некоторых элементов рыночных отношений.

В этот период разгорелись ожесточенные споры по вопросу новой структуры врачебно-санитарного дела в угольных районах Кузбасса. Планировали передать всю медицину в ведение Сибугля. В октябре 1921 года состоялся губернский съезд представителей здравотделов, принято решение о создании врачебно-санитарной части (отдела) треста «Сибуголь» с непосредственным подчинением Сибздравотделу. В ноябре того же года это решение утвердил Сибревком. В Положении о передаче было записано, что Сибуголь должен принять на себя заведование всей медициной на промышленных предприятиях. Медико-санитарный отдел Сибугля должен был подчиняться по врачебной части Сибздраву, а по хозяйственно-материальной части — Сибуглю. В каждом промышленном районе предполагалось учредить санитарную часть во главе с начальником, одновременно являвшимся старшим врачом района. Начальник санчасти района подчинялся начальнику врачебно-санитарного отдела Сибугля и управляющему угольным районом.

После этого началось формирование сети врачебно-санитарных учреждений в угольных районах. В 1922 году Сибуголь был преобразован в Кузбасстрест, затем вновь в Сибуголь. Одновременно с преобразованием врачебно-санитарной части в угольных и промышленных районах началось складывание страховой медицины. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 15 ноября 1921 года «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» на предприятиях Кузбасса были созданы страховые кассы, в которые угольные и промышленные предприятия отчисляли часть средств на медицинские и социальные цели. После того как были сформированы районные страховые кассы, возникло предложение передать всю медико-санитарную часть в ведение этих касс. Однако это предложение, выдвинутое сибирским отделением рабоче-крестьянской инспекции, не было поддержано.

Итак, к 1922 году сложилась система врачебно-санитарного дела в угольных районах Кузбасса. При Сибугле

(Кузбасстресте) существовал врачебно-санитарный отдел. В каждом угольном районе (Кемеровский, Кольчугинский, Анжеро-Судженский, Южно-Кузнецкий) были созданы районные врачебно-санитарные отделы. Такая структура просуществовала до 1925 года.

Именно в угольных районах врачебное дело получило быстрое развитие. Оно связано с именами многих врачей. Начальником врачебно-санитарного отдела Кузбасстреста назначен врач Николай Абрамович Гилевич. Высшее медицинское образование он получил в Германии и в Юрьевском университете, который окончил в 1913 году. После окончания университета работал в одной из больниц Петербурга. В 1914 году мобилизован в качестве врача в одну из частей императорской армии, участвовал в Первой мировой войне. С 1918 года перешел на службу в Красную армию. Заместителем Гилевича и одновременно заведующим санитарно-эпидемиологическим отделом был врач Пётр Павлович Садовский. Он окончил медицинский факультет Томского императорского университета в 1910 году. С 1914 года — военный врач.

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в промышленных районах Кузбасса в это время была просто катастрофической. Скудность населения (промышленных рабочих) была гораздо сильнее, чем в сельской местности. Рабочие и члены их семей заполнили буквально все, мало-мальски пригодное для жизни. Люди жили в бараках, землянках и полужемлянках, вагонах и прямо на заводах и шахтах. В среднем на одну комнату приходилось по 10–15 человек. На предприятиях не было никакой канализации, водоснабжение налажено плохо. В Кемеровском руднике для питья использовали загрязненную воду реки Томи. В Анжеро-Судженском районе для питья использовали вообще шахтные воды. Неудивительно, что заболеваемость заразными болезнями на предприятиях Кузбасса в 1920-х годах была очень высока.

Ситуация осложнялась массовым переселением. После окончания Гражданской войны в Сибирь двинулись массы переселенцев из голодных регионов Европейской России. Часто именно переселенцы и беженцы становились главными разносчиками инфекционных заболеваний. В 1923 году заведующий санэпидотделом Сибздрави врач Грацианов писал: «Антисанитарные условия путей сообщения, загрязнение населенных мест и источников водоснабжения при крайнем недостатке водопроводов и ненормальном состоянии существующих, почти полное отсутствие канализации, скудность населения, загрязнение жилищ — все эти обстоятельства благоприятствуют появлению и распространению заболеваний среди населения»².

Плохо обстояло дело с коммунальным обслуживанием. Например, в Анжеро-Судженском районе было всего 11 общественных бань с пропускной способностью тысяча человек. В то же время число рабочих в районе было более 3 тыс. человек. В Кемеровском районе пропускная способность

¹ Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... 1967. С. 39.

² Цит. по: Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 49.

Газетная заметка «Тиф в Кузбассе» // Советская Сибирь. 1923. № 46

бань была в два раза ниже необходимой. Но самая сложная обстановка сложилась в Кольчугинском районе, где бани могли обеспечивать только 20–25% всего рабочего населения. Все это способствовало распространению инфекционных болезней. По данным из промышленных районов (Анжеро-Судженский, Гурьевский, Кемеровский, Ленинский и Южно-Кузнецкий), в 1922 году было зафиксировано около 7 тыс. случаев заболевания тифом среди рабочих и членов их семей. Если учесть, что общая численность рабочих в этих регионах вместе с семьями составляла примерно 35 тыс. человек, то видно, что 20% рабочего населения болели тифом. Больные были в каждой третьей семье. В начале 1923 года ситуация стала улучшаться. За январь было зафиксировано около 100 случаев заболеваний¹.

Эпидемии, охватившие в первую очередь промышленные районы Кузбасса, вынудили Сибревком пойти на крайние меры. В начале февраля 1922 года во всех угольных районах Кузбасса был объявлен карантин. Посторонним лицам запрещалось приезжать в эти районы. Проведение противоэпидемических мероприятий было затруднено недостатком дезинфекционных средств и плохим материальным обеспечением районных врачебно-санитарных отделов. Число постоянных инфекционных коек в 1922 году в Анжеро-Судженском районе составляло 186, или 8 коек на тысячу человек. В Кемеровском районе было всего 30 коек, в Кольчугинском — 70 коек, в Южно-Кузбасском (Прокопьевский и Киселёвский рудники) — 65 коек. В целом обеспеченность инфекционных больных постоянными койками была на уровне 3–5% от необходимого числа².

Борьба с эпидемиями тифа, холеры и других болезней в угольных и промышленных районах Кузбасса велась теми же средствами, что и в городах и селах. Были созданы временные санитарные и санитарно-эпидемиологические отряды (санлетучки), дезинфекционные отряды. Они проводили дезинфекцию на местах, изоляцию больных, санитарно-просветительскую работу. Были организованы временные эпидгоспитали. Все прибывающие рабо-

чие проходили обязательную санитарную обработку и некоторое время находились на карантине. Приказом Сибздздрав на всех угольных предприятиях Кузбасса введена обязательная, даже принудительная вакцинация. Это было взято под особый контроль Сибздздрова. Вакцину поставляли в Кузбасс вне очереди. В результате к лету 1922 года на промышленных предприятиях прошли вакцинацию около 70% всех рабочих и членов их семей.

Большая работа была проведена по улучшению общей санитарной обстановки. На всех предприятиях учреждены сантройки или санпятайки, которые проводили общесанитарные мероприятия:

организовывали чистку домов, дворов, общественных зданий, заводских помещений. Работой сантровок в Кузбассе руководили врачи К. П. Новицкий (Анжеро-Судженский район), М. В. Никитин (Кемеровский район), Г. А. Бухвостов (Кольчугинский район), Н. А. Соснин и К. П. Оптовцев (Южно-Кузнецкий район)³.

С 1923 года экстренные меры по борьбе с эпидемиями в угольных районах были прекращены. Началась плановая работа в этом направлении и разработка мероприятий по предотвращению болезней. В мае 1923 года начальник врачебно-санитарной части Кузбасстреста Н. А. Гилевич разработал и разослал на места инструкции по организации прививок. Согласно плану прививки проводились в весенне-летний период, практиковались двух- и трехкратные прививки. Прививались преимущественно взрослые рабочие. Для детей прививки считались необязательными. Благодаря прививкам к 1925 году в угольных районах была полностью ликвидирована оспа.

Другие плановые мероприятия были связаны с открытием в угольных районах медицинских противоэпидемических учреждений. К ним относились так называемые холерные бараки или больницы. Был разработан план развертывания сети таких больниц. В Анжерке и Судженке планировалось построить два холерных барака на 15 коек каждый, в Кольчугине — один на 20 коек, в Гурьевске — один на 5 коек, в Прокопьевске — один на 10 коек, в Киселёвске — один на 6 коек. Планировалось также учреждение передвижных санэпидемотрядов с необходимым для них оборудованием. Всего намечалось организовать три таких отряда, по одному для Анжеро-Судженского, Ленинского и Южно-Кузнецкого районов. В состав каждого отряда должны были входить врачи, фельдшера, дезинфекторы и санитары⁴.

В конце 1925 года врачебно-санитарная часть Кузбасстреста была упразднена. В целом она выполнила поставленные задачи. Эпидемии в угольных и промышленных районах были прекращены. Все дела по организации сани-

1 Тиф в Кузбассе // Советская Сибирь. 1923. № 46. 2 марта.

2 Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 54.

3 Там же. С. 60.

4 Там же. С. 81–82.

Окружная больница в Щегловске. 1929 // *Захарова И. В.* Кемерово: город-сад – соцгород – город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово, 2020. С. 31

тарных и противоэпидемиологических мероприятий передавались местным органам власти и созданному отделу здравоохранения Кузнецкого округа.

Медицина в Кузнецком округе (1925–1930). Постановлением ВЦИК от 25 мая 1925 года был образован Сибирский край, разделявшийся на округа. Большая часть современного Кузбасса вошла в Кузнецкий округ, центром которого стал Щегловск¹. В октябре 1925 года было утверждено «Положение о новой организационной структуре здравоохранения». В соответствии с ним образован отдел здравоохранения Сибирского краевого исполнительного комитета (Сибкрайздрав). Он состоял из нескольких подразделов: административного, лечебного, санитарно-эпидемиологического, охраны здоровья и труда, охраны материнства и младенчества, курортного отдела. На местах были созданы окружные отделы здравоохранения. В том же году был образован Кузнецкий окружной отдел здравоохранения. В его структуре были подотделы: административный, санитарно-эпидемический (санитарно-профилактический), охраны материнства и младенчества, фармацевтический, лечебный. Заведующим Кузнецким окрздравотделом был назначен фельдшер Василий Григорьевич Крамаренко. Потом эту должность занимал врач Вебер. Санитарно-профилактическим подотделом заведовал Сапожков. В том же году врачебно-санитарный отдел Кузбасстреста был упразднен, а его функции переданы Кузнецкому окрздравотделу. В каждом вновь образованном районе созданы районные здравотделы при исполкомах райсоветов.

Под особым надзором санитарных органов находился город Щегловск, являвшийся центром Кузнецкого округа. Он обслуживался санитарным врачом, двумя санконтролерами и оспопрививательницей. В ведении санврача был не

только город Щегловск, но и Химзавод, и Кемеровский рудник. Санитарная обстановка в Щегловске на рубеже 1925–1926 годов была крайне сложной. В отчете окружного отдела здравоохранения было сказано, что Щегловск «недавно был деревней, поэтому все требования, предъявляемые санорганизацией, для него совершенно новы. Город Щегловск только что приступает к очистке накопленной ранее грязи». Летом 1926 года произведено обследование городских усадеб, которое выявило, что у 86% домовладельцев на центральных улицах имеются санитарные нарушения. На окраинах города ситуация была лучше, только 46% домовладений нарушали санитарные нормы. Обследование системы питания показало, что имеются грубые нарушения. Так, был выявлен факт продажи кваса, подкрашенного «каменноугольной краской». В детских учреждениях обнаружены сухари с мышинным пометом. В Щегловске наблюдалась скученность населения, в город приехало много рабочих, которые ютились в хибарках. Ужасные бытовые условия заставляли рабочих «бежать из их кошмарной домашней обстановки и искать хотя бы минутного забвения на стороне по пивным притонам». С октября 1925 по сентябрь 1926 года в городе зафиксировано 27 случаев заболевания тифом, 74 — малярией, 4 — оспой, 28 — корью, 75 — скарлатиной, 4 — дифтеритом, 492 — гриппом, 6 — дизентерией, 185 — трахомой, а также десятки случаев так называемых социальных болезней (туберкулез, сифилис, гонорея). Всего острозаразными болезнями переболело за год 1 604 человека. В этих условиях санитарная служба могла только вести наблюдение и фиксировать случаи заболевания. С октября 1925 по сентябрь 1926 года обследовано 1 160 объектов (домов, школ, источников водоснабжения, детских садов и домов и т. д.). Населению прочитано 50 лекций по выявлению и предупреждению острых заразных болезней².

¹ Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса, 1920–2000 гг.: Справочник. Кемерово, 2000. С. 5–6.

² Отдел здравоохранения Кузнецкого окрисполкома в Щегловский горсовет, 1926 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 86. Л. 66–69.

Больница Кемеровского рудника. 1920-е // Усков И. Ю. Первый врач // Красная Горка. Вып. 18. Кемерово, 2017. С. 64

В 1927 году СНК РСФСР принял постановление «О санитарных органах республики», были определены штаты санитарных врачей по общему санитарному надзору. В 1928 году опубликовано постановление СНК РСФСР «О порядке надзора за санитарным состоянием на предприятиях». Таким образом, в эти годы оформилась структура Кузнецкого окрздрава и его санитарно-эпидемиологического подотдела. Он состоял из заведующего подотделом, четырех санитарных врачей по общему надзору, два из них были в Щегловске. В районах, кроме Анжеро-Судженского и Мариинского, санитарных врачей не было. К 1928 году численность санитарных врачей по общему надзору возросла до восьми человек¹.

В начале 1927 года Сибкрайздрав разработал перспективный план развития здравоохранения на 15 лет (три пятилетки). Немало внимания в нем было уделено развитию санитарно-эпидемиологического дела. Проведен полный анализ заболеваемости заразными болезнями за последние несколько лет и сравнение числа заболевших с таким же числом в царской Сибири (на 1913 год). Оказалось, что по всем видам заразных болезней, кроме малярии и гриппа, уровень заболеваемости 1913 года был достигнут в 1925–1926 годах. Выше дореволюционного показателя оставались заболевания по гриппу и малярии, причем они превосходили 1913 год в 2–2,5 раза. Сложной оставалась ситуация со всеми видами тифов. По данным на 1925 и 1926 годы, на 10 тыс. населения болели тифом от 2 до 6 человек. Особенно опасны были тифозные заболевания в Кузбассе, где уровень заболевания был в целом выше, чем в остальной Сибири².

Согласно перспективному плану развития санитарно-эпидемиологического дела, планировалось особое внимание уделить развитию сети санитарных учреждений в Кузнецком округе. К 1941 году планировалось открыть в округе три специализированные лаборатории, три стационарные дезстанции, три дома санитарного просвещения. Численность городским санитарных врачей довести до 22, сельских — до 11, оспопрививательных участков — до 20 (по 10 в городах и сельской местности). Кроме того, планировалось организовать специализированные венерические и трахомные отряды³.

В плане признавалось, что даже увеличение количества санитарных врачей по Сибири и Кузбассу в несколько раз не приведет к выполнению норм, утвержденных правительством. Согласно плану, к 1941 году нормы по санитарным врачам были выполнены по Сибири лишь на 50%. Главным препятствием к выполнению норм было то, что в Сибирь и Кузбасс постоянно двигались переселенцы. С каждым годом их численность вырастала. Они оседали в промышленных районах, преимущественно в Кузбассе. Численность санитарных врачей проектировалась в связи с увеличением общей численности населения Кузбасса в несколько раз. Кстати, переселенцам было уделено особое внимание. Согласно плану, санитарное обслуживание их должно было производиться как во время пути, так и на месте водворения⁴.

В эти же годы Кузнецкий окружком вплотную занялся разработкой специальных правил и положений по санитарному надзору. Большая подготовительная работа Кузнецкого окружного исполнительного комитета по раз-

1 Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 126–127.

2 Генеральный 15-летний план по здравоохранению, 1927 года // ГАК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.

3 Генеральный 15-летний план по здравоохранению, приложение № 5 «Сеть Санэпида», 1927 года // ГАК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 7. Л. 47 об. — 48.

4 Генеральный 15-летний план по здравоохранению, 1927 года // ГАК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–17 об., 21–22 об.

работке санитарных правил завершилась принятием целого пакета обязательных постановлений по санитарным нормам в конце 1927 — начале 1928 года. В частности, были разработаны и приняты обязательные постановления «Об устройстве и содержании бань» (10 сентября 1927 г.); «О санитарном содержании номеров, гостиниц, постоянных дворов, общежитий и т. д.» (10 сентября 1927 г.); «Правила для лиц, занимающихся хлебопекарным промыслом» (10 сентября 1927 г.); «Правила торговцам съестными припасами» (10 сентября 1927 г.); «Санитарные правила о содержании парикмахерских» (10 сентября 1927 г.); «О борьбе с распространением заразных и венерических заболеваний» (9 января 1928 г.); «Об охране источников водоснабжения и санитарном содержании дворов и мест общественного пользования» (27 февраля 1928 г.) и т. д. Все эти постановления и правила предусматривали строгое соблюдение санитарных норм в местах общественного пользования, пунктах питания, торговых заведениях, детских учреждениях. Самое главное, что за нарушение этих правил было предусмотрено административное наказание, выражавшееся в штрафах (от 10 до 100 рублей) или принудительных работах виновных на срок от двух недель до месяца. Наблюдение за выполнением санитарных норм возлагалось на органы санитарного надзора, милицию и сельские советы. Все лица, работающие в пищевой промышленности и торговле продуктами, обязаны были ежемесячно проходить медицинское освидетельствование. Только после получения медицинской справки они могли приступить к работе.

Кроме того, было разработано и принято «Положение о санитарных комиссиях в селениях». Согласно этому положению, при каждом сельсовете нужно было организовать санитарную комиссию. Эта комиссия должна была «содействовать санитарному благоустройству населения; способствовать правильной постановке общественного питания и санитарной охране мест торговли; участвовать в мероприятиях по борьбе с социальными болезнями; оказывать содействие в предупреждении распространения заразных заболеваний; способствовать распространению правильных санитарных знаний среди населения и привитию ему гигиенических навыков; участвовать в мероприятиях по охране материнства и детства» и многое другое. Члены санитарных комиссий имели право входить в любые помещения на своем участке для проверки санитарных норм. Они могли требовать от граждан и должностных лиц выполнения санитарных норм. Все санитарные комиссии создавались и работали под руководством районных санитарных советов. В состав комиссий входили члены сельсовета, врач и представители населения. Санкомиссии должны были создаваться в каждом селении, а в крупных селениях можно было создавать несколько комиссий на определенных участках¹.

В 1928 году проведена проверка санитарного дела в Кузнецком округе. Установлено, что там не хватает необходи-

мого количества санитарно-профилактических учреждений. Специально построенных заразных барачков не было. Денежных средств на развертывание сети санитарных учреждений не хватало. Медико-санитарная сеть в округе была редка, от этого заболеваемость заразными болезнями была выше, чем в других округах Сибири. В округе начато строительство новых промышленных предприятий, численность рабочих быстро росла, а наладить санитарное обслуживание на должном уровне не удавалось².

В марте 1929 года Кузнецкий окружной исполнительный комитет принял постановление «О санитарных мероприятиях». В этом постановлении были упорядочены все ранее принятые санитарные правила, а также разработаны и утверждены некоторые новые: «Правила об открытии и содержании молочных хозяйств», «Правила по устройству и содержанию колбасных заведений», «Правила об устройстве и содержании кожевенных, овчинных и шерстобитных заводов», «Правила о содержании скорняжных и пимокатных мастерских» и т. д. В постановлении утверждена норма ежемесячного медицинского осмотра тех лиц, которые занимались торговлей, работали в банях и парикмахерских, больницах и амбулаториях. За исполнением всех правил должны были следить органы санитарного надзора, милиция и органы местной власти (райисполкомы). Виновные в нарушении утвержденных правил подвергались штрафам или арестам³.

В мае 1929 года было проведено совещание санитарных врачей Кузнецкого округа. Руководил совещанием заведующий окружным санитарно-профилактическим подотделом врач Сапожков. На совещании присутствовали санитарный врач П. Ф. Успенский и доктор Балыков (Кемерово), санврач Постников (Прокопьевск), санврач Архипов (Ленинск), доктор Шмуйлович (Тельбесская площадь), доктор Жданов (Гурьевск). Было рассмотрено несколько вопросов. Про оспопрививание отмечено, что эта работа ведется недостаточно эффективно, не хватает квалифицированных оспопрививателей, штат слишком мал. Также практически в каждом районе Кузнецкого округа в год фиксируется несколько случаев заболевания сыпным тифом. Возникновению болезни способствуют переселенцы-рабочие, которые прибывают в Кузнецкий округ тысячами, селятся в бараках, землянках и даже шалашах. Большинство случаев возникновения сыпного тифа зафиксировано в районе города Кузнецка, так как именно туда двигаются переселенцы для строительства Кузнецкстроя. В целях борьбы с тифом принято решение организовать санитарное обслуживание переселенцев на станции Юрга, в Кузнецке и Щегловске устроить барак-пропускник для прибывающих рабочих, а также построить бани в местах компактного проживания переселенцев. Затем были обсуждены проблемы, с которыми сталкиваются санитарные

2 Зав. Окрздравом Вебер — в Сибкрайздрав, 24 апреля 1929 года // ГАК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 12. Л. 185.

3 Постановление Кузнецкого окрисполкома «О санитарных мероприятиях», 15 марта 1929 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 151. Л. 10–12.

1 Обязательные постановления Кузнецкого окружкома и правила см.: ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 151. Л. 76–80; 97–112; 123–125.

Баня в соцгороде Сталинска. 1936 // Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 410

врачи во время служебной деятельности. Большинство жалоб было на нехватку денежных средств, необходимых для разъездов по подведомственной территории, отсутствие денег на канцелярию и спецодежду, недостаточное количество дезинфекционных средств и дезинфекторов¹.

Своеобразный итог деятельности санитарных служб Кузнецкого округа подведен в мае 1930 года, когда был составлен подробнейший обзор округа под названием «Санитарная характеристика Кузнецкого округа и отдельных населенных пунктов его»². В обзоре было отмечено, что «санитарное состояние населенных пунктов округа — весьма тяжелое, так как налицо нет ни санитарно-технических установок, ни основных элементов коммунального благоустройства и здорового быта». Сообщалось, что улицы в городах не замощены, тротуаров практически нет. Ассенизация организована плохо. В окружном центре (Щегловске) нечистоты убирают не государственные органы, а подрядчики работают неохотно. Никакой системы канализации не существует. Дело с водоснабжением населения состоит неблагоприятно. Водопроводов с очистными сооружениями нет ни в одном населенном пункте. Только в Ленинске был водопровод с английскими очистными фильтрами, но он не отвечал потребностям города. В Щегловске водопровод был небольшой по протяженности, он снабжал только больницу, баню и несколько учреждений по трем главным улицам города. Подавляющее большинство жителей городов использовали воду из рек или колодцев. В обзоре было сказано, что «многократные исследования воды этих ко-

лодцев, произведенные окружной санитарно-гигиенической лабораторией, установили высокую окисляемость воды и содержание в ней азотных соединений, то есть выявили неудовлетворительный состав ее с химической стороны». Самой сложной ситуацией с водоснабжением выделялся Прокопьевск. Здесь вода использовалась из реки Абы, маломощной и грязной. Были вырыты три колодца, анализ воды в них выявил азотные соединения, превышающие допустимые нормы. Неудовлетворительное состояние с водоснабжением было в Сад-городе (Новокузнецк). В обзоре было сказано, что необходимо дополнительное исследование воды и решение вопроса о ее хлорировании и устройстве водопроводов в городах с очистными сооружениями.

Особое внимание было уделено жилищному вопросу. В обзоре отмечалось: «Жилищный вопрос принадлежит в Кузнецком округе к числу самых больших вопросов: год от году жилищный кризис приобретает все большую остроту, так как быстрое и грандиозное развитие промышленности и в связи с этим приток рабочей силы прогрессивно обгоняют рост жилищного строительства». Жилые постройки в городах принадлежали к нескольким типам: бараки из дерева, насыпные бараки, бараки временного характера, так называемые мазанки, землянки и даже шалаши. Средняя жилая площадь на одного человека была недопустимо мала. В Щегловске она составляла 3,1 кв. метра на человека, в Ленинске — 3,4 кв. метра, в Прокопьевске и Саде-городе — 2,7 кв. метра. И только в Гурьевске нормы были выше — 5,2 кв. метра на человека. В некоторых местах (Кузнецкстрое, Прокопьевске, окраинах Щегловска и Новокузнецка) было всего по 1,5 кв. метра на человека жилой площади. Окраины промышленных городов были застроены так называемыми нахаловками, представлявшими собой землянки и шалаши. В них были самые ужасные санитарные условия. В землянках одновременно жили, готовили пищу, стирали и мылись люди. Крыши в них часто протекали, полов не было.

Общественное питание в Кузнецком округе находилось в стадии становления. Столовые обеспечивали питанием большинство рабочих, но находились они в непригодных помещениях. В Щегловске было пять столовых. Пропускная способность — 2 650 человек, вполне хватало. Механизированная столовая имела возможности для расширения пропускной способности, она была построена в специальном помещении. В Белове столовая в здании клуба, пропускная способность ее была мала, обслуживающего персонала не хватало. В Ленинске было шесть столовых с пропускной способностью до 2 570 человек. Планировалось открыть еще три столовые на 1 250 человек.

¹ Протокол санитарного совещания, 25 мая 1929 года // ГАК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 12. Л. 490–491.

² Санитарная характеристика Кузнецкого округа и отдельных населенных пунктов его, 6 мая 1930 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 156. Л. 6–18.

Механизированная прачечная в Сталинске. 1936 // *Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 417*

В Прокопьевске было пять столовых с пропускной способностью 2 850 человек. В Сад-городе столовых вообще не было. На Кузнецкстрое было три столовых с пропускной способностью 3 650 человек, а фактически питались до 6 тысяч человек, что было грубым нарушением. Питание во всех столовых не было высококалорийным: жиров и мяса не доставало, молочных продуктов и овощей вообще не было.

Крайне неудовлетворительные социально-бытовые условия жизни, большая скученность людей в городах являлись причинами возникновения и развития эпидемических болезней. По данным обзора, на 10 тыс. человек населения Кузнецкого округа в 1926–1928 годах приходилось 12–15 случаев заболевания брюшным тифом, 8–54 — дизентерией, 6–23 — скарлатиной, 3–6 — натуральной оспой, 1–2 — паразитарным тифом и 66–83 случая малярии. Правда, замечена была тенденция к снижению заболеваемости. Если обратить внимание на эпидемические заболевания по городам округа, то можно заметить, что самым неблагополучным был Кузнецкстрой. Здесь брюшным тифом болели в два-три раза чаще, чем в остальных населенных пунктах. Дизентерия была настоящим бичом Кузнецкстроя. На 10 тыс. человек приходилось 115 случаев заболевания, это было в 10 раз больше, чем в целом по округу. Малярией болели тоже в 8–10 раз чаще, чем в других населенных пунктах. В Кузнецкстрое на 10 тыс. жителей ежегодно приходилось 650 случаев заболевания малярией.

Не менее сложной оставалась ситуация с санитарным состоянием детских учреждений Кузнецкого округа. В обзоре за 1930 год было отмечено, что «санитарное состояние всех детучреждений оставляет желать много лучшего». Особенно плохие санитарные условия были на площадке Кузнецкстроя. Школа, располагавшаяся здесь, иногда

не отапливалась по несколько дней даже в зимний период. Одновременно в этой школе проживали рабочие и технические служащие. Подвоз угля для отопления часто не производился. В Ленинске в 9-летней школе занятия по физкультуре проводились прямо в рекреационном зале, в результате пыль стояла столбом, дыхание было сильно затруднено. Но самым плохим санитарным состоянием отличался детский приемник в Щегловске. Пол был покрыт толстым слоем грязи, дети жили в приемнике, не снимая верхней одежды, постельное белье было грязным. Завшивленность детей доходила до 50%. Среди них были больные туберкулезом, тифом, скарлатиной¹.

В 1930 году произошло кардинальное изменение в административно-территориальном устройстве Сибири. Постановлением ЦИК и СНК от 23 июля 1930 года были упразднены все округа, в том числе Кузнецкий. Соответственно, все функ-

ции окружных исполнительных комитетов передавались на места в районные и городские советы и их исполкомы. Кузнецкий окружной отдел здравоохранения перестал существовать. С 1930 года санитарные функции оказались в ведении городских и районных отделов здравоохранения. Кроме того, в том же 1930 году Сибирский край был разделен Западно-Сибирский и Восточно-Сибирские края. При Западно-Сибирском крайисполкоме действовал отдел здравоохранения, который выполнял и санитарно-эпидемиологические функции.

Эпидемия тифа в 1930-х годах. С конца 1920-х годов наблюдается значительный рост численности населения Кузбасса. На рубеже 1920–1930-х годов в регион ежегодно прибывали до 100 тыс. человек, которые селились в пригородах, в бараках, землянках, вагонах и даже шалашах. Санитарная обстановка в Кузбассе в начале 1930-х годов сильно осложнялась массовым притоком переселенцев, занятых на строительстве крупных промышленных предприятий (черной и цветной металлургии, шахт и т. д.). Ослабленная санитарная сеть не справлялась с наплывом переселенцев, их осмотром и лечением. Санитарно-бытовые условия прибывающих рабочих были ужасны. Никакие санитарные нормы в местах скопления рабочих не соблюдались².

Все это привело к тому, что в начале 1930-х годов в Кузбассе вспыхнула эпидемия тифа. Она продолжалась почти всю первую половину 1930-х годов. Эпидемия достигла пика в 1932–1933 годах. На каждые 10 тыс. человек в Прокопьевске болели 112, Кемерово — 187, Анжеро-Судженске —

¹ Отчет о состоянии охраны здоровья детей и подростков по Кузнецкому округу за 1930 год // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 156. Л. 32–36.

² Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения... С. 56.

496 человек¹. Ситуация была катастрофической, показатели заболеваемости оказались даже выше эпидемии начала 1920-х годов. Причины распространения болезни были банальны — ужасная антисанитария в местах компактного проживания рабочих и их семей.

Как и в начале 1920-х годов, в Кузбассе были созданы чрезвычайные органы по борьбе с тифом — тройки, наделенные особыми полномочиями. В каждую тройку входили представитель ОГПУ, городского или районного отдела здравоохранения и представитель городского или районного исполкома. В Кемеровском районе (до марта 1932 — Щегловский район) эту тройку возглавлял Яновский, затем Сердюков (лето 1932). Сохранилось несколько протоколов тройки. В марте 1932 года было зафиксировано 56 случаев. Болезнь появилась в совхозе «Горняк» Березовского сельсовета. В протоколе тройки было записано, что ответственный руководитель начальник Кузбассжилстроя товарищ Туманов до сих пор не организовал работу бани и вообще не выполнил ни одного постановления тройки по санитарному надзору. Требовалось немедленно наладить санитарное обслуживание рабочих Кузбассжилстроя, организовать баню, провести хлорирование воды, дезинфекцию помещений. В другом постановлении тройки было сказано, что необходимо провести месячник по очистке города Кемерово, организовать проверку выполнения постановлений тройки о соблюдении санитарных норм в столовых и пунктах питания рабочих. На Кемеровском руднике необходимо было устроить жаровую камеру. Коксохимкомбинату предписано немедленно провести дезинфекцию бани и впредь поддерживать в ней чистоту и порядок. Кроме того, отмечено, что Кузбассжилстрой, Коксохимкомбинат, Энергострой, Механический и химический заводы, Кемрудник, Шахтстрой не выполнили предписаний тройки об увеличении ассенизационных обозов. Руководителям предприятий грозили большие штрафы².

В апреле 1932 года противоэпидемическая тройка Кемеровского района приняла решение о проведении месячника чистоты под лозунгами: «Оздоровление труда и быта», «Снижение заболеваемости», «Борьба за чистоту». Основные объекты, где должны были пройти мероприятия по очистке: территории строительных площадок, размещения бараков, общественные места (столовые, клубы, театры, красные уголки). Было решено на всех объектах создать бригады. Руководителей бригад специально вызвали в горздрав, где был проведен инструктаж³.

Несмотря на все усилия, эпидемия тифа в Кузбассе продолжалась. В марте 1932 года на заседании противоэпидемической тройки при Запсибкрайисполкоме было отмечено, что самыми неблагоприятными в санитарном отношении остаются города Новокузнецк, Прокопьевск

и Новосибирск. План противоэпидемических мероприятий на 1931 год выполнен не был. Главная причина в том, что на местах руководители предприятий и строительных объектов игнорировали санитарные мероприятия. В очередной раз было предписано всем городским и районным исполкомам выполнять все предписания по борьбе с тифом. Строителей прачечных в Новокузнецке, а также строителей изоляционно-пропускных пунктов в Новокузнецке и Ленинске решено было привлечь к ответственности и передать дела в прокуратуру. Экстренные меры необходимо было принять на железных дорогах. Много заболеваний происходило в пути следования. Скученность переселенцев и рабочих в вагонах способствовала распространению болезней. На станции Тайга было решено провести комплексное санитарное обследование, виновных — привлечь к ответственности. В целях борьбы с эпидемией нужно было активизировать общественность, контроль соблюдения санитарных норм возложить не только на врачей и органы местного управления, но и на милицию и общественные организации⁴.

Летом 1932 года западносибирская краевая тройка по борьбе с тифом вновь обратила внимание на ситуацию в Кузбассе. Было отмечено, что заболевания тифом продолжают продолжаться. Краевая тройка приказала провести с 1 по 10 июля во всех городах и районах Кузбасса десятидневник чистоты. Особое внимание необходимо было уделить рабочим помещениям, баракам, столовым и другим объектам общего пользования. Ответственность за проведение мероприятия лежала на местных эпидтройках⁵.

В декабре 1932 года чрезвычайная тройка Кемеровского района решила вторично проверить санитарные учреждения, особенно заразные бараки. Оказалось, что спустя полгода на «Коксострое» и при горбольнице ситуация практически не улучшилась. Ремонт помещения проведен не был, бараки холодные и сырые. Выздоровливающие и тяжелые больные находились в одном помещении. Чрезвычайная тройка в очередной раз предписала немедленно исправить все недостатки в работе заразных бараков. Кроме того, в ОГПУ были вызваны на совещание руководители всех крупных предприятий и строительных организаций, а также санинспектор Харин и представители горздрава⁶. Из документов видно, что и в дальнейшем проверки чрезвычайной тройки выявляли только нарушения, а ситуация в заразных бараках менялась медленно и с большим трудом.

Не лучше обстояли дела с тифом в других районах Кузбасса. В секретной резолюции эпидемической тройки Мариинского райздрава в сентябре 1932 года было заявлено, что район является угрожающим по брюшному тифу и опасным по сыпному тифу. Эпидемическая тройка при-

1 Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения... С. 73

2 Протоколы № 44 и № 45 чрезвычайной тройки по борьбе с тифом, 7 и 31 марта // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 270. Л. 27–28, 35–36.

3 Протокол № 46 чрезвычайной тройки по борьбе с тифом, 14 апреля 1932 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 270. Л. 51–52.

4 Протокол № 2 заседания эпидемической тройки при Запсибкрайисполкоме, 21 марта 1932 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 270. Л. 45–47.

5 Выписка из решения краевой тройки по борьбе с тифом, 27 июня 1932 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 270. Л. 61.

6 Приказ чрезвычайной тройки по борьбе с тифом, 1 декабря 1932 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 270. Л. 113–114.

Поликлиника № 1 в Сталинске (Нижняя колония). 1936 // *Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 422*

Поликлиника № 2 в Сталинске (Верхняя колония). 1936 // *Борин А. Г. Социалистический город Сталинск: от строительной площадки Кузнецкстроя к городу // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 379*

знавала, что в районе до сих пор не налажен точный учет заболеваемости тифом, статистические данные не обрабатываются, полной картины нет. В целях борьбы с тифом было приказано всех заболевавших заразными болезнями немедленно госпитализировать в районную больницу, для чего открыть при ней два отделения: скарлатинное и дифтерийное. В Чумае, Суслове, Малопесчанке и Верх-Чебулах предписано открыть временные изоляторы, с тем чтобы больных из них перевозить в Мариинск. В обязательном порядке провести предохранительные прививки против брюшного тифа в местах его появления (Малопесчанка, Тенгулы, Знаменка, стройплощадка спиртового комбината в Мариинске, Лесозаводе), охватить всех работающих в сфере питания и здравоохранения. Было принято решение вести строгий контроль за водоснабжением города Мариинска, устроить санитарно-диагностическую лабораторию, проверить работу ассенизационного обоза, устроить вошебойку. Кроме того, решено провести переборы общественных санитарных инспекторов, провести районные совещания по вопросам санитарного дела, выделить дополнительные финансовые средства на санитарную обработку помещений¹.

Одним из самых сложных в отношении тифа мест Кузбасса в этот период был знаменитый Кузнецкстрой. Строительство этого гиганта металлургической промышленности началось в 1929 году. Максимальная численность рабочих достигала 200 тыс. человек. Все они размещались в плохо подготовленных бараках, полуземлянках и землянках. Медицинское обслуживание рабочих оставалось на низком уровне. Планы по строительству больницы несколько раз пересматривались. Но даже утвержденный план больницы на 100 коек не удовлетворял потребности строителей. Уже в мае 1929 года на Кузнецкстрое появился сыпной тиф, он был занесен переселенцами. В тот же месяц Кузнецкий окружной здравотдел провел так называемое

санитарное совещание. Было принято решение организовать на станции Юрга, откуда шла железнодорожная ветка в Кузбасс, специальную переселенческую базу, которая должна была заниматься санитарной обработкой переселенцев. На площадке Кузнецкстроя был объявлен карантин, в короткий срок построен инфекционный барак, который обслуживали студенты-медики из Томска².

Текущее состояние кадров санврачей на Кузнецкстрое было выше всяких норм. Санитарное наблюдение на Кузнецкстрое вел по совместительству санврач станции Кузнецк доктор Паханько. В июле 1929 года он был уволен, о чем окружной отдел здравоохранения узнал лишь через несколько дней. Немедленно было дано распоряжение санврачу Прокопьевского рудника Постникову, чтобы он наладил санитарное дело на Кузнецкстрое. Было решено пригласить специального санврача на строительную площадку, но его прибытие задерживалось на месяц. Планировалось, что он прибудет в Кузнецк только в августе 1929 года. Заведующего Окрздравом Вебера уволили в том же месяце. Заведующим санитарно-профилактическим отделом был Сапожков³.

Несмотря на все усилия, ситуация с тифом на Кузнецкстрое не улучшалась. Эпидемия тифа продолжала развиваться. В декабре 1931 года народный комиссариат здравоохранения СССР направил на Кузнецкстрой бригаду врачей для реорганизации работы здравпунктов. В течение нескольких месяцев был проведен учет заболеваемости тифом во всех цехах и строительных объектах Кузнецкстроя. Был создан санитарный актив, в который вошли комсомольцы и коммунисты. Осенью 1931 года при больнице Кузнецкстроя было открыто брюшнотифозное отделение на 70 коек. Заведующей отделением была назначена врач Валентина Александровна Тихонова. В этой должности она проработала до начала Великой Отечественной войны.

¹ Резолюция эпидемической тройки Мариинского района, 21 сентября 1932 года // ГАК. Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–2.

² Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 151.

³ Зав. окрздравом — в Окрисполком, 21 июля 1929 года // ГАК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 285. Л. 37.

Кроме того, большую работу по прекращению эпидемии на Кузнецкстрое осуществлял санитарный врач М. С. Чернявский. Он принимал активное участие в работе чрезвычайной тройки по борьбе с тифом. Под его руководством на стройплощадке было развернуто 650 временных коек для тифозных больных¹.

Своеобразный итог эпидемии тифа и других болезней первой половины 1930-х годов был подведен в «Санитарно-гигиеническом очерке города Кемерово», составленном городской плановой комиссией в 1935 году. В нем отмечено, что инфекционные заболевания в структуре заболеваемости и причин смерти занимают в городе «значительный удельный вес, почти третья часть всех умерших падает на инфекционные заболевания». Главными инфекционными заболеваниями за последние годы были брюшной тиф, дизентерия, туберкулез и малярия.

По брюшному тифу Кемерово оставался неблагополучным городом, хотя за последние несколько лет достигнуто снижение заболеваемости в несколько раз. Так, в 1931 году на 10 тыс. населения в городе зафиксировано 186 случаев заболевания, в 1932 году — 93, в 1933-м — 70, в 1934-м — 23 случая. Положительные результаты достигнуты благодаря «широко проведенным предохранительным прививкам». На эпидситуацию влияло отсутствие коммунального благоустройства. Наибольшая заболеваемость тифом встречалась на улицах, где проживали рабочие и строители (Заводская, Заречная, Шахтстрой, Новая колония, Цинкстрой). В большинстве случаев тиф возникал в «нахаловках» и бараках, а потом распространялся на более благополучные районы.

Даже во второй половине 1930-х годов некоторые районы Кузбасса оставались неблагоприятными по сыпному тифу. Например, в секретном циркуляре Новосибирского облисполкома от 4 декабря 1938 года было сказано, что в текущем году некоторые районы Новосибирской области, в том числе Топкинский, являлись неблагополучными по сыпному тифу. Всем городским и районным исполкомам было предписано строго соблюдать санитарные нормы, обеспечить бесперебойную работу дезокамер, провести обязательную санитарную обработку всех рабочих и их семей, выявлять завшивленность среди школьников и молодежи, обеспечить работу передвижных дезотрядов по селениям районов².

НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ. Сложная эпидемиологическая ситуация, непрекращающиеся болезни, постоянные вспышки тифа и других заразных болезней были спутниками ускоренной индустриализации Кузбасса. Причины возникновения болезней коренились в колоссальном отставании социально-бытового обслуживания населения от темпов экономического и промышленного роста. Численность рабочих росла быстрыми темпами, а строительство

Таблица 81

Смертность населения г. Кемерово от инфекционных заболеваний в 1929–1934 годах

Болезнь	Смертность на 10 тыс. населения				
	1929	1930	1932	1933	1934
Брюшной тиф	1,7	4,5	13,5	9,9	4,2
Дизентерия	0,7	0,6	4	6,2	7,8
Желудочно-кишечные инфекции	57,2	52,5	65,5	66,3	30,6
Малярия	–	–	–	–	0,7
Туберкулез	15,5	14,3	9,7	33,6	39,7
Оспа натуральная	0,2	–	9	0,4	0,7
Корь	16,9	5,3	23,2	18,5	10,4
Скарлатина	3,5	15,1	1,6	0,4	0,7
Дифтерит	3,1	2,8	8,4	5,3	2,9
Грипп	1,6	1,4	3,9	1,7	1,8
Смертность от инфекционных заболеваний, %	21	23,6	27,5	34,7	32,8

Источники: Санитарно-гигиенический очерк города Кемерово, 1936 г. // ГАК. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 6. Л. 52.

жилия — очень медленными. В результате в 1930-х годах наблюдался серьезный дисбаланс между экономикой и социальной сферой Кузбасса. В условиях, когда все ресурсы были брошены на развитие промышленности, а на быт и условия труда никто не обращал внимания, невозможно было остановить возникающие заразные болезни. Санитарные врачи и инспекторы делали все возможное, чтобы остановить болезни, но медицина финансировалась по остаточному принципу, медицинских кадров не хватало. Несмотря на все усилия врачей, инспекторов, сознательной части государственных служащих, болезни в Кузбассе не прекращались в течение всех 1930-х годов. К сожалению, медицинские учреждения Кузбасса не избежали репрессий, прокатившихся по всей стране в этот период. Власти не признавали объективные причины возникновения эпидемий, виновных стали искать среди санитарных и медицинских работников.

В ноябре 1935 года несколько врачей Сталинского городского отдела здравоохранения были обвинены в скрытии социального происхождения, связях с контрреволюционерами, плохом выполнении своих должностных обязанностей. Среди невинно пострадавших в этом году были врач Иван Яковлевич Сергеев, заведующий кожно-венерическим отделением больницы Николай Васильевич Ермаков, врач Александра Ивановна Линецкая, главный врач больницы Иосиф Венедиктович Радович (Радович), завхоз больницы Андрей Иванович Ляпушков³.

¹ Подробнее о санитарном обслуживании Кузнецкстроя см.: Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 148–171.

² Секретный циркуляр Новосибирского облисполкома, 4 декабря 1938 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 1177. Л. 72.

³ Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 416.

Здание Сталинского городского отдела здравоохранения. 1930-е // Первая городская. Годы испытаний. 70-летию Великой победы посвящается / сост. Л. И. Фойгт. Новокузнецк, 2015. С. 13

В 1937 году в Сталинском (Новокузнецком) отделе здравоохранения обнаружили целую «вредительскую группу», которой поставили в вину рост заболеваемости в городе и распространение эпидемий. Были исключены из партии заведующий городским отделом здравоохранения врач Генрих Эдуардович Вейль. Его обвинили в хранении контрреволюционной литературы (сочинения Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева), а также в том, что он не мог по-большевистски руководить здравоохранением, отчего в городе наблюдался рост заболевания заразными болезнями. Потом к этим обвинениям добавились обвинения в том, что Вейль «протаскивал контрреволюционный троцкизм на занятия кружка по изучению истории партии». Якобы он на этих обязательных занятиях «восхвалял бандита Троцкого», что вызвало возмущение слушателей, которые и донесли на него. Вейль был исключен из партии в июне 1937 года. Вместе с ним были исключены или получили выговоры председатель городского профсоюза медработников врач Эдуард Александрович Якубович, заведующая отделом охраны материнства и младенчества Сталинского горздравотдела Агния Васильевна Крутилина, заведующий аптекой горздрава Борис Васильевич Елькин, врач Цирра Соломоновна Журакова (как жена врага народа)¹.

В октябре 1937 года «чуждые классовые элементы» были выявлены в санитарной лаборатории Сталинского горздравотдела. Простая лаборантка этой лаборатории Екатерина Александровна Зубакова (1900 г. р.) была обвинена в «связях с контрреволюционной группой». Муж Зубаковой был связан с «врагами народа», а она, зная это, всячески прикрывала его и «сама вместе с ним вступила в связь с врагами народа». Решением парторганизации Зубакова была исключена из рядов ВКП(б). В феврале 1938 года в той же лаборатории как враг народа была «разоблачена» врач-лаборант Юлия Васильевна Радович (Родович). Обвинения были похожи: Радович жила со своим мужем, «врагом народа», знала о его связях с родственниками, живущими за границей, но ничего не предпринимала. Ее тоже исключи-

ли из рядов партии. Под подозрение пал также химик этой лаборатории Зарацкий, который якобы во время работы занимался контрреволюционной агитацией и давал неверные заключения на продукты питания, например, решил завезти в села негодную партию селедки².

На посту заведующего Сталинским горздравом Вейль сменил врач Михаил Павлович Дегтярёв. В ноябре 1937 года Дегтярёв обвинен в тесной связи с «врагами народа». Работая в Барнауле, он якобы окружил себя классово чуждыми элементами, контрреволюционерами, троцкистами, бывшими белыми офицерами. На новом месте в Сталинске он действовал так же, проводил вредительскую работу в горздраве, устраивал на различные должности «врагов народа», оказывал финансовую поддержку контрреволюционерам. Более того, некоторые указывали на то, что сам Дегтярёв не только служил в армии Колчака, но и происходил из богатой купеческой фамилии, а его жена была дочерью крупного торговца. Дегтярёва исключили из партии и сняли с должности³.

Осенью 1937 года в городе Кемерово были разоблачены несколько врачей, ведущих подрывную деятельность. В частности, в сентябре из партии была исключена врач Рудничной больницы Вера Николаевна Ценкерт. Ее обвинили в связях с «врагами народа», в том числе и со своим мужем. Врач горбольницы Раиса Ильинична Крельштерн была обвинена в подрывной деятельности, связи с «врагами народа», потере бдительности, пособничестве контрреволюционерам⁴.

В том же 1937 году была «разоблачена» «вражеская группа» в аппарате Ленинск-Кузнецкого отдела здравоохранения. Она состояла из врачей Тартаковского, Садчикова, Тонконогова и санитарного врача Ефимова. Якобы возглавлял группу заведующий отделом здравоохранения врач Николай Иванович Турчин. Ленинск-кузнецких врачей обвинили во «вражеских методах работы», отчего здравоохранение в городе было разрушено, а болезни стали еще больше распространяться среди населения. В том же Ленинск-Кузнецке выявлен и другой враг народа — санитарный врач Н. И. Харин. Его обвинили в развале санитарного дела, распространении эпидемий⁵.

В Прокопьевске был репрессирован заведующий городским отделом здравоохранения врач В. Г. Крамаренко. В городе он выполнял также функции санитарного врача, был одним из активных строителей советской медицины в Кузбассе. Кроме того, был репрессирован санитарный врач Залесский. Оба были реабилитированы посмертно в 1956 году⁶.

Сложная ситуация оставалась и в 1938 году. Поиски врагов народа продолжались. В мае 1938 года с отчетным докладом на 4-й партконференции в Сталинске выступил

2 Там же. С. 452, 473, 506.

3 Там же. С. 454, 505–506.

4 Там же. С. 282–283, 293.

5 Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения... С. 158–159.

6 Сычёва В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса... С. 243.

1 Там же. С. 442–444, 450.

Аксёнов. Он указал на то, что вредительства в сфере производства, обслуживания, образования и здравоохранения продолжают, в частности отметил, что эпидемия брюшного тифа, вспыхнувшая в Осиновке недалеко от Сталинска, была спланирована специально. Враги народа будто бы умышленно распространяли болезнь, их необходимо выявить и наказать. Из донесений старшего лейтенанта госбезопасности Ровинского видно, что эпидемия, охватившая в 1937 году несколько десятков человек, в том числе детей, возникла из-за того, что в реку попали стоки из заразной больницы. Ровинский обвинил в этом строителей, которые не достроили больницу, аппаратура в ней замерзла, фильтры вышли из строя, и неочищенная вода попала в реку¹.

В секретном циркуляре Главного управления столовых народного комиссариата торговли от 8 июля 1938 года говорилось, что еще «не все враги разоблачены и выкорчеваны из системы общественного питания», что чем больше успехи в социалистическом строительстве, тем озлобленней становится враг. Вражеские элементы, согласно циркуляру, пролезли в руководство фабрик и заводов, столовых и трестов, травят лучших стахановцев и передовиков производства. Необходимо проверять чистоту кадров в столовых, чтобы не допустить распространения болезней и эпидемий. Главное внимание нужно сосредоточить на санитарном состоянии мест общественного питания².

Становление советской системы здравоохранения проходило в очень сложных условиях. После окончания Гражданской войны во всей стране, в том числе в Кузбассе, бушевали инфекционные заболевания. Особенно опасными были холера и тиф. Нехватка квалифицированных врачей, неграмотность населения, отсутствие лекарств долгое время не позволяли победить болезни. Характерной особенностью советской медицины в Кузбассе было ее разделение по социальному принципу. В 1920-е годы сформировались сразу два типа медицины: общегражданская, предназначенная для всех жителей, и так называемая копейская, обслуживающая рабочих промышленных предприятий, прежде всего шахтеров. Только в 1930-х годах они фактически слились в единое целое. Несмотря на все трудности, советская медицина по мере своих сил и возможностей боролась с инфекционными и другими болезнями. К концу 1930-х годов в Кузбассе была построена сеть лечебных учреждений, улучшилось снабжение лекарствами, повысилась квалификация медицинского персонала.

¹ Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск... С. 440, 460.

² Секретный циркуляр главного управления столовых наркомата торговли, 8 июля 1938 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 1177. Л. 18–18 об.

§ 4. Краеведческое движение и музейное строительство в Кузбассе в 1920-х — начале 1940-х годов

Первое десятилетие советской власти знаменуется зарождением массового краеведения. Это явление рассматривается исследователями как проявление творческой активности масс, а процесс познания края — средством овладения культурным наследием прошлого¹.

Краеведческое движение характеризовалось наличием организованной структуры, информационным и программно-методическим обеспечением деятельности низовых краеведческих организаций и отдельных краеведов-любителей, координацией их работы посредством проведения съездов и конференций, непосредственной связью проводимых исследований с потребностями исторического момента (краестроительство)².

Составной частью культурной политики молодого Советского государства стало создание законодательной базы и управленческой структуры в области сохранения историко-культурного наследия. В Томской губернии с этой целью в январе 1920 года в составе отдела народного просвещения Губревкома создается секция охраны памятников искусства и старины, преобразованная в августе этого же года в подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины. На базе подотдела 1 июля 1921 года был организован Томский губернский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Губмузей). На этот орган управления возлагались организация деятельности музеев в губернии; охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и природы, регистрация и взятие на учет; производство археологических раскопок. Деятельность Губмузея распространялась и на Кузбасс, южную периферию Томской губернии (Мариинский, Кузнецкий и Щегловский уезды).

Летом 1920 года сотрудники уездных отделов народного образования были ознакомлены с характером работы секции и проинструктированы по вопросам охраны историко-культурных памятников. В связи с активизацией деятельности бугровщиков³ особое внимание со стороны

губернских властей уделялось охране археологических памятников. Среди принятых мер — постановление губревкома № 246 «Об охране памятников искусства и старины» (опубликовано 12 августа), согласно которому запрещались самовольные археологические раскопки; выступления с докладами на конференциях представителей района о значении памятников археологии; инспекторские проверки. Губмузей уведомлял органы местной власти о недопустимости грабежа археологических памятников, ссылался на действующее законодательство в этой области. Сохранилось несколько уведомлений о предотвращении самовольных раскопок на территории Кузбасса, адресованных весной 1925 года Ижморскому, Ленинскому и Прокопьевскому РИКа⁴.

Сотрудники Губмузея с целью комплектования фондов краевого музея активно совершали археолого-этнографические обследования в регионе. Так, с 7 по 20 августа 1920 года И. М. Мягков на лошадях обследовал берег реки Томи от Щегловска до станции Литвиновой, а в сентябре посетил Мариинский уезд; в 1923 и 1924 годах осуществлял археологические наблюдения и этнографические сборы З. С. Гайсин; в 1925–1927 годах этнографический материал в Горной Шории собирал директор этнолого-археологического музея Томского университета А. К. Иванов.

Активная просветительная позиция Губмузея выражалась в том числе в привлечении к сотрудничеству частных лиц, неравнодушных к судьбе исторических раритетов. 15 декабря 1922 года в губернской газете «Красное знамя» было опубликовано письмо из Кузнецка, в котором сообщалось о разрушении местных достопримечательностей: остатков крепости и домика Достоевского. Фактически автор письма, известный журналист и писатель Анд. Кручина (А. Н. Огурцов) впервые (в послереволюционный период) поставил вопрос о сохранении двух наиболее значимых для горожан памятников историко-культурного наследия (к этому времени бывший фортификационный объект перешел в разряд бесхозных). В одной из заметок А. Кручина

1 Юрченков В. А. Региональная историография: российский опыт // Регионоведение. 1993. № 1. С. 96–106.

2 Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири (с XIX в. до 1930-х гг.). Кемерово, 2001. С. 74–75.

3 Кладоскатели; те, кто раскапывает «бугры» — курганы.

4 Сеньюкова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919–1924 гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 140–142.

Картина В. Д. Вучичевича-Сибирского «Тайга». 1910-е // Кузбасский государственный краеведческий музей

Г. С. Блынский (слева) и Д. Т. Ярославцев (справа). Фотоколлаж. 7 ноября 1927 // Новокузнецкий краеведческий музей. КП № 505

особо отметил: «Охраной памятников старины здесь вообще не интересуются»¹.

С целью обследования культурно-просветительных учреждений, сбора материалов об имеющихся памятниках старины и сведений о наличии на местах музеев с 15 июля по 15 августа 1923 года в Кузнецкий и Щегловский уезды совершил поездку председатель Губмузея З. С. Гайсин. Выявленное им плачевное состояние объектов историко-культурного наследия (крепость, церкви, домик Ф. М. Достоевского в Кузнецке; коллекция картин художника В. Д. Вучичевича в Щегловске; курганы вблизи Кольчугинского рудника) подвигло к принятию административных решений по их спасению. В конце 1923 года губисполком обязал уездные исполкомы взять на учет памятники старины и принять все меры к охране их от расхищения и всевозможных изменений².

Но только по прошествии более полугода Кузнецкий уисполком издал обязательное постановление об охране находящихся в городе объектов³.

Одной из задач поездки З. С. Гайсина было установление связи с местными музеями. Музейное строительство в Кузбассе в начале 1920-х годов было обусловлено, по мнению исследователей, субъективными факторами: желанием энтузиастов и амбициями местной номенклатуры⁴. В 1922 году музей действовал в Мариинске. В отчете З. С. Гайсин отмечает, что в Щегловске создана специальная комиссия для организации музея, но экспонатов, кроме картин В. Д. Вучичевича, не имеется; на Кольчугинском руднике лиц, знакомых с музейным делом, нет, хотя интересуются вопросом многие; музей отсутствует, а ископаемые породы камней и кости животных попадают в частные руки; на Прокопьевском руднике собраны коллекции ка-

менного угля, магнетита и других пород камней, которые хранятся при библиотеке; в Кузнецке — при школе II ступени — музей и библиотека, «в сложенном виде ввиду ремонта помещения».

Музей на Прокопьевском руднике стал действующим в 1924 году, об этом свидетельствует обращение его руководителя М. А. Большакова в Губмузей с просьбой помочь инструкциями по налаживанию работы. Из бюджета Губмузея в это время финансировались музеи в Кузнецке и Мариинске.

Отмечен в отчете Гайсина и частный музей в Кузнецке «часового мастера» Ярославцева. С его фондами инспектору познакомиться не удалось, так как они к моменту его прибытия в город (2 августа) были отправлены в Москву на Всероссийскую выставку. Зато застал экспозицию музея Д. Т. Ярославцева и охарактеризовал ее в своей корреспонденции побывавший летом 1923 года в Кузнецке А. Кручина.

Имя Дмитрия Тимофеевича Ярославцева (1869–1926/27) олицетворяет рождение кузбасского краеведческого сообщества (в дореволюционном Кузнецке краеведческие общества отсутствовали). Уроженец Златоуста, слесарь-кустарь Ярославцев в конце XIX века прибыл в Кузнецк и увлекся историей ставшего для него родным Кузнецкого края. Он собирал палеонтологический, геологический, этнографический материал в экспедициях и походах по Горной Шории. В начале 1920-х годов собранную коллекцию Дмитрий Тимофеевич открыл в своем доме для публичного просмотра (ул. Картасская, 34). В 1922 году его музей был зарегистрирован Кузнецким районо. Путевым очерком «По Горной Шории» (поездка состоялась в мае — июне 1923) Ярославцев внес весомый вклад в этнографию и фольклористику шорцев. Среди его знакомых — маститые журналисты и писатели — А. Кручина, В. Зазубрин, М. Кравков, которые в томских и новосибирских органах печати излагали со слов краеведа пространственные экскурсы из истории Кузнецка (роговщина, пребывание Ф. М. Достоевского в городе и т. д.). В марте 1926 года Д. Т. Ярослав-

1 Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке // Советская Сибирь. 1923. № 168.

2 Сеникова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия... С. 126–127, 136–140.

3 Красное знамя. 1924. № 202. 4 сентября.

4 Сеникова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия... С. 131.

Дом Д. Т. Ярославцева по Картасской улице, где располагалась его музейная коллекция. 1950-е // Новокузнецкий краеведческий музей. КП № 6909

Дом Г. С. Блынского, где с 1927 по 1933 год располагался Кузнецкий краеведческий музей // Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

цев был единственным, кто представлял Кузбасс на Первом сибирском съезде писателей в Новосибирске¹.

В Мариинске в конце 1922 года уездным отделом народного образования было объявлено об учреждении Общества изучения Мариинского уезда Томской губернии, перед которым ставились задачи: 1) изучать природу и быт населения уезда, 2) управлять музеем и библиотекой-читальней уполитпросвета и 3) оказывать содействие учреждениям, организациям и отдельным лицам, изучающим Мариинский уезд². К сожалению, сведения о деятельности Общества в известных нам источниках не выявлены, возможно, оно так и не сформировалось. По причине административного переустройства Томской губернии в 1925 году, когда реформирование аппарата управления приводило к ликвидации структурных учреждений, в Мариинске был закрыт местный музей.

В 1925 году территория Кузбасса впервые получает административно-территориальное обособление в рамках Кузнецкого округа Сибирского края (Анжеро-Судженские копи вошли в состав Томского округа). Государственный подход по созданию многоотраслевого индустриального комплекса в восточных районах (план ГОЭЛРО) способствовал появлению новой административно-территориальной единицы. В практическом плане был поставлен вопрос о кооперации уральских железных руд и кузнецкого угля в едином производственном цикле (Урало-Кузнецкая проблема). Об огромных потенциальных возможностях развития угольной промышленности в регионе не раз сообщалось на страницах губернской газеты «Красное

знамя»: «О богатствах Кузнецкого бассейна» (1920. № 286), «Кузбасс» (1921. № 254), «Гордость Сибири. Кузбасс» (1922. № 238).

Обретение территорией Кузнецкой котловины административных границ значительно ускорило организационное оформление здесь локального сообщества краеведов, так как появился сам объект изучения — родной край. Причем восстановление народного хозяйства страны (разрешение топливного кризиса) и разработка курса на индустриализацию закрепляла наименование территории по ее производственной специализации — Кузбасс (сокращенная форма термина Кузнецкий бассейн).

Верным помощником и сподвижником Д. Т. Ярославцева был Г. С. Блынский (1889–1953) — служащий «Кузбассугля» (руководил лесозаготовками для шахт). После смерти своего товарища Георгий Степанович перевез экспонаты к себе в усадьбу и поставил задачу создания настоящего городского музея. К осени 1927 года экспозиция, состоящая из четырех отделов — геологического, зоологического, археологического и этнографического (около тысячи экспонатов) — с помощью друзей-единомышленников была полностью оформлена. 7 ноября, в юбилейную годовщину Октябрьской революции, Георгий Степанович передал свой дом-музей (ул. Достоевского, 1, ныне не сохранился) в дар городу. Так возник Кузнецкий краеведческий музей имени Десятилетия Октября, который принято считать первым из открывшихся в Кузбассе музеев.

В этом же году была предпринята попытка организовать музей и в административном центре Кузнецкого округа — Щегловске, при этом инициатива исходила от местных властей. 27 сентября на совещании окружного отдела народного образования для создания музея местного края формируется комиссия из представителей: окроно (Филимонов), редакции газеты «Кузбасс» (Плотников)

¹ Лизогуб П. П. Они были первыми // Кузнецкий рабочий. 2007. 25 окт.; Сущенко Е. М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. Новокузнецк, 1998. С. 3–4; Тогулев В. Возвращение из забвения // Литературный Кузбасс. 1997–1998. № 1–2. С. 148–151.

² ГАК. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–17.

и окружного совета профсоюзов¹. Однако без привлечения широкой общественности поставленная задача оказалась невыполнимой.

В ноябре 1928 года по инициативе окроно и представителей городской интеллигенции создается комиссия по организации Кузнецкого окружного краеведческого общества. За короткий срок в организацию были привлечены 40 человек, что позволило 4 декабря провести общее собрание и избрать правление общества (председатель И. Миклич, секретарь С. Ф. Иванов)². Вскоре выяснилось, что окружной административный отдел прекратил регистрацию общественных организаций «до издания всеобщего закона». Это вызвало обращение Кузнецкого окружного краеведческого общества к правлению Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС, Новосибирск) с просьбой войти в него на правах отделения (ОИС предложило вступить в ассоциацию в письме от 24 января). Организационно это было оформлено на общем собрании общества 17 мая 1929 года³. Председателем Щегловского отделения ОИС избран землемер бывшего губзу Евгений Владимирович Богословский, известный агроном и садовод (в 1923 году заложил на своем приусадебном участке первый в Щегловске плодовый сад). Его отец Владимир Николаевич (избран в члены бюро отделения) до революции был землевладельцем в Константиноградском уезде Полтавской губернии, применял передовые методы земледелия, занимался метеорологическими наблюдениями. Членами бюро отделения были также избраны П. Ф. Успенский, В. И. Скок, кандидатами — С. Ф. Иванов, А. И. Кожакин, секретарем отделения — С. К. Кумашинская, казначеем — Н. П. Фёдоров. В состав общества входили 35 учителей, 19 инженеров, 10 агрономов, 18 служащих, 24 медика, 75 учащихся школ, а также 39 «индивидуальных корреспондентов» из районов⁴.

Основными направлениями деятельности краеведческого общества были всестороннее изучение своего края, пропаганда знаний о нем среди населения и создание окружного музея. Для достижения поставленных задач была установлена связь с научно-исследовательскими учреждениями Москвы и Ленинграда; при содействии окрисполкома сделаны предложения хозорганизациям войти в общество на правах юридических членов; разработаны программы-инструкции для местных краеведов по сбору материалов для описания района, селений городского типа и др. Главным в работе общества оставался сбор экспонатов для музея, при этом преимущественное внимание

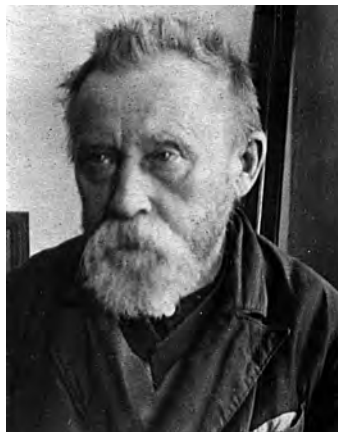
при создании экспозиции уделялось промышленному развитию края. Такой подход был предписан правлением ОИС, которое при анализе плана работы общества на 1929 год рекомендовало уделить больше внимания Урало-Кузнецкой проблеме. Изучение природных богатств Кузбасса декларируется одним из важнейших направлений в исследовательской работе ОИС. Производственный уклон стал неотъемлемой особенностью краеведения в регионе, экспедиционная деятельность строилась преимущественно на материальной помощи хозяйственных органов и учреждений и отвечала их интересам.

Краеведческий музей открылся 6 октября 1929 года во Дворце труда. Посетители могли ознакомиться с экспозициями геологического, производственного, антирелигиозного, сельскохозяйственного отделов⁵. Первым заведующим музеем стала С. К. Кумашинская, однако уже 2 ноября она перешла на работу в индустриальный техникум, а на свое место рекомендовала специалиста-археолога С. Ф. Иванова.

С именем Семёна Фёдоровича Иванова (1869–1953) связано становление Кемеровского краеведческого музея. Выпускник химико-технического отделения Томского Алексеевского реального училища С. Ф. Иванова

до революции работал дорожным мастером, участвовал в строительстве Среднесибирского участка Транссибирской железной дороги, с 1909 года служил в торговых учреждениях Томска. В Иркутске (1901–1905) вступил в Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. Увлекался коллекционированием монет, предметов старины, при этом свои коллекции жертвовал разным сибирским музеям. В 1927 году С. Ф. Иванов переехал с семьей в Щегловск и стал одним из активнейших участников краеведческого движения в городе, проявив себя прекрасным специалистом уже на новом поприще⁶.

Немаловажной задачей, стоящей перед окружным краеведческим обществом, было придание ему характера массового движения, вовлечение в орбиту своей деятельности широких кругов населения. В апреле 1929 года в письме в Правление ОИС И. Миклич пишет об организации отделений в Ленинске-Кузнецком, Топках, на Гурьевском заводе⁷. Наличие отделений общества в указанных населенных пунктах отмечается в историографии, но представляется, что они ничего не делали. По крайней мере, в июле 1930 года Е. В. Богословский в докладе на заседании окружного съезда ОИС констатировал: «Нам надо создать ячейки

Семён Фёдорович Иванов.
1936 // Кемеровский областной краеведческий музей. ОФ № 19789

1 Кузбасс. 1927. 16 октября.

2 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 6. Л. 112; Кузбасс. 1928. 25 ноября, 28 декабря.

3 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 6. Л. 240, 275, 289–289 об.

4 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 10, 113, 289 об.

5 Кузбасс. 1929. 6 октября.

6 Баронская О. Н. История одного музейного предмета // Разыскания. Кемерово. 1999. Вып. 5. С. 23–28.

7 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 6. Л. 275.

в Кузнецке, Прокопьевске, Ленинске и других местах и на месте пополнить наши ряды»¹.

Практически в то же время, что в Щегловске, краеведческое движение организовалось в форме общества и в Кузнецке. 11 февраля 1929 года при музее было создано Общество изучения Кузнецкого края, которое ставило перед собой широкие задачи научного исследования края, всестороннего содействия краеведческому музею, научно-популяризаторской работы в области краеведения среди населения и идейного объединения работников краеведения. На организационном собрании присутствовали Г. С. Блынский, Р. М. Борисенко, Н. П. Кайдалов, К. А. Кобелев, А. И. Пахомов, А. Ф. Чудинов, Ф. А. Николаев, И. А. Козмин, П. Г. Зенков (учитель), Т. Е. Тайдонова². Секретарем Общества был избран Н. П. Кайдалов, в конце 1929 года сменивший Блынского (в силу занятости последнего на основной работе) на месте заведующего музеем. Николай Порфирьевич имел большой жизненный опыт (служба в начале XX в. приставом в Томске, участие в действующей армии во время Русско-японской войны, работа в охотоведческих организациях в советское время), в 1927 году был привлечен Блынским для изготовления чучел в экспозицию музея. При Кайдалове, заведовавшем музеем до октября 1932 года, оставаясь единственным в штате сотрудником, подлинной жемчужиной экспозиции становится коллекция чучел животных, благодаря которой Кузнецкий музей характеризовался современниками как «единственный в своем роде среди музеев Сибири»³.

3–4 июля 1930 года в Щегловске прошло заседание I окружного съезда Кузнецкого (так в протоколе) отделения ОИС. На нем деятельность краеведческого общества получила резкую критику за «оторванность от широкой общественности», замкнутость; констатировались отсутствие ячеек на местах, малочисленность актива (35–45 человек), что привело к слабой проделанной работе по сравнению с заданиями, которые ставило развитие промышленности Кузбасса (Урало-Кузнецкая проблема). В очередной раз была поставлена задача вовлечения масс в работу общества. В докладе Е. В. Богословского подведены итоги проделанной работы (оборудование метеорологической станции, организация музея, собирание сведений для геологоразведочных организаций) и обозначены трудности: нежелание хозорганизаций (за исключением «Сибторга» и Геологоразведочной партии) сотрудничать с обществом, отсутствие откликов на доклады об идеях общества, прозвучавших на общих собраниях рабочих, комсомольских, культконференциях⁴.

В целом в деятельности общества был уклон в сторону музейного строительства, что отмечалось на заседа-

нии бюро отделения 6 декабря 1930 года: «Работа общества в данное время пока ограничивается только музеем, пополнением его экспонатами, проведением их в порядок». Между тем смета общества на 1930/31 бюджетный год (20 119,4 руб.) предусматривала расходы на содержание окружного музея в Щегловске, районных музеев в Кузнецке, Прокопьевске и Гурьевске (следовательно, предполагалось создание двух последних), научно-исследовательскую работу, организацию экспедиций, реставрацию Кузнецкой крепости. Однако многим планам не суждено было сбыться. В 1931 году общество подготовило одного работника на курсах коллекторов; смонтировало шорскую лекцию, доставленную А. И. Ивановым; организовало экспедицию С. К. Кумашинской на поиски кварцевых песков в районе станции Юрга; совместно с «Кузбасстроем» участвовало в обследовании торфяников. Бесперебойно функционировал музей, в то же время работа метеорологической станции по причине изъятия zdravotделом и отделом труда своих инструментов была сведена на нет; от разных организаций поступило лишь 5 513 рублей, израсходовано 5 140 рублей⁵.

Проходившая в марте 1930 года IV Всероссийская конференция по краеведению явилась переломным моментом в развитии краеведческого движения. Конференция приняла решение о ликвидации всех старых краеведческих обществ и создании системы новых организаций в форме областных и районных бюро краеведения и краеведческих ячеек, которые должны были стать основным звеном. Была поставлена задача превращения советского краеведения в широкое массовое движение. Законодательно это решение было закреплено постановлением СНК РСФСР от 30 марта 1931 года «О мероприятиях по развертыванию краеведческого движения».

В развитие постановления СНК РСФСР было издано постановление Западно-Сибирского крайисполкома № 447 от 12 апреля 1931 года. Общество изучения Сибири ликвидировалось. 8 октября 1931 года состоялось последнее заседание общего собрания Щегловского отделения ОИС, на котором принято постановление о его ликвидации и передаче дел и имущества организуемому Бюро краеведения⁶.

В 1932 году деятельность краеведческих организаций в Западно-Сибирском крае перестраивалась. На территории Кузбасса организовались несколько районных бюро краеведения (табл. 58).

Однако выезд инструкторов Западно-Сибирского бюро краеведения (ЗСБК) вскрыл слабое развитие на местах краеведческой работы:

«Сталинск. Не ведя никакой практической работы, РБК строило прожекторские планы, вроде одновременной организации 50 ячеек, экспедиций со сметой в 50 тыс. руб.

1 ГАК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

2 Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ). НФ-Д. Оп. 1. Р. 10. П. 1.

3 Кушникова М. М. Новые архивные находки по истории НКМ // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. Новокузнецк, 1998. С. 44–48; Лизогуб П. П. Проверка на прочность // Кузнецкий рабочий. 2007. 3 ноября.

4 ГАК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–11.

5 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–20 об., 24; Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири... С. 203–204.

6 Китова Л. Ю., Ананьина Н. А. Из истории Кузнецкого краеведческого общества // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: тез. регион. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С. 100.

Таблица 82

Районные бюро краеведения Западносибирского края в 1932 году

Организация	Год создания	Кол-во членов	Из них рабочие	Колхозники	Единоличники	Служащие	Учащиеся	Члены ВКП(б)	Члены ВЛКСМ	Беспартийные
Кемеровское РБК (ячеек нет)	1932	14	1	-	-	13	-	5	1	8
Сталинское РБК Состав ячеек	1932	13 112	- 50	- -	- -	13 37	- 25	5 25	1 34	7 53
Прокопьевское РБК Ячейка при ФЭС	1925 1932	6 -	- -	- -	- -	6 -	- 25	1	-	5
Беловское РБК	1931	Сведений нет								
Ленинское РБК	1932	Сведений нет								
Горно-Шорское РБК	1932	Сведений нет								

Источник: Кузьмин А. Краеведение в Западносибирском крае // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 53.

и т. д. РБК давало ложные информации о состоянии работы. Старое РБК распущено и создано новое.

Беловский район. РБК практической работы еще не проводило. На Гурьевском заводе создана инициативная группа по развертыванию краеведческой работы. Группа приступила к сбору экспонатов, чем положено основание Гурьевскому музею. Организовано 3 ячейки: при Гурзаводе, ФЗУ и ФЭС.

Ленинский район. При бюро 4 секции: геологическая, промышленная, сельскохозяйственная, культурно-бытовая. РБК выдвигает перед собой следующие задачи: по промышленной секции — изыскание площадки для соцгородка; по сельскому хозяйству — изучение и описание пригородных хозяйств и коопмолферм.

Кемеровский район. Бюро организовано только 10 сентября 1932 года по приезде инструктора ЗСБК. Летом никакой краеведческой работы не велось. Краеведческий музей не сумел организовать вокруг себя актив. ОргБК довольно широко популяризовало задачи краеведения. Организовалась группа краеведного актива, которая ведет массовую работу на предприятиях города и руднике.

Прокопьевский район. В работе краеведческого актива нет никакой системы и плановости. Существующее РБК неработоспособно. Существует краеведческая ячейка при ФЭС, которая организовала несколько экскурсий по поискам полезных ископаемых, растений и т. д., а также занимается изготовлением экспонатов для музея.

Горно-Шорский район. В 1931 году выезжавшим инструктором ЗСБК организовано РБК, которое никакой работы не проводило. 26 ноября 1932 года вновь было создано РБК под председательством представителя РК ВЛКСМ»¹ (табл. 82).

В целом вскрылось неприглядное положение развития краеведения на местах, внимание к которому (по обязанности) шло со стороны органов планирования (горплан, райплан, крайплан), в то же время недостаточное участие принимали отделы народного образования, профорганизации, комсомол. В основном деятельность краеведческих организаций сводилась к музейной работе (РБК брали на себя инициативу создания музеев в своих районах). К сожалению, большая часть краеведческих организаций существовала только на бумаге. Вскоре была утрачена связь с местами со стороны Запсиббюро краеведения, которое вынуждено было констатировать, что не располагает (сентябрь 1936) «никакими сведениями о работе местных организаций»².

В это время в стране усиливался идеологический нажим на общественную жизнь, что выразилось в том числе в повсеместных репрессиях против исследователей местного края. Вскоре постановлением СНК РСФСР от 10 июня 1937 года «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» дальнейшее существование центрально-

го и местных бюро краеведения признано нецелесообразным.

В сентябре 1932 года в Новосибирске состоялось первое музейное совещание, которое подвело итоги работы музеев в крае за первое пятилетие и наметило пути развития музейной работы на второе пятилетие. На совещании отмечена слабо поставленная работа в Кемеровском и Сталинском музеях. В частности, в Сталинском музее не отражено строительство металлургического завода, не велась научно-исследовательская, политико-просветительная работа. Один из его посетителей заметил: «Это музей, который нужно сдать в музей».

Примерно такое же положение было и с Кемеровским музеем, который представлял из себя бессистемное собрание различных предметов, коллекционируемых его работником — любителем старины.

В то же время на совещании был отмечен созданный силами общественности Прокопьевский музей, в котором большое место в экспозиции занимали уголь и угольная промышленность. Музей являлся центром краеведческой работы в районе³. Прокопьевский музей так и не вышел за рамки общественного, а в конце 1930-х годов в связи с репрессиями в отношении руководителя прекратил существование.

В этот период заработал городской краеведческий музей в Ленинске-Кузнецком (постановление президиума

1 Кузьмин А. Краеведение в Западносибирском крае // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 55–57.

2 ГАК. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

3 Кузьмин А. Краеведение в Западносибирском крае... С. 58–59.

Ленинск-Кузнецкого горсовета от 1 декабря 1934 года). Его первым директором (до 1 марта 1937) стал энтузиаст-краевед А. М. Строганов (1898–1976)¹. Помимо прочего, Александр Митрофанович приложил немало усилий к сбору экспонатов. Так, на утильбазе он обнаружил почти полный остов мамонта, пришлось освоить и ремесло препаратора. Ко дню официального открытия (1 октября) музей получал регулярную помощь от своих друзей (прежде всего, школьников) в виде различных зверьков, птиц, коллекций трав. Горно передал музею выставку «Красная армия»².

1 января 1937 года для посетителей музей открылся в здании бывшего пионерского клуба по адресу: 2-я Ленинская улица, 14. За первые две недели его посетили 1 500 учащихся³. В октябре 1940 года «Ленинский шахтер» бил тревогу: музей расположен в двух полуподвальных комнатах, из-за смены помещений (ул. Коммунистическая, 27) теряются и портятся экспонаты, весь персонал музея состоит из директора и научного сотрудника, горожане даже не знают, где располагается музей. Из двух отделов — природы и социалистического строительства — посетителям доступен первый. Новый директор музея И. Зарубин с горечью отмечал в городской газете, что организации, предприятия и учреждения очень неохотно помогают музею в сборе необходимых материалов, чем и вызвана задержка открытия второго отдела⁴.

В конце 1934 года по поручению Запсибкрайно в Кемеровском музее проведена проверка, которая показала, что учреждение не имеет «никакого определенного профиля и по своему содержанию является кунсткамерой». Следствием этого стало постановление Музейного отдела Народного комиссариата просвещения от 28 января 1935 года. Для музея был установлен профиль политехнического с отделами: «Флора и фауна района с доисторическими материалами», «Производственные силы района и промышленность», «Сельское хозяйство и его реконструкция», «Историко-революционный отдел», «Советское строительство»⁵. Данное постановление легло в основу Плана улучшения состояния культурно-просветительных учреждений города, принятого на заседании Президиума горсовета 25 июля 1935 года⁶.

Работа по перепланировке музея и оформлению коллекции для новых разделов выставки связана с именем репрессированного этнографа, антрополога, научного сотрудника этнографического отдела Русского музея Раисы Павловны Митусовой (в девичестве Кутеповой; 1894–1937). Впервые профессионал высокого уровня возглавил музей.

Р. П. Митусова для пополнения коллекций музея с привлечением специалистов и школьников организовала геологические походы и сборы гербариев, осуществила сбор материала по истории и революционному прошлому Кузбасса (в том числе состоялся поход имени X съезда комсомола в деревню Писаную, в ходе которого были сделаны зарисовки с писаницы⁷). Проведена инвентаризация музейных экспонатов, подготовлена новая экспозиция по социалистическому строительству.

Несмотря на большую проделанную работу, по результатам новой проверки на заседании президиума горсовета 25 декабря 1936 года была дана низкая оценка деятельности музея. В качестве основных замечаний приводились следующие доводы: отсутствие историко-революционного отдела, не отражена перспектива большого Кемерова, слабо представлен сельскохозяйственный отдел. Р. П. Митусова была освобождена от обязанностей директора и переведена в научные сотрудники музея⁸.

Новым директором Кемеровского музея назначен бывший секретарь парткома автотранспортного предприятия «Кемеровокомбинатстрой» Ф. В. Виноградов (р. 1906). Однако ставка на партийного работника не оправдала надежд руководителей города. Через полгода (5 июля) в заметке газеты «Кузбасс» отмечалось: «Директор музея тов. Виноградов из рук вон плохо относится к своим обязанностям и в музее бывает редким гостем, он не привел музей в порядок, не привлёк общественность к пополнению его экспонатами, а наоборот — в нынешнем году выкинул ценные коллекции углей Кузбасса». В газете критически оценивалась деятельность музея.

В 1938 году научным сотрудником, а затем (в октябре) директором Кемеровского музея была назначена Вера Семёновна Даниленко (1915–1972), до этого возглавлявшая историко-революционный отдел Новосибирского краеведческого музея⁹. За предвоенные годы ей удалось сформировать небольшой, но работоспособный коллектив. Как правило, к очередной годовщине Октябрьской революции в музее обновлялась экспозиция, открывались новые разделы, с целью пополнения фонда проводились краеведческие походы (так, в феврале 1941 года состоялась командировка младшего научного сотрудника С. В. Никитина в Крапивинский район по сбору материала о жизни и деятельности художника В. Д. Вучичевича-Сибирского).

Все же нехватка помещений не позволяла сотрудникам музея в полной мере представить коллекции. Из трех рекомендуемых Наркомпросом РСФСР отделов относительно полно был укомплектован лишь отдел природы, основная задача которого — показать экономические ресурсы района. Идеологическое значение придавалось экспозиции

1 Еще 11 марта 1934 года организационное Бюро краеведения при президиуме Ленинск-Кузнецкого горсовета было распущено. См.: ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 21. Л. 183; Д. 22. Л. 542; Чухно Т. В. Первый музейщик города // Разыскания. Кемерово, 2007. Вып. 7. С. 185–189.

2 Ленинский шахтер. 1935. 21, 29 сентября.

3 Ленинский шахтер. 1936. 28 декабря; Там же. 1937. 15 января.

4 Ленинский шахтер. 1940. 20 октября; 28 ноября.

5 Выдрина О. В. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея // Новосибирский архивный вестник. 1999. № 2. С. 59–61.

6 ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 565. Л. 9–11.

7 Иванов С. Музей в праздничные дни // Кузбасс. 1936. 5 ноября.

8 Котова Л. Ю. К истории Кемеровского краеведческого музея // Разыскания: ист.-краев. альманах. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 10–11.

9 О В. С. Даниленко см.: Кузнецова Л. Ф. Из истории Кемеровского краеведческого музея. 1920–1940-е годы // Разыскания. Кемерово. 2010. Вып. 8. С. 31–35.

отдела социалистического строительства. В то же время исторический отдел практически не был представлен.

С началом Великой Отечественной войны деятельность Кемеровского музея фактически свернулась. Во Дворце труда были развернуты цеха эвакуированного завода «Карболит». В начале 1942 года музей переехал в одноэтажное здание на ул. Кирова, а оттуда — в школу на пред- заводской участок.

В мае 1933 года Сталинскому краеведческому музею в целях повышения противопожарной безопасности был предоставлен каменный двухэтажный дом дореволюционной постройки на ул. Ленина. На должность научного сотрудника назначен Конкордий Алексеевич Евреинов, которого справедливо относят к одному из отцов-основателей музея. Плодотворной деятельностью Евреинов внес решающий вклад в становление краеведческой работы и придание научной основы и профессионального подхода всем ее направлениям. Однако благоприятный период работы учреждения продолжался недолго. В феврале 1937 года краеведческий музей перемещают из Старокузнецка в центр города, в одну комнату школы № 12. Музей оказался в свернутом состоянии, практически перестав существовать. Только жалобы в республиканскую прокуратуру и лично Н. К. Крупской способствовали предоставлению музею несколько комнат в помещении библиотеки. В июле 1939 года он вновь распахнул двери для всех желающих (в четырех залах разместилось два отдела: природы и истории). Сотрудники музея занимались собирательской деятельностью, организовывали походы¹.

В связи с началом Великой Отечественной войны здание музея было передано заводу № 579, экспонаты размещены в нескольких подсобных школьных помещениях, в штате оставлен только научный сотрудник в должности исполняющего обязанности директора (Б. А. Шляев). Практически музей прекратил свое существование. Только 1 апреля 1943 года открылась музейная экспозиция для посетителей на территории книжного магазина. В течение двух военных лет сотрудники музея готовили небольшие тематические выставки (в том числе выездные), осуществляли сбор материалов, связанных с Великой Отечественной войной, проводили лекции и беседы в школах, рабочих общежитиях, госпиталях².

1 Ценная археологическая находка в районе Сталинска // Кузбасс. 1939. 6 октября.

2 Лизогуб П. П. Сталинский краеведческий музей // Вклад в Великую Победу. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2005. С. 203–205.

Активисты краеведческого движения Сталинска в городской газете оповещали население о состоянии главного городского исторического памятника — Кузнецкой крепости. Президиум горсовета принял постановление № 190 от 5 апреля 1935 года «Об охране археологических памятников (крепости и домика Достоевского)», согласно которому предписывалось:

«1. Объявить Кузнецкую крепость памятником старины.

2. В целях прекращения повреждений крепости со стороны граждан обязать Райсовет установить надзор за крепостью, поставив около крепости столбы с надписями, предупреждающими разрушение и расхищение крепости. <...>

5. Организовать комиссию в составе т. Шляханова, Евреинова и Зенкова для сбора и изучения истории крепости на предмет определения возможности ее реставрации»³.

Впрочем, действенные меры против искусственного разрушения памятника со стороны городских властей приняты не были. Хроника происшествий 24 сентября 1935 года зафиксировала факт: «В половине восьмого вечера начался пожар в крепостной церкви всех имевшихся там деревянных частей, т. е. деревянные балочные перекрытия под куполом, надстройки и купол. Как позднее было выявлено, пожар был произведен ютившейся там группой беспорядочников»⁴.

«Неупорядоченность» в области охраны памятников вынуждала региональные власти принимать меры. Ново- сибирский облисполком принял решение № 1188 от 23 ноября 1940 года «О революционных, исторических, археологических и архитектурных памятниках». Утвержденный решением список включал 66 памятников, из которых 16 находились на территории нынешней Кемеровской области, в том числе:

«Памятники революции
<...> 5. Два памятника красным партизанам, расстрелянным Колчаком (г. Мариинск, Центральная площадь).
14. Памятник борцам революции (г. Гурьевск).
24. Деревянный памятник с оградой на могиле ветеранов революции (г. Сталинск, Старокузнецк).
25. Кирпичный памятник с оградой на могиле ветеранов революции (г. Сталинск, соцгород).

«Памятники революции

<...> 5. Два памятника красным партизанам, расстрелянным Колчаком (г. Мариинск, Центральная площадь).

14. Памятник борцам революции (г. Гурьевск).

24. Деревянный памятник с оградой на могиле ветеранов революции (г. Сталинск, Старокузнецк).

25. Кирпичный памятник с оградой на могиле ветеранов революции (г. Сталинск, соцгород).

3 Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 189–189 об.

4 Лизогуб П. П. Борьба за сохранение Кузнецкой крепости как исторического памятника (до начала 1990-х гг.) // Кузнецк — Сталинск — Новокузнецк. Проблемы города и горожан: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2008. С. 93.

Разрушающиеся стены Кузнецкой крепости. 1930-е // Из фондов музея-заповедника «Кузнецкая крепость»

26. Двухэтажный дом, в котором временно проживал В. В. Куйбышев (г. Сталинск, Старокузнецк).

29. Братская могила (ст. Тайга, ул. Калинина, в ограде школы № 34).

30. Братская могила (ст. Тайга, на территории клуба им. В. И. Ленина).

43. Братская могила (село Топки, Топкинский район).

44. Братская могила погибших партизан (Кемеровский сельский район).

Памятники истории

2. Дом, в котором проживал с 1910 по 1919 год В. П. Обнорский (г. Сталинск, Старокузнецк).

3. Дом, в котором жил в 1857–1859 годах писатель Достоевский (г. Сталинск, Старокузнецк).

4. Крепость времен завоевания и колонизации Сибири XVIII в. (г. Сталинск).

Памятники искусства

4. Собор, построенный в конце XVIII — начале XIX века (г. Сталинск, Старокузнецк).

Памятники историко-археологические

10. Есаульские курганы периода IX–XIII веков, завоевания Сибири монгольскими ханами (г. Сталинск, по направлению к деревне Есаулка).

11. Маяково городище переходного периода от бронзы к железу (г. Сталинск, Старокузнецк, на пр. берегу р. Томи против острова Топольники).

12. Неолитический могильник (г. Сталинск, расположен в полкилометре от Маякова городища)¹.

Решение облисполкома обязывало гор- и райисполкомы обеспечить составление технических актов современного состояния памятников, их фотографирование, ремонт и реставрацию. Однако охранительные меры в отношении памятников прошлого не находили должного внимания со стороны местных властей². В решении Сталинского горисполкома № 387 от 10 октября 1944 года отмечалось, что «каменные и кирпичные конструкции Старокузнецкой крепости варварски систематически разбираются населением для личных нужд, и никакой борьбы с этим со стороны Старокузнецкого райисполкома и 6-го отделения РК милиции не ведется»³.

¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 73. Л. 82–86.

² Так, письмом от 27 февраля 1941 года за подписью зам. председателя облисполкома Федина председатель Мариинского райисполкома Матыцин был извещен, что решение облисполкома № 1188 не выполнено, предлагалось представить в облоно материалы к 20 марта. См.: ГАК. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 16. Л. 187.

³ Лизогуб П. П. Борьба за сохранение Кузнецкой крепости... С. 94.

Домик Ф. М. Достоевского в Кузнецке // Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города. Новокузнецк, 2016. С. 139

В начале 1930-х годов складывается нормативно-правовая основа для реализации краеведческого принципа в образовательном процессе.

На основании ряда постановлений ЦК ВКП(б)¹ произошла реорганизация системы школьного образования: введено урочное предметное обучение, стандартные программы и учебники, единый режим занятий и система отметок. В учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории признавалось необходимым ввести «важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения СССР (природные особенности, промышленность, сельское хозяйство, социально-экономическое развитие и т. д.)» (1932), также предоставлялось право каждому краю и области с разрешения Наркомпроса и его утверждения издавать «краевую учебную книгу для начальных школ на базе местного краеведческого материала» (1933). Краеведческий материал призван был дать «реальные» знания о крае, должен быть скоординирован с общим образовательным материалом, подчинен основным учебно-воспитательным задачам школы².

¹ «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932), «Об учебниках для начальной и средней школы» (12 февраля 1933), «О структуре начальной и средней школы в СССР» (15 мая 1934).

² Феноменов М. Краеведение в советской школе за 15 лет // Советское краеведение. 1932. № 11–12. С. 32.

В 1932 году Коллегия Наркомпроса РСФСР рассмотрела вопрос состояния экскурсионно-туристической работы с детьми и приняла постановление поднять ее «на высшую ступень» путем открытия в городах и районах детских экскурсионно-туристских станций и баз.

Краеведческая и экскурсионно-туристская работа становилась важным средством идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Так, в Сталинске (Новокузнецке) центром краеведческой работы стала экскурсионная база, которая была открыта в 1937 году при Доме культуры школьника и имела биологическую, историческую, геологическую и другие секции. Регулярно базой организовывались экскурсии на промышленные объекты города, походы в Горную Шорию, шлюпочные поездки по Томи. Внимание краеведческой работе стали уделять учителя географии.

§ 5. Государство и церковь в 1920–1930-е годы

Антирелигиозные кампании первой половины 1920-х годов. С установлением в декабре 1919 года советской власти в Кузбассе началась новая эпоха в истории взаимоотношений церкви и государства. Большевики считали религию опиумом для народа. В первых декретах они продемонстрировали негативное отношение к церкви. В частности, в «Декрете о земле» провозглашалась фактическая национализация (передача в ведение крестьянских советов) всей церковной и монастырской земли вместе с инвентарем, приусадебными постройками и имуществом. В декабре 1917 года принят декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Отныне советская власть признавала только гражданские браки, любые бракосочетания, совершенные в церквях, считались «частным делом брачующихся». При городских (районных), уездных и волостных управах создавались отделы записей браков и рождений, которые обязаны были вести книги регистрации актов гражданского состояния (ЗАГС). Метрические книги, которые велись в церквях различных конфессий, предписано было немедленно сдать для хранения и использования в местные советские органы власти¹.

Апогеем антирелигиозного законодательства стал «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 20 января 1918 года, и разъясняющее его постановление народного комиссариата юстиции от 24 августа того же года. Согласно этим законам, церковь не только отделялась от государства, но фактически ставилась вне закона. В постановлении отмечалось, что любые религиозные организации, исповедующие любые конфессии, и даже частные общества, образовавшиеся для отправления какого-либо культа, «лишались права юридического лица». Все благотворительные, просветительские и иные подобные общества, состоящие при церквях, подлежали закрытию. Все имущество, находившееся ранее в ведомстве православного исповедания и других вероисповедных учреждений и обществ, передавалось в распоряжение местных советов рабочих и крестьянских депутатов. В свою очередь советы имели право передать его

¹ Декрет о гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния, 18 декабря 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 161–163.

в пользование местных религиозных общин для совершения ими культа. Общины обязаны были хранить и беречь это имущество, объявленное «народным достоянием». Все, что не использовалось для богослужебных целей (земли, дома, свечные и др. заводы, рыбные угодья, подворья, гостиницы, любые капиталы), и все, что приносило церкви прибыль, подлежало немедленной конфискации².

В программу Российской коммунистической партии большевиков, принятой на VIII съезде партии (март 1919), был включен специальный пункт (п. 13), касающийся религиозных отношений: «Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». В мае 1921 года вышло постановление пленума ЦК РКП(б) «Об отношении к нарушениям п. 13 Программы РКП(б) и постановке антирелигиозной пропаганды». Оно запрещало прием в партию и даже в кандидаты «тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов». Кроме того, все члены партии обязаны были «участвовать в культурно-просветительской деятельности, направленной против религии». Для коммунистов было нежелательным участие в венчаниях, крещениях детей, отпеваниях умерших и других церковных обрядах. Ответственные партийные работники за связь с тем или иным религиозным культом подлежали исключению из РКП(б)³.

К 1920 году на территории Кузбасса был 161 церковный приход. Большинство из них принадлежали Русской православной церкви, в том числе один старообрядческий

² Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, 20 января 1918 г; Постановление народного комиссара юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», 24 августа 1918 года // Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 гг. М., 1920. С. 19–24.

³ Постановление пленума ЦК РКП(б) «Об отношении к нарушениям п. 13 Программы РКП(б) и постановке антирелигиозной пропаганды» // ГАК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

(деревня Бормотова). В городах действовали по несколько церквей. Старейшими православными храмами были Спасо-Преображенский собор и храм Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия» в городе Кузнецке, существовавшие еще с XVII века. В Мариинске действовали два православных прихода (собор Николая Чудотворца и церковь во имя Всех Святых), а также еврейская синагога и римско-католический костел. Католический приход был также в селе Бороковском Мариинского уезда. В Тайге были две православные церкви: одна из них в самом городе (церковь Илии пророка), другая — на железнодорожной станции (церковь Святого Андрея Критского)¹. Во время Гражданской войны сильно пострадала Одигитриевская церковь в Кузнецке, сожженная партизанами Г. Рогова в декабре 1919 года. Ее так и не смогли восстановить и разобрали в начале 1930-х.

В феврале 1922 года вышло постановление ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей». Цель была объявлена благородная: мобилизация всех ресурсов для оказания помощи голодающим Поволжья. В постановлении определялось, что изъятие церковного имущества должно быть в таких объемах, чтобы «не затронуть интересы самого культа». Для изъятия утвари, ее оценки и описи создавались специальные комиссии. Процедура передачи ценностей должна была проходить в присутствии представителей групп верующих и с их согласия². Через несколько дней была разработана специальная инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей». Местные комиссии обязаны были изучить описи каждой церкви и приступить к своей работе немедленно, отдавая предпочтение самым богатым храмам. В случае не обнаружения той или иной ценности, занесенной ранее в опись, вина возлагалась на священников и прихожан, по факту исчезновения необходимо было начать расследование. Все изъятые ценности передавались в местные финотделы, а затем перевозились в Гохран. Никакой реализации ценностей на местах не допускалось³.

Кампания по изъятию ценностей началась в Томской губернии в марте 1922 года и затянулась на несколько месяцев. Щегловская уездная комиссия была создана 9 апреля, в ее состав вошли три человека, председатель — М. Колесников. После изучения описей имущества всех 46 церквей, находящихся на территории уезда, стало понятно, что изъять много утвари не получится. В действующих церквях имелось не более трех пудов серебряных изделий, золотых не было совсем. Изъятие этих предметов могло привести к полной остановке исполнения обрядов и вызвать резкое недовольство верующих. Поэтому было решено провести

Плакат «Голод-паук душит крестьянство России. Золото церквей должно пойти на спасение голодных от смерти». 1922

большую подготовительную работу и дожидаться окончания Пасхи⁴.

В отчете Щегловской уездной комиссии отмечалось, что пришлось учитывать два важных фактора:

- 1) часть населения уезда представляла собой инородцев, которые приняли православие всего 20–30 лет назад и не имели еще достаточной церковно-материальной базы;
- 2) большинство церквей в уезде разграблены отрядами Рогова в декабре 1919 года.

Накануне изъятия ценностей комиссия провела большую работу по агитации, разъясняя цели и задачи во всех волостях уезда, на Кемеровском руднике и в городе Щегловске. В отчете отмечалось, что в некоторых случаях священники и сами верующие высказались за передачу ненужной для культа утвари в пользу голодающих Поволжья. Например, в Крапивинской волости священник Пантеле-

¹ Церковные метрические книги: справочник по документам ГУКО «Государственный архив Кемеровской области» / сост. А. М. Адаменко. Кемерово, 2009. С. 6–38.

² Копия постановления ВЦИК от 23 февраля 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 2.

³ Инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей», февраль 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 5 об.

⁴ Протокол № 1 заседания Щегловской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей, 12 апреля 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 8.

ев самостоятельно собрал прихожан, объяснил им суть постановления ВЦИК и организовал сбор утвари. Были даже такие случаи: в церкви не имелось излишних предметов культа, поэтому прихожане вместо них отдавали царские золотые и серебряные монеты. В целом процедура передачи ценностей в Щегловском уезде прошла «без всяких шероховатостей» и не произвела никаких перемен «в политическом отношении». Всего по уезду было собрано около 130 предметов весом 1 пуд, 35 фунтов и 49 ½ золотника серебра и 248 рублей 50 копеек царскими деньгами. Стоимость изъятого имущества, по оценке уездного финотдела, составила 34 791 250 рублей¹.

Кампания по изъятию церковных ценностей в Мариинском уезде прошла не так гладко, как в Щегловском. Во-первых, она стартовала позже, так как уполномоченный не мог собрать отряд ЧОН для следования по селениям уезда. Во-вторых, не везде местное население отнеслось к кампании доброжелательно. В докладе Мариинской уездной комиссии помощи голодающим от 5 июля 1922 года было сказано, что: «Работа по изъятию прошла удовлетворительно, большинство населения отнеслось сознательно за исключением частичных выкриков со стороны женщин, арестов священников и церковсоветов за скрывание ценностей, которые немедленно арестовывались и препровождались по принадлежности»². В результате изъятие затянулось на несколько месяцев. 27 июля 1922 года состоялся съезд представителей местного духовенства, который после долгих дебатов принял решение передать часть ценностей советской власти. После этого некоторые священники сами принесли скрытые ими ранее предметы культа³. Всего по Мариинскому уезду было изъято золотых изделий весом 5 золотников и 60 долей, а также 5 рублей монетой. Серебряных изделий было изъято общим весом 14 пудов, 32 фунта, 18 золотников⁴.

Такая же неоднозначная ситуация сложилась в волостях Томского уезда, относящихся ныне к Кузбассу. Верующие станции Тайга, напуганные действиями советской власти, стали прятать по домам церковную утварь. Среди населения стали распространяться слухи о том, что истинная цель кампании не помощь жителям Поволжья, а «уплата долгов Польше» и даже личное обогащение большевиков. Наиболее активные прихожане стали утверждать, что вслед за серебром коммунисты начнут отбирать остальное имущество, включая медную посуду. Многие веру-

ющие рассматривали процедуру изъятия ценностей как откровенный грабёж и надругательство над святынями⁵. Несмотря на некоторые протесты, в обоих православных храмах Тайги были изъяты серебряные ценности общим весом 36 фунтов 2 золотника. Найденные в Андреевской церкви золотые кресты были «временно оставлены». Осмотр старообрядческой церкви, римско-католического костела и еврейской синагоги не дал никаких результатов, ценностей обнаружено не было. В инвентарных книгах они тоже не значились⁶. В церквях, расположенных в Анжерке и Судженке, изъятие ценностей прошло без осложнений, всего было собрано 3 ¾ фунта серебряных изделий⁷.

В Ишимской волости Томского уезда было изъято 12 разных предметов общим весом 31 фунт 30 золотников серебра. Священники не препятствовали работе комиссии. Лишь в Иоанно-Златоустовской церкви села Улановского местный священник о. Мерцалов объявил, что никаких ценностей в церкви не имеется. Описи церковного имущества не оказалось, вместо нее был найден «лоскут бумаги, в котором понять ничего нельзя». В результате комиссия обвинила священника в «расхищении народного достояния» и постановила «предать пролетарскому суду ревтрибунала»⁸.

В селе Тутальском Томского уезда, когда началась опись имущества, к церкви сбежали прихожане и оказали сопротивление членам уездной комиссии. Уполномоченный спешно покинул село. Потом он вызвал из Томска военный отряд и вновь приступил к сверке имущества. Под давлением военных и лично командира отряда Иванова прихожане вынуждены были согласиться с действиями властей⁹.

В Кузнецком уезде изъятие церковных ценностей также затянулось. Главной причиной тому стала значительная отдаленность некоторых волостей, расположенных в глухой тайге, где проживали инородцы. Первый отчет председатель уездной комиссии Конов отправил в Томск 26 июля 1922 года. Согласно этому документу, в церквях Кузнецкого уезда было собрано 115 предметов, вес и стоимость их не указана. Самым ценным являлась большая золотая чаша, изъятая из кузнецкого Спасо-Преображенского собора, все остальные предметы представляли собой серебряные изделия (дискосы, чаши, кресты, кадила, ризы с икон). Второй отчет датирован 9 августа того же года. В нем были перечислены 43 предмета, изъятые в отдаленных волостях. Это

1 Отчет Щегловской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей, 24 мая 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 19–19 об. Ведомость имущества в том же деле. Л. 24–25.

2 Доклад Мариинской уездной комиссии помощи голодающим, 5 июля 1922 года // ГАК. Ф. Р-603. Оп. 3. Д. 5. Л. 100 об.

3 Донесение Мариинской уездной комиссии по изъятию ценностей в Томскую губернскую комиссию, 20 июля 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 34.

4 Левшин Е. А. Процесс изъятия церковных ценностей на территории Кемеровской области в 1922 года // Новое в развитии исторического краеведения и регионального музееведения: мат-лы Междун. науч.-практ. конф., посв. 75-летию Новокузнецкого краеведческого музея, 14–15 ноября 2002 г. Новокузнецк, 2003. С. 82.

5 Крепицина Е. В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг.: дис.... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. С. 77.

6 Яргин В. Изъятие церковных ценностей в Тайге // Красное знамя. 1922. № 88. 26 апреля.

7 Пленум Томского губкома. Помощь голодающим // Красное знамя. 1922. № 103. 15 мая.

8 Изъятие ценностей в Томском уезде // Красное знамя. 1922. № 117. 1 июня.

9 Горбатов А. В. Антирелигиозные кампании в Кузбассе (1922–1942 гг.) // Кемеровской области 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. Кемерово, 2003. С. 133.

Картина И. А. Владимирова «Реквизиция церковных ценностей». 1922

были серебряные изделия, общий вес которых также указан не был¹.

Противодействие священников изъятию церковных ценностей послужило причиной возбуждения против них уголовных дел. В 1922 году были арестованы несколько десятков служителей культа и прихожан в Томске и селах Тисуль и Тутальское. Томский губернский революционный трибунал, рассматривавший дело, установил, что они создали контрреволюционную организацию под названием «Православная церковь». Эта организация ставила себе целью свержение советской власти. Конкретные ее действия выражались в том, что священники вели контрреволюционную агитацию и пропаганду, нарушали декрет об отделении церкви от государства, скрывали церковные ценности и противодействовали их изъятию. Процесс широко освещался в прессе, в поддержку стороны обвинения были организованы митинги граждан. Никто из обвиняемых не признал себя виновным, все утверждали, что никакой политической деятельности, тем более контрреволюционной, не вели, ни в каких партиях и организациях не состояли. Противодействие изъятию ценностей они объясняли тем, что руководствовались «исключительно верой» и «религиозными убеждениями».

Приговором ревтрибунала, объявленным 19 июля 1922 года, все обвиняемые признаны виновными. Наказание предусматривало разделение их на три группы. К расстрелу приговорили девять священников (одному из них высшую меру заменили пятью годами лишения свободы условно), в том числе управляющего Томской епархией архиепископа Виктора (в миру Всеволод Семёнович Богоявленский), членов Епархиального совета и настоятелей храмов Томской губернии. Среди них был священник станции

Юрга и села Тутальского Борис Семёнович Стацевич, который, по мнению ревтрибунала, активно подстрекал толпу к противодействию изъятию ценностей. Вторую группу составляли 11 человек, приговоренных к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на три года и конфискацией имущества. Среди них оказался священник Тисульской церкви Павел Васильевич Никольский, староста этой же церкви Фёдор Иванович Дворжиков и житель села Тутальского Александр Прокопьевич Вахромеев. Третью группу составили 10 человек, которых приговорили к «общественному порицанию и штрафу в пользу голодающих в размере пяти пудов муки с каждого». Среди них оказались член приходского совета тисульской церкви Дмитрий Михайлович Анфилов; помощник церковного старосты тутальской церкви Сергей Васильевич Хрычев; жители села Тутальского Фёдор Поликарпович Зевакин, Анна Дмитриевна Зевакина, Агафья Ниловна Зевакина, Екатерина Семёновна Боянова, Марианна Ивановна Кабанова, Елена Фадеевна Ганьшина и Ефим Алексеевич Сетин². Решениями судебных коллегий Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК от 4 ноября 1922 года и Президиума ВЦИК от 2 марта 1923 года приговор был изменен, расстрел был заменен долгосрочными тюремными заключениями³.

Трудно определить объемы изъятого в Кузбассе церковного имущества. Точные данные есть только по Щегловскому (1 пуд 35 фунтов) и Мариинскому (14 пудов 32 фунта) уездам. В абсолютных цифрах они незначительны, но если представить данные в относительных показателях, то ситуация выглядит иначе. В Щегловском уезде было изъято более половины всех ценностей, ведь по описям во всех 46 церквях имелось лишь около трех пудов серебряных предметов культа. К тому же священники и прихожане передали государству золотые и серебряные царские монеты из личных сбережений. В то же время переданные из Щегловского и Мариинского уездов ценности составляли лишь незначительную часть всех изъятых церковных предметов культа Томской губернии. Только в одном Томске было изъято серебряных изделий весом 14 пудов 30 фунтов и золотых предметов весом более 2 фунтов. В Барнауле было изъято в церквях серебра весом более 15 пудов и 35 драгоценных камней⁴.

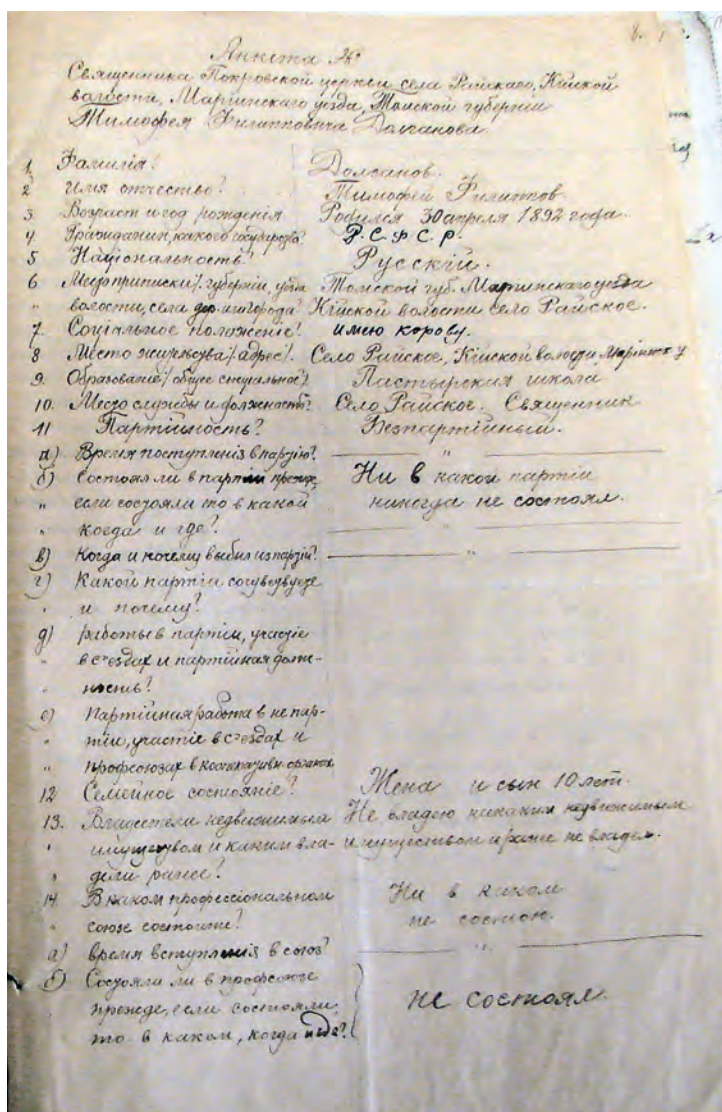
После кампании по изъятию церковных ценностей партийные и советские руководители страны организовали раскол Русской православной церкви, инициатором которого выступил Л. Д. Троцкий. Под предлогом борьбы с голодом он предложил выделить из лона РПЦ лояльную советской власти обновленческую организацию и направить ее на борьбу с официальной патриаршей (канонической) церковью: после того как новое, «советское» духовенство расправится или хотя бы ослабит «антисоветское»,

¹ Отчеты центральной Кузнецкой уездной комиссии по изъятию церковных ценностей, 25 июля и 9 августа 1922 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 80–80 об.

² Томские церковники перед судом // Красное знамя. 1922. № 160. 22 июля; № 161; 23 июля; № 162. 25 июля.

³ Горбатов А. В. Антираелигиозные кампании в Кузбассе... С. 133.

⁴ Русская Православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): Исторические очерки / ред. кол. В. А. Волчек, А. М. Адаменко, В. А. Овчинников. Кемерово, 2007. С. 219.

Анкета священника Покровской церкви села Райского Мариинского уезда Тимофея Филипповича Долганова. 19 апреля 1923 // ГАК. Ф. Р-603. Оп. 2. Д. 2. Л. 8

можно приступить к ликвидации самих обновленцев. Для реализации плана предполагалось провести ряд судебных процессов над «контрреволюционными» священниками, включая патриарха Тихона. Предложения Л. Д. Троцкого были одобрены на Политбюро ЦК РКП(б) и доведены до сведения партийных организаций на особом совещании во время XI съезда партии (март-апрель 1922)¹.

В мае 1922 года был арестован патриарх Московский и вся России Тихон. Его обвинили в опасной политике, приведшей к противостоянию церкви и государства. 15 мая было создано Высшее церковное управление (ВЦУ), в которое вошли сторонники советской власти во главе с епископом Владикавказским и Моздокским Антонином (в миру — Александр Андреевич Грановский). Обновленцы объявили о создании так называемой Живой церкви — особой ре-

лигиозной организации, не считавшей советскую власть враждебной. Эту организацию поддержали органы советской власти и ГПУ НКВД. Повсюду начались гонения на сторонников патриарха Тихона, называемых «тихоновцами». В Сибири сторонниками обновленчества выступили некоторые томские священники, поддержанные большевиками. В июне 1922 года после ареста управляющего Томской епархией епископа Виктора было создано обновленческое Сибирское церковное управление (Сибцерковь) во главе со священником Петром Блиновым. Благодаря активной пропаганде, поддержанной советской властью, многие религиозные общины признали Сибцерковь и перешли в лоно обновленчества².

В июне 1923 года патриарха Тихона освободили из-под ареста, после чего некоторые обновленческие епархии, священники и простые миряне принесли покаяние в грехе раскола и вернулись в лоно патриаршей церкви. Началось непримиримое противостояние обновленцев и тихоновцев, чего и добивались большевики. Внутрицерковная борьба привела к еще большему расколу, периодически то возникали, то исчезали различные религиозные учреждения и организации. В первой половине 1920-х годов обновленчество распалось на три группы. Из Живой церкви выделилась сначала одна организация под названием «Союз церковного возрождения», а потом другая: «Союз общин древнеапостольской церкви». У каждой из групп были не только свои лидеры, но и собственные отличающиеся друг от друга программы. Противостояние различных церковных учреждений продолжалось до периода Большого террора — конца 1930-х годов, когда под репрессии попали все без разбора³.

Раскол в православной церкви сопровождался постепенным усилением антирелигиозной пропаганды. В октябре 1922 года была образована Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б), официальное название — Комиссия по проведению Декрета об отделении церкви от государства. Она имела право направлять деятельность органов власти, включая партийные, на борьбу с религией. В распоряжении комиссии были такие средства, как цензура, выпуск пропагандистской литературы и даже арест противников советской власти. С января 1923 года бессменным руководителем комиссии стал Емельян Михайлович Ярославский.

Первоначально антирелигиозная пропаганда носила мягкий характер. Например, в октябре 1922 года в Кузнецке начал работать антирелигиозный кружок, состав его членов был исключительно добровольным. Его деятельность контролировалась и направлялась агитотделом Кузнецкого укома ВКП(б). Уком составлял планы работы, снабжал литературой и методическими материалами. Собрания кружка проводились один-два раза в месяц. Количество присутствовавших колебалось от 20 до 140 человек. На каждом из заседаний читались лекции на антирелигиозные темы. К достоинству этого кружка можно отнести то,

1 Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 80.

2 В обновляемой церкви // Красное знамя. 1922. № 176. 10 августа.

3 Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири... С. 82.

что некоторые лекции имели научные основы, содержали сравнительно-аналитические материалы по разным мировым религиям, а не только по христианству¹.

При каждом уездном исполкоме было создано уездное церковное управление, ведавшее церквями. Управление занималось перерегистрацией церквей и священников, учетом прихожан. На каждого служителя культа были составлены специальные анкеты, включающие фамилию, имя, отчество; возраст и дату рождения; местожительство; семейное и социальное положение; состав имущества; информацию о службе в армии (царской, Белой, Красной); местонахождение до Февральской революции.

По данным на апрель 1923 года, в Мариинском уезде имелась 71 действующая церковь, все они прошли процедуру перерегистрации с 1920 по 1922 год. Во всех церквях были священники со своими штатами. Среднее количество прихожан составляло 2 300 человек. Самым большим был приход мариинского Никольского собора — 8 690 прихожан. Всего, по приблизительным подсчетам, в уезде было более 150 тысяч прихожан².

По данным на ноябрь 1923 года, в Щегловском уезде были зарегистрированы 34 религиозные общины, в том числе пять старообрядческих различного толка и община евангельских христиан (76 человек). Всего регистрацию прошли 6 211 человек, в среднем на одну общину приходились 182 верующих. Самой крупной была Верхотомская православная община (2 590 членов), которая по количеству прихожан в разы превосходила остальные. Возможно, данные о ней были преувеличены. Крупными общинами были Старочервовская православная (400 человек), Вагановская старообрядческая (301 человек), Смоленская и Скарюпинская православные (257 и 255 членов соответственно)³.

Местная пресса была мощным рупором антирелигиозной пропаганды. По сведениям Е. В. Крепициной, проанализировавшей газету «Кузбасс», в 1923–1925 годах ежегодно публиковалось около ста материалов антицерковной направленности, причем самой популярной была тема нравственно-морального облика священников. Газета пестрила такими заголовками, как «Поп — бандитский атаман», «Поп-дебошир», «Поп-ротмистр», «Поп-аферист», «Поп — скупщик краденых халатов». Священнослужителей представляли в виде пьяниц, воров, лжецов, прелюбодеев, тунеядцев и даже мучителей людей, подстрекавших к самоубийствам. Материалами для статей служили различные случаи, произошедшие в разных регионах страны, иногда в Кузбассе. Вероятно, многие из них были сильно искажены или даже вымышлены. Второй по популярности была

тема разоблачения религиозных предрассудков. В газете имелась специальная рубрика «Против бога», в которой печатались статьи, критикующие религиозные праздники, чудеса, поклонение иконам и мощам. При этом нередко делались попытки объяснить религиозные верования научными методами. Наконец, третьей по популярности была тема религиозности местного населения. В статьях обычно высмеивались пьянки во время Рождества и Пасхи, осуждались крещения и венчания конкретных лиц, включая комсомольцев и членов ВКП(б). Все без исключения статьи на религиозные темы были направлены на формирование негативного отношения населения к вере и церкви⁴.

Одной из форм антирелигиозной пропаганды была кампания по дискредитации религиозных праздников — Рождества и Пасхи. Началась она в 1923 году по инициативе ЦК РКСМ. На территории Кузбасса она проходила в основном в городах и рабочих поселках. Сценарий проведения «комсомольского рождества» предусматривал проведения «суда над религией», в котором участвовали сторона обвинения и сторона защиты. В итоге выносился приговор: казнь религии через сожжение. Под пение комсомольцев поджигали чучело, олицетворяющее религию. Кроме того, в рождественскую ночь проводились шествия с факелами, транспарантами и красными флагами. Проведение «комсомольского рождества» в 1923 году имело очень незначительный эффект. Как отмечала пресса, оно не дало ожидаемого антирелигиозного результата⁵.

К проведению «комсомольской пасхи» члены РКСМ подготовились более тщательно. В Мариинске, например, была издана специальная однодневная газета, в которой высмеивалась Пасха. Все антипасхальные мероприятия были разделены на этапы. На первом, подготовительном, проводились собрания рабочей молодежи, организовывались антирелигиозные беседы, репетировались пьесы и сатирические инсценировки, изготавливались плакаты, вывески, карикатуры, чучела. На втором этапе реализовывались все ранее запланированные мероприятия. Наконец, на третьем и четвертом этапах, выпадавших на пасхальную неделю, проводилась массовая антирелигиозная агитация, проходили демонстрации и шествия, диспуты и суды над религией. Весь первый день праздника был распланирован до самого утра, чтобы максимально отвлечь молодежь от религиозных традиций. В сельской местности «комсомольская пасха» не имела никакого успеха. А в городах и рабочих поселках она привела к разделению молодежи на два непримиримых лагеря. Центром одного из них стал храм, другого — клуб. В Щегловском антирелигиозные акции комсомольцев распространились и на другие праздники: Троицу и Вознесение, причем удалось привлечь к мероприятиям более 5,2 тыс. молодых людей⁶.

1 Отчет о работе агитотдела Кузнецкого укома РКП(б) за период с 15 августа 1922 по 1 марта 1923 года // ГАК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 114. Л. 5–5 об.

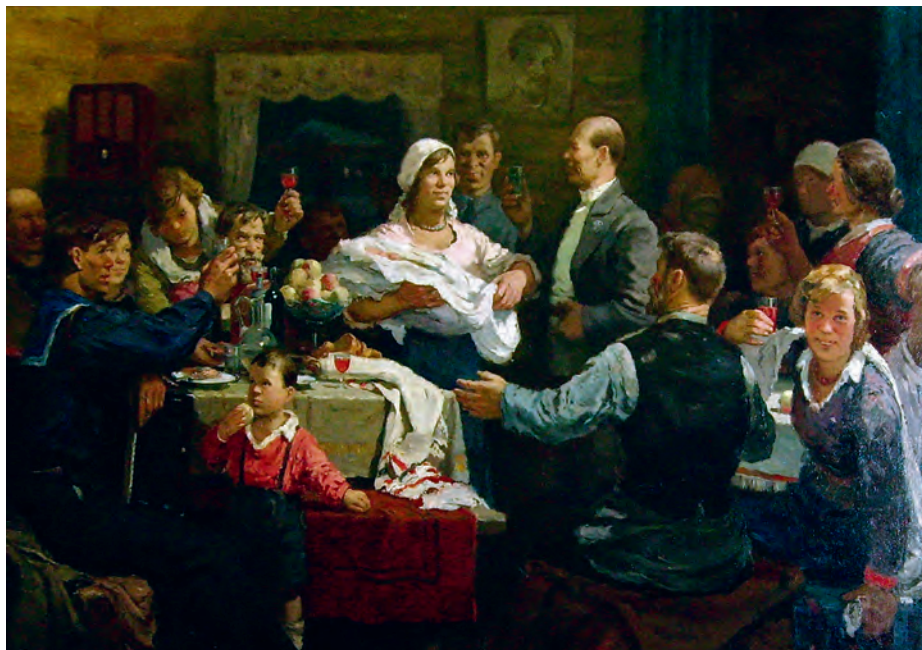
2 Подсчитано по: Список церковнослужителей Мариинского уезда Томской епархии, работающих исключительно в области религиозного культа, апрель 1923 года // ГАКО. Ф. Р-603. Оп. 2. Д. 2. Л. 56–63.

3 Список религиозных общин, зарегистрированных управлением Щегловской уездной милиции, ноябрь 1923 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 501. Л. 432–433.

4 Крепицина Е. В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса... С. 109–129.

5 Там же. С. 133–134.

6 Там же. С. 136–139.

Картина А. П. Бубнова «Октябрины». 1936

Однако, несмотря на все усилия, отвлечь население от веры в Бога не удалось. Более того, слишком агрессивные антирелигиозные акции привели к обратному эффекту: верующие сплотились и консолидировались, а отношение их к советской власти ухудшилось. В разведсводке штаба частей особого назначения Томской губернии от 1 декабря 1923 года было сказано, что в Кузнецком, Мариинском и Щегловском уездах отношение большинства населения к религии «сочувствующее». В дальнейшем «комсомольские рождества и пасхи» в Кузбассе проводились намного скромнее, в них участвовали лишь наиболее активные комсомольцы и пионеры¹.

Еще одной формой антирелигиозной пропаганды стали так называемые октябрины, они же звездины, и комсомольские свадьбы. Октябрины были призваны заменить обряд крещения, когда младенцу вместо наречения имени по святым присваивалось имя какого-нибудь известного революционного деятеля или имя новой революционной эпохи — Баррикада, Владлен (Владимир Ленин), Донара (Дочь Народа), Идея, Искра, Октябрина, Партизан, Правлен (Правда Ленина). Проходили они в красных уголках, клубах, домах культуры и даже в мастерских и шахтах. Обряд звездин напоминал крещение. Младенца окутывали в красную материю или флаг, подносили к нему труды К. Маркса и Ф. Энгельса, пели революционные песни. Чтобы стимулировать население, власти часто выдавали подарки тем, кто принимали участие в октябринах.

Абсурдность советских обрядов, которые, по сути, повторяли религиозные, понимали даже некоторые советские деятели. Редактор газеты «Кузбасс» Ф. В. Лубянов писал: «Мы отреклись от поповских крестин, и создавать какие-то новые, подготавливать почву для новых обрядов,

которые через 10–20 лет превратятся в обязательный обряд — бессмыслица. Всякие крестины, октябрины и прочее нужно изгнать из нашего быта, исключая, конечно, новых имен, которые без всяких сложных церемоний родители изберут дома, собираясь регистрировать ребенка»².

В первой половине 1920-х годов антирелигиозная пропаганда имела незначительное влияние на население, да и то только на городское и рабочее. В сельской местности она либо вообще не велась, либо не имела успеха. По результатам обследования Тяжинского района в 1924 году было установлено, что антирелигиозная работа фактически не велась. Но члены комиссии, ревизовавшие селения, признали, что это «является не минусом, а плюсом, ибо при наличных средствах она выражалась бы в недопустимых формах». Например, местная советская власть в районе запретила прихожанам це-

ловать кресты, мотивируя это «борьбой с венерическими болезнями». Кроме того, секретарь райкома ВКП(б) Мальков прославился на всю губернию своими жестокими действиями в отношении верующих. При этом он изобрел новый безальтернативный способ голосования. Ставя перед прихожанами вопрос о судьбе церкви, он предлагал поднять руку тем, кто согласен передать ее под культурное учреждение, а кто руку не поднимал — тот считался сторонником передачи церкви вместе с инвентарем. Когда в 1923 году такое «голосование» было проведено в Тяжине, большинство прихожан ушли с собрания, но Мальков признал его состоявшимся и распорядился закрыть церковь. После этого собралась толпа 500 человек и не дала это сделать. В результате верующие добились перезаключения договора и сохранили церковь³. Дело дошло даже до губернских властей, признавших действия тяжинских коммунистов неправильными⁴.

Отделение церкви от государства, антирелигиозная политика советской власти, внутрицерковная борьба стали питательной средой для распространения сектантских течений различного толка. Наиболее распространенными из них стали евангельские христиане, баптисты и адвентисты седьмого дня. Советские руководители, в том числе В. И. Ленин, поддерживали сектантов, видя в них не только союзников в борьбе с православной церковью, но и сторонников общинной, коммунистической жизни. В резолюции «О работе в деревне», принятой на XIII съезде ВКП(б) в мае 1924 года, констатирована позиция партии

² Лубянов Ф. Против крестин, октябрин и всяких других обрядов // Кузбасс. 1924. № 22. 28 января.

³ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: В 2 кн. Кн. 1. Новосибирск, 1997. С. 447.

⁴ Краткий доклад председателя комиссии Сибкрайкома РКП по обследованию Мариинского уезда, 1924 год // ГАК. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.

¹ Там же. С. 140–141.

в отношении сектантов: «Особо внимательное отношение необходимо к сектантам, из которых многие подвергались жесточайшим преследованиям со стороны царизма и в среде которых замечается много активности. Умелым подходом надо добиться того, чтобы направить в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы. Ввиду многочисленности сектантов работа эта имеет большое значение. Задача эта должна разрешаться в зависимости от местных условий»¹.

Сохранились сведения об Анжеро-Судженской общине евангельских христиан. Согласно уставу, она была беспартийной и внепововской народной общиной, которой была чужда «всякая политика». Она представляла собой «собрание лиц, уверовавших в Евангелие, обратившихся к Богу через покаяние, крещенных по вере и руководившихся во всем вероучением и жизни только Евангелием». Целью общины являлось распространение «чистых евангельских истин <...> то есть призыв к равенству, братству и любви». Цель достигалась собраниями, беседами, чтениями. Средствами общины считались только добровольные пожертвования. Члены общины имели право нанимать, покупать и строить молитвенные помещения и «приобретать различное имущество для удовлетворения религиозных потребностей». Делами общины управлял совет в составе пяти человек, избираемых общим собранием сроком на три года. Один из членов совета был председателем. Общее собрание общины созывалось не менее четырех раз в год. По данным на июнь 1923 года председателем Анжеро-Судженской общины евангельских христиан был рабочий Иван Никитич Пирожков. Всего в общине состояло 12 человек².

Государство и церковь в Кузнецком округе (вторая половина 1920-х годов). В 1925 году путем объединения Щегловского и Кузнецкого уездов был образован Кузнецкий округ. С этого же времени начинается постепенное усиление антирелигиозной деятельности. По инициативе секретаря Сибкрайкома РКП(б) Роберта Яновича Кисиса разработана специальная инструкция, разосланная во все окружкомы и обкомы партии. На предстоящие новогодние праздники планировалось организовать политико-просветительскую работу, базирующуюся на «естественно-научной пропаганде» и имеющую «антирождественскую» цель. Главной особенностью инструкции было то, что она предполагала антирелигиозную пропаганду не как единовременную кампанию, а как планомерную поступательную работу. При этом требовалось максимально деликатно обходиться с чувствами верующих. Запрещалось ставить оскорбительные инсценировки типа «Непорочное зачатие» или «Свадьба Саваофа с Саррой», которые «вызывают только недовольство масс, возмущают их и дают по-

вод к противодействиям». Антирелигиозную пропаганду требовалось направить на раскрытие консервативной и контрреволюционной деятельности церкви, которая поддерживала монархические и черносотенные партии. Существующие антирелигиозные кружки должны были вести агитацию «осторожно», привлекая к ней учителей, врачей и других образованных лиц³.

Город Щегловск, ставший центром Кузнецкого округа в 1926 году, представлял собой образец населенного пункта с поликонфессиональным населением, что позволяет проследить его религиозную жизнь во всех аспектах. Накануне революции в селе Усть-Искитимском была церковь во имя св. Николая Чудотворца. По время Гражданской войны она серьезно пострадала от пожара. Летом 1922 года верующие Щегловска одними из первых перешли в обновленчество⁴. В 1924 году прихожане построили на свои средства новый храм на церковной площади. По закону он являлся собственностью государства, так как община не имела прав юридического лица и не могла владеть собственностью. Чтобы осуществлять религиозные обряды, требовалось заключить с властью договор на использование помещения церкви. Соответствующее заявление от общины было подано в Щегловский горсовет в октябре 1925 года. Уполномоченными со стороны общины были граждане города Александр Георгиевич Иванов, Никита Тимофеевич Балаганский и священник Иван Крестич⁵.

30 октября 1925 года такой договор был заключен. Согласно его условиям, щегловская обновленческая православная община передавала в собственность города храм и тут же получала его в бессрочное и бесплатное пользование. Община брала на себя следующие обязательства: беречь храм как народное достояние; использовать его только в целях удовлетворения религиозных потребностей; производить оплату всех текущих расходов на содержание храма (налоги, отопление, освещение); нести полную материальную ответственность за сохранность всего имущества. Прописаны действия, которые были запрещены: община не имела права предоставлять помещение для каких-либо политических организаций и акций; распространять книги и допускать произнесение речей, направленных против советской власти; производить набатный звон для сбора людей с целью возбуждения их против советской власти и многое другое⁶.

Разработанный и утвержденный устав Щегловской религиозной православной обновленческой общины определял цель — «объединение верующих православных, живущих в г. Щегловске и деревнях: Суховой, Куро-Исктим, Ягуновой, Комиссаровой, Ишановой и Мозжуха». Община

1 Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 642.

2 Устав Анжеро-Судженской общины евангельских христиан, июнь 1923 года // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 501. Л. 267–267 об.

3 Обращение Р. Я. Кисиса ко всем окружкомам и обкомам, декабрь 1925 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 2. Д. 3. Л. 95.

4 В обновляемой церкви // Красное знамя. 1922. № 176. 10 августа.

5 Заявление Щегловской обновленческой православной общины в городской совет, 29 октября 1925 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

6 Договор между православной обновленческой общиной г. Щегловска и городским советом, 30 октября 1925 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4 об.

имела право устраивать молитвенные собрания, участвовать в съездах религиозных обществ, назначать служителей культа для совершения обрядов, управлять имуществом, полученным от местных властей. Членом общины мог стать любой гражданин, придерживающийся этого культа. Запись в члены общины производилась на общих собраниях путем голосования. Община обязана была ежегодно предоставлять списки своих членов в органы власти. Средства общины формировались добровольными пожертвованиями и использовались только на покрытие расходов, связанных с совершением культовых обрядов. Практически все решения общины, включая принятие и выбытие членов, совершение крестных ходов и т. д., санкционировались и утверждались местной властью¹.

Национализированное церковное имущество позволяло советской власти бесцеремонно вмешиваться в дела религиозных общин. Периодически проводилась сверка имущества. В случае утраты или порчи его составлялись специальные акты, общины обязаны были возместить убытки. Доходило до циничного издевательства над чувствами верующих. В июне 1928 года при сверке имущества Никольского храма щегловской православной обновленческой общины представители милиции отметили, что культовые «вещи хранятся в ящике в полном беспорядке, то есть не сложены, а просто брошены». Некоторые вещи «не сходятся по цвету» с описанными в инвентарной книге. В акт была включена такая мелочь, как отсутствие одной медной и одной железной кружки, а также использование «дряблых веревок» на колокольне, что грозило падением колоколов и возможными увечьями жителей².

В конце 1925 года часть прихожан Никольской обновленческой церкви выразили желание вернуться в лоно канонической веры. Вскоре они зарегистрировали староцерковную, или «тихоновскую» Никольскую общину. Приход включал в себя не только город Щегловск, но и близлежащие деревни. Поскольку не было своей церкви, первоначально люди собирались на дому у одного из членов общины — Терентия Егоровича Сенникова. В марте 1926 года на совете общины было принято решение «присоединиться и принять возглавление архиепископа Димитрия Томского». Позднее они построили деревянный молитвенный дом на каменном фундаменте, с печным отоплением, располагавшийся на ул. Крестьянской (в 1937 г. переименована в ул. Чапаева)³.

На правом берегу Щегловска также имелось две православные церкви, причем обе они были Никольские, как и левобережные. Одна из них существовала на руднике, а вторая в деревне Кемерово. Первая функционировала с 1918 по 1923 год, потом была закрыта. Каноническая

принадлежность ее не установлена. Вторая церковь являлась староканонической, по крайней мере, по данным на 1 марта 1930 года она записана именно так. Есть мнение, что позднее прихожане перешли в обновленчество. Церковь была закрыта в 1938 году, помещение переоборудовали в магазин. В мае 1945 года эта церковь была возвращена верующим и вновь стала функционировать⁴.

Помимо православных общин, в Щегловске имелись и другие. В 1925 году общество евангельских христиан построило молитвенный дом и 11 января 1926 года заключило договор о передаче его в свое пользование (ул. Советская, № 141). Условия пользования — такие же, как у других общин. В 1926 году община состояла из 58 человек, в 1931-м — 116 человек. В 1931 году договор был перезаключен. Председателем общины долгое время был крестьянин Степан Савельевич Назаров. В 1934 году евангелисты получили новое молитвенное здание: на ул. 4-й Октябрьской, 20, и вновь перезаключили договор. Сведения о деятельности щегловской общины евангельских христиан имеются до мая 1936 года⁵.

В июле 1926 года в Щегловске состоялся 1-й Кузнецкий окружной съезд евангельских христиан, на нем присутствовали 36 делегатов и 30 гостей. В документах съезда зафиксированы делегаты от 22 групп евангелистов из трех районов (Щегловского, Кольчугинского и Кузнецкого). Судя по делегатам съезда, группы евангелистов были не только в крупных городах Кузбасса, но и в небольших селениях: Елыкаево, Силено, Промышленка, Некрасовка⁶.

Сведения о магометанской общине в Щегловске имеются с марта 1924 года, когда мусульмане заключили договор на получение здания на улице Советской, 117, для использования его в качестве мечети. Здание было старое и ветхое, комиссия даже не смогла установить время его постройки. По разным данным, в мусульманской общине состояли от 24 до 50 человек. В 1929 году городские власти предъявили претензии мусульманской общине, обвинив ее в нарушении договора. По сведениям властей, мечеть использовалась не по назначению, ее сдавали в аренду частным лицам. В результате постановлением Кузнецкого окрисполкома от 2 августа 1929 года и постановлением Президиума Сибкрайисполкома от 17 января 1930 года здание мечети возвращено в ведение города. В нем планировалось устроить красный уголок для мусульман. Протестов со стороны общины не поступило, так как она фактически распалась⁷.

В 1927 году в Кузнецком округе был проведен анализ состояния религиозных общин. Было отмечено, что на 1 апреля в округе имелось 81 церковь, из них 76 действующих со

1 Устав Щегловской религиозной православной обновленческой общины // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7.

2 Акт осмотра имущества Никольской церкви, 11 июня 1928 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–39.

3 Адаменко А. М., Челомбитко М. А. Из истории Никольского прихода Кемерово: церковь на улице Чапаева // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 6. С. 57–58.

4 Адаменко А. М., Челомбитко М. А. История Никольских приходов Кемерово (Щегловска) в довоенный период // Балибаловские чтения: матлы 8-й и 9-й науч.-практ. конф. Кемерово, 2018. С. 89.

5 Подробнее о деятельности общины см.: ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–233.

6 Запись 1-го окружного съезда евангельских христиан, июлю 1926 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 32–35.

7 Административный отдел Щегловского горсовета — в горфинотдел, 14 октября 1930 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

своими приходами. В каждом приходе было от 50 прихожан до 2 тысяч. Наблюдалось некоторое расширение сети церквей. Строились две церкви — одна в Ленинске, другая — в Щегловске. По религиозным направлениям церкви делились следующим образом: 35 сергеевских (сторонников Сергия — последователя умершего патриарха Тихона); 29 обновленческих живоцерковных; 11 автокефальных (состоящих в Томской автономной епархии); приход, признающий Временный Высший церковный совет. В отчете было отмечено, что между обновленцами и тихоновцами шла многолетняя вражда. Вначале обновленцы захватили все приходы в округе, за исключением одного. Но потом тихоновцы вернули себе половину всех церквей. При этом в Кузнецком округе одновременно действовали два епископа: епископ Никон управлял патриаршими церквями, епископ Василий — обновленческими. Старообрядчество не проявляло никакой активности, хотя старообрядческие общины существовали в нескольких районах округа. Сektантские общины были представлены евангелистами (449 человек), баптистами (37 человек) и адвентистами (27 человек). Евангелисты набирали себе сторонников в основном в сельской местности, а баптисты — в городе, среди рабочих. Община адвентистов находилась в стадии распада¹.

В 1925 году в целях пропаганды атеизма и борьбы с религиозными обществами был образован Союз безбожников, переименованный в 1929 году в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Бессменным руководителем СВБ был Емельян Ярославский. Согласно уставу, союз являлся добровольной общественной организацией, объединяющей «противников всех религий» в целях борьбы «за полное раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана». Основными методами работы были пропаганда и агитация в такой форме, чтобы она не оскорбляла «чувства искренне верующей части населения, особенно крестьян». Главным центральным печатным органом союза считалась газета «Безбожник». В отличие от любых религиозных общин, союз воинствующих безбожников имел права юридического лица, мог владеть имуществом, у него были даже знамя и эмблема².

Весной 1926 года Кузнецкий окружной комитет ВКП(б) приступил к формированию сети ячеек этого союза в округе. При каждом райкоме создавались специальные антирелигиозные тройки. Им поручалось заниматься вербовкой членов Союза безбожников; договориться с окружным политпросветом о снабжении необходимой антирелигиозной литературой библиотек, клубов, красных уголков, изб-читален; взять на учет всех, кто мог участвовать в антирелигиозной пропаганде (учителей, интеллигенцию и т. д.) и привлечь их к работе; организовать публикацию в периодической печати соответствующей агитации; снаб-

Удостоверение и членский знак Союза воинствующих безбожников СССР

дить все организованные ячейки литературой, программами и средствами пропаганды³.

В течение 1926 года в Кузнецком округе были сформированы ячейки Союза безбожников. На организационном собрании членов Кузнецкого окружного союза безбожников, состоявшемся 29 января 1927 года, присутствовали Жорес, Михеева, Элбакянц, Стуков, Дятлов, Аминов. На заседании приняли устав общества и разработали план мероприятий на ближайшее время. Для методического руководства было решено выписать из Москвы журнал «Антирелигиозник» и газету «Безбожник». Кроме того, решили проводить совещания окружного совета Союза безбожников не реже двух раз в месяц. Председателем был избран Жорес⁴.

Периодически на заседаниях и совещаниях партийных органов Кузнецкого округа поднимались вопросы антирелигиозной пропаганды и агитации. Например, на совещании окружного комитета ВКП(б) 8 апреля 1929 года был рассмотрен вопрос о праздновании 1 Мая и Пасхи. Принято решение «празднование пасхальных дней отменить», при этом необходимо было добиться выхода на работу во время Пасхи всех рабочих, крестьян и служащих округа. Что касается 1 Мая, то рекомендовалось провести этот праздник в течение трех дней (30 апреля, 1 и 2 мая). Предполагалось организовать массу антирелигиозных мероприятий: лекции в клубах и избах-читальнях, демонстрацию кино, постановку спектаклей, проведение митингов и собраний⁵.

На V Кузнецкой окружной конференции ВКП(б), прошедшей в декабре 1928 года, многие выступающие неоднократно поднимали вопросы антирелигиозной пропаганды и агитации. Одной из главных проблем было отсутствие соответствующей литературы. Причем различные секты, действующие в селениях уезда, зачастую были обеспечены литературой лучше, чем школы, избы-читальни и анти-

1 Состояние религиозных общин в Кузнецком округе на 1 апреля 1927 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 264. Л. 4–5.

2 Устав Союза безбожников СССР // Русский архив. 2013. Т. 2. № 2. С. 89–92.

3 План работы окружного организационного бюро Союза безбожников на октябрь — декабрь [1926 г.] // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–2.

4 Протокол № 1 заседания окружного совета Союза безбожников, 29 января 1927 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 264. Л. 3.

5 Протокол совещания при АПО ОК ВКП(б), 8 апреля 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 424. Л. 23 об.

Фото священника Никольской церкви села Черкасово (Прокпьевского района) Михаила (Борисова), осужденного в 1927 году на 1 год за уничтожение портретов вождей революции // Павлов С. М. Кузбасская Голгофа. Кемерово, 2008. Вклейка между стр. 96 и 97

Фото благочинного Карачумышской церкви Маркела Платонова, осужденного в 1927 году к 3 годам концлагерей за агитационную работу против советской власти // Там же

религиозные кружки. Председатель Кузнецкого исполкома Ф. В. Скрипкин в выступлении подчеркнул: «На окраинах наших городов растут баптистские и разные другие секты, которые своей работой завлекают молодежь и развращают ее религиозным дурманом, а КМС не в состоянии им противодействовать».

Другой выступающий, товарищ Гусев, отметил: «Одним из слабых участков нашей работы является антирелигиозная пропаганда. На практике мы видим, что религиозная работа разных сект в сущности сводится к способствованию классовой борьбы, повышению активности наших политических врагов. А мы мало уделяем внимания этой работе <...> Отношение же партийцев таково: „Я не верю в бога, и ладно“. Все это говорит о непонимании значения этой работы. Антирелигиозная работа мало подвигается, учительство не знает этой работы, на местах нет соответствующих работников». Еще один участник конференции, товарищ Кочетов, также выступил за усиление антирелигиозной работы, так как «религиозные учреждения объединяют явно контрреволюционные элементы». Сектанты, по словам выступавших, вели антисоветскую линию и пропаганду, являясь, по сути, классовыми врагами¹.

Активизация СВБ и ликвидация церквей в конце 1920–1930-х годов. В конце 1920-х годов началось мощное наступление на верующих. В январе 1929 года был разработан и разослан в местные партийные и государственные органы власти секретный циркуляр ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В нем было отмечено, что в СССР происходит постепенный «процесс изживания религиозности», выразившийся в увеличении рядов Союза безбожников, отходе рабочих и крестьян от празднования религиозных праздников, росте доверия к советской школе. Однако этот процесс наталкивается на возрастаю-

щее сопротивление церкви. Усиление социалистического строительства приводит к активизации кулаков и нэпманов, которые используют религию в своей политической борьбе. Церковные и религиозные организации используют трудности социалистического строительства для мобилизации реакционных и малосознательных элементов страны и контраступления на советскую власть.

В целях усиления борьбы с религией ЦК ВКП(б) предложил всем партийным и комсомольским организациям развернуть активную антирелигиозную работу. Было решено оказывать всемерную помощь «Союзу безбожников», чтобы расширить и укрепить эту организацию, усилить антирелигиозную деятельность в школах, профсоюзах, женских организациях и т. д. Для борьбы с религией планировалось развернуть мощную пропагандистскую кампанию в периодической печати; увеличить выпуск антирелигиозной литературы, снабдив ею все избы-читальни, школы, библиотеки, народные дома, музеи; организовать постановку антирелигиозных театральных пьес, кинофильмов, художественных произведений. Органам НКВД и ОГПУ предписано внимательно следить за религиозными организациями, чтобы в случае необходимости пресекать их незаконные действия. В апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», которое конкретизировало и поясняло некоторые ранее принятые законодательные акты о церкви и религии. В октябре того же года принята инструкция НКВД «О правах и обязанностях религиозных объединений», которая разъясняла постановление ВЦИК и определяла систему надзора за деятельностью религиозных объединений².

В октябре 1929 года президиум Кузнецкого окружного совета вынес резолюцию «Об усилении антирелигиозной

¹ Протокол V Кузнецкой окружной конференции ВКП(б), декабрь 1928 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 276. Л. 36, 56, 61.

² Батченко В. С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законодательстве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 305–331.

работы в коммунах и колхозах». Антирелигиозная пропаганда в ней была названа «участком классово-борьбы на идеологическом фронте». Было признано, что эта борьба ведется недостаточно эффективно. Многие члены коммун исполняют религиозные обряды, деятельность Союза воинствующих безбожников ведется плохо, общественность практически не привлекается к антирелигиозной работе. Кузнецкий окружной совет поставил цель «в ближайшие один-два года добиться превращения существующих коммун в безбожные». Для этого требовалось, ни много ни мало, «добиться вступления всех членов коммун в Союз воинствующих безбожников», чтобы колхозы и совхозы стали «рассадниками безбожия». Всем райисполкомам было предписано провести учет членов СВБ и организовать отделения этой организации в каждой коммуне. Кроме того, райисполкомы обязаны были организовать антирелигиозные кружки в каждом крупном селении, привлечь к их деятельности учителей, врачей, агрономов и вообще всех интеллигентных людей. Не позднее февраля 1930 года в каждом колхозе необходимо было создать антирелигиозный уголок, предназначенный для чтения лекций и проведения занятий. Библиотеки и избы-читальни планировалось пополнить антирелигиозной литературой. На финансирование антирелигиозной работы каждая коммуна должна была отчислять 10 % от прибыли. В помощь членам СВБ в села направлялись коммунисты, комсомольцы, инструкторы, лекторы¹.

После ликвидации в 1930 году Кузнецкого округа антирелигиозная деятельность Союза воинствующих безбожников сосредоточилась в районах, входящих ныне в Кузбасс. По данным на 1 июля 1931 года, в Анжеро-Судженском районе насчитывалось 49 ячеек СВБ, объединявших 1 679 членов. Кроме того, в районе действовали девять групп Юных воинствующих безбожников, в которые входили 520 детей и подростков. Партийные власти требовали от райсовета СВБ увеличения численности членов общества в три раза в течение года. Предполагалось, что ячейки СВБ будут созданы на всех шахтах, строительных площадках, в школах, колхозах, коммунах и других учреждениях².

Однако выполнить эти планы не удалось. Более того, антирелигиозная деятельность анжеро-судженских безбожников нередко подвергалась критике со стороны властей и прессы. При этом использовались характерные для того времени ярлыки и термины. На одной из крупнейших шахт Анжеро-Судженского района, шахте № 5–7, в апреле 1937 года было создано оргбюро по антирелигиозной пропаганде, но, по мнению местной прессы, оно бездействовало. Парткомитет объявил выговор всем членам оргбюро, но это не оживило его работу. Тогда решили распустить

Обложка журнала «Безбожник». 1930. № 9 (май)

оргбюро и выбрать новое, что и было сделано. Но это также не привело к активизации антирелигиозной пропаганды. Местная пресса утверждала, что «всякого рода поповщина является верным пособником фашизма, разведывательных органов иностранных государств»³.

Несмотря на критику, антирелигиозная пропаганда в Анжеро-Судженском районе велась очень вяло. В 1937 году численность СВБ в районе сократилась до 708 человек, наблюдался резкий перекоп между городом и деревней. В городе в СВБ состояли 650 человек, а в селах района всего 58. В июле 1937 года Анжеро-Судженский горком указал отдельным парторганизациям на недостаточно активную антирелигиозную работу, но они продолжали вести себя пассивно. На многие шахты были направлены членские билеты СВБ, но вступление в Союз новых членов происходило медленно. Массовая агитационная работа также не велась⁴. Благодаря административному нажиму численность СВБ в Анжеро-Судженском районе к концу 1937 года

1 Резолюция Кузнецкого окружного совета «Об усилении антирелигиозной работы в коммунах и колхозах», октябрь 1929 года // ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 416. Л. 50–51.

2 Генина Е. С. Е. М. Ярославский (1878–1943 гг.) и антирелигиозный фронт Кузбасса // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы II Всерос. науч. чт. 21 декабря 2001 г. Кемерово, 2002. С. 116.

3 Антирелигиозной пропаганде — больше внимания! // Борьба за уголь. 1937. № 142. 5 августа.

4 Фильяев. Широко развернуть антирелигиозную пропаганду в массах! // Борьба за уголь. 1937. № 182. 4 октября.

выросла почти до тысячи человек. Правда, в сельской местности было всего 2 ячейки, в городе и на шахтах — 27¹.

В апреле 1938 года в Анжеро-Судженском районе было 2 023 члена Союза воинствующих безбожников. Но, по мнению прессы, этого количество было недостаточно, чтобы вести масштабную антирелигиозную пропаганду. Бюро Анжеро-Судженского горкома потребовало от всех первичных партийных организаций активизировать антирелигиозную деятельность, привлекая к ней врачей, учителей, агрономов, инженеров, техников. Требовалось организовывать семинары, лекции, чтения. Все мероприятия должны быть направлены на «повышение революционной бдительности», ведь «враги советского народа часто пользуются фальшивой маской христианского братолюбия для того, чтобы прикрыть свою звериную вредительскую деятельность»².

Малую активную отделений СВБ можно объяснить тем, что антирелигиозная пропаганда насильственно насаждалась властью и население пассивно сопротивлялось этому. В течение первой половины 1938 года Анжеро-Судженский горсовет пять раз созывал заседания Пленума с участием представителей СВБ, но состоялось только два совещания, на которых присутствовали 15 и 24 человека соответственно, вместо 100–120 планируемых. На заседании бюро горкома 25 марта было принято развернутое решение о налаживании антирелигиозной работы в городе и деревне, но оно не выполнялось. Многие ячейки Союза воинствующих безбожников существовали только на бумаге, они не проводили не только агитацию и пропаганду, но даже годами не собирались³. Еще один весьма показательный случай пассивного отношения членов СВБ произошел весной в Дачно-Троицком сельсовете недалеко от Анжеро-Судженска. Секретарь местной ячейки Союза воинствующих безбожников Мянущев вместо агитации против Масленицы сам наварил пива и вместе с комсомольцами и председателем колхоза отметил этот религиозный праздник⁴.

На пленуме СВБ, прошедшем 20 мая 1940 года в Анжеро-Судженске, присутствовали 70 активистов. Был заслушан доклад председателя горсовета СВБ Филяева, посвященный 15-летию союза. Антирелигиозная работа велась в городе и деревне недостаточно активно. Многие ячейки СВБ существовали на бумаге и никакой деятельности не вели. На пленуме разработали план мероприятий по усилению антирелигиозной деятельности⁵.

В 1928 году в Тяжинском районе числились 274 члена Союза воинствующих безбожников. Постепенно их ряды увеличивались. К январю 1933 года численность вырос-

ла до 822 человек. В клубах и избах-читальнях регулярно проводились антирелигиозные лекции и беседы, в периодической печати публиковались материалы, дискредитирующие церковь и религию⁶. В селе Тяжин церковь закрыли в 1932 году, а через три года по ходатайству населения было разрешено использовать ее под колхозный клуб. Силами колхозников здание было переделано, клуб открылся 1 мая 1935 года⁷.

Самые впечатляющие результаты роста членов Союза воинствующих безбожников наблюдались в Сталинском районе. Если в начале 1932 года его членами числились 140 человек, то через год их было уже 6 тысяч. Такой колоссальный рост произошел в основном за счет рабочих КМК и других промышленных предприятий. Однако, как отмечала пресса, цифрам не стоило слишком доверять. Дело в том, что никакого учета сбора членских взносов не велось, и, соответственно, значительная часть членов СВБ числилась только на бумаге. Во всем Сталинске выписывалось всего 240 экземпляров газеты «Безбожник», причем почти все — организациями и клубами. У многих членов СВБ антирелигиозная работа была на последнем месте, они объясняли это тем, что главное для них — «ликвидировать прорыв», «поднять производительность», «увеличить добычу»⁸.

В Киселёвском районе оформление СВБ началось довольно поздно, только весной 1937 года. На заседании бюро горкома ВКП(б) 11 апреля был разработан план проведения лекций на антирелигиозные темы, создано оргбюро Союза воинствующих безбожников, определены сроки формирования сети ячеек союза⁹. К лету были организованы 23 ячейки, в которые входили 573 человека. На многих крупных предприятиях Киселёвска, например, на шахте № 1–2, не было ячеек СВБ. Но даже там, где они имелись, работа велась вяло. В печати приводились соответствующие примеры. Так, на 24 июня 1937 года на шахте № 5 была намечена лекция на антирелигиозную тему, но на нее явились 30 человек. Лектору пришлось разыскивать руководителей парторганизации, подключать коммунистов, чтобы собрать как можно больше слушателей. На это ушло четыре часа, только после этого лекция была прочитана собравшимся¹⁰.

На пленуме Киселёвского горкома 19–20 июля всестороннему обсуждению подвергся вопрос об антирелигиозной пропаганде. Работа в этом направлении велась крайне вяло и пассивно. Многие ячейки ВКП(б) считали, что борьба с религией уже не нужна, так как успехи социалистического строительства продемонстрировали преимущества

1 *Филяев*. Покончить с благодушием и беспечностью в антирелигиозной работе // *Борьба за уголь*. 1937. № 210. ноября.

2 *Филяев*. Шире развернуть антирелигиозную агитацию и пропаганду // *Борьба за уголь*. 1938. № 58. 5 апреля.

3 *Филяев*. По-большевистски развернуть антирелигиозную работу // *Борьба за уголь*. 1938. № 101. 14 июня.

4 *Зверев Т. П.* Безбожные пьяницы из Дачно-Троицкого сельсовета // *Борьба за уголь*. 1938. № 50. 20 марта.

5 С пленума горсовета СВБ // *Борьба за уголь*. 1938. № 94. 24 мая.

6 *Лихолобов М.* Почему мы боремся против религии // *За шесть условий*. 1933. № 2. 7 января.

7 *Рецкий И.* Церковь переделана на клуб // *За шесть условий*. 1935. № 32. 8 мая.

8 *Киселёв Г.* Против кулацко-поповской пасхи // *Большевистская сталь*. 1933. № 84. 12 апреля.

9 Создано оргбюро Союза воинствующих безбожников // *В бой за уголь*. 1937. № 51. 12 апреля.

10 *Шапочкин*. Антирелигиозная пропаганда — одна из важнейших задач партийной работы // *В бой за уголь*. 1937. № 78. 27 июня.

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ—БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГАЗЕТА
омского горсовета
С. В. Б.

Адрес редакции: г. Омск, Дом Горсовета.

№ 1. Суббота 19 апреля 1930 г.

Цена номера 7 копеек.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА

Громадные достижения социалистического строительства, быстрый темп развития промышленности, в особенности, тяжелой, как базы индустриализации страны, переделка мелкого раздробленного крестьянского хозяйства в крупные коллективные хозяйства, связанный с этим значительный подъем материального и культурного уровня широких трудящихся масс наносят сокрушительный удар по религии.

Происходят глубокие социально-экономические изменения в нашей стране—мы подошли к окончательному выкорчевыванию капиталистических элементов:—уничтожению кулачества, как класса, вызвали массовое безбожное движение. Мы имеем не только массовый отказ от религиозных праздников, но и превращение их, напр., прошедшее преобразование, в пролетарские дни индустриализации. Мы наблюдаем, что религиозная организация, видя громадные успехи в строительстве нашего хозяйства, предпринимает шаги, направленные всецело на подрыв этого строительства. Су-

дебные процессы по сей день вскрывают контрреволюционные организации, во главе которых стоят служители религиозных культов. Это требует от нас зоркости, бдительности. Отсюда ответственная задача стоит перед передовым пролетариатом—разоблачать эту гнусную поповскую агитацию в среде более отстающего трудящегося населения, путем массового вступления в члены СВБ, развертывания антирелигиозной работы, организации антирелигиозных кружков, создания безбожных ударных бригад на производстве. Тем самым ускорим окончательную ликвидацию религиозного дурмана в сознании трудящихся масс.

Создавая ударные безбожные бригады на производстве, выполним пятилетку в четыре года. Не допустим ни одного прогула в день пасхи.

На происки внутренних и внешних церковников ответим укреплением обороноспособности и хозяйства страны.

ТАРИН.

НА ШЕСТОЙ ГОД И К ТРЕТЬЕМУ МИЛЛИОНУ

Даление искорки атеизма

С 1905-го по 1925-й

В дни когда СВБ СССР отмечает свой пятилетний юбилей, естественно будет услышать вопрос: „а кто из людей был первым безбожником? Историческая наука древнейшим атеистом античного мира называет философа Ксенофана, жившего за две с половиной тысячи лет до нас. Еще раньше, около трех тысяч лет тому назад, в Индии были атеисты, доказывавшие, что учение о богах и кровавые обряды „придумывали жрецы, чтобы пугать дураков“. Прозвище „безбожник“ первым получил греческий философ Федор Киренейский, живший в 320-380 г. г. до христианской эры.

Далее идут Эпикур, Лукреций Кар, а за ними позднее многочисленная плеяда философов и ученых, державших даже в мрачные дни средневековой инквизиции иметь свои суждения „о природе вещей“. Эти безбожные искорки лишь теперь и, главным образом, на советской земле смогли разжечь пламя массового атеизма.

В 1905 году впервые в России печатается (и притом переводная) атеистическая литература. Последовавшая затем реакция задушила еще неуслышанную опериться антирелигиозную пропаганду. Фронтная обстановка мировой войны давала разные контрасты могущественной техники и бессилия поповских молитв, сосредоточивала внимание солдат на вопросах жизни и смерти, заставляла рассуждать и делала тысячи из них атеистами.

Что это действительно было так, порукой за то-обожествленный „мат“, появившийся в последние годы войны, в коем отборная брань „для крепости“ переплеталась с именем бога и богородицы.

Наступивший Октябрь нанес религии первый сокрушительный удар: церковь лишена имущества, денежных субсидий, юридических прав, изгнана из школы. Вскрытие мощей убедило миллионы остальных полуграмотных масс в чудовищном обмане их со стороны „святых отцов“.

Исключительная роль духо-

В пятилетие Союза Воинствующих Безбожников СССР „Безбожник-Ударник“ рапортует о своем появлении в свет и шлет привет от 7000 организованных безбожников г. Омска Центральному Совету СВБ СССР и его органу—газете „Безбожник“.

„Безбожник-Ударник“ пойдет рука об руку со своим старшим братом „Безбожником“, помогая ему, в мерах сил, звать и организовывать массы к последним боям с капитализмом и его атрибутом—религией.

Да здравствует СВБ СССР!

Да здравствует безбожная печать.

Да здравствует ВКП(б), объявившая в 17-м году войны всему капиталистическому миру и богу и воплотившая ее в защиту пролетарской революции и строительство СССР.

„Безбожник-Ударник“

венства в контрреволюционном движении приводила к крайнему озлоблению против попов, рождая в свою очередь, перегибы в приемах нашей пропаганды. И нет ничего удивительного, если кое-где наиболее действующими против религии средствами считались: купание попов в колодцах, обмазывание дегтем церковных дверей, срезание колокольных языков перед пасхальной заутреней и т. д.

Бороться с перегибами, наносившими громадный урон безбожной пропаганде, было не легко. Литература только начинала создаваться. Периодическая антирелигиозная печать ограничивалась журналом „Революция и церковь“. Организации безбожников еще не существует. В конце 1922 г. выходит первый номер газеты „Безбожник“. Тираж растет. Газета имеет огромное организующее влияние на бурлящее безбожное движение. К ранее возникшим ячейкам неверующих прибавляются группы друзей газеты „Безбожник“ (О. Д. Г. Б.). Газета направляет, руководит, консультирует. „Друзья“ информируют и требуют созыва всесоюзного съезда.

Такова доистория.

Уже история

23 апреля 1925 г. на I-м всесоюзном съезде корреспондентов газеты „Безбожник“ и общества друзей газеты „Безбожник“ принимается устав союза безбожников СССР.

Итак, союз оформился. Но он еще далеко не был крепкой и авторитетной организацией. Время и силы тратились долго на споры о содержании и методах антирелигиозной пропаганды. Союз был децентрализованной организацией. Центральный Совет, не имея организационных функций, не мог своевременно исправлять ошибочных шагов „самостоятельных мест“. А их в творчестве „мест“ было достаточно. Тем не менее, рост союза не останавливался: к 1928 г. в союзе безбожной пропаганды, было еще 250.000 членов, ко второму съезду (июнь 1929 г.) уже было 800.000. Повышалось качество работы. Росла и улучшалась антирелигиозная печать.

Пятилетка и массовая коллективизация, разрушая корни капитализма в СССР, подняли грандиозную войну безбожного движения, охватив миллионные массы.

В наши дни Союз Воинствующих Безбожников СССР представляет собою численно подавляющую секцию Интернационала Пролетарских Свободомыслящих, секцию, объединяющую 2½ миллиона атеистов.

Двухмиллионный пятилетний Безбожный Октябрь растет, полный творческих сил.

Не смущаясь громами проклятий своих и зарубежных „черных ворон“, он упорно прокладывает человечеству путь к мировому безбожию.

Дорогу ему!

А. П.

Завтра на предприятиях, в школах и учреждениях г. Омска не будет ни одного прогула. Не должно быть! Наш праздник—1 мая!

А на пасхальный смотр поповских сил рабочие массы ответят завтра формированием десятков ударных безбожных бригад!

советского строя и избавили население от религиозных предрассудков. Это привело к тому, что в городе и районе участились случаи крещения детей, проведения обрядов венчания и отпевания. Они проводились обычно по инициативе пожилых членов семей, когда отцы были в командировках или на работе. Один из корреспондентов газеты «В бой за уголь» был возмущен тем, что во время крещения священник неоднократно называл ребенка «рабом божьим». По его мнению, это свидетельствовало о том, что «с первых дней своего существования христианин лишается самостоятельности и превращается в бессловесного раба, беспрекословно выполняющего будто бы волю бога, а на самом деле — волю попов»¹.

На весь Ленинский район в 1933 году было три ячейки Союза воинствующих безбожников, которые фактически никакой антирелигиозной деятельности не вели. Ни в одном колхозе или совхозе, даже на крупных промышленных предприятиях и шахтах, не было ячеек. Созданный горсовет СВБ быстро распался, образованное вместо него оргбюро СВБ никак не могло начать продуктивную работу. Во Дворце культуры города Ленинска не имелось ни одного антирелигиозного лозунга, в программе его деятельности, расписанной на целый год, не было ни одного антирелигиозного мероприятия².

Спустя несколько лет деятельность СВБ в Ленинске оставалась на низком уровне. В мае 1940 года на расширенном Пленуме горсовета СВБ присутствовали 50 человек. Было отмечено, что на многих шахтах по-прежнему нет ячеек союза, а там, где они есть, работа ведется крайне вяло и пассивно. Правда, в городе появились и передовые ячейки. Самой активной была признана ячейка химлаборатории треста «Ленинуголь». Успешно вела свою работу ячейка СВБ Ленинского госбанка. В целях усиления деятельности СВБ было решено организовать десятидневные курсы для низовых работников Союза, подготовить специальных лекторов и повсеместно распространять газету «Безбожник»³.

Критике подвергался Гурьевский районный совет СВБ. Пробелы в работе наблюдались почти во всех ячейках СВБ Гурьевского района. В 1938 году председатель СВБ Гурьевского завода Утюпин трижды пытался созвать собрание членов кружка, но не смог это сделать, так как никто не являлся. За помощью он обращался в партийные органы завода, но и они не смогли помочь. На многих предприятиях ячейки СВБ существовали лишь на бумаге и никакой деятельности не вели⁴. В июне 1939 года Гурьевская газета «Знамя Ильича» писала, что «антирелигиозной пропагандой у нас привыкли заниматься два раза в году: накануне

„рождества“ и „пасхи“, а в остальное время антирелигиозную пропаганду прекращают, считая, что верующие бывают верующими только на „рождество“ и „пасху“. Есть и такое мнение, что у нас верующие только старики и старухи, которых, дескать, все равно не перевоспитаешь»⁵.

По словам одного из корреспондентов газеты «Знамя Ильича», председатель гурьевского районного совета СВБ Федосов совершенно не занимался антирелигиозной деятельностью, а найти его на рабочем месте вообще невозможно⁶. Сам Ф. Федосов в одной из заметок, опубликованных в местной газете, признал неудовлетворительное состояние антирелигиозной работы. По его словам, в Гурьевском районе сохраняются «религиозные предрассудки» в сельхозартели им. Красной Армии, которая состоит в основном из чувашей. Они соблюдают все религиозные праздники, во время которых не выходят на работу. Кроме того, много верующих в колхозах Дмитриевского сельсовета и самом Гурьевске. Многие из них «ревниво соблюдают религиозные порядки и суеверия». На промышленных предприятиях, в частности на золотых приисках, отсутствуют ячейки СВБ. На тех же, где они есть, например на Гурьевском металлургическом заводе или Салаирском руднике, работа ведется плохо. В январе 1941 года бюро Гурьевского райкома ВКП(б) признала антирелигиозную пропаганду в районе неудовлетворительной⁷.

Навязанная властью антирелигиозная пропаганда имела незначительный успех. Деятельность союза воинствующих безбожников была слабой, многие ячейки СВБ существовали лишь на бумаге. По подсчетам Е. М. Ярославского, в 1937 году атеисты составляли около половины населения страны. Религиозные традиции были особенно живучи в сельской местности. Даже несмотря на закрытие многих церквей, крестьяне втайне продолжали верить в Бога, совершать некоторые обряды, соблюдать традиции.

ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ. Дискриминационная политика советской власти в отношении церкви, антирелигиозная пропаганда и агитация, новое школьное образование и, наконец, смена поколений привели к постепенному закрытию церквей в Кузбассе. Процесс этот начался еще в 1920-е годы, но массовое закрытие произошло в следующее десятилетие. По закону церковь можно было закрыть только в том случае, если такое решение принимали сами граждане, члены религиозной общины, или имелись многолетние задолженности за пользования зданиями и инвентарем, нарушения в эксплуатации храма. Распоряжения о закрытии издавал Западно-Сибирский крайисполком, а с 1937 года — Новосибирский облисполком. Чтобы оформить закрытие церкви, требовалось собрать немало документов: протокол общего собрания граждан с ходатайством о закрытии храма; акт о вывешивании объявления о сдаче в аренду церкви

1 Сопов А. П. Антирелигиозная пропаганда — один из важнейших участков партийно-массовой работы // В бой за уголь. 1937. № 88. 27 июля.

2 Васляков А. Развернуть антирелигиозную пропаганду // Ленинский шахтер. 1933. № 239. 3 декабря.

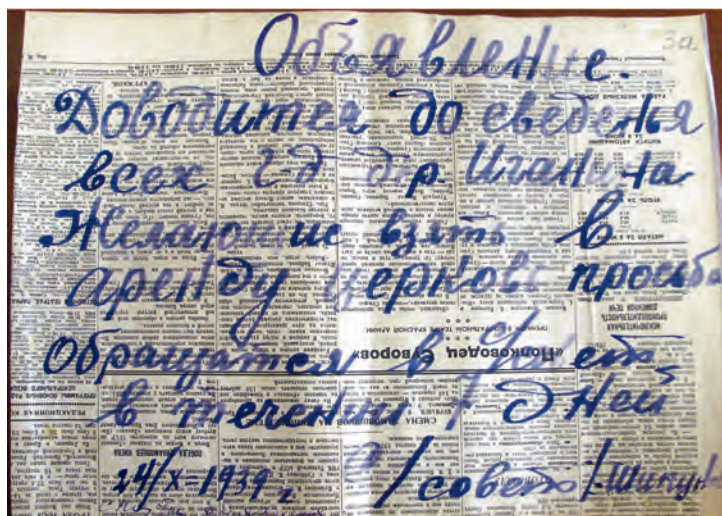
3 Бодров А. Антирелигиозная работа в городе // Ленинский шахтер. 1940. № 90. 18 мая.

4 Г. К. Повсеместно вести антирелигиозную пропаганду // Знамя Ильича. 1938. № 2. 7 января.

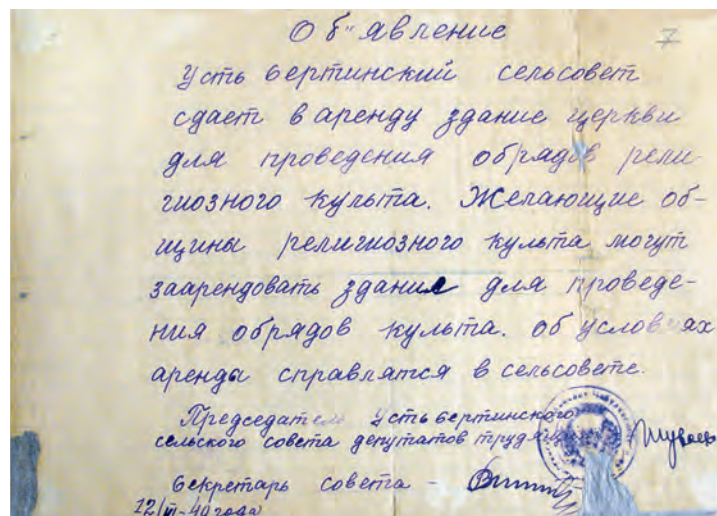
5 Повседневнo заниматься антирелигиозной пропагандой // Знамя Ильича. 1939. № 55. 27 июня.

6 Долгополов. Бездействующий совет Союза безбожников // Знамя Ильича. 1940. № 15. 22 февраля.

7 Федосов Ф. Усилить антирелигиозную пропаганду // Знамя Ильича. 1941. № 2. 5 января.

Объявление о сдаче в аренду церкви в деревне Игарица (Прокопьевский район). 24 октября 1939 // ГАК. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 1А. Л. 3А

Объявление о сдаче в аренду церкви в селе Усть-Сертинском (Чебулинский район). 12 июня 1940 // ГАК. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 1А. Л. 7

религиозной общине; копию договора с общиной; акт о расторжении договора за неуплату налогов или сборов; копию списков верующих; копию списка имущества культового здания. При этом местные власти старались соблюдать всю процедуру закрытия и готовить все необходимые документы. Нередко из-за отсутствия того или иного документа закрытие церкви затягивалось на годы¹.

Типичной для советского периода была судьба старейших церквей Кузбасса. Перерегистрация прихожан Кузнецка в 1929 году продемонстрировала резкое сокращение членов православной общины. Всего были зафиксированы 123 человека, большинство из которых представляли собой старожильческое население города. Малое количество верующих послужило поводом к принятию 8 мая 1930 года постановления Президиума Кузнецкого окружного исполкома о закрытии Спасо-Преображенского собора. Однако это постановление не было утверждено Сибирским крайисполкомом, который 22 июля того же года распорядился «молитвенное здание оставить в пользу верующих». Менее чем через год, 14 июня 1931 года, Кузнецкий райисполком направил ходатайство о закрытии собора и устройстве в нем столовой (на 1-м этаже) и кинотеатра (на 2-м этаже). На этот раз советские власти объяснили это тем, что из-за наплыва строителей «Кузнецкстроя» ощущается острая нехватка общественных помещений. Весь комплект документов о закрытии собора лично отвез в Новосибирск член президиума райисполкома Асанов. Но и на этот раз последовал отказ Западно-Сибирского крайисполкома, оформленный решением от 30 сентября 1931 года².

¹ Левшин Е. А. Фонд Р-964 ГАКО как источники по истории церковно-государственных отношений на территории Кемеровской области в 1936–1940 гг. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: мат-лы конф., посв. памяти профессора А. А. Говоркова / под ред. А. Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 197–198.

² Лизогуб П. П., Крюков Е. Н., Казанцева И. И. Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города. Новокузнецк, 2016. С. 40–41.

Отказ центральных сибирских властей закрыть собор в Кузнецке объясняется тем, что отсутствовал протокол собрания самих граждан, ходатайствующих о закрытии. Тогда в сентябре 1935 года Спасо-Преображенский собор был обследован комиссией, которая пришла к выводу, что его дальнейшая эксплуатация опасна для прихожан. Президиум Сталинского горсовета 9 сентября утвердил это решение и запретил прихожанам собираться в соборе. После этого начался процесс распада городской общины православных верующих. Осенью 1936 года она самоликвидировалась. В течение нескольких лет Сталинский горсовет принял несколько решений — о размещении в здании бывшей церкви музея, конторы электромонтажа, детской больницы, школы комбайнеров, но ни одно из них выполнено не было. Во время Великой Отечественной войны в здании собора разместили хлебозавод № 3. Только в 1990-е годы собор был восстановлен и передан Русской православной церкви³.

Намного меньше повезло Никольскому собору в Мариинске, хотя процедура ликвидации была примерно такой же. В марте 1935 года горсовет подал ходатайство о закрытии собора и передачу помещения под культурно-просветительские учреждения. При этом было отмечено, что православная религиозная община не существует с 1931 года. Решением Западно-Сибирского крайисполкома от 13 сентября 1935 года ходатайство было отклонено, собор предписано «оставить в пользовании верующих». Весной 1936 года из Новосибирска в Мариинск прибыл священник Н. И. Чуреев, который планировал возродить православную общину. На собрании верующих 7 июля принято решение арендовать Никольский собор у города. Однако горисполком затребовал слишком большую сумму и ее уплату в 15-дневный срок. Воспользовавшись этой заминкой, За-

³ Там же. С. 42–47.

Никольская церковь города Кемерово. Ставни на окнах в церкви наглухо закрыты. 1935 // ГАК. Ф. Р-1215. Оп. 19. Д. 6. Л. 1

падно-Сибирский крайисполком 4 августа 1936 года постановил передать собор под зернохранилище.

Дело о Никольском соборе дошло до Президиума ВЦИК, который 20 марта 1937 года принял решение о сохранении его за верующими, но новым постановлением от 1 декабря того же года призвал считать собор закрытым. Документ был подписан самим М. И. Калининым. В январе 1938 года имущество собора описано. На тот момент оно состояло в основном из икон и другой церковной утвари. Наиболее ценными были семь медных колоколов, один из которых весил более 105 пудов. Накануне Великой Отечественной войны здание Никольского собора было продано Мариинской МТС, которая в 1940–1941 годах полностью разобрала его на кирпичи¹.

В Мариинске, который был известен своим поликонфессиональным составом населения, существовали также польский костел и еврейская синагога. Решением Западно-Сибирского крайисполкома от 16 июня 1931 года костел закрыли. Причина была указана такая: «Отказ римско-католического религиозного общества от пользования костелом и уплаты налогов и сборов». Первоначально планировалось использовать здание под какое-либо культурно-просветительское учреждение, но потом его разобрали на стройматериал². В том же году была закрыта синагога. В апреле состоялось собрание еврейской общины,

решившее передать здание синагоги еврейскому колхозу «Равенство труда» для использования в культурных и учебных целях. Постановлением президиума Западно-Сибирского крайисполкома от 17 ноября 1931 года это решение было утверждено. Перед Великой Отечественной войной в здании располагалось спортивное общество «Динамо», потом вплоть до 1990-х годов — почтамт³.

Закрытие церквей в городе Кемерово сопровождалось арестом священников. 29 июня 1937 года были арестованы настоятель 1-й Никольской церкви Николай Хрущёв и дьякон Николай Перепёлкин. 16 июля на место священника прибыл Михаил Фоминский. Однако Кемеровский горсовет, несмотря на неоднократные просьбы членов общины, отказался его регистрировать. В результате Фоминский уехал, так и не дождавшись решения горсовета. 27 августа на его место прибыл настоятель Клавдий Фокин. На следующий день был арестован председатель церковного совета Степан Иванович Дегтярёв, подавший документы на регистрацию Фокина. 26 сентября секретарь горсовета объявил членам общины, что помещение храма изымается под «засыпку зерна». Передачу храма под зернохранилище власти цинично объяснили тем, что в церкви нет настоятеля и богослужения не ведутся⁴. Видя бесперспективность

3 Подробнее см.: Манонина Т. Н., Самсонова А. А. Культурная архитектура иудаизма в Сибири: синагоги г. Мариинска // Вестник ТГАСУ. 2019. Т. 21. № 3. С. 99–111.

4 Жалоба церковного совета 1-го Никольского религиозного общества г. Кемерово в Центральный исполнительный комитет РСФСР, 27 сентября 1937 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 194–195 об.

1 Копылов С., Лапкин Ф. Город на Кии: к 300-летию Мариинска (поселение Кийска). Кемерово, 2001. С. 127–128, 130–131.

2 Там же. С. 122–123.

и даже опасность противостояния власти, церковный совет 3 июля 1937 года подал прошение о расторжении договора с общиной. Президиум горсовета 7 сентября 1939 года договор с общиной расторг¹. Позднее здание использовалось под бондарную мастерскую. Распоряжением Новосибирского облисполкома от 31 января 1940 года новообновленческая церковь в Кемерове была закрыта, а здание разрешено использовать под школу². Позднее там открыли филиал школы № 1.

Священник Пророко-Ильинской церкви села Усяты (Прокопьевский район) Пётр Волынский, расстрелян в 1937 году // Новомученики и исповедники земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. Вклейка

Священник церкви Архистратига Михаила (Архангела) села Васильевка (Юргинский район) Александр Бальва, расстрелян в 1937 году // Там же

жарного надзора», будет утвержден священник и службу можно будет возобновить⁴.

В сентябре 1938 года община ходатайствовала о регистрации священника, проживавшего в Перми. Горсовет затребовал приезда священника в Кемерово, так как заочно его регистрировать запрещалось. Верующих на тот момент было 53 человека. В мае 1939 года городские власти вместе с представителями религиозной общины осмотрели здание храма и составили акт, в котором отметили, что возобнов-

Настоятель церкви села Любаровка (Юргинский район) протоиерей Иоанн Бальва с супругой, расстрелян в 1937 году // Там же

29 июня 1937 года арестован настоятель 2-й Никольской церкви Пётр Хрущёв. На его место прибыл новый священник Александр Ильинский, которого тоже арестовали 14 августа. При аресте проводились обыски. В храме было изъято 1 700 нательных крестиков. Второму религиозному Никольскому обществу отказывали в регистрации нового настоятеля. На действия Кемеровского горсовета была подана жалоба от членов общины во ВЦИК РСФСР³. Вопрос о возобновлении богослужения во 2-м Никольском храме Кемерова рассматривался на самом высоком уровне. Члены религиозной общины послали несколько жалоб, в том числе в Верховный Совет РСФСР. Весной 1939 года Новосибирский облисполком запросил объяснений от Кемеровского горсовета. Городские власти объяснили, что Никольский храм не закрыт, но богослужения не ведутся по причине отсутствия ремонта и настоятеля. Также сообщили, что, как только община выполнит предписания «по-

ление богослужений возможно только после проведения капитального ремонта, перекладки печей и проведения водоснабжения. На 1938–1939 годы община имела задолженность по аренде, налогам и страховым взносам в размере более 1 400 рублей⁵. Постановлением Президиума Кемеровского горсовета от 9 сентября 1939 года из-за ходатайства общины было решено просить Новосибирский облисполком о разборе помещения Никольской церкви или проведения капитального ремонта с целью дальнейшего использования для нужд города⁶. Постановлением Новосибирского облисполкома от 10 декабря 1939 года церковь в Кемерове на ул. Чапаева была закрыта. Помещение разрешено использовать под культурные цели⁷.

Закрытие Петропавловского храма в Салаире растянулось на длительное время. Осенью 1938 года из-за отсутствия священника прихожане разрешили временно (в течение трех месяцев) использовать помещение под склад

1 Кемеровский горсовет в Новосибирский облисполком, 28 октября 1939 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.

2 Распоряжение Новосибирского облисполкома, 31 января 1931 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 268.

3 Жалоба церковного совета 2-го Никольского религиозного общества г. Кемерово в Центральный исполнительный комитет РСФСР, 27 сентября 1937 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 193–193 об.

4 Кемеровский горсовет в Новосибирский облисполком, 7 марта 1939 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

5 Кемеровский горсовет — Новосибирскому облисполкому, 16 мая 1939 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 214.

6 Постановление Президиума Кемеровского горсовета, 9 сентября 1939 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 221.

7 Постановление Президиума Новосибирского облисполкома, 10 декабря 1939 года // ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 233.

муки. Когда в декабре срок закончился, церковный совет потребовал вывезти хлеб из церкви. Но поселковый совет отказался это делать, более того, по его распоряжению на колокольне начали строить трансформатор. Тогда жители поселка вынуждены были жаловаться в Верховный Совет СССР. В феврале 1939 года Новосибирский облисполком потребовал от Гурьевского райисполкома разобраться в этом деле. Местные власти заявили, что храм в Салаире имеет трещину и опасен для граждан. После этого прихожане отправили вторую жалобу в Москву. Их настойчивость имела некоторый эффект, вскоре не только центральные, но и областные власти стали требовать объяснений от Гурьевского райисполкома. Более года потребовалось местным властям, чтобы различными ухищрениями склонить прихожан к «добровольному» отказу от аренды церкви. При этом органы НКВД «разоблачили» двух попов, которых прихожане пригласили для службы в церковь. В декабре 1940 года вышло распоряжение Новосибирского облисполкома, согласно которому Салаирская церковь передавалась под кинотеатр¹.

Кстати, 1940 год стал годом самого массового закрытия церквей в Кузбассе. По распоряжению Новосибирского облисполкома было закрыто 26 церковных зданий. По данным исследователей, в 1931–1937 годах на территории Кузбасса было закрыто 40 православных храмов, в 1939–1942 годах — еще 70. В начале 1943 года на территории только что образованной Кемеровской области не было ни одной действующей церкви. Закрытые храмы использовались под склады и мастерские (54%), клубы, школы и другие культурные учреждения (34%), остальные пустовали (12%)². Характерной особенностью было то, что большинство закрытых храмов к моменту принятия решения в Новосибирске не использовались по назначению несколько уже лет. Религиозные общины не могли подыскать священников, так как большинство были репрессированы; из-за отсутствия ремонта многие церкви находились в ветхом состоянии; антирелигиозная пропаганда и смена поколений привели к тому, что большая часть прихожан были преклонного возраста, а молодежь придерживалась атеизма.

¹ Левшин Е. А. Фонд Р-964 ГАКО как источники по истории... С. 198–200.

² Генина Е. С. Е. М. Ярославский (1878–1943 гг.) и антирелигиозный фронт Кузбасса... С. 117.

Заключение

В конце XIX века начался процесс индустриализации Кузбасса. Благодаря строительству Сибирской железной дороги регион получил мощный толчок в развитии. Известные, но почти невостребованные угольные и металлургические богатства стали притягивать частный и государственный капитал. Крупные акционерные компании и правительственные структуры начали промышленное освоение региона. Удобнее всего было разрабатывать угольные месторождения, расположенные вдоль Транссиба. Поэтому первыми появились частные Судженские и государственные Анжерские копи. Позднее образовалось «Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей». Для вывоза угля оно построило Кольчугинскую железную дорогу, запланировало строительство крупного металлургического завода вблизи Кузнецка и целую сеть транспортных коммуникаций.

Однако Октябрьская революция на время остановила процесс индустриализации. Установившаяся после окончания Гражданской войны советская власть сначала практиковала политику военного коммунизма и полностью национализировала все отрасли промышленности. Позже она пыталась поднять промышленный потенциал страны путем возвращения в экономику рыночных методов. Однако эти меры способствовали только восстановлению прежнего уровня производства, не давая возможности создавать новые отрасли — машиностроение, металлургию, энергетику, производственное строительство. В результате ВКП(б) взяла курс на ускоренную индустриализацию командно-административными методами в рамках плановой экономики.

Кузбасс стал одним из первых регионов, где проводилась советская индустриализация. Удачное сочетание природных богатств, наличие угольных месторождений и железных руд позволили создать здесь крупнейшее металлургическое производство. Одновременно получили развитие химическая промышленность и цветная металлургия. Все это способствовало урбанизации населения, появлению новых городов и рабочих поселков. К началу 1940-х годов городское население Кузбасса превысило по численности сельское.

В период предвоенных пятилеток добыча угля в Кузбассе выросла более чем в 7 раз. При этом нужно отметить две

важнейшие тенденции. Во-первых, на протяжении 1929–1940 годов угледобыча стабильно увеличивалась, ее рост составлял около 20% в год. Во-вторых, произошло перемещение центра угледобычи из Северного Кузбасса в Южный. Если в 1929 году Анжеро-Судженский район выдавал до 43% угледобычи всего Кузбасса, то в 1940 году ее доля снизилась до 15%. Южнокузбасский район, напротив, увеличил свою долю с 20% до 60%. Кемеровский и Ленинский районы в долевого отношении оставались стабильными и выдавали на-гора от 10% до 20% от всего угля Кузбасса. Вслед за перемещением производства двигалось и население региона.

Самой выдающейся стройкой периода индустриализации в Кузбассе был Кузнецкий металлургический комбинат. Это грандиозное строительство, в котором были заняты десятки тысяч человек, прибывших во всей страны, стало их настоящим трудовым подвигом. Практически все работы осуществлялись вручную или с минимальным использованием техники. Построенный завод выпускал металла больше, чем некоторые малые государства Европы. В то время подобными предприятиями обладали только две страны в мире — Германия и США.

Завершившийся накануне Великой Отечественной войны процесс трансформации местного кузбасского общества, переход его от аграрной стадии развития к индустриальной был сложным, противоречивым и неоднозначным. Наряду с массовым энтузиазмом, трудовыми рекордами и верой населения в светлое будущее он сопровождался насильственной коллективизацией, раскулачиванием, настоящей внутренней войной в крестьянской среде, массовыми репрессиями во всех сферах жизни. Тем не менее в результате индустриализации была создана вторая угольно-металлургическая база СССР, во многом позволившая победить в войне. Весь ход социально-экономического развития предопределил превращение Кузбасса из экономико-географического региона в административный и создание Кемеровской области.

Приложения

1. Справка об административно-территориальном устройстве Кузбасса в XVII — первой четверти XX века

Процесс формирования пространственной организации Кузбасса в ходе административно-территориальных преобразований проходил в течение более чем трех столетий: от поставления в 1618 году в верховьях Томи томскими служилыми людьми Кузнецкого острога до складывания существующих административных границ Кемеровской области (образована 26 января 1943 года) 13 августа 1944 года, когда из ее состава во вновь образованную Томскую область был передан Зырянский район¹.

В этом процессе возможно выделить три исторических периода:

1) вхождение Притомья в состав Российского государства (XVII в.);

2) губернский (1708–1925 гг.);

3) районирование второй четверти XX в. (1925–1944 гг.).

Поставление первых русских городов и острогов в конце XVI — XVII веке положило начало административно-территориальному делению сибирских земель. Основной административно-территориальной единицей здесь, как и в Европейской России, стал уезд. Высшей административно-территориальной единицей считался разряд. Первоначально все сибирские уезды входили в Тобольский разряд, в 1629 году был образован Томский разряд.

Определяющим фактором в политике Российского государства в освоении Сибири был фискальный — обкладывание ясаком коренного населения, прикрепление его к специфическому типу государственного натурального тягла. Податной единицей, унифицированной для всего региона, становится ясачная волость, которая обозначала не столько землю, территорию, сколько зависимое, под-

властное население (от первичного смысла «волости» — «власть, владение»)².

В локализации сибирских земель российская администрация руководствовалась природно-географическим фактором, считая таковым бассейны крупнейших рек региона (Обь, Енисей, Лена)³. Формирование уездной территории определялось речной системой (основным, а зачастую и единственно возможным путем сообщения в регионе) и принципом близости или удаленности от города/острога ясачных волостей, подведомственных тому или иному городу, состав которых пересматривался с присоединением новых земель⁴.

Объясчавание населения Томи и Чулыма, защита от претензий прежних «держателей» (енисейские киргизы, черные калмыки (ойраты) приводят к образованию Томского (1604) и Кузнецкого (1622⁵) уездов — основных административных образований на территории Кузбасса до первой четверти XX века.

Аграрное освоение Притомья организует сеть русских старожильческих поселений в станы, административными центрами которых являлись остроги: Кузнецкий (1618), Сосновский (1657), Верхотомский (1670) и Мунгатский (1715).

2 Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. С. 67–68.

3 См., напр.: Грамота [губернатора кн. М. П. Гагарина] калмыцкому контайше в ответ на его листы, опровергающая принадлежность ему некоторых пограничных земель, и о предоставлении бухарцам и калмыкам свободной торговли в Сибири // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. № 22. С. 67. Вследствие строительства в конце 1710-х годов цепочки русских крепостей и откочевки на юг поданных джунгарского хунтайджи южная граница России в Западной Сибири стала проходить по Иртышу.

4 Добжанский В. Н. Определение уездных границ и принципы формирования уездных территорий Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Сб. науч. тр. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 144–147.

5 Добжанский В. Н. О времени и причинах образования Кузнецкого уезда // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003. С. 223–227.

1 Об образовании Томской области в составе РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 44.

* * *

В XVIII веке в результате целенаправленных действий власти существенным образом меняется система территориальной организации государства. В 1708 году в стране была проведена областная реформа, вводилось губернское деление. Среди восьми учрежденных была и Сибирская губерния, с административным центром в Тобольске. В 1719 году она была разделена на три провинции: две приуральские (Вятская и Соликамская, в 1727 году переданы в Казанскую губернию) и одну собственно сибирскую (Тобольскую). В 1724 году из Тобольской провинции выделены еще две: Енисейская и Иркутская. В 1724–1726 годах Томский и Кузнецкий уезды входили в состав Енисейской провинции, однако вследствие неудобства управления вновь перешли в Тобольскую провинцию. В 1764 году в «Сибирском царстве» была образована вторая губерния, Иркутская, из-за чего Сибирская стала именоваться Тобольской¹.

Кузнецк долгое время оставался самым южным русским укрепленным пунктом в Западной Сибири, выполняющая функцию военного форпоста Российского государства на границе с Джунгарским ханством, что способствовало утверждению российской государственности в Южной Сибири. Итогом этого стало последовательное включение в состав России территорий верхнего Притомыя и правобережного Приобья с этническими группами предков современных телеутов, шорцев, некоторой части хакасов и алтайцев. В середине XVIII века границы Кузнецкого уезда простирались в широтном направлении — от реки Обь (заходя на 20–40 км в глубь левого берега) до водораздела верховий Чулыма и Томи, в меридиональном направлении — от рек Бердь (приток Оби) и Северная Уньга (приток Томи) до Телецкого озера² (в современных административных границах это территории Кемеровской, Новосибирской областей, Алтайского края, Республик Алтай и Хакасия).

В 1747 году со взятием в казну алтайских заводов Демидова на части трех низших административных единиц Кузнецкого ведомства (Бердского острога, Белоярской и Малышевской слобод) организуется ведомственно-территориальное образование — Колывано-Воскресенский горный округ. Формирование и административное устройство его шло одновременно с припиской населения к заводам и освоением новых территорий³. В 1779 году большая часть территории округа (в том числе с Кузнецким уездом)

была организована как самостоятельная административная единица — Колыванская область⁴.

Новая административная реорганизация в Сибири была проведена в 1782–1783 годах с целью унификации территориального устройства региона с общероссийским согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи» (1775). В результате северная часть современной Кемеровской области оказалась включенной в состав Ачинского и Томского уездов Томской области Тобольского наместничества, остальная — в состав Кузнецкого уезда Колыванской губернии⁵. Реформа реорганизовала исторически сложившиеся уездные границы. В образованный Колыванский уезд частично вошли территории Томского и Кузнецкого уездов, селения Верхотомского острога перечислены из Томского в Кузнецкий уезд, в Бийский уезд отходила юго-западная часть Кузнецкого уезда (левобережье р. Бия и Чумыш от слияния).

Новая реорганизация, связанная с упрощением губернского устройства, была проведена после прихода к власти Павла I. В 1796–1797 годах наместничества были переименованы в губернии, областное деление отменялось, Колыванская губерния упразднилась. Кузнецкий уезд (с присоединенным к нему Бийским уездом) и Красноярский уезд (с присоединенным к нему Ачинским уездом) вошли в состав Тобольской губернии; Колыванский уезд присоединялся к Томскому⁶. Таким образом, горный округ потерял статус самостоятельной административной единицы и вновь вернулся к состоянию ведомственно-территориального образования. Новым в административном устройстве стало разделение уездов на *волости* (в горном округе с 1799 г.), а также, с целью налаживания более эффективного управления на местном уровне, — введение промежуточных административных единиц: в горном округе — *управительств* (сохранились до 1864 г.), в остальных уездах — *комиссарств*⁷.

В 1804 году из состава Тобольской губернии была выделена Томская губерния, в границах которой территория Кемеровской области входила в Красноярский, Томский и Кузнецкий уезды, последний был разукрупнен с образованием вновь Бийского уезда⁸.

В 1822 году произошло новое районирование Сибири в связи с развитием положений ревизии М. М. Сперанского. Естественно-географические условия, результаты хозяйственного освоения территорий, потребности гражданского управления получили более полное и последовательное воплощение в административно-территориальном устройстве региона. Сибирь была разделена на Западную и Восточную (с введением генерал-губернаторств), уезды стали называться *округами*. Окружные границы вну-

1 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. IV. № 2218; Т. V. № 3378; Т. VII. № 4606, 4916; Т. XVI. № 12269.

2 Контев А. В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Известия АГУ. 2013. № 4-1. С. 30–31.

3 Подробно см.: Борблик Е. М. Территориально-административное устройство Колывано-Воскресенского горного округа в XVIII в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 25–35; *Ее же*. Административные преобразования в Колывано-Воскресенском горном округе в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул, 1994. С. 33–47; *Соболева Т. Н.* Административно-территориальное устройство Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1822–1861 гг. // Там же. С. 48–59.

4 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. XX. № 14868.

5 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. XXI. № 15327, 15548, 15679, 15733.

6 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17634, 18233.

7 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18082; Т. XXVII. № 20890; Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919: сб. документов. Барнаул, 2003. С. 51–52; ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 118–122.

8 ПСЗ РИ-I. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 21183.

три Томской губернии подверглись изменениям. За счет разукрупнения Томского и Бийского (в 1822–1827 гг. центр округа находился в г. Чарыш) были образованы Колыванский и Барнаульский округа. Спецификой управления Томской губернии стало соединение в одном лице (до 1864 г.) должностей томского губернатора и начальника Колывано-Воскресенских горных заводов¹. Территория бассейна реки Чарыш (Уксунайская волость) была перечислена в Кузнецкий уезд. При разграничении Томской и Енисейской губерний территория между рекой Чулым и ее притоком рекой Кия (Кийская волость) отходила в состав Томского округа² (в который она и входила до 1782 г.), в связи с чем количество административных единиц, охватывавших Кемеровскую область, уменьшилось до двух: Кузнецкий и Томский округа.

В 1856 году территориальная структура Томской губернии была пересмотрена. В связи с развитием частной золотопромышленности и скоплением в местах золотодобычи большого числа рабочих из ссыльнопоселенцев Томский округ был разукрупнен с образованием из числа волостей государственных крестьян (Колыонская, Баймская, Дмитриевская, Боготольская) и инородных управ (оседлые Корюковская, Курчиковская; кочевые Малокаргачинская, Тутьальско-Чулымская, Кызылдеевские 1-й и 2-й половины) Кийского округа с центром в селе Кия, возведенного в степень окружного города. Создание новой административной единицы происходило за счет упразднения Колыванского округа. В 1857 году Кийск переименован в Мариинск³. Разграничение двух округов прошло по реке Яя.

Во второй половине XIX — начале XX века административное устройство Томской губернии не претерпело столь частых изменений. В 1882 году с упразднением должности Западно-Сибирского генерал-губернатора на Томскую губернию был распространен общий порядок управления, существовавший для внутренних губерний⁴. В 1898 году в сибирских губерниях округа переименовались вновь в уезды⁵.

В начале XX века значительный прирост населения, вызванный проводимой правительством аграрной реформой, приводит к дроблению волостей. Увеличению числа последних способствовала и осуществляемая в это время губернскими властями реформа административного устройства инородцев, в результате которой местное население причислялось в крестьянские сельские общества или создаваемые самостоятельные волости с распространением в них порядка управления «по крестьянскому образцу».

Обширность территории и многочисленность населения, а также затруднения в области управления, связанные с мобилизацией военнообязанных, расквартированием войск и военнопленных в условиях начавшейся Первой мировой войны, стали причинами инициирования со стороны томского губернатора вопроса о разукрупнении губерний⁶. Проблема получила разрешение уже со стороны Временного правительства, которое своим постановлением от 17 июня 1917 года образовала в Томской губернии четыре новых уезда (в том числе Новониколаевский) и разделила ее на две: Томскую и Алтайскую. Томский, Мариинский и Кузнецкий уезды остались в составе Томской губернии. Незаселенные районы лесных массивов и арендных статей не были законодательно разграничены, постоянные границы между губерниями и уездами должны были быть установлены на местах по заключениям Томского и Алтайского земских собраний⁷.

Одновременно свой проект разукрупнения губернии разработала комиссия губернского Народного собрания — сформированного на выборной основе нового органа местного самоуправления. Согласно проекту, утвержденному 7 мая 1917 года, из северной части Кузнецкого уезда выделялся Щегловский уезд⁸. Положительно разрешая вопрос о разделении губернии, губернское собрание решило запросить пограничные местные волостные собрания, к какой губернии они хотели бы присоединиться.

Во многом стихийное развитие процесса административного районирования региона привело к существенным изменениям границ Кузнецкого уезда. Семнадцать его волостей (и по одной волости из Томского и Мариинского уездов) отошли в состав образованного Щегловского уезда (постановлениями Томского губисполкома Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 30 марта 1918 г. и Совета министров Верховного правителя адмирала Колчака от 28 июля 1919 г.⁹); одна (Коуракская, выделена в 1909 г. из Тарсминской волости) — в Новониколаевский уезд¹⁰; восемь (в бассейне р. Чарыш) — в Бийский уезд¹¹.

1 ПСЗ РИ-I. Спб., 1830. Т. XXXVIII. № 28892, 29124, 29125.

2 Описание граничной черты, определенной Иркутским и Енисейским генерал-губернатором между Западной и Восточной Сибирью, 1823 г. // ГАК. Ф. Д-15. Оп. 1. Д. 29. Л. 172 об.

3 ПСЗ РИ-II. Т. XXXI, отд. I. № 31222; Т. XXXII, отд. I. № 32420; ГАК. Ф. Д-34. Оп. 1. Д. 30. Л. 353–356.

4 ПСЗ РИ-III. СПб., 1882. Т. II. № 886.

5 О преобразовании крестьянских учреждений в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Томские губернские ведомости. 1898. № 33. 20 августа.

6 Разгон Н. И. К вопросу об образовании Алтайской губернии (1917–1919 гг.) // Краеведческие записки. Барнаул, 2007. Вып. 7. С. 71–72.

7 Об образовании в Томской губернии 4 новых уездов и о разделении ее на две губернии: Томскую и Алтайскую: постановление [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений правительства от 17 июня 1917 г. № 163. Ст. 893. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-7529/> (дата обращения: 11.07.2021).

8 ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 6. Л. 16д.

9 Правительственный вестник (г. Омск). 1919. № 246 (1 окт.); *Кадейкин В. А.* Город, рожденный революцией // 50 лет городу Кемерову: матлы науч. конф. Кемерово, 1968. С. 14.

10 ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

11 Ельцовская, Зимовская, Мартыновская, Поповичевская, Сары-Чумышская, Уксунайская, Урупская и Яминская волости в ноябре 1917 года по согласованию между Бийской и Кузнецкой земскими управами были присоединены к Бийскому уезду. Все эти волости образовались путем дробления Уксунайской волости. См.: ГАК. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации. Путеводитель. М., 2001. С. 761, 770.

Из-за политической нестабильности в 1917–1919 годах и затягивания решения вопроса со стороны томских властей процесс размежевания двух губерний оказался незавершенным¹.

В 1921 году процесс разукрупнения Томской губернии продолжился путем выделения из ее состава Новониколаевской губернии (постановление ВЦИК от 13 июня). 31 декабря этого же года Томгубисполком утвердил проект междуволостного районирования казенных лесных дач, согласно которому южная часть Кузнецкого уезда, занимающая систему рек Абакан и Лебедь, исключалась из состава Томской губернии. Граница с Енисейской губернией устанавливалась по водоразделу между бассейном реки Абакан и системы рек, впадающих в Томь; с Алтайской губернией — по водоразделу между бассейном реки Лебедь и системы рек, впадающих в Томь². Передаваемая территория по системе реки Абакан (около 13 тыс. кв. верст) примыкала с запада к Сейской волости Минусинского уезда, которая по решению Президиума Енисейского губисполкома от 29 ноября 1922 года отходила в состав вновь образованного Хакасского уезда³.

* * *

С утверждением в государстве, в том числе в Сибири, советской власти доминирующим фактором в организации территориального устройства становится принцип экономического районирования.

Постановлением ВЦИК от 4 февраля 1924 года Сибревкому было предоставлено право провести на территории Сибири низовое районирование — укрупнение волостей. Реформирование низовых административных единиц прошло достаточно оперативно, 4 сентября 1924 года районный состав Томской губернии был утвержден протоколом Сибревкома № 40/1018. Административный центр на низовом уровне определялся по факту экономического тяготения к нему окрестных селений и наличием путей сообщения. Экономическими связями между центром и селениями определялся средний размер административного района (по количеству населения и расстояния между селением и центром)⁴. В результате вместо 147 волостей (вместе с поселковыми исполкомами) был образован 41 район⁵.

После укрупнения волостей признано нецелесообразным сохранение в отдельности уездных организаций в Щегловском и Кузнецком уездах и по ходатайству губисполкома постановлением Президиума ВЦИК от 27 октября 1924

года оба эти уезда объединены в один — Кольчугинский уезд с центром в поселке Ленино⁶.

В 1925 году уездно-губернское административно-территориальное устройство в Сибири упразднилось. 25 мая того же года Президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края с разделением его на округа и районы⁷. Томский уезд вошел в состав Томского округа, Кольчугинский — Кузнецкого округа (его административным центром de facto оставался Щегловск, de jure — с 29 марта 1926 г.⁸). Западная часть бывшего Мариинского уезда (Верх-Чебулинский, Зырянский, Ижморский, Малопесчанский, Мариинский, Троицкий районы) отошла к Томскому округу, восточная (Боготольский, Итатский, Сусловский, Тисульский, Тюхтетский, Тяжинский районы) — к Ачинскому округу.

Таким образом, на 1925 год территория будущей Кемеровской области входила в состав следующих административно-территориальных единиц:

Сибирский край;

Томский округ;

Болотнинский (частично), Верх-Чебулинский, Зырянский (частично), Ижморский, Ишимский (частично), Коларовский (частично), Малопесчанский, Мариинский, Поломошинский, Судженский, Тайгинский, Троицкий, Юргинский районы;

Ачинский округ;

Итатский, Сусловский, Тисульский, Тяжинский районы;

Кузнецкий округ;

Бачатский, Кемеровский, Кондомский, Крапивинский, Краснинский, Кузнецкий, Ленинский, Прокопьевский, Топкинский, Усть-Сосновский, Щегловский районы.

1 Подробно см.: Разгон Н. И. К вопросу об образовании Алтайской губернии... С. 71–81.

2 Граница Томской губернии // Красное знамя. 1922. № 13. 18 января.

3 Образование Хакасского уезда Енисейской губернии было утверждено постановлением ВЦИК от 14 ноября 1923 года. В документе зафиксировано вхождение во вновь образованный уезд Сейской волости Кузнецкого уезда. См.: Хакасский уезд. Доклады и протоколы губадминкомиссии, представленные ВЦИКу. Красноярск, 1923. С. 4, 29–30; СУ РСФСР. 1923. № 89. Ст. 869.

4 Александровский М. Волостное районирование Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии. Томск, 1925. С. 48–53.

5 Там же. С. 60–68.

6 СУ РСФСР. 1924. № 84. Ст. 852.

7 СУ РСФСР. 1925. № 38. Ст. 268.

8 СУ РСФСР. 1926. № 19. Ст. 151.

2. Список инородческих волостей на территории Кемеровской области в XVIII–XIX веках

Топонимы в этой и других таблицах приводятся согласно их написанию в источниках.

Ясачные книги 1715/1718 г.	Г. Ф. Миллер (1734 г.)	Народность	1801/1804 гг. разряд по «Уставу об инородцах» 1822 г.	Админ. реформа 1909–1914 гг.
Кузнецкий уезд				
«Белые калмыки»	Телеутская; белых калмыков по реке Томь от монастыря до устья реки Ускат	Телеуты	Телеутская при реках Томь, Бачат, Ускат, Чумыш в 1812 г. разделена на три части Оседлые инородные управы	Телеутская с 01.01.1910
Тюлюберская	Тюлюбердская	Тюльберы	Объединена с Боянской	
Баянская	Баянская с предыдущей: от устья реки Ускат до Мунгатского дистрикта		Боянская при реках Томь, Ключевая, Боянская 1-й и 2-й пол. Оседлые инородные управы	Боянская с 01.01.1910
Азкыштымская	Кыстымская; Kystimi по реке Бачат	Ашкыштымцы	Ашкыштымская 1-й пол. при реках Бачат, Томь, Ускат. Оседлая инородная управа	с 01.01.1910 в Телеутской волости
			Ашкыштымская 2-й пол. при реках Тараба и Крутиха. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
Тагапская	Тагапская	Тагабцы	Тагабская 1-й пол. по рекам Чумыш, Кондома, Кандолеп. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.11.1909
			Тагабская 2-й пол. по рекам Чумыш, Кандолеп и др. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
Тогульская	Тогульская (от гидронима) с предыдущей: вниз вдоль реки Чумыш	Тогулы	Тогульская 1-й пол. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1910
			Тогульская 2-й пол. Оседлая инородная управа	В 1909 г. вошла в Яминскую волость
Керетская	Керетская; Keresch устье реки Аба	Керетцы	Керетская по рекам Чумыш и Корба. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
Сагайская	Сагайская на р. Axis, приток Абакана и в верховьях реки Июс	Сагайцы	Сагайская кочевья на реках Нина, Улень, Абакан, Уйбат и др.	Енисейская губерния с 1823 г.
Бельтирская	Бельтирская по рекам Абакан, Таштып	Бельтиры	Белтирская по рекам Абакан, Табе и др.	Енисейская губерния с 1823 г.
Ближняя Карга	Ближняя Карга по реке Ортон, приток Мрассу	Бирюсинцы	Ближнекаргинская по рекам Абаза, Есса, Тея. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
Кузешева Карга	Кузешева Карга по реке Мрассу, где впадает река Сюртка		Кузешева (Дальнекаргинская) при реках Есса, Мрассу, Абакан, Таштып. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость
Кызыл Карга	Кызыл-Карга по реке Пызас, приток Мрассу		Кызыльская (Кызыл-Карга) кочевья при реках Есса, Мрассу, Абакан, Таштып. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость
Ковинская	Кивинская по реке Котег, приток Мрассу		Ковинская по рекам Таштып и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость

Ясачные книги 1715/1718 г.	Г. Ф. Миллер (1734 г.)	Народность	1801/1804 г. разряд по «Уставу об инородцах» 1822 г.	Админ. реформа 1909–1914 г.
Кувинская	Кивинская по реке Мрассу, выше предыдущей		Кивинская (Инигина) (?Ки(ы)йская), кочевья при реках Таштып и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость
Изушерская (Ви- зюшерская)	Изушерская по реке Пызас, приток Мрассу		(Мрасско-) Изушерская при реках Попача (?) и Кандолеп. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость
Елейская на Мрассу	Елейская по реке Мрассу, выше реки Tasch-jilga		Мрасско-Елейская по рекам Томь, Бачат, Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Мрасскую волость
Карачорская	Карачерская, иначе Шорская; Schori по реке Кондома, в 30 верстах выше Елейской		Карачерская по рекам Кондома, Бия, Киндырла, Сось Таштып. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Кондомскую волость
Базараков улус Верхотомская волость	Богоракова при устье реки Мрассу	Абинцы (верхотомцы)	Богоракова (1801 – Богораков улус) при реках Томь и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Томскую волость
Созымов улус Верхотомская волость	Мойнакова, в 30–40 верстах выше предыдущей, между реками Уса и Бельсу, правыми притоками Томи		Казанова (1801 – Казанов улуса) при реках Томь и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Томскую волость
Бокчетаев (Бак- четаев) улус		Абинцы	Абинская по рекам Томь, Кондома. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
Бежбояков (Беж- бояков) улус	Бешбаякова в 10 верстах от устья Мрассу		Мрасско-Бежбоякова (1801 – Бежбоякова улус) при реках Томь и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.11.1909 в Томскую волость
	Бешбаякова (Катунская) в 30–40 верстах выше Барсаяцкой, в устье рек Тельбес и Мундыбаш		Кондомско-Бежбоякова по рекам Чиланда, Кондома, Чумыш, Керлегешу и др. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.11.1909
Енданов (Ендаев) улус	Едеева у реки Tasch-jilga, приток Мрассу		Едеева при реках Томь и Мрассу. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Томскую волость
Тугуяков (Тугочаков) улус	Тогоякова вверх по реке Умзас		Вошел в Борсаяцкую волость	
Барсаяков улус, выделился из Тугуякова	Барсаяцкая в 30–40 верстах от устья Кондомы		Борсаяцкая при реках Томь и Кондома. Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г.
	Етиберская в 40–50 верстах от устья реки Мундыбаш		(Кондомо-) Итиберская при реках Уруна, Чумыш, Кандаlep. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Кондомскую волость
Итиберская	Етиберская по реке Кондома, где река Антроп; в 50 верстах выше Бешбаяковой		Итиберско-Шерогашева при реках Кондома, Кендырла, при степном Чумыше. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912 в Кузедеевскую волость
Елейская на Кондоме	Елейская по реке Кондома, в 40–50 верстах от предыдущей		Елейские юрты (Кондомо-Елейская). Кочевая инородная управа	Упразднена в 1910 г. в Кондомскую волость
Шелканская	Шолкальская в 60–70 верстах от устья реки Лебедь	Челканцы (обособившаяся часть кумандин- цев или шорцев)	Шелкальская (Кондомо-Шелкальская) по рекам Лебедь и Бия. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912, «причислить к ближай- шей волости Бийского уезда»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ясачные книги 1715/1718 г.	Г. Ф. Миллер (1734 г.)	Народность	1801/1804 гг. разряд по «Уставу об инородцах» 1822 г.	Админ. реформа 1909–1914 гг.
Каргинская по Кондоме	Каргинская на реке Лебедь, ниже предыдущей			
Кумандинская	Кумандинская на устье реки Лебедь	Кумандинцы	Верхне-Кумандинская Нижне-Кумандинская	
Южская (Юсленская)	Юская или Еутская; Jeuti между реками Бия и Катунь		Южская	
Кузенская	Кузенская по реке Бия		Кузенская	
Комнашская (Комлячская)	Камляшская по реке Бия		Комляжская	С 1804 г. в Бийском уезде
Тиргешская (Тергецкая)	Кергешская по реке Бия		Кергежская	
Тау-телеуты	Тау-Телеутская в горах по реке Катунь			
Телеские люди	Телеская на озере и возле устьев рек Чулушман и Чулыш			
			Калмыцкие дючины 1-я – 5-я	
Томский уезд				
		Окладные переписи 1751, 1764 гг.	Кузнецкий уезд	
Камларская горная	Камлярская Обская (татары ране жили на Оби) река Береш	Кайларская 2-й пол.	Камларская по рекам Стрельна, Сосновая, Глубо- кая, Иня. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912
Камларская	Камлярская Ачинская по рекам Июс и Урюп	Камларско-Ачин- ская у Божьего (Большого) озера	Камларская ачинская	
Кизыльская	Кызыльская по реке Июс, в 30 верстах выше устья реки Серез	Кызыльская- ачинская; по реке Черная и Мелец- ком остроге	Кизильская ачинская	Енисейская губерния с 1823 г.
Аргунская	Аргунская по реке Чулым, выше устья реки Яя, и по реке Тусюл, приток реки Сердь	Малая Аргунская	Малоаргунская	
Шушская (Шуйская) реки Тисулька и Каштак	Шусткая по рекам Урюп и Береш	Шуйская	Шуйская 1-й пол.	
		Шуйская 2-й пол.	Шуйская 2-й пол. с предыдущей: по рекам Калтырак, Изылах, Иня. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912
		Ячинская 2-й пол.	Ячинская 2-й пол. по рекам Иня, Томь, Стрельная, Кал- тырак, Тарсма, Корчуган, Искитим. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912
		Ячинская 1-й пол.	Ячинская на Черном озере	Енисейская губерния с 1823 г.
			Кумышская. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1912

Томский уезд				
	Кумыская (выделилась после 1718 г.) в Сосновском дистрикте	Кумыская (№ 11)	Кумышская по рекам Калтырак, Иня, Изылах. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.01.1910
Ячинская по река Яя	Ячинская река Яя, в 40 верстах от села Спасское	Ячинская 1-й пол.	Ячинская. Оседлая инородная управа	Упразднена с 01.07.1913 в Судженскую волость
		Телеутская 1763 г.	Телеутская. Оседлая инородная управа	Телеутская с 01.01.1909
Каргачина	Каргачина по Чулыму, ниже устья реки Яя	Большая Каргачина	Больше-Каргачинская. Кочевая инородная управа	Упразднена с 01.01.1911 в Ново-Кусковскую волость
Мариинский уезд (с 1856 г.)				
		Малая Каргачина	Мало-Каргачинская. Кочевая инородная управа	
Мелесская (Туталова)	Тутальская по реке Чулым, выше Кызылдеевой	Тутальско-Чулым- ская	Тутальско-Чулымская. Кочевая инородная управа	Тутальско-Чулымская вол. с 01.07.1914
Кызылдеева	Кызылдеева по реке Чулым, где впадает река Кия, и немного вверх по Кие	Кызылдеева ю. Чибинских и на реке Шегарка	Кизильдеева 1-й пол. Кочевая инородная управа	
			Кизильдеева 2-й пол. Кочевая инородная управа	
Корюковская (Абалакова)	Корюкова по реке Кия, в 80 верстах от устья	Корюковская	Корюковская (Корюковская). Оседлая инородная управа	Корюковская с 01.01.1909
Кийская (Курчикова)	Курчукова по реке Кия, в 60 верстах выше предыдущей, а также по реке Береж	? Курчинская	Курчуковская. Оседлая инородная управа	Корчуковская с 01.01.1909

Источники:

Батъянова Е. П. Община у телеутов в XIX — начале XX в. // Телеуты / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1992 (Материалы к серии «Народы и культуры»).

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 94–118.

Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. документов / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010.

Кимеев В. М. Этнический состав шорцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири: сб. науч. тр. Кемерово, 1986. С. 44–55.

Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии, с показанием в оных жителей по исчислению, учиненному по 1 сентября 1801 года // Государственный архив Костромской области. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 66–67 об.

Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 28–30.

Окладные переписи ясачным жителям ведомства г. Томска, платившим ясак в томскую воеводскую канцелярию 1751 и 1764 гг. // Томские губернские ведомости. 1862. № 12 (23 марта). С. 88–90.

Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск, 1992.

Томские губернские ведомости. 1909. № 86, 89; 1910. № 2; 1912. № 10, 48; 1913. № 47; 1914. № 40. Часть офиц.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 101–116, 138–149, 182–195, 226–246, 285–286.

Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 81–83.

3. Административно-территориальное устройство Томского и Кузнецкого уездов в XVIII — начале XIX века

1734 г. (Дистрикт)	1782 г. (Слобода)	1804 г. (Волость)	Современный субъект РФ
<i>Томский уезд</i>			
Уртамский острог	Уртамская Богородская	Богородское комиссарство	Томская область
село Николаевское	Николаевская		
город Томск			
а) Поросский стан	Нелюбинская		
б) Окологородный стан	Семилужная	Турунтаевское комиссарство	
село Спасское на реке Томь	Спасская		
село Спасское на реке Яя	Кольонская		Кемеровская область
Чаусский острог	Варюхинская Чаусская Ояшинская <i>Кольванский уезд</i> Кривошековская	Приписные волости	Новосибирская область
Сосновский острог	Кайлинская Тутальская Сосновская (в 1792 присоединена к Тутальской) Пачинская (до 1797 — экономических крестьян) <i>Кузнецкий уезд</i> Тарсьминская Верхотомская		Кемеровская область
Верхотомский острог			
Мелеский острог	<i>Ачинский уезд</i> Кийская Боготольская Подгородняя (Ачинская)	<i>Красноярский уезд</i> Боготольское комиссарство	Красноярский край
Ачинский острог	Краснореченская	Ачинское комиссарство	
<i>Кузнецкий уезд</i>			
город Кузнецк	Кузнецкая Ильинская Бачатская	Приписные волости	Кемеровская область
Мунгатский станец	Мунгатская Касьминская		
Бердский острог	<i>Кольванский уезд</i> Бердская Легостаевская Ординская	<i>Томский уезд</i> Приписные волости	Новосибирская область
	Чингинская Малышевская Бурлинская Кулундинская	<i>Бийский уезд</i> Приписные волости	Алтайский край
Малышевская слобода			
Белоярская крепость	<i>Бийский уезд</i> Белоярская Боровлянская Талменская Уксунайская Чумышская		
Бикатунская крепость	<i>Бийский уезд</i> Барнаульская Касмалинская Чарышская Шадринская		
Колывано-Воскресенский медный завод	<i>Семипалатинский уезд</i> Колыванская		

Источники:

Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.

Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 74–77.
ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 423. Л. 19 об.–20.
ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 12. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1.

4. Волостной состав на территории Кемеровской области в 1782–1924 годах

Волость ¹	Образование / ликвидация		Источник
	Дата	Из какой выделилась / на какие разделилась	
<i>Томский уезд</i>			
Арлюковская	[1919]	Переименованная Керенская волость (бывшая Сергеево-Михайловская?)	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 9
Варюхинская	1782 / 1821	присоединена к Ояшинской	ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151. Л. 314 об.; Д. 2555. Л. 146–151
Варюхинская	01.01.1907	Ояшинская	ТГВ. 1906. № 53
Вознесенская	1918	Судженская и Ишимская	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 7
Емельяновская	1918	Судженская и Ишимская	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 7
Ишимская	Между 1838–1856	Кольонская / 01.01.1897 выделилась Ново-Кусковская; 01.01.1911 Турунтаевская (частично)	ТГВ. 1897. № 3; 1910. № 84
Литвиновская (Романовская, в 1921 – Красносельская)	01.01.1909	Тутальская 08.03.1913 переименована в Романовскую	ТГВ. 1909. № 13; 1913. № 20
Пачинская	1782 / 1860	Селения отошли к Тарсьминской и Тутальской	ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151; Соболева, с. 57
Пачинская	01.01.1910	Литвиновская	ТГВ. 1909. № 93
Пашковская	1918	Романовская	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 8
Поломошинская	1918	Тутальская, Романовская и Пачинская	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 об.
Попереченская	1918	Керенская (бывшая Сергеево-Михайловская?)	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 об.
Проскоковская	1918	Тутальская, Варюхинская	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 об.
Сергиево-Михайлов-ская	01.01.1912	Тутальская село Поперечный Искитим 10.04.1910 переименовано в село Алексеевское	ТГВ. 1910. № 28, 1911. № 56
Судженская	01.01.1897	Ишимская	ТГВ. 1897. № 3
Таловская	01.01.1908	Судженская	ТГВ. 1908. № 10
Телеутская	01.01.1909	Оседлая инородческая управа	ТГВ. 1908. № 86
Тутальская	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Яя-Петропавловская	1918	Судженская Томского уезда и Тамаровская Мариинского уезда	ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 156. Л. 8
<i>Мариинский уезд</i>			
Алчедатская	01.01.1866	Дмитриевская	ГАК. Ф. Д-34. Оп. 1. Д. 168. Л. 5
Баимская	До 1855 / 01.01.1897	Тюменевская, Сусловская	ТГВ. 1897. № 3
Большебарандатская	01.01.1898	Дмитриевская	ТГВ. 1897. № 48
Бароковская	01.01.1911	Итатская	ТГВ. 1910. № 92
Берчикульская		Дмитриевская	
Верх-Чебулинская	01.01.1905	Алчедатская	ТГВ. 1904. № 48
Горно-Приисковая	/ 1920–1924		
Дмитриевская (в 1920 – Тисульская)	1822	Кийская	Ермолаев, с. 23–24
Златогорская	29.01.1907	Тундинская	ТГВ. 1907. № 13
Итатская	01.01.1898	Боготольская	ТГВ. 1897. № 48; 1914. № 86
Колеульская	Ок. 1920	Малопесчанская	

1 Состав волостей приведен на 1920-й год. См.: Список населенных мест Томской губернии. По данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кольонская	1782 / 12.08.1871	Переименована в Почитанскую	ТГВ. 1871. № 34
Кольонская	01.01.1897	Почитанская	ТГВ. 1897. № 3
Кийская	1782 /1855	Переименована в Баимскую?	
Кийская	Ок. 1920		
Козеюльская	01.01.1913	Верх-Чебулинская, Алчедатская	ТГВ. 1912. № 85
Корчуковская	01.01.1909	Оседлая инородческая управа (с 1822)	ТГВ. 1908. № 86
Куликовская	Ок. 1920	Дмитриевская	
Малопесчанская	01.01.1897	Почитанская	ТГВ. 1897. № 3
Новоподзорновская	Ок. 1920	Итатская	
Почитанская	12.08.1871	Переименована из Кольонской	ТГВ. 1871. № 34
Рубинская	01.01.1911	Сусловская	ТГВ. 1910. № 92
Сандайская	Ок. 1920	Сусловская	
Сусловская	01.01.1897	Баимская	ТГВ. 1897. № 3
Тамаровская (центр – поселок Новоникольский)	29.01.1907	Почитанская	ТГВ. 1907. № 13
Тамбаровская	Ок. 1920	Большебарандатская	
Тенгулинская	Ок. 1920	Тюменевская	
Троицкая	Ок. 1920	Тундинская	
Тундинская (в 1920 – Летяжская)	01.01.1897	Почитанская	ТГВ. 1897. № 3
Тюменевская	01.01.1897	Баимская	ТГВ. 1897. № 3
Тяжино-Вершинская	01.01.1898	Дмитриевская	ТГВ. 1897. № 48
Тяжинская	01.01.1911	Сусловская	ТГВ. 1910. № 92
Усть-Колбинская	Ок. 1920	Дмитриевская	
Чернышевская	01.01.1915	Итатская	ТГВ. 1914. № 86
Чумайская	Ок. 1920	Алчедатская	
Шестаковская	Ок. 1920	Дмитриевская	
<i>Щегловский уезд</i>			
Арсентьевская	01.07.1914	Таловская Томского уезда	ТГВ. 1914. № 41
Барачатская	01.01.1913	Верхотомская, Мунгатская	ТГВ. 1912. № 81
Барзасская	01.01.1914	Златогорская Мариинского уезда	ТГВ. 1913. № 90
Бояновская (центр – Аило-Атымаково)	01.01.1910	Боянские 1-й и 2-й пол. Инородческие волости	ТГВ. 1909. № 86
Большееямская	01.07.1917	Тарсьминская	ГАК. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 5. Л. 28
Вагановская	1920	Касьминская	
Верхотомская	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Вновь Стрельнинская (с 20.05.1916 центр – поселок Топкинский)	01.01.1914	Тарсьминская	ТГВ. 1913. № 74; 1916. № 38
Вознесенская	01.01.1913	Верхотомская	ТГВ. 1912. № 86
Зарубинская	01.01.1912	Тарсьминская	ТГВ. 1912. № 17
Касьминская (с 01.09.1920 – Красная)	1782	Переименована постановлением горuezдисполкома	ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151; Знамя революции. 1920. № 208
Крапивинская	01.01.1911	Мунгатская	ТГВ. 1910. № 62
Лебедовская	01.07.1913	Касьминская	ТГВ. 1913. № 14
Морозовская	01.01.1912	Касьминская	ТГВ. 1911. № 64
Мунгатская	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Подонинская	1822?/ 1872	учитывала государственных крестьян Кузнецкого уезда	ТГВ. 1872. № 14
Подонинская (Алексеевская в 1910)	01.01.1910	Верхотомская	ТГВ. 1910. № 2
Смолинская	01.01.1912	Верхотомская, Вознесенская, Мунгатская	ТГВ. 1912. № 20

Тарсьминская	1782	01.01.1909 выделилась Коуракская ¹	ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151. ТГВ. 1908. № 61
Титовская	01.01.1913	Тарсьминская	ТГВ. 1912. № 57
<i>Кузнецкий уезд</i>			
Бачатская	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Верх-Кондомская	Ок. 1920		
Ильинская	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Караканская	01.01.1911	Бачатская	ТГВ. 1910. № 73
Кара-Чумышская		Бачатская	
Кольчугинская	01.01.1912 / 1922	Касьминская / реорганизована в Ленинский ПИК	ТГВ. 1911. № 64
Кондомская	01.01.1912	из кочевых инородных волостей	ТГВ. 1912. № 10
Краснознаменская	Ок. 1920	Ильинская, Кузнецкая северо-восточная часть уезда, вниз по Томи	
Кузедеевская	Май 1912	из кочевых инородных волостей	Шерстова, с. 242
Кузнецкая	1782		ГААК. Ф. Д-1. Оп. 2. Д. 151
Мрасская	01.01.1912	из кочевых инородных волостей	ТГВ. 1912. № 10
Николаевская	01.01.1912	Бачатская	ТГВ. 1912. № 17
Петраковская (центр – деревня Атаманова)	Март 1921	Кузнецкая, Томская	Знамя революции. 1921. № 55
Прокопьевская	01.01.1911 / май 1923	Ильинская / реорганизована в Прокопьевский ПИК	ТГВ. 1911. № 14; Красное знамя. 1924. № 58
Салаирская	1863	Бачатская	Поникаровский, с. 27
Телеутская (центр – деревня Семенушкина)	01.01.1910	Оседлые инородческие волости	ТГВ. 1909. № 86
Терентьевская (в 1912 – Александровская)	01.01.1912	Ильинская	ТГВ. 1911. № 59
Томская	01.01.1912	Из кочевых инородных волостей	ТГВ. 1912. № 10
Урско-Бедаревская	Ок. 1920	Бачатская, Салаирская	
Ускатская (в 1912 Романовская)	01.01.1912	Бачатская	ТГВ. 1912. № 17

Волости за пределами Кемеровской области

Кузнецкий уезд

Уксунайская волость с 01.07.1909 разделена на Уксунайскую (с 01.01.1913 выделилась Мартыновская; 01.07.1913 – Зимовская) и Ельцовскую (с 01.07.1911 выделилась Саро-Чумышская волость) (ТГВ. 1909. № 42; 1911. № 42; 1913. № 4, 52).

Яминская волость с 01.07.1911 разделена на Яминскую, Поповичевскую и Урупскую (ТГВ. 1911. № 25).

Мариинский уезд

Боготольская волость (1782 г.) с 01.01.1898 разделена на Итатскую (см.) и Краснореченскую, с 01.01.1908 выделена Тюхтетская (ТГВ. 1907. № 96), к 1920 году – Ново-Петровская, Поваренкинская, Юрьевская.

Зырянская волость (выделена между 1858–1871 гг. из Кольонской волости) – с 01.01.1914 выделена Чердатская (из нее – Медодатская) (ТГВ. 1914. № 6), к 1920 году – Дубровская, Туендатская.

Тутальско-Чулымская образована с 01.07.1914 из кочевых инородных управ (ТГВ. 1914. № 40).

Библиографический список

Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.

Поникаровский Д. А. Сочинения по истории земли Кузнецкой / сост., авт. вступит. ст. и комм. А. Н. Ермолаев. Кемерово, 2011. 272 с.

Соболева Т. Н. Административно-территориальное устройство Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1822–1861 гг. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул, 1994. С. 48–59.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. 312 с.

¹ С июля 1917 года причислена в состав Новониколаевского уезда (ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 3. Л. 14).

5. Поволостной состав административных районов Томской губернии 1924 года

Волости, входящие в состав района	С какими селениями входят волости в состав района
Нарымский край	
<i>1. Каргасокский район</i>	
Тымская	Вся
Каргасокская	Вся
Васюганская	Вся
<i>2. Парабельский район</i>	
Парабельская	Вся
Кенгинская	Вся
<i>3. Колпашевский район</i>	
Кетская	Вся
Тискинская	Вся, кроме деревень Лебатер, Коломина и Михайловка, поселка Голевский
<i>4. Чаинский район</i>	
Чаинская	Вся
Парбигская	Вся
Тискинская	деревня Лебатер, поселок Голевский
Варгатерская	Вся
Иксинская	Бакчар, Тетеренка
Томский уезд	
<i>1. Молчановский район</i>	
Молчановская	Вся
Амбарцевская	Чебанова, Усть-Чулымская, Игрекова, Иванцово-Плотбище, Стрежна, Орловка (Кукуй), Салтыкова, Колоберга, Черкасова, Кудрина, Вяткина, Драницина, Смолокурова, Тюделекова, Спиркина, Харское Плотбище, Нижне-Таткина, Верхне-Таткина, Ламеевский, Старица, Бояркина, Фирсова, Анга, Лысая гора
Ново-Александровская	Алексеевский, Троицкий, Базановский, Таганцевский
Иксинская	Вся, кроме поселка Еринский и деревень Бакчар и Тетеринка
Тискинская	деревни Коломина и Михайлова
<i>2. Кривошеинский район</i>	
Николаевская	Кроме деревень Больше-Брагиной, Мало-Брагиной, Пушкаревой и Игловской, заимка Литвиново
Казырбакская	Вся
Новоалександровская	Кроме Алексеевского, Троицкого, Базановского и Таганцевского
Иштанская	Вся
Монастырская	Вся
Амбарцевская	деревни Айканчева, Петухова, Верхний Сор, Сергеевка, Амбарцева, Былина, Н. Сор
<i>3. Богородский район</i>	
Богородская	Кроме Кереевского, Тагана и Молчановой
Бобарыкинская	Вся
Кулманская	деревня Саргатка
Иксинская	поселок Еринский
Николаевская	Большая и Малая Брагины, заимка Литвиново
Кожевниковская	Кожевниково, Аркадьёво, Н. Покровка, Н. Троицкая
Елгайская	Н.-Александровка, Н. Ивановка, Н. Успенка, Песочно-Горельская, стан Ювала, Терсолгай, стан Чернова, Хмелевка
<i>4. Вороновский район</i>	
Вороновская	Кроме деревни Кругликовой с хуторами Кашеут, Ингара, Кулаковский и Хвощинский
Чилинская	Вся

Елгайская	Елгай, Поперечная, Мостик, Петропавловка, Верх-Уртамка, Топка, Бобровка, Усть-Тоя, Тоя-Шегарка, Ивохино, Аптала, Карпово, Ново-Ювала, Пичугино
Кожевниковская	Уртам, Н.-Сергеевка, Могильники, хутор Сорокова
<i>5. Болотнинский район</i>	
Болотнинская	Кроме поселка Дубовский
Мануйловская	Кроме деревни Елфимова
Киряковская	Вся
Варюхинская	деревни Алабучинская, Конок, Зелеева, Бараханская, Красная, Крутая, Кожевникова, Ленинский, Мальцева, Метленкина, Макурина, Н. Макурина, Томилова, Уфимская, М. Березник, Мало-Лукина, Ушатский, Читовский, Лукина, М. Черная, Крутой Лог, хутора Березняк I, Березняк II
Просоковская	Кроме деревень Безменова, Филонова, Лебяжья и Чахлова
Тутальская	деревни Турнаева, Татаринова
Арлюковская	Кроме Красиловки и Н. Шалая
Вороновская	деревня Кругликова, хутора Ингара, Кашеут, Кулаков, Хвощинский
<i>6. Юргинский район</i>	
Тутальская	Кроме деревень Турнаевой и Татриновой
Телеутская	Кроме Юрты-Константиновы
Попереченская	Вся
Просоковская	деревни Безменова, Филонова, Лебяжья и Чахлова
Болотнинская	Дубовский
Мануйловская	Елфимова
Арлюковская	Красиловка, Ниж. Шалай
Пачинская	Романова, Колмакова, Колбиха
Большееямская	Б. Ямное, Беляниха, Граматуха, Юрманова, Н.-Гутова, Копылова
<i>7. Поломошинский район</i>	
Поломошинская	Вся
Красносельская	деревни Саламатова, Дауровка, Кулаковка, Комаровка, Иткара, Борки, Коленова, В. Сосновка, Балахнина, Болтовка, Литвинова, Мугалова, Корчуганова, Терехина, Романова, Тарабыкина, Маян, Б. Еловка
Пачинская	Баранова, Бурлатова, Рождественский, Власкова, Горевка, Еловка, Каменушка, Колмогорова, Пещерка, заимка Колмогорова, Кунгуровка, хутор Кунгуровский, Крылова, Минчева, Бояршина, Быстрянка, Пача, Писаная, Морковкина, Капральский, Лашковский
Варюхинская	Сосновский острог
<i>8. Тайгинский район</i>	
Пачинская	Красный Яр, М. Нифонтова, Орловка, Шемиловка, хутор Рожков, Кутова, Выломова, Дурыманова, Путина, Доронина, Старковский, Годунова, Вануковича, Ив. Каменский, Еф. Каменский, Жердаков, Широкова, Жердакова, Яр, поселок Злыгостевский, хутора Злыгостев, Поляков, Носков, Сидоркин, Овчинников, деревни Яшкина, В. Яшкина, хутор Жуковский, заимка Плотникова, В. Пача, Голдобина и Филимонова
Пашковская	Вся
Ярская	деревня Суранова
Таловская	Вся
Петуховская	деревня Светлая и Н.-Суранова
Красносельская	Яшкино, Б. Шубино, Истомино, Кузель, Тиновка, Грива Гороховская, Сипотиха, Дубровка, Малиновка, Лесной, Хопкино, Ботьево
Яя-Петропавловская	Прудковский, Путиловка, Донской, Невский, Борисовский
Арсентьевская	Усть-Ербак, Ипполитовский, Дмитриевский, Гольшевский, Быковский, Васильевский, Ровненский, Борисовский
<i>9. Судженский район</i>	
Судженская	Вся
Вознесенская	Вся
Яя-Петропавловская	деревня Яя-Петропавловская, Выдровский, Турат, Богословка, Яя-Бенедиктовский, Брусничный, Орлинский, Н.-Александровский

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тамаровская	Мальцева, Ломовица
Емельяновская	Михайловка
<i>10. Ишимский район</i>	
Ишимская	Вся
Турунтаевская	Вся
Н. Рождественская	Вся
Емельяновская	Кроме деревни Михайловой
Кольонская	Громашево, Ольговка, В. Великосельское, ст. Покровка, Тихеевка, Н. Покровка
<i>11. Новокузковский район</i>	
Н-Кусовская	Кроме села Пышкино-Троицкое и поселка Успенский
Вороно-Пашенская	Вся
Александровская	деревня Андреевка
Митрофановская	Вся
Н-Николаевская	Вся
Амбарцевская	Б-Семёнова, М-Семёнова, Трескулова, Лаптева, Берёзовая Грива
<i>12. Зачулымский район</i>	
Архангельская	Вся
Рождественская	Вся
Новокузковская	село Пышкино-Троицкое и поселок Успенский
Медодатская	Кроме деревень Бибулина и Городок
<i>13. Томский Северный район</i>	
Семилуженская	Кроме деревень Аркашева, Сафронова, Нехорошева и хуторов Бильдинский, Винченков и Свиноградов
Александровская	Кроме деревни Андреевка
Петропавловская	Вся
Николаевская	деревень Игловская, Пушкарева
Эуштинская	Горбунова, Стекланный завод
<i>14. Коларовский район (Томский Южный)</i>	
Коларовская	Вся
Петуховская	Кроме деревень Светлая, Н-Суранова
Ярская	Кроме деревни Суранова
Варюхинская	Калтай, Алаева, Усть-Сосновка, Константинова, Килино, Березовая Речка, хутор Кривошеинский, Якимова, Путинцева, Казанцева, Зырянка, Хлебак-Пикон, заимка Нижние Озера, хутор Кусков, Переверзин 2-го, заимка Корякина, деревни Кирык, Смокотина, хутора Голиково, Янек, село Варюхино
Телеутская	Юрты-Константиновы
Кулманская	Кулманы, Базанакова, Канаева
Чатская	Вся
Эуштинская	Тигельдеево, Эуштинское, Н. Эушты
Нелюбинская	Вся
Зоркальцевская	Вся
Богородская	Керевское, Таган, Молчанова
Семилуженская	Аркашева, Сафронова, Нехорошева, хутора Бильдинский, Винченков, Свиноградов
Мариинский уезд	
<i>1. Зырянский район</i>	
Зырянская	Вся
Дубровская	Вся
Туендатская	Кроме поселка Туендатский
Чердатская	Вся
Медодатская	деревни Городок и Бикмуллина

Кольонская	Вомбалы, Павловка
Тутало-Чулымская	Ст-Бергаево, Н.-Бергаево, Тазырачева, Хохлаево, Муны, Станок, Кондеевский, Борожинский, Красная Горка
<i>2. Малопесчанский район</i>	
Малопесчанская	Вся
Коллеульская	Вся
Туендатская	поселок Тукай
Тюменевская	села Белогородка, Георгиевка
<i>3. Ижморский район</i>	
Почитанская	Вся
Кольонская	Александровка, Бекет, Дмитриевка, Кольон, Нижегородка, Н.-Орловка
Тюменевская	село Бериккуль
Тамаровская	Ново-Никольское, Степановка, Азанова
<i>4. Троицкий район</i>	
Златогорская	Вся
Троицкая	Вся
Тундинская	села Тундинское, Симбирка, Петровка, Летяжское
<i>5. Мариинский район</i>	
Кийская	Вся
Корчуковская	Вся
Алчедатская	Усть-Серта, Смоленка, Курская
Тенгулинская	Вся
Тюменевская	Кроме деревень Бериккуль, Белогородка и Георгиевка
Сусловская	деревня Приметкина
<i>6. Верх-Чебулинский район</i>	
Верх-Чебулинская	Вся
Чумайская	Вся
Алчедатская	Кроме деревень Усть-Серты, Курская и Смоленская
Козеюльская	Вся
<i>7. Сусловский район</i>	
Сусловская	Кроме деревни Приметкиной
Сандайская	Вся
Рубинская	Вся
Тутальско-Чулымская	село Туталы, деревни Отрежская, Н.-Скоблина, Тегульдэт, Язовский, Апкашево, Байгалы, Метеор, Н. Деревня, Центральный Полигон, Чунышки, Остен, Ст. Тарлаганы, Н. Шумиловка, Куяны, Тюзуны, Н. Тарлаганы, В. Скоблино, Кожаново, станы Туталы, Пуштаково, Будаево, Рубеж, Покровский Яр, Усть-Сырая
<i>8. Тисульский район</i>	
Берчикульская	Вся
Тамбарская	Вся
Куликовская	Вся
Шестаковская	Вся
Тисульская	Вся
Усть-Колбинская	Вся
Большебарандатская	Б.-Барандат, У.-Барандат, Кайчак, Вознесенка, Б. Пичугино
<i>9. Тяжинский район</i>	
Тяжинская	Вся
Тяжино-Вершинская	Кроме Б. Покровки и Чернореченских хуторов
Бароковская	поселок Польский
<i>10. Итатский район</i>	
Бароковская	Кроме поселков Польский и Варшавский
Чернышевская	Кубитет, Березовка, Урюп, Ключики
Б. Барандатская	М.-Пичугина, Серебряковка

Тяжино-Вершинская	Б. Покровка, хутор Чернореченский
Итатская	Вся
Новоподзорновская	Вся
Юрьевская	поселки Надеждинка и Татьянинский
<i>11. Боготольский район</i>	
Чернышевская	Александровка, Николаевка, Мангала, Каменка, Артель Север, Казанка
Краснореченская	Вся
Новопетровская	Казанский, Булатовский, Зеленецкий, Дмитриевский, Ильинский, Прянишниковский, Н.-Петровский, Трофимовский, Павловский, Михайловский, Граничный
Боготольская	Вся
Юрьевская	Кроме поселков Надеждинский, Татьянинский, Малиновский, Ченстоховский
<i>12. Тюхтетский район</i>	
Тюхтетская	Вся
Поваренкинская	Вся
Новопетровская	Ярлыковка, Кедровка, Куликовский, Н. Митропольский, Н.-Мельничный, Никольский, Боровской, Кержацкий, Успенский, Кузикинский
Кольчугинский уезд	
<i>1. Усть-Сосновский район</i>	
Тарсьминская	Вся
Титовская	Денисовка, Васькова, Тыхта, Вознесенский, Усть-Падун, Фирсановский
Зарубинская	деревни Симонова, Сергеевка
<i>2. Краснинский район</i>	
Красная	Вся
Вагановская	Вся
Титовская	Бормотова, Пьянова, Артель Маркс, Тарасова, Шипицина, Шуринка
Морозовская	Морозово, Камысла, Калинкина, Каменка, Звонкова, Еремина, Портнягина, хутор Думбровского
Урско-Бедаревская	Печеркина, Бирюля, Понтряшка
<i>3. Топкинский район</i>	
Вновь Стрельнинская	Вся
Лебедовская	Кроме деревень по рекам Искитим (Локоть), Усть-Искитим
Титовская	Титово, Ермолаевка, Усть-Каменка, Усть-Тарсма, Цветковский
Верхотомская	поселок Уньга
Зарубинская	Каменка, Зарубина, Сосновка
Б. Ямская	Хорошеборское, Комаровский
<i>4. Щегловский район</i>	
Подонинская	Усть-Стрельна, Глубокая, Кирилловка, Крекова, Подонино
Б.-Ямская	Медынино, ул. Стрелинский
Вознесенская	деревня Денисовка
Верхотомская	Ягуново, Черемичкино, Таловка, Кобелево, Куро-Искитим, Сухова, Давыдова, Мазурова, Камышное, Топки, Дидеева, Н. Ключевской, Мозжуха, ул. Мозжуховский, Березовский, Корчуганова, Комиссарова, Салтыкова, поселки Ягуновский, Пинигино, Шкуновский
Смолинская	деревни Шумиха, Кобылина, Шевели, Смолина, Саранка
Барачатская	Кроме деревень Протопопова и Милкова
Морозовская	деревни Ушакова и Коровина
Лебедовская	деревни по рекам Искитим (Локоть) и Усть-Искитим
<i>5. Кемеровский район</i>	
Барзасская	Вся
Арсентьевская	поселки Романовский, Кургановский, Крохалевский, Анкудиновский, Колбинский, Бирюлинский, Матвеевский, Бессоно-Карбышевский, Сосновский, Ломовский, Арсентьевский, Оленевский, Бессоновский, Гусино-Бродский

Подонинская	Вся, кроме деревень, вошедших в Щегловский район
Вознесенская	Кроме деревни Денисовка
Верхотомская	деревни Журавлева, Осиновка, Елыкаева, Панинский, Силина, Родионовский, Красный Яр
Смолинская	Ст. Червева, Ляпина, Воскресенка, Поперешка
<i>6. Крапивинский район</i>	
Крапивинская	Вся
Мунгатская	Кроме деревень Чесноковой, Чусовитиной и Красавиной
Баяновская	Кроме деревни Инские Вершины
<i>7. Ленинский район</i>	
Ленинский ПИК	Весь
Урско-Бедаревская	Кроме деревень Бирюли, Печеркиной и Салаирки
Караканская	Кроме деревень Коноваловой и Сидоренковой
Николаевская	Кроме деревни Поморцевой
Телеутская	деревня Урская
Баяновская	деревня Инюшка
Мунгатская	деревни Чеснокова, Чусовитина и Красавина
Морозовская	деревня Боярак и Тарабарина
Бачатская	деревня Протопопова и Милкова
<i>8. Бачатский район</i>	
Бачатский ПИК	Весь
Урско-Бедаревская	деревня Салаирка
Караканская	деревни Коновалова и Сидоренкова
Николаевская	деревня Поморцева
Телеутская	Кроме деревни Урская
Салаирская	Вся
Карачумышская	Вся
Ускатская	деревни Сергеево, Кутанова, Бурлакова, Каргайла
<i>9. Прокопьевский район</i>	
Прокопьевский ПИК	Весь
Ильинская	Вся
Терентьевская	Вся
Краснознаменская	деревни Осинова, Березова, Подосташкина
Ускатская	деревни Черепанова, Афонино, Колзагай, В. Чумыш, Александровка, Иганина
Кузнецкая	Бессонова, Горбунова, Березова, Талова, Ананьина, Калачева I, Калачева II, Спицына, Костенкова, Н. Рождественка, Бунгур
<i>10. Кузнецкий район</i>	
Петраковская	Вся
Томская	Вся
Кузедеевская	Вся
Краснознаменская	Кроме деревень Осиновой, Березовой и Подосташкиной
Кузнецкая	села Островское, Ср. Телеуты, Бызова, Антонова, Тихонова, Сидорова, Мокроусова, Терехина, Есаулка, Кортюкова, Попова, Таргай, Букина, Сосновка
<i>11. Кондомский район</i>	
Кондомская	Вся
В.-Кондомская	Вся
Мрасская	Вся

Список сокращений

- АИК — автономная индустриальная колония
АПУ — Алтайское приисковое управление
АТЗ — азотно-туковый завод
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (больше-
виков)
Волком — волостной комитет партии
Воно — волостной отдел народного образования
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный
комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональ-
ных союзов
ВЦУ — Высшее церковное управление
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе
с контрреволюцией и саботажем
Геолком — Геологический комитет
Гипромез — Государственный институт по проектированию
металлургических заводов
ГорПО — городское потребительское общество
Горпромуч — школа горнопромышленного ученичества
Гохран — Государственное хранение ценностей РСФСР
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации
России
ГПУ — Государственное политическое управление
Губком — губернский комитет партии
Губревком — губернский революционный комитет
Губчека — губернская чрезвычайная комиссия
Губюст — губернский отдел юстиции
Д/х — домохозяйство
ДОЗ — Деревообрабатывающий завод
Домзак — дом заключения (тюрьма)
ДЮМО — Донецко-Юрьевское металлургическое общество
ЕСХН — единый сельскохозяйственный налог
ЗПС — трест «Золотопродснаб»
ИТР — инженерно-технические работники
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КК РКИ — контрольная комиссия рабоче-крестьянской ин-
спекции
ККОВ — крестьянский комитет общественной взаимо-
помощи
КМЗ — Кузнецкий металлургический завод
КМК — Кузнецкий металлургический комбинат
Комячейка — ячейка коммунистической партии
КРС — крупный рогатый скот
Л. с. — лошадиные силы
МРС — мелкий рогатый скот
МТС — машинно-тракторная станция
Начраймилиции — начальник районного отделения милиции
НКЗЖСХ — Народный комиссариат зерновых и животновод-
ческих совхозов
НКРКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской
инспекции
НКСХ — Народный комиссариат сельского хозяйства
НКТ — Народный комиссариат труда СССР (Наркомтруд)
НКТП — Народный комиссариат тяжелой промышленности
ОГПУ — Объединенное государственное политическое
управление при Совете народных комиссаров СССР
ОИС — Общество изучения Сибири и ее производительных
сил
Окроно — окружной отдел народного образования
Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному
и химическому строительству
ОСПС — окружной совет профессиональных союзов
Отнаробраз — отдел народного образования
ПИК — поселковый исполнительный комитет
Помгол — помощь голодающим
ПСР — партия социалистов-революционеров
РайККОВ — районный крестьянский комитет обществ
взаимопомощи
Ревтрибунал — революционный трибунал
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
РЛКСМ — Российский ленинский коммунистический союз
молодежи
Роно — районный отдел народного образования
СВБ — Союз воинствующих безбожников
Сибревком — Сибирский революционный комитет
СТО — Совет труда и обороны
Стройуч — школа строительного ученичества
ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли
Убюст — уездное бюро юстиции
Уком — уездный комитет
Уместхоз — уездный отдел местного хозяйства
Уоно — уездный отдел народного образования
Упрофбюро — уездные профессиональные бюро
Усобес — уездный отдел социального обеспечения
Учком — ученический комитет самоуправления
Учкпрофсоюз — участковый комитет профсоюза железнодо-
рожных рабочих и служащих
ФГР — физико-географический район
ФЗС — фабрично-заводская семилетка
ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества
ФОТ — фонд оплаты труда
ЦРК — Центральный рабочий кооператив
ЦЭС — центральная электростанция
Чекатиф — чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом
Чекахол — чрезвычайная комиссия по борьбе с холерой
ЧОН — части особого назначения
ШРМ — школа рабочей молодежи

Именной указатель

- А. К. 48
Абрамов Г. А. 10
Абрамов 166
Абрамов Я. К. 80
Агарков П. А. 274
Агеев 132
Агеев С. П. 286
Агейченко Алексей 20
Адаменко А. М. 186
Акридин А. С. 153
Аксенёнок Г. А. 193
Аксёнов 358
Аксенюк 136
Алапаев 218
Александров Владимир Васильевич 153
Александров 218
Александровский 15
Александровский М. Г. 28, 99
Алексеев 15
Алексеев В. В. 80
Алексеев Иван Иванович 272, 273
Алексеев Фёдор Иванович 40
Алексеевский 12, 28
Алёхин Филипп Фролович 222
Алтунин Н. П. 125
Алфеев Е. С. 205, 212, 213
Алфимов 61
Алыпов М. С. 277
Альбанский 295
Американец 184
Аминов 328
Ананчик 16
Ананьин 200
Ананьина Н. А. 313
Ангевич Р. Э. 78
Андреев 28
Андреев А. А. 60
Андреев А. П. 154
Андреев В. П. 267, 268, 271, 272, 276
Андреев Владимир Михайлович 132
Андреев М. 127
Андреев Т. 217
Андрианов В. Т. 179
Андрищук 221
Аникеев 161
Анищук 160
Антонин, епископ (Александр Андреевич Грановский) 323
Антонова 156
Анфилогов Дмитрий Михайлович 322
Аншиенко 203
Апанаскин Г. И. 127, 130
Аппак Г. 265
Апухтина 218
Аргентов Николай Александрович 14, 15
Аржаных Захар Андреевич 15, 16, 17
Арзютов В. М. 170
Арлюков 222
Арнольд Валентин Вольфридович 133
Аронов А. С. 155
Артём (Сергеев Фёдор Андреевич) 51
Арутюнян Ю. В. 248
Архипов 301
Асанов 334
Асташкин Яков Сергеевич 136
Атанин 161
Афанасьевы 19
Ахметов Абдулла 15
Ащеулов 184
Б. 221
Бабанакоев Зиновий 198
Бабич-Декан Трофим Петрович 216
Бабонаков 37
Бабчин 156
Баев В. М. 294
Баев О. В. 166
Бажанов В. 71, 76
Бажанов Василий Михайлович 71, 76, 78
Баженов А. И. 277
Базанов Виктор Васильевич 32, 34
Базарова 160
Бакакин Б. А. 157
Балабаев 217
Балабанов С. Т. 286
Балабуев А. И. 182
Балаганский Никита Тимофеевич 326
Балалаев М. 217
Баландин Н. И. 188
Балыков 301
Баннов Сергей Афанасьевич 130, 272, 273
Бараксанов Ф. Н. 50
Баранов А. К. 171
Баранов Г. Л. 134
Баранов Л. Г. 135
Баранов Николай Николаевич 37
Барашнев 216
Бардин Иван Павлович 142, 144, 146, 152, 153, 187
Баронская О. Н. 312
Барсенков А. С. 88, 93
Баталов 217
Батиков 156
Батурин 127
Батченко В. С. 329
Бачурин И. А. 118
Башмаков Кир 181, 188
Баянова Е. В. 211
Беганский З. 126
Бегеман П. Э. 80
Беденко Афанасий Иванович 38
Бедин В. И. 156, 157
Бедрин Василий 21
Безбородов 184
Безотчество 178
Безруков С. Т. 287
Бек Александр Альфредович 75
Беккер 197
Беклов 163
Белан А. С. 277
Белан Роман Васильевич 156
Беленький 60, 61
Беликов 41
Белов Алексей Осипович 15, 16
Белоусов А. И. 278
Белоусова О. А. 150
Бельков А. В. 258, 259
Бельков В. И. 133, 168, 170, 187
Берсенева Е. В. 265
Берия Лаврентий Павлович 134
Бесков-Муратов Г. Ф. 10
Беспалова О. Л. 264
Бетемай 166
Бидуля П. Н. 147
Бикметов Р. С. 104, 122
Блинкин Д. Т. 277
Блинов А. В. 284, 285, 286, 287
Блинов 178
Блинов Пётр Фёдорович 323
Блынский Георгий Степанович 313
Бобков 200
Бобраков 129
Бобылев М. В. 286
Богачов Иосиф Иванович 153
Богданов 129
Богословский Владимир Николаевич 312
Богословский Евгений Владимирович 313
Богоявленский Всеволод Семёнович (архиепископ Виктор) 322, 323
Бодров А. 333
Бодяко Александр Николаевич 157

- Божок 218
Боков 129
Болаевский 160
Болдырев Константин 22
Большаков 182
Большаков М. А. 310
Большаков 160, 161
Бондарчук Иосиф 200
Борин А. Г. 263, 264, 238, 275, 276
Борисенко Р. М. 313
Борисов Иван А. 127, 129, 130, 131
Борисов К. А. 153
Борисов 160
Бородин А. Б. 134, 135
Бородовский П. К. 158
Бороздин Иван Илларионович 137
Боянова Екатерина Семёновна 322
Бражников 136
Браун Ф. 168
Брошевский Дмитрий Андреевич 200
Брудный М. М. 146
Бубнов А. П. 325
Бубнов Андрей Сергеевич 267
Будённый Семён Михайлович 246
Бузайский 221
Буйских А. Н. 69
Букалова Л. М. 261
Букин С. С. 233, 253, 263
Бурдасов Владимир Ефимович 156
Бурдуков 10
Бурлин 160
Бурмин Степан Дмитриевич 182
Буров 12
Бутенко Константин Иванович 152, 153, 155, 157, 158, 272, 273
Буткус 132
Бутолин Андрей Андреевич 12
Бутов 163
Буторовский Михаил 20
Бухарин Николай Иванович 55, 136
Бухвостов Г. А. 298
Бывшев Е. М. 266
Быков Василий Дмитриевич 136
Бычков 217
Валов Иван Маркович 201
Валяс 221
Ваншток А. С. 286
Васенин В. Н. 153
Василевский 202
Василий, епископ (Василий Иванович Лысенко) 328
Васильев А. 218
Васильев Константин Николаевич 279
Васильев Пётр 200
Васильева В. П. 211
Васляков А. 333
Вахромеев Александр Прокопьевич 322
Вахрушев Василий Васильевич 121
Вдовин А. И. 88, 93
Вдовин Николай Михайлович 287
Вебер 305
Ведрягин 46
Ведряшкин Иван 21
Вейль Генрих Эдуардович 307
Вейхель 159
Верещагин А. 207, 208
Веселов 21
Виктор, епископ (Константин Александрович Островидов) 322
Викторов А. Ю. 246
Вилесов Г. И. 169, 170
Вильнин Д. А. 277
Виниченко В. С. 153
Виноградов 205
Виноградов Ф. В. 315
Винокуров 152
Вишняков 127
Власов Василий 221
Власов 201
Войтович А. В. 36
Волкова З. Ф. 75
Волков К. В. 157
Володин Н. 130
Володин П. 59
Володин Фёдор Фомич 286
Волошин 167
Волошин Александр Никитич 157
Волошин Никита Лукич 157, 158
Волченко А. В. 116, 120
Вольхин 158
Воробьев В. И. 126
Воробьев Н. В. 272
Воробьев Р. В. 213
Воров Захар 20
Воронин Иван Макарович 32
Воронин С. Д. 153
Воронков Д. С. 134
Вороновский В. 178, 179
Воскресенский К. С. 134, 135
Вотдулин С. М. 171
Врангель Пётр Николаевич 15
Вронченко Вадим Иванович 34
Вучичевич-Сибирский Владимир Дмитриевич 310, 315
Выдрина О. В. 315
Вылцан М. А. 196, 197
Вышинский Андрей Януарьевич 277, 278
Вяткин Фёдор Иванович 222
Габдрахимов Ахмет 153
Габра Франс 45
Гавва Григорий 136
Гавва Пётр 136
Гаврилов Д. В. 72
Гаврилов С. О. 275
Гаврилович 13, 14
Гагарин А. А. 157, 158
Гайсин З. С. 310
Галкин 15, 16
Галкин В. 132
Галкина Л. Ю. 74, 77, 79, 80
Гамов Б. А. 171
Ганкин Г. В. 179
Ганин Г. В. 277
Ганьшина Елена Фадеевна 322
Гарабуржа И. 50
Гассельберг В. А. 153
Гарин Н. И. 158
Гатилов 129
Гвоздецкий В. 73
Гвоздкова Л. И. 133, 259
Геблер Иннокентий Васильевич 163
Генгер Эмиль Андреевич 34
Генина Е. С. 107, 133, 158
Герасимов Фёдор Васильевич 134, 157
Геренцук Алексей Герасимович 19
Гернет М. Н. 93
Геровнин 127
Герт 167
Гибин В. И. 61
Гилев Яков Андреевич 22
Гилевич Николай Абрамович 298
Гинзбург Абрам Моисеевич 29
Главацкий А. А. 76, 77
Гладков И. В. 277
Глаз 180
Глазков Михаил Прокопьевич 34
Глухов Иван 221
Глушков Е. М. 47, 48
Глущенко Г. Д. 278
Глущенко Елисей Фёдорович 10
Гоберман 58
Говорков Алексей Александрович 334
Голдобин Михаил Фёдорович 143
Голиков 136
Головин 229
Головин Константин 201
Головнева 219
Голубев 221
Гольденберг Владимир 20
Гольдич Лев Ефимович 75
Гомизюк 200
Гоневич Иван 200
Гончаров 154
Гончаров И. Г. 153
Гора Василий Борисович 159, 160, 161, 166
Горбатов А. В. 322, 321

- Горбач Григорий Фёдорович 272, 273
Горбачёв 10
Горбачёв директор 188
Горбунов Григорий 182
Горбунов Н. П. 169
Горновенко 83
Горячев В. Г. 163
Гоцци Карло 265
Грау Н. Ф. 155
Грацианов 297
Грдина Юрий Вячеславович 290
Гребень 175
Грибин А. А. 179
Грибов П. Н. 130
Грибов 127
Григорьев 182
Гигорьев В. К. 193
Грольман М. И. 158
Груздев Василий Иванович 136
Грум-Гржимайло Владимир Ефимович 72
Грядинский 218
Грядинский Фёдор Павлович 277
Губин 217
Губкин Иван Михайлович 173
Гудымович 158
Гудымович В. А. 278
Гузаров В. Н. 44, 46
Гузяева Е. А. 76, 112
Гуковский Евгений Александрович 177
Гуревич И. С. 261
Гурьев Василий Фёдорович 136
Гурьянов Терентий Селиверстович 153
Гусев 200
Гусев 329
Гутак О. Я. 83, 84, 87, 176, 177, 179, 180, 181
Гутов Илья 221
Гутов Николай 221
Гутовский Николай Владимирович 72, 139, 141
Гуштык Иван Трифонович 185
Гущин Н. Я. 200, 245
Гычев 182
Давыденко П. М. 184
Давыдов В. М. 87
Давыдов Георгий Савельевич 156
Дамизель Леонид Николаевич 156
Даниленко Вера Семёновна 315
Двое 184
Дворжиков Фёдор Иванович 322
Дворянкин 166
Девинов-Нюренберг Д. М. 129
Девятков Афанасий Илларионович 17, 18
Дегтярёв Михаил Павлович 307
Дегтярёв Степан Иванович 335
Дементьев 167
Демидов 104
Демидов Иван Павлович 216 52
Демидов Николай Демидович
Демидов Ф. С. 158
Дёмин 10
Денисенко И. П. 227
Денисов Е. В. 278
Денисов К. Г. 265
Денисов 56
Дерюшев А. В. 76, 112
Джигурда 161
Джумук Арон Самуилович 153
Дзержинский Феликс Эдмундович 75, 132, 246
Дмитриев Алексей Александрович 178, 184
Дмитриев Андрей 21
Дмитриев Д. Д. 162
Дмитриев Сергей Иванович 136
Добровольский А. В. 50
Доброхотов 15
Дозорец 152
Докшин Д. И. 61
Долгов Гавриил Дмитриевич 37
Долгополов 333
Долматов Егор Васильевич 40
Дорожкин 171
Дорофеев М. В. 289, 290
Дробнис Яков Наумович 133, 134, 162, 165, 277
Другин 168
Дружинин Г. И. 157
Друсевич Ф. А. 40
Дубров 180
Дубровская А. А. 211
Дударь 129
Дудко Ольга Семёновна 209, 210
Дулов 198
Дурова Тереза Васильевна 266
Дуровы 266
Дыдевич В. 159, 160, 162
Дюков 216
Дятлов 328
Евзеров Моисей Исаакович 134, 135, 136
Евреинов Конкордий Алексеевич 316
Евтушенко Г. А. 287
Евтушенко И. С. 182
Егоров М. Н. 287
Елисева А. 148
Ёлкин Василий Николаевич 206
Ельдештейн Андрей Васильевич 64
Ельдештейн Евгений Васильевич 64
Елькин Борис Васильевич 307
Ельцова З. 217
Енукидзе Абель Сафронович 256
Епанчинцев А. М. 186, 187
Ермолаев Н. П. 66
Ермаков Николай Васильевич 306
Ермолаев Алексей Николаевич 284, 285, 286, 287
Ермолаев Константин Георгиевич 12
Ерофеев Ефим 198
Ершов А. Н. 227
Ершов И. П. 170
Ефименко М. И. 53
Ефимкин М. М. 263
Ефимов А. 13
Ефимов В. 157
Ефимов 307
Ефремов 217
Жаров Павел Фёдорович 40
Жданов 247
Жданов доктор 301
Жданов монтажник 160, 161
Жеравина А. Н. 334
Жеромский М. А. 177
Житков Ф. М. 159
Жолобова (Желобова, Жалобова) Татьяна Ивановна 14
Жорес 328
Жуков Алексей Иванович 15
Журавлёв 136, 161
Журавлёв Яков 56
Журакова Цирра Соломоновна 307
Забезинская Ю. М. 157
Заболотская К. А. 122, 131, 258, 259
Заборский П. В. 157
Заборский Пётр 56
Заборский С. В. 90
Заварыкин П. В. 153
Загуляева 168
Задемидко Александр Николаевич 112
Задоев 161
Зазубрин В. 301
Зайнутдинов Шайх 130
Зайцев 222
Зайцев Николай Андреевич 135, 136
Залесский 307
Залетин 183, 184
Залетина 183, 184
Залмаев Яков Васильевич 28, 29
Замятин Александр П. 21
Замятин Андрей 50
Замятин врач 291
Зарацкий 307
Зарубин И. 315
Затаковой А. Л. 171
Захарова И. В. 261, 262, 263, 2634, 265
Зверев Т. П. 331
Зевакин Фёдор Поликарпович 322
Зевакина Агафья Ниловна 322

- Зевакина Анна Дмитриевна 322
Зезин Донат Фёдорович 265
Зеленов А. 275
Зелинский Николай Дмитриевич 163
Земсков В. Н. 122
Зенков П. Г. 313
Зизевские 19
Зизевский Семён 20
Зизевский Степан 20
Зизевский Фёдор 19, 20
Зимин Василий Осипович 17
Зиновьев Василий Павлович 4
Зиновьев Ф. Ф. 169
Зинюк Ю. Н. 134
Злотников 158
Знаменский С. Н. 227
Золотарь Иван Фёдорович 278
Зройчиков Иосиф Ильич 18
Зубакова Екатерина Александровна 307
Зуев П. Д. 139
Зыбко Константин А. 18, 19, 20, 21
Зыкин Иван Иванович 34
Иванов 218
Иванов А. К. 309
Иванов А. 217
Иванов А. И. 313
Иванов Александр Александрович 55
Иванов Александр Георгиевич 326
Иванов Афанасий Никифорович 9
Иванов В. 188
Иванов И. М. 153
Иванов 321
Иванов Н. И. 183
Иванов Пётр Леонтьевич 135
Иванов С. 315
Иванов Семён Фёдорович 312
Иванов 127
Иванова 229, 230
Ивницкий Н. А. 106, 197, 198, 212
Иглин Василий 50
Игнатов Т. А. 50
Игнатъев 218
Игнатюк С. Ф. 134
Игонин Дмитрий 50
Извеков Зиновий Иванович 9
Изотов Никита Алексеевич 127
Икс (Самойлов) Михаил Самуилович 55
Икс М. 197, 201
Ильин 132
Ильинский Александр 336
Ильиных В. А. 245, 246
Ионов В. Д. 265, 266
Исаев В. И. 35, 41, 233, 253, 260, 262, 263
Исаков 222
Исупов В. А. 255, 258
Исхаков Х. А. 163
Июлькевич П. О. 158
К. 184
Кабанов К. А. 309, 313
Кабанова Марианна Ивановна 333
Кавцевич О. К. 245
Каганович Лазарь Моисеевич 121, 123, 153, 166, 257
Казаков Е. Э. 271
Казанцева И. И. 334
Казарновский Григорий Ефимович 153
Кайдалов Николай Порфирьевич 313
Кайнов Григорий 221
Калачикова У. В. 162
Калашников В. И. 141
Калашников Василий Степанович 52
Калинин 183, 184
Калинин Михаил Иванович 42, 197, 203, 215, 216, 256
Калинин Никифор Исидорович 135
Калинин 222
Калинин Фёдор Павлович 50
Калиниченко 132
Калиняк-Гричановский Сергей А. 21
Калишева Г. 75
Калмаковы 23
Калугин Николай 50
Кальверт Герберт 73
Калямин 218, 219
Камбалин Николай Варламович 12, 15, 16, 28
Каминский Григорий Наумович 196
Канатчикова Блюма Соломоновна 157
Карандаш (Румянцев Михаил Николаевич) 266
Карасёв И. 118
Карасёв 178
Каратаев Ф. 130
Караульнова 214
Карпинец Алексей Юрьевич 94
Карпухин С. Г. 161
Картавая Анна Ефимовна 227, 228, 229, 230, 273
Касабова Г. И. 135
Каторгин 178
Каторник 178
Каттель Иосиф Абрамович 170, 277
Каценельсон Л. 46, 47
Каширин Анфиноген 20
Кашлев И. 184
Квапинская Леокадия 58
Квапинская Романа 58
Квапинский Леонард 58
Квапинский Людгер 58
Кемеров С. К. 130
Киреев Е. Г. 331
Киров Сергей Миронович 118, 156, 246
Киселёв Г. 331
Киселёв 20
Киселёв Михаил Михайлович 153
Кисис Роберт Янович 326
Кислицын Яков 129
Китова Л. Ю. 313, 315
Кичигин С. И. 166
Клёнов И. А. 153
Клещук Семён Фёдорович 34, 40
Клименко А. И. 270
Клименко Виктор Данилович 153
Климов Дмитрий 207
Климов Ф. 207
Климова О. Г. 37
Климович С. А. 23
Клиппа Р. М. 278
Клишин Максим Моисеевич 135
Клуцис Густав Густавович 216
Клюквин Н. 165
Кнессель Франц 153
Кобелев К. А. 313
Ковалёв Михаил Карпович 289, 290
Коваленко Иван Емельянович 132, 133
Ковешников Михаил Иванович 28
Когаловский 40
Кожакин А. И. 312
Козель Герхард 265
Козин А. Н. 153
Козлов 156
Козмин И. А. 313
Кокорин 134
Кокорин П. И. 126
Кокоулин В. Г. 10
Колгушкин Филумен Тимофеевич 143, 144, 145
Колесников 129
Колесников М. 320
Колесников 182
Колмаков Николай Матвеевич 199
Колмакова 13
Колмогоров Т. П. 157
Колтуков 61
Колтунов Иван Прокопьевич 295
Колчак Александр Васильевич 18, 23, 42
Колчин 201
Комаров Владимир Филиппович 52, 55
Комаров Фёдор Андреевич 15, 16
Комаров Д. И. 157
Комаровский Алексей В. 20
Комса 59
Кондратьев А. 217
Кондрашин В. В. 212, 215
Кондров 132
Конев Пётр Фёдорович 17, 18
Конов 321
Коновалов А. Б. 157, 273

- Коновалов Михаил Николаевич 37
 Кононов 296
 Конопкин Николай Алексеевич 59
 Коноплёв П. П. 287
 Концевич 177
 Концевич Иван Михайлович 272, 273
 Копикуз 75
 Коптяев Георгий Леонтьевич 22
 Копылов С. 335
 Корабанов 161
 Кораблёва Вера Сергеевна 195
 Кормин 201
 Корнейчук Александр Евдокимович 265
 Коробкин Константин Н. 80
 Коробченко 104
 Коровин В. Т. 247
 Корольков 198
 Корсак Г. К. 125
 Коротченко 160
 Кортеляя Б. П. 125
 Коршенко А. Д. 158
 Косарев Михаил (Владимир) Михайлович 9
 Косенко Кондратий Васильевич 157
 Косиор Иосиф Викентьевич 143
 Косогорова Мария Прохоровна 131
 Костин И. Ф. 227
 Костюнин О. В. 284
 Котин И. Н. 80
 Котов 295, 296
 Кочетков В. Н. 163
 Кочетов 329
 Кравков М. 310
 Крамаренко Василий Григорьевич 34
 Краскин Аркадий Самойлович 153
 Красников Трофим 21
 Краснов 17
 Краснокож А. И. 134
 Краснослободцев Ф. 126
 Крастин 167
 Крельштерн Раиса Ильинична 307
 Крепицина Е. В. 324
 Крестич Иван 326
 Кривенко Иван 20
 Кривошеев 129
 Кротов 277
 Кротов С. Н. 125
 Кротов 135
 Кругликов 182
 Круглов Н. Н. 290
 Крупская Надежда Константиновна 266, 267
 Круссер Р. Г. 288
 Крутилина Агния Васильевна 307
 Крутицкий 20
 Кручина Анд. (А. Н. Огурцов) 309, 310
 Крылов Ф. 28
 Крюков Е. Н. 334
 Крюков 183, 184
 Крячков А. Д. 264
 Кувалдина А. В. 227
 Кудашев 201
 Кудрявцев 61
 Кудряшов И. В. 87
 Кузнецов 178
 Кузнецов 292
 Кузнецов М. Г. 170
 Кузнецов 170
 Кузнецов П. А. 167
 Кузнецов 168
 Кузнецова Л. Ф. 315
 Кузьмин А. 314
 Кузьмич Антон Саввич 118
 Куйбышев Валериан Владимирович 80
 Кукшенов Михаил 14
 Кулебакин А. А. 266
 Кулибакин 182
 Кумашинская С. К. 313
 Кунади Н. Е. 158
 Кунцеев Василий Филиппович 227
 Куперт Ю. В. 236
 Куплев В. Л. 291
 Курако Михаил Константинович 137
 Курбатов А. Г. 278
 Курганов Александр Яковлевич 277
 Куренков А. В. 9, 11, 12
 Курепин Ф. А. 153
 Куров Михаил Иванович 132
 Курочкин 277
 Куртуков 179
 Курьянов 129
 Кустовы 19
 Кусенко Н. Г. 80
 Кутека 22
 Кутепов А. 56
 Кутонов Алексей Степанович 201
 Кутонов Николай 201
 Куц Алексей 20
 Кучеров И. 15
 Кушникова М. М. 156, 157
 Лабуцкий Осип 131
 Лавренёв (Сергеев) Борис Андреевич 265
 Лаврушин А. М. 168
 Ладыгин И. И. 183
 Лакисов А. И. 69
 Лаишев Максим Родионович 34
 Ламакин 182
 Ланге Борис Иванович 28
 Ланге Пётр 58
 Лапердин В. Б. 245
 ЛАПИН А. С. 154
 Лапкин Ф. 335
 Ларионов Алексей Евфимьевич 265
 Ларионова А. Г. 266
 Ларьков Н. С. 36
 Латкин Николай Васильевич 156
 Латышев С. И. 127
 Лебедев Иван 20
 Лебедев 216
 Лебедев М. А. 289, 290
 Лебедев Ник. 62
 Лебедев П. Т. 170
 Лебедев 158, 278
 Левин Алексей Дмитриевич 136
 Левитин Марк Филиппович 9
 Левченко К. Т. 157
 Левшин Е. А. 321, 334, 337
 Легков Е. И. 153
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 50, 59, 60, 64, 66, 71, 73, 74, 84, 132, 246, 247, 325
 Леоненко Николай Семёнович 132, 133, 134
 Леонов 197
 Леонтьева Н. Т. 293, 295, 303, 304, 307
 Лепендин Евгений Михайлович 34
 Лепешинский В. В. 76, 77
 Лепихин 166
 Леухова М. Г. 94, 117, 119, 123, 126, 131
 Лер 184
 Либкнехт Карл 58
 Лизогуб П. П. 256, 316
 Линденау Николай Иванович 118, 126
 Линецкая Александра Ивановна 306
 Липин Вячеслав Николаевич 139
 Липунова Л. В. 290
 Липухин В. И. 290
 Лисицын П. Т. 170
 Литвиненко А. А. 50
 Литвинов 129
 Лихер К. Я. 264
 Лихолобов М. 331
 Личман Б. В. 72
 Лобанов П. И. 179
 Лобанов Пётр Иванович 180
 Лобанова Р. Ф. 266
 Лобанцев 165
 Лобахин 32
 Логинов П. Г. 186, 187
 Логунов К. С. 130
 Лозицкий Иван 45
 Локтев 160
 Ломаченко А. Е. 159, 160, 161
 Ломов Г. И. 118
 Ломов Иван 23
 Лопатин Л. Н. 104, 211
 Лопатина Н. Л. 104, 211

- Лосев 60
Лотиков 199
Лоханский И. И. 78, 159, 161
Лубянов Ф. В. 325
Луканин Л. 47
Лукиных З. Ф. 50
Лукьянов А. Ф. 23
Лукьянов Василий Никитич 22, 23
Лукьянов Ф. М. 161
Лукьянчук 22
Луначарский Анатолий Васильевич 71, 253, 264
Лундин Аксель Францевич 265
Луньков А. Г. 278
Лысов 213
Ляпушков Андрей Иванович 306
Ляшенко Иван Титович 132
М. 180
Магер Н. А. 286
Мазуров Андрей 160
Мазюков А. С. 10
Май Эрнст 260, 261
Майберг 218
Макаренко 22
Макаров Павел 45
Маковский Г. М. 171
Маковский 40
Максимов 28, 162
Максимов Василий Михайлович 17, 18
Малахов И. В. 50
Мальгин Василий Петрович 280
Мальков 29, 325
Мальцев 203
Мальцев А. И. 277
Мальцев 203
Мамаев 40
Маметьев А. К. 161
Манонина Т. Н. 335
Манузин 191
Мануйленко Евдокия Васильевна 226
Мараев 15
Марков П. Н. 280
Маркс Карл 246
Мартенс Людвиг Карлович 73
Мартынюк В. П. 170
Марцев А. П. 277
Марченко П. Ф. 266
Марьин Андрей Яковлевич 38
Маслик Николай Алексеевич 154
Маслов 22
Матвеев 160, 161
Матузов 61
Матушкин П. Г. 72, 73
Матюшин И. 290
Матюшкин В. А. 153
Махтаруллин А. В. 170
Мачехин Р. И. 126, 127, 130
Машинистов Г. И. 278
Медведев 15
Медведев К. Н. 182
Медведева М. М. 169
Межлаук В. И. 165, 185
Мейзеров Леонтий 20
Мейкопп Генрих Андреевич 135
Менеев 199
Меринов 184
Метельский 61
Мехащенко В. Н. 153
Мецура В. 266
Мигай П. И. 125
Миклич И. 312
Миллихонц 22
Милов Леонид Васильевич 96
Миненкова А. 266
Миронюк Г. И. 278
Мирский Геннадий Андреевич 265
Митраков 61
Митрофанов А. И. 148
Митрошин 20
Митусова (Кутепова) Раиса Павловна 315
Михайлов А. В. 50
Михайлов Григорий Львович 288
Михайлов Н. М. 202
Михалёв Г. К. 291
Михеев Д. Ю. 41
Михеева 328
Михельсон Лев Александрович 64
Михлин Лев 20
Мицкевич 295
Мишурич М. Н. 50
Могилевцев И. Г. 153
Могилевчик Александр 20
Мозоленко Семён Михайлович 12
Моисеев Михаил Павлович 152
Моисеев 222
Мокрушин 60
Молчанов Ю. С. 169
Молотов Вячеслав Михайлович 107, 133, 153
Моор Дмитрий Стахивич 39
Морозов И. К. 157
Морозов Николай Михайлович 4, 6
Морозова Т. И. 52
Московский А. С. 117, 118, 255, 258, 272
Мочалов Дмитрий Георгиевич 157
Моторист 184
Мощук И. 47
Муравьёв 180
Муралов Н. И. 153
Мурашов 179
Мусатов А. 85
Мухин (Шишов) 22
Мухина Вера Игнатьевна 225
Мухортов 202
Мягков И. М. 209
Мянуец 331
Набойченко Константин А. 21
Набойченко Михаил К. 20, 21
Нагнибеда В. Я. 92
Нагорнов Кузьма Иванович 88
Надлер Ю. С. 141
Назаров Степан Савельевич 327
Напазаков А. Е. 277
Нарыков 156
Наст Юлиус Карлович 85
Наткин Юрий 20
Наумов Николай Семёнович 15
Неверов И. Н. 127, 130
Неколов 127, 130
Нексё Мартин Андерсен 225
Нелюбин 178
Немцов Поликарп 20
Нестеренко Н. К. 157
Нестерова М. 217
Никитин Г. З. 170
Никитин И. И. 171
Никитин М. В. 83, 298
Никитин Михаил Александрович 81, 83, 129
Никитин С. В. 315
Николаев 9
Николаев Ф. А. 313
Николаев Филипп Иванович 17, 18
Никольский Павел Васильевич 322
Никон, епископ (Соловьёв Николай Петрович) 328
Никулин Юрий Владимирович 266
Нифатьев Александр Васильевич 137
Новак 201
Новак Юлий Анатольевич 38
Новиков 154
Новиков Андрей Назарович 15
Новиков Василий Григорьевич 14
Новиков Захар Яковлевич 34, 55
Новиков И. Н. 127, 129
Новиков И. 130
Новиков 199
Новикова 160
Новицкий К. П. 298
Новицкий П. И. 290
Новомбергский Николай Яковлевич 72
Новосёлов Иван Панфилович 10, 15, 17, 22
Ногин Н. 135
Норкин Борис Осипович 126, 132, 133, 134, 136, 162, 163, 164, 165, 170
Носков Иван Иванович 127, 132

- Носов Г. И. 290
Носов 127
Носов 136
Нюренберг Амшей Маркович 129
Нюренберг-Девинов Давид Маркович 129
Нюренберг М. 129
Оболенские 157
Обухов Д. М. 137
Овсянников Фёдор Евсеевич 125, 130, 136
Овчаров 21
Овчинников 129
Овчинников В. А. 277, 278, 284, 285, 286, 287
Огарков 217
Огнев Виктор 182
Огнева Зинаида Сергеевна 156
Ожевский 160
Озеров С. А. 256
Олейников Ф. Н. 130
Олех Л. Г. 48, 49
Олешко 127
Олещук К. М. 153
Олиферов 94
Омелин А. В. 153
Онищенко В. В. 155
Оптовцев К. П. 298
Орестов В. И. 163
Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович) 152, 153, 161, 168, 246, 257
Оржешко Б. Ф. 294
Орлеанский Владимир Леонидович 31, 32
Орлов 127
Орлов 160, 161,
Орлова С. В. 288
Орци Эмма 17
Осин И. И. 165
Осипов Г. 264
Осипов П. К. 287
Осипов Пётр Гаврилович 277
Остренко Ф. Ф. 158
Отдельнов М. К. 171
Очерет И. С. 162
Павлов Александр Иванович 152
Павлов В. В. 134
Павлов В. К. 134
Павлов И. 162
Павлов М. А. 75
Павлов М. П. 130
Пагин А. И. 129, 130
Палаткина Татьяна Аверьяновна 153
Панарин 197
Панищев Василий Павлович 154
Панкратов 163
Панфилов 205
Панькин И. Д. 71
Папков С. А. 49, 55, 132, 278
Параев 61
Партин Венедикт Васильевич 28
Парфененок 127
Паршин-Соколов 278
Пауль 186
Паханько 305
Пахомов 23
Пахомов А. И. 85
Пахомов Евгений Николаевич 157
Пахомов 178
Пашенко А. И. 85
Певзнер Мария Соломоновна 157
Пейгерзон Г. И. 159
Пенн Николай Самуилович 140
Перекрестов Н. Д. 61
Перепёлкин Николай 335
Перимов Алексей Викторович 229
Пермяков 15
Перримонд А. Э.
Пёрышкин Григорий Иванович 158
Петерсон В. 178
Петрачков М. И. 170
Петренко 160
Петренко 161
Петров 158
Петров 291
Петров И. 181
Петров И. Д. 162
Петров 161
Петров С. Г. 323
Петров Степан Николаевич 136
Петров 295
Петровский 156
Петровский Ф. 52
Петровых Владимир Сергеевич 153
Петрухина М. М. 267, 268
Петухов 19, 20
Печенев Д. И. 130
Печень В. В. 130
Пешехонов Иван Андреевич 132
Пинус (Бухарова) Наталия Сергеевна 215
Пирожков Иван Никитич 326
Писарев А. И. 154
Писарев 40
Пичкалёв В. Е. 50
Плетнёв П. А. 50
Плеханов Антон Иудович 183
Плеханов Леонид Иванович 112
Плискевич Михаил Иванович 153
Плотников 311
Плюснин 9
Погребной Семён 23
Погребной Степан 23
Погребняк 136
Погуляев П. В. 160
Подберезин 202
Подкорытов В. С. 127, 130
Подонин П. И. 23
Пожидаев 22
Поздин С. В. 259
Поздняков Анатолий Аркадьевич 182
Поздьякин 182
Познанский 15, 61
Полетаев Г. Н. 179
Полетаев Г. С. 187
Политов 218
Полозов Иван Матвеевич 17, 18
Поляков Ю. А. 196, 198
Полянская Е. М. 75, 79, 139
Помогаева 214
Поморцев 18
Пономарёв Константин Васильевич (дядя Костя) 15, 16, 17, 18
Пономарёв Павел 207, 213
Пономарёв Пётр 208
Пономарёва П. Н. 182
Пономарёва Федосья 207, 208
Пономаренко 12, 28
Пономаренко Я. К. 10
Попков Кузьма Фёдорович 201
Поплавский К. Л. 162
Поплаухин Василий Петрович 34
Попов 28
Попов В. Н. 207, 208
Попов Иван 154
Порошин С. С. 130
Портенко 141
Постников 301, 305
Постоутенко В. Г. 112
Потапов 101
Поташова 214
Почкай Илья Борисович 157
Прейкшас И. Ю. 134
Приведников В. И. 158
Принцев В. Я. 112
Притчин А. М. 182
Притчин Иван 182
Приходько Леонид 56
Проезжающий 184
Проезжий 44
Прокофьев Григорий Васильевич 55
Прокофьев 38
Промский И. А. 158
Просеков Александр Юрьевич 215
Протопопов Павел Дмитриевич 17, 18
Прудникова М. 273
Прусов 16

- Пулькис В. А. 263
Пучков Николай 21
Пушилил Никита 21
Пшеничников 23
Пыстин Григорий Васильевич 154
Пьянков Степан Николаевич 102
Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович 80, 132, 133
Пятницкий П. П., 193
Рабинович 164
Радек Карл Бернгардович (Кароль Сольсон) 71, 133
Радин И. С. 141
Радович (Родович) Иосиф Венедиктович 306
Радович (Родович) Юлия Васильевна 307
Распопова (Аксёнова) Евдокия Павловна 104
Рассказимов А. А. 85, 86
Растопчин Н. П. 78
Расторгуев 136
Рацен Я. Я. 165
Ребров П. Н. 277
Ревякова 61
Редаков Леонтий Алексеевич 198
Редькина 157
Рейник Александр Павлович 104
Рейник Елена Малофеевна 104
Рекунов В. С. 169
Рецкий И. 331
Речкович 161
Ривман Х. А. 158
Ридель 61
Ровенский Лаврентий Кузьмич 153, 154
Ровинский 308
Рогальников И. П. 130
Роганов Михаил Никитич 153
Рогов Григорий Фёдорович 10, 15, 320
Родин 129
Рожкова Анна 56
Розенфельд 19
Розин 158, 186
Ролико-Виноградов Алексей Васильевич 10
Романов А. А. 187
Романов 167
Романов Ф. И. 281
Ромашенко 183, 184
Ромашенко 230
Российский Д. М. 72
Ротенко 161
Ротова 184
Рошаль Григорий Львович 265
Рубинсон 17
Рудин В. Г. 134, 157, 158, 277, 278
Рудомётов Иван 208
Рукавишников А. И. 170
Русских Иван Павлович 153
Русских Михаил Павлович 153
Рутгерс Себальд Юстинус 73, 74, 76, 77, 80
Рухимович Моисей Львович 111, 114
Рыжов 129
Рыков Алексей Иванович 55, 136
Рыневич Карл Викентьевич 221, 222, 277
Рытенков М. М. 161
Рютин Мартемьян Никитич 10
С-в 180
Савельев 129
Савельев 180
Савкин А. И. 278
Савранский Д. Ф. 153
Садовский Пётр Павлович 297
Садчиков 307
Сажин Евграф Васильевич 45
Сай 60
Сайкин А. М. 227
Сакенко Б. П. 180
Саладин Иван 221
Самойлович П. 222
Самсонова А. А. 335
Сапоговская Л. В. 84
Сапожков 299, 301
Сарин Д. П. 66, 67, 68
Саров Даниил Иванович 156
Сахарова 270
Свердлов Яков Михайлович 34
Свиригин 184
Свирков 162
Святочевский Павел И. 10, 20
Севергин 10
Седов Н. Е. 291
Сейфулина Лидия Николаевна 265
Селиванов 295
Селиверстов 129
Сенников Терентий Егорович 327
Сенотрусов А. Я. 134
Сенюкова Н. Л. 309, 310
Сербегешев А. С. 277
Сербин Е. С. 291
Сергеев 218
Сергеев Иван Яковлевич 306
Сергеев 218
Сергеева Е. Ф. 267
Сердюков 304
Серебряков 161
Сетин Ефим Алексеевич 322
Сидельников С. П. 125
Сизиков 22
Симахин Егор Иванович 136
Симачев 161
Симонов 127
Синицына 197
Сиротин 197
Скворцов 15
Скворцов Пётр Степанович 18, 19
Скобликов Сергей Павлович 265
Скок В. И. 312
Скоков 10
Скорина Е. Е. 291
Скрипкин Фёдор Васильевич 32, 34
Слободин 157
Смеловский 22
Смирнов 162
Смирнов Иван Никитич 9, 66, 90
Смирнов 22
Смирнов 161
Смирнов Яков 200
Смолицкий А. С. 261
Смоляков 162
Снятков А. А. 163
Собачкин Алексей Леонтьевич 19
Соболев 182
Соболевский 160
Соколов 10
Соколов 202
Соколов-Добрев И. И. 261
Соколов В. А. 157
Соколовский 22
Соколовский В. Ф. 170
Сокольников Григорий Яковлевич 133
Солдатенко 129
Солдатов 179, 184
Солодов Г. А. 170
Соломин Павел Петрович 127, 130
Солоницын Н. 203
Сопов А. П. 333
Сорокин А. К. 9
Сорокин М. Е. 137
Сорокин 129
Сорокина 217
Сосин 62
Соснин Н. А. 291
Сосновики И. Е. 277
Спидченко К. И. 255
Спиридонов 201
Спицын Андрей 200
Спортч 129
Сталин Иосиф Виссарионович 50, 55, 105, 107, 130, 134, 191, 197, 198, 211, 216, 221, 222, 267, 278, 283
Стародубов Василий Тимофеевич 28
Старостин Константин Фёдорович 29, 52
Старостин Павел Никифорович 11, 12, 28, 291

- Стаханов Алексей Григорьевич 127, 129, 130
 Стацевич Борис Семёнович 322
 Степаненко Василий Михайлович 135
 Степанов 136
 Степанов Зиновий 20
 Степанов Иван 198
 Степанов 157
 Степанов 175, 199
 Степанский П. Д. 286
 Стефановский 18, 22
 Сторончикова 216
 Стрельников Дмитрий Александрович 140
 Строганов Александр Митрофанович 315
 Строилов Михаил Степанович 126, 127, 133, 134, 167
 Стуков 328
 Суворов Н. П. 154
 Суздальцев Яков Дмитриевич 38, 39
 Суменков 20
 Сумецкий М. И. 15
 Сусакин Г. Н. 153
 Суханов 134
 Сухоруков 18
 Сущенко Е. М. 311
 Суяров 161
 Счастливцев 16
 Сычёва В. Е. 291, 297, 298, 300, 305, 306, 307
 Сычёва Т. А. 282, 283, 284, 289
 Тагаев Роман Тимофеевич 9
 Тайдонова Т. Е. 313
 Тарасов 156, 157
 Тарасов 87
 Тарасюк В. С. 157
 Тартаковский 307
 Тельгерекон И. М. 277
 Тепляков А. Г. 278
 Терентьев 129
 Терехов Н. Г. 139, 141
 Терпсихоров Николай Борисович 195
 Терский 129
 Теряев Е. К. 154
 Тетерин 23
 Тетгенборн А. Ф. 158
 Тешев Е. Д. 56
 Тимковский Г. А. 266
 Тимонин А. И. 158
 Тимошенко В. П. 72
 Тихомиров Б. 260
 Тихомиров И. Н. 291
 Тихон, патриарх (Василий Иванович Беллавин) 323, 328
 Тихонов 158
 Тихонова Валентина Александровна 305
 Тишин 183
 Тогулев В. В. 156, 157
 Токарев Александр Арефьевич 221, 222, 277
 Токарь Л. 35
 Толен 51
 Толкунов 161
 Томилин Пётр Кондратьевич 17, 18
 Томский Михаил Павлович 55
 Тонконогов 307
 Травников Ф. 49
 Трегубенков 153
 Трушлевич В. И. 159
 Трофимов И. 22, 264
 Трофимов Николай Иванович 22
 Троцкий Лев Давидович 50, 71, 133, 136, 307
 Трусов 132
 Тузов Тит 107
 Тузовский Павел (Громов) 23
 Тулин 218
 Тульчиеский К. Н. 86
 Туманов 304
 Туник А. Б. 158
 Тураева 229
 Туровский Сергей 181
 Турчанинов П. В. 157
 Турченко 153
 Турчин Николай Иванович 307
 Тыдыяков Г. С. 277
 Тыжнов А. 172
 Тюпина Вера Михайловна 104
 Уваров В. С. 168, 170
 Угольщик 134
 Угроватов А. П. 35, 40
 Уманский Е. Я. 264
 Усанин 200
 Усков Игорь Юрьевич 12, 28, 29, 32
 Усов Михаил Антонович 139, 141
 Усольцев 184
 Успенский П. Ф. 312
 Устинов М. 156
 Утюпин 333
 Уфимцев Алексей Иванович 17, 18
 Учватов И. В. 160, 161
 Фадеев К. В. 263
 Фаер С. В. 186, 187
 Фальков Сергей Леонидович 135
 Федорович Иосиф Иосифович 70, 72, 75, 76, 77, 78, 139
 Федосеев 28
 Федосеев Тимофей Матвеевич 199
 Федосеева Мария Ивановна 157
 Федосов Ф. 333
 Федотов М. Я. 153
 Фельбербаум Илья Яковлевич 163, 164, 165
 Феноменов М. 318
 Фёдоров 16
 Фёдоров И. Е. 153
 Фёдоров Н. П. 312
 Филатов 129
 Филатовы 266
 Филимонов 105, 193
 Филимонов 311
 Филипенко Григорий Никифорович 12, 28
 Филиппов Андрей Севастьянович 148, 153
 Филонов Ф. И. 157
 Филиппов С. Г. 55
 Филяев 330, 331
 Финкельштейн Н. 118
 Фойгт Л. И. 157
 Фокин Клавдий 335
 Фолин Василий Фёдорович 182
 Фолин Яков 182
 Фоменков 161
 Фомин 182
 Фоминский Михаил 335
 Форпостник 178
 Франкфурт Сергей Миронович 42, 144, 145, 146, 150, 152, 153
 Фрейн 143
 Фролов 178
 Фролов 168
 Фрумкин Моисей Ильич 9, 107
 Хазанова Раиса Семёновна 157
 Халецкий Николай Георгиевич 157
 Халилов Захар Герасимович 157
 Халимов 160
 Халиулин Г. Г. 9, 11, 56
 Харин Н. И. 307
 Харченко 130
 Харькевич К. И. 153
 Хейвуд Уильям (Вильям) 73
 Хитаров Рафаил Мовсесович (Моисеевич) 153, 268
 Хмарин 295
 Ходорадзе (Ходоразе) Илларион Николаевич 15, 16, 17
 Хольтман 186
 Храменко 168
 Храпунов Д. Ф. 130
 Хромова Т. Ю. 212
 Хрущёв Николай 335
 Хрущёв Пётр 336
 Хрущёв Никита Сергеевич 228
 Хрычев Сергей Васильевич 322
 Царёв 198
 Ценкерт Вера Николаевна 307

- Церебеж В. Г. 158
Цукров В. А. 125
Цыганков 217
Цылк Иван Августович 154
Чайкина 183, 184
Чалышев К. 153
Чапаев Василий Иванович 246
Чезарри Л. В. 134
Челбышев 37
Человечкин 12 327
Челомбитко М. А.
Чепурьжкин 182
Червонный (Усатенко) М. А. 69
Черданцев (Чердынцев) Аким Иванович 15
Черданцев (Чердынцев) Иван Иванович 15
Черепнин 217
Черкасов Иван Андреевич 14, 15
Чернов А. 217
Чернова И. В. 36
Черных 12
Черных Всеволод Алексеевич 10
Чернявский М. С. 306
Чертиков Пётр Данилович 135
Черчилль Уильям 211
Чеховских К. А. 280
Чечулин Фёдор Герасимович 17, 18
Чёботов В. П. 214
Чинакал Николай Андреевич 118, 121
Числов Н. И. 130
Чиспияков Н. В. 277
Чичендаев 129
Чугунов Я. С. 154
Чугурин Иван Дмитриевич (Пётр) 64
Чугуркин 61
Чудинов А. Ф. 313
Чудинов Иннокентий Иванович 34
Чуднов А. Ф. 163, 166
Чуднов И. А. 163, 166
Чудов Николай Алексеевич 22
Чудояков Н. В. 277
Чумаков М. 286
Чупахин Сергей 58
Чупин Пётр Матвеевич 154
Чуреев Н. И. 334
Чухно Т. В. 315
Чуцкаев 67
Шабалин Николай 283
Шаболина 136
Шадрин 158
Шакурин П. 182
Шадрин 183, 184
Шакиров Мингалей 129, 130
Шамовский Элья Хононович 290
Шаповалов 168
Шапочкин 331
Шапфер Франц Андреевич 19
Шаравьев И. А. 227
Шарапов П. Ф. 171
Шарнин С. 22
Шаталов 81
Шатилов М. Б. 33
Шатров Федот 199
Шевелёв 127
Шевелёв 21
Шевелёв-Лубков Василий П. 22, 23
Шевченко Карп Фёдорович 152
Шевелёвы 21
Шевяков Л. Д. 118
Шейн Алексей Михайлович 182
Шелепов В. С. 171
Шерген Владимир Иванович 28
Шергов 61
Шерин Иван Васильевич 15
Шеренгин 81
Шестов Алексей Александрович 133
Шидек В. Я. 145, 147
Шикин Александр Ксенофонтович 40
Шинков Степан Дмитриевич 15, 16
Шипицын И. Н. 211
Ширяева 214
Шихалев 172
Шишкин В. И. 21
Шишкин 229
Шишлянников С. В. 129, 130, 131
Шкляр Тимофей Иванович 155
Шкорбатов С. И. 163
Шкуратова 229
Шкурыгин Кузьма 182
Шлепнев Д. 133
Шляев Б. А. 316
Шмаргунов 127
Шмидт 186
Шмуйлович 301
Шориков Сергей Андреевич 200
Шорникова Маруся 154
Штагер 170
Штиклинг Эмиль Иванович 132, 133, 134
Штифанова 156
Штольценберг Гуго 85, 86
Штрайфель 17
Шубин Павел 57
Шубин Фёдор Иванович 132
Шувалов 9
Шулятьев П. В. 168
Шумахер 40
Шуранов Н. П. 120
Шуранова Е. Н. 94
Шутов Ф. П. 278
Шушканов Н. С. 168
Щадук Л. М. 291
Щеглов Николай Николаевич 14, 15
Щелканов В. П. 188
Щепочкин В. Н. 143
Щербаков 22
Щербаков М. 159, 160, 162
Щербинин И. А. 211
Щипанов В. В. 134, 170
Щипачёв Василий Павлович 108
Эвергард Е. П. 143
Эдельштейн Г. Ю. 151
Эйхе Роберт Индрикович 118, 127, 144, 153, 157, 161, 221
Элбакянц 328
Эндель 186
Энгельс Фридрих 246
Юдин В. И. 50
Юдин Увар 107
Юрецки 186
Юрмазов А. С. 179
Юрченков В. А. 309
Юткина Анна Кондратьевна 227, 228, 229, 230
Ягодкин 221
Якимова Л. 81
Яковлев Григорий Николаевич 85
Яковлев Николай Григорьевич 84, 85
Яковлев 61
Яковлев Я. А. 309, 310
Яковлева Мария Николаевна (дочь) 85
Яковлева Мария Николаевна (мать) 85
Яковлева Н. Д. 168
Якубович Эдуард Александрович 307
Ямпольский 28
Янайт Адольф 58
Янайт Альфред 58
Яновский 304
Янчуковская А. 213
Яргин В. 321
Ярославский Емельян Михайлович 20, 21 23
Ярославцев Дмитрий Тимофеевич 310, 311
Ярославцев Евгений Александрович 136
Яхлаков 270
Яцевич 9
Ящук Т. Ф. 25

Источники и литература

Архивные источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Ф. 3316. Оп. 25. Д. 27; Оп. 27. Д. 730.
Ф. 5446. Оп. 11. Д. 2568; Оп. 24. Д. 859.
Ф. Р-5674. Оп. 1. Д. 26.
Ф. 7857. Оп. 1. Д. 2292, 2666, 2692, 2717
Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2039, 2055.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Ф. 17. Оп. 3. Д. 911.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Ф. 1562. Оп. 77. Д. 70.
Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54.
- Государственный архив Кузбасса (ГАК)
Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 26.
Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 6.
Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 95, 153, 206, 212, 227, 268, 269, 270, 275, 277, 278, 279, 337, 340, 410, 475, 565, 910, 925, 926, 949, 955; Оп. 2. Д. 1176, 1177; Оп. 5. Д. 3, 7, 9.
Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4, 8, 17, 75, 86, 88, 92, 151, 156, 161, 272, 285, 305, 311, 359, 704, 1570.
Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 7, 12.
Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 73.
Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 149.
Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3, 9, 10; Оп. 2. Д. 1384, 1459.
Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 20.
Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 32.
Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 7, 116.
Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 203, 417, 471, 539, 625, 753; Оп. 9. Д. 85.
Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 64.
Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 123.
Ф. Р-285. Оп. 2. Д. 114; Оп. 4. Д. 5, 25.
Ф. Р-304. Оп. 13. Д. 1.
Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 2, 16.
Ф. Р-583. Оп. 2. Д. 12.
Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 5, 18, 21, 22, 23, 32.
Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1.
Ф. Р-603. Оп. 2. Д. 2, 10; Оп. 3. Д. 5.
- Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 10.
Ф. Р-710. Оп. 1. Д. 7.
Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 20.
Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 1 а.
Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 7.
Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 1, 5, 6.
Ф. Р-1215. Оп. 19. Д. 6.
Фотофонд. Оп. 8. Д. 50, 51, 53, 78, 103, 181, 187, 206, 214, 289, 323, 334, 407, 423, 431, 683, 749, 773, 781, 808, 981, 983, 1077, 1085, 1159; Оп. 8 доп. Д. 231, 263, 353, 365.
Ф. П-1. Оп. 2. Д. 170; Оп. 4. Д. 59.
Ф. П-4. Оп. 1. Д. 143; Оп. 5. Д. 347;
Ф. П-6. Оп. 1. Д. 63, 70, 114, 121, 170, 813; Оп. 2. Д. 2, 16.
Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 7, 16, 17, 18, 22, 43, 57, 89, 91, 92, 121, 129, 130, 145, 180, 233, 238, 264, 276, 284, 291, 312, 317, 318, 404, 406, 410, 416, 424, 451, 458, 462, 467, 479, 480, 487, 488, 508; Оп. 2. Д. 3.
Ф. П-15. Оп. 7. Д. 12, 19, 30, 38, 40, 48, 91, 99, 103, 162, 164, 194, 215, 217, 253, 257, 259, 260; Оп. 8. Д. 3.
Ф. П-18. Оп. 12. Д. 76.
Ф. П-22. Оп. 1. Д. 13, 293.
Ф. П-24. Оп. 1. Д. 8, 11, 13, 19.
Ф. П-26. Оп. 1. Д. 157; Оп. 3. Д. 12..
Ф. П-30. Оп. 1. Д. 96.
Ф. П-33. Оп. 1. Д. 27, 31.
Ф. П-47. Оп. 1. Д. 228.
Ф. П-74. Оп. 2. Д. 36.
Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300; Оп. 2. Д. 105, 300.
Ф. П-79. Оп. 1. Д. 26.
Ф. П-81. Оп. 1. Д. 11.
Ф. П-107. Оп. 1. Д. 13, 17.
Ф. П-108. Оп. 11. Д. 9.
Ф. П-112. Оп. 1. Д. 8.
Ф. П-115. Оп. 1. Д. 5, 19.
Ф. П-123. Оп. 1. Д. 7, 8а.
Ф. П-130. Оп. 1. Д. 8.
Ф. П-137. Оп. 1. Д. 8.
Ф. П-142. Оп. 1. Д. 77.
Ф. П-483. Оп. 1. Д. 153.
- Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке
Ф. 1. Оп. 1. Д. 115.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)
Ф. 1. Оп. 1. Д. 85, 167, 314, 594, 665, 896, 896а, 911, 1082.
Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 989, 3462.
Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 23, 28; Оп. 2. Д. 2, 3, 73, 106.
Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 156.
Ф. П-4. Оп. 33. Д. 172, 188.
- Государственный архив Томской области (ГАТО)
Ф. 234. Оп. 1. Д. 17, 64, 106.
Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 9, 39а, 186 а.
Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422, 493, 501.
Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 87, 100, 152, 163, 215, 234, 269, 288, 306, 328.
- Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО)
Ф. 3. Оп. 1. Д. 99; Оп. 6. Д. 8.
- Архивный отдел администрации Ленинск-Кузнецкого муниципального района.
Ф. 74. Оп. 3. Д. 4.
- Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ)
НФ-Д. Оп. 1. Р. 10. П. 1.
- Рудин В. Г. Сталинские репрессии: их развертывание и завершение (1938–1939–1940 гг.) [в Кузбассе]: рукопись // Архив А. Б. Коновалова.

Музейные материалы

- ГАУК «Кузбасский государственный краеведческий музей», г. Кемерово.
МАУ «Гурьевский городской краеведческий музей», г. Гурьевск.
МАУК «Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей», г. Ленинск-Кузнецкий.
МАУК «Новокузнецкий краеведческий музей», г. Новокузнецк.
МАУК Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», г. Новокузнецк

- МБУК «Анжеро-Судженский городской краеведческий музей», г. Анжеро-Судженск
- МБУК «Историко-краеведческий музей Тисульского района», п. Тисуль
- МБУК «Музей-заповедник «Мариинск исторический», г. Мариинск.
- МБУК «Прокопьевский городской краеведческий музей», г. Прокопьевск
- Музей истории завода «Химпром», г. Кемерово.
- Музей Кузнецкого металлургического техникума, г. Новокузнецк
- Научно-технический музей им. академика И. П. Бардина музейного центра ОАО «НКМК», г. Новокузнецк.
- ОГАУК «Томский областной краеведческий музей имени Михаила Бонифатьевича Шатилова», г. Томск.
- ФГБУК «Государственный исторический музей», г. Москва.
- Законодательная и нормативно-правовая документация**
- Батченко В. С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законодательстве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 305–331.
- Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1972.
- Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936.
- Сибирская Вандея: [Документы: В 2 т.]. Документы. Т. 1: 1919–1920 / Сост. В. И. Шишкин. М., 2000. 661, [1] с.
- Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 гг. [автор предисловия Д. Курский]. Москва, 1920. 268, IV с.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1932, 1935.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
- Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922, 1928, 1929, 1931, 1932.
- Устав Союза безбожников СССР // Русский архив. 2013. Т. 2. № 2. С. 89–92.
- Известия ВЦИК Советов от 14 февраля 1919 года № 34 [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/35545>.
- Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 г. — декабрь 1925 г.: Сборник документов и материалов. Новосибирск: кн. изд-во, 1959.
- Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.
- Делопроизводственная и статистическая документация**
- Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года: Материалы с.-х. переписи 1916 года, собранные и разработ. под руководством и ред. В. Я. Нагнибеда. Томск: тип. изд-ва «Кр. Знамя», 1927. [4], II, 215 с.
- Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: В 2 кн. Кн. 1 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.: РОСПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 600 с.
- Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Павильон «Сибирь»: путеводитель. М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 46, [2] с.
- Деятельность «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» и ее оценка в документах СТО СССР (1922–1926 гг.) // Исторический архив. 1961. № 3. С. 132–165.
- Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: Сборник документов: [В 4 т.]: Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 888 с.
- Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах: Краткий стат. справочник. Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1935. 185, [5] с.
- Западно-Сибирский край: Материалы по экономике края. Новосибирск: Огиз. Запсиботд-ние — Запсибу-пр. нархозучета, 1932 (т[ипо]-л[ит]. ЗСПКТ). [4], 202, 357, [3], 541, [2] с.
- Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.). Новосибирск: тип. № 1 ЗСКИК, 1934. III с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. Т. 3: 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. 494 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: (1898–1970). 8-е изд., испр. и доп. Т. 5: 1931–1941. М.: Политиздат, 1971. 479 с.
- Кузбасс в период восстановления народного хозяйства. 1920–1926 гг.: [Сборник документов / Введ. Г. Докучаева]. Кемерово: Кн. изд-во, 1966. 183 с.
- Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск: издание Статсектора Запсибкрайплана, 1931. 44 с.
- Кузнецкий угольный бассейн: Стат. справочник. М.: Углетехиздат, 1959. 391 с.
- Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1920–1928 гг. Вып. 1: Полеводство и луговодство. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. XLV, 129 с.
- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15; № 12. С. 3–23.
- Народное хозяйство Томской губернии. Отчет томгубэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год. Томск: Гублит, 1923. IV, 438, 493, IIO с.
- Народное хозяйство Томской губернии: первый отчет губэкономсовещания Совнаркому и СТО. Томск: [б. и.]. Первый отчет [за 1921] г. 1922. 642 с. разд. паг.: табл.
- Народное хозяйство Томской губернии: сборник статистических и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 года / под ред. В. С. Корнева. Томск: издание

- Томско-Нарымского союза потребителей, 1924. 232, [4], VIII с.
- Нас водила молодость...: Сборник документов и материалов из истории комсомольской организации Кузбасса. [1918–1968]. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 271 с.
- Неизвестный Кузбасс: Сборник архивных документов. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы. Кемерово, 1995. 253 с.
- Неизвестный Кузбасс: Сборник архивных документов. Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925–1941). Кемерово, 2005. 266 с.
- Новосибирская область: экон.-геогр. описание. Новосибирск: Нов. областное изд-во, 1939. 250 с.
- Обзор Томской губернии за 1912 год. Томск: тип. Губ. упр., 1914. [4], 61, [64] с.
- Обзор Томской губернии на 1910 год. Томск: тип. Губ. упр., 1911. [1], 55, [93] с.
- Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33). М.: «Плановое хозяйство» Госплан СССР, 1929. 72 с. (Прилож. к III тому Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР).
- Организация Автономной колонии американских рабочих «Кузбасс» (1921–1923 гг.) // Исторический архив. 1961. № 2. С. 69–98.
- Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Третьему Кузнецкому окружному съезду советов. Щегловск: Кузнецк. окрисполком, 1929. [3], 132 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871.
- Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск, 1884.
- Памятная книжка Томской губернии на 1913 год / Том. губ. стат. ком. Томск: тип. Губ. упр., 1913. 200, 45, 57, [5] с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 1. Население Империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам. СПб.: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897. 30 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1905. 48 с.
- Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов: 15–19 февр. 1933 г.: Стеногр. отчет. М.; Л.: Сельхозгиз, 1933. VIII, 352 с.
- План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Гос. комис. по электрификации России. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.
- Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. I: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг.: Хроникально-документальный сборник / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: издательство ИДМИ, 2000. 214 с.
- Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: Гос. изд-во, 1921. 18 с. (РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Серия 1 вып. 1–5 работ Отдела демографии; Т. I, вып. 3).
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. I: Сводный обзор. М.: Плановое хозяйство, 1930. 165, [1] с.
- Резолюции XVIII съезда ВКП(б): 10–21 марта 1939 г. [и устав ВКП(б)]. [Москва]: Госполитиздат, 1939. 72 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: [Сборник документов за 50 лет]: В 5 т. Т. 2: 1929–1940 годы. М.: Политиздат, 1967. 798 с.
- РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апр. 1940 г. М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. 492 с.
- С Лениным в сердце: Сб. документов и материалов. Кемерово: Кн. изд-во, 1976. 224 с.
- Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. Томск: Томск. окрисполком, 1928. 7, 206, II с.
- Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана. 1930. XVI, 804 с.
- Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: 1918–1939: Док. и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918–1922. М.: РОССПЭН, 2000. 861, [3] с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 — нач. 1933 г.: [Сб. документов]. Новосибирск: ЭКОР, 1993. 341 с.
- Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Док. и материалы: 1927–1939: В 5 т. Т. 1: [Май 1927 — нояб. 1929]. М.: РОССПЭН, 1999. 879 с.
- Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Док. и материалы: 1927–1939: В 5 т. Т. II: [Ноябрь 1929 — декабрь 1930]. М.: РОССПЭН, 2000. 925, [2] с.
- Трудящиеся Томской губернии — В. И. Ленину: [Сб. документов]. Томск: изд-во Том. ун-та, 1966. 89 с.
- Церковные метрические книги: справочник по документам ГУКО «Государственный архив Кемеровской области» / сост. А. М. Адаменко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 86 с.
- Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР: (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). М.: Ред.-изд. Упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 309, [3] с.

Периодические издания

- Большевистская сталь (г. Сталинск). 1933–1939, 1945.
- Борьба за уголь (г. Анжеро-Судженск). 1935, 1937, 1938.
- В бой за уголь (г. Киселевск). 1935, 1937.
- За шесть условий (пос. Тяжин). 1933, 1935.
- Знамя Ильича (г. Гурьевск). 1935, 1939–1941.
- Знамя коммунизма (г. Мариинск). 1940.
- Знамя коммуниста. 1920, 1921.
- Знамя революции (г. Томск). 1920, 1921.

Знамя ударника. 1936.
 Красное знамя (г. Томск). 1922–1924, 1927, 1928.
 Кузбасс (пос. Кольчугино, г. Щегловск, г. Кемерово). 1923–1940, 1990.
 Кузнецкий рабочий (г. Новокузнецк). 2007.
 Ленинская искра (Ленинск-Кузнецкий район). 1939.
 Ленинский путь (г. Топки). 1936.
 Ленинский шахтер (г. Ленинск-Кузнецкий). 1935–1940.
 Луч красного солнца (г. Мариинск). 1920.
 На полный ход (г. Тайга). 1930, 1932.
 Правда (г. Москва). 1925, 1929, 1930, 1932.
 Приисковский рабочий (Мартайгинский, Тисульский район). 1933–1939.
 Рабочий. 1939, 1941.
 Сибирская жизнь (г. Томск). 1919.
 Сибирский коммунист (г. Томск). 1920.
 Советская Сибирь (г. Новосибирск). 1921, 1923.
 Сталинский путь (г. Тайга). 1933.
 Стахановец золотодобычи. 1939, 1941.
 Ударник Кузбасса. 1935.
 Шахтерская правда. 1978, 1985.

Мемуары, художественная литература

Евзеров М. И. О времени, о Норильске, о себе... : Воспоминания. Кн. 1 / ред.-сост. Г. И. Касабова. М.: ПолиМЕдиа, 2001. С. 77–125.
 Евзеров М. И. О времени, о Норильске, о себе... : Воспоминания. Кн. 2 / ред.-сост. Г. И. Касабова. М.: ПолиМЕдиа, 2001. С. 192–296.
 Ефимов А. Ижевцы и воткинцы // Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред., предисловие и комментарии С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. С. 320–394.
 Кузнецкстрой: История в воспоминаниях. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1934. 182, [2] с.
 Рутгерс С. Встречи с Лениным // Историк-марксист. 1935. № 2-3. С. 85–98.

Литература

50 огненных лет: К юбилею Беловского цинкового завода: Сборник / Редкол.: И. Ф. Шнайдер [и др.]. Кемерово: Кн. изд-во, 1980. 127 с.
 75 лет КМК-НКМК: [фотоальбом / О. Н. Файзрахманов — руководитель проекта; Л. И. Тимофеева — исторические комментарии; Н. В. Степанова — работа с фотоархивом, текстом; консультанты: Б. Р. Махалов, Н. А. Симкина, Е. В. Шевков. Новокузнецк : б. и., 2007. 128 с. : ил.
 Агарков П. А. Руководство партийных организаций Западной Сибири перестройкой деятельности сельских Советов в соответствии с новой Конституцией: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 205 с.
 Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.
 Адаменко А. М., Челомбитко М. А. Из истории Никольского прихода Кемерово: церковь на улице Чапаева // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 6. С. 57–58.
 Адаменко А. М., Челомбитко М. А. История Никольских приходов Кемерово (Щегловска) в довоенный период // Балибаловские чтения: мат-лы 8-й и 9-й науч.-практ. конф., г. Кемерово (июнь 2016 г., май 2018 г.). Кемерово, 2018. С. 87–90.
 Аксененок Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право: [Учебник для юрид. школ]. М.: Госизд-во юрид. лит., 1950. 296 с.
 Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: мат-лы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания» / Отв. ред. А. Б. Коновалов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 96 с.
 Александровский М. Г. Волостное районирование Томской губернии // Экономические очерки Том-

ской губернии. Томск: Тип. изд-ва «Красное знамя», 1925. С. 46–119.
 Александровский М. Г. Очерк природных условий сельского хозяйства Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии. Томск: Тип. изд-ва «Красное знамя», 1925. С. 1–45
 Алексеев В. В. Электрификация Сибири: Ист. исследование. Ч. 1. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 311 с.
 Андреев В. П. Городские Советы Кузбасса и хозяйственные организации в 1930-е гг. // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 1. / под ред. С. В. Макаrchука. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 72–79.
 Андреев В. П., Воробьев Н. В. Городские Советы Сибири и развитие государственной и кооперативной торговли в 1926–1932 гг. // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 78–84.
 Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920–1932 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 223 с.
 Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927: В 4 т. / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. Репринт. воспроизведение. М.: Терра, 1990. Т. 1. 255, [1] с.
 Баев О. В. Иностраный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX — начало XX в.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 175 с.
 Бажанов В. Кузнецкий бассейн // Кузнецкий бассейн: Сборник статей // Издание «Кузбасстреста». М., 1924. С. 1–25.
 Баронская О. Н. История одного музейного предмета // Разыскания. Кемерово. 1999. Вып. 5. С. 23–28.
 Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. 3-е изд., расш. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с.
 Бедин В. И., Кушникова М. М., Тогулев В. В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–

- 1930-х гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. 631, [1] с.
- Белово / сост. В. П. Щелканов. Новосибирск: Советская Сибирь, 2000. 607 с.
- Белоусова О. А. Иностранцы рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате (1929–1939 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 21 с.
- Бельков А. В. Воспроизводство городского населения Кузбасса (середина 1920-х — 1930-е гг.) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы IV Всерос. научных чтений. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 208–212.
- Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015. 113 с.
- Бельков В. И. Вопросы строительства Беловского цинкового завода в документах ГКУ КО «ГАКО» // ТЭК и ресурсы Кузбассе. 2012. № 6 (65). С. 60–62.
- Бельков В. И. Источники о «Кемеровском деле» 1936 г. в облархиве // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 84–87.
- Бельков В. И. О некоторых вопросах создания Кемеровского Азотно-тукового завода в документах ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (1933–1938) // Балибаловские чтения: мат-лы Седьмой науч.-практ. конф., посв. 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013 г. Кемерово: Примула, 2013. С. 10–17.
- Берсенева Е. В. Возникновение и становление профессиональной театральной труппы в городе Кемерово (Щегловске) // Ученые записки научно-исследовательского института прикладной культурологии. Т. 2. 2006. С. 370–379.
- Беспалова О. Л. Дворец труда: страницы истории. Кемерово: Вояж, 2012. III с.
- Бикметов Р. С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е — середина 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 29 с.
- Бикметов Р. С. К вопросу о роли коммун и методах коллективизации сельского хозяйства на территории Кузбасса // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: мат-лы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания». Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 30–32.
- Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования в Кузбассе (XVIII — начало XXI вв.). Кемерово, 2015. 129 с.
- Борин А. Г. Механизмы формирования городской идентичности (на материалах города Сталинска 1930-х гг.) // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв.: монография / науч. ред. Ю. В. Куперт, К. В. Фадеев. Томск: изд-во ТГАСУ, 2007. С. 123–132.
- Борин А. Г. Реализация модели социалистического города Сталинска // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк: издательство Томского университета, 2018. С. 403–439.
- Борин А. Г. Социалистический город Сталинск: от строительной площадки Кузнецкстроя к городу // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск, Новокузнецк: издательство Томского университета, 2018. С. 371–402.
- Букин С. С., Исаев В. И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. С. 140–167.
- Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е годы). Новосибирск: Параллель, 2009. 198 с.
- Викторов А. Ю. Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.
- Волкова З. Ф. Герой не нашего времени // Красная горка. Вып. 8. Кемерово, 2007. С. 31–42.
- Волченко А. В. Промышленное развитие Кузбасса в 1926–1940 годах // Из истории рабочего класса в Кузбассе: сб. статей. Вып. 2 (1917–1965): (Мат-лы к научной конференции). Кемерово, 1966. С. 56–76.
- Выдрина О. В. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея // Новосибирский архивный вестник. 1999. № 2. С. 58–63.
- Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 3–25.
- Гаврилов Д. В. У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург: Изд-во АМБ: Институт истории и археологии, 2010. С. 57–90.
- Гаврилов С. О. Советы Западной Сибири в 1937–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1996. 220 с.
- Галкина Л. Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Кемерово, 2011. 208 с.
- Галкина Л. Ю. Уникальный международный проект в Сибири // Балибаловские чтения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. 6. С. 25–30.
- Гвоздецкий В. План ГОЭРЛО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.
- Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
- Гвоздкова Л. И. Лагерная система в Кузбассе: роль, значение и последствия // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы II Всерос. науч. чт. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 125–128.
- Генина Е. С. Е. М. Ярославский (1878–1943 гг.) и антирелигиозный фронт Кузбасса // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы II Всерос. науч. чт. 21 декабря 2001 г. Кемерово.

- во: Кузбассвузиздат, 2002. С. 115–118.
- Генина Е. С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // *Белая гвардия* / гл. ред. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2001. Т. 5. С. 61–66.
- Генина Е. С. Хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 гг. как пролог коллективизации (по материалам Кузбасса) // *Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: мат-лы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания»*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 27–29.
- Генина Е. С. Из истории «Кемеровского дела» (1936 г.) // *Кемеровской области 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. 15 мая 2003 года, г. Кемерово*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 129–132.
- Гернет М. Н. Голод и преступность // *Влияние неурожая на народное хозяйство России*. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1927. Ч. II. С. 94–133.
- Горбатов А. В. Антирелигиозные кампании в Кузбассе (1922–1942 гг.) // *Кемеровской области 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. 15 мая 2003 г. г. Кемерово*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 132–138.
- Гузаров В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг. // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2014. № 379. С. 120–126.
- Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук, Томск, 2005. 218 с.
- Гущин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 157, [1] с.
- Гущин Н. Я. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
- Давыдов В. М. Первый золотой промысел Кузбасса // *Золото Кузбасса*. Кемерово, 2000. С. 239–274.
- Депутатский корпус Кузбасса. 1943–2003: Биограф. справочник. В 2 т. Т. 1. А — Л / Автор-сост. А. Б. Коновалов. Кемерово: Кн. изд-во, 2002. 584 с.
- Дерюшев А. В., Гузьева Е. А. Управление угольной промышленностью Кузбасса в 1920–1990 гг. // *Вестник КузГТУ*. 2010. № 2. С. 139–149.
- Дзержинский Ф. Э. Очередные задачи промышленной политики: Сб. статей. М.; Л.: Центр. Упр. печати ВСНХ СССР, 1925. 133, [2] с.
- Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002. 397 с.
- Дорофеев М. В., Лебедев М. А. Особенности процесса формирования педагогического образования на Кузнецкой земле // *Вестник Томск. гос. ун-та*. 2013. № 369. С. 75–77.
- Дыдевич В., Щербаков М. Кемеровский коксохим: Очерк о первенце сиб. химии — Кемеровском орденов Ленина и Трудового Красного Знамени коксохимическом заводе. Кемерово: Кн. изд-во, 1974. 232 с.
- Ефимкин М. М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации населения Сибири в XX–XXI вв. // *Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв*. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3–45.
- За 10 лет. Кузнецкий округ к 10-й годовщине революции / Отв. ред. В. Ворченко. Щегловск: тип. изд-ва «Кузбасс», 1927. 79, [8] с.: ил., портр.
- Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 — начало 1990-х гг.): Ист. исслед. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. 341 с.
- Завод и люди. [1929–2014]: 85 лет Кемеровскому механическому заводу. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 159 с.
- Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг.: Материалы к своду памятников архитектуры Кемеровской области. Кемерово, 2005. 104 с.
- Захарова И. В. Кемерово: город-сад — соцгород — город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово: издательство «Кузбасс XXI век», 2020. 143 с.
- Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // *Отечественная история*. 1994. № 1. С. 118–147.
- Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 286, [1] с.
- Из истории Салаира / под ред. А. М. Адаменко. Кемерово, 2007. 190 с.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.
- Ионов В. Д. Развитие народного образования и культуры Новокузнецка в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.) // *Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посв. 350-летию основания Кузнецка*. Новокузнецк, 1971. С. 139–148.
- Исаев В. И. Суды Сибири в условиях «великого перелома» // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14. Вып. 8. История. С. 170–182.
- Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е — 1930-е гг. Новосибирск: Параллель, 2014. 280 с.
- Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2006. 294 с.
- Исаев В. И. Развитие жилищного фонда в городах Сибири в 1920–1930-е гг. // *Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сб. науч. статей*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 211–214.
- Историческая энциклопедия Кузбасса: в трех томах. Т. I: А–К. Познать: Ztama, 1996. 380 с.

- История начального и среднего профессионального образования Кузбасса: металлургия и химическая промышленность / А. В. Блинов, А. Н. Ермолаев, А. А. Зеленин, В. А. Овчинников. Кемерово, 2018. 133 с.
- История индустриализации Западной Сибири. (1926–1941 гг.) / Гл. ред. канд. ист. наук А. С. Московский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 392 с.
- История Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. 378 с.
- История Кузбасса. Ч. III. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. 224 с.
- История Кузбасса: учеб. пособие для учащихся сред. шк., сред. спец. учеб. заведений и студентов вузов / под ред. Н. П. Шуранова. Кемерово: Кузбасс; Скиф, 2004. 351 с.
- История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина / Под общ. ред. д-ра техн. наук Б. Н. Жеребина. М.: Металлургия, 1973. 463 с.
- История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938–1945. М.: Наука, 1978. 565 с.
- Исхаков Х. А., Кочетков В. Н. Барзасские сапропелиты. Исторические сведения // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 5. С. 68–71.
- Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири (с XIX века до 1930-х гг.). Кемерово, 2001. 308 с.
- Казаков Е. Э. Питание рабочих Кузбасса в годы индустриализации // Сибирь — фронту: мат-лы Всерос. науч. конф. Кемерово, 12 мая 2000 г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. С. 67–69.
- Калинин М. И. Избранные произведения: В 4 т. Т. II: 1926–1932 гг. М.: Госполитиздат, 1960. X, 641 с.
- Калишева Г. Иосиф, сын Иосифа // Кузбасс XXI век. 2007. № 8. С. 6–9.
- Карпинец А. Ю., Леухова М. Г. Сельское хозяйство Кузбасского региона в начале 1920-х гг.: особенности развития в контексте аграрной политики РКП(б) и последствий Гражданской войны // Научный диалог. 2020. № 2. С. 353–368.
- Кемеровский азотно-туковый. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 98 с.
- Китова Л. Ю., Ананьина Н. А. Из истории Кузнецкого краеведческого общества // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: тез. регион. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С. 99–101.
- Китова Л. Ю. К истории Кемеровского краеведческого музея // Разыскания: ист.-краев. альманах. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 7–11.
- Клименко А. И. Привлечение трудящихся к работе по укреплению государственного аппарата Западной Сибири (1929–1932 гг.) // Вопросы социально-экономической культуры и культурной жизни Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. С. 171–180.
- Климова О. Г. Милиция Западной Сибири: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. 210 с.
- Книга Памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. 554, [1] с.
- Кокоулин В. Г. Создание революционных комитетов в Томской губернии (декабрь 1919 — январь 1920 г) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3 (8). С. 3–12.
- Коллективизация сибирской деревни. Январь — май 1930 г.: Сб. документов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.
- Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 518, [1] с.
- Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.net/library/id_459.html.
- Копикуз. 1912–2012. Кемерово, 2012. 128 с.
- Копылов С., Лапкин Ф. Город на Кии: к 300-летию Мариинска (поселение Кийска). Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 2001. 490 с.
- Коровин В. Т. История Беловского района: события, факты, люди (1920–2000). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 376 с.
- Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков: ФИЛИО, 2011. 603 с.
- Костюнин О. В. Развитие системы народного образования в Кузбассе в 1920–1930-е гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы III Всерос. науч. чт. Кемерово, 2003. С. 69–75.
- Крепицина Е. В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 197 с.
- Круссер Р. Г. Кемеровский педагогический техникум (педучилище): 80 лет со дня открытия // Балибаповские чтения. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 45–47.
- Кудряшов И. В. Обработка золотых руд на Центральном руднике Мариинской тайги. М.; Л.: НКТП-Цветметиздат, 1932. 38, [2] с.
- Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. 2-е изд., перераб. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. 365 с.
- Кузнецкий металлургический комбинат им. товарища И. В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). [Ленинград]: тип. Акад. Наук СССР, 1934. 208, [23] с.
- Кузнецкий угольный бассейн: Статистический справочник / Комбинат «Кузбассуголь» Кемеров. совнархоза. Кемеров. горный ин-т М-ва высш. образования СССР. М.: Углетехиздат, 1959. 391 с.
- Кузнецова Л. Ф. Из истории Кемеровского краеведческого музея. 1920–1940-е гг. // Разыскания. Кемерово. 2010. Вып. 8. С. 31–35.
- Кузница кадров. Документально-публицистическое издание об истории Прокопьевского горнотехнического колледжа / под ред. В. Д. Славникова. Авт. проекта и издат. В. А. Медведев. Прокопьевск: Сибирское время, 2012. 476 [2] с.

- Кузьмин А. Краеведение в Западносибирском крае // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 51–60.
- Культурное строительство СССР: Статистический сборник / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 268 с.
- Куренков А. В. Выборы в местные органы государственной власти на территории Томской губернии в 1920 г. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 108–112.
- Куренков А. В. Органы власти и управления в Томской губернии: конец 1919–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 268 с.
- Куренков А. В. Томский губревком — чрезвычайный орган государственной власти (декабрь 1919 г. — октябрь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 61–64.
- Кушникова М. М. Новые архивные находки по истории НКМ // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. Новокузнецк, 1998. С. 44–48.
- Лакисов А. И. Ленинск-Кузнецкий. 2-е изд., доп. Кемерово: Кн. изд-во, 1984. 191 с.
- Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск: Красное знамя, 2002. 519 с.
- Левшин Е. А. Процесс изъятия церковных ценностей на территории Кемеровской области в 1922 г. / под ред. П. П. Лизогуба // Новое в развитии исторического краеведения и регионального музееведения: мат-лы Межд. науч.-практ. конф., посв. 75-летию Новокузнецкого краеведческого музея, 14–15 ноября 2002 г. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. С. 79–83.
- Левшин Е. А. Фонд Р-964 ГАКО как источники по истории церковно-государственных отношений на территории Кемеровской области в 1936–1940 гг. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: мат-лы конф., посв. памяти профессора А. А. Говоркова / под ред. А. Н. Жеравиной. Томск: Томский государственный университет, 2003. С. 197–202.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1963. XXII, 561 с., 1 л. портр. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1964. XXII, 725 с., 3 л. ил.
- Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759–1941). Т. 1. Новосибирск, 2013. 352 с.
- Леонтьева Н. Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения Кузбасса в 20–30-е годы. Кемерово, 1996. 173 с.
- Летопись села Кузбасса: Сборник. Кемерово: кн. изд-во, 2001. 407, [1] с.
- Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 230 с.
- Лизогуб П. П. Борьба за сохранение Кузнецкой крепости как исторического памятника (до начала 1990-х гг.) // Кузнецк — Сталинск — Новокузнецк: Проблемы города и горожан: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2008. С. 89–99.
- Лизогуб П. П. Сталинский краеведческий музей // Вклад в Великую Победу. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2005. С. 202–209.
- Лизогуб П. П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование (до начала 1940-х гг.) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 106–144.
- Лизогуб П. П., Крюков Е. Н., Казанцева И. И. Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города. Новокузнецк: Кузнецкая кн., 2016. 282 с., ил., карт., порт.
- Липунова Л. В. Профессорско-преподавательский состав Сибирского металлургического института (1930–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2009. 28 с.
- Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М., 2006. 523 с.
- Луначарский А. В. Месяц по Сибири. Л.: Красная газета, 1929. 94, [2] с.
- Мазюков А. С. К истории Анжеро-Судженской парторганизации // Из истории рабочего класса Сибири: Доклады и сообщения на научной конференции (март 1965 г.). Кемерово: Кемеровский горный институт, 1965. С. 81–87.
- Манонина Т. Н., Самсонова А. А. Культурная архитектура иудаизма в Сибири: синагоги г. Мариинска // Вестник ТГАСУ. 2019. Т. 21. № 3. С. 99–111.
- Марченко П. Ф. Развитие библиотечного дела в Кузбассе (1928–1932 гг.) // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. научных трудов. Вып. 20 / Гос. Публич. науч. биб-ка СО АН СССР. Новосибирск, 1975. С. 80–84.
- Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс: Борьба Ком. партии за создание второй угольно-металлург. базы СССР. Челябинск: [Южно-Уральское кн. изд-во], 1966. 424 с.
- Матюшин И. Втуз металлургов // Десять лет города угля и металла: сборник. Сталинск, 1939. С. 225–229.
- Морозова Т. И. Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: [Сб. ст.]. Вып. 4: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 173–199.
- Московский А. С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. (1917–1937 гг.): Историко-экономический очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1975. 263 с.
- Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1968. 300, [8] с.
- Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новоси-

- бирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 168 с.
- На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание / Отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 224 с.
- Надлер Ю. С. Геология, геологи и город Новокузнецк // Кузнецкая старина. Вып. 8. Новокузнецк, 2006. С. 67–79.
- Никитин М. Кемерово. Город, не отмеченный на карте // Сибирские огни. 1929. № 4. С. 149–164.
- Никитин М. А. Жемчужина Кузбасса. М.-Л.: Глав. ред. горнотопливной лит-ры, 1935. 107, [28] с., 1 вкл. л. портр., ил.
- Никитин М. Кузбасские записи. М.: Сов. писатель, 1953. 192 с.
- Никитин М. Шаги великана. М.: изд-во и 2-я тип. Углетехиздата, 1948. 59 с.
- Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: библиогр. справочник / авт.-сост. А. М. Адаменко [и др.]. Кемерово: Скиф, 2011. 406, [1] с.
- Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинск-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (2). С. 340–353.
- Олех Л. Г. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: изд-во Новосиб. гуманит. ин-та, 1995. 145 с.
- Онищенко В. В. Трудная дорога к правде (о реабилитации жертв политического террора в Кузбассе) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2–4. С. 148–151.
- Орлова С. В. Михайлов Григорий Львович — первый директор Кемеровского педагогического техникума // Архивы Кузбасса. 2004. № 1 (7). С. 80–82.
- Очерки истории партийной организации Кузбасса: В 3 ч. Ч. 1–2. Кемерово: Кн. изд-во, 1973. 335 с.
- Павлов М. А. О выплавке чугуна на минеральном горючем на Урале // Журнал Русского металлургического общества. 1925. № 1. С. 197–228.
- Панькин И. Д. Историк о причинах появления Урало-кузнецкой проблемы в промышленной политике Советского государства весной 1918 г. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4-1. С. 50–54.
- Павлов С. М. Кузбасская голгофа. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 368 с.
- Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Папков С. А. Руководящие кадры Кузнецкого (Щегловского) округа 1925–1930 гг. // Кузбасс — 75: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 2018. С. 75–78.
- Первая городская. Годы испытаний / Муниципальное бюджетное лечебно-профилактическое учреждение «Городская клиническая больница № 1» / Авт.-сост.: Л. И. Фойгт, рук. проекта В. В. Мельников, авт. идеи Л. Д. Багина. Новокузнецк: МБЛПУ «ГКБ № 1», 2015. 124 с. 97 ил.
- Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 79–82.
- Подгорный М. Э. Урало-Кузбасс. 2-я угольно-металлургическая база СССР. М.-Л., Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 119 с., 1 схема, ил.
- Поздин С. В. Формирование и развитие лагерной системы на юге Западной Сибири в 1929–1942 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы IV Всерос. науч. чт. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 230–233.
- Полянская Е. М. Автономная индустриальная колония «Кузбасс» (1921–1927 гг.) // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957. С. 106–136.
- Полянская Е. М. Строительство социалистического города в довоенные пятилетки // Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посв. 350-летию основания Кузнецка / Сибирский металлургический ин-т им. С. Орджоникидзе. Новокузнецк, 1971. С. 100–110.
- Полянская Е. М. Из истории социальной индустриализации Сибири // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 15–32.
- Поплавский К. Л. Развитие химии и химической промышленности Кузбасса: автореф. дис. ... канд. хим. наук. М., 1969. 30 с.
- Право судить. Хроника Кемеровского областного суда. Кемерово, 2003. 206 с.
- Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города / автор-составитель И. И. Казанцева; авторы: П. П. Лизогуб, Е. Н. Крюков, И. И. Казанцева; редактор И. И. Казанцева. Новокузнецк: Кузнецкая книга, 2016. 292 с.
- Просеков А. Ю. Проблемы продовольственных кризисов России и опыт их решения. Кемерово: КемТИПП, 2018. 239 с.
- Прудникова М. О подготовке и проведении выборов в местные Советы Кузбасса в 1939 году (Сборник студенческих работ) // Из истории местных Советов Кузбасса (1937–1958 гг.). Вып. IV. Кемерово, 1969.
- Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 425 с.
- Рассказимов А. А. Арендно-концессионная политика на Беркульском руднике (1923–1926 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Четвертой Всерос. молод. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 169–177.
- Российский Д. М. Николай Яковлевич Новомбергский // Природа. 1950. № 5. С. 85–86.
- Русская православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): Исторические очерки / Ред. кол. В. А. Волчек, А. М. Адаменко, В. А. Овчинников; Кемеровский госуниверситет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 319 с.
- Рухимович М. Л. Перспективы развития каменноугольной промышленности Кузнецкого и Минусинского

- бассейнов в 1933–37 годах // Доклады Кузбассугля второй Всесоюзной топливной конференции. М.; Новосибирск, 1932. С. 3–59.
- Санитарно-гигиенический очерк г. Кемерово: сборник / под ред. проф. В. А. Пулькис. Новосибирск, 1937. 104 с.
- Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921) // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 31–47.
- Сарин Д. П. Миграции трудовых ресурсов в Кузбасс (1921–1923 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 137–141.
- Сарин Д. П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 1. С. 28–34.
- Сенюкова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919–1924 гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 120–145.
- Сергеева Е. Ф. Очерки книжной культуры Кузбасса (XIX–XX вв.). Кемерово: Кем. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. 191 с.
- Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2015. Вып. 3. 258 с.
- Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. акад. РАН В. В. Кулешов. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: изд-во ИЭиОПП, 1999. 295, [1] с.
- Советская архитектура за XXX лет РСФСР: Альбом / под ред. В. А. Шкварикова. Москва: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950
- Соколова В. П. Из летописи Кузбасса: [Памятные даты]. Кемерово: Кн. изд-во, 1960. 121 с.
- Солодов Г. А. Комбинат № 392 в период Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: мат-лы науч. конф. 14 апреля 2000 г. / Ред. кол.: Н. П. Шуранов (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 26–28.
- Сорокин М. Е. Гурьевск. Кемерово: Кн. изд-во, 1996. 271 с.
- Спидченко К. И. Города Кузбасса (экономико-географический очерк). М.: Географгиз, 1947. 147 с.
- СССР на стройке. 1935. № 2 (февраль). Ежемесячный иллюстрированный журнал. Оформление Н. Трошина М ОГИЗ.ИЗОГИЗ 1935г. 32 с., ил., фото.
- Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М., 1949. Т. 11. М., 1949. Т. 12. М., 1949. Т. 13. М.: Гос. изд-во политической лит., 1951. Т. XIV. М., 1997.
- Сталинск: Годы репрессий: По материалам Новокузнецкого городского краеведческого музея / Сост. Л. И. Фойгт. Вып. 1. Новокузнецк: Кузнец. крепость, [1994]. 37, [1] с. Вып. 2: Воспоминания. Письма. Документы. Новокузнецк, 1995. 141 с.
- Стахановцы Ленинского рудника. Ленинск-Кузнецкий: ред. «Ленинск. шахтера», 1936. [24] с.
- Сущенко Е. М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 1998. С. 3–7.
- Сычева В. Е. Очерки истории здравоохранения Кузбасса (1771–1941). Т. 2: дис. ... д-ра мед. наук. Кемерово, 1967.
- Сычева Т. А. Реализация политики всеобщего обучения на территории Кузбасса в 30–50-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 208 с.
- Тепляков А. Г. «Детское дело» в Кузбассе: к подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. мат-лов франко-русского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). Новосибирск: Наука, 2011. С. 141–154.
- Тимошенко В. П. Урало-Кузнецкая проблема в дискуссиях и решениях советского правительства в 1920-е гг. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург: Изд-во АМБ: Институт истории и археологии, 2010. С. 149–180.
- Тихомиров Б. Проблемы роста городов в Кузнецком округе // Жизнь Сибири. 1929. № 2–3. С. 82–95.
- Тогулев В. Возвращение из забвения // Литературный Кузбасс. 1997–1998. № 1–2. С. 148–151.
- Токарь Л. История российского форменного костюма. Советская милиция 1918–1991. СПб.: издательство «ЭКСКЛЮЗИВ», 1995. 188 с.
- Томский технологический институт за 25 лет своего существования (22 октября 1900–1925): юбилейный сборник. Томск: Издание Сибирского технологического института, 1928. 269 с. разд. паг., [47] л. ил., портр., рис.
- Троцкий Л. Д. Вокруг Октября // Силуэты: политические портреты / А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. М.: Политиздат, 1991. С. 56–123.
- Тульчинский К. Н. Золотопромышленность Сибири // Сибирские огни. 1926. № 1–2. С. 164–173.
- Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301, [2] с.
- Уральский государственный технический университет. 1920–1995 гг.: Исторический очерк. Отв. Ред. Б. В. Личман. Екатеринбург: УГТУ, 1995. 352 с.
- Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса (1920–2000 гг.): Справочник. Кемерово: Азия, 2000. 128 с.
- Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. 351 с.
- Усков И. Ю., Иванов К. Ю. Первый врач // Красная горка. Вып. 18. Кемерово, 2017. С. 62–69.
- Федорович И. Урало-Кузнецкая проблема. М.; Л.: Центральное Управление Печати ВСНХ СССР, 1926. 96 с.
- Федорович И. И. Пути развития Кузнецкого бассейна // Кузнецкий бассейн: Сборник статей. М.: Кузбасстрест, 1924. С. 27–88.
- Федорович И. И., Лепешинский В. В., Главацкий А. А. Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. Харьков: Госплан УССР, 1926. VIII, 130 с.

- Феноменов М. Краеведение в советской школе за 15 лет // Советское краеведение. 1932. № 11–12. С. 23–33.
- Филиппов С. Г. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М.: РОССПЭН, 2016. 679 с.
- Халиулин Г. Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда // Разыскания. Вып. 2. Кемерово: Кн. изд-во, 1992. С. 49–55.
- Химпром. Славные традиции и самоотверженный труд! 1938–2008. Кемерово, 2008. б. и. 180 с.
- Хромова Т. Ю. Сельское хозяйство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 230 с.
- Цукров В. А. Роль горняков Донбасса в решении кадровых проблем Кузбасса // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1971 гг.). Вып. IV. Кемерово, 1973. С. 13–24.
- Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 4. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 384 с.
- Чеховских К. А. Из истории народного образования Кузнецкого округа (1925–1927 гг.) // Дорога длиною в три века. Страницы истории образования в Кузбассе. Кемерово, 1999. С. 79–83.
- Чуднов А. Ф., Чуднов И. А. История Кемеровского углеперегонного завода // Кокс и химия. 2001. № 6. С. 38–39.
- Чухно Т. В. Первый музейщик города // Разыскания. Кемерово, 2007. Вып. 7. С. 185–189.
- Шишкин В. И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 3–79.
- Шлепнев Д. Неизвестный руководитель «Кемеровокомбинатстроя». Биография Николая Федоровича Карцева (1883–1937) // Красная горка. Вып. 18. Кемерово, 2017. С. 78–91.
- Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Изд-во ОблИУУ, 2000. 219 с.
- Шуранова Е. Н. «Голод аннулирует наши распоряжения...»: Власть и крестьянство Сибири при переходе к НЭПу // Сибирь. XX век: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 2002. Вып. IV. С. 84–92.
- Юрченков В. А. Региональная историография: российский опыт // Регионоведение. 1993. № 1. С. 96–106.
- Якимова Л. Вчера, сегодня, завтра (к 70-летию М. А. Никитина) // Сибирские огни. 1973. № 4. С. 171–173.
- Ярославский Е. М. О красном бандитизме (Мариинское дело). Томск, 1922. 16 с.
- Ящук Т. Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 171–186.

Оглавление

Вступительное слово	5
ГЛАВА 5.	
МЕСТНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НЭПа	7
§ 1. Политическая борьба в начале 1920-х годов.....	9
§ 2. Становление советских органов власти.....	24
§ 3. Партийная власть на территории Кузбасса в 1920-е годы	42
§ 4. Урало-Кузнецкий проект: на пути к реализации	64
§ 5. Реализация аграрной политики РКП(б) в условиях НЭПа	88
ГЛАВА 6.	
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ	109
§ 1. Угольная промышленность	111
§ 2. Черная металлургия.....	137
§ 3. Химическая промышленность.....	159
§ 4. Цветная металлургия (золотопромышленность и цинковый завод)	174
ГЛАВА 7.	
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОГО СЕКТОРА	189
§ 1. Коллективизация и раскулачивание в конце 1920-х — начале 1930-х годов	191
§ 2. Развитие колхозной системы в годы II и III пятилеток	212
§ 3. Порайонная характеристика состояния сельского хозяйства к концу 1930-х годов	231
ГЛАВА 8.	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	251
§ 1. Урбанизация и органы местного самоуправления.....	253
§ 2. Развитие сети образовательных учреждений	279
§ 3. Развитие медицины и здравоохранения	291
§ 4. Краеведческое движение и музейное строительство в Кузбассе в 1920-х — начале 1940-х годов.....	309
§ 5. Государство и церковь в 1920–1930-е годы.....	319
Заключение	338
Приложения	339
Список сокращений.....	357
Именной указатель.....	358
Источники и литература	368
Архивные источники.....	368
Музейные материалы.....	368
Законодательная и нормативно-правовая документация	369
Делопроизводственная и статистическая документация	369
Периодические издания.....	370
Литература.....	371

Научное издание
История Кузбасса
в трех томах

**Кузнецкий край на переломе эпох
в 1890-х — начале 1940-х годов**

Том 2

Книга 2

Алексей Николаевич Ермолаев, Алексей Юрьевич Карпинец,
Николай Михайлович Морозов, Игорь Юрьевич Усков

Под научной редакцией А. Н. Ермолаева

Подготовка проекта:
Кузбасская медиагруппа
Редактор: Е. В. Фефелова
Корректор: Т. Э. Панибратова

Реализация проекта:
ArtAvis (ИП М. Ю. Филатова)
Редактор: Е. С. Борисова
Корректор: Н. Н. Грибенюк
Дизайн, верстка: А. А. Просекова
Обложка: Д. Н. Залялетдинов, Л. К. Залялетдинова

Формат 60×84 1/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитуры CharterITC, PT Sans, MrPalkerDadson.
Подписано в печать 27.12.2021. Заказ №42
Отпечатано в типографии ООО «ВЕЛКАМ ПРИНТ».
Тираж 600 экз. 47,5 усл. печ. л.